

ТАЙНА ОКТАВРСКОГО ПЕРЕВОРОТА

ЛЕНИН И НЕМЕЦКО-ВОЛЬШЕВИСТСКИЙ ЗАГОВОР

экономическое сотрудничество, а также и другие цели, которые ставил перед собой Ленин в Германии и образцовый для революционной России пример, который он служил нам в пору войны. Мы должны помнить, что Ленин был человеком, который был способен на великие подвиги и беззаветно служил делу революции и освобождения России и всего человечества.

**ТАИНА
ОКТАБРЬСКОГО
ПЕРЕВОРОТА**

**ЛЕНИН
И НЕМЕЦКО-БОЛЬШЕВИСТСКИЙ
ЗАГОВОР**

**ТАЙНА
ОКТЯБРЬСКОГО
ПЕРЕВОРОТА**

**ЛЕНИН
И НЕМЕЦКО-БОЛЬШЕВИСТСКИЙ
ЗАГОВОР**

Документы, статьи, воспоминания

**Издательство
«АЛЕТЕНЯ»
Санкт-Петербурга
2001**

ББК ТЗ(2)711.2
УДК [947+957]«1917»
К 93

К 93 Тайна Октябрьского переворота. Ленин и немецко-большевистский заговор. Документы, статьи, воспоминания: Сборник/Составитель В. И. Кузнецов. — СПб.: Алетейя, 2001. — 406 с.
ISBN 5-89329-403-3

Был ли В. И. Ленин (Ульянов) немецким агентом?.. Финансировала ли кайзеровская Германия партию большевиков, организовавшую Октябрьский переворот?.. Сборник отвечает на эти давние и сложные вопросы. В него вошли *впервые* издающиеся на русском языке документы из германских архивов, секретная немецко-большевистская переписка, фрагменты воспоминаний защитников России и ее врагов. Вы узнаете, как были добыты в Смольном доказательства германо-большевистского заговора, познакомитесь с крупнейшими политическими авантюристами XX века, станете свидетелями следствия по делу о государственной измене «вождя пролетариата», прочтете мемуары русского контрразведчика. Многие материалы этого уникального сборника взяты из спецхранов, вчера еще сверхсекретных архивов, иностранных и белоэмигрантских источников.

Книга спорит о прошлом, ассоциируется с настоящим, заставляет задуматься о будущем.

ISBN 5-89329-403-3

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2001 г.

© Кузнецов В. И., вступительная статья, подготовка текстов, составление и примечания, 2001 г.

ОНИ ПРЕДАЛИ РОССИЮ

5 июля 1917 года петроградская газета «Живое слово» изумила русских читателей корреспонденцией «Ленин, Ганецкий и К° — шпионы!» Об истории этой публикации, Ганецком и его роли в компании с «вождем пролетариата» мы еще расскажем, сейчас же напомним: шла Первая мировая война, немецкие войска стояли недалеко от столицы, где в тот день провалился большевистский путч по захвату власти, ставший военной репетицией Октябрьского переворота. «Живое слово», а вслед за ней и другие газеты печатали многочисленные статьи о политиках-предателях, вызывавших гнев патриотической России¹. Вскоре появилось официальное сообщение «От прокурора Петроградской судебной палаты», обвинявшее Ленина и его сподвижников в подготовке красной Вандеи, государственной измене и сотрудничестве с германским Генеральным штабом. Политический скандал разрастался. В 1918-м — на английском, в 1919-м — на русском, в 1920-м — на немецком и французском языках вышли в свет документированные брошюры о германо-большевистском заговоре, ставшие начальным следственным этапом в невиданном ранее «деле», продолжающим и поныне волновать мир (так называемые «Документы Сиссона»).

Так был ли Владимир Ильич Ленин (Ульянов) немецким агентом и финансировалась ли руководимая им партия не одной сотней миллионов золотых марок?..

Более 80 лет историки решают эту загадку. На Западе появились десятки книг, сотни статей, но до сих пор бушуют страсти вокруг «провокации века», и далеко не все ответы найдены. Настоящий сборник должен помочь выяснению истины. И разговор выходит далеко за рамки детективно-уголовного сюжета: «брал» или «не брал» «самый человечный человек» германские серебряники. В связи с этой темой возникает множество серьезных вопросов: о природе власти и идеалах большевизма, об отечественной войне и революции, патриотизме и интернационализме,

морали и нравственности и границах средств к достижению политической цели и др. Те, кто сводит тему лишь к поискам финансовых улик, намеренно, по глупости или невежеству суживают масштабы проблем давнего прошлого и его последствий, упрощают социально-общественное значение событий, повлиявших на судьбы многих миллионов людей.

В бывшем СССР лишь недавно стали говорить о тайне, за прикосновение к которой люди нередко платили концлагерями и своими жизнями.

На Западе интерес к этой криминально-политической теме сегодня значительно угас, и вопрос о том, на чьи деньги совершался октябрьский трагическо-кошунственный спектакль, уже не стоит.

Историк Б. И. Николаевский в 1962 году сделал вывод: «Теперь факт получения Лениным огромных сумм от немцев <...> доказан с полной несомненностью»². Известная израильская публицистка Дора Штурман уверена: «Это... документально доказанный мировой исторической наукой факт!»³

С тех пор, как в горах Гарца в конце Второй мировой войны в пяти замках американцами были обнаружены тысячи (!) отчетов, писем и телеграмм, раскрывающих закулисные отношения между большевиками и правительством Вильгельма II, между ленинцами и Министерством иностранных дел Германии, историко-политические игры стали бессмысленными, тем более, что на основе найденных архивов появились многочисленные статьи, книги и сборники.

В 1950-е годы часто печатали разоблачительные документы газеты «Vorwärts» (Бонн), «Die Welt» (Гамбург), журналы «Der Monat» (Берлин), «International Affairs» (Лондон)⁴ и другие.

Одним из первых основательно документированных трудов на интересующую нас тему следует считать работу видного историка Георгия Каткова (род. в 1903 году в Москве, в 1921-м — эмигрировал) о политической подоплеке германо-большевистских связей, их финансовом обеспечении (книга «Февральская революция», 1-е издание — 1967 г., 2-е — 1984 г., Париж).

Завесу германо-большевистского заговора приоткрыли работы Д. Баньяна и Г. Фишера⁵, В. Хальвега⁶, А. Мурхеда⁷ и особенно З. Земана⁸ (на последнее исследование в дальнейшем мы ссылаемся, указывая источник и порядковый номер документа).

По некоторым сведениям, документы германского Генерального штаба, которые могли бы окончательно развеять миф об альтруизме фанатиков мировой революции, были сожжены. Не исключено, однако, что эта версия — всего лишь дипломатическая легенда, и она со временем развеется, и отыщутся доказательства, которые в какой уж раз пригвоздят «большевищанов» к позорному столбу. Пример с недавним открытием стокгольмских архивов, подтверждающих использование «красными» в период Первой мировой войны и революции 1917 года по-

сольских информационных каналов, показывает: тайны прошлого не бесконечны (см. по этому поводу еще не изданную по-русски книгу: *Greggen Bengt. Nordisk post. Stocholm, 1989*). На очереди — рассекречивание соответствующих архивов Министерства иностранных дел Великобритании. Они, думаем, непременно дополнят картину германо-большевистского сговора; требуют изучения документы МИДа Франции, бывшей Австро-Венгрии и других государств, официальные представители которых в свое время «по службе» знали секреты своих союзников и противников.

Но вернемся к разоблачениям «Живого слова». Суть их в том, что поводом для обвинения Ленина и К° в скрытых контактах с немцами послужили признания в апреле 1917 года завербованного германской разведкой прапорщика 16-го Сибирского стрелкового полка Дмитрия Спиридоновича Ермоленко, взятого в плен под Варшавой в ноябре 1914 года. Намучившись в лагере для военнопленных в местечке Ханн-Мюнден (об этом рассказано в книге: *Корсак В. Плен. Париж, 1927*), Ермоленко, человек нравственно безупречный, судимый в 1905 году, согласился стать предателем за восемь тысяч рублей ежемесячно. Кроме того, как он сам исповедовался, ему еще весьма щедро обещали приплачивать за диверсионные акты. Кстати, как гласит один из архивных документов, «подрабатывал» он неплохо, успев выслать семью в Хабаровск 50 тысяч рублей.

Но главный интерес к этой сомнительной личности был в том, что вербовавшие его немецкие офицеры Генерального штаба Шадицкий и Люберс (Керенский А. Ф. писал о них — «существование коих было подтверждено»)⁹ в январе 1916 года указали на известных им Ленина и сепаратиста Скоропись-Иолтуховского, ведущих «пропаганду идеи скорейшего заключения мира и отделения Украины от России»; не менее важно, что офицеры русской контрразведки установили пути информации, — как говорил на допросе Ермоленко, «связь мою по шпионажу я должен иметь с находящимся в Стокгольме при германском посольстве неким Свендсоном, с которым имеют дело организации, работающие в России в пользу Германии». Эти-то последние сведения особенно заинтересовали русскую контрразведку, обратившую пристальное внимание на стокгольмский «почтовый ящик» и, благодаря этому, получившую весьма ценные данные. «Выжав» из раскаявшегося предателя все, что он знал, допрашивавший его начальник контрразведки Петроградского военного округа полковник Борис Никитин не счел даже нужным заводить на него уголовное дело (см. в нашем сборнике публикуемую главу «Русская контрразведка в действии» из книги воспоминаний Бориса Никитина «Роковые годы», 1-е издание — Париж, 1937; 2-е — Benson, Vermont, 1987).

Шла жесточайшая в мире война. Россия в содружестве с Антантой мужественно сопротивлялась милитаристскому натиску Германии и союзных с ней государств. В 1914–1917 годах — до большевистского переворота — наши потери убитыми,

умершими от ран и болезней составили 1 миллион 860 тысяч человек¹⁰. Война сделала инвалидами 700 тысяч солдат и офицеров; число русских пленных на разных фронтах достигло более 3 миллионов¹¹. Однако, несмотря на огромные невосполнимые потери, Россия побеждала империю Гогенцоллернов и готова была достойно выйти из мировой бойни. До определенной поры гражданско-патриотические настроения были ведущими на фронте и в тылу; жаль, что сегодня под воздействием восьми десятилетий умолчания и «красной» пропаганды мы очень мало знаем об отваге и мужестве русских офицеров, солдат и матросов (этот долг памяти остается за нами). Даже после словоблудной Февральской революции, приведшей к власти либералов-заговорщиков со главе с А. Ф. Керенским, уверенность в победе России оставалась несомненной. Более того, одухотворенная идеями свободы и демократии, русская армия шла в последние атаки на войска Вильгельма II. Такое положение крайне не устраивало российских участников Циммервальдской, а затем Кинтальской конференций (сентябрь 1915 г., апрель 1916 г.), организовавших во главе с Лениным так называемую «Циммервальдскую левую», объявившую своевременность и законность революционной смуты на своей Родине во время общего военного пожара. Некоторые представители социал-демократии Франции, Германии, Швейцарии, Италии и других государств на словах поддакивали российским интернационалистам, но по сути практически никогда не делали заметных шагов к разжиганию политического безумия в своих отечествах.

Всю свою волю, весь свой практический таран-талант Ленин из своего швейцарского далека направил на разложение русской армии, на превращение войны империалистической в войну гражданскую. В те годы большевистская организация была столь малочисленной и столь скованной полицейской охранкой, что ее, по язвительному выражению одного из писателей, можно было уместить на одной скамье (подразумевалась, очевидно, скамья подсудимых). Трудно сказать, как сложилась бы судьба «ленинской гвардии», если бы она, по словам Василия Розанова, не «угнездилась» на содержании Генерального штаба и МИДа Германии.

Вильгельм II приказал выделить огромные средства на подготовку «назначенной» революции в России, что диктовалось, разумеется, военными планами кайзера, а не его заботой об установлении демократии в неприятельском государстве (всего на «мирную пропаганду» и специальные цели, считает А. Ф. Керенский¹² и вслед за ним историк Юрий Фельштинский¹³, Германия потратила не менее 382 миллионов марок); уже 11 марта 1915 года, подтверждает один из официальных документов, «для ведения революционной пропаганды в России» было выделено 2 миллиона марок (Земан, документ № 4). Примерно с этого же времени немецкие деньги через посредничество банков и агентуры золотым потоком поплыли в партийные кассы большевиков. И если тогда и после 1917 года Ленин и его приспешники полностью отрицали плату за измену, то некоторые их сторонники несколько не стеснялись при-

зваться в этом бесстыдстве, объясняя политическое двурушничество благими намерениями. Об этом, к примеру, открыто говорят тесно связанные с Лениным руководители украинских социалистов–сепаратистов М. Меленевский и Н. Скоропись–Иолтуховский, считавшие «своей патриотической перед собственными народами обязанностью искать помощи у врагов России...»¹⁴. Щедро оплачиваемые обгабренными кровью русских и украинских солдат ассигнациями, те же кайзеровские холопы пишут, что их «Союз освобождения Украины», кроме других средств, «принимал также всякую материальную поддержку от друзей украинского народа, принадлежавших по национальности к врагам России»¹⁵. Украинские «ленинцы» уже в 1915 году активно вели пораженческую пропаганду в германском лагере для военнопленных Раштадт и др., создавая «пятые колонны», приманивая малограмотных и наивных соотечественников различными подачками и дешевыми привлекательными лозунгами. Об упомянутом выше лагере Раштадт писал в 1916 году в ноябрьском номере «Современного мира» близкий к Г. В. Плеханову Иван Киселев, вскрывший изменническую «философию» циммервальдистов; он же предъявил третейскому суду социал–демократов в Цюрихе фотографию, на которой запечатлены пропагандисты предательства¹⁶. Одним из первых, кто нанес ощутимый удар украинским большевикам и высветил их властолюбивые корыстные пораженческие планы, был социал–демократ, тогда еще близкий к Ленину, бывший член Второй Государственной думы Григорий Алексинский, выступивший в 1915 году в журнале «Современный мир» со статьей «О провокации».

Он дал по тому времени свежий и глубокий анализ «Союзу освобождения Украины» как австрийско–германскому уродцу, справедливо видя в нем «точное выражение украинских помещанских австро–империалистических устремлений». Григорий Алексинский в этой статье избавляется от своих недавних политических увлечений, обращаясь к секретным материалам Базельского «социалистического» конгресса 1912 года, рекомендовавшего в предвидении войны «причинять вред России всевозможными способами». Вывод автора статьи о том, что «так называемые украинские социалисты–революционеры» — «суть агенты австрийской гражданской и военной власти», был подтвержден проведенным русской контрразведкой следствием летом 1917 года. Об этом убедительно пишет начальник Генерального штаба генерал Ю. Д. Романовский в своей книге «Украинский сепаратизм и Германия» (Токио, 1920). Он выделяет центральные фигуры в тайных связях кружка сепаратистов с Германией и Австрией — митрополита, графа А. Шептицкого и профессора М. Грушевского. Особенно ценно указание Ю. Д. Романовского на изъятый у арестованного и сосланного в Симбирск А. Шептицкого секретный архив (он был скопирован), подтверждавший, что еще до войны, в 1914 году, в Вене состоялось тайное совещание высокопоставленных австрийских чинов (граф Бертольд и др.) и их украинских «послушников» (в том числе А. Шептицкого), разработавших детальный план окку-

пации Малороссии. Позже спекулировавшие своим соцрадикализмом М. Меленевский, А. Жук, В. Дорошенко, Н. Скоропись–Иолтуховский, М. Зализняк и другие были, по существу, агентами–исполнителями венского заговора. «Тысячи невидимых нитей связывали Берлин с его сознательными и бессознательными агентами в России, — пишет Ю. Д. Романовский. — Нити эти тянулись через дипломатические канцелярии нейтральных стран в Петрограде, через банки и торговые операции, подпольную работу партии большевиков и так далее, словом, касались всех сторон экономической и социальной жизни России». Ю. Д. Романовский рассказывает о многих неизвестных современному читателю фактах, добытых русской военной контрразведкой, например, о перехваченной в июне и августе 1917 года нашей агентурой за границей переписке между председателем швейцарского украинского бюро графом Тышкевичем и одним из видных германофильски настроенных румынских деятелей, между Радой и Берлином и Веной, а также такими опытными германскими шпионами, как Гуммерус и Бордах. Информация, поступавшая в русский Генеральный штаб, была надежной. Так, некий В. Степанковский, личный секретарь графа Тышкевича, был одновременно доверенным лицом графа А. Шептицкого и... агентом российской контрразведки в Швейцарии. Сведения В. Степанковского явились очень важными для разоблачения не только украинских, но и русских изменников, рвавшихся в тогу революционеров. На показания В. Степанковского ссылается в одной из своих книг П. Н. Милюков¹⁷.

Искусственность разжигания с военно–экономическими целями украинских сепаратистских страстей признают даже те, кто их раздувал. Стоявшей у руля немецкой милитаристской машины Макс Гофман, подыгрывавший большевистским лидерам, направлявший их прогерманские действия, но позже осознавший опасность мировой «пролетарской» эпидемии, откровенничал в 1919 году в интервью «Daily Mail» (перепечатано константинопольской газетой «Le Journal d' Orient», 19 июня. № 286): «В действительности Украина — дело моих рук, а вовсе не творение сознательной воли русского народа. Никто другой, как я, создал Украину (сепаратистскую. — В. К.), чтобы иметь возможность заключить мир хотя бы с одной частью России. В это время граф Чернин (австрийский министр иностранных дел. — В. К.) должен был возвратиться в Австрию. Положение двуединой монархии (Австро–Венгрии. — В. К.) было критическое, особенно по продовольствию. Договор с Украиной должен был придать бодрости австрийцам»¹⁸.

Оставим на совести генерала его чисто прусскую самонадеянность — в его разглагольствовании (не единственном на эту тему) есть большая и горькая правда. То же подтверждает и переписка высоких чинов германского МИДа, опубликованная Хальвегом и Земаном. Теперь известно, что организацию украинской «пятой колонны» возглавлял доктор Циммер, направлявший деятельность «Союза» по линии австрийской и германской дипломатических миссий.

Мы подробно остановились на «украинском вопросе» потому, что он тесно переплетен с общероссийской смутой, в которой тон задавали духовно чуждые государству люди, в большинстве своем не знавшие русской жизни, оторванные от нее долголетней эмиграцией, видевшие в народе, как Н. И. Бухарин, только «человеческий материал» для выработки «коммунистического человека» («Экономика переходного периода»). Кстати, «любимцу партии» гонорары за его статью «Война и рабочий класс» и другие угодные германскому Генеральному штабу пропагандистские материалы выплачивались немецкими агентами, одному из которых (Кескюла-Штейн) Н. И. Бухарин в январе 1916 года дал рекомендательное письмо к своей жене в Петроград (Земан, документ № 10).

Соучастники Ленина по развалу России Троцкий, Радек, Воровский, Луначарский, Антонов-Овсеенко и прочие под разными вывесками, но из одного грязного источника, создавали газеты «На чужбине» (Германия), «Голос», «Наше слово» (Париж), «Новый мир» (Нью-Йорк), «Неделя» (Австрия), «Вестник русской революции», «Корреспонденции "Правды"» (Стокгольм) и другие, сеявшие пораженческие настроения в русской армии и в армиях-союзниках, призывавшие солдат к дезертирству, к неповиновению офицерам. Мы уже не говорим о том яде разрушения, который ежедневно источала ленинская «Правда», исправно отработывавшая податки различных крупных банков и кайзеровской казны. 3 декабря 1917 года стат-секретарь фон Кюльман телеграфировал секретарю МИДа при германском Генеральном штабе: «Распад Антанты и последующее возникновение в результате этого выгодных нам политических комбинаций является важнейшей целью нашей дипломатии во время войны. Россия (на мой взгляд) является самым слабым звеном в цепи противника. Задача, следовательно, заключается в том, чтобы еще больше расшатать это звено и, когда представится возможность, вырвать его из цепи. Эта цель лежит в основе всей подрывной деятельности за линией фронта внутри России, а для этого прежде всего необходимо всячески содействовать сепаратистским тенденциям и оказывать поддержку большевикам. Ведь до тех пор, пока они не стали получать от нас по разным каналам и под разными предлогами постоянных субсидий, они не имели возможности создать свой главный печатный орган "Правду", чтобы вести действенную пропаганду и существенно расширить до того времени узкую базу своей партии»¹⁹.

Поразительны совпадения интересов большевиков, кричавших на всех углах о демократии и свободе народа, и их хозяев, планомерно и деловито убивавших и грабивших этот народ. Направлявшие все свои усилия на разложение русской армии «ленинцы» могли гордиться: если до революции в среднем в месяц дезертировали 6300 человек, то после нее — 30 900 — в пять раз больше (данные генерала Н. Н. Головина). Активно способствовавший этому Карл Радек и спустя восемь лет после Октябрьского переворота не смог удержать восторга по поводу военного торжества Гинденбурга: «Великая победа над русскими армиями под Танненбергом!

Россия разгромлена, сотни тысяч русских утонули в мазурских болотах!»²⁰ И далее «революционная» демагогия над трупами солдат, воспевание «молота германской промышленности», преимущества немецкой культуры и тому подобное. Не случайно циничные откровения «Крадека» (такое прозвище студент Собельсон получил за воровство — отсюда возник его партийный псевдоним; Земан, документ № 81) вплоть до недавнего времени прятали в спецхранах — подобных «перлов» большевистской публицистики там еще сокрыто немало.

Удивительно стройно перекликались германская военная тактика и большевистская агитация. Уставших от войны солдат «эсдеки» звали к братанию, игнорируя любую опасную со стороны неприятеля фронтовую угрозу, презирая честь русского оружия, забывая об убитых и раненых²¹.

О драматизме таких картин пишет генерал А. И. Деникин в «Очерках русской смуты».

Трезво и холодно-методично смотрели на «братание» германские военачальники. Показателен в этом отношении «Немецкий документ», опубликованный газетой «День» (1917. 16 ноября. № 209); секретный приказ генерал-майора Крейнбурга (об организации «братания») по 28-й дивизии гласил: «Цель пропаганды — дезорганизация армии противника и получение необходимых о ней сведений». Глава германской разведки полковник В. Николаи, вспоминая о содействии большевиков развалу русской армии, горделиво писал: «Германская разведка получила возможность проникать в русские ряды и там агитировать за мир между Россией и Германией. Германские разведывательные офицеры восторженно принимались войсками и их носили на плечах через окопы и лагерь»²².

Говоря о радетелях за «народное счастье», нельзя забывать, что их пораженческая фразеология в итоге оборачивалась кровью тысяч рабочих и крестьян. «Я не кинталец, не циммервальдист, даже не интернационалист в том узком смысле, какой ныне придается этому слову, — писал по этому поводу В. Г. Короленко, которого никак не упрекнешь в консерватизме. — Защиту родины считаю важнейшей из ближайших задач, а настроение, создаваемое так называемым "большевизмом" в стране и на фронте, могу сравнить разве с прививкой горячечной бациллы к ослабленному народному организму»²³.

Чем иным, как ненавистью к России, можно объяснить удары в спину ее цюрихских и прочих квартирантов? У большинства же западных социалистов хватало чести и здравого смысла не доводить до абсурда свою политическую доктрину. Например, Карл Либкнехт говорил: «Мы нравственно обязаны защищать свою родину, если она подвергается нападению...»²⁴.

Ленинцы, присвоившие себе право говорить от имени революции и демократии, с подозрительным упорством разбрасывали на фронте ядовитые семена отступничества и разлада. Они поджигали отчий дом, чтобы в его дымящемся пламени

можно было легче обмануть и запугать растерявшихся от горя его обитателей. Морального и нравственного права быть ведущей силой народа у большевиков не было — вряд ли экстремистам давали право на это кратковременные тюремные отсидки и, как правило, вполне благополучные ссылки (шушенский пример сытной жизни Ленина — тому свидетельство). Люди же, доказавшие свою готовность умереть за свободу народа, стали «оборонцами» (к примеру, народовольцы и близкие к ним по своим героическим биографиям узники Петропавловки и Шлиссельбурга — Г. Лопатин, В. Фигнер, В. Засулич, Н. Морозов, П. Панкратов и другие). Всю жизнь борющийся с царизмом П. Кропоткин говорил на Государственном совещании в Москве в августе 1917 года: «Позвольте и мне также присоединить мой голос к тем голосам, которые звали весь русский народ раз и навсегда порвать с циммервальдизмом и стать всем дружной семьей на защиту родины и революции (*аплодисменты*). По-моему, родина и революция нераздельны. Родина сделала революцию, и она должна довести ее до конца. Если бы немец победил, последствия этого были бы для нас такие ужасные, что просто больно даже о них говорить» (Единство. 1917, 18 августа. № 118). Месяцем ранее тревожным набатом прозвучало «Воззвание старых революционеров ко всем гражданам России», которое подписали сорок известных борцов за свободу (среди них Г. В. Плеханов, В. Н. Фигнер, М. В. Новорусский и другие). «Смертельная опасность нависла над революцией, над самим существованием России, — заявляли они. — Агитация и заговоры утративших чувство родины партийных изуверов, козни немецких агентов и павшего царизма, разгул амнистированных и бежавших уголовных преступников породили смуту и разруху в тылу, трусость и измену на фронте» (Речь. 1917, 18 июля. № 166). Невозможно себе представить авторов этого воззвания, призывавшего дать отпор большевистским политикам, с протянутыми к кошельку врага руками.

Многочисленные тайные нити германо-большевистского заговора сплетались на двух главных действующих лицах — Ленине и Парвусе. О Ленине отдельный разговор, а вот о второй фигуре пришло время поведать подробнее, ибо без нее, стоявшей в центре чудовищного по трагизму и невиданного в истории октябрьского спектакля, нельзя понять всей его режиссуры.

Читайте в нашем сборнике строго документальный очерк о Гельфанде–Парвусе, торговце отечеством, крупнейшем политическом стервятнике, германском агенте, духовном учителе «вождя пролетариата» и его сообщника Троцкого. Портрет международного авантюриста дополняет его впервые публикуемый на русском языке «Меморандум», циничный диверсионно-политический план разжигания революции в России и ее уничтожения.

Теперь отправимся в исследовательский путь с основным «героем» нашего сборника В. И. Лениным (Ульяновым). И отправимся в легендарном «запломбированном вагоне» из Швейцарии через Германию, Швецию и Финляндию в Россию, в Петро-

град. Такой логико–композиционный переход уместен, так как в этом символическом для истории событии принял активное участие... опять–таки Парвус (он в дальнейшем, как ленинская тень, будет возникать в нашем очерке).

О возвращении Ленина и его интернациональной команды в Россию в апреле 1917 года написано много. В городе Засниц (Германия) сохраняется целехоньким тот самый «запломбированный вагон», в котором немцы, по выражению Уинстона Черчилля, транспортировали большевика № 1, как «чумную бациллу». Сравнение стало символическим и распространенным. Протоиерей Сергей Булгаков писал о Германии, «доставившей в Россию в запломбированном вагоне чумную бациллу большевизма — Ленина...»²⁵.

Начальник штаба Восточного фронта генерал Макс Гофман вспоминал, что «перевозка Ленина через Германию в Петербург» осуществлялась для того, «чтобы еще скорее уничтожить мораль русской армии и отравить ее ядом»²⁶.

О подобной же роли живого груза говорил и генерал Эрих Людендорф.

В советской историографии проезд Ленина всегда подавался не как интервенция, а как отрадное событие всемирно–исторического значения. Гораздый на эффектные пассажи Лев Троцкий даже полагал: «Если бы пломбированный вагон не проехал в марте 1917 года через Германию, если бы Ленин с группой товарищей и, главное, со своим деянием и авторитетом не прибыл в начале апреля в Петроград, то Октябрьской революции — не вообще, как у нас любят калякать, а той революции, которая произошла 25 октября старого стиля, — не было бы на свете...»²⁷.

Существенное добавление к сказанному «демоном революции»: всего немцы для спасения своей армии и организации «хаоса» в России «прислали» более 500 человек (включая меньшевиков и пр., и их детей).

Большинство из них позже стали заметными и рьяными чинами советской власти. («Одолели нас люди заезжие, а своих не пускают домой», — с горечью писал Сергей Есенин). Среди крупных «запломбированных» фигур — И. Арманд, Г. Зиновьев (Апфельбаум), Н. Крупская, Ф. Кон, А. Луначарский, К. Радек, Г. Сокольников (Бриллиант), М. Цхакая и другие. На память приходят разного рода литературные ассоциации, когда в списке встречаешь имена В. С. Окуджавы, И. Д. Мариенгофа (Марингофа), П. И. Лебедева–Полянского, Ш. Л. Авербаха, И. Л. Эренбурга. В одном из вагонов прибыли будущие организаторы убийства Николая II и членов его семьи — Сафаров–Вольдин и Войков–Вайнер.

История транспортировки «вождя пролетариата» и его компании (первая партия эмигрантов) в нашей официальной печати замкнулась на книге (1925) организатора поездки и сопровождавшего группу швейцарского коммуниста Фрица Платтена (1883–1942) «Ленин из эмиграции в Россию. Март 1917» (корявое, полуграмотное название; автор воспоминаний, прожив около 20 лет в России, плохо писал по–русски, предпочитая немецкий). Недавно эти мемуары вышли дополненными и снаб–

женными предисловием и примечаниями одного из тех «научных сотрудников», кто сделал своей профессией одописание Ленину. Характерно, что комментатор обходит полным молчанием давно известные публикации о швейцарско–петроградской большевистской одиссее Б. Элькина²⁸, Р. Ферстера²⁹, С. Мельгунова³⁰ и других, повторяя крайне тенденциозные и фальшивые «мемории» Ганецкого–Фюрстенберга, Радека и прочих.

Личность «услужливого Платтена» (выражение Г. В. Плеханова), сгинувшего в сталинском концлагере (как и его жена Берта Циммерман), во многом остается загадкой.

Увлеченный интернациональной утопией, он, скорее всего, был пешкой в руках большевистских стратегов и их немецких покровителей. Настораживает его беседа 30 апреля 1917 года в Берне с Ромбергом, когда Платтен «докладывал» германскому посланнику об удачном путешествии Ленина и компании и по сути выражал готовность принять денежное «довольствие» за пропаганду сепаратного мира (Земан, документ № 53). Эта беседа имела осязательные финансовые последствия для большевиков. Публикуемая нами работа Г. Каткова убедительно подтверждает успех посредничества Платтена.

Книга последнего представляет собой смесь неосведомленной наивности и агрессивно–романтического фанатизма. Достаточно двух цитат, чтобы в этом убедиться. «Германия никогда не была хорошо информирована по вопросам внешней политики, — пишет Платтен, — особенно же плохо, как мне кажется, была осведомлена в деле поездки Ленина». Теперь мы знаем, какое это глубокое и глупое заблуждение. «Когда руководители Антанты, — заявляет он же, — отправили в Россию Плеханова с сорока его сторонниками (?! — В. К.) на крейсере в сопровождении миноносцев <...> — это вполне гармонировало с политической линией Антанты». В этих словах нет ни грана правды. Приезд Плеханова в Петроград (немного раньше Ленина), в отличие от большевиков, об удобствах пути которых заботился сам Вильгельм II, был сопряжен со смертельным риском. Примерно в то же время, когда Плеханов следовал в Россию, немецкая подводная лодка потопила (31 марта 1917 года) английский пароход «Зара»; погибли бывший шлиссельбургский узник Карпович, социалист Янсон и многие другие политические эмигранты (Единство. 1917, 17 апреля. № 7). Первый русский марксист понимал опасность своего путешествия и готовился к худшему. Л. Г. Дейч в неопубликованных воспоминаниях «Ушедшие» так передает настроение Георгия Валентиновича той поры: «"Я предчувствую, — сказал он, — что мне недолго прожить в России, но нельзя не ехать: старый воин революции должен быть на посту, раз призывают его..." Насколько он сам и жена его находили опасным предстоящий им переезд в Норвегию, может служить отчасти доказательством то, что они оставили у меня прощальные письма — род завещаний, которые я должен был передать их дочерям в случае их гибели» (Дом Г. В. Плеханова, Санкт–Петербург. Ф. 1097, оп. 1, ед. хр. 105, л. 10 об.).

О какой-то военной и прочей поддержке Плеханова со стороны Антанты, о чем пишет Платтен, говорить кощунственно. Известно, в какой бедности и драматическом одиночестве отрезанный в России большевиками от родных и друзей умирал этот социальный мечтатель.

Заблуждения Платтена относительно роли своей персоны в устройстве проезда «запломбированного вагона» сегодня очевидны. Документы, опубликованные Земаном и др., неопровержимо свидетельствуют: подготовку и проведение операции с военно-пропагандистскими целями осуществляли МИД и Генеральный штаб Германии. Немцы спешили: их положение на фронте было неустойчиво; 5 апреля 1917 года Северо-американские Соединенные Штаты объявили о своем союзе с Антантой. «Мы пробовали вести пропаганду и на неприятельском фронте, — вспоминал генерал Людендорф. — На востоке русские сами работали над своим несчастьем...»³¹.

Транспортировка «чумной бациллы» в Россию прямо входила в планы политического отдела главной штаб-квартиры в Берлине. Представитель этого ведомства капитан Хюльзен, говоря о предполагаемом составе отъезжающих, 30 марта 1917 года делился своими соображениями с начальством: «...для Германии желательно включить в этот список членов ленинской партии (большевиков) около 40 человек» — и далее раскрывал свою тактику: «Тот факт, что 20–30 так называемых "революционеров-патриотов" и меньшевиков, выступающих за продолжение войны, также поедут в это время, не очень существенен...» (Земан, документ № 19).

К делу были привлечены надежные агентурные силы (Г. Скларц, А. Кескюла и др.), дипломаты в Берне и Стокгольме, русские изменники.

Громким скандалом обернулось посредничество бывшего председателя Циммервальдской и Кинтальской конференций Роберта Гримма, заранее приезжавшего в Петроград и пойманного с поличным (русская контрразведка перехватила его телеграмму австрийскому министру иностранных дел Гофману). Р. Гримма с позором выпроводили восвояси. Последний факт советские комментаторы пытались представить как недоразумение, но сохранившиеся материалы убеждают в неслучайности зондирования русской почвы. Немецкий агент «социалист» Карл Моор оставил след своего разговора с Р. Гриммом, крепко ругая его за болтливую неосторожность.

Вновь замаячил вездесущий Парвус, от которого Ленин постоянно отрецивлялся, но без которого не обходилась ни одна крупная парт. афера. Луис Фишер уверенно и на основе достоверных архивных данных говорит: «...Парвус пользовался доверием германских властей и убедил их разрешить проезд в Германию через Петроград. Таким образом, идея этой знаменитой и роковой для России поездки принадлежит Парвусу и Брокдорфу-Ранцау». Этой же точки зрения придерживается в своих воспоминаниях и лидер германской социал-демократической партии Филипп Шейдеман.

Советская же историография до последних лет продолжает потчевать нас политграммой по старым сюжетам Платтена, Ганецкого–Фюрстенберга и других ленинских идолопоклонников.

Мы приближаемся к кульминационному моменту маршрута «запломбированного вагона», когда он не менее чем на восемь часов остановился в Стокгольме. Эта шведская остановка красочно расписана в коммунистической литературе: встречи, приветствия, декларации и даже щедрый обед для проголодавшихся пассажиров. И обязательное упоминание о том, как Ленин якобы с возмущением отверг просьбу «социал–шовиниста» Парвуса о встрече с ним — сия отповедь, похожая на заранее разработанное алиби, даже была запотоколирована. Но документы говорят об ином: Парвус деловито и спокойно готовился к переговорам со своими подопечными. 9 апреля, когда поезд находился уже в пути, он дает телеграмму Брокдорфу–Ранцау с сообщением о своем желании видеть некоторых путешественников (Земан, документ № 36). 13 апреля эта крайне важная встреча в Стокгольме состоялась, но только не с Лениным, а с имевшим серьезные полномочия Карлом Радеком (каковы конспираторы!). Протокол разговора, конечно, не велся и о сущности беседы можно только догадываться — речь, очевидно, шла, в первую очередь, о способах передачи на будущее большевикам солидных сумм денег и секретной почты через шведские посольские и иные каналы с помощью Ганецкого–Фюрстенберга. Вояж приближался к заветному концу, они стремились к захвату власти, для чего нужны были громадные средства, ибо рассчитывать на пролетарскую сознательность рабочего класса не приходилось. Парвус все предусмотрел с точностью бухгалтера. Он знал, что германское правительство 3 апреля 1917 года уже выделило на политические цели в России пять миллионов марок (для начала) и требовалось договориться о формах связи. Вся эта история так бы и осталась покрыта мраком, если бы не немецкая педантичность. После беседы с Карлом Радеком Парвус через три дня возвратился в Копенгаген и обо всем доложил Брокдорфу–Ранцау, а тот 17 апреля телеграфировал в МИД (телеграмма сохранилась): «Доктор Гельфанд вернулся сегодня из Стокгольма, где вел переговоры с русскими эмигрантами из Швейцарии» (Земан, документ № 50). Министр иностранных дел Циммерман уже на следующий день, 18 апреля, дал Парвусу секретную аудиенцию. Так открылся тайный ларчик, механизм которого с помощью архивов разгадали Шарлау и Земан в своей книге «Купец революции». Разумеется, это далеко не все перипетии данного политического сюжета и для его углубления нужно еще немало поисков в германских, британских, шведских и других архивах (надеемся, наконец–то откроются полностью фонды КПСС).

Кроме частных конфиденциальных встреч, в Стокгольме состоялось строго секретное совещание германских военных представителей и наиболее заметных фигур большевизма (см. «Немецко–большевистская переписка», документ № 6). Немец–

кая агентурная машина работала безукоризненно. Как только пассажиры «запломбированного вагона» оказались в Петрограде и «вождь пролетариата» произнес свою знаменитую речь на знаменитом броневике, из Генерального штаба в МИД полетела телеграмма: «Въезд Ленина в Россию прошел успешно. Он действует точно так, как нам бы хотелось» (Земан, документ № 51). А хотелось им, прежде всего, развала русской армии, в чем скоро большевики преуспели, — одни по глупости, другие по корысти, третьи по идейно-предательским соображениям. Нещадно клеймились отечественные капиталисты и воздавалась хвала культурному немецкому хозяину. Уже 14 апреля Г. В. Плеханов язвительно заметил в «Единстве»: «После своего заграничного турне Ленин основательно позабыл о германском империализме, но зорко приналег на империализм русский».

Чтобы проститься с «запломбированным вагоном», остается сказать, что Ленина и его товарищей не все встречали так торжественно, как о том позаботился Совет рабочих и солдатских депутатов, состоявший из партийных самозванцев. Вздрогнул весь Петроград, когда по его улицам прошла, может быть, ранее невиданная в истории, драматическая по внешнему виду демонстрация раненых и, как тогда говорили, увечных воинов, потерявших свое здоровье на полях сражений (сохранились фотографии этого шествия). Окопные солдаты и офицеры несли плакаты, говорящие о недоверии приезжим ленинцам, требовавшие убираться из России (осведомленный германский МИД регистрирует цифру участников демонстрации — 50 тысяч человек! — Земан, документ № 54). С протестом в адрес совершивших «заграничное турне» вышла молодежь — тысячи гимназистов и учащихся других учебных заведений. Мужественные защитники Родины, их дети, братья и сестры всем сердцем чувствовали измену. «Эй вы, пассажиры германского казенного поезда, — восклицало "Единство" (1917, № 80), — не мешайте русской армии защищать Россию! Слышите! Не мешайте!»

В газетах тех дней шумели острые политические дискуссии. Борьбу с пораженческим дурманом возглавил Г. В. Плеханов. На многие десятилетия его антиленинские полемические статьи были погребены в советских спецхранах (до сегодняшнего дня некоторые его записи последних месяцев жизни не выдаются исследователям). Неизвестным современному читателю остается полное собрание его статей и речей 1917–1918 годов, собранных в двухтомнике «Год на Родине» (Париж, 1921).

В самом начале мировой войны Плеханов выступил против большевистского, по его слову, «грезо-фарса», утверждая бесспорную мысль: «Россия принадлежит не царю своему, а всему трудящемуся населению. Кому дороги интересы этого населения, тот не может быть равнодушен к судьбам России» («Еще о войне», 1915 г.).

Думаем, Плеханов, благодаря своим международным политическим связям и дружбе с людьми, посвященными в известной мере в причины финансового волшебства большевиков, мог бы принять более энергичное участие в разоблачении их

связей с Берлином. Увы, он остался философом–теоретиком, Ленин же, уступая ему в силе логики, выиграл в утилитарной реальности. Публикуемые в нашей книге показания Плеханова на предварительном следствии по делу о государственной измене Ленина это подтверждают.

«Я спросил Плеханова, как он относится к обвинению Ленина в получении денег от немцев <...> и к приказу Временного правительства об аресте Ленина», — вспоминал известный в прошлом социалист Н. В. Вольский (Валентинов). Собеседник ответил: «...на этот счет ничего определенного не могу сказать. Установить это — дело разведки, следствия, суда. Могу только сказать, что Ленин менее чистоплотен, чем, например, Бланки или Бакунин, заместившие в его голове Маркса. Арестовать Ленина после июльских дней, конечно, было необходимо. Революция дала стране полную свободу слова. Ленин вместо того чтобы добиться своих, на мой взгляд, бредовых идей только словом, хотел их проводить, опираясь на вооруженные банды <...> очень жалею, что наше мягкотелое правительство не сумело арестовать Ленина»³².

Мы далее покажем, что А. Ф. Керенский не очень–то и старался «поймать» своего «низвергателя», а 141 арестованного ленинца выпустил из тюрем накануне Октябрьского переворота (цифра 141 названа в статье «П. Н. Малянтович о деле большевиков» // День. 1917, 21 октября).

Плеханов поплатился за свои заблуждения и отстраненность от прозы конкретной борьбы драмой последнего года жизни и десятилетиями надругательства над своими идеями после смерти.

Далеко не все знают, что 31 октября 1917 года в квартиру Георгия Валентиновича в Царском Селе нагло ворвались с обыском «новые люди», после чего его, тяжело больного, тайно, под видом раненого, отвезли в больницу. Тогда он с запоздалым прозрением писал жене: «Как ты мало знаешь этих людей! Они способны подослать наемного убийцу, а после убийства проливать крокодиловы слезы и объяснять случившееся разбушевавшейся народной стихией»³³. (В случае с Плехановым Ленин вел себя именно таким образом.)

Более решительным и информированным противником пораженцев, можно сказать, личным врагом Ленина был публицист Владимир Львович Бурцев (1862–1942), известный охотник за провокаторами и шпионами. Не обладая плехановским аналитическим талантом, он показал себя неутомимым, хотя и далеко не всегда убедительным по части документов и фактов преследователем большевистского вожака (последнее определение уместно, ибо как же иначе можно называть человека, задолго до 1917 года известного в социал–демократической среде своей причастностью к экспроприациям и партийно–финансовой нечистоплотностью)³⁴.

Статьи–репортажи «бурного Бурцева» темпераментны, проникнуты интуитивным провидением тайного зла, неподдельной болью за судьбу России. И при царе, и при февральских временщиках, и при Советах журналист находился в непримирим-

мой оппозиции к насилию и лжи, изведав тюрьмы, в том числе и английские. «Довольно!», «Расстаньтесь с мертвецами! Привлеките в свои ряды новые здоровые силы!» — призывал «рыцарь без страха и упрека», предупреждая о приходе к власти «людей ничтожных». Особенно впечатляют его статьи «Азеф и Ленин», «Ленин и Малиновский», «Предательство Ленина». Всех их он знал лично, чувствовал их двойную порочную мораль и сделал немало смелых гражданских поступков, чтобы сорвать с них фальшивые маски. «У большевиков совесть — партийная, честь — партийная», — писал он в одной из книг. С ним спорил В. Г. Короленко, по доброте своей защищая некоторых лжесоциалистов (например, Х. Раковского, Р. Гримма), с ним вступали в газетные схватки либералы, «правые» и «левые», к нему снисходительно относились советские казенные историки, но в результате правда оказалась на его стороне. Сыщик-одиночка был прав в своем пророчестве: «...рассказы о злодействах и предательстве Ленина и Троцкого изумят весь мир». Думаем, когда будет внимательно изучен сохранившийся личный архив Бурцева (под разными предлогами собрание его материалов парт. церберами не выдавалось), документальная основа разоблачений русского политического Шерлока Холмса возрастет — ведь в свое время по понятным причинам он не мог назвать источники своей секретной информации и «положить карты на стол». Но и в первоизданном виде бурцевские публикации содержат много ценных замечаний, позволяющих распутать клубок измены. Так, заслуживает тщательной исследовательской экспертизы его указание на факт встречи Ленина в марте 1917 года с секретарем немецкого посольства в Берне Татенбахом («Азеф и Ленин»). Читайте о вероятных контактах Ленина с немецким посольством в Берне в книге Г. А. Алексинского «Du Tzarisme au Communisme» (Paris, 1919). Любопытны свидетельства Бурцева о связях Льва Троцкого с австрийской политической полицией в Вене в феврале 1911 года — назван ряд фамилий («Ленин и Троцкий — австро-германские агенты»). Иногда наш политический следопыт несколько сгущает краски, превращая персонажей своего частного сыскного бюро в заурядных шпионов; порой ему не хватает сдержанности, учета мировоззренческих мотивов их поступков, не обязательно связанных с обогащением, но в искренности и поразительном чутье ему не откажешь. Не забота о благе народа, а беспринципность и аморализм — основные двигатели политической стратегии Ленина. Николай Бердяев в 1905 году (!) связал его имя с образом «великого инквизитора» из поэмы Ивана Карамазова (Полярная звезда. 1905. № 2. С. 146), а Лев Троцкий в 1904 году в работе «Наша тактика» характеризовал своего соперника по марксистским лаврам как мастера накидывать удавку на человека и преспокойно душить его.

Такую мертвую петлю на всех несогласных с ним Ленин попытался набросить 3–5 июля 1917 года в Петрограде. Эти дни вошли в фальшивую советскую историю так называемой мирной демонстрацией рабочих, солдат и матросов. Так и рисуют ее

донины лживые или простодушные стряпчие от КПСС. Собрались—де замученные тяжелой неволей труженики и предъявили проклятым капиталистам законные права. Временное же правительство расстреляло демонстрантов.

На самом деле все обстояло иначе и в акции этой были замешаны немецкие тактики, знавшие, что наступление русской армии запланировано на 5 июля. «Когда теперь я мысленно перекраиваю июльские успехи на апрель или май, — вспоминал с чисто солдафонской прямолинейностью генерал Людендорф, — то я с трудом себе представляю, как бы верховное командование вышло из создавшегося положения» («Мои воспоминания о войне». С. 21). И далее: «Великое наступление Антанты, которое должно было сокрушить нас в начале лета 1917 года, пронеслось, в общий дружный натиск оно не сложилось вследствие русской революции».

Подобные признания можно найти и у других завоевателей. Фельдмаршал Гинденбург писал: «О России нечего много говорить. Мы смотрели на ее внутреннее состояние как на открытую огненную пучину. Быть может, она догорит до конца. Во всяком случае, она повергнута...» (Воспоминания Гинденбурга. Пг., 1922. С. 63).

Для создания благоприятной обстановки на фронте германские военные и политические стратеги с помощью широкой сети агентуры и золотых отчислений в ленинскую кассу организовали мощную пропаганду, перешедшую в июльский большевистский путч. Еще одно тому красноречивое подтверждение: 16 сентября (нового стиля) 1917 года германский государственный секретарь делился с главной штаб-квартирой итогами удачной политической аферы: «Военные операции на Восточном фронте, широко запланированные и проведенные с большим успехом, были поддержаны интенсивной подрывной деятельностью Министерства иностранных дел внутри России <...>. Наша работа дала конкретные результаты. Большевистское движение никогда не смогло бы достичь тех масштабов и того влияния, которое оно имеет сейчас, если бы не наша непрерывная поддержка» (Земан, документ № 71).

О кровавой вакханалии читатель узнает из воспоминаний очевидца этих событий шлиссельбуржца В. Панкратова «Большевистский путч» и из заметок бывшего члена Второй Государственной думы Г. А. Алексинского. Имена двух последних противников Ленина заслуживают нашего особого признания. В самые напряженные часы большевистской авантюры они поставили свои подписи под разоблачительной информацией в «Живом слове», раскрыв глаза обманутым петроградским солдатам и запуганным обывателям. Живое слово правды повернуло ход событий, привело в смятение многих наемных заговорщиков, не подозревавших, из какой кассы оплачивался их анархический разгул (когда в городе стало спокойно, некоторые петроградские газеты сообщили об аресте концентрировавшихся в Петропавловской крепости «революционеров», в чьих карманах обнаруживали от 350 до 1000 рублей).

Письмо-разоблачение в «Живом слове» вызвало мгновенную бурю в кабинетах Зимнего дворца. Прикрываясь благовидными надуманными предложениями, министры-масоны Некрасов и Терещенко потребовали немедленной отставки министра юстиции Переверзева, передавшего для печати разоблачительные секретные материалы. Первый страж закона был изгнан из правительства, что вызвало понятные недоумения общественности, заподозрившей заигрывание правительственных либералов с большевиками в Совете и во дворце Кшесинской. Не будем забывать: полыхала война и уступки левым пораженцам были уступками врагу. Это о таких блудливых политиках Г. А. Алексинский однажды писал Г. В. Плеханову: «...иной читатель может подумать, что мы — прелюбодеи социализма, а литературные проституты Троцкие — "честные девушки"» (Дом Г. В. Плеханова. Ф. 1093, № 1273, ед. хр. В. 17. 5).

О некоторых деталях подготовки восстания сообщает бывший начальник контрразведки штаба Петроградского военного округа полковник Борис Владимирович Никитин в книге «Роковые годы». Особенно любопытен его рассказ о слежке за бывшим сотрудником компании «Зингер» некоем Степине, нанимателе разного отребья для участия в мятеже. Этот юркий «ловец душ» часто навещался во дворец Кшесинской, служивший ленинцам штабом переворота. Никитину можно верить: он честно охранял показавшуюся ему истинно справедливой демократическую власть; правда, скоро глубоко в ней разочаровался, примкнув к белому движению (вплоть до начала 1919 года служил старшим адъютантом в штабе кавказской Дикой дивизии).

Мемуары Никитина ценны взглядом внутрь сатанинского механизма провокаций, спустя годы преподнесенных в качестве доблестей. Трагикомически колоритны некоторые выведенные им типы из серии «краса и гордость революции», в частности, анархист Аснин, дружок матроса Анатолия Железнякова, вошедшего в историю разгона Учредительного собрания знаменитой фразой «Караул устал!» При аресте в притоне анархистов Аснин был убит и о нем проливали крокодиловы слезы Троцкий, Луначарский, Каменев, Горький.

Чуть позже все они оконфузились: жертва «контры» оказалась вором и убийцей, вчерашним каторжником, что подтверждала и богатая непристойная татуировка на теле покойного. Вот такие-то «демонстранты» и являлись главными заправилами путча, жертвами которого стали более 700 человек (называют и другое количество пострадавших, подробнее см. в Примечаниях). «По июльским трупам, по лужам красной крови вступает завоеватель Ленин...» — писал Леонид Андреев в эссе «Veni, Creator!»*

Тем, кто намерен обвинить нас в сгущении фактов и их предвзятой трактовке, рекомендуем обратиться в Государственный (городской) исторический архив в Санкт-Петербурге (ф. 1695). Здесь хранятся многотомные материалы следственной комиссии и протоколы опросов участников вооруженного мятежа 3–5 июля 1917 года,

* «Гряди, победитель!» (лат.)

не оставляющие сомнений в инспирированности восстания (кстати, здесь же маловеры могут прочитать обширный список немецких шпионов, многие из которых были причастны к путчу).

В недрах секретных хранилищ более 80 лет находились «под арестом» три специальных июльских выпуска еженедельника «Без лишних слов» (редакторы Г. А. Алексинский и Л. М. Добронравов). Они целиком были посвящены причинам и последствиям учиненной бойни и ее вдохновителю Ленину: «Распластанная, оплеванная, лежит наша бедная революционная Россия с перебитым хребтом, — читаем во 2-м номере (19 июля) газеты, — в пыли, на пути торжествующего завоевателя». Согласно мнению редакции, Временное правительство, уклонявшееся по сути от подавления разгулявшейся матросни, является «червеобразным отростком» самозванного Исполнительного Комитета рабочих и солдатских депутатов. Упомянуты и толстосумы, «дрожащие над своими сундуками». «Но больше всех, — считают авторы, — виноваты ленинцы и прежде всего их вожди. Под их знамена собралось все худшее, все враждебное России».

«Без лишних слов» напечатали в двух выпусках 66 телеграмм, перехваченных или добытых иным путем русской контрразведкой, которыми обменивались известные большевики и из которых (конечно, замаскированных) видна вся долго ткавшаяся паутина заговора.

Волнующе звучат в той же газете обращенные к патриотам России строки стихотворения Ивана Бунина, проникнутые эпическим презрением к хриstopродавцам:

Их Господь истребил за измену несчастной отчизне,
Он костями их тел, черепами усеял поля.
Воскресил их пророк — он просил им у Господа жизни.
Но позора земли никогда не прощает Земля.

Кроме Ленина и других организаторов июльского мятежа, известных нам по учебникам истории КПСС, наибольшую ярость петроградцев вызвали непосредственные исполнители воли большевистского центра — присяжный поверенный Мечислав Козловский, «социалист» Соломон (Семен) Рошаль и марксист-теоретик Юрий Нахамкис (Стеклов). Их имена вы часто встретите в нашем сборнике с непривычными для советского сознания характеристиками.

Когда Петроград успокоился, были арестованы и отправлены в тюрьму 28 главарей-большевиков и более сотни их сподвижников. Среди них В. Бонч-Бруевич, А. Коллонтай, А. Луначарский, М. Козловский, Ю. Нахамкис (Стеклов), Ф. Раскольников, Е. Суменсон. Лев Троцкий был заключен под стражу последним (ниже станет ясно почему). Ленин и Зиновьев 7 июля бежали и притаились в позже ставшим легендарным шалаше в Разливе (по ряду свидетельств, Владимира Ильича предупредил об аресте главный прокурор Петроградского апелляционного суда Н. С. Каринский).

Советские историки—адвокаты Ленина пролили море чернил, чтобы доказать его непричастность к немецким деньгам и тайным сношениям с кайзеровским правительством. На раннем этапе развития этой темы отвергались, как контрреволюционные, любые попытки прикоснуться к соответствующим материалам, даже малейшее знание фактов строго каралось. Первым был расстрелян в июне 1918 года бывший царский флотовец Алексей Михайлович Щастный, спасший 236 кораблей Балтийского флота. У него оказалась (очевидно, случайно) подлинная переписка руководителей германской разведки с красными комиссарами. За закрытыми дверями Ревтрибунала «свидетель» Лев Троцкий настоял на смертной казни за то, что у Щастного было найдено «обращение мифического оперативного немецкого штаба к товарищу Ленину»³⁵.

Об этом же, но с других позиций, пишет журналист Е. П. Семенов-Коган, с риском для жизни достававший в Смольном секретную немецко-большевистскую документацию (см. в нашем сборнике статью «Белые разведчики в Смольном»).

Возможный арест и суд над недавним главным пассажиром «запломбированного вагона» забеспокоил видных немецких деятелей с дипломатическими паспортами. Помощник статс-секретаря Буше (Бусше) 17 августа 1917 года успокаивал посланника в Копенгагене (там было свито агентурно-шпионское гнездо): «Подозрение, что Ленин — германский агент, было энергично опровергнуто в Швейцарии и Швеции по нашему наущению. Поэтому все следы рапортов по этому вопросу, предположительно сделанных германскими офицерами, были тоже уничтожены» (Земан, документ № 69). Если представить, что известный социалист-демократ действительно ни в чем не запятнал себя, открыто провозглашая свои интернациональные идеи, то не совсем понятно это лихорадочное уничтожение «следов рапортов», эта трогательная забота о чести имени российского подданного. Через пять дней заместитель статс-секретаря Вухерпфениг телеграфировал из Копенгагена: «Лейтис отправляется в Петроград через несколько дней как курьер русской миссии здесь. Он везет также материалы судебного расследования для суда над Лениным» (Земан, документ № 70). Осведомленность поразительная! Оперативность исключительная! Курьеры скачут в русскую столицу, чтобы оградить приглянувшегося им большевика от возможных неприятностей. В том же документе срочные сообщения об агентах, курсирующих маршрутом Копенгаген—Петроград и обратно. Согласитесь, только приведенных сообщений достаточно, чтобы задуматься о тайнах Берлинского двора.

Теперь посмотрим на дело с другой стороны. Удивительное совпадение: 17 августа 1917 года, в тот же день, когда вышеупомянутый Буше сообщил в Копенгаген о предусмотренных мерах в защиту Ленина, соучастник его политических махинаций Карл Радек (он упоминается в телеграмме Вухерпфенига) пишет из Копенгагена письмо (сохранился оригинал по-немецки!) Парвусу, где выражает озабоченность сложившейся тревожной ситуацией³⁶.

Кто-то старательно перевел на немецкий язык около 20 обширных статей о «деле Ленина» в столичных июльских газетах (они хранятся в бывшем Центральном партийном архиве). Уж не ими ли пользовались немецкие дипломаты-адвокаты ленинизма?

Парвус в курсе всех перипетий петроградского следствия. Заметим: Парвус, широкоещательно отвергнутый Лениным и другими в заявлении для печати в Стокгольме, когда там находился по пути в Петроград «запломбированный вагон». Чем ближе суд над арестованными ленинцами, тем большую активность проявляют их немецкие и околонемецкие друзья. Среди прочих и Ганецкий-Фюрстенберг — «надежный, умный парень», по определению Ленина. «Парень» этот ни много, ни мало возглавлял заграничное Бюро ЦК РСДРП(б) в шведской столице, что в переводе с партийного языка на человеческий означает руководство всей сетью большевистской пропаганды и агентуры за пределами России.

6 октября 1917 года «Куба» (парт. кличка Ганецкого-Фюрстенберга) информирует «опального» Парвуса: «Процесс против Козловского, Суменсон и других, по моему, безусловно состоится. Весьма поэтому важно собирать оправдательный материал» — и далее ополчается «против этих хулиганов»³⁷, что опять-таки в переводе на русский язык означает всех, кто пытался снять с большевистских погромщиков иудины маски. 16 октября Ганецкий-Фюрстенберг вновь докладывает своему компаньону-благодетелю: «У нас ничего нового, ничего хорошего. Разнервничались донельзя. Суменсон из-за болезни, "угрожающей жизни", освободили под залог. Как сообщают газеты, следствие кончено, и процесс скоро состоится. А это значит, что захотят во что бы то ни стало засудить Козловского. Что намерения у них серьезные, доказывает и "Речь" от 12 октября н[астоящего] г[ода]». Прочитанные письма Ганецкого-Фюрстенберга к Парвусу хранятся в копиях, но, мы полагаем, в том же архиве вполне возможно найти и оригиналы. Достоверность писем не подлежит сомнению, так как их стилистика, фактология и т. д. соответствуют другим подлинникам и иным родственным оригиналам.

Самое интересное в этих посланиях то, что автор среди более сотни подследственных выделяет двух человек — Козловского и Суменсон. Из воспоминаний контрразведчика Бориса Никитина и других источников известно: именно эти двое служили Ленину «почтовыми ящиками», из которых деньги поступали во дворец Кшесинской.

Коль речь зашла о деньгах, пора, наконец, провести хотя бы предварительную «ревизию» (до окончательной еще далеко) большевистской кассы. Парт. взносы не будем считать, а прикинем немецкую «дотацию», полученную ленинцами для осуществления плана убийства противников и грабежа России. Пожалуй, первым исследование такого рода провел в июле 1917 года лондонский корреспондент газеты «Times» в Стокгольме. Он опирался на полученные конфиденциальным путем дан-

ные банка «Disconto Gesellschaft» (Копенгаген) и «Nia-Banken» (Стокгольм)³⁸. «Тщательное изучение немецких архивов, — пишет он, — вероятно, приведет к переосмыслению, к переписке заново истории русской революции». И затем: «Предлагаемые документы раз и навсегда должны положить конец легенде, что большевистская партия строго придерживалась принципов революционной этики...».

Авторитетные западные и отечественные историки на основе только документов указывают, что предательство России «домашними гуннами» стоило германской казне по самым скромным подсчетам до 100 и более миллионов рейхсмарок. Приведем здесь избранную статистику из анналов немецких архивов.

Январь 1916 года: Парвус отправил для подрывной деятельности в Петроград 1 миллион марок и запросил 20 миллионов. Апрель 1917 года: германский МИД выделяет очередные 5 миллионов. Май–октябрь 1917 года: огромные суммы отчислений не поддаются строгому учету, но документы это подтверждают (см. Земан, документ № 71 и другие). Ноябрь 17–го: ассигнуется 15 миллионов. Июнь 1918–го: Министерство финансов про просьбе МИДа отпускает на «известные цели» 40 миллионов. Подчеркиваем: это лишь выборочные цифры, основанные на признаниях немецкой стороны, в чем легко убедиться из наших публикаций Сиссона, Семенова, Земана.

Следует знать, большевики были холопами не только Вильгельма II, но и раскинутого по всему миру ростовщического интернационала во главе с председателем Нью-Йоркского банка «Kuhn, Loeb and Co» Яковом Шиффом, одним из самых патологических русофобов, финансировавшим смуту 1905 году, предоставлявшим кредиты для военных целей Японии, рьяно содействовавшим ослаблению мощи России. Об этом могущественном тузе в последние годы мелькали статьи в нашей печати. Из них наиболее впечатляюща работа известного югославского журналиста–международника Драгоша Калаича, появившаяся в декабря 1990 года в журнале «Даугава» и перепечатанная «Литературной Россией» (1991. № 6). «Значительная часть документов о финансовой помощи, которую международная сеть банков предоставила большевикам, — пишет Калаич, — находится в числе Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, опубликованных американской администрацией (Т. 1. Washington, 1931. P. 312–326). Среди большевиков, принимавших участие в документированных транзакциях, — продолжает югославский исследователь, — самой заметной является фигура Льва Троцкого, то есть Лейбы Бронштейна <...> Так, в письме Якова Фюрстенберга, адресованном Рафаэлю Шолану, сообщается, что банк Варбурга «открыл кредит для товарища Троцкого» и что есть «одно лицо, уполномоченное взять деньги, предназначенные товарищу Троцкому». Тот же Фюрстенберг сообщает господину Антонову[–Овсенко] в письме от 2 октября 1917 года, что «требование товарища Троцкого выполнено» и что «400000 крон выдано товарищу Соне»».³⁹

Вышеупомянутый банк Варбурга был связан с Яковом Шиффом и его компанией деловыми, национальными, семейными узами. Инвестиции этих двух крупнейших финансовых спрутов в кровавую жатву октября 1917 года обернулись невиданными ранее прибылями. «По свидетельству внука Якова Шиффа, — пишет знакомый с первоисточниками Д. Калаич, — его дедушка вложил в большевистскую революцию всего двадцать миллионов золотых долларов. В период с 1918 по 1922 год, по тому же свидетельству, Ленин вернул банку "Kuhn, Loeb and Co" 600 миллионов золотых рублей по официальному курсу».

Вернемся к германскому сюжету. Оправдывать получение «пламенными революционерами» колоссальных немецких и других сумм могут только фарисеи или слепые, и у них остается единственный довод: да, был грех, но во имя высокой советской цели. (Как тут не вспомнить булгаковского домоуправа Никанора Босого: «Брал, но брал нашими, советскими... Подбросили враги».) Все это аморальная казуистика, одобренная интернационалистской демагогией. Во-первых, потому, что на банковских зарубежных счетах у многих будущих красных диктаторов лежали внушительные средства (есть данные, что, например, Зиновьев оформлял деньги через небезызвестного ростовщика и дельца Д. Рубинштейна, Луначарский — через контр-адмирала В. Альтфатера и М. Варбурга); во-вторых, власть в руках политических мошенников уже само по себе богатство; в-третьих — и это главное — говорить сегодня о какой-то благородной цели большевиков (если вообще о ней можно говорить) кощунственно перед памятью миллионов ими убитых, замученных голодом, ютившихся по западным и восточным эмигрантским углам. Разговор же о том, что-де идеал прекрасен, но исполнители — супостаты — набившая оскомину схоластика.

Теперь вновь неизбежный вопрос: есть ли доказательства, что Ленин знал о рейхсмарках для «диктатуры пролетариата» и сам лично их получал? Как известно, все обвинения он публично отрицал, не желая прислушиваться, по его словам, к «яроственному лаю оборонцев и буржуазии», называл разоблачительную кампанию «русской дрейфусиадой» и т. п. — атакующий безапелляционный тон его полемики с обязательным набором слов-муляжей всем знаком.

Сама постановка первой части нашего вопроса в свете опубликованных документов явно запоздала. О германских деньгах для своей партии он не только знал, но и всячески их «выбивал». В статьях-отповедах, посвященных «непричастности» большевиков к торговой темной компании Ганецкого-Фюрстенберга, он прямо-таки кипел лицемерным гневом. Артист революционного балагана! Ганецкий-Фюрстенберг, «свой человек» у Парвуса, регулярно под видом коммерческих денег слал через подставных лиц в Петроград бешеные суммы, а Владимир Ильич мастерски разыгрывал оскорбленную невинность. Уличить его во вранье есть много способов. Шарлау и Земан, авторы книги «Купец революции», передают рассказ сотрудника австро-венгерского посольства в Стокгольме Гребинга: «Парвус получал из Герма-

нии некоторые товары, хирургические инструменты, медикаменты и химические товары, в которых Россия очень нуждалась, а потом Ганецкий, как русский агент, отправлял их в Россию. Но за эти товары они Германии ничего не платили, все вырученные ими деньги от продажи германских товаров — с первого же дня революции в России — были использованы, главным образом, для финансирования ленинской пропаганды в России».

Учтем, наши современные знания на вчера еще запретную тему — на начальном этапе и впереди, не сомневаемся, еще более неожиданные сюрпризы.

В узком кругу друзей и даже оппонентов Ленин после 1917 года не считал нужным скрывать финансовый ларчик своей победы. По воспоминаниям лично знакомого с ним советского деятеля Г. А. Соломона (Е. В. Гешина), Ленин, посмеиваясь, говорил: «Дело не в России, на нее, господа хорошие, мне наплевать, — это только этап, через который мы проходим к мировой революции!»⁴⁰ Эдгар Сиссон, американский журналист, разведчик «под крышей» заместителя председателя Комитета общественной информации, посещавший Смольный и встречавшийся с Лениным, передает подобную тираду главы Совнаркома в своей книге «Сто красных дней. Персональная хроника большевистской революции» (1931), давно ждущей перевода на русский язык⁴¹.

Интернационалистские спекуляции Ленина, пропагандируемые платными профессиональными лжецами и добровольцами-швондерами в качестве идеи мировой пролетарской революции, развертывались и на официальных большевистских собраниях. Свидетельства тому мы находим у разных мемуаристов и историков. Генерал А. И. Спиридович, человек весьма сведущий, рассказывает, что в двадцатых числах октября 1918 года на одном из заседаний ЦИК Ленин произнес свою бесстыдно-сакраментальную фразу: «Меня часто обвиняют в том, что я нашу революцию произвел на немецкие деньги; я этого не оспаривал и не оспариваю, но зато на русские деньги я сделаю такую же революцию в Германии» (*Ульянов-Ленин В. И.* Цит. по памяти)⁴². Эта тирада совпадает с той, которую запомнил и Эдгар Сиссон. Подлинной стенограммы того заседания в бывшем Центральном партийном архиве нам обнаружить не удалось, — впрочем, если бы она и нашлась, с ней обязательно бы уже «поработали» сотрудники бывшего Института марксизма-ленинизма — примеров их фальсификаций и утаивания документов сколько угодно.

В бывшем Центральном парт. архиве более 80 лет за семью замками прятались от «клеветников» «Сводка российской контрразведки, составленная из циркуляров Генерального штаба и Министерства иностранных дел России», где содержится информация о перечислении в Кронштадт на имя Ленина денег из банка «Disconto-Gesellschaft» (6 листов, датированных 2 октября 1917 года). Знакомство с этой сводкой окончательно лишает Ленина почти мистического ореола неуловимого конспиратора. Компетентный историк В. Ф. Иванов в 1934 г. обнаружил следующий любопытный документ:

«Копенгаген, 18 июля 1917 года.

Господину Рупфнеру, Гельсингфорс.

Милостивый государь!

Настоящим предупреждаем Вас, что со счета Дисконто-Гезельшафт переведено по приказу синдиката на счет г. Ленина в Кронштадт 315000 марок. Просим получение подтвердить.

Нилендевей, 98, Копенгаген.
В. Ганзен и К⁰. Свенсен»⁴³.

Верность последней информации документально подтверждает немецкий журнал «Штерн» (1993. № 11). Таким образом, уже в который раз с Ленина снята личина альтруиста-бессребреника.

Все эти материалы помогают распутать клубок тайны, образовавшейся вокруг кронштадских переговоров представителей германской разведки и видных большевистских деятелей в марте-апреле-июле 1917 года (см. «Немецко-большевистская переписка», документ № 28 и др.).

Неприглядный портрет «вождя» дополняет побывавшее у нас в руках досье «Lenin» (1922–1924), в свое время изъятое по просьбе советских властителей из архивного фонда имперского комиссара по надзору за общественным порядком в Германии. Знакомы нам (бывш. Центр. парт. архив) и «Сведения французской службы контрразведки о жизни и деятельности Ленина и его пребывании за границей» (1917–1924). Имеющиеся в этом «деле» 57 листов не оставляют сомнений в предательстве нашим «героем» интересов так нелюбимого им отечества. Небезызвестный Сидней Рейли однажды писал В. Л. Бурцеву, что в 1918 году, когда он был в России, у него имелись веские доказательства о сотрудничестве большевиков с немцами. «Все эти доказательства, — подтверждает Рейли, — тогда были переданы в английские и французские министерства иностранных дел»⁴⁴. Так что неожиданных сюжетов впереди еще немало. Никто еще даже не упоминал о материалах русской контрразведки Главного управления Генерального штаба, в которых собраны перлюстрации писем и телеграмм Ленина за май—октябрь 1917 года. На наш взгляд, указанных документов вполне достаточно, чтобы снять «хрестоматийный» глянec с «Ильича» и, может быть, даже завершить затянувшуюся историю его нравственного и гражданского падения.

Еще недавно автографы Ленина очень высоко ценились в советских и международных коммунистических кругах. В феврале 1992 года было объявлено об издании 6–7-томного сборника не публиковавшихся ранее материалов, связанных с его деятельностью (в собрание обещали включить несколько тысяч новых документов), но «Неизвестный Ленин» почему-то так и не вышел (необольшевики постарались). Жаль. В несостоявшуюся антологию измены могли бы войти многие потаенные стра-

ницы. К примеру, документ № 10 от 18 января 1916 года (Земан), где эстонец Александр Кескула, подвизавшийся в качестве социалиста и заодно немецкого агента в Швейцарии и Скандинавии, сообщает, как он вторично уплатил Ленину (разумеется, из «известного источника») за «2-ю брошюру ЦК РСДРП» (первую выплату гонорара кто-то из знакомых Владимира Ильича присвоил себе). Кескула возмущается низким моральным уровнем российских демократов: «Даже революцию нужно вбивать в этих русских полицейской дубинкой».

Пополнила бы многотомник и архивная справка о том, что Ленин в самом начале мировой войны получил от «Союза освобождения Украины» 5 тысяч долларов на возобновление газеты «Социал-демократ», — кстати, тот же Кескула организовывал ее допечатавание и распространение через германский Морской штаб. Согласитесь, весьма странная пропаганда передовых идей в России.

Полезен был бы и новый комментарий к письмам Ленина от 21 апреля и 12 июля 1917 года к Ганецкому-Фюрстенбергу и Радеку; в них он беспокоится за какие-то «пакеты» и сообщает о получении от Мечислава Козловского 2 тысяч рублей. Ученые-марксисты с 1923 года объясняют поступление этих и других денег из сумм ЦК РСДРП(б), «оставшихся за границей»⁴⁵. Это, мягко говоря, выдумки.

Деньги в столицу передавались по преступной цепочке: Парвус — Ганецкий — Суменсон — Козловский — Ленин. Цепочку эту проследили в русской контрразведке, и при попытке связной Ленина, госпожи Стецкевич, передать вышеупомянутые письма в городке Торнео, под Петроградом, по назначению, арестовали ее (об этом вы прочтете у Бориса Никитина). Между прочим, до сих пор неизвестная деталь: «почтальонку» задержали подпоручик Кламен и старший лейтенант князь Белосельский-Белозерский (отпрыск известной дворянской фамилии)⁴⁶. В перехваченной по этому вопросу телеграмме А. Коллонтай упоминает «Володю» и просит М. Козловского поднять шумиху (надо думать, «правозащитную») вокруг ареста неосторожной дамочки.

Внимательный анализ перехваченных с помощью французской контрразведки большевистских «коммерческих» телеграмм помогает уточнить масштабы ленинско-маккиавеллиевского предприятия, контакты заговорщиков. Остановимся на их отношениях подробнее.

Одна из главных фигур немецко-большевистского сговора — Яков Станиславович Ганецкий-Фюрстенберг (1879–1937) — «темная лошадка» Октябрьской революции, директор парвусовской конторы в Стокгольме. Выходец из богатой польской семьи, он рано примкнул к движению, которое принято называть социалистическим. «Понемногу» учился в Берлинском, Гейдельбергском, Парижском университетах⁴⁷. На V съезде РСДРП в Лондоне был избран в Центральный комитет, что не мешало ему торговать противозачаточными средствами и другим доходным товаром. В Копенгагене в январе 1917 года попался на крупных мошеннических операциях, но

Парвус его защитил от тюрьмы. Позже, помня услуги Ганецкого, Ленин спасал его от подозрения некоторых щепетильных соратников по партии (в протоколах заседаний ЦК РСДРП(б) сентября—ноября 1917 года на эту тему заметны серьезные изъятия)⁴⁸. И такая заботливость о репутации одного из главных «снабженцев» большевиков понятна.

Упомянутые выше телеграммы, где часто фигурирует имя ленинского казначея, не оставляют ни малейших сомнений в их финансово-партийной дружбе. Есть веские основания говорить и о знании Лениным подлинных источников поступления денег. Одним из важных доказательств сотрудничества Ганецкого с кайзеровским правительством является обнаруженная в архиве телеграмма «Кубы» (кличка Ганецкого) в Берн дипломатическим шифром МИД Германии!⁴⁹ Многочисленные свидетельства современников также удостоверяют его продажную натуру. Добавим, крайне осмотрительную и мстительную. Петроградский купец Зельман Бурштейн, вспоминая о своей встрече с Ганецким в Копенгагене в августе 1916 года, цитирует его угрозу: «Я хочу свести с вами счеты и сведу их. Имейте в виду, что мы знаем о вашем доносе Белецкому (директору Департамента полиции. — В. К.) под видом частного письма какому-то журналисту»⁵⁰ (речь в письме—«доносе» шла о торговой контрабанде «Кубы»). Интересно было бы проследить судьбу Бурштейна — Ганецкий шутить не умел (на фотографиях он выглядит уголовной личностью). Его невестка, Романа Фюрстенберг, характеризовала родственника: «...человек очень молчаливый, скрытый...»⁵¹.

Ленин таких сподвижников ценил. После возвращения Ганецкого в Россию он назначил его заместителем председателя Госбанка и членом коллегии Наркоминдела и Наркомвнешторга. В 1920—1921 годах бывший парвусовский компаньон был послом в Латвии, где организовывал «пролетарскую борьбу», попутно сказочно обогащаясь на чем угодно (на крупных подношениях возвращавшихся из Америки на родину русских эмигрантов, на незаконных торговых сделках и т. д.). Громко кутил в рижских ресторанах в компании с Ларисой Рейснер и Адольфом Иоффе, приводя в смущение местных полицейских. Об этом можно прочитать в воспоминаниях Н. Бережанского⁵².

Здесь уместно сказать о «товарке» Ганецкого — Евгении Суменсон (урожд. Рундо), имя которой непременно фигурирует в июльских петроградских событиях 1917 года. Имя малоприметное, но ключевое в распутывании хитрых нитей финансового большевистского клубка. Когда-то она жила в Варшаве, потом очутилась в российской северной столице. Не беремся судить о ее образе жизни; знакомый уже нам Б. Никитин определяет ее как «демимонденку» (*фр.* demi-monde — полусвет), проще говоря, развратницу. Если судить по тому, как мгновенно установил с ней близкое знакомство (очевидно, на «романтической почве») сотрудник русской контрразведки, в нелестную аттестацию этой женщины можно поверить.

Суменсон представляла в Петрограде липовую посредническую торговую контору стокгольмской фирмы Ганецкого. Ее выследили и арестовали, причем при обстоятельствах драматических. Главнокомандующий войсками Петроградского военного округа генерал П. А. Половцев (в написании фамилии встречаются разночтения; иногда — «Половцов»), руководивший арестом лжекоммерсантки, вспоминал: «...однажды поздно ночью мне докладывают, что конноартиллеристы арестовали в Павловске знаменитую Суменсон <...>. Выхожу к ним и вижу уныло сидящую в углу г-жу Суменсон в крайне печальном виде: вся в синяках и кровоподтеках, лицо распухло, — словом, избитая до неузнаваемости»⁵³.

Солдатам можно простить их несдержанность, в их руки попала дерзкая и крайне вредная для спокойствия города особа, prostituiровавшая на идеях свободы и демократии. Вместе с ней из Павловска был привезен чемодан различных банковских бумаг, счетов, писем и прочего, не оставлявших хозяйке надежды выпутаться из криминально-уголовной истории. Следов какой-либо ее торговой деятельности не обнаружили, а вот следов странно-поразительного богатства — сколько угодно. Выяснилось, что еще недавно она сняла со своего банковского счета около 800 тысяч рублей, продолжала оставаться за ней весьма кругленькая сумма. Секрет был раскрыт. Ганецкий присылал ей громадные суммы для большевистских расходов, а она их передавала без расписок — большей частью М. Козловскому, члену Исполкома Петроградского Совета, ставшему при новой власти председателем Малого Совнаркома, Петроградской ЧК. Знавший эту историю не понаслышке Анатолий Ган (Гутман), говоря об официальном расследовании дела, пишет: «Фюрстенберг, имевший "торговые" операции в 2 миллиона в год, не имел в Петрограде своей конторы. Все его торговые записи вела Суменсон. Получение Троцким, Коллонтай, Лениным, Луначарским, Зиновьевым денег было документально доказано. Да и некоторые арестованные большевики не отрицали этого факта»⁵⁴.

Ленинские биографы, касаясь имени Е. Суменсон, обычно пишут о ее сочувствии коммунистам, ее законных коммерческих занятиях, но почему-то помалкивают, что сия госпожа на допросах откровенно и словоохотливо призналась в своей подпольной деятельности и легко выдала сообщников. Судьба этой дамочки неизвестна. Скорей всего, ее «убрали» чекисты.

Наша документальная публикация-перевод сборника под редакцией Земана, к которому мы постоянно обращаемся, и другие печатающиеся в книге материалы позволяют пересмотреть давно сложившиеся репутации «борцов за счастье народа», ленинских соратников Вацлава Воровского, Александры Коллонтай, Николая Крыленко, Анатолия Луначарского, Христиана Раковского, Карла Радека и других. Понятно, мы говорим об их измене России, России не только царской, но и обретавшей в муках новое лицо. Получая под разным предлогом деньги от военщины Германии, заливавшей кровью российскую землю, они потеряли всякое право на уважение

потомков. Используя большевиков в качестве удобного и податливого политическо-го инструмента, высшие немецкие чины их презирали с самого начала сотрудничества: «Нам нечего ожидать от этого правительства, — писал в июне 1918 года немецкий генерал Людендорф, — хотя оно живет только за наш счет» (Земан, документ № 134). Построив на предательстве, лжи и насилии фальшивую советскую империю, они, по откровению одного из их наемников, хотели «продлить жизнь этого искусственного государства» (Земан, документ № 132). Потребуется еще много лет и много книг, чтобы эта ужасная истина глубоко вошла в сознание всего нашего народа. На суд истории будут представлены новые материалы, среди них и показания немецких политиков.

О Карле Радеке нет необходимости говорить подробно — настолько эта личность нравственно сомнительна: политический флюгер (исключен из рядов немецкой социал-демократии за неблагоприятные поступки), легко менявший отечества и партии, стряпавший грязные провокационные статьи о царской семье, приятельствовавшей с немецкими агентами, сочинявший хвалебные опусы Сталину...

Публицистический талант этого политического бродяги сильно преувеличен его друзьями. Об этом можно судить по его статье, посвященной смерти Парвуса (1924). Автор ни слова не говорит о своем наставнике как альфонсе германской разведки и изменнике России, представляя его в духе «пролетарской» фразеологии как «предателя рабочего класса» и «спекулянта». Такой идеологический туман не мешает ему видеть в Парвусе «одного из лучших революционных писателей», который давал «в первый раз после Маркса и Энгельса <...> действительно марксистское объяснение мировых событий»⁵⁵.

Видный чекист Александр Орлов (Лев Фельдбин), бежавший в 1938 году на Запад, писал о хорошо известном ему Радеке: «...ни для кого не было секретом, что ему присущи чрезмерная болтливость, склонность к хвастовству и нелепому фигурничанью»⁵⁶.

Публикуемых в настоящем сборнике материалов достаточно, чтобы уверенно поставить вопрос о Радеке — агенте германского правительства (Земан, документы № 81, 111 и др.). Более поздние троцкистско-интернационалистские выступления (1918) против хозяев-содержателей говорят лишь об авантюризме «Крадека» и, может быть, о том, чего мы еще не знаем (Земан, документ № 72).

В ленинской свите заметен и Вацлав Воровский, отмищенный за предательство выстрелом в Лозанне. Архивные документы свидетельствуют, что он был деятельным посредником в Стокгольме между германским правительством и большевиками. Об этом недвусмысленно пишет 12 ноября 1917 года в докладе канцлеру советник миссии в Швеции Ризлер, заявляя: «...большевики, если они в состоянии сформировать правительство вообще, могли бы воспользоваться своими представителями здесь» (Земан, документ № 81). Один из «представителей» — Воровский, видно,

давал весьма полезные рекомендации разведочному Отделению германского Генерального штаба, которое 12 января 1918 года в секретном письме к Троцкому настаивало (и безуспешно) на «своих» кандидатурах в Совнарком («Немецко–большевистская переписка», документ № 7). Свои старые нелегальные связи с немцами Воровский активно использовал для укрепления только что рожденной Октябрьским переворотом власти. Германский посланник в Берне 15 ноября 1917 года сообщил в МИД о телеграмме Воровского из Стокгольма: «Пожалуйста, немедленно выполните свое обещание» (Земан, документ № 83). Из конфиденциального характера документа и комментария к нему ясно, что речь шла о финансовом или агентурном обеспечении нового «народного» правительства. Во время пребывания в Стокгольме этот большевистский «резидент» часто встречался с пресловутым Парвусом, дававшим, очевидно, ему необходимые инструкции. О таких связях и других любопытных вещах пишет в своих мемуарах лидер немецких социалистов Филипп Шейдеман. Открывающиеся теперь возможности исследовательской работы в архивах Министерства иностранных дел Германии наверняка позволят расшифровать эту тайнопись.

В представителе «революционной когорты» Христиане Раковском еще в Первую мировую войну видели немецкого соглядатая. На эту тему немало написано русскими историками на Западе. В Советской России и на Украине это имя было окружено ореолом борца–интернационалиста, его фамилию мы встречаем в любой энциклопедии. Настало время разобраться в прошлом и этого «героя». Уверены: никакие косметические (или космополитические) р–р–революционные белила не могут закрасить черных пятен в его биографии. Вот одно из них: 16 ноября 1917 года помощник германского статс–секретаря Буше телеграфировал в Генеральный штаб: «Кристо Раковский, румынский социалист, уроженец Болгарии, издает русскую социалистическую газету в Стокгольме. В прошлом он работал на нас в Румынии и был связан с нами» (Земан, документ № 84). «Связан» опять–таки через Парвуса, от которого получал иудины дотации на собственный прокорм, на антирусские и анти–французские пораженческие издания.

Эскизы портретов «пламенных революционеров» ленинской закалки можно было бы продолжить, но, полагаем, и вышесказанного достаточно, чтобы убедиться в их непристойности.

Итак, ближайшее окружение Ленина кривило душой, пособничало германским генералам, и в результате, по выражению одного из них — Людендорфа, «за это малодушие Россия тяжело поплатилась».

Личная ответственность «Ильича» за гибель нашего отечества все–таки остается в чем–то недоказанной и недосказанной. В подобном рассуждении есть налет стойких идеологических представлений, но, согласитесь, если бы мы представили подлинные ленинские расписки в получении германских денег, если бы обнаружись архивы–оригиналы о его встречах с кайзеровскими агентами, если бы... Здесь

мы вступаем в область международной политики, ибо всякая документальная и тому подобная компрометация Ленина расценивалась советскими партийными деятелями как покушение на государство. Также смотрели на этот щекотливый вопрос зарубежные коммунисты. Западные политики тоже отлично сознавали немелочность этой проблемы для известного благополучия своих стран. Вот характерный пример, о котором сообщает авторитетный историк Б. И. Николаевский: «Относительно архива австро-венгерского штаба, — пишет он в ответ на запрос коллеги по поводу обсуждаемой темы, — справки в Вене были наведены, и установлено, что весь этот архив был передан большевикам еще в 40-х годах: большевики передачу его ставили чуть ли не как основное условие вывода своих войск. Знали, что хотели».⁵⁷

Российские архивы хранят молчание до сих пор... Подобная дипломатия до самого последнего времени соблюдалась, например, и в Швеции. Если прибавить к этому крайнюю заботливость Ленина после 1917 года о репутации большевизма, станут объяснимыми некоторые провалы нашей исторической памяти. Сразу же после Октября имперское правительство в Берлине получило от красных комиссаров ряд важнейших секретных документов, в частности, циркуляры германского Генерального штаба о подготовительной работе к Первой мировой войне («Немецко-большевистская переписка», документ № 3). Советская власть не дремала и также принимала меры к уничтожению отпечатков своих преступных деяний. Чины немецкого разведочного Отделения, заседавшие в Петрограде, информировали Троцкого 17 января 1918 года: «Отделением получены точные сведения, что руководители господствующей теперь в России социалистической партии через гг. Фюрстенберга и К. Радека ведут переписку с гг. Шейдеманом и Парвусом относительно уничтожения следов деловых отношений партии с имперским правительством» («Немецко-большевистская переписка», документ № 4).

В той же впервые издаваемой в России американской брошюре, в шокирующем документе № 1 (его достоверность особенно яростно, но неудачно опровергается ленинцами) открывается еще свежая тогда (ноябрь 1917) темная завеса: советские чиновники успокаивают председателя Совнаркома: «В архиве Комис[сии] юстиции из дела об "измене" тт. Ленина, Зиновьева, Козловского, Коллонтай и других изъят приказ Германского императорского банка за № 7433 от 2 марта 1917 года об отпуске денег тт. Ленину, Зиновьеву, Каменеву, Троцкому, Суменсон, Козловскому и другим за пропаганду мира в России». Тут же, дабы сохранить честь запятнанного большевистского полуфренча, скрываются улики: соответствующие книги стокгольмского банка передаются специально командированному из Берлина офицеру немецкой разведки. Как говорят, концы в воду.

Наконец, новейший факт: тайный германский приказ № 7433 хранится целиком в «секретном» фонде Ленина с его пометкой (см.: *Латышев А. Г. Рассекреченный Ленин. М., 1996. С. 94–95*).

Доказательств сотрудничества немцев с «пламенными» товарищами становится все больше.

Недавно из советского небытия «всплыл» 21 том следственного дела о государственной измене Ленина и К⁰.

Слухи о существовании подлинных следственных материалов, связанных с обвинением «вождя» и других в организации июльского восстания 1917 года и сношениях с врагами воюющей России, ходили давно, но местонахождение документов официально не объявляется доныне, хотя для специалистов это «секрет Полишинеля». Одним из ведущих следователей созданной Временным правительством комиссии был опытный юрист Павел Александрович Александров (1866–1940?). В 1916 году он служил судебным следователем по особо важным делам Окружного Петроградского суда. В начале 1917 года преподавал технику производства расследования шпионажа на курсах по контрразведке при Главном управлении Генерального штаба. П. А. Александрова не назовешь «царским сатрапом», очевидно, он проникался либеральными веяниями своего времени, даже в чем-то помог, как глухо говорится в одном из документов, большевикам В. Ногину и В. Бонч-Бруевичу. В 1918 и 1925 годах бывший автор текста постановления об аресте Ленина и привлечении его к суду попадал на допросы в ЧК — ГПУ, а в 1940–м 74-летнего правдолюбца расстреляли.

Александровские следственные материалы достойны упоминания в учебниках по истории России. Более 140 арестованных, сотни свидетелей, протоколы допросов, очных ставок, вещественные доказательства, отчеты по проверке банковских операций, финансовом положении газет... Говорят, 3-й том исчез... Особенно интересным должен быть 18-й том, в котором содержатся протоколы допросов Коллонтай, Луначарского, Раскольников, Рошалья, Суменсон, Троцкого... Среди свидетелей генерал Алексеев, Горький, министры Милюков, Чернов... Документально-исторический многотомный политический детектив, если так можно определить «жанр» предательства и социальной уголовщины.

У нас в руках пухлый корректурный том «Материалы предварительного следствия о вооруженном выступлении в Петрограде 3(16)–5(18) июля 1917 года»⁵⁸. В «деле», среди других, свидетельские показания Плеханова, Алексинского, Бурцева, заведующего Особым отделом Департамента полиции И. П. Васильева, товарища министра внутренних дел С. П. Белецкого. Основным их слушателем был П. А. Александров. Рассказы этих людей, разных по убеждениям, образу жизни, характерам, любопытны личным видением социально-политических процессов, очевидцами и участниками которых они являлись. Все они, каждый по-своему, добавляют очень важные штрихи к портрету Ленина.

Плеханов, Алексинский и Бурцев по сути уточняют и развивают некоторые положения своих антиленинских статей, чаще с позиции «частного» гражданина, что придает им особый психологический оттенок.

«В Ленине поражает его неразборчивость в средствах», — говорит знавший более 20 лет своего бывшего соратника Плеханов, продолжая: «Я убежден, что даже самые предосудительные и преступные с точки зрения закона действия совершены им ради торжества его тактики». Первый русский марксист не вдается в подробности о том, правомерна ли в принципе уголовная практика в духе печально знаменитого «беса» Сергея Нечаева (кстати, по воспоминаниям В. Бонч-Бруевича, автор «Катехизиса революционера» был одним из любимых героев Ленина. Не отсюда ли берут истоки его антипатии к «архискверному» Достоевскому?). Не обходит Георгий Валентинович проблемы «немецких денег», заявляя: «...я исключаю всякую мысль о каких-либо личных корыстных намерениях Ленина». Здесь виден холодноватый логичный Плеханов, поглощенный в большей степени социальным измерением личности.

Для темпераментного Бурцева Ленин тоже «фанатик, не преследовавший своих личных узких целей», но это обстоятельство не мешает публицисту чувствовать не только порочность изменнической программы большевистского лидера, но и ущербность его натуры.

«...Ленин не мог не знать, — подчеркивает Бурцев, — что его партия пользуется материальной поддержкой со стороны Германии и германских друзей». Зная болезненную тягу «Ильича» к единоличному владению партийной бухгалтерией (об этом писали многие его бывшие однодумцы), невозможно представить его, идущего «на бой кровавый» в 1917-м, с пустыми руками. Материалист до мозга костей, он слишком хорошо знал цену рубля как инструмента политики. Недаром от него уходили наиболее честные и мыслящие люди, — как от смердящей крысы: понюхают и долой. Наблюдавший Ленина 10 лет и одно время «большевичавший» с ним Алексинский тоже «сбежал»; в своем показании свидетель говорит: «...он неразборчив по отношению к источнику денежных средств для своей политической работы».

Ценность впервые публикуемых показаний Плеханова — в широком контексте видения Ленина как ультралиберальной фигуры эпохи. Георгий Валентинович мог смотреть на своего оппонента глазами и международной социал-демократии, и ненавистников России. В последнем случае характерно его наблюдение о восприятии «пораженца» воинственно настроенными пруссаками. Объективный наблюдатель, он подмечает: «...германская печать нередко с нежностью говорила о Ленине как об истинном воплощении русского духа». И примеров тому множество. Так, немецкая газета «Die Woche» в апреле 1917 года выражала радостное удовольствие по поводу удачного возвращения своего ласкового врага в Петроград, называя его «истинным другом русского народа и честным противником».

Полезно выслушать бывшего директора Департамента полиции и товарища министра внутренних дел С. П. Белецкого. Его показания позволяют увидеть направленную против России политику Австрии уже до Первой мировой войны, когда Ленин выполнял там своеобразную роль «русского вице-консула»: венские дипломаты в

Петрограде всячески содействовали большевикам. Становится ясно, что наши доморощенные карбонарии являлись всего лишь послушными исполнителями далеко идущих планов агрессоров. Поэтому было бы очень важно разыскать агентурные доклады Малиновского о встречах с Лениным, которые читал Белецкий. Любопытно также познакомиться и с донесениями некоего Долина, внедренного царской службой безопасности в окружение германского посла в Берне Бисмарка (об этом см. в показаниях В. Л. Бурцева). О том, что подобные сообщения при их тщательном сопоставительном анализе могут прояснить картину иностранного вмешательства в дела России, доказывает рапорт таинственного Вinta (Анри Винта?) от 30 декабря 1916 года руководителю Охранки за рубежом Красильникову.

Из 21-го тома следственных материалов о государственной измене Ленина и его присных нам удалось извлечь лишь немногим более тридцати страниц, но и они убеждают, что без знакомства со всем сводом этих трусливо спрятанных бумаг трудно будет восстановить всю правду о «каиновом деле». В одном из этих томов признание Евгении Суменсон; где-то рядом, очевидно, полупризнания Мечислава Козловского, Соломона Рошаля (последних двух не случайно держали под арестом дольше всех).

Вчерашние и нынешние адвокаты большевиков не учитывают многих других источников информации. К ним относятся и воспоминания крупных германских, австрийских и других военных и политических деятелей периода Первой мировой войны. Этот огромный пласт документальной мемуаристики наши историки только начинают осваивать. Даже первые незначительные усилия в разработке таких залежей дают богатую пищу для размышлений. Читателям сборника предлагается выслушать немецких военачальников («Генерал Гофман в борьбе с большевизмом», «Разоблачения Людендорфа о Ленине и Троцком» и другие). Их прозрения печатались во многих газетах мира. В уже цитированном нами интервью для лондонской «Daily Mail» (июнь 1919) «...генерал Гофман заявил, что ленинство организовано им по приказанию Людендорфа и германского Генерального Штаба с целью парализовать Россию и иметь возможность направить все немецкие войска на западный фронт»⁵⁹.

Предать ленинцев суду Временному правительству не удалось, вернее, оно боялось идти на такой шаг. А. Ф. Керенский за символический денежный залог отпустил более 140 участников июльского путча, в первую очередь его большевистских организаторов. Этот самый публичный мужчина в России (заимствуем выражение Герцена по другому поводу) с начала ареста мятежников вел себя странно. Вот что на сей счет рассказывает о тех тревожных часах главнокомандующий войсками Петроградского военного округа генерал П. А. Половцев: «Только что рассылка автомобилей закончилась, как Керенский возвращается ко мне в кабинет и говорит, что арест Троцкого и Стеклова нужно отменить, так как они — члены Совета. Недурно!» И далее генерал вспоминает, как на следующий день его подчиненный доложил, «что офицер, явившийся в квартиру Троцкого для его ареста, нашел там Керенского,

который мой ордер об аресте отменил <...> Лишний раз убеждаюсь, — теряется в догадках Половцев, — что у большевиков есть какой-то таинственный способ воздействия на Керенского...»⁶⁰. (Троцкий был арестован позже.)

Правдивость (на наш взгляд, неполная) генерала подтверждает штабс-капитан Киселев, служивший в охране военного и морского министра. Он рассказывает, что офицеры, явившиеся в ночь на 7 июля в квартиру Стеклова-Нахамкиса для его задержания, вынуждены были повернуть обратно: Керенский запретил арест⁶¹.

В поступках министра-председателя Временного правительства (этот пост Керенский занял 7 июля, то есть наутро после ареста остальных большевиков) много загадочного.

Когда в марте 1917-го министр иностранных дел П. Н. Милюков на заседании правительства высказал свои подозрения о связях ленинцев с немцами, Александр Федорович закатил чуть ли не истерику, пригрозив своей отставкой; когда в апреле Ленин прибыл в Петроград, тогдашний министр юстиции куда-то исчез; позже, когда большевистские склады наполнились оружием, он не дал санкции на их реквизицию, но легко распорядился отпустить из тюрьмы совладельца торговой фирмы «К. Шпан и сыновья», крупного немецкого шпиона Константина Шпана⁶², освободить из сибирской ссылки связанного с Германией украинского сепаратиста А. Шептицкого (даже приказал вернуть ему секретный архив); 3 июля, когда даже простые обыватели знали о намечавшемся путче, военный министр вдруг умчался на фронт; вернувшись в столицу, настоял — вместе с другими — на изгнании из Зимнего дворца министра юстиции Переверзева, благодаря стараниям которого появились публикации в прессе об измене Ленина и К⁰; наконец, накануне Октябрьского переворота распорядился вывести подальше из Петрограда войска... Даже один перечень этих «недоразумений» подсказывает, что Керенский выпустил большевиков из-под ареста накануне Октябрьского переворота не случайно. Они срочно понадобились ему для совместной организации отпора так называемому «делу Корнилова» (Троцкий по выходе из тюрьмы сразу же развил бурную работу в специальной комиссии). Кроме того, стало известно о связях министра-эсера Чернова (участника Циммервальдской конференции, пассажира одного из «запломбированных вагонов») с большевиками-пораженцами⁶³; в печать просочились не красящие правительство факты, что грозило ему потерей доверия народа и возможным падением. Премьер-министр усиливает ставку на Петросовет, где у него были «свои люди» и где он время от времени устраивал для показухи словесные потасовки. Главным же «мозговым центром» для него оставалась глубоко и тщательно законспирированная масонская ложа...

О существовании масонов в России известно с 30-х годов XVII века. Напасть эта бурно развивалась у нас вплоть до указа Екатерины II от 8 апреля 1782 года, запретившего «братские» собрания, как приносящие, по словам императрицы, «общему добру вред» и представляющие угрозу самостоятельной российской политике. Как известно, масонами были Н. И. Новиков, А. Н. Радищев, большинство декабристов.

Деятельность «вольных каменщиков» не укладывалась в рамки какой-либо одной программы и представляет собой сложную смесь религиозных, нравственных, национальных и социальных представлений. В 1915 году «уснувшие» масонские ложи возобновили свою тайную работу и сыграли в истории России пагубную роль. Мы не имеем возможности говорить на эту тему подробно и отсылаем читателей к соответствующей литературе⁶⁴.

Пожалуй, еще никто из историков специально не исследовал опутавшую Россию цепь: масоны разных стран — германский военно-политический союз — большевики. Цепь эта сегодня для наивных людей так и остается невидимой или игрушечной. Меж тем без внимательного разбора каждого из ее звеньев трагедия Февраля и Октября останется не до конца объяснимой. «Тема эта важная, — писал в 1960 году масон Фрумкин Керенскому, — без нее многого нельзя понять в том, что произошло в 1917 г., и многое еще до сих пор»⁶⁵.

Появившиеся по этому вопросу работы пока носят в основном регистрационный характер, так как скорее можно получить доступ к архивам небесной канцелярии, нежели к документам «вольной братии» (парижская масонская ложа «Ар э Травай» и др.). Утверждают, что многие материалы, связанные с большевиками, уничтожены. Изучив этот вопрос, Б. И. Николаевский пришел к выводу: «О нем недостаточно будет сказать, что он совершенно не обследован в нашей исторической литературе, — его в этой литературе еще не попытались поставить»⁶⁶. Несомненно одно: активизация масонства повлияла на усиление деятельности леворадикальных партий.

Керенский стал масоном в 1912 году, позже достиг высокой 32-й степени посвящения; рангом ниже состояли «вольными каменщиками» все другие члены Временного правительства.

В этой компании крупнейшими закулисными деятелями выступали министры П. Н. Милюков, М. И. Терещенко, Н. В. Некрасов, А. И. Коновалов, входившие в Конвент так называемого «Верховного Совета народов России». Масонским духом пропитался Петроградский Совет во главе с «братом» С. Н. Чхеидзе (его заместителем был Керенский). От них невидимые нити расходились по всей России и вели в Германию, Францию, Данию и другие страны. Часто упоминаемый в нашем сборнике немецкий посол в Копенгагене — Брокдорф-Рапцау, опекавший Парвуса, — из того же могущественного потаенного клана. «Теперь обнаружено документально, — заявлял в своей книге "Между двух революций" (1934) писатель Андрей Белый, — мировая война и секретные планы готовились на масонской кухне...»

Зная строгую секретность и субординацию в масонской ложе, трудно поверить, что ее видные (для посвященных) члены князь Давид Бебутов и журналист Иосиф Колышко — энергичные немецкие обер-шпионы — не согласовывали своих действий с «мастером» «Северной звезды» Керенским. По данным Б. И. Николаевского, в одном из западных архивов хранятся воспоминания Бебутова. Надеемся, они

будут опубликованы и, если «князь» не врет, как часто врет в своих мемуарах Керенский, нам откроются прелюбопытные и омерзительные страницы темной истории. Названный выше украинский сепаратист М. С. Грушевский, не гнушавшийся брать подачки от убийц своих соотечественников, проводивший вместе с другими «Revolutionierungspolitik», был также не мелкой масонской сошкой.

Далеко не все русские масоны равнодушно относились к судьбе своей Родины, но такие люди, как правило, выглядели патриотическими воробушками среди космополитичных ворон, и степень их посвящения в секретные механизмы намерений масонской элиты не отличалась высокими градусами (такowymi были строптивый министр П. Н. Переверзев и неугодный генерал П. А. Половцев и им подобные). Вряд ли они подозревали об инструкциях и приказах из Парижа, где размещалась штаб-квартира «Великой ложи Востока».

Масонские фартуки носили сторонники Ленина. Об этом писала публицистка-масонка Е. Д. Кускова: «Уверена, что эти виднейшие большевики тайну соблюдали, может, из боязни репрессий...»⁶⁷. В 50-е годы она очень перепугалась возможного раскрытия «братьев» и призвала Керенского каким-нибудь обходным маневром завуалировать их деятельность; с тех пор в числе «каменщиков» историки называют членов РСДРП(б) С. П. Середу, И. И. Скворцова–Степанова. В тот же список часто заносят тяготевших к большевизму Н. Д. Соколова, автора печально знаменитого приказа № 1, способствовавшего развалу русской армии, Н. Н. Суханова (Гиммера), известного своими мемуарами. По воспоминаниям крупного масона А. Я. Гальперна, на собрания «братьев» заходил М. Горький. Он вместе со своей первой женой Е. Пешковой устраивал иногда у себя на квартире «посиделки», на которых бывали Е. Д. Кускова, А. И. Коновалов и другие «великие мира сего».

Некоторые исследователи (Н. Свитков и другие) прямо причисляют к масонам и Ленина. Имеющаяся сегодня литература дает подобные основания. Он с партийными целями использовал масонство в качестве дополнительной финансовой и политической силы. В известном письме к нему от 22 марта 1914 года большевик Скворцов–Степанов (или Н. Яковлев?) информирует о предстоящем тайном совещании либералов и радикалов с участием промышленника, чье влияние можно измерить многими миллионами рублей (в этом лице легко угадывается А. И. Коновалов). Письмо опубликовано с купюрами, ответ Ленина одобрительный, но печатается опять-таки в извлечениях, что, естественно, вызывает разного рода догадки, а то и прямые утверждения о причастности Ленина к масонам.

Другой факт не менее интересен. Старейший масон–кадет Н. В. Некрасов ратовал за «покраснение» своих соратников и даже стоял за создание вместе с «левыми» единого информационного бюро. Об ответных шагах «твердокаменных» навстречу «братьям» известно мало, но обращает на себя внимание позднейшее благодарственное отношение главы большевиков к Некрасову. Когда в начале 20-х годов последнего, скрывавшегося под фамилией Голгофский, арестовало ГПУ, то по

личному указанию Ленина его доставили в Кремль и освободили (впоследствии, в 30-е годы, заступиться было некому, и Некрасов сгинул на Беломорканале).

Сравнительно недавно обнаружился весьма отчетливый масонский след «вождя пролетариата». Оказывается, находясь в Париже, он заходил в штраф-квартиру «каменщиков» на улице Кадэ, где оставлял свои автографы в специальном журнале. В 1919 году, во время войны, голода и разрухи, Ленин санкционировал выделение огромных средств на ремонт и реставрацию масонского храма на улице Кадэ. Такая щедрость умилила французских «братьев», о чем сообщили в парижской газете «Пароль Либр» (см.: Слово. 1995. № 1–2).

Еще более сокрыта в дали смутного времени центральная антипатриотическая ось «Ленин—Керенский». Хотя Александр Федорович поделом слыл словоблудом, в своих обширных мемуарах он никак не проболтался на тему «немецких денег», прилежно повторяя опубликованные данные о грехах близкого ему по симбирским семейным связям человека.

Примечательно, что в этом сюжете опять-таки фигурируют масоны. Керенский лукавит, когда говорит, что впервые он узнал о секретных связях большевиков с немцами от министра снабжения Франции Альберта Тома, прибывшего в середине апреля 1917 года в Петроград. Русская контрразведка к тому времени уже накопила много улики против Ленина, и наивно представлять, что об их существовании российский министр юстиции не подозревал. Напротив, его осведомленность не подлежит сомнению, в чем ему помогала военная контрразведка, остатки политической полиции и другие каналы.

Как пишут в своих мемуарах А. И. Деникин, Б. В. Никитин и другие хорошо информированные люди, в кабинеты Временного правительства один за другим доставлялись тревожные рапорты, но ответом было лишь подозрительное молчание. Именно поэтому уставшие от ожидания патриотически настроенные деятели пошли на публикацию частички материалов об измене Ленина и его сподвижников. Керенский в воспоминаниях умолчал об очень важной детали: Альберт Тома был масоном и, очевидно, его визит в Петроград, приуроченный к приезду «запломбированного вагона», диктовался необходимостью выработки общей линии поведения «братьев» в свете обнаружившегося предательства большевиков. Арестовывать их, союзников по борьбе с царской Россией и строительству России «интернациональной» (в последнем случае цели «архитекторов» могли иметь некоторые отличия), представлялось тактически нецелесообразным — тем более мировая социалистическая пресса подняла бы невообразимый гвалт. Дальше мы знаем, что произошло. Большевики крепко поугали и уже в чрезвычайной политической обстановке отпустили, так как Керенский, если всегда помнить о его сокровенной масонской жизни, спасал прежде всего не Россию, а свою, очевидно, любимую космополитическую идею: «Себя я почитаю гражданином света, а свет весь — единым градом, в котором я живу» (из клятвы русских «братьев»).

Как же объяснил Керенский осеннее освобождение ленинцев из-под ареста? Ответа на этот вопрос в его мемуарах мы не найдем. Зато сохранилось более чем странное объяснение министра юстиции П. Н. Малянтовича, собрата Александра Федоровича по масонской ложе и единомышленника Владимира Ильича по 1905 году, сменившего непослушного Переверзева (никчемный министр А. С. Зарудный не в счет): «Хотя против привлеченных к следствию большевиков имеется достаточно улик, но пребывание их на свободе не может повлечь за собою сокрытия следов преступления, и поэтому они должны быть освобождены»⁶⁸. Малянтович, выполняя указания Керенского, «в порядке изменения мер пресечения наказания», выпустил на свободу Козловского, Ильина-Раскольниковца и других главных лиц заговора (он же под залог в 30 тысяч рублей санкционировал освобождение масона-шпиона Колышко)⁶⁹. Временное правительство уходило с исторической сцены, чтобы уступить место более решительным и кровожадным большевистским оппонентам.

Керенский, по определению Ленина, «...революционер, но пустомеля, лгунишка, обманщик рабочих» (заметьте, какая ласковая брань). Личность «вождя» за 75 лет была облеплена в СССР всеми мыслимыми и немыслимыми восторженными эпитетами, которые сегодня слетели с него, как фольга. Перед нами предстал фанатик, порвавший с общечеловеческой моралью, политический демагог с необычайным даром упрощения всего и вся. Именно таким его видели все, кто разошелся с ним на революционном пути.

К сказанному выше добавим несколько малоизвестных оценок. «Ленин, — писал П. Б. Струве, — это синтез идеи коммунизма, основанного на классовой борьбе, с личной злобностью, доходящей до аморального извращения <...> Ленин лично по своей натуре и по своему метафизическому ядру не что иное, как палач» (статья «Большевизм и Ленин»). По мнению Ю. Мартова, его бывший соратник по партии пропитался «презрением и недоверием к людям»⁷⁰. В прошлом народоволец, потом социалист-демократ Е. Лазарев отзывался о своем давнем знакомом: «...Ленин был палач»⁷¹. В. Ходасевич в рецензии на книгу М. Вишняка «Ленин» подчеркивал «его демагогизм, цинизм, неразборчивость в средствах». У. Черчилль, склонный к сарказму, говорил 8 июня 1921 года в Манчестере: «Он еще не дошел пока до изучения десяти заповедей и не знает двух из них: "Не укради" и "Не убий"»⁷².

«Клевета!» — скажут нам ленинцы. Злопыхательство врагов великого человека. Тогда познакомьтесь хотя бы с избранными страницами Полного собрания сочинений Ленина (тотальная нечитаемость ПСС известна). Вы найдете там самоубийственную самохарактеристику насильника, инициатора гражданской войны, террора, системы заложников и репрессивного ГУЛАГа, разорителя крестьянства, душителя печати и слова Божьего. И весь этот бред вперемежку с марксистскими заклинаниями. У кого нет времени и охоты, рекомендуем обратиться к объективным и дотошным комментариям к цитатам из «классика»⁷³.

«Клевета!» — обычный ответ Ленина на обвинения его в связи с германским правительством (см. т. 34, с. 75), на чьи рейхсмарки взращивался большевизм. Он отрицает все: «Никаких денег ни от Ганецкого, ни от Козловского большевики не получали. Все это — ложь самая сплошная, самая грубая»; дел «у нас с Генецким никаких» и тому подобное. Выше мы показали, что лжет Ленин. Он готов испепелить каждого, кто подозревает его и партию хоть в одной полученной от кайзера копейке. А документы строго-деловито его опровергают. Помощник статс-секретаря Буше 28 ноября 1917 года телеграфирует посланнику в Берне: «Согласно полученной здесь информации, правительство в Петрограде вынуждено вести борьбу с огромными финансовыми трудностями. Поэтому очень желательно, чтобы ему выслали денег» (Земан, документ № 92). Ленин доказывает всему миру кристальную чистоту и самостоятельность коммунистической политики, а статс-секретарь Кюльман 18 мая 1918 года успокаивает посла в Москве Мирбаха: «Пожалуйста, располагайте большими суммами, так как мы крайне заинтересованы в том, чтобы большевики устояли» (Земан, документ № 129). Новый кремлевский самодержец пишет и говорит, как пролетарии готовы отдать свои жизни за одну только марксистскую идею, а министр финансов Редерн в ответ на запрос Мирбаха 11 июня 1918 года дает знать МИД: «...сообщаю о согласии поддержать ваше заявление и выделить в ваше распоряжение на известные цели (выделено нами. — *В. К.*) 40 миллионов марок» (Земан, документ № 135). Это не заем одного государства другому, не межправительственная экономическая сделка, а плата хозяина своему услужливому вассалу за льющуюся народную кровь. Не сомневаемся, и здесь почитатели «вождя» начнут выкручиваться, изображать изменника как благодетеля России, но их способы дискуссии впрямую унаследованы от него и столь же беспринципны.

Идеи Ленина живут и побеждают. Это не просто ходячая фраза, это реальность. Отказавшись от своего вчерашнего идола, современные «интернационалисты» с кровью впитали не ему принадлежащую, но излюбленную его мысль о «великодержавном шовинизме», которая мучила его до зубовного скрежета: «Великодержавному шовинизму, — заявляет он в записке в Политбюро, — объявляю бой не на жизнь, а на смерть. Как только избавлюсь от проклятого зуба, съем его всеми здоровыми зубами». Он распространил это презрение и на другие национальности, в том числе и на еврейство, биографически ему близкое⁷⁴. Освободив себя от какой-либо нравственной обязанности перед многонациональным Отечеством, он подменил ее социально-классовой патологией. В свете этой очевидной истины кощунственно и зловеще звучит утверждение Л. Троцкого о том, что «сам Ленин глубоко национален», что «в нем резюмируется все предшествующее развитие России, в нем все ее будущее, с ним живет и падет русская нация» (выделено нами. — *В. К.*)⁷⁵. В последних словах существо большевизма, оправдание его предательства интересов народа. Ленин-материалист превыше всего ставил в пролетариях их сытость, игнорируя национально-духовное содержание жизни. В статье о Марксе для 28-го тома

энциклопедии «Гранат» он с одобрением писал: «...в развитых капиталистических странах рабочие не имеют отечества».

Там, где злые духи Февраля и Октября усматривали благо, лучшие и честные умы страны, стремившиеся к ее здоровому обновлению, видели трагедию. «Суть и клеймо русской революции, — писал наставник, а потом непримиримый антагонист Ленина П. Б. Струве, — состоит в ее антинациональном характере; в том, что по своим устремлениям она разрушала Россию, в том, что она была государственным самоубийством великого государственного народа. Являясь отступничеством от всего того, что было в русской истории подлинного, сильного и творческого, революция привела к разрушению всех государственных скреп и к распаду государства <...> Политических бесов революции мы можем изгнать только открытым исповеданием национальной веры и смелым деланием во имя ее»⁷⁶.

Проповедуя абстрактный классовый интернационализм, упрощая до примитивизма живую жизнь, Ленин сеял раздор между российскими народами (Украина тому показательный пример), опираясь на германскую помощь. Его разрушительная политика полностью совпадала со стратегией немецкого милитаризма. Статс-секретарь Кюльман 29 сентября 1917 года писал в Генеральный штаб: «Нашей главной целью в этой деятельности (военной. — В. К.) было дальнейшее усиление националистических и сепаратистских настроений и обеспечение поддержки революционным элементам. Мы и сейчас продолжаем эту деятельность и завершаем соглашение с политической секцией главной штаб-квартиры в Берлине (капитан фон Хюльзен)» (Земан, документ № 71). Тот же международный комбинатор уверен: «...мы должны всячески мешать консолидации России» (Земан, документ № 129). Кюльман не только философствует, а решает практическую задачу, подкрепляя ее выполнение передачей большевикам колоссальных денежных средств. Давно пора прекратить глупейшие разговоры в духе того, что немцы, мол, действительно отпускали миллионы на политическую пропаганду в России, но брали их и действовали какие-то мифические агитаторы, но ни в коем случае не большевики.

Именно такой точки зрения придерживаются современные штатные ленинские адепты. «Узок круг этих революционеров», в основном они представляют бывший Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и тому подобные учреждения.

В октябре 17-го большевики победили, воровато подобрав валявшуюся на петроградских улицах власть и пообещав народу скорое пришествие марксистского рая. На Западе не обманывались в действительных причинах успеха ленинцев. Уже 27 октября (9 ноября) лондонская «Морнинг пост» напечатала статью «Революция сделана в Германии». Да и сами немцы не считали нужным скрывать свое участие в «Великой Октябрьской»: глава кайзеровских вооруженных сил генерал Людендорф, не склонный к тонкой дипломатии, в газете «Фрай Пресс» 18 ноября (1 декабря) 1917 года прямо заявил, что большевистский переворот — не результат случайности, а закономерное завершение германской политики. Печать пробалтывалась, но

скрытничали официальные деятели, давно готовившие свержение Керенского, чтобы «посадить на его место *нечто другое*», как писал 17 ноября 1917 года одному из своих друзей министр иностранных дел Австро–Венгрии граф Чернин⁷⁷.

В подводной части айсберга шла своя рутинная, но далеко идущая работа. Кайзеровский посланник в Стокгольме Люциус фон Штедтен, отдавший много энергии возвращению ленинцев, уже на следующий день после «выстрела Авроры» телеграфировал в МИД: «Настоятельно рекомендую избегать всех публичных заявлений о дружественных соглашениях с Россией в немецкой и австрийской прессе. Большевики не должны воспринимать дружественные соглашения с имперскими государствами как некий пароль. Они могут оправдать мир с Германией лишь ссылкой на желания народа и отчаянное положение России» (Земан, документ № 73). Знакомый уже нам статс–секретарь фон Кюльман в ответ успокаивал младшего коллегу: «Пресса проинструктирована соответствующим образом» (Земан, документ № 74). Интересно, как прокомментируют эти слова современные коммунистические барды с учеными степенями и без оных. Предупредим их усилия: «Германская монополистическая буржуазия слишком самонадеянно оценивала итоги своих политических провокаций. Рабочий класс России под руководством великого Ленина сбросил ненавистное иго царизма и Временное правительство министров–капиталистов, провозгласив первое в мире...». И тому подобное. При этом, конечно же, суровее нужно клеймить «шовинистов», «клеветников», «черносотенцев», «лжепатриотов». В свое время их просто ставили к стенке и гноили в концентрационных лагерях (по данным А. И. Солженицына, к концу 1920 года в РСФСР уже было 84 таких лагеря в 43 губерниях). Истинные сыны России распознали «иуд из Циммервальда» уже в дни их июльской кровавой вылазки в Петрограде. «За сказанное вслух слово “Родина”, — читаем в одной из газет той поры в часы похорон казаков, — человека вычеркивают из списка живых по точной статье и параграфу революционного кодекса, созданного в Берне шайкой международных предателей...»⁷⁸.

Германский посол в Москве граф Мирбах 3 июня 1918 года в телеграмме № 233 запрашивал МИД: «Ввиду сильного противодействия Антанты требуется 3 000 000 марок в месяц. Если наша политическая линия изменится, могут понадобиться еще большие суммы» (Земан, документ № 131). Уже полыхала гражданская война, и немцы не скупились подбрасывать в адское пламя миллионы, чтобы укрепить свое положение. Последовавшая на запрос Мирбаха реакция министра финансов Редерна это подтверждает (Земан, примечание к документу № 135). Чтобы рассеять недоумение, на чей счет шли рейхсмарки, одно дополнение: тот же Мирбах 16 мая 1918 года, то есть немногим ранее своего запроса в МИД, анализируя расстановку международных сил, писал: «...в наших интересах было бы продолжать обеспечивать большевиков необходимым минимумом продуктов и помочь им удержаться у власти» (Земан, документ № 124). Как видите, в прямом смысле подкармливали наймитов, обеспечивая минимумом их аппетит для поддержки боевой формы.

Граф Мирбах — трезвый и жесткий политик. Он смотрит на воцарение социалистов-демократов в России как на вынужденную временную уступку. Характеризуя полугодовой хаос в Москве после прихода к власти циммервальдистов, он делится своими размышлениями с канцлером: «Отличительной чертой всей картины является общее нежелание работать и бесцельное шатание по улицам» (Земан, документ № 120). На полях письма Вильгельм II оставил ироническую пометку: «Примечательная черта социалистического государства будущего».

Мы «не даем слова» нашим воображаемым оппонентам, потому что, на наш взгляд, не о чем спорить; читатели же, если захотят, сами продолжат дискуссию. Предлагаем новый экскурс в историю вместе с германским посланником. 16 мая 1918 года он встретился и беседовал с Лениным, о чем доложил канцлеру. Новый властитель России тогда предпринимал меры к укреплению большевистского правительства, «рассчитывая, — как передает его слова Мирбах, — на наше влияние и помощь». После «похабного» Брест-Литовского мира его вдохновитель продолжал цинично надеяться на помощь довольных добычей грабителей. Кайзер сопроводил донесение посла рядом пренебрежительных реплик о Ленине, среди них: «У него нет ни правительства, ни исполнителей...», «С ним кончено» (Земан, документ № 127). Последний из германских Гогенцоллернов недооценил своего политического прислужника: через полгода не без тайного вмешательства большевиков монарх был низвергнут. Поплатился за свое с трудом сдерживаемое аристократическое презрение к «красным» сообщникам и граф Мирбах. 25 июня 1918 года в частном письме к фон Кюльману он откровенно писал: «За два месяца очень внимательных наблюдений я не могу более положительно оценивать большевиков. Вне сомнений, мы стоим у постели опасно больного человека, который изредка еще может вводить в заблуждение своим состоянием, но по большому счету это — мертвец» (Земан, документ № 136). Граф просчитался: поддерживаемая им лично власть еще агонизировала более 70 лет, а он сам вскоре был зверски убит. Закономерный финал двойной жизни: нельзя же растить драконов и ждать от них благодарности. Еле унес ноги из Москвы и советник Мирбаха Ризлер, еще недавно бесстыдничавший: «Давление, оказываемое бронированным кулаком большевиков, огромно. Людей тихо убивают сотнями. Все это само по себе неплохо...» (Земан, документ № 132). Но даже такой циничный рационалист чувствовал, что, по его же словам, «жизнеспособность русской души — неисчерпаема».

Впервые данная нам возможность взглянуть на красный кошмар из архивных тайников германского МИДа позволяет обнажить и большевистские секреты, вскрыть фундамент бутафорской советской крепости (по сравнению со сборником Земана книга того же плана Вернера Хальвега, на наш взгляд, выборочно-тенденциозна).

«Но ведь Советы устояли, и русский народ пошел за Лениным», — скажут нам казенные изучатели истории. Чем подсчитывать рейхсмарки для диктатуры пролетариата, не лучше ли признать соответствие лозунгов большевиков устремлениям большинства рабочих и крестьян (о так называемой либеральной интеллигенции мы не говорим —

она или была выброшена из России комиссарами за ненадобностью, или смиренно шла к ним в услужение). Для ответа на этот вопрос в нашей стране понадобятся новые книги. Надеемся, в них будут всесторонне проанализированы военные, экономические, политические, психологические и другие драматические загадки гражданской войны с привлечением новых знаний о далеком прошлом. Книги побежденных белогвардейцев лишь отчасти выполняют такую задачу; труды зарубежных советологов страдают холодной отстраненностью от нашей трагедии, уходом в надоевшие теоретические дискуссии там, где нужны факты, конкретика событий. Они есть в художественно-документальных произведениях и публицистике А. И. Солженицына, в редактируемых им русской мемуарной библиотеке и новейших исследованиях отечественной истории, но это только начало огромной работы по очищению российской летописи XX века от многолетней фальши. Фальши сознательной, целенаправленной и искусной.

Что мы, например, знаем об участии на стороне Красной армии военнопленных неприятельских государств и иностранцев, по разным причинам оказавшихся в России в период Первой мировой войны, вплоть до 1917 года? Вспоминаются разные беллетристические поделки, где действуют романтически настроенные интернационалисты, чаще всего — латыши и китайцы. А вот что говорят непредвзятые историки: к 1917 году в России оказалось 2,8 миллиона иностранных беженцев и 2,2 миллиона военнопленных. 5 миллионов человек! Немцев — около 1900 тысяч, австрийцев — 450 тысяч, венгров — 500 тысяч, чехов и словаков — около 200 тысяч, югославов — более 200 тысяч, румын — более 120 тысяч, турок — 63 тысячи человек⁷⁹. И это еще неполная статистика.

Большевики сами признают, что в 1918 году «за красных» воевали до 300 тысяч «чужаков», но зная, что ложь являлась государственной политикой «новых людей», верить им нельзя ни на грош. Они всячески разжигали вражду между военнопленными и белогвардейцами. В апреле 1918 года в Москве состоялся Всероссийский съезд военнопленных, представлявших 80 местных организаций с общим количеством членов до полумиллиона человек. Нетрудно представить, какая в действительности «интернациональная» армада противостояла истинным защитникам России. При этом главной силой внутренней интервенции выступила Германия, о чем свидетельствует книга Земана и др.

Прочтите в нашем сборнике заметки из дневника Прасковьи Степановой (Мельгуновой) «Немцы в Москве в 1918 году». Поначалу их можно принять за собрание обывательских слухов. Однако сравнительный анализ многих мемуарных и других источников подтверждает бесхитростную правдивость этих свидетельств. На возражение скептиков ответим словами Мирбаха из его доклада (30 апреля 1918 года) канцлеру: «Верховенство большевиков в Москве поддерживается в основном Ливонским батальоном...» (Земан, документ № 129). Не секрет, что охрана советского правительства, в том числе и лично Ленина, на первых порах осуществлялась «интернационалистами». Генерал Гофман в своей книге «Война упущенных возможностей» (на

немецком языке), рассказывая о донесениях из Москвы германского агента майора Шуберта, писал о шаткости положения Ленина и Троцкого в тот период: «Их власть опиралась на несколько латышских батальонов и несколько шаек китайских кули, которых вооружили и которые, главным образом, исполняли <...> роль палачей»⁸⁰.

В северной столице только слепые не видели настырного вмешательства немецких «гостей» в русские дела. Наблюдательная Зинаида Гиппиус отмечала в своем дневнике: «По городу открыто ходят всем известные германские шпионы. В Смольном они называются: "представители германской и австрийской демократии"»⁸¹.

О сотрудничестве большевиков с немцами в организации скрытого террора против русского офицерства и других патриотических слоев общества убедительно пишут П. Н. Врангель, А. И. Деникин, С. П. Мельгунов, Б. В. Никитин и многие другие сведущие люди. Чудом спасшийся от смерти Н. Чебышев вспоминал: «...еще летом 1918 года в Петрограде русские офицеры, заподозренные в контрреволюции, арестовывались и расстреливались Советской властью по спискам, доставляемым немецким военным командованием. Всюду, где появлялись большевики, ...прикладывали свою руку немцы»⁸².

У страха глаза велики, скажут и ныне верующие, что с «Интернационалом воспрянет род людской». Полноте, большевики сами не раз проговаривались о тесной дружбе с чужеземцами. К примеру, о подавлении германским военным формированием (1500 человек!) в июле 1918 года так называемого Ярославского мятежа цинично написано в «Красной книге ВЧК» (1920). Рассказывал об этом и организатор восстания Борис Савинков. На братоубийственном фронте, когда обманутые мужики отказывались облачаться в начальственные «кожаные куртки», дело доходило до трагифарса: командирами становились вчерашние враги, которых брали в плен чуть ли не те же мужики. Узнав об одном из таких фактов в Донской области, Ленин в телеграмме от 3 июня 1919 года в Реввоенсовет Южного фронта запретил дубиноголовым сподвижникам назначение комиссарами австрийских военнопленных. Это лишь случайный штрих, более полную картину подлости вы увидите в публикуемой брошюре «Немецко-большевистская переписка».

Большевики задолго до разгара гражданской войны готовили себе опору из числа поверженных русской армией противников. Газета «День» 15 декабря 1917 года сообщала: «...военнопленные будут получать заработную плату в размере, который устанавливается соответственно существующим местным ценам на каждую категорию работ <...> Таким образом, военнопленные уравниются в заработной плате со всеми рабочими. Наши же солдаты, работающие на артиллерийских заводах, по-прежнему будут получать 50 копеек в день».

Здесь уместно заметить, что вообще финансово-хозяйственная и снабженческо-бытовая сторона организации Красной Армии сегодня мало известна, особенно до того, как банковско-денежная система окончательно была взята в руки ленинцев. Обычно на кино- и телевизионных экранах, романтических страницах и картинах о «крас-

ных дьяволятах» нам показывают голодных, раздетых и разутых красноармейцев, с горящими глазами идущих в бой с «буржуинами». В таких живописаниях, конечно, есть своя сермяжная правда. Но не вся. 11 июня 1918 г. германский министр финансов граф Редерн в секретном письме (мы его цитировали) выражал готовность отпустить «на известные цели», то есть на поддержку большевистской России, 40 (сорок!) миллионов марок (Земан документ № 135). Это помогло не только одеть, обуть и накормить красногвардейцев, но и е ж е д н е в н о выдавать им до 16 рублей жалованья, что по тем временам было весьма щедро (см. «Немецко-большевистская переписка», документ № 8, примечание; документы №№ 19, 42 и др.). Белая армия не могла обеспечить такого благополучия своим гвардейцам.

Не классовая ненависть и революционная убежденность, а невиданная в истории жестокость идейных компрачиковос гнала обольщенных лозунгами пролетариев на «бой кровавый». «Надо ставить солдат между возможной смертью впереди и неизбежной смертью позади», — писал военный краском Троцкий, изобретатель (вместе с Лениным и другими) чудовищно аморальной системы уничтожения людей. Мы вряд ли убедили современных циммервальдистов и компатриотов в некоторых причинах победы большевиков в гражданской войне, но, надеемся, все желающие честно разобратся в прошлом внимательно присмотрятся к «белым пятнам» нашей истории.

Еще одно такое «белое пятно» — Брестский мир (3 марта 1918). Что мы о нем знаем?.. Открываем первый попавшийся энциклопедический словарь: «Вынужден тяжелым положением страны; обеспечил выход из Первой мировой войны и мирную передышку для упрочения Советского государства». Во многих учебниках и этих слов не встретишь. Например, в «Краткой всемирной истории» (1967, под редакцией А. З. Манфреда) о Брестском мире вообще ничего не говорится, как будто это было пустяшное для России событие.

«Вынужден тяжелым положением страны...» Это катастрофическое положение во многом создано большевиками, ради своей власти укравшими у России победу. Они платили по предательским векселям, свергнув государство в полное разорение.

По имеющимся данным, пишет историк С. Н. Дмитриев, «Россия потеряла около 1 миллиона квадратных километров территории, где проживало более 50 миллионов человек, располагалось 54% всех предприятий, 33% железных дорог, добывалось 90% каменного угля, 73% железной руды и так далее»⁸³.

Отрежиссированное Лениным Брест-Литовское представление разыграл Троцкий. Сегодня не все знают, что 27 августа 1918 года дополнительно к официальному договору о позорном для России мире в Берлине было заключено секретное советско-германское финансовое соглашение и новый кабальный пакт (так называемая «нота Гинце»)»⁸⁴. Более 80 лет об этом предательском сговоре советские идеологи молчали.

Согласно принятым за спиной народа документам, Россия фактически отдавалась на беззастенчивый немецкий грабеж. «Главное же, что поражает в ноте и в ответе на нее Совнаркома РСФСР, — пишет в вышеуказанной работе С. Н. Дмитри-

ев, — это обоюдověраженное согласие сторон прилагать все взаимные усилия к борьбе внутри России с Добровольческой армией, интервентами Антанты и чехословацким мятежом». — Интересно, что по этому поводу скажут одописцы доблестной Красной Армии.

Иудины сребреники на крови народа превращались в миллиарды и текли потоками к большевистским благодетелям. Сопровождавший в октябре 1918 года русское золото в Берлин Андрей Тайгин (псевдоним?) свидетельствует: «Всего было принято 47 ящиков, содержащих в себе 191 слитков, весом 3125 кг чистого золота» (плюс 50 тысяч германских марок и 300 тысяч царских рублей. — *В. К.*). Еще до того было передано немцам — 16 сентября 1918 года — 42 860 кг золота и 30 сентября 1918 года — 50 676 кг золота. «Кроме золота, — пишет очевидец, — мы привезли и сдали... Мендельсону (известному банкиру. — *В. К.*) 113 635 тысяч рублей денежными знаками, что по тогдашней оценке золота равнялось 48 819 кг металла»⁸⁵.

Рекомендуем подсчитать хотя бы на указанных фактах, во что обошлась России «чистота большевизма». Кстати, о «чистоте» попутно сообщает тот же Тайгин. По согласованию с Адольфом Иоффе, полпредом в Берлине, членом советской делегации на переговорах о Брестском мире, и Вячеславом Менжинским, комиссаром финансов, банкир Мендельсон, принявший золото, выдал расписку, в которой значилось «...около 3125 кг» драгоценного металла. Ах, уж эта хваленая коммунистическая неподкупность... В статье Тайгина мелькнула еще одна примечательная деталь: в пути золото встречал родной брат Ганецкого–Фюрстенберга, того самого, от которого в июльские дни 1917 года, как от черта, отрекивался безбожник Ленин.

О практической реализации дополнительного секретного соглашения августа 1918 года рассказывает и Г. А. Соломон, бывший советский торговый представитель в Берлине: «...помню, — пишет он, — однажды к Иоффе приехал министр иностранных дел фон Гинце, если не ошибаюсь для того, чтобы условиться о деталях и порядке передачи... 6 миллиардов марок германскому правительству»⁸⁶. И у этого мемуариста фигурирует темный делец Ганецкий–Фюрстенберг, осуществлявший в 1918 году в Берлине вместе с Парвусом–Гельфандом поставку в Петроград 100 тысяч тонн угля с выгодным для них лично пятипроцентным «наваром» от сделки. Мошенничали до «Великой Октябрьской», продолжали греть руки и после нее.

Ленин и его клеветы в Брест–Литовске с легким сердцем отдавали Россию на растерзание; правда, вслух, при народе, они возмущались «похабным» миром, но то была игра опытных политических актеров. Их волновала не судьба поруганной и ограбленной страны, а бредовая идея всемирной пролетарской революции. Участвовавший в подготовке Брестского мира Карл Гельферих (заместитель Мирбаха в московском посольстве, потом помощник государственного статс–секретаря, немало сделавший для укрепления большевизма, но скоро осознавший его опасность) так писал в своей книге «Мировая война» (1919) о позиции дипломатов «ленинской школы» в Брест–Литовске: «С самого начала прибытия русской делегации для нас

стало ясно, что русские стремятся вести пропаганду мировой революции и хотят использовать эти переговоры для соответствующей агитации, причем, по всей очевидности, самая сущность переговоров их мало интересовала»⁸⁷.

И несколькими страницами ниже: «Было ясно, что г-н Троцкий не народный трибун, не идейный человек, приехавший в Брест–Литовск отстаивать интересы народа, а демагог, стремящийся только к тому, чтобы зажечь мировой пожар, совершенно не считаясь ни с жертвами, ни с последствиями этого пожара»⁸⁸.

Вначале переговоры о мире (точнее, диктовку немецкого ультиматума) вел генерал Людендорф, вскоре его сменил генерал Гофман — люди, знавшие всю большевистскую подноготную. Но «пламенные революционеры» не горели от стыда, а приглашенные на «массовку» трудяги, вроде безграмотного мужика Осташкова, лишь хлопали глазами. Нашелся лишь один человек, не выдержавший унижений, — русский генерал–эксперт В. Е. Скалон, покончивший самоубийством и оставивший предсмертное письмо (к сожалению, оно, вероятно, было уничтожено чекистами).

Кайзеровские посланники с нескрываемой иронией взирали на все происходящее. Генерал Гофман в перерыве между переговорами сказал корреспонденту одной газеты: «Забавные люди эти русские большевики. Они страдают [графо]манией и верят, что <...> могут кого–нибудь убедить в [своих] фантастических идеях»⁸⁹. Два года спустя, когда коммунистическое поветрие коснулось Европы, немецкому военному стратегу большевики уже не казались «забавными», и он призывал Запад к крестовому походу против Советов (см. в нашем сборнике статью «Генерал Гофман в борьбе с большевизмом»).

В Брест–Литовск ленинцы приезжали оплачивать свое предательство России, не скрываясь, договориться об удушении Белого движения и выяснить перспективы «перманентной революции». Ведавший в войну политической пропагандой на Востоке, лично причастный к субсидированию большевиков М. Эрцбергер вспоминал слова Адольфа Иоффе о том, «что он готов подписать все, если Германия не будет далее участвовать в раздроблении России и поддерживать русских монархических генералов Краснова и Алексеева»⁹⁰.

«Когда я 3 сентября [1918 года] снова разговаривал с русским посланником Иоффе, — продолжает Эрцбергер, — я был поражен, с какой легкостью он принимал договор; уступку Эстляндии и Лифляндии он назвал довольно безразличной для большевиков; главное, чтобы Германия помогла теперь большевикам; им надо выиграть время. Я указал Иоффе на последнюю речь Ленина, который выдвигал на первый план борьбу с чехословаками, чтобы дать русскому правительству продержаться до тех пор, "пока не вспыхнет мировая революция"»⁹¹.

Получалось совсем «по Грибоедову»: «...нам без немцев нет спасенья».

Брест–Литовская трагедия сильно ударила по России, от нее она в полной мере не могла отдышаться и после формальной ликвидации губительного договора в ноябре 1918 года. По выражению Зинаиды Гиппиус, «Россия поступила к немцам в батраки».

Тема «Ленин и немецкие деньги» вновь зазвучала на Западе в 1921 году, когда встал вопрос о самом существовании Совдепии. Восстания в Кронштадте и во многих других городах и селениях, невиданный ранее голод и другие события заставили вновь обратить внимание на Россию и вернуться к истокам и источникам комиссаро-державия. Наибольший резонанс вызвала статья «Темная история» известного германского социал-демократа Эдуарда Бернштейна в берлинской газете «Vorwärts» (1921, 14 января) и последующие его выступления, вплоть до запроса в Рейхстаг. Бернштейн, ссылаясь на «сведения от заслуживающего доверие источника», говорил о 50 миллионах золотых марок, полученных Лениным и его товарищами от кайзеровского правительства. МИД отделалось туманными отговорками. Вокруг автора скандального заявления возникли шум и толки в прессе. Виновник скандала тогда так и не назвал «некое лицо», от которого он получил разоблачительную информацию. Последнее обстоятельство сводило на нет честный порыв и в последующие годы дало ленинцам выгодный козырь против «клеветника». Благодаря недавним архивным разысканиям Юрия Фельштинского, удалось выяснить, что Бернштейн не лукавил, а получил сведения от депутатов Рейхстага Эккерта и Шюкинга. Вся эта история так бы и забылась, если бы в дело не вмешался Евгений Петрович Семенов...

Имя Е. П. Семенова (Соломона Моисеевича Когана) мало что скажет современному читателю. До революции он был известным журналистом, сотрудничал в «Биржевых ведомостях», «Речи», «Русском слове», «Дне» и других газетах. Его статьи печатались в «Свободе» (Женева), «Накануне» (Лондон), «Европейце» (Гельсингфорс) и других. 25 лет он служил, по его словам, «родной печати» в Париже, хорошо знал Анатоля Франса, Жана Жореса, Петра Лаврова и других общественных деятелей. Многие годы преподавал во французских институтах русский язык и отечественную литературу; выпустил содержательную книгу воспоминаний «В стране изгнания», в которой рассказал о Парижской коммуне, покушении Березовского на Александра II, своих встречах с «героем» 9 января Гапоном и других примечательных событиях⁹². «Великий Октябрь» встретил враждебно; был активным членом так называемого «Национального центра». После революции вновь оказался в Париже, где активно и смело защищал «русскую идею»; энергично участвовал в работе Национально-трудового союза (НТС), в связи с чем нажил себе много врагов. Написал ряд оригинальных книг-обвинений о немецко-большевистских связях, банковских махинациях франко-русских буржуазных дельцов⁹³.

Е. П. Семенов бесстрашно разоблачал позорную роль в революции финансовых «королей» А. Путилова, Д. Рубинштейна и других. В одной из своих брошюр публицист приводит цифру — 31 миллиард франков — на такую сумму Советское правительство обворовало французских держателей русских ценных бумаг. Мы дали столь подробную справку о Евгении Семенове-Когане потому, что он заслуживает глубочайшего уважения не только как неподкупный ревизор Октября, но и как один из первых патриотов-разведчиков в лагере, по его слову, большевизанов.

Теперь вернемся к заявлению Эдуарда Бернштейна и к тому, как в дело вмешался Семенов. Его статья «Германские деньги у Ленина» (она впервые в нашей стране печатается в сборнике) произвела переполох в Кремле. Автор не без смертельного для себя риска рассказал, как он вместе с группой белогвардейских офицеров и с помощью посольств стран Антанты в Петрограде организовал «добычу» в Смольном 53 подлинников и фотографий документов, изобличающих большевиков в тайных контактах с разведочным отделением германского Генерального штаба. О подробностях этой единственной в своем роде операции вы прочтете в статье Семенова. Он надеялся, что его признание поможет Эдуарду Бернштейну узнать правду о «немецких деньгах» в Рейхстаге. Увы, его надежда не оправдалась. Но память о его мужестве и любви к России осталась в публикациях, получивших широкую известность на Западе как «Документы Сиссона».

«Документы Сиссона», изданные в Вашингтоне в виде брошюр «Немецко-большевистский заговор» (1918, на английском языке) и «Немецко-большевистская конспирация» (1919, на русском языке), публикуются в России впервые.

Эти материалы получили свое название по имени американского журналиста, политика и разведчика Эдгара Сиссона, работавшего в Петрограде зимой 1917–1918 годов под видом первого заместителя председателя так называемого Комитета общественной информации Северо-Американских Соединенных Штатов. Как вы уже догадались, эти документы американцу передал Евгений Семенов. Полистаем их и остановим взгляд хотя бы на некоторых страницах.

Первые же документы (часть из них мы выше цитировали) поражают, нет — шокируют читателя, воспитанного на учебниках истории КПСС. Однако, надеемся, неоспоримые факты, приведенные из сборника Земана и других источников, уже развеяли старые иллюзии. Рекомендуем обратить особое внимание на документ № 5, помеченный «красным днем календаря», — 25 октября 1917 года: в Петрограде, согласно тайному совещанию немцев и большевиков в Кронштадте, устраивается шпионско-агентурное гнездо, называемое разведочным отделением русского отдела германского Генерального штаба. В помощь пока еще зеленым комиссарам выделяются опытные «консультанты» и офицеры, «в совершенстве владеющие русским языком и знакомые с русскими условиями». Первая реакция недоверчивого скептика: фальшивка! Не спешите с выводами (мы еще коснемся их). Присмотримся к одной лишь фамилии: майор фон Бельке (конспиративная кличка — Шотт). Имя этого немецкого агента не раз возникает в брошюре (документы №№ 35, 38 и другие). Именно о нем, как об организаторе неудавшейся провокации против белогвардейцев в Ростове, рассказывает Борис Никитин в книге «Роковые годы». Совпадают и другие сравнительные данные. При желании, очевидно, в немецких печатных и архивных источниках можно найти упоминание как этой личности, так и многих других.

Выходит, «выстрел “Авроры”» стал сигналом не только штурма Зимнего дворца, но и германской внутренней оккупации «родины Октября». Разведочное отделение, получая инструкции из Берлина, диктовало свои требования Ленину, Троцкому и другим о составе советского правительства, промышленно-торговых планах, военных и дипломатических операциях, агентурно-агитационной сети, наконец, убийствах «контрреволюционеров». Вряд ли большевики исполняли все немецкие приказы, но большинство из них послушно реализовывали, так как в противном случае их политический спектакль быстро бы оборвала армия Гофмана. Дисциплинированность ленинцев, к примеру, подтверждается организованными ими по указке Берлина провокациями против итальянского и румынского посольств (документы №№ 26, 27, 37, 37-а), изготовлением русских паспортов германским шпионам (фотографии страниц с оригинала одного такого паспорта публикуются в английском варианте брошюры), попыткой разоружения финляндской Красной гвардии (документ № 43 и т. д.).

В «Документах Сиссона» названы десятки имен агентов, шпионов, провокаторов, подлинность существования которых, думаем, еще будет установлена (отчасти такая работа проведена нами в Примечаниях). «Знакомство» с двумя из них не вызывает у нас сомнения. Первый — отставной офицер русского флота В. А. Панов, работавший на немецкую разведку во Владивостоке (документы №№ 9, 29, 51). Он был редактором прояпонской газеты «Дальний Восток» и, «обиженный» Сиссоном, выпустил даже книгу с целью своей реабилитации⁹⁴.

Нелепо представлять, что Евгений Семенов и его друзья вместе с Эдгаром Сиссоном придумали фигуру этого немецкого холопа, дали ему точный адрес и прочее. Краеведы Воронежа, Ростова, Самары, Омска, Иркутска и других городов встретят (см. документы № 51 и др.) здесь фамилии своих земляков-предателей и при определенном старании могут выяснить их подлинные физиономии. Вообще, «Немецко-большевистская переписка» даст богатую пищу для размышлений и исследовательских поисков историков всех рангов и интересов.

Элементарно выясняется бытие германо-большевистского агента-убийцы, специалиста «по ликвидации отдельных контрреволюционеров» (документ № 39) князя Мачабели (Мачабелли), в январе 1918 года отправленного «красными» для выполнения «мокрых дел» на кавказский фронт. Из сборника Земана (документ № 12) видно, что сей грузинский князь-сепаратист еще в мае 1916 года состоял на службе немецкого Генерального штаба, получил тогда для своих «мероприятий» 2 тысячи рублей и 1 миллион 500 тысяч франков. Небезынтересно было бы проследить, во имя каких целей расходовались эти деньги.

«Документы Сиссона» заставляют расстаться со многими советскими легендами и, в частности, с легендой о дате рождения Красной Армии, получившей 23 февраля 1918 года «коммунистическое» боевое крещение под Псковом, Ревелем и Нарвой. Из того, что теперь известно, невозможно представить дни «героической

защиты завоеваний Октябрьской социалистической революции от нашествия полчищ германского империализма...» (История КПСС, 1971). В эти дни в Брест-Литовске уже был готов мирный договор, подписанный, напомним, обеими сторонами 3 марта. Спустя несколько дней после «героического сражения» Псков был взят немцами без боя — об этом сохранились воспоминания свидетелей и участников событий. Можно допустить, что стычки отрядов перед этим происходили, но не такие эпохальные. 26 февраля 1918 года Ленин получил от начальника русского отдела германского Генерального штаба О. Рауша следующую депешу: «Отделение штаба имеет честь просить сведения о настроении направляемых к Пскову отрядов и предостерегает от возможных печальных последствий, если в этих отрядах будут вестись патриотическая пропаганда и агитация против Германской армии» (документ № 30. Э. Сиссон, публикуя это письмо, ссылается на наличие оригинала). Следующий документ еще раз подтверждает доверительность отношений председателя СНК и его покровителей. Остается еще раз пожалеть, что архивы германского Генерального штаба таинственным образом исчезли — они бы, уверены, не оставили от красных мифов и следа. Пусть военные историки займутся этим вопросом основательно.

Эдгар Сиссон встречался с Лениным, посещал Смольный, бывал на заседаниях Петросовета и на митингах, обладал уникальной секретной информацией. Книга Э. Сиссона «Сто красных дней. Персональная хроника большевистской революции» (1931) дает прекрасную возможность заглянуть внутрь германо-большевистского заговора.

В спорах о «Документах Сиссона» повергает в недоумение тот факт, что скептики даже не задают вопроса, где находятся 15 оригиналов и 38 фотографий писем. Может быть, они преспокойно лежат в архиве Конгресса США, если, конечно, ленинцы в свое время не позаботились об их уничтожении. Не лучше ли разыскать эти (да и другие) документы, провести экспертизу, наподобие той, что в 1918 году проводила американская правительственная комиссия, и на том закончить 80-летнюю дискуссию? Нет, продолжается политическая игра, научно-исторические подходы к анализу материалов подменяются идеологическими стереотипами. Голос главного похитителя большевистских секретов Евгения Семенова, допускаявшего подложность отдельных копий писем (на тайне зарабатывали его недобросовестные знакомые), совершенно игнорируется.

Левая печать, убеждают нас, морщилась при виде «Документов Сиссона». Допускаем (на то она и левая), а вот правая — белогвардейская — не только верила разоблачениям, но и дополняла, уточняла факты, давала, в отличие от радикальных говорунов, убедительные личные показания⁹⁵. На выход американской брошюры в 1918–1919 годах откликнулись многие новочеркасские, ростовские, сибирские, приамурские, дальневосточные газеты, среди авторов которых были люди, не понаслышке, а воочию знавшие тайны дворца Кшесинской и Смольного.

«Документы Сиссона», кроме прочего, в своей основе убедительны примечаниями составителя. Предлагаем бегло их прочитать вместе с нами.

Документ № 9 сообщает о поездке во Владивосток с диверсионными целями помощника главного морского комиссара Кудряшова. Небылица? Тогда откуда Э. Сиссон знает, что этот красный товарищ был по дороге в Сибирь убит и т. д. — ведь не могли же американец Сиссон или русский Семенов задним числом сочинить документ, подробности которого так удивительно совпадают.

Документ № 18 говорит, помимо остального, о необходимости посылки к немцам матроса Драчука агитатором–пораженцем в лагерь для русских военнопленных в Германии. Составитель брошюры, проявляя завидную информированность, сообщает, что матросик этот в данное время (декабрь 1917 года) в Севастополе. Деталь маленькая, но характерная, говорящая о знании Сиссоном кайзеровской агентуры среди русских. То же относится и к документу № 20, в примечании к которому точно аттестуется большевистский агитатор Дзевалтовский. С чего бы это заниматься такой «мелочью» американскому разведчику?..

О личной осведомленности Сиссона — мы уже об этом говорили — свидетельствуют его строго фактические комментарии к документам №№ 26, 27, 35, 37, 37–а, 39. Еще одна деталь (примеры можно увеличить): некий адвокат Ионас Кастрен долго служил немецким агентом, устраивал радушный прием большевикам в Стокгольме, потом переметнулся к белым и имя это наверняка затерялось бы среди тысяч других, но оказалось, автор примечания лично его знает по Гельсингфорсу (документ № 53) — так секретное послание большевистской контрразведки обрело вполне реальное очертание. От исследователя требуется сосредоточенный и всесторонний анализ (колоссальная черновая работа!), если он не располагает исходными документальными данными. Наконец, компетентность Сиссона проявляется в его расшифровке и комментариях к инициалам фамилий красных чиновников и разным сопроводительным пометкам на письмах немецкой разведывательной службы к Ленину, Троцкому и другим. Несомненно, «Документы Сиссона» еще подвергнутся профессиональному разбору на фоне непростых отношений американцев с Белым движением и Советами.

Правдивость материалов подтверждают не только частные доказательства, но и вся последующая политика большевиков после победы в гражданской войне. Когда Германия по Версальскому мирному договору осталась у разбитого милитаристского корыта, Ленин, а за ним и Сталин, продолжая свою социальную демагогию, поддерживали немецкую военщину на ее пути к фашизму. Лишь в 1992 году были опубликованы сверхсекретные материалы о том, как Советская власть, вопреки усилиям Парижской мирной конференции 1919–1920 годов, предоставляла территорию СССР для развития германской военной промышленности и подготовки военных кадров (Липецк, Томск и другие города), пестуя на будущее своего собственного врага⁹⁶.

Только теперь убеждаешься, насколько простодушна была «мировая общественность», отказывавшаяся верить вероломному сговору. А ведь, к примеру, уже 9 мая 1922 года газета «Последние известия» (Ревель) писала: «Полученное из Парижа

сообщение о заключении 3 апреля в Берлине секретного соглашения между представителями генеральных Штабов — германского и Красной Армии (Троцкого) — является известием чрезвычайной важности. Правда, некоторые газеты считают это соглашение недостоверным, источник, откуда впервые получены эти сведения, — не заслуживающим безусловного доверия, но текст этого соглашения составлен так правдоподобно, с таким знанием военной обстановки, политическая обстановка настолько соответствует возможности такого тайного военного соглашения, что пренебречь им, не обратить на него внимания нельзя»⁹⁷.

Увы, пренебрегли, не захотели вникнуть в родственную природу уже заматерелого большевизма и нарождавшегося фашизма. Нельзя забывать, что именно генерал Э. Людендорф, помогший Ленину совершить Октябрьский переворот в Петрограде, помог в 1923 году Гитлеру организовать неудавшийся фашистский путч в Мюнхене. В этом зловещем свете, оказывается, вовсе не звучит сплетней, на первый взгляд, обывательский слух в газете «Свобода» (1921): «...перехвачена переписка Ленина с советскими представителями в Германии, в которой московский диктатор призывает их следовать инструкциям, которые им будет давать Людендорф»⁹⁸. Ничему не научившимся у истории «левакам» полезно бы знать слова Карла Каутского: «...фашизм есть не что иное, как большевизм наизнанку, а Муссолини — лишь обезьяна Ленина»⁹⁹.

Драматическая судьба «пламенных революционеров» известна: почти все пассажиры «запломбированных вагонов», а с ними и тысячи других изменников России погибли в застенках. «Историческая Немезида, — справедливо писал В. Л. Бурцев, — карала их за то, что они делали в 1917–1918 годах и позднее»¹⁰⁰. Сталин их уничтожил не как патриот–мститель, а как диктатор — властолюбец, понимавший необходимость сокрытия «провокации века». Вместе с Яковом Фюрстенбергом, Григорием Зиновьевым, Львом Караханом, Карлом Радеком, Христианом Раковским и другими германскими пособниками на какое–то время скрылась рейхсмарочная тайна большевизма. В жертву историческому Молоху были отданы и миллионы честных жизней.

Время судит, больная память народа оживает, затуманенная десятилетиями лжи, она воскресает и говорит авантюристам словами русского патриота Григория Алексинского: «Вы верили в маленький Циммервальд, вместо того чтобы верить в великую Россию»¹⁰¹.

Драма идей Ленина и ленинцев ничего не стоит по сравнению с трагедией народа и страны. И тому нет забвения.

Россия всегда будет помнить вещие слова Ивана Бунина: «Но позора земли никогда не прощает Земля!»

ПО СЛЕДАМ ИЗМЕНЫ

Ленин, Ганецкий и К^о — шпионы!

При письме от 16 мая 1917 года за № 3719 начальник штаба Верховного главнокомандующего препроводил военному министру протокол допроса от 28 апреля сего года прапорщика 16-го Сибирского стрелкового полка Ермоленко¹. Из показаний, данных им начальнику Разведывательного отделения штаба Верховного Главнокомандующего, устанавливается следующее. Он переброшен 25 апреля сего года к нам в тыл на фронт 6-й армии для агитации в пользу скорейшего заключения сепаратного мира с Германией. Поручение это Ермоленко принял по настоянию товарищей. Офицеры германского Генерального штаба Шадицкий и Люберс ему сообщили, что такого же рода агитацию ведет в России агент германского Генерального штаба и председатель украинской секции «Союза освобождения Украины»² А. Скоропись-Иолтуховский³ и Ленин. Ленину поручено стремиться всеми силами к подрыву доверия русского народа к Временному правительству. Деньги на агитацию получают через некоего Свендсона⁴, служащего в Стокгольме при германском посольстве. Деньги и инструкции пересылаются через доверенных лиц.

Согласно только что поступившим сведениям, такими доверенными лицами являются в Стокгольме: большевик Яков Фюрстенберг⁵, известный более под фамилией «Ганецкий», и Парвус (доктор Гельфанд)⁶. В Петрограде — большевик, присяжный поверенный М. Ю. Козловский⁷, родственница Ганецкого — Суменсон⁸. [Козловский является] главным получателем немецких денег, переводимых из Берлина через «Disconto-Gesellschaft» в Стокгольм («Нуа-Банкен»), а отсюда — в Сибирский банк в Петрограде, где в настоящее время на его текущем счету имеется свыше 2 000 000 рублей. Военной цензурой установлен непрерывный обмен телеграммами политического и денежного характера между германскими агентами и большевистскими лидерами.

■ ■ ■

По распоряжению Временного правительства были выключены вчера телефоны во всех большевистских организациях, в типографиях, занятых большевиками, и в частных квартирах большевиков. Ввиду угрозы большевиков захватить телефонную станцию, на Морскую улицу к помещению, занимаемому телефонной станцией, был послан бронированный автомобиль.

По полученным сведениям, большевики готовили нападение на контрразведывательное отделение Генерального штаба. К помещению, занимаемому отделением, был выслан бронированный автомобиль.

■ ■ ■

Кто разоблачил Ленина?

Комитету журналистов при Временном правительстве доставлено за собственноручной подписью члена 2-й Государственной думы Г. Алексинского⁹ и шлиссельбуржца В. Панкратова¹⁰ следующее письмо:

«Мы, нижеподписавшиеся, Григорий Алексеевич Алексинский, бывший член 2-й Государственной думы от рабочих г. Петрограда, и Василий Семенович Панкратов, член партии социалистов-революционеров, пробывший 14 лет в Шлиссельбургской каторжной тюрьме, считаем своим революционным долгом опубликовать выдержки из только что полученных документов, из которых русские граждане увидят, откуда и какая опасность грозит русской свободе, революционной армии и народу, кровью своей эту свободу завоевавшим. Требуем немедленного расследования.

[Подписи]: *Г. Алексинский, В. Панкратов.*

(Живое слово. 1917. № 51, 5 июля)

Государственная измена «Правды» доказана!

В 7 часов утра 5 июля по распоряжению штаба военного округа был произведен обыск в редакции газеты «Правда». Между прочим при обыске было найдено полученное редакцией газеты «Правда» письмо от какого-то барона из Хапаранды на немецком языке. В письме этом барон, приветствуя действия большевиков, выражает надежду, что большевики возымеют преобладающее влияние в Петрограде, и он ясно себе представляет, какую радость это обстоятельство вызовет в Германии. Этот барон уверен, что победа за Германией обеспечена и что необходимо приблизить мир. В конце письма сообщается адрес барона, по которому он просит в случае надобности его уведомлять.

Прибывшие вслед за правительственным нарядом инвалиды уничтожили отпечатанные номера «Правды», частью бросив их в Мойку, частью сжегши.

Предательница Суменсон арестована

5 июля по ордеру главнокомандующего войсками Петроградского военного округа в гор. Павловске был произведен арест госпожи Суменсон, которая, по данным Главного управления Генерального штаба, находилась в постоянных деловых отношениях с проживающим в Стокгольме большевиком Я. Фюрстенбергом (Ганецким).

В Военном министерстве имелись сведения, частью уже опубликованные в печати, о том, что Ганецкий при посредстве Суменсон установил сношения с Петроградом, источник которых находится в Германии.

В Павловск был наряжен специальный отряд, который после обыска и произвел арест. При обыске найдены обширная переписка, главным образом коммерческого характера, чековые и расчетные книжки и другие документы. Между прочим г-жа Суменсон заявила, будто бы она не имела представления о том, что Я. Фюрстенберг именуется Ганецким.

(Живое слово. 1917. № 52, 6 июля)

Доклад Алексинского

Вчера под председательством Г. В. Плеханова состоялось заседание группы «Единства», в котором был заслушан доклад бывшего депутата Алексинского по поводу имеющих у него документальных данных о преступных сношениях в интересах Германии большевика Фюрстенберга (Ганецкого), проживающего в Стокгольме, с отдельными представителями большевизма в Петрограде.

Подробности по этому поводу, отпечатанные в докладе, произвели на присутствующих угнетающее впечатление.

Арест Шперберга¹¹

В связи с опубликованными данными о Ганецком, Суменсон и др. арестован владелец экспортной конторы Шперберг, который, по сведениям штаба, содействовал в передаче писем из России в Швецию. Шперберг был подвергнут в штабе продолжительному допросу.

Разоблачение большевиков депутатом Гаазе¹²

Полученная сегодня в Петрограде из Копенгагена телеграмма гласит:

«Германский социал-демократ, известный депутат Гаазе, проездом из Стокгольма, в беседе с русским журналистом утверждал, что известный социал-демократ Гельфанд, он же Парвус, служил посредником между большевиками и германским правительством, тот же Парвус доставлял нашим большевикам субсидии от германского правительства».

Дуэль министров из-за Ленина!!!

Ночью нам передано сенсационное сообщение. Оказывается, опубликованный газетой «Живое слово» материал о подкупе и предательстве Ленина и К° России вызвал ожесточенные пререкания между министром юстиции Переверзевым¹³ и бывшим министром путей сообщения Некрасовым¹⁴.

Министр юстиции Переверзев настаивал на скорейшей передаче и опубликовании [сведений о] предательстве и подкупе Ленина и К° в печати.

Министр Некрасов противился этому опубликованию и заявлял, что сведения о Ленине и его предательстве являются пока данными предварительного следствия.

Прения двух министров были ожесточенными, и, когда Некрасов узнал, что министр юстиции передал сведения о Ленине всем газетам для опубликования, — он настолько вышел из себя, что заявил даже о возможной между Переверзевым и им дуэли.

Итак, кровь из-за Ленина еще не остановилась, а может, снова прольется.

Правда это или... тревожный слух?!

■ ■ ■

Позднее, ночью, редакция получила весьма достоверное известие о том, что Совет инженеров привлекает бывшего министра путей сообщения Некрасова к суду за то, что последний пытался скрыть от населения правду о Ленине и его германских друзьях.

■ ■ ■

Арест Козловского

Около 9 часов вечера 6 июля арестован у себя на квартире большевик, присяжный поверенный М. Ю. Козловский; во время ареста у Козловского происходило какое-то заседание. Все участники совещания также арестованы.

Задержанные доставлены на грузовом автомобиле в штаб округа.

Побег Коллонтай¹⁵

Поздно ночью сообщили, что сподвижница Ленина Коллонтай бежала из-под ареста. Она находилась на допросе в штабе военного округа. Оттуда ее должны были провезти в пересыльную тюрьму. Дорогой она скрылась.

Официального подтверждения этого побега не получено.

(Живое слово. 1917. № 53, 7 июля)

Нет худа без добра

Есть старая поговорка: нет худа без добра.

Кровавые дни в Петрограде¹⁶ выдвинули новую поговорку: и нет добра без худа.

Правда, слишком уже велико «худо», слишком уж чудовищной ценой куплено «хорошее», но что же делать, если иного выхода, иного пути для спасения не было.

Чуть ли не с первых дней революции, наряду с возведенным новым началом, в русскую жизнь вошла нездоровая, позорная струя: большевизм. Как ядовитый паук, «большевизм» раскинул свою паутину над Петроградом, над Москвой, над всей Россией и начал свою тлетворную работу. И не было сил бороться с омерзительным течением.

С благосклонного разрешения властей нарастал и клубок измены и предательства, все больше и больше сторон русской жизни охватывал он. В то время, когда большая часть русского общества объединилась вокруг Временного правительства, в то время, когда лучше русские силы героически боролись на фронте за честь и свободу отчизны, — в это время верные друзья Германии добросовестно служили Вильгельму II.

Ленин, Зиновьев¹⁷, Каменев¹⁸, Стеклов¹⁹, поддерживаемые трусливой частью Петроградского гарнизона и малосознательными рабочими, населяющими, по преимуществу, Выборгскую сторону, сбросили маску и свою подпольную деятельность вынесли на улицы столицы.

И вот в продолжение четырех дней Петроград был во власти расвирепевших разбойничьих банд. В продолжение четырех дней лилась на улицах русского города русская кровь, сознательно проливаемая русскими людьми. Обезумевшая чернь с ярлыком «большевизма» на голове убивала и насиловала мирных граждан, распинала молодую свободу, покрывая и себя, и своих вождей, и свою политическую партию несмываемым позором.

А вожди?

Вожди были с ними.

Ленин с вышины балкона дворца Кшесинской благословил разбойников, идущих на грабежи и убийства; Троцкий не постыдился назвать их «красой и гордостью русской революции».

Ныне свершилось. Большевики скомпрометированы, дискредитированы и уничтожены. Развезано их проклятое гнездо. С позором изгнаны они из особняка Кшесинской, а их соратники-анархисты — из дачи Дурново.

Мало того, они изгнаны из русской жизни, их учение бесповоротно провалилось и оскандалило и себя, и своих проповедников перед целым светом и на всю жизнь. Отныне мы знаем, кто они, эти «большевики».

Шпионы.

Предатели.

Разбойники.

Грабители.

И этим людям нет места среди честных русских людей. Их место — тюрьма и Германия. Никто уже против этого положения не станет спорить.

Кровавые июльские дни явились лучшим и красноречивым доказательством этой мысли.

«Великое худо» «сделало добро».

Иос. Хейсин

(Живое слово. 1917. № 54, 8 июля)

Постановление об аресте Ленина и других

Прокурорский надзор, на основании распоряжения Временного правительства о привлечении организаторов событий 3 и 4 июля, подписал ордер об аресте Ленина, Зиновьева, Троцкого и Каменева. Поздно вечером Троцкий и Каменев сообщили Исполнительному комитету [Совета рабочих и солдатских депутатов], что они согласны немедленно явиться и отдаться в руки властей, но только при условии, если Исполнительный комитет рабочих и солдатских депутатов также подпишет ордер об их аресте.

По распоряжению временно управляющего Министерством юстиции прокурор Судебной палаты командировал в контрразведку товарища прокурора палаты Пенского и несколько товарищей прокурора окружного суда для производства следствия по делу Ганецкого, Зиновьева, Каменева, Ленина и Троцкого.

Расследование о Ленине, Каменеве, Троцком, Козловском, Генецком, Суменсон и др. ведется быстрым темпом. Найден богатый материал. Сегодня предполагается допрос Алексинского и бывшего министра юстиции П. Н. Переверзева. Расследование закончится в конце этой недели.

Показания прапорщика Ермоленко

Прапорщик Ермоленко, выступивший с разоблачениями Ленина и К°, дает следующие интересные показания.

Немецкое предложение. Предложение ехать в Россию для пропаганды скорейшего заключения мира было сделано мне немцами 27–28 марта. Я принял предложение, имея в виду по прибытии в Россию доложить все, что я знаю, и тем испортить работу немцев в этом направлении.

На аэроплане. Мне предложили перелететь на аэроплане во Владимир–Волынский направлении, где я буду ссажен в верстах 100 в русском тылу. Аэроплан, на котором я полечу, русские не будут обстреливать потому, что опознавательные германские знаки будут закрыты.

Посылка немецких шпионов. В это время я узнал, что в Россию послано много шпионов, а также агентов для взрыва мостов, поджога складов, магазинов, военных заводов. В марте сего года посланы специальные агенты для взрыва Сунгарийского и Заамурского мостов.

Мой путь в Россию. В конце апреля (по новому стилю) по приказанию я выехал на австро-румынскую границу в сопровождении фельдфебеля. Со мною в другом вагоне ехали три наших солдата, предназначенные для переброски в Россию. Отсюда мы поехали в Будапешт, затем в Бухарест...

Ликвидация гнезда большевиков

Арест жены Ленина. В ночь на вчерашний день на Широкой улице, в д. № 48, в квартире зятя Ленина, был произведен вторично обыск. Явилось около 50 солдат и офицеров. Сделаны выемки некоторых документов. После обыска были арестованы зять Ленина, директор пароходства по Волге, его служанка и госпожа Ульянова. Спустя несколько часов зять Ленина и служанка были отпущены, а г-жа Ульянова домой не вернулась.

Аресты большевиков. Арестованы двое вожаков большевизма в Петергофе — прапорщик Дашкевич²⁰ (член Петергофского совета рабочих и солдатских депутатов) и Черновицкий. Учительница Юргенсон, являющаяся третьей вдохновительницей большевизма и также одной из главных вдохновительниц памятного нападения на безоружных юнкеров, бежала. Бежать удалось также солдату Толкачеву, принимавшему деятельное участие в организации большевиков в Петрограде и в избииении юнкеров.

Вчера арестован в Петрограде член Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов Э. Я. Вевер²¹, рабочий Подковного завода. Вевер — латыш, плохо изъясняется по-русски и, по-видимому, мало осведомлен обо всей организации и Совете рабочих и солдатских депутатов, так как даже Чхеидзе²² он упорно называл «Чихидзе».

Обыск в редакции «Правды». Вчера в помещении редакции «Правды» состоялся второй обыск. Во второй комнате от входа в ящике письменного стола было обнаружено несколько отпечатанных воззваний с реабилитацией Ленина и других вождей большевизма в напраслине якобы возводимых на них обвинений.

Представители следственных властей весьма удивились надписям, сделанным на обороте нескольких таких воззваний. Надписи сделаны карандашом и одним и тем же почерком. Между прочим, одна из надписей составлена так: «По ордеру № 338 на распространение немецких прокламаций 50 рублей».

Арест Бонч-Бруевича²³ и Стеклова. Вчера на даче в Мустаках (по Финляндской железной дороге) арестованы нарядом морских юнкеров большевики Бонч-Бруевич и Стеклов (Нахамкес).

Где Ленин? По некоторым данным, Ленин уехал через Лисий Нос. Местные дачники говорят, что в день опубликования письма Алексинского к пристани Лисьего Носа подъехало три автомобиля. Впереди шел грузовик с солдатами и пулеметом, затем роскошный легковой автомобиль с двумя пассажирами, и замыкал процессию опять грузовик с солдатами и пулеметом.

На пристани два господина вышли из автомобиля и пересели в паровой катер. Один из них, одетый моряком, похож на Ленина.

О месте, где скрывается Ленин, среди дачников Лисьего Носа циркулируют две версии. По одной — его увезли в Кронштадт и поместили на одном из броненосцев, где большинство команды — его последователи. По другой, — Ленин из Кронштадта будет перевезен в Финляндию и оттуда бежит за границу.

(Живое слово. 1917. № 56, 11 июля)

Нахамкес I и его сподвижники

Когда совершается революция сумбурная, стихийная, революция снизу, как это было у нас, и власть временно валяется на улице, чьи руки спешат ее ухватить?

Люди чистые, честные, полны колебаний, сомнений. Так было с Керенским. Он далеко не сразу стал у власти и получил, вернее, взял портфель министра юстиции.

Для человека добросовестного — шутка ли сказать — какая великая ответственность!

Совсем иное дело — люди ничтожные, шушера, всякая политическая рвань, проходимцы... О, как жадно тянутся их грязные руки к власти, никем еще не подобранной, пока продолжающей валяться в пыли и грязи среди потной возбужденной толпы.

И вот видные революционные деятели Плеханов, Вера Фигнер, Брешко-Брешковская²⁴, Лев Дейч²⁵, Герман Лопатин²⁶ остались как-то в стороне. Им отдали дань уважения и только. Власть их никто не познал, ибо соседство таких крупных и честных людей было бы невыгодно для невежд, тупиц, ничтожеств, бывших полуохранников, а в настоящем — немецких агентов.

Вспомните ярко засиявшую на кронштадтском небосклоне звезду Рошалья²⁷. Что такое Рошаль? Мальчишка, истерик, полусумасшедший, скрывающийся от воинской повинности, субъект, не выговаривающий чуть ли не всех тридцати букв и забрызгивающий собеседника слюной. Ис с этой мразью считались. С этой мразью вступало в переговоры Временное правительство. Эта мразь верховодила всем кронштадтским гарнизоном...

Но Рошаль — «знаменитость провинциальная». Он подвизался в «Кронштадтской республике». В столице же революционная волна выбросила Стеклова-Нахамкеса. Что такое Нахамкес?

Ренегат, от которого отшатнулось все еврейство. Господин, трижды менявший религию и всеподданнейше припадавший к стопам Николая II, дабы тот перекрестил его из Нахамкеса в Стеклова. Все это всплыло наружу, и Нахамкес довольно быстро себя скомпрометировал. Даже горьковская «Новая жизнь»²⁸, эта смрадная пораженческая газета, про которую можно подумать, что она издается в Берлине, даже она выгнала Нахамкеса, певшего в ней бездарные гимны прслетариату и громившего буржуазию, ту самую буржуазию, которая давала «кусочек хлеба с маслом» и самому товарищу Нахамкесу, и супруге его, содержащей на Литейном проспекте «Институт красоты».

С каждым днем за демократом и пролетарием Нахамкесом открываются все новые и новые художества. Писали в газетах о какой-то гешефтмахерской комбинации с домом графини Клейнмихель на Сергиевской — комбинации при благосклонном участии «товарища» Нахамкеса.

Но «Института красоты» и коммерческих сделок честолюбивому ренегату Нахамкесу недостаточно. Захотелось власти, захотелось играть политическую роль. Захотелось прыгнуть сразу в революционные вожди. Стать Нахамкесом I. Первый — это звучит гордо. Это уже что-то наполеоновское или, по крайней мере, напоминающее фараонов — Псамметихов и Рамзесов. И вот в содружестве с маленьким адвокатом Н. Д. Соколовым²⁹, ныне «сенатором», Нахамкес выпускает первый из своего «Института красоты» знаменитый приказ № 1³⁰. Этим приказом товарищи Соколов и Нахамкес добились того, чего за три года войны не могли добиться Вильгельм, Гинденбург³¹ и Макензен³². Кайзер со своими генералами не могли уничтожить русскую армию, не могли при всей своей стратегии и технике. Соколов и Нахамкес приказом своим «уничтожили» русскую армию, настолько разложив ее, что немцы прут в глубину России без всякого сопротивления по следам убегающей армии, численно превосходящей вчетверо своего противника.

Если бы «товарищ» Нахамкес и «сенатор» Соколов бессознательно — это другой вопрос — были друзьями России, а не Германии, они оградили бы армию от своей разлагающей политики. И тогда — тогда свободная революционная армия, дружно наступая вместе с союзниками, уже разбила бы германцев и враг пошел бы на какие угодно уступки. И вот тогда-то немцы в порыве отчаяния свергли бы свою династию, погубившую страну своею кровавой авантюрой. Немцы же в роли победителей или, во всяком случае, неразбитые, никогда не свергнут Вильгельма, а, наоборот, скажут, что это великий монарх, спасший Германию от мировой коалиции.

Таким образом «товарищ» Нахамкес и «сенатор» Соколов приказом своим спасли германский империализм. Такой величайшей услуги и Вильгельм, и кронпринц, и Гинденбург с Макензеном никогда не забудут. «Не забудет» ее и Россия. Не Россия этих дней, больная, полусумасшедшая, раздираемая анархией и вакханалией продажных мерзавцев. Но когда она отрезвится, когда пройдет опьянение, когда Россия стряхнет наконец от себя, как паршивых насекомых, всю политическую рвань, она поймет, кто привел ее на край гибели.

В этой гибели нахамкесы не одиноки. Им дружно помогала банда эмигрантов, которых «выплюнула» в Россию целыми поездами якобы plombированных вагонов Германия.

Как из рога изобилия, удушливыми газами, чумою, сибирскою язвою хлынули к нам товарищи Ленины, Зиновьевы-Апфельбаумы, Троцкие-Бронштейны, Луначарские.

Один из них — Троцкий-Бронштейн, имевший наглость требовать: «Пусть Керенский явится сюда для оправданий», — пытался вести пораженческую пропаганду во Франции. Но Франция — не Россия. Франция выгнала товарища Троцкого,

«выплюнув» его в Испанию. Но и там, за Пиренеями, этот фрукт пришелся не по вкусу, и товарищу Бронштейну пришлось покинуть Испанию. Зато Германия приняла в объятия это сокровище, поспешив направить его в Россию. Здесь этот господин процветает и благоденствует. Даже после кровавых событий 3-го, 4-го, 5-го июля.

Целая группа «пломбированных» эмигрантов, влачивших в Швейцарии нищенское существование, выправивших два-три франка, в Стокгольме швырялась деньгами, веселилась в дорогих ресторанах, одевалась у лучших портных.

В самом начале апреля в Стокгольме безнадежно падавший русский рубль вдруг сразу поднялся в цене. Стокгольмские банки сбились с ног, скупая русские кредитные бумажки, скупая на целые миллионы. Это продолжалось недолго, несколько дней. После этого рубль упал опять, а после этого прибыла в Стокгольм вторая группа эмигрантов, выкинувшая в Белоострове лозунг «Да здравствует Германия!»

Во имя чего это делалось — все мы знаем теперь, когда карты раскрыты и глава большевизма трусливо бежал в Германию.

Старый режим душил нас, мы приходили в ужас от предательства Александры Федоровны³³, Штюмерера³⁴, Протопопова³⁵. Но все это делалось втихомолку, за кулисами. А теперь наводнившая Россию политическая сволочь продает нас открыто, нагло, продает в тылу и на фронте, на суше и на море, продает везде, потому что немецкие миллионы сыплются щедрою волною. Выгодней бросить сотню-другую миллионов на пропаганду, чем платить контрибуцию большими миллиардами.

Поймет ли это все наконец Россия?..

Ник. Брешко-Брешковский

Ленинцы и германские деньги

Из Лондона сообщают о результатах расследования, проведенного стокгольмским корреспондентом «Таймс» по «ленинскому делу». Корреспондент сообщает, что слух о том, что большевистскому движению в России Германия оказывала денежную поддержку через посредство скандинавских банков, оказался по проверке совершенно справедливым.

Установлено, что денежные операции по переводу денег в распоряжение руководителей большевистского заговора производились через посредство Копенгагенского «Ссудного и Дисконтного банка» и Стокгольмского «*Нуа-Банкен*»³⁶. Директор последнего банка подтвердил, что через этот банк проходили переговоры на значительные суммы для русских, о которых в настоящее время возбуждено в России дело, но он никогда не предполагал, что имеет дело с преступными действиями.

(Живое слово. 1917. № 63, 19 июля)

ПРОКУРОР ОБВИНЯЕТ

Приводим с сокращениями официальное сообщение прокурора Петроградской судебной палаты¹.

В настоящее время могут быть сообщены без нарушения тайны предварительного следствия лишь некоторые данные, установленные свидетелями и документами, послужившими основанием для привлечения Ульянова (Ленина), Апфельбаума (Зиновьева), Коллонтай, Гельфанда (Парвуса), Фюрстенберга (Ганецкого), Козловского, Суменсон, прапорщиков Семашко² и Сахарова³, мичмана Ильина (Раскольников)⁴ и Рошала в качестве обвиняемых по 51-й, 100-й и 108-й статьям уголовного уложения в измене и организации вооруженного восстания.

Расследование факта вооруженного восстания 3–5 июля в Петрограде с целью свержения Временного правительства и обстоятельств, при которых это восстание произошло, показало, что оно возникло и протекало по указаниям Центрального комитета РСДРП.

Все руководящие указания исходили из дома Кшесинской, называемого свидетелями «штабом Ленина», где и помещался Центральный комитет. В доме Кшесинской были обнаружены бланки Военной организации при Центральном комитете РСДРП. На таких же именно бланках отдавались в воинские части письменные распоряжения о вооруженном выступлении.

В ночь с 4-го на 5-е июля в военную петроградскую автомобильную мастерскую на таком бланке было прислано предложение названной мастерской привести в боевую готовность броневые машины с пулеметами, шоферами и опытными пулеметчиками и предоставить их в распоряжение Военной организации. На таком же бланке был написан приказ о присылке в Кронштадт крейсеров.

Кроме того, там же найдены: 1) заметки о распределении воинских частей и «вооруженных рабочих» по районам, о распределении между отдельными лицами обязанностей по заведованию вооруженными силами, по разведке и внешнему караулу, по сно-

шению с частями, по Петропавловской крепости и сведения о воинских частях, входящих в группу Выборгской и Петроградской стороны и Марсова поля и об установлении связи с различными полками. 2) Резолюция, принятая на заседании конференции РСДРП и делегатов от заводов и воинских частей 3 июля, в 11 час. 40 мин. вечера. В резолюции этой рекомендуется: немедленное выступление рабочих и солдат, для того, чтобы продемонстрировать выявление своей воли. Резолюцию эту подтвердили Центральный комитет и Военная организация. 3) Телеграмма из Стокгольма от 20 апреля на имя Ульянова (Ленина) за подписью Ганецкого (Фюрстенберга): «Штейнберг будет хлопотать субсидию для нашего общества, обязательно прошу контролировать его деятельность, ибо совершенно отсутствует общественный такт»⁵. 4) Литература «Союза русского народа» и большое количество открытых писем издания журнала «Паук»⁶ с изображением ритуального убийства в Венгрии в 1882 году⁷.

Помимо документальных данных, связь вооруженного восстания с деятельностью Центрального комитета РСДРП, при котором была образована Военная организация, устанавливается также тем фактом, что выступившие вооруженные части как Петроградского гарнизона, так и прибывшие из Кронштадта, направились к дому Кшесинской, где и получали указания от Ульянова (Ленина) и других лиц. Оттуда же исходили предложения в воинские части о приведении в боевую готовность бронированных машин и пулеметов и, наконец, там же собрались вооруженные пулеметами грузовики и автомобили.

Усиленная пропаганда мятежа, которая велась среди войск и населения в течение нескольких месяцев и повлекла за собою восстание 3–5 июля, была произведена с целью благоприятствовать неприятелю в его враждебных против России действиях и, как показали последующие события, действительно оказала существенное содействие неприятелю, внося разложение в некоторых частях войск на фронте.

По этому поводу следствием добыты данные, которые указывают, что в России имеется большая организация шпионажа в пользу Германии.

Не имея возможности по самому характеру этого преступного деяния (измены) и в интересах следствия сообщить более подробные сведения по этому обвинению, приходится по необходимости ограничиться в настоящее время сообщением лишь следующих данных.

Ряд допрошенных по делу свидетелей удостоверили, что в начале 1917 года Германия дошла до крайнего предела напряжения и ей был необходим самый скорый мир, что Ленин, проживая в немецкой Швейцарии, состоял в общении с Парвусом (он же Гельфанд), имеющим определенную репутацию немецкого агента, что Ленин посещал лагеря, в которых находились пленные украинцы, где и вел пропаганду об отделении Украины от России. В связи с его приездом в Германии, не стесняясь, открыто говорили: «Ленин — это посол Вильгельма, подождите и увидите, что сделают наши деньги».

В данных предварительного следствия имеются прямые указания на Ленина как германского агента и указывается, что, войдя с германским правительством в соглашение по поводу тех действий, которые должны способствовать успеху Германии в ее войне с Россией, он прибыл в Петроград, где при денежной поддержке со стороны Германии и стал проявлять деятельность, направленную к достижению этой цели.

Сношения с Германией шли через Стокгольм, который является крупным центром германского шпионажа и агитации в пользу сепаратного мира России с Германией. В апреле этого года из Стокгольма была сделана попытка издавать вне Петрограда газету с целью агитации против Англии и Франции.

У германских агентов в Копенгагене и Стокгольме в первые дни революции появились крупные деньги и началась широкая вербовка агентов для России среди наших дезертиров и некоторых эмигрантов. При этом переводились крупные суммы (800 000, 250 000 и др.) в Россию из Стокгольма через один из банков, который получал на это ордера из Германии.

Выяснилось также, что Ленин и Зиновьев, проживая в октябре 1914 года в Австрии, близ Кракова, были арестованы австрийскими властями как русские подданные, но вскоре [были] освобождены с правом свободного выезда в Швейцарию, где и стали издавать журнал «Социал-демократ», в котором распространяли идеи о необходимости поражения России в настоящей войне. В одном из номеров этого журнала содержался призыв к русским гражданам — фактически содействовать поражению России.

В освобождении Зиновьева и Ленина большую роль сыграл Ганецкий, который, по его словам, сказанным одному из свидетелей, «прервал» допрос Ленина и Зиновьева, производившийся австрийскими властями. Впоследствии выяснилось, что *Ленин и Зиновьев были освобождены из-под австрийского ареста по личному предписанию графа Штюргка — австрийского премьера*⁸.

Следствием установлено, что Ганецкий-Фюрстенберг Яков (уменьшительное — «Куба»), проживая во время войны в Копенгагене, был очень близок и связан денежными делами с Парвусом, агентом германского правительства.

В апреле 1915 года в швейцарской социал-демократической газете, издающейся на немецком языке в Сан-Галлене, а немного позже и в других [газетах], появились разоблачающие деятельность Парвуса сведения, сообщенные доктором Яковом Фридманом из Базеля и бывшим членом Государственной думы Алексинским⁹.

Деятельность Парвуса, как германского и австрийского агента, была направлена к поражению России и отделению от нее Украины.

Следствием установлено, что Козловский ездил в Копенгаген, где называл себя юрисконсультом крупного капиталиста Парвуса (Гельфанда), предлагая субсидировать одно пароходное предприятие в России. По наведенным представителями пароходного предприятия справкам, в одном из банков в Копенгагене в распоряжении Гельфанда находилось свыше миллиона рублей.

Ввиду того, что для представителей пароходного общества стало ясно, что коммерческая деятельность Гельфанда (Парвуса) служит лишь прикрытием его деятельности в пользу Германии, всякие переговоры с ним были прерваны.

Попутно с этим выяснилось, что Гельфанд (Парвус) приехал летом 1915 года из Швейцарии в Копенгаген через Берлин при содействии Фюрстенберга, что вместе с Фюрстенбергом и Козловским он совершал поездки из Копенгагена в Берлин и обратно, что во время пребывания Гельфанда—Парвуса в Копенгагене к нему приезжали из Берлина некоторые лица, посещавшие также Козловского с Фюрстенбергом.

Из имеющейся в распоряжении судебных властей многочисленной телеграфной корреспонденции усматривается, что между проживавшими в Петрограде Суменсон, Ульяновым (Лениным), Коллонтай и Козловским, с одной стороны, и с Фюрстенбергом (Ганецким) и Гельфандом (Парвусом), с другой, существовала постоянная и обширная переписка. Хотя переписка эта и имеет указания на коммерческие сделки, высылку разных товаров и денежные операции, тем не менее представляется достаточно оснований заключить, что эта переписка покрывает собою сношения шпионского характера. Тем более, что это один из обычных способов сокрытия истинного характера переписки, имеющей шпионский характер.

По имеющимся в деле данным видно, что некоторые русские банки получали из скандинавских банков крупные суммы, выплаченные разным лицам, причем в течение только полугода Суменсон со своего текущего счета сняла 750 000 руб., внесенных на ее счет разными лицами, и на ее счету в настоящее время числится остаток в 180 000 рублей.

При расследовании настоящего дела следственная власть руководствуется материалами, добытыми только следственным путем. И материал этот даст вполне достаточные основания для суждения как о наличии преступного деяния, так и для установления многих лиц, принимавших участие в его совершении.

Предстоящие же многочисленные допросы свидетелей, осмотры найденных при обысках вещественных доказательств, детальное обследование денежных операций — вся эта сложная работа будущего — должна дать еще больший материал для раскрытия преступной организации, шпионажа и его участников.

На основании изложенных данных, а равно данных, не подлежащих пока оглашению, Владимир Ульянов (Ленин), Овсей Гирш—Аронов—Апфельбаум (Зиновьев), Александра Михайловна Коллонтай, Мечислав Юльевич Козловский, Евгения Маврикиевна Суменсон, Гельфанд (Парвус), Яков Фюрстенберг (Куба—Ганецкий), мичман Ильин (Раскольников), прапорщик Семашко, Сахаров и Рошаль обвиняются в том, что в 1917 году, являясь русскими гражданами, [по] предварительному между собою и другими лицами уговору, *в целях содействия находящимся в войне с Россией государствам во враждебных против нее действиях, вошли с агентами названных государств в соглашение содействовать дезорганизации русской армии и*

тыла для ослабления боевой способности армии. Для чего на полученные от этих государств денежные средства организовали пропаганду среди населения и войск с призывом к немедленному отказу от военных — против неприятеля — действий, а также в тех же целях в период времени с 3-го по 5-е июля 1917 года организовали в Петрограде вооруженное восстание против существующей в государстве верховной власти, сопровождавшееся целым рядом убийств и насилий и попытками к аресту некоторых членов правительства, последствием каких действий явился отказ некоторых воинских частей от исполнения приказаний командного состава и самовольное оставление позиций, чем способствовали успеху неприятельских армий.

(Единство. 1917. № 96, 22 июля)

ПРОХОДИМЦЫ И ШПИОНЫ

(Из воспоминаний)

■ ■ ■

<...> В начале апреля 1917 г. я ехал в Россию. Проезжая через шведско-финляндскую границу, я впервые увидел русских солдат и офицеров с красными ленточками в петлицах. Один из офицеров пограничной охраны, познакомившись со мной, сказал мне улыбаясь:

— А знаете, кто за несколько дней перед вами проехал здесь?

— ?..

— Ленин!

— Как, Ленин? Как же он проехал?

— Так! Через Германию! Немецкое правительство пропустило!

— Но ведь он хочет поражения России! Помогает немцам!

Поэтому они его и пропустили! Но как же вы-то его могли пропустить в Россию?

— Было распоряжение не препятствовать его проезду. Что же мы могли сделать?

Этот первый мое разговор на границе дал мне возможность почувствовать всю глубину той бессмыслицы, в которую сразу же вылилась русская революция.

■ ■ ■

В июне 1917 г., не помню точно за сколько времени до июльского восстания большевиков, со мной выразили желание увидеться несколько членов Министерства юстиции, во главе которого тогда стоял П. Н. Переверзев. Среди них были лица, связанные с эсеровской партией. Из беседы с ними я выяснил, что Министерство юстиции располагает данными о связи между немецким штабом и некоторыми «левыми» деятелями, в частности, Лениным. На мой вопрос, почему же Ленин и другие замешанные в дело лица не преданы суду, мне был дан ответ, что этого не желают влиятельные члены Временного правительства. На это я сказал, что тогда остается только заставить правительство сделать то, что

оно, как правительство, обязано сделать и что обращение к общественному мнению путем печати является подходящим для этого средством.

Практических результатов, к сожалению, эта беседа тогда не имела, и события шли своим чередом до июльского восстания.

■ ■ ■

4 июля — это было в разгар уличной перестрелки — я получил приглашение прибыть в штаб командующего войсками Петроградского округа, где было сосредоточено руководство борьбой с большевистскими повстанцами, уже захватившими часть города. В штабе мне уже пришлось бывать накануне, так как Центральный комитет организации «Единство»¹⁸ поручил мне оказывать содействие тем, кто должен был вести борьбу с большевиками. В штабе и среди членов Временного правительства, укрывшихся там, не было особенной бодрости и уверенности. Настроение некоторых полков, в частности, 1-го пулеметного, было сочувственное большевикам. Когда я пришел в штаб 4 июля, я застал там членов правительства уже окончательно растерявшимися: князь Львов¹⁹ имел вид подавленный. Чернова только что доставили побитым матросами, Терещенко²⁰ и Некрасов²¹ приходили и уходили (больше, кажется, уходили, чем приходили) неизвестно откуда, куда и зачем. И даже легкомысленнейший В. Лебедев²² имел испуганно-серьезный вид. Что касается Керенского²³, то он не спешил вернуться в объятую восстанием столицу и сделал это уже после подавления восстания.

В штабе я имел беседу с прокурором И. Бессарабовым²⁴, который сообщил мне, что Министерство юстиции боится за целостность документов, уличающих Ленина и др. В первый же момент восстания большевики направили один из своих отрядов к помещению, где, по их предположениям, эти документы могли находиться, чтобы захватить их. В случае же удачи восстания захват документов несомненен, и тогда всякая возможность разоблачения ленинской измены исчезнет. Поэтому, сказал мне Бессарабов, он, как прокурор Судебной палаты, решил с ведома министра юстиции передать документы мне с правом их оглашения в печати.

И Бессарабов тут же передал мне документы. Главным из них оказались секретный рапорт начальника Генерального штаба на имя военного министра Керенского и копии телеграфной переписки между помощником Парвуса Фюрстенбергом-Ганецким и некоторыми большевиками — Лениным, Зиновьевым, Коллонтай, Козловским и другими. Рапорт начальника Генерального штаба относился к маю 1917 года и в нем приводились показания одного офицера о том, как его приглашали (во время пребывания в плену) на службу в немецкую агентуру и как один из старавшихся его к этому склонить германских офицеров сообщил ему, что германский Генеральный штаб насчитывает в числе своих агентов в России Ленина и других лиц. Рапорт относился к маю 1917 г., и возникал невольно во-

прос, почему Керенский не дал ему ходу и не привлек Ленина к суду. Что касается копий депеш от Фюрнстенберга к Козловскому и обратно, то подозрительный характер их сношений был очевиден.

Один из помощников Бессарабова вручил мне, кроме того, несколько заметок агентурного характера, в которых сообщались некоторые данные относительно финансового механизма, при помощи коего производилось питание большевиков немецкими деньгами.

Ознакомившись с документами, я пришел к заключению, что их можно и нужно огласить немедленно. Находившийся в штабе известный эсер, шлиссельбуржец В. Панкратов²⁵, был того же мнения, и, когда я предложил ему подписать вместе со мной соответствующее обращение в прессу, он охотно согласился.

Командующий войсками Петроградского округа генерал Половцев²⁶ дал мне записку в военную типографию, чтобы я мог отпечатать там листок с обвинениями против Ленина. Но в типографии уже никого не было — персонал ее разбрелся, испугавшись происходившей на улицах драки между повстанцами и их противниками. Я взял военный автомобиль и в сопровождении нескольких офицеров и солдат поехал в Эртелев переулок, чтобы там захватить в свое распоряжение типографию «Нового времени» и отпечатать в ней листок с извлечениями из документов. Но, подъезжая к типографии, мы наткнулись на ошестинившийся пулеметами грузовик: это были анархисты, уже захватившие типографию до нас. Пришлось вернуться вспять.

Так как листка с подробным изложением документов напечатать не удалось, то я ограничился тем, что, вызвав делегатов от полкового комитета Преображенского полка, прочел им документы полностью. На них ознакомление с документами произвело очень сильное впечатление, и они настойчиво требовали, чтобы другие войсковые части тоже были ознакомлены с делом. Поскольку было возможно, это было выполнено.

Что касается печати, то для газет я и Панкратов подписали краткое заявление, в котором сообщали о наличии данных, уличающих Ленина и других в государственной измене, и требовали судебного расследования.

Заявление наше было сдано в бюро печати для рассылки по редакциям. Но не успели этого сделать, как Терещенко и Некрасов, узнавшие о моем обращении к делегации преображенцев и о подписи мной и Панкратовым заявления, предназначенного для опубликования, явились в комнату, где, кроме меня и Бессарабова, было много офицеров, и устроили Бессарабову совершенно неприличный скандал за выдачу им документов. Некрасов называл это «хулиганским поступком», а Терещенко заявил, что у него в Министерстве иностранных дел имеется еще больше данных о сношениях Ленина с немцами, но и то он их не оглашает. На это Бессарабов совершенно резонно ответил, что в таком случае он, как прокурор, имеет право арестовать самого Терещенко за сокрытие преступления.

Поведение Некрасова и Терещенко было в моих глазах совершенно отвратительно. Но еще более отвратительно было поведение заправил Петроградского Совдепа — Чхеидзе, Церетели²⁷, Скобелева²⁸, Дана²⁹, Гоца³⁰ и проч.

Когда они узнали о готовящихся разоблачениях в прессе, они потребовали от правительства (Церетели сам был в его составе) недопущения опубликования разоблачений. Ночью по редакциям было разослано распоряжение не опубликовывать заявления, подписанного мной и Панкратовым, а к заведующему выпуском газеты «Единство» ночью же, кажется, лично явились Чхеидзе и Церетели, чтобы убедить его не печатать нашего заявления.

Но впопыхах забыли об одной маленькой газете — «Живое слово», а может быть, сама редакция ее не сочла нужным считаться с запретом правительства и Совдепа, вступивших за «оклеветанную» честь Ленина. Номер «Живого слова» вышел наутро с моим и Панкратовым заявлением. Эффект был таков, что перед редакцией стояли хвосты людей, желавших купить номер, и типография газеты, дотеле не имевшая тиража, проработала без остановки целые сутки, выбрасывая новые и новые кипы экземпляров этого номера.

Опубликование разоблачения и требование судебного расследования имели значение не только внешней санкции. Они, несомненно, оказали сильное влияние на настроение Петроградского гарнизона, и одно из лиц, стоявших во главе войск, говорило мне, что, благодаря разоблачениям, подавление восстания пошло с гораздо большей легкостью.

К сожалению, Керенский не сумел использовать создавшегося выгодного положения. Переверзеву предложили за выдачу документов уйти в отставку. Арестованные по делу об измене большевики были выпущены на свободу. Работа германских агентов возобновилась с новой силой и в конце октября увенчалась низвержением правительства Керенского, если только можно применить термин «низвержение» к жалкому и бесславному падению жалких и слабых людей, по недоразумению стоявших у власти в тяжелое и бурное время.

В заключение скажу, что когда Всероссийская Чрезвычайная Комиссия арестовала меня (в апреле 1918 года), то в течение десяти месяцев, проведенных мной под стражей, мне не было предъявлено никакого формального обвинения, хотя мое «дело» и было передано следователям «верховного революционного трибунала». Но из всего поведения большевистских властей было видно, что главная причина моего ареста — это разоблачения, сделанные мной в июле 1917 г. И самая продолжительность ареста — без предъявления формального обвинения — объяснялась тем, что большевистское правительство надеялось взять меня измором и заставить отречься от разоблачений. Добиться этого большевикам не удалось. Когда же после полуторамесячного заключения без предъявления обвинений я объявил тюремную голодовку, то я получил от следственной комиссии бумагу с запросом о том, какими

мотивами руководился я, публикуя в июле 1917 г. свои разоблачения о связи большевиков с немцами. На этот запрос я любезно ответил, что мотив этого поступка было мое желание обратить внимание широких народных масс на факт присылки в Россию германским правительством и Генеральным штабом агитаторов и агентов, которые подготовляли бы заключение позорного сепаратного мира и победу германского империализма над русской и европейской демократией.

Добавлю для полноты картины, что следователем, которому большевистское правительство поручило ведение моего «дела», был германский агент Кингисепп, выполнявший для немцев шпионские функции во время оккупации ими Эстонии и затем избранный по приказу немецкой разведки в состав Центрального Исполнительного Комитета Советов. А высшее наблюдение за следствием по моему «делу» было поручено комиссару юстиции Козловскому, который был одним из главных лиц, обвинявшихся мной в получении денег от немцев. Это дало мне право написать в Комиссариат юстиции письмо с откровенной оценкой поведения арестовавшей меня власти. В письме этом я высказал мнение, что мой арест — проявление глупости и нечестности большевистского правительства: глупости, ибо арест разоблачителя только усиливает значение разоблачений; нечестности, ибо нечестно поручать ведение моего дела лицу, мной же публично обвинявшемуся в измене.

(Общее дело. Париж, 1921. № 211–213, 11–13 февраля).

БОЛЬШЕВИСТСКИЙ ПУТЧ

Отм, что большевики к чему-то готовятся, говорили по всему городу. Июньское наступление Керенского как будто бы дало им лишний повод для выступления и для агитации против войны. Проповедь о немедленном мире с Германией стала любимой темой всех митингов, всех собраний.

Дезертиры толпами возвращались в Петроград и усиливали ряды большевиков. Они восхваляли германцев и ругали французов и англичан. Но больше всего доставалось от них Керенскому, правым эсерам и меньшевикам, которые на митингах разоблачали всю преступность большевистской пропаганды. В Стрельне одного старого матроса-эсера едва не убили за то, что тот назвал проповедь большевиков изменнической и предательской. На Трубочном заводе одного рабочего за это побили и чуть-чуть не бросили в топку. В Московском полку большевики избили целую группу правых эсеров и разорвали у них знамя.

Кронштадтский штаб большевиков с Рошалем во главе совершенно отделился от Петрограда и претендовал даже на верховное командование и руководство. На этот остров стекались все темные силы фронта и тыла. Отсюда неизвестные и известные большевики делали свои набеги на форты Ины и Красной Горки, где старались заразить большевизмом гарнизоны. Всюду велась горячая и широкая разрушительная работа большевиков.

Военный заем, назначенный в первых числах июля, по-видимому, только усилил их пыл и ускорил выступление, перед которым Троцкий и другие главари устроили в разных концах Питера тайные большевистские собрания.

Утром 3 июля 1917 года я вышел из дому и на углу Большого проспекта и 19-й линии наткнулся на многочисленную толпу солдат Финляндского и 180-го полков. Здесь были и рабочие, и просто зеваки. В толпе стояли грузовые автомобили с пулеметами и группой вооруженных винтовками солдат и рабочих.

Один из последних громко кричал: «Товарищи, к оружию! Товарищи, долой Керенского! Он издал приказ — расформировать 1-й пулеметный полк, гренадерский полк и Московский полк — это наши самые революционные полки! Долой Керенского — кровопийцу, долой Временное правительство! Вся власть Советам!..».

Я не вытерпел и закричал:

— Это ложь, провокация! Не верьте ему. Таких приказов не было...

Мой голос был покрыт ругательствами, а с автомобиля раздался вопрос: «Кто это кричит? Врет он, оборонец, патриот! Кто это сказал?»

Часть толпы бросилась ко мне, я назвал свою фамилию. Часть финляндцев быстро сгрудилась вокруг меня. В этом полку я занимался с солдатами, читал у них популярные лекции по естественной истории. И, таким образом, я очутился под их защитой.

Снова повторяю свой протест, говоря, что таких приказов не было, что все это ложь. Состоя председателем культурно-просветительского отдела при штабе округа, я почти ежедневно виделся с командующим округом Половцевым и его помощником Кузьминым. Последний сказал бы мне об этих приказах.

Грузовики с пулеметами помчались к набережной, а я отправился в штаб.

По Большому проспекту то и дело проносились легковые автомобили с вооруженными солдатами и рабочими, на которых стояли и пулеметы. Чем-то бессмысленным, зловещим отдавало от всего этого.

У Троицкого моста стояли караулы и останавливали прохожих, требуя документы. Я предъявил свое удостоверение и был пропущен. Дворцовая площадь уже охранялась, стояло несколько броневиков. У меня невольно явился вопрос: чьи они? Где-то вдали раздавались отдельные выстрелы.

«Германские шпионы и провокаторы уже действуют, — подумал я. — При участии лениных и троцких губят родину, окончательно развращают гарнизон и рабочих и срывают военный заем, вонзают нож в тыл армии».

О том, что Ленин, Троцкий и другие большевистские главари были тесно связаны с германским штабом, получали от них денежную и другую помощь, говорили почти по всему Питеру. Некоторые даже подтверждали, что в контрразведке имеются неопровержимые документальные доказательства этой изменнической связи. Почему эти документы не публиковались — я никак не мог понять. Помимо этих улик, имелось еще больше других доказательств, которые только слепые и глухие не могли замечать.

В самом деле, — откуда у большевиков появились сразу такие громадные средства? На какие деньги они издали такую уйму своих лживых, клеветнических газет — «Правд», «Окопной», «Солдатской»? В каких типографиях успевали они печатать в таком невероятном количестве? Какие колоссальные средства нужны были для их

изданий! Ведь ни одна партия в России — даже кадетская — не в состоянии была выдержать таких расходов. Откуда вдруг появилась у большевиков такая многочисленная организация, перед февральским переворотом всю эту партию можно было усадить на одной скамейке.

Когда на митингах я задавал все эти вопросы большевистским агитаторам, то, кроме ругательств, других ответов не получал. Нахальные же или хитрые рабочие Васильевского острова мне отвечали: «На жертвования (???) самих рабочих». А некоторые из них даже хвастались, прибавляя, что «у них в одном Питере до 600 агитаторов разъездных, получающих по 25 рублей в сутки».

Пусть это было хвастовство, но в этом хвастовстве подтверждение каких-то колоссальных темных средств, а еще хуже — нравственное падение — продажность и подкуп. Место ли здесь идейности и честности?

В то бурное, смутное время ко всем партиям примыкало много темных, чуждых идейности людей, но к большевикам шло положительно все неистое, уголовное, потому что большевизм бросил в народ такие лозунги, как «Мир во что бы то ни стало с Германией!», «Грабь награбленное!», «Делай что хочешь и ни за что не отвечай», «Бей и грабь буржуев, интеллигентов».

Кроме того, во всех большевистских газетах непрестанно велась травля наших союзников — Франции и Англии — и тщательно замалчивалось варварство германского штаба.

Все это так бросалось в глаза, так выдавало большевистских вождей с головой, что надо только удивляться слепоте нашего всего народа и исторической привычке жить только сегодняшним днем, мало задумываясь о будущем.

Лозунг «Мир с Германией!» был брошен еще Черномазовым¹, этим охранником, служившим и в Департаменте полиции, и у большевиков, и издававшим преступную «Правду». От этого охранника и заграничного его друга, тоже охранника — Малиновского — Ленин, Троцкий и К⁰ получили в наследство газету «Правда». А от германского штаба они получили plombированные вагоны, руководство и... деньги.

С такими мыслями подходил я к штабу. Здесь караул был усилен и меня едва пропустили к Кузьмину. Встретив последнего, я ему рассказал, что творится на острове.

— Ничего подобного. Никаких приказов еще не издавалось. Негодяи! — ответил он.

Между тем выстрелы раздавались все ближе и ближе. В штабе суетились офицеры и солдаты. На всех лицах замечалось какое-то недоумение. Только Кузьмин казался наружно спокойным.

— Андрей Илларионович, надо действовать, — обращаюсь я к Кузьмину.

— Как действовать, когда мы связаны, — ответил он. — Генерал Половцев дал Центральному исполнительному комитету Совдепа обещание — не прибегать к активным мерам без его согласия. Я подчинен командующему.

— Где же генерал Половцев?

— Его нет. Но я решил кое-что предпринять. Послал охрану Государственному банку, Центральной электрической станции и в другие государственные учреждения. Звонил в министерство — не отвечают, Центральный комитет тоже молчит.

Недалеко от штаба загрохотал пулемет. Ему вторили выстрелы пачками. Отдельные пули сыпались по крыше штаба.

Кузьмин негодует и ничего не решается предпринять до прибытия Половцева, а последнего все нет. Появляется офицер и докладывает, что маленький отряд инвалидов отбил у большевиков автомобиль с пулеметами. В других местах посланные Кузьминым отдельные отряды отбирают оружие у большевистских банд.

Пальба идет почти по всему центру города. С окраин большевики сгоняли рабочих в центр. Но, по-видимому, успеха большого не имели. Из-за Нарвской заставы, с Путиловского завода, где числилось до 32 тысяч рабочих, они согнали в город, по словам рабочих этого завода, не более 3–4-х тысяч, — остальные разбежались. Невская часть тоже дала очень мало. Больше всего рабочих было с Васильевского острова, с Выборгской, Петроградской стороны и из-за Московской заставы.

Части Петроградского гарнизона тоже слабо принимали участие. Из окрестностей Петрограда 3 июля пришло очень немного, из Стрельны, Ораниенбаума и с форта Красной горки, где кронштадтские главари, воспользовавшись отсутствием председателя комитета Крашевского и других членов, провокаторски предложили перевыборы, на которых был избран новый комитет, чисто большевистский. Но и это не помогло: с форта в Питер прибыло не более 150 человек. Это из 2 тысяч человек! Везде большевиками применялся один и тот же прием лжи и обмана и клеветы на Керенского, на наших союзников. Везде были пущены те же предательские лозунги: «Долой войну! Долой Временное правительство! Вся власть Советам!». С некоторых заводов рабочих выгоняли оружием. Призыв бить буржуев привлек много желающих поживиться чужим добром. Женщины шли даже с мешками.

В первый день большевистское восстание носило какой-то погромный характер: стреляли, шлялись толпами, заманивали рабочих, разбивали киоски.

По-видимому, у вожаков еще не было плана. Кроме того, их постигла заслуженная неудача в Волынском, Литовском и Преображенском полках, которые они явились снимать. Ни один из этих полков не дал им достаточно сил. В Преображенском у них даже отняли автомобиль с пулеметами и пригрозили, если они повторят свою политику, встретить пулеметным огнем.

Часть большевистской толпы от волынцев направилась к Таврическому дворцу, где заседал Совдеп. Здесь Троцкий произнес свою призывную речь... Чернову помяли бока. Троцкий спас его от дальнейших побоев...

Вечером на Литейном большевики предательски обстреляли донских казаков. Ночь прекратила всю эту большевистскую вакханалию.

На следующий день, 4 июля, Ленин с балкона [дворца] Кшесинской произнес перед собравшимися большевиками одобрительную речь за 3 июля и призывал действовать решительнее, так как из Кронштадта пришло подкрепление. Ободренные такой милостью Ленина и прибытием кронштадтцев, большевистские толпы рассыпались по городу.

Предводитель 1-го пулеметного полка Семашко², дезертир-офицер Рошаль, Раскольников и другие очутились во главе, наметив определенный план действий. Они бросились в Совдеп, требуя, чтобы Центральный комитет провозгласил: «Вся власть Советам!» и взял бы на себя эту власть. Но тот почему-то отказался. Другая часть бросилась к зданию, где находилась контрразведка. Поход на последнюю весьма знаменателен: очевидно, Ленин, Троцкий и их сподвижники имели сведения об уличающих их там документах. Но они уже были убраны в безопасное место.

В эту контрразведку еще в начале июля были отправлены две корзины с материалами, найденными в доме бежавшего немецкого шпиона Муша, жившего на Голлодае. В числе планов финского побережья были и приказы на немецком языке германского штаба об организации забастовок на заводах, мятежей в гарнизоне, взрывов и т. д. Но эти документы не были спасены.

4 июля пальба по городу шла более напряженно. На Невском были **разбиты киоски военного займа**, разграблено несколько меняльных касс, магазинов. Около Аничкова моста произошло что-то дикое, не поддающееся описанию. Двигалась густая толпа матросов, рабочих, мещан, женщин, солдат 130-го и других полков.

Раздался выстрел, случайный или провокаторский, быть может. Часть толпы с воем, криком, воплем бросилась врассыпную, другая легла на мостовую и, лежа, начала стрелять куда попало вдоль Невского. Задние палили в передних. Раздались вопли, стоны. Треск выстрелов — все это смешалось в какой-то сплошной ужас, бессмыслицу, безумие. Многие ползком старались выбраться на боковые улицы, во дворы. Некоторые вскакивали и бежали, но не всем это удавалось: их сражали шальные пули большевиков. И только человеческая подлость, только германские наемники могли придумать такую игру с человеческими жизнями в главной столице России.

От Главного штаба было дано несколько залпов над головами этой залегшей на земле человеческой массы! Она скоро рассыпалась по боковым улицам. Раненые спасались ползком...

В штабе настроение хотя и изменилось, но все же чувствовалась нерешительность. Половцев не явился. Министры не отвечали даже по телефону.

— По городу идут убийства, грабежи. Неужели дальше ждать? Потом обвинят в бездействии, — сказал я одному из адъютантов Кузьмина. — Есть же у нас верные части.

— Я уже отдал приказание. Бессмыслица дальше оставаться и ждать, — категорически сказал Кузьмин. — Довольно! Пора положить всему этому конец. — И тотчас отдал новое приказание через адъютанта — броневикам.

В это время совершенно неожиданно в штаб явился М. из контрразведки и сообщил, что материалы, уличающие Ленина, Троцкого и др. в сношениях с германским штабом, спасены. М. принес их с собой. Эти документы представляли из себя телеграфную переписку Ленина, Троцкого, Фюрстенберга-Ганецкого, Парвуса, г-жи Суменсон, жены Ленина с представителями германского штаба в Стокгольме. В них говорилось о переводе денег из Стокгольма и т. д.

— Необходимо немедленно опубликовать эти документы и распространить их как можно шире, — заявил я.

— Быть может, и на это нужно ждать позволения Совдепа? — спросил один из адъютантов Кузьмина.

Начались разговоры о том, каким путем опубликовать эти документы.

В это время беспрерывно приводили арестованных большевиков, привозили отобранное оружие. Особенно энергично действовали матросы 2-го флотского экипажа. Они категорически отказались присоединиться к кронштадским бандам. Преображенцы, рабочие с некоторых заводов, инвалиды, несколько отрядов юнкеров и гардемаринов смело и дружно работали. Этими отрядами было отбито у большевиков два броневика.

Перестрелка шла почти по всему городу.

— Напечатать документы не так легко; все типографии не работают — да и попасть в них невозможно.

— Но это необходимо сделать, — настаивал М.

— От кого же это сделать? От имени той или иной организации, от правительства? А где оно?

— Можно и от имени отдельных лиц. Ведь эти документы — телеграммы за номерами с точным указанием отправителей и адресатов, — заметил я.

— Быть может, вы согласитесь сделать это от своего имени? — предложил М.

— Совершенно ничего не имею против, но одной моей подписи, пожалуй, будет недостаточно. Желательно, чтоб были подписи и еще нескольких лиц, вполне известных.

В это время позвонили к министру юстиции Переверзеву, который на этот раз оказался в министерстве. Сообщили ему о плане опубликования документов. Он одобрил. Других министров нигде не оказалось. Только Лебедев какими-то судьбами находился в штабе. Я отправился к нему и спросил, не согласится ли он дать свою подпись.

— Я, как официальное лицо, не имею права этого сделать, — ответил он.

Возвращаюсь к Кузьмину. У него уже составили новый план. Один из присутствующих предложил напечатать документы хотя бы в небольшом количестве. С этими воззваниями я должен был отправиться к верным Временному правительству полкам: Волынскому, Литовскому и др., где меня знали, и там объяснить суть этих документов.

В это время в штаб явился Алексинский, бывший депутат 2-й Государственной думы. Узнав, в чем дело, он сразу согласился присоединить свою подпись.

Из отдельной части Преображенского полка, находившегося близ штаба, были вызваны представители комитета, для того чтобы выяснить возможность моего проникновения к волынцам и литовцам для ознакомления их с уликами против Ленина, Троцкого и других большевистских вождей.

Преображенцы заявили, что это даже излишне.

— Вы только напечатайте и передайте нам. Мы сами все остальное сделаем, — заявили они.

Когда им прочли имеющиеся документы, они были ошеломлены предательством большевистского штаба.

Кто-то предложил позвонить в Совдеп и узнать, не найдется ли там кто-нибудь, кто бы дал свою подпись. Но Совдеп безмолвствовал. Там все были заняты разговорами — говоря проще, обычной болтовней. Мы решили больше не делать попыток увеличить число подписей. Составили с Алексинским заявление и подписались, предложив передать копии во все газеты, чтобы документы появились в самом широком масштабе.

Однако когда стали говорить о том, где напечатать, то оказалось, что печатать негде, ни в одну типографию попасть невозможно. К счастью, в Главном штабе оказалось трое солдат-наборщиков. Они и взялись напечатать документы.

В это время меня экстренно вызвали по телефону на Васильевский остров, где я состоял гласным.

Считая дальнейшее свое присутствие в штабе излишним, я отправился на остров. Уже наступали сумерки. Всюду еще продолжалась пальба. Трамваи не ходили, извозчики попрятались. Одинокие прохожие торопливо проходили, прижимаясь к зданиям. Расставленные военные постовые строго спрашивали пешеходов. Столица казалась вымершей. Жители загнаны, напуганы немецкими провокаторами и темной, разнуздавшейся толпой. Леденящая, черная жуть заливала сердце.

«Неужели это гнусное преступление пройдет безнаказанно виновникам, губителям родины?» — спрашивал я себя, посылая тысячи проклятий на их продажные безумные головы. Пальба, выстрелы пачками совершенно не производили на меня никакого впечатления. Так я дошел до Художественной академии. Грянул проливной дождь, как из ведра, и, по-видимому, подобно холодному душу, разогнал беспардонную вакханалию... Само небо разразилось гневом на безумных людей. Выстрелы смолкли как по команде. Улицы совершенно опустели. Лишь таинственные автомобили большевиков с бешеной быстротой неслись по лужам Большого проспекта. Это преступные безумцы разбегались по домам.

Комендант Васильевского острова Виноградов сообщил мне, что его отрядом отнято у большевиков несколько похищенных автомобилей, в числе которых один оказался принадлежащим испанскому посольству.

— Что делать? — спросил он.

— Немедленно возратить и извиниться, — ответил я. — Этого еще не хватало, чтобы иностранные посольства грабили.

— Мои отряды прекрасно работали, — сказал мне комендант — Много арестовали. Но что это за типы! Уголовщина, выпущенная из каталажек. Настоящих рабочих почти нет, — рассказывал комендант Виноградов.

Дождь продолжал лить. Слышались отдаленные раскаты грома. Улицы становились все пустыннее. Часа в три ночи дождь совершенно прекратился.

Утром, 5 июля, отправляюсь в штаб. Светит солнце. Кругом тишина и спокойствие, ни выстрелов, ни грохотания пулеметов нигде не слышно; не видно и вооруженных людей, нет и бешено несущихся автомобилей большевиков. Обыватели торопливо идут за покупками. Совершенно неизвестные улицы. Точно накануне ничего не происходило, ничего не случилось. Некоторые из прохожих читают газеты на ходу.

Подхожу к знакомому газетчику.

— Все разошлись, — отвечает он. — Вышло только одно «Живое слово». Слышали, Ленин — шпион немецкий? В газете напечатано, телеграммы есть. Другие газеты не вышли.

Спешу к следующему газетчику — и у того уже нет газет. У читающих газету вижу текст, уличающий Ленина в шпионаже и провокаторстве. Но сам не могу купить этой газеты. У всех газетчиков получаю один ответ: вся уже разошлась, нарасхват покупают.

Тишина по улицам небывалая. На Троицком мосту усилены караулы. Всех прохожих останавливают, некоторых арестовывают и препровождают в штаб, обыскивают, отбирают оружие.

На Невском проспекте длинный хвост. Это публика ждет очереди на покупку газеты «Живое слово».

В штабе узнал, что некоторые из большевистских главарей арестованы. Многочисленные отряды Кузьмина рассыпались по городу и ликвидируют большевистское наступление.

Некоторые большевики, ошеломленные разоблачением Ленина и Троцкого, сами спешат отвернуться от всего и выдают своих вчерашних сподвижников. Кронштадтские банды с Рошалем уже покинули Петроград.

— Почему в других газетах не напечатали документы? — спрашиваю одного из адъютантов Кузьмина.

— Многие газеты не вышли... «Бюро печати» запретило, — раздраженно отвечает он, — еще новая власть появилась... Какое-то «Бюро печати» надело газетам намордники. «Живое слово» напечатало, не признало эту новую власть. Вот вам наша пресса.

— Я никогда не читал газеты «Живое слово» и не знаком с ее направлением. Что это за газета? — спрашиваю адъютанта.

— Черт ее знает. Но в данном случае она как обухом стукнула по голове большевиков. Сегодня многие сами явились: нас, говорят, обманули эти провокаторы ленины и троцкие, — пояснял мне адъютант.

— Сегодня будем ликвидировать все большевистские штабы, — сказал Кузьмин.

— А Исполнительный комитет что скажет? Как посмотрит на это притон большевиков, Центральный Совдеп? Неужели будем с ним еще считаться?

— Он уже откликнулся... Чистку надо и в нем произвести. Заступники уже являлись. Каменев-Розенфельд арестован. Солдаты чуть-чуть не взяли его на штыки. Из Совдепа являлись защитники-поручатели. А когда эти мерзавцы громили весь город, убивали, грабили, бесчинствовали, то Совдеп молчал. Жизнь одного негодяя ему дороже жизни целой столицы, всего государства.

— Сейчас от Керенского получена телеграмма — подавить большевистский мятеж, — заявил Кузьмин. — Нужно штабы большевистские уничтожить.

Эти штабы были в то время сосредоточены, главным образом, в трех пунктах: во дворце Кшесинской — ленинский штаб, на даче Дурново — большевистско-анархистский и в Петропавловской крепости, куда укрылись исключительно большевистские военные главари.

Кузьмин со своими военными помощниками быстро составил план взятия этих предательских гнезд. На всякий случай были подготовлены даже орудия. Но предварительно всем этим ленинским штабам предъявлены ультиматумы с требованием немедленной сдачи и разоружения. И все это было взято без выстрела. Во дворце Кшесинской Ленина и его ближайших сотрудников уже не оказалось. Но зато там были найдены любопытные доказательства, какой литературой, какой мерзостью питались его банды. В архивах найдены и погромные открытки в большом количестве, и порнография, и лживая «Правда». Это и составляло духовную пищу большевиков.

В крепости было отобрано много оружия. С дачи Дурново бандиты успели уже разбежаться. Несмотря на это, были проведены многочисленные аресты.

В рабочих районах наступило успокоение и растерянность. Здесь отдельные группы большевиков лихорадочно прятали оружие, уезжали из города.

Митинги прекратились. В массовой психологии произошел какой-то надлом. Меньшевики и правые эсеры, пользуясь этим, усилили свою деятельность против большевиков. Но печать продолжала безмолвствовать. Казалось, момент был таков, что все газеты, все партии большевистские должны были засыпать прокламациями, афишами всю страну, чтобы окончательно открыть народу глаза на предательство Ленина, Троцкого и их сподвижников. Но печать не поняла момента, не сделала ничего существенного в этом направлении. Все чего-то как будто ожидали и чего-то боялись. Как доказательство, расскажу о том, что происходило в штабе в ночь с 4-го на 5 июля. Сообщаю об этом со слов участников.

Когда кадетские министры — Терещенко и Некрасов — узнали, что документы, уличающие Ленина, Троцкого и других в связи с германскими шпионами, направлены в печать, они явились в штаб, куда приехал и министр юстиции Переверзев. Здесь Терещенко и Некрасов резко напали на Переверзева и М. за то, что они допустили это. Объяснения были до такой степени горячие, что не обошлось без угроз.

Я очень сожалел, что все это происходило без меня. Для меня и до сих пор осталось неясным, — почему Терещенко и Некрасов так нападали на Переверзева³ и М., почему они не отвечали, когда из штаба им звонили по телефону?

Лишь на следующий день, когда опубликованные документы оказали известное воздействие на умы, министры-протестанты высказали свои мотивы. А мотивы эти были таковы: Терещенко и Некрасов будто бы ждали каких-то дополнительных улик против Ленина и Троцкого из Стокгольма. Так мне передавали их объяснения.

По меньшей мере, было странно ждать улик, когда большевики 4 июля бросились на контрразведку. Ясно, что они знали о существующих там противных уликах и хотели их уничтожить. И до каких же пор надо быть ждать, чтобы иметь возможность опубликовать уже имеющиеся документы? Положение дел подсказывало как раз наоборот: разоблачения должны были быть распространены немедленно и в самом широком масштабе, чтобы все население знало. Надо было издать приказ, чтобы все газеты перепечатали это разоблачение, надо было распространить их среди войск и крестьян.

Но газеты и в следующие дни молчали. «Бюро печати» повесило замки на уста газет, господин Троцкий и другие продолжали посещать Таврический дворец и там в Совдепе лгать и уверять, что они не принимали участия, не подготавливали большевистского выступления, не устраивали тайных митингов перед первыми числами июля.

Троцкий оказался в Совдепе, а министра юстиции Переверзева принудили подать в отставку. Не хватало того, чтобы его арестовали за предотвращение дальнейшего развития большевистской вакханалии...

Не лучше вел себя и Петроградский Совдеп. Правда, он, когда большевистские банды предложили ему взять всю власть, отказался, не принял власти из окровавленных предательских рук, но в то же время старался смягчить, затушевать преступное выступление большевиков. Он не посмел прямо их оправдать, не посмел и привлечь к ответственности разоблачителей. Что-нибудь одно, но он должен был сделать: или привлечь нас к общественному или третейскому гласному суду, если не верить опубликованным документам, или изгнать из Совдепа всех большевиков, или, наконец, распустить Совдеп и предоставить штабу ликвидировать июльскую провокацию. Предать нас суду они не посмели, боясь дальнейших разоблачений и гласности.

Как же поступил питерский Совдеп? Он избрал комиссию из пяти лиц для расследования большевистского выступления, и в эту комиссию попали только одни «иностранцы», как говорили в Петрограде. На другой же день людская молва, указавшая на странный состав комиссии, заставила ее саму себя упразднить. Тем и кончилась ее деятельность.

А для того чтобы отнять последнюю возможность дальнейшей ликвидации большевизма штабом Округа, в Петроград был вызван сводный отряд под командой Мазуренко⁴. Последний прежде всего явился в Совдеп и сразу попал под его влияние. В Совдепе в то время еще свободно заседали интернационалисты стекловы, ларины⁵, троцкие, кацы⁶ и их друзья-большевики, и дальнейшая ликвидация пошла на нет. Из рук Кузьмина была взята всякая возможность довести борьбу до конца.

На место Переверзева министром юстиции был назначен больной Зарудный, которого очень скоро заместил Малянтович, сыгравший загадочную роль перед Октябрьским переворотом, — он освободил большевистских главарей⁷: Рошала, Раскольникова и др.

История должна выяснить роль Малянтовича в Октябрьском перевороте.

А печать как себя вела после? Она или продолжала молчать, или просто зубоскалила, высмеивала, когда надо было серьезно и строго говорить, продолжать разоблачения.

Совершено величайшее преступление перед родиной, сделан первый шаг к предательству и измене нашим союзникам, сделана попытка погубить Россию как государство. Печать зубоскалит или робко говорит о совершившемся событии, событии зловещем, кровавом.

Так отнеслись почти все слои, все классы и партии, претендующие на государственную мудрость, на предусмотрительность.

Между тем скрывшийся Ленин и его германские руководители продолжали свое черное дело, они готовились к Октябрьскому перевороту, точили предательские ножи, чтобы вонзить их в сердце русского государства.

И в этом повинны все партии — и правые, и средние, и левые. Нельзя было зубоскалить, когда продажные проходимцы и шпионы, прикрываясь фальшивой идейностью, развращали народ, отравляли в нем здоровое, все человеческое и будили зверское и хищническое.

Только общество, изуродованное трехлетней войной, зараженное стяжательством, воспитанное в рабстве и могло так поверхностно отнестись к величайшему проявлению государственной измены Ленина, Троцкого и их сподвижников.

(Заря. № 10, 12, 14, 17, 19, 22 января. Омск, 1919).

КЕРЕНСКИЙ СПАСАЕТ ТРОЦКОГО

В «Echo de Paris» бывший короткое время главнокомандующим войсками Петроградского военного округа при Временном правительстве генерал Половцев сообщает интересные подробности о том, как Керенский не допустил ареста Троцкого после подавления восстания большевиков в начале июля 1917 года.

Мы оставляем эти сведения на ответственности генерала Половцева.

«Контрразведка не переставала, — рассказывает Половцев, — требовать от меня, чтобы я получил разрешение правительства арестовать вождей большевиков, так как она была уверена, что среди них окажется немало германских агентов. Когда Керенский вернулся в Петербург, он был до такой степени возмущен большевиками, что я мог рассчитывать получить от него разрешение арестовать 24 видных большевиков, среди которых на первом месте были Ленин и Троцкий. Керенский внимательно прочитал составленный список большевиков, подлежащих аресту, и сказал, что передаст дело на решение Совета министров. Он вышел в следующую комнату, где непрерывно заседало правительство, и не прошло и 20 минут, как вернулся со списком, положил его на стол и твердым тоном сказал:

“Правительство одобряет предлагаемую вами меру; вы можете приступить к арестам”. После этого Керенский вышел опять в залу, где заседал Совет министров.

Мой главный штаб лихорадочно взялся за работу. Нужно было торопиться, чтобы большевики не узнали о нашем намерении, надо было тщательно подобрать офицеров для этого поручения, причем каждый из офицеров должен был взять с собой двух или трех юнкеров. Полковник Никитин, начальник контрразведки отделения, вошел в мой кабинет, чтобы выяснить некоторые вопросы, касавшиеся ареста Троцкого. Мы при этом не заметили, что в углу на диване дремал Чернов, занимавший тогда пост министра. Он быстро поднялся, подошел к нам и спросил:

“Вы говорите о Троцком? Что вы хотите с ним сделать?” Так как Чернов из-за его связей с крайними левыми партиями как в России, так и в Германии, нам всегда внушал подозрение, мы ему спокойно ответили:

“Ничего, мы только говорили о том, остался ли он в Петербурге или уехал”.

Скоро Керенский появился опять, взял стул, уселся возле меня и в очень любезном тоне, который меня весьма удивил, вдруг сказал:

“У меня к вам просьба. Не арестовывайте ни Троцкого, ни Стеклова”.

Я был чрезвычайно удивлен и спросил:

“Но почему же? Вы мне всего несколько минут тому назад передали распоряжение правительства. Что же, собственно, изменилось?”

“Ничего, — ответил Керенский, — но арест этих двух людей произведет дурное впечатление на Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, членами которого они состоят”.

Я ему ответил, что умеренные элементы Совета, на которые я всегда опирался, будут, по всей вероятности, рады от них избавиться.

“Тем не менее, — сказал Керенский, — я вас прошу не арестовывать ни Троцкого, ни Стеклова”.

“Боюсь, что это уже слишком поздно, — сказал я, — так как, по всей вероятности, начальник Генерального штаба уже отправил офицеров для производства ареста”.

К несчастью, офицер, которому дано было поручение арестовать Троцкого, еще не уехал и отправился всего несколько минут спустя. Керенский резко поднялся и вышел из моего кабинета. Это было в половине четвертого утра. Я в течение трех дней почти не сомкнул глаз и лег на диван в моем кабинете. В шесть часов утра я был разбужен полковником Никитиным, который мне заявил:

“Генерал, мы не могли арестовать Троцкого”.

“Что случилось? — спросил я. — Вы не знали, где он находился?”

“Нет, он не уходил из дому”.

“Так почему же вы его не арестовали?”

“Когда капитан Соколов, которому было дано поручение арестовать Троцкого, явился в квартиру, где тот находился, он встретил самого военного министра Керенского. Министр собственной властью аннулировал приказ штаба об аресте”.

“Идите сейчас к министру юстиции, чтобы узнать окончательное намерение правительства”.

В два часа после обеда главный штаб получил сообщение министра юстиции, что правительство отказалось от намерения арестовать лидеров большевиков».

Этот эпизод, говорит генерал Половцев, показывает еще раз двуличие Керенского, которое некоторое время спустя проявилось особенно ярко во время Корниловского движения.

РУССКАЯ КОНТРАРАЗВЕДКА В ДЕЙСТВИИ

Контрразведка появилась заново. Предоставленная самой себе, она боролась собственными силами. В этих условиях очень многое оказалось вне ее досягаемости, и отнюдь не следует упускать из вида, что целые немецкие звенья так навсегда и оказались не освещенными, а значительные части общей картины немецкого наступления по России остались покрытыми вечной темнотой.

Прошли годы. В печати появились всевозможные разъяснения, дополнения, комментарии, даже фотографии новых документов, но все это меня не касается, как бы они на первый взгляд ни казались заманчивыми для подтверждения основных положений. Контрразведке июля 1917 года они не нужны, а некоторые из них даже опасны.

Нам посчастливилось в свое время выйти навстречу немцам по нескольким путям и на них зацепиться. Вот только об этих достижениях и о материалах, попавших тогда в бюро государственной контрразведки, мне придется представить здесь краткую сводку*.

Прежде всего два слова о Ермоленко. Почему-то с него начинаются почти все разоблачения в печати и на него принято указывать как на главного обличителя. Но так как он, кроме голословных заявлений, не дал ничего, то все обвинение, построенное на его показаниях, по справедливости осталось неубедительным.

Как известно, 25 апреля прапорщик 16-го Сибирского полка Ермоленко был выпущен из плена немцами в тыл 6-й армии. Поиманный, приведенный в штаб, он стал рассказывать, что послан

* Я далек от мысли тем самым умалить значение всех тех, кто со своей стороны разоблачил предателей. Их деятельность не составляет темы настоящего описания. (Здесь и ниже примечания принадлежат Б. Никитину. Редакция сохраняет некоторые лексические, библиографические и другие авторские особенности.)

для пропаганды сепаратного мира, что содержание будет получать от украинца Скоропись–Иолтуховского, который направлен к нам немцами, как и Ленин, для работы по разрушению России; а в отношении правительства оба получили задание в первую очередь удалить министров Милюкова и Гучкова¹.

В этом заявлении очень интересно найти подтверждение о заботах немцев по удалению названных двух министров, сведения о чем пришли к нам совсем иным путем из дела публициста К.² Даже знаменательно, что в этом вопросе две различные траектории, вышедшие из Берлина, попадали в одну точку. А так как наши данные из дела К. были основаны на подлинных документах, то, повторяя их, Ермоленко, тем самым, мог вызвать к себе некоторое доверие. Интересно также отметить, что К. и Ермоленко появились в разных концах России почти одновременно — в апреле.

Весьма ценно и указание на Скоропись–Иолтуховского, пользуясь которым, можно было бы изловить последнего в Киеве, конечно, при условии, что Ермоленко сказал правду, будто от него будет получать деньги.

Что же касается до сообщения Ермоленко о Ленине, то оно не может рассматриваться даже как первое осведомление, по которому обыкновенно приступают к расследованию; о том, что Ленин послан немцами, мне не говорили только немые. На эту тему мы получали сотни писем. «Обратите внимание на Ленина», — останавливали меня своими возгласами даже незнакомые люди. Ну, а дальше? На этом дело Ермоленко обрывается; но, по недоразумению, его оставляют треугольным камнем всей постройки, после чего она немедленно рассыпается.

Должен заявить, что Петроградская контрразведка категорически отмежевывается от Ермоленко. Больше того: у нас даже не было досье Ермоленко. До июльского восстания его фамилию я слышал только раз от Переверзева, а подобные показания, данные им в штабе 6-й армии, я узнал от самого Ермоленко только после восстания, когда 8 июля мне его прислала Ставка*.

Я увидел до смерти перепуганного человека, который умолял его спрятать и отпустить. П. А. Александров записал показания, а я его спрятал на несколько часов и отпустил. Пробыв в Петрограде не больше суток, он уехал в Сибирь.

Первые достоверные сведения об участии немцев в уличных беспорядках Петрограда и политических событиях — не предположения, а документальные данные, — вошли в контрразведку из дела публициста К. В этом досье перед нами прежде всего телеграммы информационного характера, адресованные немецкому агенту — госпоже Брейденбейд³, сообщающие шаг за шагом о несогласиях в недрах Временного правительства. За ними следует подробное собственноручное письмо К. той же Брейденбейд, представляющее донесение о работе по удалению Милюкова и Гучкова,

* Почему нам не сообщили раньше его показания? Как использовала Ставка самого Ермоленко? Мне не известно.

сопровожаемое просьбами передать партии центра Рейхстага, чтобы она перестала бряцать оружием и не требовала аннексий и контрибуций, со ссылкой при этом, что «Ленин не соглашается поддерживать эти требования». Как ни толковать эту фразу, но она свидетельствует о каких-то переговорах с Лениным, т. е., выражаясь техническим языком, устанавливает связь последнего с немцами.

Перелистывая дальше то же досье, мы попадаем на Степина⁴. До революции Степин был агентом компании Зингер по продаже швейных машин в кредит, когда и приобрел многочисленные знакомства среди рабочих. Как выяснило наше расследование, начиная с апреля месяца 1917 г., Степин нанимал людей для участия в большевистских демонстрациях. Увидев впервые Степина, я поручил проследить за ним младшему агенту наружного наблюдения Савицкому. Последний отличался большой инициативой и поразительной изворотливостью. Способный кубанский казак, Савицкий рванулся с места таким аллюром, что не прошло и нескольких дней, как сам познакомился со Степиным. Это личное знакомство совершенно не входило в обязанности агента наружного наблюдения, причастность которого к контрразведке может быть вообще легко обнаружена. Для «внутреннего наблюдения» пользуются секретными сотрудниками. Но Савицкий поставил меня перед совершившимся фактом, который мне, конечно, захотелось использовать. Оставалось предоставить тайну Савицкого на волю случая. Однако Савицкий был не так прост: он, видимо, предусматривал все случайности, все время обводил Степина вокруг пальца и так до конца сохранил свое инкогнито*.

Конечно, за Степиным пришлось поставить других агентов наружного наблюдения. День за днем они доносят, что Степина часто посещают рабочие и солдаты разных полков, чаще других — Финляндского, Павловского и Волынского. Сам он был человек острый, крайне подозрительный. Дело затягивалось. Все же хитрый Савицкий так его обошел, что Степин стал ему доверять и, наконец, в один прекрасный день, в середине июня, пригласил Савицкого к себе в «бюро», куда имели доступ очень немногие избранные.

Прекрасно помню возбужденный доклад Савицкого, когда он, упоенный успехом, явился мне поздно вечером прямо от Степина после своего первого приглашения. «Бюро» помещалось во дворе большого дома на Екатерининском канале. Оно состояло из двух комнат, которые были почти пустые: в них стояло два стола, несколько табуретов и один шкаф. Степин, по-видимому желая похвастаться перед своим новым гостем, открыл шкаф и показал Савицкому пачку денег в мелких купюрах по 5–10–25 рублей.

— Сколько же их было? — спрашиваю я Савицкого, сам приходя в волнение, которое мне передается от докладчика.

* Савицкий — агент старого режима; должен быть хорошо известен моему предшественнику полковнику Якубову.

— Много, очень много! — отвечает Савицкий, уверяя, что они занимали целую полку, но приблизительной цифры назвать не берется, а также не знает, от кого их получил Степин. Это предстоит ему выведать в следующие визиты.

Ловкий казак крутит голову Степину, обещает ему свои казачьи связи, все больше и больше входит в доверие, делается частым посетителем «бюро», несмотря на косые взгляды вооруженных сторожей, которые днем и ночью зорко охраняют его вход.

Наружное наблюдение все неотступно следит за Степиным, независимо от приключений Савицкого. Просматривая рапорты агентов, можно убедиться, что не проходило и двух дней, чтобы Степин не побывал в штабе Ленина — в доме Кшесинской.

Наконец, 3 июля, около 6 часов вечера, Савицкий, застав Степина за раздачей денег солдатам, преклоняется перед его умом и талантом доставать деньги. Степин самодовольно возражает, что денег у него сколько угодно. Савицкий не верит, обещает, что если так, то приведет ему своих казаков. Степин попадает на удочку, говорит, что он «первый человек» у Ленина, что последний ему во всем доверяет и сам дает деньги.

В эти часы по городу начиналось восстание. Савицкий спешит к начальнику наружного наблюдения П. А. Александрову. Последний, оценив обстановку, ставит дату на ордере, который взял у меня заранее для Степина, и его арестовывает.

Кстати, из рапорта агента наружного наблюдения мы точно узнали, что 3 июля Степин около 4 часов дня был в доме Кшесинской и оттуда поехал к себе в «бюро».

Мы никогда не надеялись переловить всех степиных. Нам достаточно было и одного.

На этом досье публициста К. закрывается.

Второе, совершенно независимое направление, обрисовалось в Финляндии из отдельных признаков.

На одном из заседаний, устроенных Переверзевым, я познакомился с председателем Финляндской национальной контрразведки. От него я узнал, что госпожа Коллонтай часто бывает на двух дачах под Выборгом.

С другой стороны, комендант станции Торнео⁵, поручик Борисов, сообщил мне, что нащупал два места в районе Торнео, через которые отдельные люди нелегально переходят границу. Торнео не входило в мой район, но было очень вероятно, что именно в этих двух проходах нас ожидают интересные встречи. Кроме того, положение Борисова после развала было очень трудное; его следовало поддержать, тем более что он мог служить нам заставой.

Наконец, Временному правительству было известно, а меня об этом предупредил Переверзев, что в Германии имеются клише для наших десятирублевых кредитных билетов. Они были изготовлены еще до войны; но в свое время Министерство

финансов обратило внимание, что на отпечатанных в Германии кредитных билетах две последние цифры серии оказались слегка подчеркнутыми. Следовало ожидать, что такие десятирублевки будут двинуты к нам через Финляндию, а потому проходы у Торнео приобрели совершенно особое значение.

Важно отметить теперь же, что на некоторых солдатах, а особенно у матросов, арестованных после июльского восстания, мы находили эти десятирублевки немецкого происхождения с двумя подчеркнутыми цифрами*.

Еще в мае все вместе взятое побудило меня командировать в Финляндию своего опытного человека, который на месте исследовал бы интересующие нас вопросы. Выбор мой остановился на следователе С. Опытный в делах розыска юрист, он обладал богатой интуицией.

В мае и июне следователь С. несколько раз съездил в Финляндию. В Выборге он установил наблюдение за дачами, посещаемыми Коллонтай, на которых, как оказалось, происходили встречи лиц, приезжавших из Петрограда и Торнео.

Под Торнео он помог Борисову обнаружить организацию контрабандистов, занимавшихся также переброской через кордон разных сомнительных путешественников.

Едва мы провели по этим вехам линию Петроград—Выборг—Торнео, как в первых числах июля Переверзев сообщил мне, что ему удалось получить сведения при посредстве одного из членов Центрального Комитета партии большевиков, что Ленин сносится с Парвусом письмами⁶, отправляемыми с особыми нарочными.

Вспомним вкратце давно известную историю Парвуса. Бежав из Сибири, Израиль Лазаревич Гельфанд, он же Парвус, вступил в социал-демократическую немецкую партию, а по объявлении войны был сначала командирован немецким Генеральным штабом для специальных заданий в Турцию. Здесь, пользуясь своими немецкими связями, он занимался поставками турецкому правительству, на которых нажил хорошее состояние.

Переехав в Копенгаген и получив генеральное представительство на экспорт всего немецкого угля в Данию, Парвус основал там свой так называемый «Научный институт», который, как известно, представлял собой международное бюро для веде-

* Во втором томе книги «Моя жизнь» Троцкий пробует снять и это обвинение, выдвинутое против большевиков еще Переверзевым и штабом округа. Троцкий объясняет, что пойманных просто грабили под предлогом, что найденные у них деньги были отпечатаны в Германии. Своим неудачным оговором Троцкий только удостоверяет и сам факт, и обоснованность неприятного для большевиков обвинения. В главе «Последняя карта» читатель увидит, что все без исключения арестованные проходили через одну из 12 комиссий прокурорского надзора при штабе округа, наблюдаемых нами. Комиссии регистрировали эти найденные немецкие деньги; причем состав прокурорского надзора, открыто, коллективно производимые дознания само собой исключали всякое отступление от законности и от истины.

ния шпионажа в пользу Германии. Приняв сначала турецкое, а потом немецкое подданство, Парвус имел влияние в своей немецкой партии и выполнял поручения немецкого штаба.

Приведенные выдержки из послужного списка Парвуса были нам известны в 1917 году, еще до июльского восстания. Сбору сведений способствовали старые эмигранты, к которым за справками обращался начальник контрразведки, следователь В.

О том, что Парвус был политическим агентом немецкого правительства, было также своевременно подтверждено с полной несомненностью двенадцатью представителями петроградской прессы в Копенгагене⁷. Они произвели коллективную анкету на месте и удостоверили этот факт телеграммой, которую послали за двадцатью подписями в Министерство иностранных дел. Телеграмма была опубликована петроградской печатью 19 июля 1917 г.*.

Нарочных от Ленина к Парвусу, о которых мне сообщил Переверзев, вероятнее всего, можно было найти на тех же станциях Выборга и Торнео; поэтому мы усилили наблюдение по всей линии, а Борисов, поддержанный моими агентами, стал долга обыскивать всех проезжавших и переходивших границу.

Не прошло и недели такого наблюдения, как в Торнео при обыске было обнаружено письмо, адресованное Парвусу. До конца июня таких писем было доставлено еще два. Все они, написанные одним и тем же почерком, очень короткие — не больше одного листа обыкновенной почтовой бумаги, в 4 страницы, а последнее так даже в 2 страницы. Подпись была настолько неразборчива, что даже нельзя было прочесть приблизительно. Содержание писем было весьма лаконично, без всякого вхождения в какие-либо детали. В них просто приводились общие фразы, вроде: «работа подвигается очень успешно»; «мы надеемся скоро достигнуть цели, но необходимы материалы»; «будьте осторожны в письмах и телеграммах»; «материалы, посланные в Выборг, получил, необходимо еще»; «присылайте побольше материалов» и «будьте архисторожны в сношениях» и т. п.

Первые два письма были перехвачены Борисовым при попытке переноса их через границу нелегальным путем. Третье письмо было для нас особенно интересно. Его вез Лурье, а нашли его так. Наш агент Аносов**, наблюдавший за одной из дач Коллонтай под Выборгом, заметил человека, вышедшего с дачи и направившегося на

* К характеристике Парвуса любопытный инцидент рассказал мне В. Л. Бурцев, но уже за границей после Октябрьской революции. В 1908 году Парвус, состоя еще в русской социалистической партии, растратил около 200 000 германских марок партийных денег, вырученных от продажи изданий Максима Горького на немецком языке, которые Горький пожертвовал партии. Парвус истратил их на женщину, скрываясь с ней по Европе.

** Дела Аносова помнит мой выдающийся бывший сослуживец Ф. Чернышев, проживающий во Франции.

вокзал. Агент, следуя за ним по пятам, доехал до пограничного пункта Белоостров, где точно выяснил, что то был Лурье⁸, который возвращался в Петроград. Аносов показал его коменданту станции есаулу Савицкому. Через несколько дней Лурье снова выехал из Петрограда в Выборг, но уже Савицкий обыскал его до нитки, отобрал от него бумаги, среди которых и оказалось третье письмо Парвусу. Имея так много указаний, установить автора писем было совсем недолго. Не надо было быть графологом, чтобы, положив рядом с письмами рукопись Ленина, признать везде одного и того же автора. Конечно, ввиду важности случая, мы этим не ограничились: Александров привез двух присяжных графологов, выступавших с ним экспертами в Петроградском суде, которые, не задумываясь, и утвердили наше общее мнение. Письма эти читали все мои помощники и Переверзев.

Настойчивые просьбы Ленина, обращенные именно к Парвусу, о присылке «по-больше материалов» были очень симптоматичны.

Принимая во внимание, что тогда в России существовала полная свобода печати, очевидно, не могло быть и речи о присылке секретным путем каких бы то ни было печатных материалов. Торговлей Ленин не занимался; таким образом, гипотеза о товарах также отпадала. Оружия у большевиков в петроградских полках было сколько угодно. Что же подразумевал Ленин под словом «материалы», обращаясь секретным путем к официальному германскому агенту? Но я воздержусь пока от вывода и перейду к третьему, совершенно самостоятельному направлению.

— Борис Владимирович, обратите внимание на Козловского, — как-то сказал мне Переверзев.

— Еще бы, Павел Николаевич! Да он мне жить не дает своими угрозами от имени Совета. Я поставил за ним наблюдение.

С первых же шагов нашими агентами было выяснено, что Козловский по утрам обходил разные банки и в иных получал деньги, а в других открыл новые текущие счета. По мнению наших финансовых экспертов, он просто заметал следы.

Расследование, однако, приняло серьезный характер лишь после того, как блестящий офицер французской службы, капитан Пьер Лоран, вручил мне 21 июня первые 14 телеграмм между Стокгольмом и Петроградом, которыми обменялись Козловский, Фюрстенберг, Ленин, Коллонтай и Суменсон. Впоследствии Laurent передал мне еще 15 телеграмм*.

Припомним, что Яков Станиславович Фюрстенберг, он же Ганецкий, состоял членом социал-демократической партии, был очень близким человеком одновременно и к Парвусу, и к Ленину. Парвус выписал Ганецкого из Австрии в Копенгаген, где сделал его своим помощником. В 1917 году Ганецкий был арестован в Копенгагене

* Общее число телеграмм было гораздо больше: они были изъяты военной цензурой после восстания.

за контрабанду, а вообще за ним там установилась репутация первоклассного мошенника. При поддержке Парвуса Ганецкий избежал суда, отделался крупным денежным штрафом и был выслан из Дании. Он выехал в Стокгольм, где все время служил связующим звеном между Парвусом и Лениным*.

Привожу точные копии двадцати девяти телеграмм, переданных мне капитаном Laurent**.

1) Ульяновой Широкая 48–9 Петроград Новый телеграфный адрес Сальтшэбаден Фюрстенберг.

2) Козловскому Сергиевская 81 Стецкевич отобрали Торнео все сделали личный обыск протестуйте немедленной высылки нам отобранных вещей не получили ни одного номера Правды ни одной телеграммы ни одного письма. Пусть Володя*** телеграфирует прислать на каком размере телеграммы для Правды. Коллонтай.

3) Фюрстенберг Стокгольм Сальтшэбаден. Номер 86 получила вашу 123. Ссылаюся мои телеграммы 84–85. Сегодня опять внести 20 000 вместе семьдесят. Суменсон.

4) Фюрстенберг. Сальтшэбаден. Стокгольм. Мой багаж у Леламеда пошлите с Марией. Беленин.

5) Фюрстенберг. Сальтшэбаден. Приехали благополучно Белоострове ждали Мячеслава Франи с семьями. Телеграммы Козловского совсем неосновательны.

6) Козловскому Сергиевская 81, Суменсон Надеждинская 36. На днях еду Петроград день сообщу. Куба****.

7) Фюрстенберг. Сальтшэбаден Стокгольм. Зовите как можно больше левых на предстоящую конференцию мы посылаем особых делегатов телеграммы получены спасибо Ульянов Зиновьев.

8) Козловскому Сергиевская 81. Все–таки воскресенье приеду тогда урегулирую мандат.

9) Сальтшэбаден Козловскому Семья Мэри требует несколько тысяч что делать газет не получаем.

10) Гиза Фюрстенберг Сальтшэбаден. Финансы весьма затруднительны абсолютно нельзя дать крайнем случае 500 как последний раз карандашах громадные убытки оригинал безнадежно пусть Нью Банкен телеграфирует новых 100 тысяч Суменсон.

* При советской власти Фюрстенберг–Ганецкий одно время состоял народным комиссаром финансов. До настоящего времени играет видную роль у большевиков.

** Копии телеграмм публикуются здесь исключительно по книге Б. Никитина, без внесения какой–либо правки. Впервые около 10 телеграмм были напечатаны с некоторыми неточностями в петроградской газете «Живое слово» (1917. № 57, 12 июля); 66 телеграмм опубликованы в еженедельнике «Без лишних слов» в Петрограде (1917. № 1–2). (Примеч. ред.)

*** Ленин

**** Партийная кличка Фюрстенберга–Ганецкого.

11) Козловскому Сергиевская 81. Первые письма получили Нью Банкен телеграфировали телеграфируйте кто Соломон предлагает местное телеграфное агентство ссылается Бронек Савельевича Авилова.

12) Суменсон Надеждинская 36 [Сообщите] могу ли сейчас приехать Генрих ждет.

13) Фюрстенберг Сальтшэбаден. Смогу ответить только в конце недели. Суменсон.

14) Фюрстенберг Сальтшэбаден. Номер 90. Внесла Русско-Азиатский сто тысяч Суменсон.

15) Срочно Шадурскому Ротгейм 19 Христианиа. Жди меня Христианиа субботу выезжаю в Стокгольм. Коллонтай.

16) Петроград Фюрстенберг. Гранд Отель Стокгольм. Увы пока мало надежды. Телеграфируйте можно ли ждать долго или предпочитаете приехать второй раз на мой призыв. Пишите Суменсон Надеждинская 36.

17) Фюрстенберг Сальтшэбаден. Вашу получили. Кампания продолжается потребуйте немедленно образования формальной комиссии для расследования дела желательно привлечь Заславского официальному суду. Козловский.

18) Суменсон. Надеждинская 36. Последняя Ваша телеграмма 28 дайте окончательный ответ дольше ждать не могу.

19) Суменсон. Надеждинская 36. Сальтшэбаден счет письма выслал 5905 рублей внес Суменсон. Кржесковский Гранд Отель Улица Гоголя.

20) Стокгольм из Петрограда Фюрстенберг Гранд Отель Стокгольм. Нестле не присылает муки. Хлопочите Суменсон Надеждинская 36.

21) Стокгольм из Петрограда Фюрстенберг, Гранд Отель Стокгольм. М-ль Юнгбек возвращается на днях из Мальмэ Петроград. Постарайтесь переговорить с ней Стокгольме. Суменсон. Надеждинская 36.

22) Мальмэ из Петрограда. Пильдамевеган 12 Мальмэ. Пожалуйста повидайтесь Фюрстенбергом при Вашем отъезде Стокгольм. Гранд Отель Суменсон Зверинская 38.

23) Из Стокгольма Суменсон Надеждинская 36 Петроград. Телеграфируйте сколько имеете денег Нестле.

24) Петроград Фюрстенберг Сальтшэбаден. Вышлите немедленно рукописи о Польше и брошюру о литературе социалистической Бронской и копию постановления Турова Козловскому Веселовский Бронислав 6 линия 48 кв. 8.

25) Суменсон Надеждинская 36. Невозможно приехать вторично уезжаю Сигизмунд телеграфируйте туда остатки банках и по возможности уплатить по счету Нестле.

26) Сальтшэбаден из Петрограда Фюрстенберг Сальтшэбаден. Телеграфируйте Мензикеп Ааргау. Варшавская благополучно доехала. Адрес: Костовский Басков пер. 22, кв. 8.

27) Петроград Фюрстенберг Сальтшэбаден Стокгольм. Номер 22. Банк вернул взнос 100 000 приехать теперь невозможно. Попросите Татьяну Яковлевну вернувшись помочь мне она там. Суменсон Надеждинская 36.

28) Сальтшэбаден Фюрстенберг. Последние десять слов Вашей телеграммы 30 непонятны. Прошу повторить Суменсон Надеждинская 36.

29) Фюрстенберг Гранд Отель Стокгольм. Срочно кроме 28 посланы три телеграммы поездка теперь невозможна. Послала письмо нарочным когда смогу приглашу вас приехать напишите не откажите платить моему тестю двести рублей, привет Суменсон Надеждинская 36.

Содержание некоторых телеграмм не могло пройти незамеченным. В телеграмме № 2 говорится об одном из обысков, которые закатывал проезжающим поручик Борисов в Торнео. В ней же странная просьба, чтобы Ленин телеграфировал на каком размере присылать телеграммы для «Правды»*.

Телеграмма № 6 подписана «Куба» — уменьшительное имя Ганецкого.

В № 7 Ленин и Зиновьев благодарят Ганецкого за полученные телеграммы и просят продолжать.

Номера 10–11–14 денежного характера — через «Nia-Banken» и Русско-Азиатский.

Телеграмма № 24 подписана нашим старым знакомым Брониславом Веселовским из редакции «Правды», тем самым Веселовским, который послал телеграмму из Таврического дворца в Стокгольм Ганецкому для «Lokal-Anzeiger» о большевистской демонстрации.

Часть телеграмм была иносказательного характера. Конечно, содержание их наводило на некоторые размышления; но вся ценность телеграмм заключалась не в тексте, который можно без конца комментировать, а в адресах лиц, которым они посылались.

Я уже приводил те причины, вследствие которых нам не удавалось регулярно следить за Лениным. Телеграммы неоспоримо называли нам, кроме Ленина, еще имена тех, кто постоянно сносился с Ганецким — немецким агентом и к тому же еще доверенным Парвуса. В нормальных условиях такая несомненная связь во время войны с неприятельским агентом, по меньшей мере, должна была бы сильно скомпрометировать, вызвать аресты. Где, в какой стране, для доказательства состава преступления требуют находить у шпиона обязательно денежные расписки с печатями? Как увидим ниже, в наших специальных условиях и банковских расписок с печатями оказалось недостаточно.

Зато телеграммы резко и безошибочно отделяли главных от всех остальных, тех главных, на которых стоило бросить все силы, и в этом и заключалось их громадное значение для контрразведки. Пустив столь точные адреса в разработку, мы сразу

* На третий день восстания, при очищении дома Кшесинской, где помещался штаб большевиков, была найдена следующая телеграмма, отправленная из Стокгольма Ленину и подписанная Ганецким: «Штейнберг будет хлопотать субсидию для нашего общества. Обязательно прошу контролировать его деятельность, ибо совершенно отсутствует общественный такт».

выбросились далеко вперед; каждый час стал нам приносить все новое и новое. Только из телеграмм мы узнали впервые о существовании Суменсон. Выяснять, кто она такая, полетел старший агент Касаткин. Узнав от Касаткина, что она демимонденка⁹, кстати сказать, совсем не первого разряда, я сейчас же направил на нее молодого человека Я-на, нашего способного и испытанного секретного сотрудника. В таких случаях вы обыкновенно не открываете карт агенту, а самое большее, что можете сделать вначале, это косвенно подтолкнуть его внимание в ту или иную сторону.

Давая задачу Я-ну, я не сделал и намека на большевиков, а только сказал коротко, что «кажется, Суменсон занимается какой-то торговлей».

Этот молодой человек в один из вечеров познакомился с Суменсон. 20 июня он явился и сообщил, что Суменсон переехала на дачу в Павловск, а он нанял у нее комнату и переезжает в этот же день вечером.

— Только у вас о ней, по-видимому, неправильные сведения: никакими торговыми делами она, по-моему, не занимается, — сказал мне, улыбаясь, Я-н.

Тем временем Касаткин донес, что Суменсон посетила Сибирский банк. Я сейчас же послал в банк Александрова с финансовым экспертом. Они выяснили, что Суменсон за последние месяцы сняла в одном этом банке около 800 000 рублей, а на ее текущем счету еще оставалось 180 000 рублей. В Сибирский банк, как то расследовал Александров уже после восстания, деньги переводил из Стокгольма через «Nia-Banken» Фюрстенберг (Ганецкий). Очень важно заметить, что от этих переводов денег и их получения Суменсон никак не могла бы отказаться, даже если бы обыск у нее не дал никаких результатов: банковские книги и расписки Суменсон давали нам в этом полную гарантию. Некоторые из министров заявляли впоследствии, будто бы преждевременное разглашение сведений об измене Ленина дало возможность большевикам спрятать все концы в воду. Но ведь следы в банках не исчезли, как не могли пропасть все вышеперечисленные подлинные письма и телеграммы, устанавливающие непрерывную близкую связь Ленина с немецкими агентами.

Те же министры говорили, что преждевременная ликвидация дела помешала Ганецкому приехать в Петроград, а будто бы для обличения большевиков только и не хватало тех документов, которые эти министры рассчитывали найти на Ганецком.

О том, была ли ликвидация преждевременной, будет яснее видно из следующей главы. Что же касается ожидаемого приезда Ганецкого, то мы, конечно, о том знали, хотя бы из телеграмм Суменсон; но контрразведка не увлеклась предположениями найти на Ганецком бумаги, подписанные германским канцлером, или пачку кредитных билетов с препроводительным письмом от «Disconto-Gesellschaft Bank»*. Контрразведка не могла строить дело такой государственной важности на

* При подробном расследовании было выяснено: Ганецкий в «Nia-Banken» получал деньги из «Disconto-Gesellschaft Bank».

догадках, надумает ли Ганецкий съездить в Петроград или нет, а тем более, что он повезет на себе документы с печатями.

В июле в отношении самого Ганецкого я только пожалел, что, не приехав лично, он избежал возмездия и не попал в Петропавловскую крепость.

Чтобы не возвращаться больше к Суменсон, должен обратить внимание, что арестованная во время июльского восстания, она во всем и сразу чистосердечно призналась¹⁰ допрашивавшим ее в моем присутствии начальнику контрразведки и Каропачинскому. Она показала, что имела приказание от Ганецкого выдавать Козловскому, состоящему в то время членом ЦК партии большевиков, какие бы суммы он ни потребовал, и притом без всякой расписки. Из предъявленных ею чековых книжек явствовало, что некоторые из таких единовременных выдач без расписки доходили до ста тысяч рублей.

Из писем, отобранных у Суменсон, можно было заключить, что Ганецкий переводил деньги Суменсон под видом средств, необходимых для торговли и, главным образом, аптекарскими товарами. Прикрываться коммерческой перепиской — обычный прием шпионов. Но было особенно характерно, что Суменсон даже и не пыталась прятаться за коммерческий код, а сразу и просто созналась, что никакого аптекарского склада у ней не было и вообще никакой торговлей она не занималась.

Показания Суменсон представлялись мне настолько исчерпывающими, что, занятый другими делами, я даже не счел нужным присутствовать на ее дальнейшем допросе.

При нормальном режиме контрразведка не ведет следствия, а только производит расследование, выводы которого передает прокурору. Но в наших специфических условиях мы вынуждены были идти гораздо дальше: у прокурора были следователи, но не было розыскных органов.

В последних числах июня три изложенные выше самостоятельные группы дел, а именно: Степин, финляндская (Парвус), и, наконец, Суменсон—Ганецкий, давали много материала для обвинения большевиков в государственной измене; они были достаточно разработаны. В них мы имели и неоспоримые связи с Германией, и немецкие деньги через банки, и даже раздачу этих денег в народ для участия в демонстрациях.

Контрразведка никогда не мечтала определить, какую сумму партия большевиков получила от немцев. Мы ее никогда и не высчитывали. Пути перевода должны были быть разные. Наша цель была доказать документально хотя бы одно направление.

Приведенные дела имели, конечно, свои подробности и разветвления, проходили по всем отделам; они составляли три законченных группы.

Мне не приходится говорить о всех других расследованиях, так как они не были закончены; но все же из них я не могу не привести еще двух.

Во-первых, досье компании Сименс¹¹. Отделение этого общества на юге России было закрыто по подозрению в шпионаже еще при старом режиме распоряжением генерал-губернатора Киевского округа.

Членом правления [компании] Сименса состоял достаточно известный казначей партии большевиков — Красин. Интересно заметить, что до революции Красин был очень крут и требователен к рабочим. Наоборот, после февральских событий он так потворствовал всем требованиям рабочих, что завод Сименса в Петрограде положительно развращал всю рабочую массу. Достаточно сказать, что когда фабрики кругом закрывались одна за другой от непомерных требований увеличения заработной платы, завод Сименса легко давал прибавки и своими ставками шел впереди других*. Ленин называл завод Сименса своей цитаделью, сам очень часто туда наезжал, выступал на митингах, имел там большой успех.

Проникнуть непосредственно в дела правления завода мне представлялось невозможным. Но я не мог отказаться от мысли завербовать в отделе счетоводства своего информатора. Даже эта задача оказалась неимоверно трудной. С ней мне помог справиться Балабин незадолго до июльского восстания: он разыскал в отделе отчетности на довольно высоких ролях своего старого знакомого. После всевозможных обещаний и уговоров последний согласился безвозмездно, исключительно из патристических побуждений, меня информировать. Но такие исследования тянутся медленно, а ускоренный темп революции не дал нам оглянуться, как и это дело кануло в лету.

Второе незаконченное расследование относилось к тем деньгам, которые, как мы знали, германское правительство препровождало еще до революции через банк Сея** в Швеции¹² на нужды германских военнопленных в России. Эти деньги передавались через посредство консулов нейтральных держав, причем контроль над их расходованием был для нас недоступен. В этой области революция многое упростила, а число больных, ходатайства последних о льготах и побеги военнопленных возрастали в угрожающей прогрессии. Больше того, одно это направление определенно вело нас к быстрой катастрофе. Бывали случаи, что беглецы попадались на митингах и даже по шпионским делам прямого характера, как то произошло, например, с унтер-офицерами 206-го Прусского полка — Альфредом Ульке и Гансом Штрейхом. Первый был пойман при попытке перейти финляндскую границу; на нем оказались фотографии мостов и карты с обозначением нашего фронта, что привело в восторг генерала Потапова, который упорно продолжал считать, что поимка таких фотографов должна составлять нашу главную обязанность.

События развертывались с головокружительной быстротой.

* Как доказать, почему директор повышает ставки рабочим?

** Наименование шведского банка нуждается в уточнении. — *Ред*

Едва прошла неделя, как Laurent передал мне телеграммы, а контрразведка начала захлебываться от чрезмерного числа срочных дел. Я имел обыкновение собирать на совещание ежедневно в 11 часов утра восемь квалифицированных юристов, военных и гражданских. Эти совещания протекали в дружеской обстановке. У нас не было соревнования и оскорбленных самолюбий, а просто каждый делился собранными сведениями и высказывал свои соображения. Иногда мы вместе ломали голову, как лучше поступить.

На таком совещании 1 июля собрались все восемь близких мне людей, в том числе начальник контрразведки Александров, Каропачинский, Анатра и другие. В этот день я предложил всем присутствующим, начиная с младшего, высказаться о том, достаточны ли имеющиеся у нас данные для ареста большевиков. Здесь были разобраны главнейшие улики, и присутствующие совершенно без спора, единогласно признали, что по каждому в отдельности из трех первых, перечисленных выше групп дел, данных было более чем достаточно, чтобы привлечь большевиков к обвинению в государственной измене.

Последним я спросил Александрова, мнение которого меня особенно интересовало, принимая во внимание его общеизвестную чрезвычайную осторожность в заключениях и общепризнанную репутацию одного из наиболее выдающихся русских судебных деятелей.

— Какое еще может быть сомнение, Борис Владимирович, — сказал Александров и, пожав плечами, добавил: — Что же еще надо?

Тогда я поставил второй вопрос: «Когда приступить к арестам?».

На этот раз первый взял слово Александров. Он говорил очень недолго и высказал лишь то, что одинаково понимали и чувствовали все присутствующие. Он сказал, что мы фактически не можем не только перехватать всех большевистских лидеров, не только войти в дом Кшесинской, но даже проникнуть в помещение большевиков в третьем этаже нашего собственного дома и произвести обыск. А если бы нам и удалось задержать несколько лиц, то они были бы выпущены даже не снизу, а сверху.

— Но ведь вы не выдержите равновесия, и все пойдет прахом, — сказал мне Александров.

Конечно, то были факты. И я предвидел большое потрясение, но о нем-то и мечтали! Переверзев мне часто говорил, что Россия погибла и ее может спасти только наша контрразведка. Первый раз он мне сказал так:

— Ведь вы же единственный, Борис Владимирович, кто имеет организацию и поддерживает правительство, Россия погибла.

— Павел Николаевич, мы говорим о Петрограде, — остановил я его, потрясенный.

— Да нет же! Я вам говорю о России — она погибла, — отвечает он мне убежденно. — Ведь я сижу в правительстве и слушаю доклады, которые приходят со всех концов России. Докажите, что большевики изменники — вот единственное, что нам осталось.

Итак, сведения собраны. В них единственная надежда. Допустить, чтобы последний ход сорвали — никак нельзя. А как его сделать? Что произошло? 21 апреля Корнилов попробовал было вызвать лучший батальон, лучшую батарею. А дача Дурново?¹³ Сколько потребовалось ухищрений, чтобы привести людей якобы по приказанию Совета и захватить двух мелких мошенников, арестованных Совдепом, да в конце концов самим же пришлось лезть в окно. Какой сплошной кошмар быть начальником контрразведки в русскую революцию!

К мнению Александрова, высказанному на совещании, присоединились все немедленно. Но ждать, неизвестно до каких пор, мы тоже не могли.

Тогда тут же, на заседании 1 июля, я принял следующие решения.

1. Приказать отменить производство всех 913 дел по шпионажу, больших и малых, находящихся в разработке контрразведки и не имеющих прямого отношения к большевикам, дабы усилить работу против большевиков.

Такое распоряжение при обычных условиях следует признать чистейшим абсурдом: оно нарушало систему, а кроме того, очень часто из самых ничтожных новых расследований появляются как бы случайно новые пересечения, из которых возникают дела громадной важности. Но в данном случае я именно считал, что у нас и засечек, и доказательств совершенно достаточно, а не хватало сил, которые надлежало сконцентрировать, чтобы удержать за собой все приобретенное.

По-видимому, новый начальник контрразведки и его старшие помощники понимали этот вопрос одинаково. Отдавая приказание, я его оговорил, что отступления могут быть для исключительных случаев, но каждый раз с моего особого разрешения. Просьб об отступлениях заниматься каким-либо другим делом я не получил.

2. Мы составили список двадцати восьми большевистских главарей, начиная с Ленина, и, пользуясь предоставленным мне правом, я тут же подписал именем главнокомандующего двадцать восемь ордеров на аресты.

3. Практика мне показала, что то, чего мы не могли провести в Петрограде из-за вмешательства Совета рабочих и солдатских депутатов, нам иногда удавалось осуществить вне столицы. Поэтому я решил немедленно начать наступление на финляндском направлении по группе дела № 2 (Ленин — Парвус). Там, в Торнео и Белоострове, были активно настроенные коменданты, а из попавших в список 28 большевиков больше половины ездили к себе на дачи, а также в Выборг. Стало быть, была не исключена возможность их арестовать внезапно в вагоне, а к тому же зацепить с полицным. Из Финляндии я рассчитывал выйти на Петроград.

Поэтому в тот же день, 1 июля, я переселил на границу с Финляндией целый отдел контрразведки с 40 агентами. Начальнику его, тому же следователю С., я вручил ордера, приказал арестовывать указанных в них лиц при их появлении на границе и немедленно о том доносить по телефону.

4. Я поставил в известность всех присутствующих на совещании, что такой порядок будет продолжаться самое большее семь дней. В случае же, если за этот срок нам не удастся обличением и арестами в Финляндии вызвать возмущение против предателей и тем создать благоприятную обстановку, мы все равно 7 июля приступим к ликвидации большевиков в самом Петрограде¹⁴.

(Никитин Б. Роковые годы (Новые показания участника). Benson, Vermont, 1987).

НЕМЕЦКИЙ АГЕНТ ПАРВУС

Он сыграл одну из самых главных черных ролей в устройстве революционного кавардака в ослабленной войной России и в ее крушении. Когда-то, в первые годы большевистского торжества, его имя непременно и с почтением упоминалось в «красных» справочниках и словарях; позже оно на десятилетия исчезло. Любопытная метаморфоза: — ведь этот деятель был духовным учителем Ленина, Троцкого и прочих «рыцарей Октября», можно сказать, являлся чуть ли ни ведущим «архитектором революции». Поведаем о нем, обращаясь к вчера еще сверхсекретным архивным источникам¹ и еще недавно потаенным в спецхранах книгам.

Многочисленные тайные нити германо-большевистского заговора сплетались на двух главных действующих лицах — Ленине и Парвусе. О Ленине отдельный разговор, а вот о второй фигуре пришло время рассказать подробнее, ибо без нее нельзя понять всей режиссуры социального переворота. Здесь уместно назвать главных постановщиков этого политического сценария с германской стороны: император Вильгельм II, генералы Людендорф и Гофман, канцлеры Бетман-Гольвег и Гертлинг, статс-секретарь МИДа Кюльман, заместитель статс-секретаря католический лидер Эрцбергер, помощник статс-секретаря Буше, секретарь канцелярии Редерн, послы Ромберг (в Берне), Бронкдорф-Ранцау (в Копенгагене), Штедтен (в Стокгольме), советник миссии в Стокгольме Ризлер (Рицлер). Они, если не лично, то по агентурным данным, хорошо знали Парвуса.

Израиль Лазаревич Гельфанд (псевдоним Александр Парвус)² (1867–1924) — один из самых крупных политических авантюристов XX века. По энергии мошенничества, спекулятивному таланту и демагогическому дару его можно в определенной степени сравнить со знаменитыми шарлатанами XVIII века Сен-Жерменом и «графом» Калиостро, тем более, что он, как и его предшественники, испытывал страсть к перемене мест, чревоугодничеству и игривому дамскому обществу. Это злое для судьбы Рос-

сии имя у нас сегодня почти не знают, хотя без него трудно представить изнанку нашей политической истории первого двадцатилетия XX века. Немногие приятели и поклонники говорили о нем восторженными метафорами: «сенатор эпохи Ренессанса», «умнейшая голова второго Интернационала», «на теле слона он носит голову Сократа» и т. п. Соперники его остерегались. Враги презирали. История его прокляла.

Ключом к загадкам природы Парвуса, пожалуй, могут служить его слова в письме, обращенные к Вильгельму Либкнехту: «Я ищу государство, где человек может по дешевке купить отечество». Не признавая отечеством Россию, он искал его «по дешевке» в Швейцарии, Германии, Турции, Болгарии, Швеции, Дании..., легко меняя города, газеты, убеждения, друзей, женщин... И еще одно признание этого «перекати-поле»: «Жизнь хороша, надо только брать от жизни все. Но для этого необходимо постоянно бороться...»³. Отдадим ему должное: «брал» миллионами барышей, не раз прикарманивал партийные деньги, боролся неустанно не только с личностями и мнениями, но и с целыми государствами.

После окончания Одесской гимназии и увлечения псевдонародническими идеями уроженец местечка Березино (Белоруссия) в 1886 году отправился «на ловлю счастья и чинов» в Цюрих, где познакомился с членами марксистской «Группы освобождения труда» Плехановым, Аксельродом, Верой Засулич; в 1891 году окончил Базельский университет по курсу политической экономии, а затем, наконец, оставаясь российским подданным, обрел временное пристанище в приглянувшейся ему Германии, где вступил в социал-демократическую партию. Приобрел известность бойким журналистским пером, отточенным в полемике с разного рода «ревизионистами» и «рenegатами». В одном из писем из сибирской ссылки Ленин просил мать прислать ему статьи Парвуса, писал о нем как о «талантливом немецком публицисте», позже, в эмиграции, познакомился с ним лично и бывал у него дома вместе с Крупской. В Мюнхене они вместе разжигали «Искру», затем их дороги несколько раз сходились и разбегались, и еле заметные их следы до сих пор вызывают любопытствующие взгляды историков.

Когда в 1905 году на волне спровоцированной первой русской революции в Петербурге возник Совет рабочих депутатов, Парвус, бросив без копейки жену с сыном, вместе со своим учеником Троцким и новой «супругой» поспешили из эмиграции к кормилу новой власти. Легкая ирония здесь уместна, так как наш герой не столько сокрушался о житье-бытье пролетариев, сколько создавал свою «героическую» биографию. Известный в прошлом журналист Евгений Смирнов (Гуревич), хорошо знавший еврейско-германского публициста, деликатно писал: «...во время революции 1905 года Парвус в течение своей кратковременной деятельности в Петербурге обнаружил некоторую склонность к авантюрам...»⁴. То же можно сказать о его подопечном Льве Троцком — недаром формальный председатель Петербургского совета

адвокат Г. С. Хрусталеv (Носарь) отзывался о «вождях» резко — критически, успев перед своей смертью (расстрелян как «шовинист») написать брошюру «Как Лейба Троцкий–Бронштейн расторговывал Россию» (1918).

Требования к царизму у Израила Лазаревича были ультимативными, отчасти и справедливыми, но вот собственной реальной программы, кроме криков «Долой!», он предложить не мог, да к тому же самостийно объявил себя председателем Исполкома нелегального совета (Б. Гельдман, В. Сименон, Е. Френкель и др.) вместо арестованного легального, призвал питерцев к всеобщей забастовке и вообще держал себя как спаситель рабочей столицы. В результате — Петропавловка и административная ссылка (3 года) в Сибирь, откуда он, как тогда часто случалось, благополучно бежал и скоро предстал перед германскими марксистами в качестве мученика «русской Бастилии». Последнее обстоятельство вызвало повышенный интерес радикальных дамочек и соцдемтоварищей (среди них Карла Каутского), наперебой приглашавших страдальца новой жизни выступить с мемуарами и социально-философскими размышлениями. Они не замедлили являться: «В русской Бастилии во время революции» (Дрезден, 1907) и др. Парвус вбивал в сознание современников новое понятие «советизм», «углубляя» Маркса, изобрел теорию так называемой «перманентной революции», которой очень гордился и которую позже выдавал за свою его прилежный тогда холуй Троцкий.

Ничего нового тогда в статьях Парвуса в период русско-японской войны (и позже) не было: тот же примитивный набор псевдореволюционной демагогии. Откроем для примера его книжечку «Война и революция» (Женева, 1904, издание ЦК РСДРП). Вот цитаты из нее: «...германский император — единственная личность, которая по положению своему может оказать сильное влияние на ход надвигающихся событий»; «Только революция... заменит мордобойный патриотизм национальным воодушевлением»; «...стремясь парализовать политику Японии, оно (самодержавие. — В. К.) борется против мирового закона капиталистического развития». Пишет ненавистник России, во многом близкий по мироощущению к Ленину, хотя и отличающийся от него по некоторым организационно-тактическим идеям.

Сбежав из Енисейска, Парвус в ноябре 1906 года оказался в Германии и вскоре с шиком отправился отдохнуть от сибирских холодных приключений в солнечную Италию. Свою вторую жену и второго сына он бросил в России («...буржуазная семья, — писал однажды этот блудливый не только в политике товарищ, — ...это воровской притон»). Красотами Италии «наш герой» наслаждался вместе с Розой Люксембург, разделявшей с ним не только марксистские идеи... Неизвестно, насколько был приятным отдых этой социалистической «сладкой парочки», но хорошо известно, что примерно в ту пору пролетарский радетель растратил огромную сумму денег, пожертвованную «на революцию» Максимом Горьким и составившую к 1908 году 130 тысяч марок. Сочлены по партии (К. Цеткин и др.) поймали жулико-

ватого сотоварища и дважды судили, вернее, журили его, а «великий пролетарский писатель» гуманистически рекомендовал «надрать ему уши». На том дело и кончилось. Чтобы уйти подальше от греха, Парвус в 1910 году укатил в Вену, затем в Константинополь, где вновь угнездившись на чью-то «золотую» голову, финансировал провокационные вылазки младотурок.

В начале Первой мировой войны, утверждают западные исследователи, «чумная бацилла» революции очутилась в Константинополе; здесь на ее заразные свойства для стран — противников милитаристских устремлений Вильгельма II обратил внимание посол фон Вангехайм (Вангехейм). 8 января 1917 года он сообщил телеграммой в МИД Германии о готовности Парвуса стать добровольным агентом — советником по вопросу «русской революции», проще говоря, с помощью представителей «ленинской гвардии» на Западе шпионить в пользу Берлина. Министр иностранных дел Германии одобрил замысел. В марте 1915 года интербродяга представил своим новым хозяевам обширный «Меморандум» (ниже прилагается), программу организации массовой забастовки — восстания в России, назначенной на 9 января (NB!) 1916 года. Социал-демократ, масон⁶ и шпион Парвус тут же запросил на Вильгельм-штрассе для повышения сознательности русского пролетариата первый миллион марок. 26 марта 1915 года фон Вангехайм телеграфировал в Берлин советнику МИДа Бергену: «Немецкий банк переслал мне чек еще на 500 000 марок, который здесь прилагаю. Хотел бы еще обратить Ваше внимание на мое письмо от 20 марта, в котором я отметил, что д-р Гельфанд требует 1 млн марок. Все траты, связанные с переводом и обменом денег в Копенгагене, Бухаресте и Цюрихе, будут за наш счет».

Здесь важно объяснить источник процитированного выше документа. В конце Второй мировой войны в горах Граца, в пяти замках, американцами были обнаружены спрятанные нацистами тысячи (!) архивных материалов, раскрывающих тайные связи Ленина и его большевистской компании с германской военщиной и дипломатическим ведомством. В 1990 году крохи из этого огромного документального массива в переводе с немецкого на русский были опубликованы в Москве с «партийным» тенденциозным предисловием, специально подобранными документами и подтасованными комментариями. Это был сборник Вернера Хальвега «Возвращение Ленина в Россию в 1917 году», изданный в Голландии в 1957 году. Книга эта приоткрывала завесу тайны немецко-большевистского сговора, но многих «ударных» разоблачительных источников в ней не содержалось. Советские историки тогда еще продолжали наводить глянec на «Великую Октябрьскую» и не хотели замечать существования более смелой и объективной работы Зденека Земана «Германия и революция в России...» (Лондон, 1958), в которой собраны досье из 136 телеграмм, писем и других документальных материалов, неопровержимо доказывающих преступную деятельность «пламенных революционеров» по разрушению России. Автор настоящих строк обратился к профессиональному переводчику с английского языка — и вскоре по-

трясающие своей правдивостью и педантичностью секретные немецкие документы стало возможным представить российскому читателю (ниже мы к ним еще будем обращаться). Книга Земана — далеко не единственный новый и убийственный источник, в какой уже раз разоблачающий предательство большевиков. Мы использовали впервые и другие документальные материалы, которые до сих пор неохотно выдаются независимым исследователям. Об одном и ныне труднодоступном российском тайнике скажем особо.

... Лишь единицы «избранных» знали о том, что в одном из архивов СССР хранится сверхсекретный 21 том следственного дела о вооруженном выступлении большевиков в Петрограде в июле 1917 года, точнее, — о государственной измене Ленина и его «пламенной» команды, которая пыталась с помощью спровоцированного путча остановить наступление русской армии. Ленин и Зиновьев тогда успели бежать от русских контрразведчиков и мило уединиться в знаменитом позже «Шалаше». Но более 140 большевиков–путчистов (Троцкий, Луначарский, Коллонтай и др.) были арестованы и посажены в «Кресты». Следствие возглавлял следователь по особо важным делам П. А. Александров (спустя 20 с небольшим лет ему это припомнят и расстреляют). Вел он «дело» умело и тонко, и некоторые большевики–предатели на допросах «раскололись». Например дамочка легкого поведения Евгения Маврикиевна Суменсон, жившая в Петрограде (летом — в Павловске) и выполнявшая роль «почтового ящика» для переправки кайзеровских сребреников от Парвуса (через посредство Ганецкого–Фюрстенберга в Стокгольме и других конспираторов) к адвокату и масону — большевику Мечиславу Козловскому. В примечаниях к ПСС Ленина о г-же Суменсон говорится туманно–осторожно — толком о ней ничего не узнаешь. Меж тем из 7-го тома следственного дела выясняется: урожденная Рундо, до переселения в Петроград постоянно жила в Варшаве, служила бухгалтершей в торговом доме Клингслайда и ... Ганецкого–Фюрстенберга, нередко общалась с М. Козловским; ее братец, иудей Альфред Рундо, инженер–путеец, пытался на допросе (в качестве свидетеля) выгораживать преступный промысел сестрицы, но неудачно (эти факты приводятся в печати впервые). Известны нам и перлюстрированные русской контрразведкой телеграммы этой продажной бабенки и ее сообщников в адрес дружков Парвуса.

Пользуясь случаем, отвесим запоздалый низкий поклон сотрудникам контрразведки штаба Петроградского военного округа (начальник Б. Никитин, А. Н. Моллер, поручик Органов и др.), своевременно «вычисливших» чуть ли не всех предателей и шпионов (досье на них целы и хранятся в одном из петербургских архивов) периода первой мировой войны. Замечательно работала русская военная тайная служба, и не ее вина, что временщик–масон А. Ф. Керенский, якшавшийся с большевиками, преступно отпустил (под денежный залог и т. п.) более 140 путчистов–изменников.

Однако вернемся к Парвусу, тем более, что поводов его вспомнить упоминавшиеся следственные тома дают предостаточно. В том же 7-м томе есть прелюбопытные для нас показания свидетеля А. А. Файнзингера, 36-летнего еврейского журналиста, не раз бывавшего по общественным и служебным обязанностям в Копенгагене. Привести его слова по оригиналу протокола допроса 9 августа 1917 года важно еще и потому, что сведения его не только дополняют, но и уточняют известную нам книгу З. Земана и В. Шарлау «Парвус — купец революции» (Нью-Йорк, 1991).

Цитируем, на наш взгляд, важнейшие отрывки из показаний А. А. Файнзингера в записи следователя П. П. Александра (публикуется впервые): «В Копенгагене мне удалось узнать нижеследующее, что может подтвердить доктор [Эдуард] Бернштейн (известный политический деятель. — В. К.), живущий в Копенгагене, а именно:

В 1911 году, во время итало-турецкой войны, Парвус, настоящая фамилия его Гельфанд, стал агентом немецкого Генерального штаба с разрешения Шейдемана и всей социалистической немецкой группы, которая была тогда сконцентрирована вокруг газеты "Форвертс". Парвус, как назначенный сотрудник этой газеты и крайне бедствовавший, был послан в Константинополь в качестве военного корреспондента. Главное же назначение состояло в том, чтобы он был прикомандирован к немецкому генералу Лиману фон Сандерсу, назначение которого в Турцию вызвало большое недовольство в России, Франции и Англии. Протежируемый Лиманом фон Сандерсом, Парвус стал главным поставщиком (хлеба из Германии для турецкой армии). Фактически Парвусу была предоставлена возможность заключать выгодные контракты по доставке хлеба, переуступить их и на этой комбинации зарабатывать большие деньги. С тех пор Парвус продолжает считаться за немецким Генеральным штабом и поныне (...). С начала текущей войны Парвус объявился в Константинополе, куда он приехал с готовой программой:

1. Прикрепить Скандинавию для обслуживания Германии.
2. Организовать и всячески способствовать немецкому шпионажу как в Скандинавии, так и в России».

Далее свидетель говорит о механизмах (торгово-спекулятивных и проч.) перекачки денег из Германии через Швецию в Россию, о роли Ганецкого-Фюрстенберга в финансовых связях с Парвусом. Файнзингер черпал информацию у корреспондента «Русского слова» И. М. Троцкого, социалиста Эд. Бернштейна и других знакомых. «Все они, — уверил он следователя, — мне категорически заявляли, что для них нет сомнений, что большевистские организации в России так или иначе находятся в тесном единении с Парвусом и субсидируются немецкими деньгами».

Чрезвычайная следственная комиссия телеграфно попросила Эд. Бернштейна, проживавшего в Копенгагене, подтвердить сущность показаний Файнзингера. Вскоре пришел положительный ответ (копия телеграммы Бернштейна сохранилась). В про-

токолах допросов свидетелей содержатся и многие другие доказательства нелегальных контактов Парвуса с большевистскими агентами в разных странах, особенно в Швеции.

На квартире Елизаровых в Петрограде (ул. Широкая, 48/9, кв. 24), откуда дал стрекача от контрразведки Ленин, была при обыске обнаружена копия его письма (от 30.03.1917 г.) некоему «дорогому товарищу» с настойчивой рекомендацией: «...на сношения Питера со Стокгольмом не жалейте денег!».

На тот же секретный канал связи немцев с русскими предателями указал на допросе (протоколы его нам известны) шпион-диверсант Д. С. Ермоленко, военнопленный, бывший прапорщик 16-го Сибирского стрелкового полка, арестованный нашей контрразведкой в июле 1917 года. Капитаны германского Генерального штаба Шадицкий, Люберс и некий «штатский» Макс приказали завербованному Ермоленко поддерживать конспиративные контакты в Стокгольме со «своим человеком» г-ном Свендсенем, сотрудником немецкого посольства (выяснилось: с тем же дипломатом-разведчиком держал связь парвусовский «коллега» Ганецкий-Фюрстенберг, заграничный посыльный Ленина). Один из офицеров-генштабистов, в частности, сказал Ермоленко (цитируем по корректурному тому «Материалов предварительного следствия...»): «... у Германии достаточное количество работает в России агентов шпионов (...), причем упомянули фамилию Ленина, как лицо, работающее от Германии и для Германии, и что дела идут у него великолепно». Следователь Александров в присутствии помощника прокурора Судебной палаты Пенского еще запротоколировал (10 июля 1917 года) следующее признание шпиона: «В разговоре со мной указанные германского Генерального штаба лица, между прочим, указали на то, что у Ленина такая же связь, а равно и у Скоропись-Иолтуховского». Поясним: последний — известный украинский сепаратист, сегодня бы сказали — «правозащитник», в действительности — заурядный Иуда немецкой выделки.

Итак, в 1911-м, может и позже, в 1915-м, Парвус со всеми своими соцдемпотрохами продан Вильгельму II.

Знал ли в 1915 году Ленин, какой гость «слоно-бегемот» (Солженицын) пожаловал к нему на квартиру в Мюнхене? Об этом можно лишь предполагать... Несомненно одно: взгляды Владимира Ильича были в основном созвучны устремлениям Израиля Лазаревича. К примеру, Ленину была близка важнейшая установка парвусовского «Меморандума»: «...русские демократы смогут добиться своих целей только при полном уничтожении царизма и разделе России на более мелкие государства». Ленину, как и Парвусу, виделось осуществление социализма в «двойственном союзе прусского штыка и русского кулака».

Нетрудно догадаться, что здоровенный толстый господин с самоироничным псевдонимом («parvus» — малый) предлагал вожаку большевиков большие деньги от своих хозяев. «Татарин» (так называл Ленина германский советник миссии в Сток-

гольме Ризлер — Земан, документ № 81), конечно, был не прочь подставить партийный карман — средств-то не хватало не только на соцпропаганду, но даже на сапоги (ходили такие легенды), а скандальными экспроприациями заниматься становилось все более опасно, но... Ведь темная связь Парвуса выплывала наружу — об этом открыто заявлял председатель германской социал-демократической партии Гуго Гаазе и другие уважаемые люди, а Клара Цеткин прямо рубила: «сутенер империализма, который продан германскому правительству». Впрочем, как любил повторять Ленин, «деньги не пахнут».

Опубликованные документы из архивов МИДа Германии и другие материалы подтверждают огромную роль Парвуса по выкачиванию из кайзеровской казны десятков миллионов марок для удушения России. Он сумел войти в доверие к десяткам немецких официальных лиц, особенно к «брату» масону Брокдорфу-Ранцау; вокруг него вились финансовые дельцы и офицеры Генерального штаба (Адольф Мюллер, Штейнвакс и другие), агенты с социалистическими «липами» (А. Кескюля (Кескюля), Г. Скларц, Е. Цивин-Вайс, К. Моор-Байер (Баер)), большевики-ленинцы (В. Воровский, Я. Ганецкий-Фюрстенберг, М. Козловский, К. Радек, Х. Раковский, Н. Соколов, М. Урицкий...) — фактически он превратился в плодovitейшую матку ядовитого иностранного гнезда, из которого систематически посылал в Россию зараженных отравой «птенцов». Известно, в российскую столицу часто вояжировали немецкие агенты с партбилетами — Цивин-Вайс и его друг Левенштейн-Блау (Земан, документ № 81). В Петрограде, Москве, Николаеве, Ростове-на-Дону и в других городах на него служили «наши люди» (выражение Парвуса), провокаторы и шпионы, имена которых мы, к стыду своему, до сих пор точно не знаем. Не знаем не потому, что их так уж трудно установить хотя бы ради исторической правды, а потому, что такое «следствие» до недавних лет было немыслимо.

С Израилем Лазаревичем тесно связана история знаменитого «пломбированного вагона», в котором через немецкую территорию проследовала к нам преступная живая кладь во главе с «вождем пролетариата».

В советской историографии приезд Ленина в Россию всегда подавался не как интервенция, а как отрадное событие всемирно-исторического значения. Гораздый на эффектные пассажи Лев Троцкий даже полагал: «Если бы plombированный вагон не проехал в марте 1917 года через Германию, если бы Ленин с группой товарищей и, главное, со своим деянием и авторитетом не прибыл в начале апреля в Петроград, то Октябрьской революции — не вообще, как у нас любят калякать, а той революции, которая произошла 25 октября старого стиля, — не было бы на свете...»⁸. Существенное дополнение к сказанному «демоном революции»: всего немцы для спасения своей армии и организации «хаоса» в России «прислали» более 500 человек (включая меньшевиков и проч., и их детей)⁹. «Одолели нас люди

заезжие, а своих не пускают домой», — с горечью писал Сергей Есенин. Среди крупных «запломбированных» фигур — И. Арманд, Г. Зиновьев, Н. Крупская, Ф. Кон, А. Луначарский, Г. Сокольников (Бриллиант), М. Цхакая и другие. На память приходят разного рода литературные ассоциации, когда в списке встречаешь имена В. С. Окуджавы, И. Д. Мариенгофа (Марингофа), П. И. Лебедева-Полянского, Ш.–Л. Авербаха, И. Л. Эренбурга. В одном из вагонов прибыли будущие организаторы убийства Николая II и членов его семьи — Сафаров–Вольдин и Войков–Вайнер.

История транспортировки «вождя» и его компании (первая партия эмигрантов) в советской печати замкнулась на книге (1925) организатора поездки и сопровождающего группы швейцарского коммуниста Фрица Платтена (1883–1942) «Ленин из эмиграции в Россию. Март 1917» (корявое, полуграмотное название; автор воспоминаний, прожив около 20 лет в СССР, плохо писал по–русски, предпочитая немецкий). Недавно эти мемуары вышли дополненными и снабженными предисловием и примечаниями¹⁰ одного из тех «научных сотрудников», кто сделал своей профессией одописание Ленину. Характерно, что комментатор обходит полным молчанием давно известные публикации о швейцарско–петроградской большевистской одиссее Б. Элькина¹¹, Р. Фестера¹², С. Мельгунова¹³ и других, повторяя крайне тенденциозные и фальшивые «мемории» Ганецкого–Фюрстенберга, Радека и прочих, трогательно писавших о безденежье «Ильича», его «муках» от дыма курящих соседей по купе, его развалившихся сапогах.

Для нашей темы интересен кульминационный момент маршрута «запломбированного вагона», когда он не менее чем на 8 часов остановился в Стокгольме. Эта шведская пауза красочно расписана в коммунистической литературе: встречи, приветствия, декларации, даже щедрый обед для проголодавшихся пассажиров. И обязательное упоминание о том, как Ленин якобы с возмущением отверг просьбу «социал–шовиниста» Парвуса о встрече с ним — сия отповедь, похожая на заранее разработанное алиби, даже была запотоколирована. Но документы говорят об ином: Парвус деловито и спокойно готовился к переговорам со своими подопечными. 9 апреля, когда поезд уже находился в пути, посол в Копенгагене Брокдорф–Ранцау шлет телеграмму в МИД: «Доктор Гельфанд просит немедленно информировать его о прибытии русских беженцев в Мальме или Засниц на пути из Швейцарии в Германию. Он хочет встретить их в Мальме. Телеграфируйте прибытие немедленно» (Земан, документ № 36).

10 апреля, в полдень, большевик № 1 и другие заговорщики прибыли в «пломбированном вагоне» в германский городок Засниц. Здесь–то и пошептался с ними Парвус. Здесь–то, если в последние годы не случилось перемен, до сих пор сохраняется целехоньким — как памятник предательству? — ленинский временный штаб на колесах.

Через 3 дня, 13 апреля, вновь состоялось свидание Парвуса с «пломбированными» товарищами — на сей раз уже в Стокгольме. Тщательно законспирированная встреча прошла успешно, но не с Лениным, а с имевшим серьезные полномочия Карлом Радеком (каковы умники!). Протокол договора, конечно, не велся и о сути беседы можно догадываться — речь, очевидно, шла, в первую очередь, о способах передачи на будущее большевикам солидных сумм денег и секретной почты через шведские посольские и иные каналы с помощью Ганецкого-Фюрстенберга. Вояж приближался к заветному концу, они стремились к захвату власти, для чего нужны были громадные средства, ибо рассчитывать на сознательность рабочего класса не приходилось. Парвус все предусмотрел с точностью бухгалтера. Он знал, что германское правительство 3 апреля 1917 года уже выделило на политические цели в России пять миллионов марок (для начала) и требовалось договориться о формах связи. Вся эта история так бы и осталась покрытой мраком, если бы не немецкая педантичность. После беседы с Карлом Радеком Парвус через три дня возвратился в Копенгаген и обо всем доложил Брокдорфу-Ранцау, а тот 17 апреля телеграфировал в МИД (телеграмма сохранилась): «Доктор Гельфанд вернулся сегодня из Стокгольма, где вел переговоры с русскими эмигрантами из Швейцарии» (Земан, документ № 50). Министр иностранных дел Циммерман уже на следующий день, 18 апреля, дал Парвусу секретную аудиенцию. Так открылся тайный ларчик, механизм которого с помощью архивов разгадали Шарлау и Земан в своей книге «Купец революции». Разумеется, это далеко не все перипетии данного политического сюжета, и для его углубления нужно еще немало поисков в германских, британских, шведских и других архивах (наконец-то очень осторожно приоткрылись фонды КПСС).

Кроме частных конфиденциальных встреч, в Стокгольме состоялось строго секретное совещание германских военных представителей и наиболее заметных фигур большевизма.

Немецкая агентурная машина работала безукоризненно. Как только пассажиры «запломбированного вагона» оказались в Петрограде и рыжеватый картавый товарищ произнес свою знаменитую речь на знаменитом броневике, из германского Генерального штаба в МИД полетела телеграмма: «Въезд Ленина в Россию прошел успешно. Он действует точно так, как нам бы хотелось» (Земан, документ № 51). А хотелось им, прежде всего, развала русской армии, в чем скоро большевики и преуспели, — одни по глупости, другие по корысти, третьи по идейно-предательским соображениям. Нещадно клеймились отечественные капиталисты и воздавалась хвала культурному немецкому хозяину.

Более 70 лет стряпчие от КПСС категорично-сердито отрицали (одни — по недомыслию, другие — из-за выгоды) неблагоприятность рейса ленинского штаба на колесах, причастность его пассажиров к работе германских спецслужб.

Сегодня наконец — то переведенный на русский язык сборник секретной переписки немецких высокопоставленных дипломатов — «Германия и революция в России...» (составитель З. Земан) позволяет отбросить все сомнения относительно грязных средств подготовки «Великой Октябрьской». Мидовцы открыто называют своим агентом большевика Христиана Раковского (Земан, документ № 84), прозрачно намекают на тайное сотрудничество К. Радека (Собельзона), В. Воровского (Боровского) (Земан, документ № 84) и др. Кстати, обратите внимание на воровские псевдонимы последних двух товарищей (прозвище «К. Радек», как свидетельствуют знавшие его в молодые годы современники, произошло от «Крадек» — так прозвали жуликоватого студента его однокашники). Да и «Ленин», как недавно прояснили историк Г. Назаров и писатель П. Ткаченко, далеко не случайный псевдоним, ведущий свое происхождение от еврейского местечка «Ленин», близ Минска, где будущий красный диктатор останавливался после возвращения из ссылки в 1900 году. С этим местечком связывают так называемое «Ленинское пророчество», приписываемое монаху Гермогену (XIII в.) (подробнее см.: «Чудеса и приключения», 1996, № 7. С. 63).

«Земановский» сборник может поспорить с иным «крутым» детективом исторического жанра — настолько часто в нем публикуется информация, отрезвляющая нашу опьяненную коммунистическим кокаином память. Два примера. 2 апреля 1917 года германский посол в Копенгагене Брокдорф-Ранцау делился с МИДом своими соображениями: «По отношению к русской революции мы можем принять, по моему мнению, одно из следующих исходных положений: если мы экономическими и военными средствами продолжаем войну до осени, то очень важно сейчас способствовать усилению хаоса в России...» (Земан, документ № 22).

10 августа 1917 года Брокдорф-Ранцау с заметным беспокойством телеграфирует в МИД: «Русская газета "Речь" от 20 июля пишет, что два офицера германского Генштаба Люберс и Шадицкий сообщили русскому прапорщику по фамилии Ермоленко, что Ленин — немецкий агент, что Яков Фюрстерберг и д-р Гельфанд (Парвус) являются также немецкими агентами, действующими в качестве посредников между большевиками и Имперским правительством.

Необходимо, прежде всего, выяснить, существуют ли в действительности эти два офицера в Генштабе (выше, как мы помним, на них указал на допросе германский шпион Ермоленко. — *В. К.*), а затем, если возможно (подчеркнуто нами. — *В. К.*), опровергнуть сообщение газеты» (Земан, документ № 68). Агентурно-криминальная «ленинская» тема развивается и в телеграмме того же корреспондента в МИД от 22 августа 1917 г.: «...Лейтис отправляется в Петроград через несколько дней как курьер здешней российской миссии. Он везет также материалы судебного расследования для суда над Лениным. Большевицкий лидер Радек еще здесь. Сообщение о его деятельности будет отправлено завтра. Срочно требуется присут-

ствие Гольдберга. Если его отъезд откладывается из-за паспортных формальностей, пожалуйста, пришлите статьи Парвуса, так как есть возможность их отправить» (Земан, документ № 70).

Осведомленность поразительная! Оперативность исключительная! Курьеры скачут в русскую столицу, чтобы оградить приглянувшегося им большевика № 1 от возможных неприятностей. А какова трогательная забота дипломата о распространении марксизма в находящейся в состоянии войны враждебной стране! Согласитесь, одних только приведенных цитат достаточно, чтобы задуматься о тайнах берлинского двора и сомнительности «чистоты ленинизма».

Парвус был выдающимся комбинатором и конспиратором, смотрел далеко вперед, хитроумно применяя легальные формы осуществления своих преступных планов. Одной из таких форм явилось создание им в 1915 году в Копенгагене института (исследовательского центра) «по изучению экономических последствий мировой войны»¹⁴. Научного проку от этого заведения не было никакого — лишь бумажная пыль в глаза либералам, — но военного и смутянного вреда оно России принесло немало. В институте подвизались русские эмигранты Екатерина Громан, Владимир Перазич, Георгий Чудновский, Аршак Зурабов. Одно время близко стоял к этому «центру» Моисей Урицкий¹⁵. Настороженное отношение к парвусовскому детищу высказывали многие социалисты, в печати раздавались голоса об институте как ширме для подрывной деятельности германского Генерального штаба. Сотрудники этого учреждения, вольные или невольные соучастники подпольных комбинаций, неудачно защищались¹⁶. Сегодня уже нет сомнений: копенгагенское «гнездо» являлось разведывательным филиалом политической секции кайзеровского Генерального штаба, и напрасно охранители «чистоты марксизма» обеляли его большевистских лазутчиков. Об этом и многом другом рассказывает уже упоминавшаяся книга В. Шарлау и З. Земана «Купец революции. Парвус–Гельфанд. Политическая биография» (Кельн, 1964)¹⁷. В нашем распоряжении весьма обстоятельный обзор этой книги, сделанный историком Дэвидом Шубом¹⁸. В нем по интересующему нас вопросу читаем: «Доктор Циммер, представитель германского правительства, бывший в постоянном контакте с Парвусом, сообщал в Берлин: "В организации, созданной Парвусом, работает восемь человек и около десяти разъезжают по России, так как это необходимо для поддержания постоянного контакта между различными организациями. Центр в Копенгагене ведет непрерывную переписку с лицами, с которыми агенты установили контакт. Работа так хорошо поставлена, что часто даже люди, работающие в организации, не знают, что за всем этим стоит германское правительство"». Исследователям еще предстоит установить имена парвусовских разъездных «ученых», круг их «научных» интересов. В свое время русская контрразведка все-таки их выслеживала, но такие агентурные материалы были похоронены Временным правительством А. Ф. Ке-

ренского, а потом на десятилетия — советскими сторожевыми чиновниками (есть надежда, что часть этого архива уцелела). Можно согласиться по этому поводу с историком-эмигрантом Г. Катковым, писавшим: «...следов деятельности Гельфанда (в России. — В. К.) обнаруживается крайне мало, хотя некоторые указания на то, что немецкие деньги и изобретательность Гельфанда не пропали даром, — есть»¹⁹.

Ленин и большевики внешне конфликтовали с Парвусом, вступали с ним в лицемерные газетные дискуссии, но продолжали поддерживать окольные связи. Открыто вступать в контакты со скомпрометировавшим себя «социалистом» было невозможно — ведь уже в самом начале предательского пути на него пала тень. Не прошло и месяца, как Парвус написал свой «Меморандум», — в печати появились разоблачительные статьи. Так, 2 апреля 1915 года в швейцарской газете «Volksstimme» (кантон Санкт-Галлен) было опубликовано «Открытое письмо...» доктора Я. Фридмана, в котором он спрашивал Парвуса: «Считаете ли вы совместимым с честью и долгом социал-демократии иметь сношения прямо и косвенно с правительствами чужих держав и против своего государства и своего народа?»²⁰. Не успел обер-шпион поставить свою подпись, по его словам, «для усиления революционного движения в России» (фото автографа хранится в архиве Института Гувера, США), вскоре вновь в различных изданиях замелькали уличающие его заметки. К финалу карьеры политического Януса мало кто сомневался, кому он служит. Одной из самых громких улик было заявление русских корреспондентов в Копенгагене, представлявших газеты «Биржевые новости», «Утро России», «Новое время», «Русская воля» и другие. Ссылаясь на свое «досье», они писали в июле 1917 года: «...Парвус состоит политическим агентом германского правительства. Он систематически доставлял сведения и доклады о положении России, пользуясь для этого широкими связями среди русских социал-демократов»²¹.

В Генеральном штабе и МИДе Германии к его услугам обращались вплоть до 1918 года. В декабре 17-го, когда положение большевиков после захвата власти пошатнулось и «ленинская карта» становилась все более сомнительной, Парвус вновь возникает за кулисами политической игры. Он опять комбинирует, ищет в России новые фигуры, на которые можно опереться «в обход Ленина и Троцкого» (Земан, документ № 111). Примечательно, что в это время Израила Лазаревича заботит отношение к нему двух главных большевиков. Советник германской миссии в Стокгольме Ризлер так говорит о его беспокойстве: «Сейчас он считает, что Троцкий открыто и активно против него, Ленин — нейтрален...» (Земан, документ № 111).

Парвус спешит воспользоваться созревшими октябрьскими плодами и ответить их по своему «революционному» вкусу в Петрограде. Через К. Радека он просит Ленина вспомнить его заслуги перед советской властью и принять на постоянное

ительство в новой России. Он даже готов, если возникнет необходимость, предстать перед «пролетарским судом» и поведать о своих страданиях за народное дело. Сам по себе этот факт показателен и многозначителен, — согласитесь, вряд ли бы он обратился к Ленину, резковато поругивавшему его в газетах за германский «социал-шовинизм», если бы последнее обстоятельство было столь принципиально.

Опять-таки через К. Радека в ответ на свою просьбу Парвус 17 декабря 1917 года получил от Ленина оскорбительную для «ветерана» отповедь: «Дело революции не должно быть запятнано грязными руками». Тайный союз двух политических фарисеев рухнул, несмотря на то, что один из них мог еще пригодиться большевикам, нуждавшимся в опытных лицемерах. «Иной мерзавец может быть для нас именно тем и полезен, что он мерзавец», — передает откровение Ленина хорошо его знавший бывший единомышленник В. С. Войтинский, добавляя циничные слова собеседника: «У нас хозяйство большое, а в большом хозяйстве всякая дрянь пригодится»²². Видно, перманентный «мерзавец» был абсолютно законченным, коль его не удалось использовать в «деле».

Парвус, нравственно глухой человек, вряд ли расстроился, когда его, как шелудивого пса, грубо отогнали от советской сторожевой будки. В 1918 г. он выпустил в Стокгольме брошюрку «In Kampf um Wahrheit» («В борьбе за правду»), в которой в утешение себе свел схоластические счета с Лениным. Это была уже агония аморального типа, по-своему выдающегося типа леворадикального образца.

После неудачи с затеей Стокгольмского съезда интернационалистов (декабрь 1917 г.), провала ноябрьского (1918) путча «спартаковцев» от Парвуса окончатель-но отвернулись и его прежние берлинские кормильцы. Закономерный процесс «политического Фальстафа», как называл своего прежнего учителя Л. Троцкий. Вся жизнь он стремился купить «по дешевке» отечество, но так и не обрел его (умер от сердечного приступа в своем роскошном особняке под Берлином).

Однажды торговец родиной писал: «Будь то Россия или Германия, борьба пролетариата остается все той же, она не знает ни национальных, ни религиозных различий». И добавлял: «Изменив своей родине — России, я изменил и тому классу, из которого вышел, — буржуазии. Тогда же я отошел и от русской интеллигенции». В каждом слове — ложь и тупость нелюдя, буруеваемого патологической жадной власти и денег. Бродяга в человечестве, он никогда не был русским человеком, не знал истории русского народа, ненавидел его культуру и традиции. Кстати, «вышел» он из среды ремесленника, а верил лишь в один идеал — золото.

Дух учения Гельфанда-Парвуса подхватил его старательный последователь Ленин, писавший в 22-м томе энциклопедии «Гранат»: «...в развитых капиталистических странах рабочие не имеют отечества». Выпестованный тем же Парвусом Троцкий после смерти Ленина был уверен: «...в нем резюмируется все предшествующее раз-

витие России, в нем все ее будущее, с ним живет и падет русская нация»²³ (подчеркнуто нами. — *В. К.*). Последние слова Иудушки Троцкого особенно примечательны. Впрочем, все они одного поля ядовитые ягоды.

Сегодня, в трудную пору новых испытаний России, нельзя забывать уроков прошлого, ни парвусов, ни лениных, ни троцких. Одному, как зачумленному, дали пинка в 24-м, другой в том же году закончил свою бесстыжую жизнь в безумных корчах, третьего возмездие настигло в 40-м. Те, кто не хочет учиться урокам истории, обязательно смертельно наткнется на них.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Зденек Земан в сборнике «Германия и революция в России...» дает в заключение в качестве дополнения разработанный Гельфандом–Парвусом «Меморандум» — диверсионно–политическую программу провоцирования революции в России. Как бы мы ни относились к автору, социалисту–предателю, следует признать — его иезуитский план во многом сбылся в 1917 году. Он даже предусмотрел возможный переход власти от Николая II к масонскому Временному правительству. «Провидец» Парвус был значительной, глубоко законспирированной фигурой среди «вольных каменщиков».

Парвусовская бесовская программа основана на его личном опыте разрушения России в 1905 году. Он говорит своим немецким хозяевам о скрытных пружинах действия «первой русской революции» (разложение армии, диверсионные акты и т. д.).

Написанный более 80 лет назад «Меморандум» звучит остро и актуально сегодня, когда ослабленная перестроенной смутой наша страна теряет свои политические и экономические позиции. Вчитайтесь в ниже публикуемый предательский документ — вы увидите и почувствуете страшную и вовсе не странную переключку эпох: та же изуверская игра на религиозных и национальных настроениях народа, на сепаратистских устремлениях отдельных лидеров. Далекое вчера и близкое сегодня: опять «горячие точки», опять проблемы Украины, Кавказа и т. д. 1915 г.: ориентация на так называемые «культурные ценности» Германии; 2000 г.: упования на безграничные «права человека» западных демократий, особенно США. Как говорится, тех же щей да пожиже влей.

Сатанинский план предусматривает активное брожение «массовых» умов с помощью пропаганды и агитации «научных людей» и подкупленной прессы. — Разве не о нашем времени?.. Подобное недавно повторилось при развале СССР, а сейчас «темные силы» терзают и разлагают Россию.

Парвус хорошо усвоил хитрую политическую механику: вначале решать вопросы келейно–авторитарно, организационно умело, а затем выносить их на обсуждение «профанов» (партийный съезд, заседание парламента и т. д.). Наконец, разве исторически не ироничен один из тезисов «Меморандума»: «поддерживать всех русских революционных писателей, которые принимают участие в борьбе против царизма...».

Теперь–то нам известно, почему так высоко летал «буревестник» Горький. Неужели не ясно, каких «мастеров культуры» подкармливают сегодня различные «фонды» и кто «вдруг» просыпается знаменитым писателем, артистом, режиссером.

Парвусовская змеиная писанина опоздала явиться на глаза гражданам России более чем на 80 лет. Но учиться различать добро и зло никогда не поздно.

СЕКРЕТНЫЙ ПЛАН

Меморандум д–ра Гельфанда (Парвуса)

A 8629 в wk II C secr., т. 5 9 марта 1915 г.*

Подготовка к политической массовой забастовке в России

В России нужно начать подготовку к весенней политической массовой забастовке под лозунгом «Мир и Свобода». Центром движения будет Петроград, а в самом Петрограде — Обуховский, Путиловский и Балтийский заводы. Забастовка должны прекратить железнодорожную связь между Петроградом и Варшавой, Москвой и Варшавой, а также вывести из строя Юго–Западную железную дорогу. Железнодорожная забастовка в основном проводится для того, чтобы оказать воздействие на крупные центры со значительной рабочей силой, железнодорожные мастерские и т. д. Для расширения масштаба забастовки нужно взорвать как можно больше железнодорожных мостов, как во время забастовочного движения 1904–1905 гг.

Конференция лидеров русских социал–демократов

План может быть осуществлен только под руководством русских социал–демократов. Радикальное крыло этой партии уже начало действовать, но важно, чтобы

* Меморандум не обозначен конкретной датой. В журнале МИД Германии он был зарегистрирован 9 марта 1915 г.

к ним присоединилось умеренное меньшинство. Пока такому объединению мешают радикалы. Но две недели назад их лидер Ленин сам поставил вопрос об объединении с меньшинством.

Единство можно достичь с помощью политики компромиссов, в основе которой использование ослабленного войной административного аппарата внутри страны, — и тем самым начать активные действия.

Нужно понимать, что группа умеренных всегда находилась под более сильным влиянием немецких социал-демократов, а среди них особую роль может сыграть личный авторитет некоторых немецких и австрийских социал-демократов.

После тщательной предварительной подготовки необходимо созвать в Швейцарии или в какой-либо другой нейтральной стране съезд лидеров русских социал-демократов. В нем должны принять участие:

1. Социал-демократическое большинство партии.
2. Партия меньшинства.
2. Еврейская лига.
4. Украинская организация «Спилка».
5. Польская социал-демократическая партия.
6. Социал-демократическая партия Польши (sic).
7. Литовская социал-демократическая партия.
8. Финские социал-демократы.

Конгресс может состояться только в случае, если предварительно достигнуто единодушное решение о начале немедленных выступлений против царизма. Конгрессу может предшествовать дискуссия между русскими социал-демократическими партиями меньшинства и большинства.

Дополнительно возможными участниками конгресса могут быть:

9. Армянская партия «Дашнаки».
10. Хиндшак.

Кроме огромного организационного значения, конгресс своими решениями окажет большое влияние на общественное мнение Франции и Англии.

Русские социал-революционеры

Отдельные переговоры нужно вести с русской социал-революционной партией. Она наиболее склоняется к национализму и ее влияние на рабочих минимально. В Петрограде она имеет несколько последователей лишь на Балтийском заводе. Ее можно проигнорировать. С другой стороны, их сфера — крестьяне, а с ними она окажет значительное влияние на учителей начальных школ.

Местные движения

Одновременно с подготовкой по созданию базы по организации массовой забастовки необходимо немедленно начать и агитацию. Через Болгарию и Румынию можно установить связь с Одессой, Николаевом, Севастополем, Ростовом-на-Дону, Батумом и Баку.

В ходе революции русские рабочие в этих областях выдвигали свои требования, которые сначала обещали выполнить, но потом отвергли, но от которых рабочие не отказались. Лишь два года назад матросы и докеры поднялись на забастовку, в которой опять прозвучали прежние требования.

Агитация должна строиться с учетом этих позиций, а затем принимать политическое направление.

Если пока нельзя организовать всеобщую забастовку в Черноморском бассейне, можно, с учетом там сегодняшней безработицы, организовать забастовки в Николаеве, в Ростове и среди определенных профессий в Одессе.

Такие забастовки местного характера будут иметь симптоматическое значение, нарушая мир, установившийся в царской империи в начале войны. Для ведения такой агитации необходимо заново восстановить организации русских моряков, которые за последние годы имели свою базу сначала в Константинополе, затем в Александрии. Теперь этим центром должны стать Констанца или Галати.

Тот факт, что города на побережье Черного моря неизбежно пострадают от войны, делает их особенно восприимчивыми к политической агитации.

Особое внимание нужно уделить тому, чтобы революционные организации, поддерживаемые рабочими, как и в 1905 г., имели контроль над администрацией города. Это нужно для облегчения положения самых бедных слоев, наиболее сильно страдающих от войны. Это даст новый импульс развитию общего революционного движения.

Если восстание произойдет в Одессе, его может поддержать турецкий флот. Перспективу мятежа на Черноморском флоте трудно оценить однозначно, пока не будет установлен более тесный контакт с Севастополем.

В Баку и нефтедобывающих районах забастовку можно организовать довольно легко. Тем более, что значительная часть рабочих там — татары, то есть мусульмане. Если начнется забастовка, будут сделаны попытки поджечь нефтяные скважины и склады, как в 1905 г.

Появится возможность организовать забастовки в угольном районе Донецка. Кроме того, на Урале, где партия социалистического большинства имеет много последователей, условия для забастовки также чрезвычайно благоприятны.

В угольных районах при чрезвычайной бедности населения даже при наличии небольших средств можно легко организовать политическую забастовку.

Сибирь

Особое внимание нужно уделить Сибири.

В Европе Сибирь известна лишь как земля, куда ссылали в ссылку. Но на ее огромных просторах, вдоль железных дорог и рек, живет сильный класс крестьян, гордый и независимый и абсолютно счастливый, когда его не трогает правительство из центра.

В городах там есть достаточно активные деловые круги, есть интеллигенция, состоящая из политических ссыльных и тех, кто находится под их влиянием.

Сибирские округа посылают в Думу депутатов-социалистов (во время революционного подъема 1905 года вся администрация находилась в руках революционного комитета). Административный аппарат чрезвычайно слаб, а сейчас, когда нет угрозы со стороны Японии, военная организация сведена к минимуму. Такие условия делают возможной организацию в Сибири нескольких центров. В то же время следует начать подготовку по возвращению политических ссыльных в восточную часть России, что представляет собой чисто финансовую проблему. Таким образом, несколько тысяч лучших агитаторов, имеющих важные связи, отличную репутацию и авторитет, можно направлять во все упомянутые центры пропаганды и в Петроград. Это могут осуществить только сами организации социалистов, так как лишь они знают конкретные возможности своих членов.

Чем более решительно будут стоять социалистические организации на своих позициях, чем более их деятельность будет скоординирована, тем скорее пойдет необходимый процесс. И, кроме того, сама работа по подготовке и проведению забастовок послужит зарождению ядра социалистических партий и будет способствовать их объединению. Одновременно общие направления этой работы нужно постоянно обсуждать в самих русских социалистических партиях, в прессе, в статьях и т. п.

Памфлеты можно печатать в Швейцарии. Русская газета «Голос», которую издает несколько лидеров социалистической партии меньшинства, печатается в Париже, и, несмотря на исключительные обстоятельства, в которых она издается, придерживается абсолютно объективного отношения к войне. Эта газета несомненно примет участие в обсуждении тактики партии. Можно попросить шведские и итальянские социалистические газеты печатать такую информацию; сюда же можно отнести голландскую, датскую, шведскую и американскую социалистическую прессу. Широко известные вожди немецких социалистических партий, конечно, могли бы принять участие в этой дискуссии.

Кампания в прессе окажет значительное воздействие на нейтральные страны, особенно Италию, а это влияние может распространиться на социалистические круги Франции и Англии. Объективное освещение хода войны, которое в Англии и Франции может быть дано только социалистами и то с большими проблемами, само по себе очень ценно.

Социалистическую прессу Болгарии и Румынии можно легко склонить в пользу ведения войны против царизма.

Поскольку центр революционной агитации в южной России — это Румыния, уже поэтому отношение румынской прессы очень важно, тем более для определения отношения Румынии к войне. Значительные румынские газеты все служат России и имеют, следовательно, большие финансовые обязательства. Но нетрудно будет организовать группу опытных журналистов для издания большой независимой ежедневной газеты с четкой политической установкой, направленной на более тесный контакт с Германией. Поскольку румынская пресса ориентирована на русскую победу, она растеряла свой престиж, в то время как новая газета завоеует публику своей объективностью.

Развитие событий все более и более будет способствовать концентрации внимания на указанных проблемах и даже заставит другие газеты изменить свои позиции.

Агитация в Северной Америке

США требуют особого внимания.

Большое число евреев и славян обеспечивают там очень восприимчивый пласт для ведения агитации против царизма. И русские социал-демократы, и еврейская лига имеют там очень влиятельные контакты. Нужно отправить в эти районы несколько агитаторов. Они лично смогут стимулировать энергичные действия, укреплять организации, побуждать соответствующую деятельность многих русских и еврейских газет и тем самым положить начало систематической работе.

Те многочисленные контакты с Россией, которые имеют русские эмигранты и многие из которых лишь недавно уехали из страны, очень важны. Кроме того, движение среди русских эмигрантов в Америке не может не оказать влияния на ее общественное мнение. Агитаторов среди этих кругов можно также направить в Россию.

В этой войне, когда на карту поставлено будущее германской нации, сами немцы также должны активизироваться. Сильное антиимперское движение русских и русских евреев в Америке благоприятствует движению немцев. Туда нужно отправить несколько немецких и австрийских социал-демократов.

Рост революционного движения

Агитация в нейтральных странах окажет сильное влияние на агитацию в России, и наоборот. Ее дальнейшее развитие зависит в значительной степени от хода войны. Восторженное настроение первых дней войны значительно упало. Царизму нужны быстрые победы, любой ценой. Даже если русская армия просто останется на всю зиму на своих сегодняшних позициях, это вызовет сильное недовольство в стране. Вот это настроение масс нужно использовать, углубить и расширить во всех направлениях методами агитации, изложенными выше.

Забастовка здесь и там, вспыхивающие массовые недовольства, рост политической агитации — все это небезразлично для существования царского правительства.

Если последуют преследования, это вызовет только рост недовольства; если снисходительность — это будет принято за проявление слабости и еще более раздует пламя революционного движения. Достаточный опыт такого рода был завоеван в 1904–1905 годах.

Если же русская армия потерпит поражение, тогда противодействующее правительству движение быстро примет колоссальные масштабы. В любом случае можно считать, что политическая забастовка произойдет весной, если мобилизовать все имеющиеся силы на действия, изложенные выше.

Если массовая забастовка примет широкий характер, царскому правительству придется сконцентрировать все военные силы внутри России, в основном, на Москве и Петрограде. Далее, ему будут нужны войска для охраны железнодорожных коммуникаций.

Во время декабрьской стачки 1905 года для защиты только ветки Петроград—Москва понадобилось два полка. Лишь такими силами можно было противодействовать многочисленным попыткам взорвать железнодорожные мосты вблизи Твери и в других местах, а также бросить гвардию на подавление восстания в Москве.

И хотя основная задача — держать в постоянном напряжении железные дороги на Западе, это нужно иметь в виду на всех железных дорогах. Даже если это не удастся повсеместно, царское правительство будет вынуждено использовать большие военные силы для защиты мостов, вокзалов и т. п. А это не может не сказаться на развале административного аппарата.

Крестьянское движение и Украина

Наряду с событиями, изложенными выше, крестьянское движение является, как и в 1905 г., важным сопутствующим фактором. Условия жизни крестьян с тех пор не улучшились. Напротив, они ухудшились. Для русских крестьян вся проблема сводится к земле. Решение проблемы землепользования тесно связано с образованием кооперативов, с выдачей кредитов под низкий процент; с организацией системы школьного образования, с системой налогов, с общим управлением государством.

На Украине все эти проблемы сводятся к требованию автономии. Пока правят цари, земля отдается московской аристократии, защищаются права московских землевладельцев против украинских крестьян. В таких условиях у украинских крестьян нет иного выхода кроме бунта, поскольку для них совершенно очевидны ослабление власти и проблемы режима.

Одной из главных задач украинского правительства является установление законности и порядка вместо анархии, которая явилась результатом правления Москвы: при поддержке украинского народа оно легко с этим справится.

Образование независимой Украины можно рассматривать и как освобождение от царского режима, и как решение крестьянского вопроса.

При возникновении крестьянских волнений в центральной России и при нарастающем протесте украинского крестьянства земледельцы Великой Руси не останутся равнодушными, а партии социал-революционеров придется активизироваться. Через учителей начальной школы эта партия пользуется значительным вниманием среди русских крестьян. Она имеет авторитет и среди «трудовиков», «народной» партии в Думе. Если крестьянство решит выступить против царизма, русские социал-демократы должны это обязательно учитывать.

Движение в Финляндии

В русле всеобщего движения в Финляндии можно предпринять важные шаги. Финские партии находятся в неловком положении, так как в стране имеются значительные русские военные силы. С другой стороны, финны не хотят просто быть аннексированными Швецией. Шведы не стремятся аннексировать Финляндию, они хотят сделать ее буферной страной, то есть независимой. Шведская партия в Финляндии — это незначительное меньшинство. Поэтому нужно достичь соглашения между шведским правительством и более сильными финскими партиями, среди которых самая влиятельная — социал-демократическая. Такое соглашение возможно, если шведы гарантируют финнам наибольшую автономию и предоставят им право решать, к какой группе государств они желают присоединиться. Как только такое согласие будет достигнуто, в Финляндии можно спокойно и систематически начинать подготовку ко всеобщему восстанию.

Финские социал-демократы имеют в своем распоряжении отличные организации, аналогичные немецким. Упорная защита своих прав от посягательств царизма научила финский народ осторожности и бессловесному сотрудничеству, причем языковые различия здесь лишь помогают.

Вся подготовка к революции должна вестись тайно, пока в России не пройдет серьезная волна забастовок. Это станет сигналом для начала всеобщего восстания в Финляндии.

Из-за значительных размеров территории Финляндии царскому правительству придется разбить свои военные силы на несколько небольших, независимых соединений, либо сконцентрировать свои силы в самых важных стратегических и административных центрах, тем самым предоставив страну в распоряжение восставших.

Таковой была бы тактика царского правительства при подавлении революционного движения 1905 года. Тогда были сформированы многочисленные — большие и малые — экспедиционные силы и их командирам предоставлялась полная военная и гражданская власть. План разрабатывался специальной комиссией в Петрограде,

участниками которой были как члены Генштаба, так и высшие административные чины. Революционные комитеты знали о работе этой комиссии, но не могли нарушить этот план, царскому правительству потребовалась вся мощь армии и два года для подавления восстания. Если сейчас это правительство пойдет таким же путем, шведской армии придется вмешаться и защитить независимость Финляндии. И хотя этот путь и хорош для подавления восстания, он делает армию абсолютно беззащитной против интервенции вражеских сил. Поэтому, вероятно, царское правительство пойдет другим путем и оттянет армию к административным центрам, то есть к побережью и железной дороге вдоль него. В этом случае могут быть даже разрушены железнодорожные линии со Швецией. Тогда, практически, русские будут доминировать только на побережье Ботнического залива. Предоставленные сами себе, восставшие сформируют национальную гвардию, как в 1904–1905 гг.; предпримут меры защиты и т. д. для ввода шведских войск, что, правда, может быть затруднено из-за развала железных дорог.

Естественно, многое зависит от развития событий в Петрограде. Финны могут оказать большую помощь русским даже до начала всеобщей забастовки. Они могли бы давать информацию о количестве, расположении и передислокации русских войск в Финляндии, о передвижении русского флота. Они могли бы организовать систему подачи сигналов для самолетов. (Финский обычай окрашивать деревенские дома, особенно крыши, в красный цвет можно было бы использовать. Неокрашенная часть красной крыши была бы соответствующим знаком.) Они могли бы создать несколько радиотелеграфных станций, подготовить взрывы мостов и зданий. Далее, они могли бы разрешить русским революционерам иметь связь с Петроградом. Поскольку страна большая и находится в непосредственной близости от Петрограда, имеет с ним регулярное транспортное сообщение, они могли бы, несмотря на военную оккупацию, организовать информационную и транспортную службу. Можно создать запасы оружия, взрывчатых веществ и т. п. по всему Петрограду.

Кавказ

Во время революции 1905 г. царское правительство практически игнорировало Кавказ. Поскольку ему ничто не угрожало извне, оно позволило местным событиям развиваться своим чередом. Дело дошло до того, что правительство разрешило встать там у власти людям, которые открыто вступили в контакты с революционным комитетом. Правительство было уверено, что, как только его власть в России будет окончательно закреплена, оно сможет подчинить себе Кавказ еще раз. В этом оно оказалось право.

Но на сей раз из-за русско-турецкой войны обстановка совершенно иная. Есть возможность отпадения Кавказа, и значение, в связи с этим, восстания в тылу борющихся армий трудно переоценить. Но в отличие от Финляндии, где хорошо орга-

низованное общее восстание возможно, движение на Кавказе всегда будет зависеть от национального деления и борьбы партий. За годы революции грузины показали себя как наиболее значительная сила на Кавказе. При поддержке мелких собственников они получили полный контроль над правительством в Кутаиси и установили свою администрацию, суды и т. д. Однако возглавили это движение не сепаратисты, а социал-демократы. В рядах социал-демократов было несколько армян, а другие группировались вокруг армянских националистических партий, которые уже давно ушли от своих сепаратистских настроений. Но нужно иметь в виду, что после разочарования в революции и на фоне войны сепаратистские тенденции, естественно, стали популярными.

В забастовках принимали участие татарские рабочие. Вообще же, татарские массы играли реакционную роль. Они были настроены против армян агентами правительства из Петрограда. Это привело к кровавым стычкам между ними. Однако после призыва к священной войне царское правительство больше не сможет открыто полагаться на поддержку мусульман. Но тайно они будут разжигать религиозную вражду и поддерживать у армян страх перед этой священной войной. Поэтому важно, чтобы Турция дала понять кавказским мусульманам, что для достижения целей священной войны необходимо тесное взаимодействие с соседями-христианами в борьбе против царизма. Нужно немедленно заключить соглашение между молодыми партиями турок и армян в Турции.

Детали этого проекта, который повлечет за собой массу проблем при его реализации, не будут представлены в этом меморандуме. Но нужно иметь в виду, что решительное действие русских социал-демократов окажет огромное влияние на выступления армян и грузин на Кавказе.

Возможно, социал-демократы могли бы контролировать все движение и, тем самым, стимулировать борьбу национальных партий. Это еще один веский аргумент в пользу созыва конференции лидеров русской социал-демократической партии.

Священная война, которая имеет целью поднять огромные массы в Персии, Египте, Северной Африке и т. д., вряд ли окажет заметное влияние в России.

Татары на Волге и в Коми, разумеется, не двинутся, так как это мирный и абсолютно покорный народ, которому в этом случае придется встать перед сопротивлением преобладающего по численности русского населения.

Ситуация на Кавказе несколько иная, но там татары были усмирены давно. Память о прошлой героической борьбе за независимость уже притупилась, да и мусульмане недостаточно цивилизованы, чтобы участвовать в современном революционном движении. Старый конфликт между кавказскими горцами и русскими был просто борьбой против любого централизованного государства. С тех пор племена распались, их вожди стали землевладельцами, едва ли имеющими контакты с массами, и народ потерял чувство независимости.

Поскольку мусульмане экономически и культурно чувствуют себя ниже христиан, они обращаются к обладающему реальной властью правительству за поддержкой. Конечно, они предпочли бы мусульманское правительство, но оно должно было бы доказать свою способность скинуть царскую власть.

Турецкая армия будет благосклонно принята, но ей придется противостоять мощи русских. Это не исключает возможность организации изолированных повстанческих групп, особенно на границе с Персией.

На Кавказе крупномасштабная партизанская война мусульман бесперспективна.

Восстание кубанских казаков вполне возможно — в этом случае была бы полезна украинская пропаганда.

Кульминация движения

Рост революционного движения в царской империи, кроме всего прочего, приведет ко всеобщей смуте. Можно принять особые меры для осложнения этой беспокойной ситуации. По определенным причинам бассейны Черного моря и Кавказа являются более благоприятными для этого районами. Особое внимание следует обратить на г. Николаев, так как там в очень напряженной обстановке готовятся к спуску два больших военных корабля. В Николаеве нужно начать забастовку среди рабочих, не обязательно политического характера, а просто на основе экономических требований.

Для того, чтобы удержаться, царскому правительству нужны быстрые победы. Если оно продержится до весны, то даже сегодняшняя ситуация, в которой русская армия систематически безрезультатно изматывается, может привести к революции.

Нельзя недооценивать и проблемы революционного движения. Прежде всего, самая главная — это мобилизация, которая лишила страну самых активных и молодых ее граждан. Нельзя не учитывать рост чувства национального самосознания как важного результата войны. На фоне проигрываемой войны это чувство нужно перевести в недовольство и направить против царизма.

Нужно отдавать себе отчет в том, что, в отличие от украинских и финских социал-демократических организаций, русская социал-демократическая партия никогда не примет враждебной по отношению к Российской империи позиции. Во время революции 1905 г. эта партия насчитывала в своих рядах более миллиона рабочих, и с тех пор ее влияние так возросло, что правительство дважды вынуждено было менять избирательный закон, чтобы Думу не захлестнули депутаты от социал-демократов. Такая партия действительно представляет интересы и настроения масс, которые не хотят войны, но вынуждены принимать в ней участие.

Социал-демократы находятся в решительной оппозиции к безграничному росту власти царского правительства. Такая неограниченная власть рассматривается как главное препятствие внутреннему развитию наций, образующих империю,

включая русских. Эти нации считают царское правительство виновником войны, ее бесполезности и поражения. Они потребуют свержения правительств и быстрого заключения мира.

Если революционное движение достигнет определенного масштаба (даже если царское правительство еще останется у власти), созданное временное правительство может поднять вопрос о временном прекращении огня и начале дипломатических переговоров о заключении мирного договора. Если же царскому правительству придется заключить договор о прекращении огня до создания временной власти, то революционное движение будет развиваться тем решительнее, чем более тщательно оно будет готовиться. Даже если царизм удержится в ходе войны, он никогда не устоит, если мир будет продиктован извне. Таким образом, армии центральных держав и революционное движение сотрясут колоссальную централизованную мощь в лице царской империи, которая является угрозой миру во всем мире и оплотом политической реакции в Европе.

Сибирь*

Нужно обратить внимание на то, что огромные поставки артиллерии и другого вида вооружения из США в Россию будут, вероятно, проходить через Сибирь. Поэтому сибирский проект следует рассматривать отдельно от остальных. Необходимо послать несколько энергичных и хорошо экипированных агентов в Сибирь со специальным заданием по взрыву железнодорожных мостов. Они найдут достаточно помощников среди заключенных.

Взрывчатые вещества можно доставить с шахт Урала, а их небольшое количество — из Финляндии. Технические детали требуется здесь разработать.

Пресса

Предположения о Румынии и Болгарии подтвердились после окончания работы над этим меморандумом и по ходу развития революционного движения. Болгарская пресса сейчас настроена исключительно прогермански, а в отношении румынской прессы намечился заметный сдвиг.

Предпринятые нами меры вскоре дадут еще более ощутимые результаты. Сейчас очень важно начать работу над... (далее одно слово неразборчиво. — *Ред.*)

1. Всеми имеющимися средствами оказать финансовую поддержку группе большинства русских социал-демократов, борющихся против царского правительства. Ее лидеры находятся в Швейцарии.

* Эта часть меморандума составлена отдельно. Она напечатана другим шрифтом и содержит комментарии Гельфанда—Парвуса.

2. Установить прямые контакты с революционными организациями Одессы и Николаева через Бухарест и Яссы.

3. Также установить контакты с организациями русских моряков. Такой контакт уже есть через одного джентельмена в Софии. Другие связи возможны через Амстердам.

4. Поддерживать деятельность еврейской социалистической организации «Лига» (не сионистов).

5. Найти авторитетных русских социал-демократов и социал-революционеров в Швейцарии, Италии, Копенгагене, Стокгольме. Поддержать их усилия, направленные на немедленные и жесткие меры против царизма.

6. Поддерживать тех русских революционных писателей, которые принимают участие в борьбе против царизма даже в условиях войны.

7. Связи с финскими социал-демократами.

8. Организация конгресса русских революционеров.

9. Влияние на общественное мнение в нейтральных странах, особенно на позицию социалистической прессы и социалистических организаций в борьбе против царизма и на формирование связи с центральными державами. В Болгарии и Румынии это уже успешно осуществляется; продолжать эту работу в Голландии, Дании, Швеции, Норвегии, Швейцарии и Италии.

10. Организация экспедиции в Сибирь для выведения из строя важных железнодорожных мостов, предотвращения транспортировки оружия из Америки в Россию. При этом у экспедиции должно быть достаточно денег для организации переброски политических заключенных в центр страны.

Техника подготовки восстания в России

а) Создание точных карт российских железных дорог с указанием наиболее важных мостов, которые должны быть уничтожены, основных административных зданий, складов и мастерских.

б) Точное количество взрывчатых веществ, необходимых для приведения в исполнение всех планов. Нужно при этом иметь в виду нехватку материалов и сложные обстоятельства, в которых будут выполняться эти планы.

в) Простые и четкие инструкции обращения с взрывчатыми веществами при взрыве мостов, зданий и т. п..

г) Простые способы изготовления взрывчатых веществ.

д) Разработка плана сопротивления вооруженным силам со стороны восставшего населения в Петрограде, включая специальные военизированные рабочие отряды, защита домов и улиц, строительство баррикад, защита от кавалерии и пехоты.

Еврейская социалистическая лига в России — это революционная организация, которую поддерживают рабочие и которая сыграла определенную роль еще в 1904 году. Она не имеет ничего общего с сионистами, от которых нечего ожидать по следующим причинам:

- 1) потому, что их партийная структура чрезвычайно рыхлая;
- 2) потому, что русская патриотическая идея стала популярна в их рядах с начала войны;
- 3) потому, что после Балканской войны ядро их руководства активно искало сочувствия англичан и русских дипломатических кругов, хотя это не помешало им также сотрудничать с германским правительством;
- 4) потому, что они не способны ни на какие политические акции.

Перевод с английского

РЕВОЛЮЦИЯ И ГЕРМАНСКОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО

Вступление

История пособничества Германии (и Австро–Венгрии) русской революции во время Первой мировой войны, особенно в 1917 году, ни разу не была рассказана с начала до конца. И немудрено, ведь многие были жизненно заинтересованы в том, чтобы утаить размах и методы германского вмешательства. Документов не было, их заменяли слухи и толки, обвинявшие русские революционные круги, и особенно большевиков, в том, что они действуют заодно с германским правительством и принимают его помощь. Накануне революции обвинения в измене сильно способствовали дискредитации двора и царской администрации. Поэтому большевики, опасаясь той же участи, гневно отвергали всякие слухи, называя их реакционной клеветой.

Пересуды о том, что большевики связаны с немцами, не теряли политической остроты и во время гражданской войны. Тогда же была опубликована подборка документов (т. н. «Документы Сиссона»)¹, из которой следовало, что Ленин и его соратники работают по немецкой указке и на немецкие деньги. Но и сами документы не вызывали доверия, впоследствии же было доказано, что это фальшивка* (за исключением нескольких мало относящихся к делу подлинных документов, вкрапленных в серию, чтобы сделать ее более правдоподобной). И первоначальные подозрения относительно подлинности опубликованного, и изобличение подлога оказались очень на руку тем, кто считал, что на большевиков клеветают.

На этом все замерло до середины 50–х годов. В это время выплыли на свет некоторые несомненные документальные улики. В конце войны в руки союзников попал архив германского Мини–

* Новейшие исследования показывают, что точка зрения Г. Каткова сегодня устарела. Окончательный вывод возможен после экспертизы «Документов Сиссона». — *Примеч. ред*

стерства иностранных дел. Часть документов была опубликована, но их очень мало использовали, чтобы по-новому и в свете новых сведений пересмотреть события 1917 года². Поэтому совершенно необходимо, используя накопившиеся данные, рассмотреть этот вопрос в отдельной главе, хотя, возможно, в ближайшие годы, по истечении пятидесятилетнего срока, будут опубликованы и другие документы разных государственных архивов.

В 1914 году, начав войну на два фронта, Германия быстро убедилась, что важно развалить союз врагов и по возможности избавиться от одного из главных противников, заключив сепаратный мир, даже ценой определенных жертв. Усилия германского правительства шли в двух направлениях. Во-первых, немцы искали поддержки влиятельных лиц вражеских государств. Предполагалось, что среди них найдутся люди, которые сочувствуют общим политическим устремлениям Германии и войну с последней считают несчастьем для своей страны. Была надежда, что такие люди готовы добиваться сепаратного мира и смогут оказать влияние на правительство и общественное мнение. Во-вторых, помощь могла исходить от любых деструктивных сил в лагере противника, от любых смутьянов, независимо от их отношения к Германии.

Планы сепаратного мира и реакция России

Прежде всего германское правительство пыталось использовать династические связи, чтобы склонить суверенов враждебных стран выйти из войны и даже объединиться с Германией против своих бывших союзников. Подобные предложения неоднократно делались русскому двору при посредстве датского государственного советника Андерсена в Копенгагене и разных германских родственников императрицы Александры Федоровны и вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Теперь с абсолютной достоверностью можно утверждать, что ни одна из этих попыток отклика не нашла. Последняя имела место летом 1916 года, причем Николай II дал понять датскому королю Христиану, что предметом обсуждения может быть только общий мир, а переговоры о сепаратном мире и нежелательны, и невозможны. Но переговоры об общем мире были неприемлемы для германского правительства. Когда японский посредник барон Ушида предложил Германии переговоры с Антантой, кайзер пришел в ярость и на рапорте Люциуса фон Штетдена от 17 мая 1916 года поставил следующую резолюцию:

«Так как сепаратный мир не может быть заключен, вся эта фальшь не имеет смысла. Большого можно добиться решительными действиями. Они (т. е. японцы) нам не нужны как посредники для заключения общего мира»³.

Николай II так, очевидно, и не узнал, что одним из инициаторов этих дипломатических акций по отношению к русскому двору был не кто иной, как его бывший премьер-министр граф Витте. В начале войны Витте написал письмо Мендельсону–

Бартольди, директору немецкого банка, в котором хранились его значительные сбережения. Он возлагал вину за начало войны на англичан и уверял, что если бы он был у власти, то «этот ад никогда не разыгрался бы». Он предлагал «откровенные переговоры между императорами», которые можно было бы организовать при помощи семейных связей. Роберт Мендельсон передал это предложение германскому министру иностранных дел фон Ягову⁴.

Энергичным поборником интересов Германии в России был бывший секретарь Витте, некий Колышко, ставший впоследствии известным журналистом⁵. Он был женат на немке, у него были прогерманские взгляды, но в обществе он заявлял себя русским патриотом. Через свою жену, жившую в Стокгольме, он поддерживал тесные связи со шведским банкиром, работавшим для Вильгельмштрассе. (В документах германского Министерства иностранных дел это лицо называется «директором Бокельманом».) Колышко был, кроме того, связан с крупным промышленником Гуго Стиннесом.

Колышко обсуждал с немцами множество проектов, к примеру, проект приобретения какой-нибудь русской газеты с целью распространения идей сепаратного мира и разжигания антибританских и антифранцузских настроений в России. Он получал от немцев финансовую поддержку и надеялся на вознаграждение после войны, собираясь переселиться в Германию. С согласия немцев Колышко продолжал выдавать себя за русского патриота и сохранял полную свободу действий. В то же время, летом 1916 года, он доказывал своим германским друзьям, что успехи Брусилова в Галиции в действительности выгодны для Германии, потому что в случае сепаратного мира для нее будет легче отказаться от восточной Галиции в обмен на балтийские территории⁶.

Идея газеты правительственного направления была одной из излюбленных идей русского премьер-министра Штюрмера и бывшего министра внутренних дел А. Н. Хвостова. В связи с этими журналистическими планами Колышко удалось летом 1916 года добиться встречи со Штюрмером. Хотя беседа и длилась несколько часов и обсуждались общеполитические вопросы, из донесения Колышко разведке (через «директора Бокельмана») следует, что он был крайне осторожен в разговоре со Штюрмером и что последний был, как обычно, сдержан. Однако позднее Колышко иначе описывал свое свидание со Штюрмером Стиннесу⁷, преувеличенно и необоснованно утверждая, что в этой беседе он будто бы обсуждал со Штюрмером условия сепаратного мира и получил его согласие на дальнейшее зондирование немецких настроений в этом отношении. Нет причин сомневаться в знакомстве Колышко со Штюрмером и в факте их разговора, но утверждение, будто он обсуждал с премьер-министром возможности переговоров о сепаратном мире, не имеет никаких оснований. Документ, в котором описан разговор между Стиннесом и Колышко, создает впечатление, что Колышко лгал во всем, что касалось полномочий, которые

Штюрмер дал ему на переговоры с немцами: когда Стиннес предложил совместно составить письмо Штюрмеру, то Колышко сначала согласился, затем отказался и пытался уговорить Стиннеса адресовать письмо не Штюрмеру, а управляющему канцелярией Манасевичу–Мануйлову⁸, который должен был прибыть в Стокгольм как первый неофициальный представитель для переговоров о сепаратном мире. Мы знаем, что из планов Колышко ничего не вышло, так как Манасевич–Мануйлов был 16 августа арестован⁹,

Два месяца спустя возможность начать переговоры о сепаратном мире с Россией казалась Бетман–Гольвегу еще более отдаленной, чем весной. На заседании прусского Совета министров 28 августа 1916 года он заявил:

«В марте наше военное положение было более выгодно, чем теперь, после крупных неудач Австрии (подразумевается поражение Австрии в Галиции летом 1916 года во время так называемого брусилковского наступления. — Г. К.). В то время мы еще могли надеяться, что осенью, после взятия Вердена, мы сможем заключить приемлемый мир. В настоящее время военные перспективы значительно ухудшились, в связи с чем пошатнулись и надежды его величества на то, что Россия согласится на сепаратный мир, даже в случае восстановления наших военных позиций на востоке»¹⁰.

Из проектов Колышко ничего не вышло, но его безответственные разговоры косвенным образом имели важные последствия. В швейцарской социал-демократической газете «*Berner Tagwacht*», издававшейся Робертом Гриммом совместно с Карлом Радеком, появилось сообщение из якобы достоверных источников о мирных переговорах между Германией и Россией. Известная речь Милюкова в Думе 1 ноября 1916 года, в которой он обвиняет правительство Штюрмера и дворцовые круги в подготовке сепаратного мира с Германией, была вызвана этими слухами и сообщением в «*Berner Tagwacht*»¹¹. К лету 1916 года кайзер, недовольный действиями своего правительства, поручил канцлеру Бетман–Гольвегу предпринять более решительные шаги по проникновению в Россию при содействии «банкиров, евреев и так далее» (sic!). В своем ответе¹² Бетман–Гольвег заверяет кайзера, что Министерство иностранных дел поступает соответственно его указаниям, но что, к сожалению, самая в этом отношении «многообещающая личность» — банкир Дмитрий Рубинштейн — арестован в Петрограде во время «еврейского погрома». Однако Бетман–Гольвег не указывает, что заставляет его считать Рубинштейна «многообещающей личностью». Действительно, банкир Рубинштейн был в личных и деловых отношениях с доверенной императрицы Вырубовой, с Манасевичем–Мануйловым и с самим Распутиным. Согласно полицейским данным, он даже снабжал «старца» его любимым напитком — мадерой¹³.

После ареста Рубинштейна (он был арестован по подозрению в противозаконных финансовых операциях) немцы предпринимали шаги к сближению с каким-нибудь влиятельным лицом, воспользовавшись тем, что из Европы возвращалась

русская парламентская делегация, которая ездила в союзные страны. Главой делегации был А. Д. Протопопов, заместитель председателя Думы, вскоре получивший назначение на пост министра внутренних дел. По пути в Стокгольм, на пароходе, один из пассажиров предложил Протопопову встретиться для доверительного разговора с крупным немецким промышленником, принадлежащим к влиятельной банкирской семье Варбургов. Протопопов посоветовался с русским поверенным в делах в Стокгольме. Последний решил, что встреча может оказаться полезной, и предложил еще одному члену делегации — графу Олсуфьеву — также принять участие в разговоре. Отчет о происшедшем был сделан с русской стороны обоими — Олсуфьевым и Протопоповым. Германское Министерство иностранных дел сохранило в архиве отчет Фрица Варбурга¹⁴. Все отчеты сходятся в том, что вопрос о сепаратном мире не обсуждался и что с точки зрения немецких интересов попытка сближения никаких результатов не дала. Однако этим дело не кончилось. Несмотря на то, что Протопопов по возвращении в Петроград, проявив на этот раз осмотрительность, дал своим коллегам по Думе и Министерству иностранных дел полный отчет о разговоре в Стокгольме, тот факт, что он «вошел в соприкосновение с немцами», был использован против него, как только он был назначен министром внутренних дел. Пошли слухи, что на Протопопове остановили свой выбор потому, что он перешел в «немецкую партию» императрицы и готов приложить свои усилия к заключению сепаратного мира.

Хотя германские попытки ослабить решимость России продолжать войну не приносили их дипломатам ничего, кроме разочарования, они все же имели косвенное влияние на то, что происходило внутри России. В широкие общественные круги об этих попытках проникало достаточно сведений, чтобы питать слухи о подготовке сепаратного мира, которую якобы ведут высшие круги при участии «темных сил». Теперь нет никаких сомнений в том, что «высшие круги» никогда ничего подобного не делали. Что же касается «темных сил», то те сомнительные личности, которые пробовали получить влияние при дворе через Распутина и Вырубову, никогда не выступали в качестве объединенной группы со своей политической программой и никогда не действовали как организованный «черный блок». Во всяком случае, в конце 1916 года и немцы перестали заниматься этим бесперспективным делом.

Разные службы контрразведки в России были прекрасно осведомлены о германских попытках добиться сепаратного мира. Но из тех отрывочных сведений о деятельности этих организаций, которыми мы располагаем, явствует, что в их работе было много путаницы, накладок, злоупотреблений и бестолочи. Даже многие успешные операции были подчас вызваны склонностью к своего рода «охоте на ведьм». В начале войны патриотические и шовинистические настроения разжигались пропагандой расовой вражды и клеветой на немцев, которые до некоторой степени заменили евреев в роли «чужеродных кровопийц». Антинемецкая агитация повредила

всем русским подданным немецкого происхождения независимо от их положения: коммерсантам и инженерам из Германии и Австро–Венгрии, помещикам и дворянству Прибалтики, немецким крестьянам–колониатам (самая большая группа которых жила на Волге с XVIII в.) и, наконец, тем бесчисленным русским немецкого происхождения, которые давно совершенно обрусели. Все эти группы в большей или меньше степени подвергались обвинениям в «искательстве» и в недостаточном понимании русского национального духа. Выражения «немецкое засилье» (как намек на проникновение в экономику России), «неоправданные привилегии» и «тевтонское зазнайство» склонялись на все лады. Агитация против «немецкого засилья» привела к антинемецким погромам, разграблению предприятий и домов, принадлежащих лицам с немецкими фамилиями. Рабочие беспорядки в обеих столицах и других городах принимали антинемецкий шовинистический характер¹⁵. От этой антинемецкой кампании пострадали многие дельцы–коммерсанты, которых обвиняли в преднамеренном саботировании военных усилий страны. Немцы и австро–венгры, даже принявшие русское подданство, теряли места, а многие ссылались в восточные и северные области. Положение гвардейских и армейских офицеров с немецкими фамилиями, особенно на высоких должностях, становилось все труднее. При дворе эта кампания была, пожалуй, наиболее заметна. Личное покровительство императора гарантировало придворным сановникам защиту от шовинистических выпадов. Это, однако, раздражало общественное мнение, которое принимало присутствие немцев, включая министра двора графа Фредерикса (который на самом деле был не немецкого, а шведского происхождения), за доказательство того, что «немка» (то есть императрица) возглавляет «немецкую партию».

Одним из тех, кто особенно активно выступал против «немецкого засилья», был генерал М. Д. Бонч–Бруевич¹⁶, в свое время арестовавший и казнивший как немецкого шпиона полковника Мясоедова¹⁷. Борьба с немецким влиянием в промышленности, превратившаяся в руках контрразведки, с которой Бонч–Бруевич был тесно связан, в своего рода «охоту на ведьм», очень вредила работе промышленности, в том числе военной. Бонч–Бруевич систематически преследовал крупную фабрику Зингера, которая создала по всей стране торговую сеть по продаже швейных машин, применяя тогда ее новый принцип продажи в рассрочку. Контрразведка утверждала, что служащие Зингера в действительности были засекреченной немецкой шпионской сетью¹⁸.

Либералы, единственные, от кого можно было ждать выступления против этой шовинистической кампании, защиты ни в чем не повинных людей, молчали, за исключением только одного случая, а именно московского погрома в мае 1915 года, давшего им повод обвинить правительство. Они молчали, потому что слухи о том, что правительство ведет за спиной народа переговоры о сепаратном мире, а также слухи о немецкой партии при дворе и о мифическом «черном блоке» использовались ими в борьбе с правительством.

В действительности попытки германского правительства завести переговоры о сепаратном мире были, как мы знаем, безуспешны, и в конце 1916 года другой метод, политика революционизирования («Revolutionierungspolitik»), никогда, впрочем, не исключавший идеи сепаратного мира, привлек внимание как Вильгельмштрассе, так и, в особенности, политического отдела германского Генерального штаба.

Ставка на революцию

Поддержка мятежников в России, Англии и Франции была частью стратегии германского верховного командования с самого начала войны. Непосредственно перед войной Австро-Венгрия стала поддерживать сепаратистские движения в России. Германия же, в силу близких личных отношений кайзера Вильгельма с Николаем II, должна была проявлять бóльшую предусмотрительность¹⁹. В 1912 году Ленин обосновал свой главный штаб в Поронино, на австрийской территории, близ Кракова. Рязанов, один из самых известных теоретиков социал-демократического движения, работал в Вене. Троцкий тоже с 1910 года жил в Вене, откуда руководил разнообразной журналистско-пропагандной деятельностью в России и за границей. В то же время австрийцы терпели и поддерживали украинских сепаратистов, вероятно, в ответ на панславянскую пропаганду, которая велась в русской прессе, особенно в газете «Новое время».

С развитием военных действий немецкие учреждения, задачей которых было политическое разложение противника, переняли агентов, находившихся на австрийской службе. Германские посольства в нейтральных странах постоянно осаждались людьми разных национальностей (финские националисты, польские графы, украинские церковники, кавказские князья и разбойники с большой дороги) и революционными интеллигентами всех мастей, желавшими создавать комитеты освобождения, распространять националистическую пропаганду и работать в интересах независимых и свободных государств, которые, как они надеялись, возникнут при разделе Российской империи. Сначала среди тех, кто добровольно поддерживал немцев, не было представителей русских революционных партий — ни социал-демократов обеих фракций, ни эсеров.

В начале войны немецкая полиция не делала различий в отношении подданных враждебных стран, очутившихся в Германии, не разбирала, враги они или сторонники существующего в их стране режима. В произвольных решениях интернировать, или выслать того или иного иностранца, или разрешить ему остаться в Германии под полицейским надзором общая линия не прослеживается. Некоторые русские революционеры были высланы в Скандинавию, откуда, кто смог, вернулись в Россию. Другие перешли швейцарскую границу и присоединились к проживавшим там политическим эмигрантам. Некоторые из них, особенно последователи маститого марк-

систа Плеханова, оборонца и друга союзников, переехали в Париж, где им удалось основать собственную газету «Наше Слово». Иные, как, например, бывший большевистский депутат Думы Малиновский, который в 1913 году покинул Россию (в связи с предъявлением ему обвинения в работе секретным осведомителем охраны), были как бы интернированы, но потом использовались политическим отделом германского Генерального штаба как агитаторы среди русских военнопленных. Сотрудничество Малиновского с русской полицией еще не получило широкой огласки, и он поддерживал связь с Лениным. Ленин протезировал ему и принуждал к молчанию меньшевиков и тех большевиков, которые открыто обвиняли Малиновского²⁰.

Другим же эмигрантам, тем или иным образом связанным с лицами, имеющими политическое влияние в Германии или Австрии, было разрешено оставаться в стране под полицейским надзором.

Ленин в начале войны был арестован в Поронино. Но его доверенное лицо, Фюрстенберг-Ганецкий, обратился к главе австрийских социалистов Виктору Адлеру, который заступился за Ленина перед австрийскими властями. Адлер указывал на то, что ленинское антимонархическое направление может в ближайшем будущем оказаться полезным. Через две недели после ареста Адлер добился освобождения Ленина. Ленин, его жена Крупская и его ближайший в то время помощник Зиновьев получили разрешение выехать в Швейцарию в сентябре 1914 года²¹.

Ленин и его близкие приехали в Швейцарию почти без денег и без необходимых документов. Но у Ленина были друзья, которые познакомили его со швейцарским социалистом немецкого происхождения Карлом Моором, членом бернского Союзного совета и бывшим издателем социалистической «*Berner Tagwacht*». Имя Карла Моора было не единственной причудливой его чертой. Карл Моор родился в 1853 году. Он создал себе почтенное имя в швейцарском социал-демократическом движении, что не мешало ему осведомлять о жизни швейцарских социалистов австрийский и германский генеральные штабы. Моор был хитрым и осторожным человеком. Его контакты с немцами были очень тщательно закамуфлированы. Он способствовал опубликованию «*Under Western Eyes*»*, помогал эмигрантам-социалистам в их делах с полицией и местными властями, а также поддерживал их материально²². В особенно дружеских отношениях он был с большевиком доктором Григорием Шкловским, а также с меньшевистским лидером Павлом Аксельродом. Карл Моор устроил Ленину вид на жительство в Швейцарии и, очевидно, поддерживал с ним и другие деловые отношения при посредстве Шкловского²³.

В Швейцарии Ленин оказался в окружении небольшой группы своих единомышленников. Так как с началом войны прекратилось почтовое сообщение с Россией, Ленин не мог поддерживать контактов со своими тамошними приверженцами. Только

* «На глазах у Запада».

усилиями Крупской удалось восстановить большую часть ленинских связей²⁴. Но разрыв Ленина с «оборонцами» по всей Европе и его неуступчивость по отношению к «центристам», как Каутский в Германии, или к группе, сложившейся вокруг газеты «Наше Слово» в Париже, привели его к изоляции.

В начале войны германское правительство обращало мало внимания на трения и раздоры в среде русских политических эмигрантов. Некоторое сближение с этими кругами связано с пропагандой среди военнопленных, число которых быстро увеличивалось после разгрома армии Самсонова в Восточной Пруссии в августе 1914 года. Следуя методу австрийцев, немцы разграничивали пропаганду среди национальных меньшинств и пропаганду среди русских подданных вообще. Что касается меньшинств, то наибольшее внимание обращалось на украинцев и финнов. Для русских решено было издавать газету «На чужбине». Ввиду этого намерения немцы искали сотрудников среди революционно настроенных эмигрантов. Видимо, работа газеты была организована политическим отделом германского Генерального штаба, а связь с границей поддерживались аккредитованными дипломатическими представителями. В силу указанных обстоятельств германское посольство в Берне начало проявлять интерес к русским эмигрантам-революционерам. Контакты налаживались очень осторожно, учитывая крайнюю политическую чувствительность эмигрантов. Кроме того, германские круги, по понятным причинам, опасались, что эмигранты могут быть разоблачены как немецкие агенты. Многие из согласившихся сотрудничать в газете, в том числе такие люди, как лидер эсеров и теоретик аграрного социализма В. Чернов или превосходный библиограф Рубакин, были уверены, что действуют независимо и вносят свой вклад в политическое образование несчастных военнопленных, которых царское правительство держало в невежестве²⁵.

Ленин, Гельфанд и Кескюла

Трудно предположить, что Ленин не знал об этой деятельности немцев в первый год своего пребывания в Швейцарии, хотя совершенно нет указаний, что он сам участвовал в ней в то время. Однако уже в сентябре 1915 года один эстонский эмигрант в Швейцарии, некий Александр Кескюла, установил контакт с немецким послом в Берне Ромбергом, передав ему точную информацию об отношении русских эмигрантов к войне. Во время революции 1905 года Кескюла, будучи одним из членов большевистской партии Эстонии, проявил значительные руководительские способности. В эмиграции он отошел от марксизма, увлекшись романтической концепцией эстонского национализма. К русским революционерам как таковым Кескюла испытывал глубокое презрение, исключение он делал только для Ленина, организаторский талант и последовательность которого считал выдающимися и которого очень уважал. Кескюла встретился с Лениным только один раз, зато поддерживал с ним

косвенную связь через эстонского большевика по имени Зифельдт²⁶. При посредничестве Кескюлы германскому Министерству иностранных дел стали известны взгляды Ленина на войну²⁷. 30 сентября Ромберг сообщил о так называемой ленинской программе сепаратного мира с Германией²⁸. Это должно было произвести большое впечатление на Вильгельмштрассе. Ромберг неопределенно предлагал передать сущность ленинской программы агентам во Франции для распространения, но в Берлине на это не согласились. Помощник министра иностранных дел Циммерман заявил, что содержание программы не должно распространяться, так как программа может попасть в руки царского правительства и это вызовет усиленное преследование революционеров. Сам министр фон Ягов телеграфировал об этом Ромбергу²⁹. По-видимому, к программе Ленина отнеслись в Германии серьезно, и если бы он изъявил малейшее намерение вступить в прямой контакт с немцами, его инициатива была бы встречена положительно. Но, видимо, между Лениным и германскими властями прямого контакта никогда не было, хотя говорить об этом с полной уверенностью нельзя. Ленин был очень опытным конспиратором, а немцы держались с максимальной осторожностью.

По свидетельству Кескюлы, через него и Зифельдта Ленин получал в то время небольшие суммы из некоего неназванного источника. Позднее выяснилось, что деньги для Ленина Кескюла получал от Ромберга³⁰. В 1916 году германское посольство в Швейцарии стало интересоваться журналистской деятельностью Ленина. Ленин в то время издавал газету «Социал-демократ» и журнал «Сборник социал-демократа». Главными сотрудниками были сам Ленин и Зиновьев. Два номера журнала вышли во время войны, третий задержался из-за недостатка средств. В архивах немецкого посольства в Берне сохранилась переписка, из которой видно, что после некоторых колебаний немцы решили предоставить средства для издания через каналы, приемлемые для Ленина. Несмотря на это, очередной номер журнала не вышел. Началась Февральская революция.

Информация, которую в сентябре 1915 года дал немецкому правительству Кескюла, была не первым сообщением о Ленине, полученным немцами. На фракцию большевиков в русской социал-демократической партии германскому Министерству иностранных дел указал в марте 1915 года в своем меморандуме³¹ Александр Гельфанд, он же Парвус, сыгравший значительную роль в подрывной деятельности немцев в России. Он — живое доказательство, что авантюристы XX в. могли играть решающую роль в политике великих держав во время Первой мировой войны не в меньшей степени, чем такие же авантюристы в интригах итальянских государств эпохи Возрождения.

Гельфанд, русский еврей, родившийся в Березине (Белоруссия) и получивший образование в Одессе, рано присоединился к революционному марксистскому движению. Он скоро понял, какие громадные личные преимущества дает глубокое зна-

ние экономических и социальных проблем в разных частях мира, и выучился обменивать эти знания на власть и влияние в международной политике. В конце прошлого столетия он эмигрировал в Германию и завязал знакомства в немецких социалистических кругах. Во время голода 1898–1899 годов Гельфанд вернулся в Россию, после чего опубликовал исключительно хорошо документированный труд о причинах голода³². В период, предшествовавший революции 1905 года, он считался одним из ведущих марксистских теоретиков. Он играл активную роль в Петербургском совете в 1905 году и был близким сотрудником Троцкого, в газете которого публиковал свои статьи (иногда под псевдонимом «Молотов»). В 1906 году Гельфанд был арестован и сослан в Сибирь, откуда бежал приблизительно в одно время с Троцким, опять устроился в Германии, где продолжал работать в качестве издателя, а также литературного и театрального посредника, продолжая писать и для германской социал-демократической прессы. Хотя он не вмешивался во внутрипартийную борьбу русских социал-демократов, считалось, что он стоит на стороне меньшевиков. Он не ладил с Лениным, не разделяя его теории о «революционном авангарде», так как считал, что революционная партия нужна в качестве закваски, чтобы возбудить брожение, которое должно привести к социальному прогрессу, и что массы сами должны выдвигать руководителей из своей среды.

Так как Гельфанда социальное движение всегда интересовало в интернациональном масштабе, он обратил внимание на неустойчивую ситуацию на Балканах. В 1910 году он перенес свою деятельность в Константинополь, где, ведя крупное предприятие по экспорту и импорту, продолжал социал-демократическую пропаганду. Он гордился заключенной с Россией сделкой по доставке зерна, которая, как он утверждал, спасла режим младотурок от катастрофы. Есть также сведения, что он одновременно занимался контрабандой устаревшего немецкого оружия, которое на Балканах пользовалось большим спросом. Этими сделками он составил себе крупное состояние. В 1914 году Гельфанд много потрудился, чтобы склонить левое общественное мнение Турции одобрить вступление Турции в войну на стороне центральных держав, и оказал услугу немцам, помогая некоему доктору Циммеру в организации украинской пятой колонны³³.

Вскоре после начала войны Гельфанд отправился в Германию через Софию, Бухарест и Вену. В Болгарии он вел откровенную пронемецкую пропаганду среди болгарских социал-демократов, а в Румынии установил тесный контакт с Христианом Раковским и другими социал-демократами. Эту связь он поддерживал в течение последующих лет. В Вене он возобновил дружбу с Рязановым, который, будучи русским подданным, проживал там во время войны, пользуясь покровительством испанского посольства. Из Вены Гельфанд поехал в Берлин, где в начале марта 1915 года изложил германскому Министерству иностранных дел свои планы по организации революции в России и попросил оказать ему материальную поддержку³⁴. Согласно данным

Вангенхайма, германского посла в Константинополе, рекомендовавшего Гельфанду Министерству иностранных дел, Гельфанд считал, «что русские демократы смогут добиться своих целей только при полном уничтожении царизма и разделе России на более мелкие государства». Поэтому интересы германского правительства совпадают с интересами русских революционеров и сепаратистов³⁵. В связи с этим Гельфанд предложил следующий план: организовывать экономические забастовки в разных частях России, особенно в Петербурге и черноморских портах, превращая их постепенно в забастовки с политическими требованиями; конечной целью должна была быть всеобщая забастовка, которая повлекла бы за собой падение царского режима³⁶.

Этот план вызвал большой интерес. Германское правительство через Министерство иностранных дел немедленно ассигновало значительные суммы для революционной пропаганды в России, и Гельфанду были предоставлены особые льготы для путешествия по Германии и за границей³⁷. Вернувшись через Балканы в Константинополь, Гельфанд ликвидировал свое торговое предприятие и развернул подпольную деятельность. Возвращаясь в начале лета 1915 года в Германию, он остановился на несколько дней в Швейцарии, чтобы лично вступить в контакт с руководством русских эмигрантов-революционеров.

Гельфанд надеялся, что русские социал-демократы, пораженцы, главным теоретиком которых, как он сообщил немцам, был Ленин, примут его план немедленной революции в России. Но так как отношения с Лениным не отличались взаимным доверием и взгляды на роль профессиональных революционеров расходились как в теории, так и на практике, из предполагаемого сотрудничества ничего не вышло. Ленин знал, что Гельфанд поддерживал социал-демократическое оборонческое большинство в Германии в начале войны. Ничто не могло бы вызвать у него большего подозрения к Гельфанду.

Гельфанд понял также, что пораженчество Ленина принципиально отличалось от его плана разрушения России. Гельфанду падение царского режима и расчленение Российской империи были необходимы для обеспечения гегемонии Германии, где, как он предполагал, скоро должна была восторжествовать идея социализма, может быть, даже без революции. Для целей Гельфанда германское правительство и германская военная машина были гораздо более надежными союзниками, чем русские большевики, которые ждали революции в России, не выработав реальных путей ее осуществления. Революция в России была необходима только для того, чтобы продолжить путь к осуществлению прогрессивных принципов германского социализма.

Несмотря на это, Ленин в конце весны 1915 года согласился встретиться с Гельфандом. Результат этой встречи и содержание беседы с Лениным остались тогда тайной. Гельфанд покинул Швейцарию, не достигнув соглашения ни с кем из русских эмигрантов. Немцам он сообщил, что не договорился с Лениным и решил проводить свой план революции в России самостоятельно. Встреча Гельфанда с Лениным

не осталась секретом для русской эмиграции в Швейцарии и других странах. Григорий Алексинский, в то время сотрудник Ленина, впоследствии ему изменивший, утверждал, что он знал о тайном соглашении между Лениным и Гельфандом относительно организации революции в России и о немецкой финансовой поддержке планов Ленина. На основании этого утверждения в 1917 году большевиков обвиняли в том, что они были германскими агентами. Ленин утверждал, что никакого соглашения не было и что он порвал отношения с Гельфандом сразу после короткой встречи с ним в Берне. Гельфанд в своей брошюре, изданной в 1918 году, подтвердил это³⁸. Гельфанд писал:

«Читатель знает, что, хотя большевики также стояли за военное поражение России, между мной и ими была разница взглядов. Я учитывал действующие факторы, экономические, политические, военные, соотношение сил, возможные результаты, — для большевиков же на все и на вся был готовый ответ: революция.

Их достаточно предупреждали и показывали им действительное положение дел. Я виделся с Лениным летом 1915 года в Швейцарии. Я развил ему свои взгляды на социально-революционные последствия войны и вместе с тем предупреждал, что, пока длится война, революции в Германии не будет, что революция в это время возможна только в России и здесь явится результатом германских побед».

Зифельдт в своих воспоминаниях тоже описывает встречу, конечно, подчеркивая враждебный прием, который Ленин и Крупская оказали Гельфанду, и подтверждает отрицательные результаты разговора³⁹. Неприязненное отношение Алексинского к Ленину и свидетельство обоих участников об отрицательных результатах их встречи явно указывают, что сговора не произошло. С другой стороны, и открытого разрыва, о котором говорит Зифельдт, утверждая, что Ленин выгнал Гельфанда, — тоже, очевидно, не произошло. Ленин воздерживался от нападок на Гельфанда в прессе до тех пор, пока не был на это спровоцирован появлением в печати первого номера журнала Гельфанда в сентябре 1915 года. Гельфанд вел себя так же. Когда началась Февральская революция, он был одним из главных сторонников, если не инициатором, плана отправки Ленина тем или иным путем в Россию. До самого 1918 года Гельфанд надеялся помириться с Лениным и присоединиться к победившим большевикам.

Ленин всегда относился к Гельфанду холодно и неприязненно. Он отсоветовал молодому Бухарину сотрудничать в исследовательском центре по изучению экономических последствий мировой войны, который был основан Гельфандом в Копенгагене. С другой стороны, Ленин знал, что с Гельфандом сотрудничает один из его верных соратников, Фюрстенберг-Ганецкий, и никогда ничем этому не препятствовал⁴⁰. Впоследствии Ленин говорил, что Фюрстенберг был просто служащим в торговом предприятии Гельфанда. Это не так. Фюрстенберг активно участвовал в крупных нелегальных торговых операциях, которые Гельфанд развернул в Дании с ведома и

при поддержке германских властей⁴¹. Это предприятие нужно было Гельфанду, чтобы финансировать революцию в России. В марте 1915 года он кратко изложил свои планы германскому правительству. Часть самых рискованных дел провел для Гельфанда Фюрстенберг, и в январе 1917 года его выслали из Дании за нарушение военных торговых законов. Фюрстенберг, который скрывал свою связь с Гельфандом, играл в Дании роль подставного лица⁴². Ленин не мог не знать об этой стороне деятельности Фюрстенберга, и его осведомленность равносильна молчаливому одобрению. Больше того, Ленин имел больше доверия к Фюрстенбергу, чем к гораздо более добросовестному работнику — Шляпникову. В 1917 году, перед возвращением в Россию, Ленин предлагал, чтобы «Куба» (кличка Фюрстенберга в революционных кругах), «положительный и умный парень», поехал в Петроград для выправления уклонов большевистских вождей⁴³.

В одном отношении утверждение о тайном соглашении между Лениным и Гельфандом, конечно, необоснованно: мы имеем в виду финансовую поддержку, которую Ленин якобы получал от Гельфанда. Несмотря на мелкие суммы, передававшиеся немцами Ленину через Кескюлу и Зифельдта, бедность Ленина во время его пребывания в Швейцарии не подлежит сомнению, как в отношении его личных средств, так и в отношении финансирования его публикаций. В письме Шляпникову в Копенгаген (сентябрь—октябрь 1916 года) Ленин пишет:

«О себе лично скажу, что заработок нужен, иначе прямо поклевать, ей-ей!! Дороговизна дьявольская, а жить нечем. Надо вытащить силком деньги (о деньгах Беленин поговорит с Катиным и с самим Горьким, конечно, если не будет неудобно) от издателя "Летописи", коему посланы две моих брошюры (пусть платит; тотчас и побольше!). То же — с Бончем. То же — насчет переводов. Если не наладить этого, то я, ей-ей, не продержусь, это вполне серьезно, вполне, вполне»⁴⁴.

Германские власти не вмешивались в политическую деятельность Ленина, связанную с Циммервальдской и Кинтальской конференциями. Их информировали о происходящем агент Карл Моор и, возможно, Раковский. Они не слишком были обеспокоены влиянием пораженческой пропаганды Ленина на широкие круги германских социал-демократов. Они не верили также в способность Ленина устроить революцию в России. Это подтверждали и слова самого Ленина о том, что он не верит в падение царизма в ближайшем будущем и вообще при своей жизни. И все же германские службы считали, особенно после доклада Кескюлы в 1915 году, что если в России произойдет революция, то Ленин будет играть в ней большую роль. Эта уверенность поддерживалась донесениями всех их агентов, включая Гельфанда, Кескюлу, Моора и не очень щепетильного эсера-эмигранта Цивина. Но поскольку революция все еще была весьма отдаленной возможностью, Ленин пока оставался для Германии фигурой малоэффективной и неприкасаемой и мог спокойно сидеть в своем швейцарском уединении.

Гельфанд в Копенгагене

Несмотря на неудачу переговоров Гельфанда с Лениным и другими эмигрантами, жившими в Швейцарии, он не был обескуражен. Он никогда не боялся трудностей и не падал духом от неудач и недостатка симпатии и понимания. Если Ленин и его последователи не хотят с ним сотрудничать, ему придется взяться за дело самому.

Летом 1915 года Гельфанд поехал из Швейцарии в Копенгаген, где в течение следующих двух лет он основал ряд разнообразнейших предприятий. Во-первых, он создал исследовательский центр «по изучению экономических последствий мировой войны». Центр собирал статистическую информацию по социальным и экономическим вопросам в воюющих и нейтральных странах будто бы для того, чтобы разработать план экономической организации мира после войны. В действительности это была удобная ширма для того, чтобы дать работу известному количеству русских революционеров, которые во время войны болтались без дела. Они были рады предоставить свои знания и личные связи в распоряжение такого щедрого работодателя, как Гельфанд.

Во-вторых, Гельфанд основал в Германии политический еженедельник «Die Glocke»⁴⁵ («Колокол»), занимавшийся пропагандой его идеи о том, что социалисты должны поддерживать Германию. В-третьих, он начал интенсивную торговую деятельность, которой руководил из Копенгагена при посредстве ряда финансируемых им торговых обществ. Этим он значительно увеличил свое и без того уже большое состояние.

Гельфанд не оставил почти никаких следов своей деятельности в Дании, но косвенные данные позволяют без труда установить ее характер⁴⁶. Различные его коммерческие предприятия велись подставными лицами. Ими управляли: друг Ленина Фюрстенберг–Ганецкий и братья Георг и Генрих Скларц, которые работали на политический отдел германского Генерального штаба. Такая многосторонняя деятельность была хорошим способом камуфляжа и финансирования настоящей цели пребывания Гельфанда в Копенгагене: этой целью всегда была и оставалась революция в России.

Гельфанду было не трудно добиться поддержки немецкого посла в Копенгагене графа Брокдорфа–Ранцау. Посол уже сделал попытку начать переговоры с Россией о сепаратном мире при посредничестве датского двора, но потерпел неудачу. Граф был расплывчато–прогрессивным и каким–то образом считал необходимым «большее участие масс в политической жизни Германии». Гельфанд легко убедил его, что в Германии политический и социальный прогресс возможен только после падения реакционного гиганта на востоке и его расчленения.

Блестящий отзыв Брокдорф–Ранцау о Гельфанде, переданный Министерству иностранных дел, был подтвержден особым докладом старого друга Гельфанда по Константинополю, доктора Циммера. По поручению Министерства иностранных дел доктор Циммер прибыл инспектировать деятельность и финансовое положение Гельфанда в Копенгагене. Циммер сообщил, что у Гельфанда восемь агентов в Копенгагене и десять резидентов в России. Ни один из последних не был назван. Гельфанд

не обязан был сообщать их имена немцам. Достоверными свидетельствами доказаны отношения Гельфанда с Христианом Раковским в Бухаресте. О том, кто были «наши люди в Петрограде» или где бы то ни было в России, нет никаких данных.

В самого начала связи Гельфанда с германским правительством отличались известным своеобразием. Гельфанд не только предложил разработанный им план разрушения России, но и собственные связи и организацию для осуществления этой цели. При этом он смог сослаться на то, что в свое время уже организовал тайные каналы связи через Болгарию, Румынию и Украину. Далее, он предложил свой коммерческий опыт и талант для снабжения Германии сырьем, столь необходимым для ведения войны. В 1916 году Гельфанд заключил в Дании гигантскую сделку, благодаря которой английский уголь был вытеснен с датского рынка и заменен немецким углем, за который Германия получила весьма нужную валюту. Гельфанд был человек с почти неограниченными материальными средствами и лично не нуждался в субсидиях. Его положение было таково, что он без труда мог получить у немцев гораздо более крупные суммы, чем кто бы то ни было другой, суммы, которые, как он утверждал, были необходимы для реализации его планов.

Хотя министр иностранных дел фон Ягов относился к планам Гельфанда несколько скептически, а Гельферих, глава экономического военного отдела, высмеивал некоторые финансовые предложения Гельфанда⁴⁷, последний в течение 1915 года получил от Министерства иностранных дел крупные денежные средства. Кроме миллиона марок, который он получил в марте, до возвращения на Балканы, главным образом в целях установления контактов в Бухаресте, он получил также миллион рублей в декабре и еще одно ассигнование в пять миллионов марок в июле. Эти пять миллионов министр Ягов запросил для «революционной пропаганды в России». Инициатива, без сомнения, исходила от Гельфанда и его копенгагенских сотрудников⁴⁸.

Министерство иностранных дел Германии, вероятно, не было единственным государственным учреждением, с которым Гельфанд поддерживал связи. Существовал еще и политический отдел Генерального штаба, тоже работавший над подготовкой революции в России. Можно предполагать, что Гельфанд имел с ним прямые или косвенные контакты. Политическим отделом руководил полковник фон Хюльзен, с Министерством иностранных дел он был связан через Курта Ризлера, который встречался с Гельфандом в Берлине в марте 1915 года⁴⁹. Доктор Циммер, а также братья Скларц, которые работали на Гельфанда, тоже были связаны с политическим отделом. Министерство иностранных дел информировалось политическим отделом только в общих чертах. Германские посольства в скандинавских странах, как правило, находились вне контроля политического отдела.

Обосновавшись в Копенгагене и будучи уверен в немецкой поддержке, Гельфанд продолжал осуществлять свой план, изложенный в мартовском меморандуме. Он не обращал внимания ни на скептицизм Ягова, ни на яростные нападки Ленина после выхода в свет первого номера журнала «Die Glocke».

В декабре 1915 года Гельфанд объяснил Брокдорф–Ранцау, что нельзя больше терять времени: полсжение промышленности в России таково, что ее экономические трудности можно легко использовать политически. Внутреннее положение, в связи с тем что 3 сентября 1915 года была прервана сессия Думы⁵⁰, благоприятствует восстанию. В основном Гельфанд не вводил немцев в заблуждение. Внутреннее политическое положение России значительно ухудшилось, обострилась борьба между Думой и общественными организациями, с одной стороны, и царем и правительством — с другой. В особенности после того, как в августе 1915 года царь стал Верховным главнокомандующим.

Попытки Гельфанда втянуть Министерство иностранных дел в подготовку революции в России дошли до того, что он прямо предложил министерству устроить революцию в январе 1916 года. Роль зачинщика должно было сыграть какое-то доверенное лицо, которое так и осталось неназванным. Это лицо должно было организовать всеобщую забастовку 9-го января, в годовщину «Кровавого воскресенья» 1905 года. Гельфанд утверждал, что его агенты смогут вывести на улицу 100 000 человек и что забастовка в столице найдет поддержку по всей стране. Его доверенное лицо «начало бы немедленную организацию связи между отдельными революционными центрами»⁵¹.

Ни Гельфанд, ни его доверенное лицо не могли обещать абсолютного успеха. Он утверждал, что «революцию можно начать около 9/22 января» (старый и новый стиль) и что даже если она и не охватит мгновенно всю Россию, то, безусловно, «пошатнет положение в стране». Одновременно Гельфанд указал на то, что рабочие уже в 1905 году были готовы к революционным действиям, но буржуазные партии теперь не желают оказывать революционному движению финансовой поддержки. Поэтому Гельфанд считал необходимым, чтобы его доверенному лицу была немедленно предоставлена сумма размером в миллион рублей⁵². Германское Министерство иностранных дел немедленно выделило требуемую сумму⁵³, и Гельфанд доложил Брокдорф–Ранцау, что деньги переведены в Петербург⁵⁴.

Хотя утверждения Гельфанда были слишком самоуверенны, а ожидания преждевременны, они не были лишены оснований. 9 января было очень удобным днем для начала забастовки, так как этот день стал чем-то вроде неофициального рабочего праздника, в особенности в Петрограде. К тому же есть свидетельство, что к этому дню в Петрограде готовилось что-то вроде всеобщей забастовки.

Гельфанд и рабочие беспорядки в России

Павел Бадаев, активный большевистский агитатор, известный член Петроградского профсоюза пекарей, отправил в начале марта 1916 г. приятелю, находившемуся в ссылке в Восточной Сибири, точное описание январских событий. Перехваченное полицией письмо было впоследствии обнаружено в полицейских архивах⁵⁵. Бадаев писал:

«9 января бастовали все заводы, причем застрельщиком была Выборгская сторона. Интересна была позиция ликвидаторов, — в большинстве они выступали против стачки 9 января, мотивируя тем, что через две недели все равно все заводы встанут за отсутствием топлива, но их не послушали. Только на заводе "Новый Айваз" ликвидаторы дружно выступили за стачку.

Были демонстрации, причем встречавшиеся солдаты на автомобилях и так демонстрантам кричали "ура", но их даже не пускали из казарм, причем в казармах охрана была усилена, и у телефонов было усиленное дежурство, а отправляющимся в патруль солдатам оставшиеся наказывали "не смей стрелять". Демонстрации повторились и 10 января, т. е. на второй день, а на Выборгской стороне в 6 часов вечера была устроена демонстрация совместно с солдатами, — сами несли красный флаг. Перед 9 января арестовано всего 600 человек»⁵⁶.

Сообщение Бадаева подтверждается другими источниками, как со стороны революционных деятелей, так и со стороны полиции. Число демонстрантов 9 января оценивается по-разному: 42 000, 45 000, 66 000 и даже 100 000⁵⁷.

Следующая волна рабочих беспорядков началась в феврале на Путиловском заводе в Петрограде. В меморандуме Гельфанда (март 1915 года) этот завод наряду с двумя другими уже упоминался в качестве объекта его революционных усилий⁵⁸. Неблагоприятные отношения на Путиловском заводе сложились уже с первых дней войны. Рабочие были убеждены — правильно или нет, — что управление заводом находится в руках немцев и евреев, которые или уже саботируют военные заказы, или готовы к этому. Администрация еще ухудшила отношения тем, что в собственных интересах использовала право освобождать рабочих от военной службы⁵⁹.

До середины 1915 года казалось, что недовольство рабочих вызвано патриотическим рвением и желанием улучшить свое экономическое положение. Однако в августе 1915 года рабочие начали предъявлять политические требования⁶⁰. 3 февраля 1916 года механики электротехнической мастерской потребовали повышения платы на 70 %. Управление завода отказалось удовлетворить это требование и обратилось за помощью к начальнику Петроградского военного округа князю Туманову. Туманов объявил по заводу, что намерен «военизировать предприятие», т. е. мобилизовать всех военнообязанных и подчинить их военной дисциплине. 16 февраля дирекция закрыла завод на три дня, потом, так как беспорядки продолжались, еще на неделю до 23 февраля. Это было ровно за год до вспышки рабочих беспорядков в 1917 году.

Бадаев утверждает, что стачками на Путиловском заводе руководил Петроградский комитет социал-демократической партии и эсеры. Одним из лозунгов забастовщиков было «долой войну». Согласно полицейскому докладу, «ленинская» группа подменила экономические требования забастовщиков политическими⁶¹. Особенно интересны выпущенные большевистским петроградским комитетом листовки, призывающие к политической забастовке. Листовки называли распоряжение генерала

Туманова бессовестным запугиванием рабочих со стороны военных властей и призывали к решительному отпору:

«Дело путиловских рабочих — дело всего петербургского пролетариата. Действия путиловских рабочих должны быть активно поддержаны всем петербургским пролетариатом. В противном случае не будет границ наглому издевательству разбойничьей банды романовской династии... Товарищи, если вы решительно не отвергнете все попытки вас поработить, вы сами скуете себе наручники. Объявляя политическую стачку-протест, пролетариат Петербурга берет на себя большую ответственность. Его выступление будет использовано черными силами царизма для клеветнических слухов и внесения смуты в умы армии. И для того, чтобы сделать всем понятным свое выступление, для того, чтобы подать руку своим братьям в армии, которых будут стараться натравить на него, — пролетариат должен вынести движение из стен фабрик и заводов на улицу... Долой произвол царских наемников! Долой романовскую монархию! Да здравствует пролетарская солидарность и классовая борьба! Да здравствует революционный пролетариат и российская социал-демократическая партия»⁶².

Полиция заслала своих людей в большевистские организации и, считая, что рабочие беспорядки «угрожают нормальному течению государственных дел» и военным успехам, продолжала арестовывать членов Петербургского комитета. Происшествия на Путиловском заводе явились темой запроса в Думе от 7 марта 1916 года. Военный министр Поливанов произнес патриотическую речь. Дума приняла решение обратиться как к рабочим, так и к промышленникам с призывом добровольно, с воодушевлением и с сознанием своей ответственности исполнить гражданский долг.

После ареста зачинщиков забастовки на Путиловском заводе, и возможно, по их же приказу, переданному в последнюю минуту, волнения в Петрограде на время стихли, но только для того, чтобы возобновиться и усилиться в течение следующих месяцев. В феврале 1917 года они вылились в настоящее народное восстание.

Здесь следует провести сравнение между забастовками и демонстрациями в Петрограде в январе 1916 года и тем, что делалось приблизительно в то же время в Николаевских корабельных доках в устье Днепра, где строились два больших дредноута для черноморского флота⁶³.

В январе 1916 года, одновременно с забастовками и демонстрациями в Петрограде, началась забастовка в корабельных доках в Николаеве. Беспорядки продолжались до тех пор, пока 23 февраля мастерские не были закрыты.

История забастовки довольно подробно излагается в секретном донесении вице-адмирала Муравьева, найденном в архивах Совета министров и процитированном Флеером⁶⁴. Чрезмерные требования, предъявленные рабочими в самом начале забастовки, и дальнейший ее ход убедили Муравьева в том, что в действительности это была политическая забастовка, организованная под видом экономической. Согласно изложению Муравьева, этот факт не был учтен ни полицией, ни рабочей инспекцией, ни каким-либо другим государственным учреждением. Администрация

начала постепенно делать одну уступку за другой, что было большой ошибкой, приведшей к дальнейшим беспорядкам и закрытию доков.

В доказательство того, что забастовка имела скрытую политическую цель, Муравьев сообщает следующее:

«Действительно, характер предъявленных рабочими требований оказывается, с одной стороны, принципиально неприемлемым ни для какого завода, а с другой стороны — эти заявленные неприемлемые требования по своей форме, размеру и времени заявления вполне совпадают с таковыми на петроградских заводах⁶⁵. Далее, то невыносимое материальное обеспечение, которое побуждает рабочих доков "Наваля" объявить забастовку, одновременно с тем вполне удовлетворяет мастеровых находящегося во вполне идентичных условиях соседнего с ним завода "Рассуд", управление которого состояло из тех же людей».

Этот анализ Муравьева повторяет меморандум Гельфанда, хотя Муравьев о нем, конечно, никогда не слышал. Гельфанд писал:

«Особое внимание должно быть обращено на Николаев, где доки работают очень напряженно, чтобы выпустить два больших военных корабля. Надо сделать все возможное, чтобы поднять там забастовку. Не нужно, чтобы эта забастовка имела политический характер, она может выдвинуть чисто экономические требования»⁶⁶.

Адмирал Муравьев заканчивает осторожно:

«Вопрос о том, является ли эта политическая забастовка результатом деятельности врагов существующего порядка, левых партий, или же здесь действуют враги государства (Германия), должен быть оставлен открытым».

Русское правительство уже в течение нескольких месяцев знало, кем направлялась революционная пропаганда среди рабочих доков. Морской министр Григорович доложил председателю Совета министров в письме от 28 апреля 1915 года (всего восемь недель спустя после представления Гельфандом меморандума в Берлине):

«По новейшим дошедшим до меня сведениям, появление прокламаций является результатом действий агентов воюющих с нами держав, не останавливающихся ни перед какими неблагородными мерами».

Через четыре месяца, 26 августа 1915 года, на памятном заседании Совета министров, на котором обсуждался вопрос о роспуске Думы, Григорович заявил:

«По моим сведениям, в случае роспуска Думы беспорядки неизбежны. Настроение рабочих очень скверное. Немцы ведут усиленную пропаганду и заваливают деньгами противоправительственные организации. Сейчас особенно остро на Путиловском заводе»⁶⁷.

Свидетельство Григоровича не вызвало сенсации в Совете министров: очевидно, министрам было известно, что немцы подогревают рабочие волнения и готовят массовый взрыв.

Забастовка в Николаеве в феврале 1916 года была подавлена полицейскими и военными мерами — закрытием морской верфи и мобилизацией забастовщиков.

То обстоятельство, что беспорядки, начавшиеся в Петрограде и Николаеве в 1916 году, не перешли в революцию, было, очевидно, тяжелым ударом для Гельфанда. Тем не менее, он не стал приукрашивать положение и не скрыл, что не выполнил обещания, данного Брокдорф-Ранцау в декабре. В докладе от 23 января Брокдорф-Ранцау упоминает, что Гельфанд в разговоре с ним объяснил, что провоцировать революцию в данный момент неблагоприятно, так как ситуация изменилась. Гельфанд указал на следующие обстоятельства, объясняющие его позицию: а) возросшее сопротивление буржуазной оппозиции против немедленной революции; б) призыв некоторых рабочих вождей на военную службу; в) особые меры, принятые правительством для улучшения снабжения Петрограда; г) опасения революционеров, что они потеряют контроль над массами и движение превратится в анархию, а тогда правительство легко подавит восстание⁶⁸.

Бадаев подтверждает один из приводившихся Гельфандом доводов, почему попытка революции оказалась неудачной, — некоторые рабочие лидеры были против забастовки. Он пишет:

«В начале февраля началась забастовка на металлургическом заводе, но два цеха не стали бастовать. Ликвидаторы в этих цехах предложили обратиться к Гвоздеву в военно-промышленный комитет за разрешением на забастовку, и военно-промышленный комитет нашел проведение забастовки неправильным и предложил ее прекратить, но рабочие все же продолжали».⁶⁹

Но общее положение в Петрограде в оценке таких революционеров, как Бадаев, как будто подтверждало уверенность Гельфанда, что шансы на успех революции очень велики. Бадаев писал в марте 1916 года:

«В общем, жизнь здесь кипит. Среди печатников не работают 9 предприятий — рабочие бастуют. Эстонские социал-демократические организации имеют связь с организациями в других городах. Выходят часто летучки здесь. Получены летучки из Нарвы (с.-д.)»⁷⁰.

И действительно, с начала 1916 года забастовочное движение давало себя знать не раз, особенно интенсивно было в июне, июле и октябре, а в феврале 1917 года разразилось массовым революционным натиском.

Советские историки необычайно сдержанно говорят о развитии забастовочного движения в эти месяцы. Полицейские архивы были опубликованы лишь частично. Важно отметить, что документы германского Министерства иностранных дел за период с февраля 1916 года по февраль 1917 года не содержат указаний на какие бы то ни было действия, предпринятые Гельфандом, или на какие-либо суммы, переданные ему на нужды революции. Однако ошибочно было бы предполагать, что Гельфанд из-за неудачи 9 января 1916 года отказался от намерения революционизировать Россию. Он, по собственным его словам, вовсе не был уверен, что успех обеспечен заранее, несомненно было только то, что России уже не обрести былой устойчивос-

ти. Брокдорф–Ранцау докладывал 23 января, что решимость организации Гельфанда к осуществлению дальнейших революционных акций тверда и неизменна. Но как тогда объяснить, что в архивах министерства не сохранилось никаких следов переговоров или переписки с Гельфандом по столь важному вопросу?⁷¹

Неудача, которую потерпел Гельфанд, особенно в глазах подозрительного скептика фон Ягова, очевидно, заставила его остерегаться прямых контактов с министерством по поводу русских дел. К тому времени торговое дело Гельфанда невероятно расширилось и расцвело. Деньги текли рекой, и часть доходов, полученных от нелегальной продажи в России лекарств, противозачаточных средств, карандашей и косметики, там же и оставалась. Назначение этих денег осталось тайной⁷². Торговля, центр по изучению экономики и журналистская деятельность Гельфанда были тесно связаны между собой и служили одной главной цели — разрушению Российской империи. В середине 1916 года Гельфанд не нуждался в субсидиях министерства, а значит, мог и не отчитываться в своих действиях, не подвергаться мелким придиркам и держать при себе те сведения, которые благоразумно было утаить и от немцев. Он уже убедился, что стены министерства не непроницаемы, и предпочел финансовую независимость, которая, в отличие от министерских субсидий, не влекла за собой переписки. Несмотря на отсутствие каких бы то ни было доказательств в архивах германского Министерства иностранных дел, упорный характер забастовочного движения в России в 1916 году и в начале 1917 года наводит на мысль, что оно руководилось и поддерживалось Гельфандом и его агентами. Ни один из его агентов в Петрограде или Николаеве не был выявлен. Благодаря постоянному увеличению немецкого нелегального импорта в Россию предприятия Фюрстенберга–Ганецкого процветали и спекуляция принимала все большие размеры.

Наше предположение, что торговая деятельность Гельфанда, сама по себе значительная, служила серьезным подспорьем в достижении его политических целей, подтверждается докладом немецкого ревизора, проверявшего одно из отделений фирмы Гельфанда, которым управлял Георг Скларц. Ревизор был очень удивлен «невероятными трансакциями», которые проводил Скларц, нарушая немецкие торговые законы военного времени, но с ведома и при одобрении германского Министерства иностранных дел. Ревизор счел своей обязанностью спросить, не потому ли на эти операции смотрят сквозь пальцы, что «Скларц может быть полезен Министерству иностранных дел в разрешении других задач?»⁷³.

К е с к ю л а

Между тем немцы рассчитывали вовсе не на одного только Гельфанда. Они использовали также ряд других агентов, не связанных с ним. Следили за их деятельностью офицеры связи политического отдела Генерального штаба, например, Штейнвакс.

Некоторые агенты были просто жуликами, другие, как Цивин (псевдоним Вайс) и его помощник Левинштейн (известный также как Блау), были малоэффективны.

С Гельфандом по значению можно сравнить только Александра Кескюла, о котором упоминалось выше. Обратив внимание немцев на Ленина, Кескюла в конце 1915 года приехал в Стокгольм, чтобы наладить контакты с революционерами в России. В противоположность Гельфанду, он не имел собственных средств, его отношение к русской революции тоже было совершенно иным. Его интересовала независимость Эстонии, и он был против как германской, так и русской гегемонии в его маленькой стране. Он был очень низкого мнения об организаторских способностях русских революционеров, выделяя одного Ленина, но полагая, что ими может управлять «небольшой организаторик», — так он определял свою роль. По приезде в Стокгольм Кескюла добился влияния на местный комитет большевиков через посредство его секретаря Боровского. Он субсидировал деятельность комитета по печатанию листовок и брошюр для тайной пересылки их в Россию. Он организовал также для датского социал-демократа Альфреда Крузе, считавшегося журналистом, поездки в Россию от имени Гельфанда и Кескюлы. Крузе дважды ездил в Россию с письмами Бухарина к его жене и с различными поручениями большевистского бюро в Стокгольме большевистским организациям Москвы и Петрограда. Он встречался с большевистскими организациями в Петрограде, об этом говорится в воспоминаниях рабочего Кондратьева, опубликованных в «Красной летописи»⁷⁴. Крузе привез обратно важные материалы от петербургского комитета; некоторые из них были использованы в ленинской газете «Социал-демократ»⁷⁵. В течение весны и лета 1916 года петроградские большевики через организацию Кескюлы получали революционную литературу из-за границы. Копии этих брошюр — «Дороговизна и война», «Кому нужна война» и бухаринская «Война и рабочий класс», — были переданы в германское Министерство иностранных дел⁷⁶.

Политика Германии после февраля 1917 года

Неоправдавшаяся попытка спровоцировать в России революцию заставила немцев снова обратиться к идее сепаратного мира. Во второй половине 1916 года ход военных действий не мог радовать немецких дипломатов. Документы Министерства иностранных дел подтверждают, что Германия все время боялась отступничества своих союзников и прилагала отчаянные усилия, чтобы улучшить стратегическое положение, добившись сепаратного мира с любой страной Антанты. Летом 1916 года была сделана новая попытка обратиться к Николаю II через датский двор, но эта попытка не удалась (как говорилось выше, Николай II ответил королю Христиану, что мир может быть только общим). Немцы возлагали большие надежды на встречу Фрица Варбурга с членами русской парламентской делегации, графом Олсуфьевым и А. Д. Протопоповым⁷⁷, ездившими к союзникам. Кроме того, были сделаны новые

попытки заставить русское правительство вступить в переговоры (при посредничестве шведов — «операция Валленберг», и болгар — «операция Ризов») ⁷⁸. О том, как отчаянно хотели некоторые круги в Германии добиться сепаратного мира, можно судить по невероятному плану, предложенному немецким промышленником Фрицем Тиссенем Министерству иностранных дел через депутата Эрцбергера, — купить согласие России на сепаратный мир, предложив ей норвежский Нарвик и северные скандинавские рудники. Это довольно значительная жертва со стороны Германии, замечал Тиссен (sic!), но ее можно компенсировать аннексией французских рудников в Бриэй ⁷⁹. В это время Колышко, поощряемый немцами, пытался купить в России газеты, чтобы развернуть агитацию за сепаратный мир, а германское Министерство иностранных дел живо интересовалось проникновением в Россию пораженческих идей в циммервальдском обличье; особый его интерес вызвали статьи Суханова в «Летописи», которые с помощью Горького были опубликованы в Петрограде. Автор, пользуясь эзоповским языком, развивал идеи пораженчества.

В середине декабря 1916 года центральные державы открыто предложили мирные переговоры странам Антанты. Предложение было сделано в резкой и надменной форме и совершенно не устраивало союзников. Цель, очевидно, состояла в том, чтобы посеять рознь между странами Антанты, особенно между западными союзниками и Россией. Но этот план рухнул, потому что Дума заняла в высшей степени патриотическую позицию, и тогда Германия оставила мысль о сепаратном мире и сделала ставку на «революционизирование» России и подводную войну с Западом.

Немцы, без сомнения, полагали, что много воды утечет, прежде чем направленные на раскол России интриги и пропаганда дадут ощутимые плоды. Поэтому для них крушение царского режима, которое, можно сказать, венчало их собственные неустанные усилия, оказалось не меньшей неожиданностью, чем для всех остальных, в том числе для большевиков.

Февральская революция помогла немцам уяснить себе, какой тактики следует придерживаться по отношению к России. Идея сепаратного мира вскоре была отброшена, потому что Временное правительство решительно выступило за верность союзникам. Таким образом, следовало ставить на революцию, и Германия стала поддерживать единственную русскую пораженческую партию — партию большевиков. А так как вначале эта партия была слаба и дезориентирована, пришлось принять чрезвычайные меры, отчего контуры подстрекательской политики Германии и выступили более четко. Вот почему необходимо обратиться к тем действиям, которые были предприняты Германией уже после февральских событий.

В течение ряда лет, до февраля 1917 года, сознательные усилия Германии спровоцировать революцию в России сводились к подстрекательству и поддержке рабочих беспорядков — в надежде на то, что они перерастут, как думал Гельфанд, в действительное, политически направленное движение. Германия тогда не пыталась об-

рабатывать революционных лидеров ни в эмиграции, ни в России. Во время войны об этом нечего было и думать. Любое подозрение в непосредственном контакте с германскими властями дискредитировало бы каждого, кто по глупости мог поставить себя в такое положение. Как немцы, так и революционеры прекрасно это понимали.

Но после успеха Февральской революции и возникновения двух соперничающих органов власти — Временного правительства и Петроградского Совета — немцы встретились с новой ситуацией. Германия не пыталась оказывать прямого давления на эти органы, за исключением, быть может, использования таких посредников, как М. Козловский (правая рука Фюрстенберга–Ганецкого), который стал членом Исполнительного комитета Петроградского Совета в момент его образования.

Немцы, кроме того, боялись, что горячий энтузиазм, с которым население России встретило смену режима, приведет к созданию своего рода «священного союза», и что это обновит военную мощь России. Даже большевистские лидеры, Каменев и Сталин, вернувшиеся из Сибири, были заражены этими настроениями и, казалось, готовы были считать продолжение войны с Германией частью борьбы за новую свободу. Лозунг «Долой войну!», которым пользовались для агитации в массах до Февральской революции, был временно снят, чтобы не расколоть революционное движение и не лишиться поддержки как буржуазии, так и армии.

Германские власти считались с той опасностью, что революция может вылиться в патриотический подъем. Об этом предупреждали их русские советники, кроме того, опасения усиливались фактом немедленного признания и даже одобрения западными союзниками нового режима. Необходимы были немедленные действия, чтобы не потерять исключительных возможностей, предоставленных переворотом. С точки зрения германских властей, как и с точки зрения Ленина, ничего не могло быть хуже консолидации правительства Милюкова и Гучкова.

В это время для Германии сразу же возросло значение таких людей, как Гельфанд и даже Цивин. Возможно, их роль стала особенно важна в связи с неожиданным отступничеством Кескюлы. В письме к Штейнваксу, отмеченном некоторой манией величия, он объявил, что отходит от немцев, что их дороги теперь разошлись, но что он все же оказал им большую услугу, обратив их внимание на Ленина⁸⁰.

Германское Министерство иностранных дел прекрасно сознавало, что энтузиазм февральских дней может возродить дух национального единства, и, чтобы помешать этому, следует поддержать любую фракцию, как бы ни была она мала и незначительна, если эта фракция выступает против продолжения войны. Интересно, что прежде всего немцы думали использовать бывшего депутата Четвертой думы большевика Малиновского. От этого, однако, сразу пришлось отказаться: в Петрограде были открыты архивы тайной полиции, и председатель Думы Родзянко объявил, что Малиновский на протяжении всей своей думской карьеры служил тайным осведомителем охранки. Тогда германские власти целиком перенесли свое внимание на Ленина.

Возвращение Ленина

Ошеломляющую новость — весть о начале революции в России — Ленин узнал 14 марта (по новому стилю) от австрийского социал-демократа Бронского. К 16 марта пришли официальные подтверждения из Петрограда. Новость была совершенно неожиданная, однако Ленин сразу понял, какое значение она имеет в его судьбе. Он не позволил себе того безумного восторга, с которым приняли революцию русские революционеры в России и за границей. Первая его реакция была жесткой, в ней прежде всего видна решимость продолжать борьбу. 16 марта он писал Коллонтай:

«Сейчас получили вторые правительственные телеграммы о революции 1(14) марта в Питере. Неделя кровавых битв рабочих, и Милюков + Гучков + Керенский у власти!! По "старому" европейскому шаблону...

Ну, что ж! Этот "первый этап первой (из порождаемых войной) революции" не будет ни последним, ни только русским. Конечно, мы останемся против защиты отечества, против империалистской бойни, руководимой Шингаревым + Керенский и К⁰.

Все наши лозунги те же.

...Главное теперь — печать, организация рабочих в революционную социал-демократическую партию... Величайшим несчастьем было бы, если бы обещали теперь кадеты легальную рабочую партию и если бы наши пошли на "единство" с Чхеидзе и К⁰.

Но этому не бывать. Во-первых, кадеты не дадут легальной рабочей партии никому, кроме гг. Потресовых и К⁰⁸¹. Во-вторых, если дадут, мы создадим по-прежнему свою особую партию и обязательно соединим легальную работу с нелегальной...

Непрененно более революционная программа и тактика (элементы ее у К. Либкнехта, у "Socialist Labor Party"* , в Америке, у голландских марксистов и т. д. есть) и непременно соединение легальной работы с нелегальной».

Далее Ленин впервые выдвигает лозунг о том, что власть должны захватить «Советы рабочих депутатов» (а не «кадетские жулики»). Ленин заканчивает письмо нетерпеливой ремаркой: «...После "Great Rebellion" 1905–го — "Glorious Revolution" 1917 года!...»**.

Набрасывая этот свой первый революционный манифест, Ленин не подозревал, как трудно будет в первые недели Февральской революции найти в России деятельность, которая считалась бы нелегальной.

Ленин уже давно ясно дал понять — своим сторонникам и друзьям, а через них и германскому правительству, — что будет бороться против оборонительной войны даже после падения царской власти. В своем прощальном обращении к швейцар-

* «Социалистическая партия труда»

** После «великого мятежа» 1905 г. — «славная революция» 1917 г.

ским рабочим, написанном перед отъездом в Россию, Ленин упоминает декларацию, опубликованную в его «Социал-демократе» 13 октября 1915 года, добавляя:

«Мы сказали там, что если в России победит революция и у власти окажется республиканское правительство, желающее продолжать империалистскую войну, войну в союзе с империалистической буржуазией Англии и Франции, войну ради завоевания Константинополя, Армении, Галиции и т. д., то мы будем решительными противниками такого правительства, мы будем против "защиты отечества" в такой войне. Приблизительно такой случай наступил. Новое правительство России, которое вело переговоры с братом Николая II о восстановлении монархии в России, и в котором главнейшие, решающие посты принадлежат монархистам Львову и Гучкову, это правительство пытается... выдать за "оборонительную" ... свою империалистскую войну с Германией, — выдать за "защиту" русской республики... защиту хищнических, империалистских, грабительских целей капитала русского, английского и проч.»⁸².

Это заявление сильно впечатлило германское правительство, и началась деликатная операция по переправке Ленина и его единомышленников поближе к революционной петроградской суматохе. Несущественно, кто был инициатором переговоров о возвращении Ленина через Германию. Главное, что все стороны достигли полного согласия⁸³. Швейцарский министр иностранных дел, социал-демократ Говман, состоявший в тесном сотрудничестве с германским правительством, свел Роберта Гримма, издателя «*Berner Tagwacht*», с предполагаемыми путешественниками. Но еще в начале января у Ленина произошла с Гриммом резкая ссора, он обвинял его в швейцарском «социал-шовинизме». Поэтому Гримм был заменен другим посредником, швейцарским социал-демократом Фрицем Платтенем. Его платформа была ближе к ленинской, кроме того, он состоял в наилучших отношениях с Ромбергом, германским посланником в Берне.

Нет надобности подробно повторять историю этого путешествия⁸⁴. Германское правительство вполне понимало, как опасна эта операция, понимало оно также, что явное внимание к возвращающимся может скомпрометировать Ленина в России, а это противоречило его интересам. Поэтому германские власти действовали с чрезвычайной, и даже необычайной, осторожностью⁸⁵. Один из приемов, которым немцы старались замаскировать свое намерение, было включение в первый поезд (а потом и в следующие) нескольких социалистов-неленинцев. Интересно отметить, что Ленин придавал мало значения всем этим предосторожностям: по прибытии в Петроград он открыто объявил, что германское правительство пропустило его ради собственных империалистических целей, а он только воспользовался этим. По пути в Россию Ленин тщательно избегал всяких встреч с германским социал-демократическим большинством. Еще более упорно избегал он встречи с Гельфандом, хотя Гельфанд очень старался встретиться с ним во время остановки в Стокгольме. Но, с другой стороны, он виделся с Фюрстенбергом-Ганецким, который вместе с Радеком

и Воровским набросал и подписал заявление, что между Лениным и Гельфандом встречи не было⁸⁶. С Фюрстенбергом Ленин, считавший его верным другом и членом партии, обсуждал партийно-организационные вопросы.

После однодневной остановки Ленин и его группа проследовали в Хапаранду, на шведско-финской границе. Платтен намеревался вместе с ним проехать в Россию, чтобы засвидетельствовать прибытие Ленина в Петроград. Но случилось иначе: на границе, как он сообщил в своем отчете Ромбергу, его задержали находившиеся там сотрудники британской разведки⁸⁷. Однако Платтен был посвящен в планы, разрабатывавшиеся Лениным с Фюрстенбергом и Радеком. Вернувшись в конце апреля в Берн, Платтен представил Ромбергу подробный отчет о поездке и подчеркнул, что «эмигранты» не имеют средств для пропаганды, тогда как средства их врагов неограниченны⁸⁸. Ромберг немедленно инструктировал помощника военного атташе Нассе найти возможность переправить деньги возвратившимся. Одновременно Ромберг запросил свое министерство: «Поддерживаются ли революционеры другими средствами?». Граф де Пурталес, сотрудник Министерства иностранных дел, дал Ромбергу устный ответ, и документов об этом нет⁸⁹. Но имеется отчет Нассе Ромбергу, в котором говорится, что какой-то «господин Байер» немедленно вступил в контакт с большевиком Григорием Шкловским и меньшевиком Павлом Аксельродом, еще остававшимся в Швейцарии, и выяснил, что для них финансовая помощь приемлема в том случае, если она поступит как дар из «неизвестного источника» и если будут соблюдены некоторые технические детали⁹⁰. К сожалению, в документах германского Министерства иностранных дел в этом месте имеется пробел относительно деятельности Нассе и таинственного господина Байера. Если полагаться исключительно на этот источник, то может показаться, что переговоры Байер — Нассе ни к чему не привели. Есть, однако, доказательства, что это не так.

Каналы и источники

Во время Первой мировой войны германское правительство использовало в качестве советников и агентов немало лиц из академической среды. Среди них был некто Густав Майер, получивший известность как биограф Энгельса и издатель писем Лассала. Широкие связи этого человека с социалистами Европы делали его услуги очень ценными, особенно в отношении Бельгии: германское правительство очень хотело выяснить, как деятели Второго Интернационала примут германское решение бельгийской проблемы. В мае 1917 года Майер предложил германскому Министерству иностранных дел свое присутствие на предстоящей социалистической конференции в Стокгольме, с целью возобновления личных связей, и министерство поручило ему составить отчет о конференции. Майер, кроме того, поддерживал знакомство со многими ответственными чиновниками в Берлине, настоящая дружба связывала его с помощником военного атташе Нассе, о котором мы говорили выше.

После смерти Майера были опубликованы его мемуары⁹¹. Основываясь на своих дневниках того времени, а также на письмах к жене, Майер пишет, что незадолго до отъезда в Стокгольм, в конце мая, он встретился с крупным чиновником министерства финансов Морицем фон Земишем. Земиш просил помощи Майера в деле «чрезвычайной политической важности», причем следовало соблюдать абсолютную секретность, даже в отношении Министерства иностранных дел. По приезду в Стокгольм Майер должен будет встретиться с известным ему лицом — им оказался Нассе — и оказать ему требуемую услугу. Майер согласился, полагая, как он не совсем искренне пишет, что это не может втянуть его в какое-то бесчестное предприятие.

Когда Майер встретился с Нассе в Стокгольме, он понял, что ему отведена роль почтового ящика. Какие-то неизвестные лица приносили ему письма, документы, а иногда и деньги⁹². Одновременно Майер поддерживал тесный контакт с Фюрстенбергом и Радеком, которые в то время жили со своими женами на роскошной вилле в фешенебельном предместье Стокгольма. Майер в своей книге не пытается объяснить, чем занимался Нассе, и не упоминает о его связях с большевиками. Из его повествования ясно, однако, что в это же время в Стокгольме находился Карл Моор, тот самый Карл Моор, который так помог Ленину, когда он и его группа приехали без документов в Швейцарию в сентябре 1914 года.

Если вспомнить, что за несколько недель до этого Нассе, по поручению Ромберга, зондировал почву в Берне, выясняя, каким путем можно передать большевикам деньги, то с уверенностью можно сказать, что стокгольмская конспирация, в которую был вовлечен Майер, служила той же цели — финансированию большевиков. Более того, Байер, сносившийся со Шкловским и Аксельродом и объяснявший Ромбергу, при каких условиях могут быть переданы большевикам деньги, был не кто иной, как Карл Моор, бросившийся в Стокгольм на помощь Нассе⁹³.

Склад ума у тайных агентов особенный: что-то побудило Густава Майера незадолго до смерти — он умер в Лондоне, в эмиграции — рассказать о своей связи с Нассе, однако о сути их совместной деятельности он ничего не сказал. Мемуары Майера были опубликованы в 1949 году, и тогда никто еще не знал, чем, собственно, занимался Нассе. Только публикация архивов показала, что он имел прямое отношение к «политике революционизирования», она же дала возможность установить, что господин Байер и бывший редактор «*Berner Tagwacht*» Карл Моор, он же член Бернского союзного совета, — это одно лицо; без архивов вполне оценить значение мемуаров Густава Майера было просто невозможно.

Тот факт, что именно чиновник Министерства финансов Германии Мориц фон Земиш предложил Майеру сотрудничать с Нассе, дополняет картину операции, проводившейся в Стокгольме в мае—июне 1917 года. Земиш не был ни сотрудником Министерства иностранных дел, ни, насколько нам известно, сотрудником политического отдела Генерального штаба. Он просто работал в Министерстве финансов, в

котором и жил во время войны в качестве «Schlafbursch», т. е. зрителя, как он в шутку говорил. И он, и Нассе были близкими родственниками тогдашнего министра финансов графа Редерна. То обстоятельство, что Земиш специально оговорил необходимость держать в тайне характер деятельности Нассе, в связи с ее чрезвычайной государственной важностью, даже от Министерства иностранных дел, показывает, что вся операция была организована непосредственно Министерством финансов, и притом не совсем обычным способом⁹⁴.

Тем временем Ленин с нетерпением ждал «писем, пакетов и денежных переводов»⁹⁵, о которых он договорился с Фюрстенбергом во время остановки в Стокгольме. Его письмо по этому поводу от 12 апреля по старому стилю опубликовано в Собрании сочинений с редакционным примечанием, что деньги, о которых идет речь, это остаток принадлежавшей Центральному Комитету суммы⁹⁶. Сноска, конечно, не соответствует истине. У партии зимой 1916–1917 года не было денег даже для издания журнала «Сборник социал-демократа». Трудно, однако, утверждать, что Ленин с таким нетерпением ждал именно тех поступлений, которые проходили через руки Густава Майера и Нассе. Имеется, тем не менее, достаточно косвенных доказательств, подтверждающих предположение, что средства, переданные Нассе в июне 1917 года, были предназначены для большевистской пропаганды в России. Ясно, что именно об этом периоде говорит в телеграмме кайзеру Кюльман (телеграмма от 3 декабря 1917 года), перечисляя успехи германской «политики революционирования»: «Большевики смогли создать свой центральный орган, "Правду", проводящий энергичную пропаганду и заметно расширяющий базу их власти, только после того, как стали постоянно получать от нас, по разным каналам и из разных источников, материальные средства»⁹⁷.

Ситуация внезапно изменилась после преждевременного и неудачного большевистского выступления 3 июля 1917 года. Несмотря на все предосторожности со стороны большевиков и германских властей и их агентов, французская и британская разведки скоро насторожились по поводу поддержки Германией антисоюзнической и пораженческой пропаганды в России. Союзные разведки сообщили о полученной ими информации Временному правительству — русская разведывательная служба к тому времени была совершенно загублена. Первые предостережения о вероятности контактов между Лениным и немцами были переданы Керенскому французским министром-социалистом Альбером Тома⁹⁸. Когда Временное правительство объявило большевистских лидеров немецкими агентами, это вызвало цепную реакцию всяких домыслов, мы, однако, не можем анализировать их в контексте этой книги. Достаточно указать, что нарушением связи между Стокгольмом и Петроградом, последовавшим после опубликования материалов, обвиняющих Ленина, Зиновьева, Гельфанда, Фюрстенберга, Суменсон⁹⁹ и Козловского, были, очевидно, перекрыты некоторые из тех «каналов и источников», о которых упоминал Кюльман.

«Невероятная клевета» и еще более невероятные опровержения

Троцкий называет июль—август 1917 г. месяцем «невероятной клеветы». Но он же был месяцем энергичных опровержений. Как только немцам стало известно, что Гельфанда обвиняют в финансовой помощи большевикам, они захотели добиться от него немедленного опровержения. К несчастью, неизвестно было, где он находится. Оказалось, что он в Швейцарии, и у чиновников Ромберга ушло много времени на то, чтобы установить с ним контакт и убедить подписать нотариально заверенное заявление.

Ленин в свою очередь давил на Фюрстенберга, чтобы тот «опроверг ложь» о немецких деньгах. Есть некоторые основания думать, что Фюрстенберг боялся слишком много отрицать, т. к. в случае привлечения большевистских лидеров к суду его могли уличить во лжи. Двоюродная сестра Фюрстенберга, госпожа Суменсон, один из его компаньонов по экспортно-импортным операциям в России, была арестована. И хуже того — был арестован Козловский, через которого Фюрстенберг поддерживал связь с Петроградским Советом, с которым он вел дела в Копенгагене, и у Фюрстенберга не было гарантий, что Козловский не заговорит. Даже Ленин находил, что лучше отрицать близкую связь с Козловским; он заявил в своем негодующем опровержении «русского дела Дрейфуса», что «это клевета, направленная против него и большевиков контрреволюционерами и их сообщниками».

И в этой ситуации Фюрстенберг и Радек сделали очень неосторожный шаг. 31 июля они опубликовали в своем информационном бюллетене (он выходил в Стокгольме по-немецки под названием «Russische Korrespondenz "Prawda"»*) статью, в которой Фюрстенберг назывался одним из компаньонов Гельфанда. Это понятная форма защиты. Но дальше делалось изумительное признание: свои доходы Фюрстенберг передавал партии, т. е. социал-демократической партии оккупированных немцами Польши и Литвы¹⁰⁰.

Заявление Фюрстенберга, которое в то время прошло незамеченным, может показаться лишним и ненужным. И тем не менее это никак не вынуждавшееся признание вполне обретает смысл, если вспомнить, что Фюрстенберг не переставал бояться показаний Козловского. Ведь тот мог не выдержать допросов и сообщить, что он получил от Фюрстенберга деньги для большевистской партии¹⁰¹. Страхи Фюрстенберга были напрасны. Следствие, начатое Временным правительством, встретило яростную оппозицию не только со стороны большевиков и Петроградского Совета, но и со стороны многих правых социалистов. Оно было прекращено, так и не дав никаких результатов, в сентябре 1917 года, после корниловского мятежа.

* Русские корреспонденции «Правды».

Связь между Нассе и Карлом Моором, очевидно, прервалась после июльского выступления и последовавших вслед за ним обвинений против большевиков. Густав Майер в конце июля или в начале августа оставил Стокгольм, так что в мемуарах ему нечего больше было сказать об интригах, в которых он играл пассивную, но важную роль¹⁰². Мы можем, однако, допустить, что Нассе не был обескуражен случившимся. В конце концов, провал большевиков в июле не упрочил положение России. Ленин и Зиновьев скрылись в подполье, и Временное правительство, не имевшее эффективной полиции, не могло напасть на их след, несмотря на то, что большевики то и дело навещали своих вождей. После разгрома штаб-квартиры большевиков во дворце Кшесинской партия почти полностью перешла на подпольную работу. При таких обстоятельствах деньги были особенно нужны, и в интересах Германии было продолжать помощь.

В это время необходима была чрезвычайная осторожность, и Ленин непрерывно напоминал об этом своим сторонникам. В письме к Бюро Центрального Комитета за границей, посланном в августе из Хельсинки¹⁰³, он настаивал, чтобы Фюрстенберг сделал полное опровержение обвинений.

В том же письме Ленин предостерегает против контактов с Карлом Моором, который, как он слышал, вернулся в Стокгольм. «Что за человек этот Карл Моор?» — риторически спрашивал он. Хотя, конечно, после швейцарских встреч и сам мог ответить не хуже других.

Беспокойство Ленина о дальнейших контактах большевиков с Моором было, несомненно, продиктовано опасением, что неуклюже и неубедительно выдвинутое против него Временным правительством в июле обвинение может получить подтверждение вследствие необдуманных действий его споспешников. Ленин был прав, потому что Моор уже выискивал средства для возобновления передачи денег большевикам. Через большевика Семашко он предложил заграничному Центральному Комитету некоторую сумму. Об этом упоминается в протоколах Центрального Комитета партии большевиков от 24 сентября 1917 года. Самое предложение не фигурирует в протокольной записи, но в пункте 6 передается итог дискуссии. Вот его несколько запутанный текст:

«6) Заслушав сообщение о предложении денег, принята следующая резолюция:

ЦК, заслушав сообщение т. Александрова [Семашко] о сделанном швейцарским социалистом К. Моором предложении передать в распоряжение ЦК некоторую сумму денег, ввиду невозможности проверить действительный источник предлагаемых средств и установить, действительно ли эти средства идут из того самого фонда, на который указывалось в предложении, как на источник средств Г. В. Плеханова, а равным образом проверить истинные цели предложения Моора, — ЦК постановил: предложение отклонить и всякие дальнейшие переговоры по этому поводу считать недопустимыми».

Если мы отвергнем как грязную сплетню намек на то, что Плеханов получал субсидии из того источника, который теперь был готов оказать финансовую поддержку большевистскому Центральному Комитету, то остается сам факт, что Моор сделал предложение о деньгах. То, что отклонение денег было тщательно запротоколировано, показывает, как важно было в то время для большевиков опровергнуть все обвинения в получении помощи из сомнительных источников. Но все это вовсе не доказывает, что деньги не были получены. Опубликованные протоколы Центрального Комитета¹⁰⁴ содержат специальное примечание, что «по наведенным позднее Истпартом справкам, Карл Моор предлагал денежные средства из полученного им неожиданного большого наследства». Это примечание и последующая карьера Карла Моора¹⁰⁵ позволяют предположить, что он продолжал снабжать большевиков деньгами.

Последнее опровержение исходило от Радека. Странно замешкавшись вначале, Радек решил теперь построить свое опровержение на разоблачении некоего Лео Винца, которого немецкое посольство в Копенгагене использовало как канал для распространения ложной информации и слухов в русской печати. Радек хотел доказать следующее: обвиняя Ленина, кадетские круги Петрограда пользовались слухом, пущенным Лео Винцем, который сам работает на немцев. План Радека отличался изобретательностью: если будет доказано, что Германия сама начала кампанию, обвиняющую Ленина в том, что он немецкий шпион, то Ленин будет полностью оправдан. Но Радек не учел основательности германской бюрократической машины. В сентябре Радек говорил о своем плане защиты Ленина Густаву Майеру, который немедленно сообщил об этом германскому пресс-атташе в Копенгагене Казну. Радека пригласили приехать в Копенгаген и встретиться с Казном, который убедил Радека, что разоблачение Лео Винца может оказаться обременительным для Германии и при этом ничего не даст самому Радеку. Казн пишет:

«Мне удалось убедить его [Радека], что большая часть данных, которые он приводит, не соответствует действительности. Потом часть их была опубликована в Германии и распространялась среди коммунистов в Стокгольме, русских и нерусских. Но и в опубликованной части было много расхождений с действительными фактами. Кампания, которую Радек предполагал начать в шведской печати, была прекращена»¹⁰⁶.

Этот странный рассказ Казна подтверждается его докладом о разговоре с Брокдорфом-Ранцау (в книге приводится факсимиле доклада).

Подведем итог запутанной истории о «великой клевете». Ленин был впервые обвинен Временным правительством на основании информации, полученной от западных разведок. Его обвинили в том, что он шпион и платный агент Германии. Ленин защищал себя утверждением, что никогда не получал ни копейки от Фюрстенберга и что Козловский вовсе не был членом его партии. Оба эти утверждения оказались совершенно ложными¹⁰⁷. Затем Ленин потребовал, чтобы Фюрстенберг и Радек дали опровержения. В июле Фюрстенберг сделал свое полуопровержение в «Russische

Korrespondenz "Prawda"», а через несколько недель Радек пытался пустить версию, что обвинение против Ленина было работой профессионального германского торговца слухами — Лео Винца. Радек встретился с Казном, который убедил его отказаться от обвинения Лео Винца, и в результате немецкого демарша Радек задержал публикацию своих опровержений, и они в значительно сокращенном виде были опубликованы гораздо позже, когда дело уже не имело для большевиков практического значения. Факт связи Радека с Казном в этот момент и по такому важному для большевиков вопросу является яркой иллюстрацией германско-большевистского сотрудничества.

Заключение

Большевистский переворот не прекратил участия немцев в развитии революционных событий в России. Оно нарастало до начала июля 1918 года и резко оборвалось после убийства немецкого посла Мирбаха. После поражения Германии на Западном фронте оно почти замерло на многие месяцы и даже годы. Относительно 1917 года следует помнить, что русская революция интересовала правительство Германии только в связи с возможностью заключить сепаратный мир на востоке, в этом была его главная цель.

Очевидно, таким образом, что немцы — любыми методами, лишь бы не нарушались их собственные интересы — поддерживали большевиков и Ленина только потому, что они не раз и открыто заявляли готовность заключить немедленный мир и негодовали по поводу обязательств, взятых на себя царским правительством по отношению к союзникам. Когда Временное правительство обвинило Ленина и прочих в шпионаже и сговоре с немцами, произошло большое замешательство. Конечно, членам Временного правительства нелегко было признать, что Февральская революция, благодаря которой они получили власть, с немецкой точки зрения, так же желательна, как и последующий приход Ленина к власти в октябре. Ленин крайне нуждался в финансовой поддержке, и Германия именно деньгами и старалась ему помочь, знал он об этом или нет. Русским же либералам для натиска на правительство нужны были не деньги, им нужно было народное выступление в столицах. Они не могли его организовать, кроме того, патриотизм мешал им даже и начинать действовать в этом направлении, пока страна воевала. Вот почему в этом отношении, организуя с помощью подполья крупные забастовки, сначала экономические, а потом, согласно плану Гельфанда, политические, немцы работали на либералов.

(Катков Г. М. Февральская революция. Париж, 1984).

СЛЕДСТВИЕ О ГОСУДАРСТВЕННОМ ПРЕСТУПЛЕНИИ ЛЕНИНА И К⁰

(Показания Г. В. Плеханова, В. Л. Бурцева и других по делу о вооруженном выступлении в июле 1917 года)

Протокол

1917 года, сентября 10 дня. Судебный следователь по важнейшим делам округа Гродненского окружного суда допрашивал ниже поименованного в качестве свидетеля, и он показал:

Плеханов Георгий Валентинович, 60 лет, православный, несудимый, живу в Царском Селе, Нижний бульвар, д. 5.

Ленина я знаю давно, познакомившись с ним в Женеве в 1895 году. До 1903 г. мы жили вместе как партийные работники, участвовали в издании «Искры» и прочее. Тогда Ленин был с нами заодно. С 1903 г. я разошелся с ним, так как он внес раскол в партию, не согласившись с необходимыми и законными уступками. С годами это расхождение углублялось.

В Ленине поражает его неразборчивость в средствах, особенно обнаружившаяся в 1905–1907 годах. Приемы, которые практиковал тогда Ленин, старательно разоблачены в брошюре Л. Мартова, изданной за границей в 1908 году под заглавием «Спасители или разрушители»¹. Я теперь уже не припомню отдельных фактов, изложенных в брошюре, но в ней речь идет о сношении с разбойничьей шайкой. Насколько помню, в этой брошюре разбойник Сашка Лбв жаловался на недобросовестность и обман ленинцев.

В один из моментов обострения борьбы между большевиками и меньшевиками последние обвиняли Ленина в похищении адресованных им писем. Ленин не отрицал этого факта, заявив, что интересы дела требовали этого. В этом Ленин признался печатно в 1904 году, насколько припоминаю, в «Социал-демократе».

Эта неразборчивость Ленина позволяет мне допускать, что он для интересов своей партии мог воспользоваться средствами, заведомо для него идущими из Германии. При этом я исключаю

всякую мысль о каких-либо личных корыстных намерениях Ленина. Я убежден, что даже самые предосудительные и преступные с точки зрения закона действия совершены им ради торжества его тактики. На вопросы о том, почему Германия могла служить Ленину своими средствами, отвечаю, что тактика ленинская была до последней степени выгодна, крайне ослабляя боеспособность русской армии. Недаром германская печать нередко с нежностью говорила о Ленине как о истинном воплощении русского духа. Но, повторяю, я говорю только в пределах психологической возможности и не знаю ни одного факта, который доказывал бы, что психологическая возможность перешла в преступное действие.

Троцкого я знаю приблизительно с 1902 года, после того как он бежал из Сибири и, попав в эмигрантскую среду, постарался сблизиться с тогдашним центром русской социал-демократической партии. Он произвел на этот центр хорошее впечатление, его нашли талантливым молодым человеком, поднимая даже вопрос о включении его в состав редакции «Зари» и «Искры». Один я решительно высказался против этого. Я считал Троцкого хотя и не лишенным известной талантливости, но крайне поверхностным и, в сущности, пустым человеком, к тому же он тогда был лишен всяких сколько-нибудь серьезных знаний. Благодаря моей оппозиции, Троцкий не был принят в состав названной редакции. Вскоре после этого, когда образовались фракции большевиков и меньшевиков, Троцкий примкнул к фракции меньшевиков, однако недолго был солидарен с ними. Он очень близко сошелся с Парвусом, жившим тогда в Мюнхене и возвещавшим близость всемирной социалистической революции. В качестве глашатая близкого всемирного социалистического взрыва Троцкий выступал в 1905–1907 годах. Потом он поселился в Австрии, а я, оставаясь в Швейцарии, Франции, Англии, не имел случаев встречаться с ним. Помню, что глава австрийской социал-демократической партии Виктор Адлер в разговоре со мной с неудовольствием отзывался о деятельности Троцкого в Австрии. Чем было вызвано неудовольствие Адлера, я не знаю, так как разговор был короткий.

Известно мне было, что Троцкий писал в «Киевской мысли», помещая там иногда очень недурные корреспонденции под псевдонимом Антид Отто². Когда началась нынешняя война, Троцкий, не знаю как, очутился в Женеве, между тем как я был в Италии. Из Женевы он послал мне в Италию длинную телеграмму с просьбой рекомендовать его Геду³, бывшему тогда министром без портфеля, на предмет получения в качестве корреспондента «Киевской мысли» права разъезжать в непосредственной близости к фронту. Я не знал тогда, как относится Троцкий к вопросу о войне. Из наведенных мной справок выходило, что отношение его к ней какое-то неопределенное. Не желая создавать ему препятствий в его профессиональной деятельности корреспондента, я дал просимую им рекомендацию.

Когда Троцкий получил желаемое, его отношение к войне стало совершенно определенным. Он стал резко нападать на Жюля Гада и меня за наш оппортунизм, соци-

ал-патриотизм и т. д. Нападки Троцкого не смущали меня, но меня очень удивляло, что в «Киевской мысли» он по вопросу о войне высказывался совсем иначе, нежели в своем ежедневном парижском органе «Голос», который был запрещен французским правительством и издавался потом под названием «Наше слово». «Голос» был органом совершенно пораженческим, между тем как в «Киевской мысли» (1915 или 1916 г.) Троцкий высказывался скорее как человек, сочувствующий странам соглашения. В одной из своих статей я отметил эту двойственность, сказав, что статьи Антида Отто могли бы служить хорошим противоядием против статей Троцкого.

«Голос» стал выходить вскоре после начала войны 1914 года. Главным сотрудником и «вероятно» редактором его являлся Троцкий. Расходилась эта газета среди эмигрантов, у которых преобладало пораженческое направление. Французы, совершенно не привыкшие к языку русских пораженцев, резко нападавших на Россию и союзные с ней страны, и избегавшие нападать на Германию и Австрию, очень скоро пришли к заключению, что «Голос» издавался на немецкие деньги. Его поэтому запретили. Вместо него вышло «Новое слово», державшееся того же направления, что и «Голос». В конце концов французское правительство, которое было склонно видеть в Троцком немецкого агента, выслало его из Франции. Это было приблизительно в середине 1916 года. Из Франции Троцкий выехал в Америку⁴. После его выезда «Наше слово» некоторое время существовало, но потеряло свою яркость.

Какие основания были у французского правительства считать Троцкого немецким агентом, а «Голос» — издававшимся на немецкие деньги, я не знаю. Если бы у французского правительства были неоспоримые доказательства этого, то оно не ограничилось бы высылкой. Не думаю также, чтобы в приказе о высылке Троцкого говорилось что-либо о том, чтобы его считать немецким агентом. Благодаря чему Троцкий стал во главе издания «Голоса» и «Нашего слова», не знаю. Предполагаю, что это произошло оттого, что он лучше владел пером, чем его сотрудники (Лавровский⁵ и другие).

Отношение этих органов к издававшемуся мной в Париже «Призыву» было резко враждебное, нас третировали как изменников Интернационала, социал-патриотов и т. д.

Ввиду крайнего затруднения добывать во Франции немецкие издания, не думаю, чтобы они имелись в редакциях «Голоса» и «Нашего слова». Если имелись, то наши парижские пораженцы могли сочувствовать только оппозиционной социал-демократической печати Либкнехта⁶, Гаазе⁷, так как они резко высказывались против Шейдемана⁸.

В Париже с Троцким я не встречался.

Имел ли Троцкий связь с Парвусом, я не знаю, но его орган тогда высказывался против Парвуса. В Вене Троцкий издавал до войны «Правду», не имевшую ничего общего с ленинской «Правдой». Об участии Парвуса в этом издании мне ничего не известно. Думаю, что он не участвовал.

Парвус–Гельфанд явился за границу очень молодым эмигрантом в середине восьмидесятых годов. Он поступил в Базельский университет, где и кончил курс, после чего поступил в немецкую социал–демократическую партию и поселился в Германии. В германской партии он принадлежал к самому левому крылу. Около 1900 года он пришел к тому убеждению, что скоро предстоит всемирный социалистический взрыв. Это убеждение он впоследствии сообщил попавшему под его влияние Троцкому. С этим убеждением он в 1905 году приехал в Россию, где он, впрочем, большого успеха не имел. Здесь он, как известно, был арестован, сослан в Сибирь, оттуда бежал и опять очутился в Германии. Здесь он, несмотря на крайний радикализм своего образа мыслей, большой популярностью не пользовался. Социал–демократы смотрели на него как на человека не корректного в частной жизни и не совсем надежного в денежных делах. Может быть, вследствие этой непопулярности он переехал в Константинополь, где, по слухам, сошелся с младотурками⁹.

Когда началась война, он, русский подданный, вернулся в Германию. Проездом он остановился в Софии, где выступил на большом митинге, доказывая, что в интересах цивилизации и революции желательно, чтобы Германия победила Россию. Германские газеты напечатали весьма сочувственные телеграммы об этом выступлении «русского» социал–демократа. Нужно заметить, что «русский» социал–демократ возвращался в Германию не с пустыми руками. Он оказался обладателем миллионного состояния. Как он нажил себе это состояние, объяснить не могу. Говорили, что он нажил его хлебными спекуляциями во время войны. В Германии Парвус примкнул уже не к левому, а к правому крылу социал–демократической партии, т. е. к Шейдеману. В Мюнхене на его счет стала издаваться газета «Die Glocke»¹⁰, помещавшая на своих столбцах панегирики в честь Гинденбурга. Не без гордости добавлю, что в Германии Парвус написал против меня брошюру¹¹, распространявшуюся германским правительством в лагерях военнопленных. В брошюре он обвинял меня, что я изменил революции и т. п.

В Копенгагене Парвус основал Институт для изучения причин и возможных последствий нынешней войны. К работе в этом институте он пытался привлечь лучшие эмигрантские русские силы. К сожалению, человек 10 русских эмигрантов откликнулось на его призыв, в их числе были Перазич¹² и Зурабов¹³, попавшие потом в Исполнительный комитет Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. В настоящее время, насколько я знаю из газет, Парвус ведет кампанию против парламентаризма, то есть уже без маски выступает служителем германского императора.

Вот все, что я могу сказать о Парвусе.

Какие отношения существовали у Ленина с Парвусом во время войны, я не знаю. До войны отношения их, насколько я могу судить, не были близкими.

Дальнейший допрос прошу вследствие нездоровья моего отложить.

Прочитано (*подпись*) и т. д. судебного следователя (*подпись*).

Протокол

1917 года, сентября 14 дня. Судебный следователь по важнейшим делам округа Гродненского окружного суда в Царском Селе допрашивал, согласно 443 ст. уст. уг. суд., нижепоименованного в качестве свидетеля, и он показал:

Георгий Валентинович Плеханов, дополнительно показываю:

Зиновьева я знаю мало. Помню, что встречался с ним после 1907 года. Он всегда был правою рукою Ленина. На меня он никогда не производил впечатления сколько-нибудь выдающегося человека.

В начале войны я первый месяц провел в Париже. Там выяснилась та будто бы интернациональная позиция Мартова, на которую он стал в настоящее время. Для меня стало ясно, что с ним по данному вопросу у меня не может быть ничего общего. Мартов был меньшевик, Ленин — большевик. Когда меньшевики говорили «да», большевики имели обыкновение говорить «нет». Поэтому у меня шевельнулась мысль, что Ленин из оппозиции меньшевикам по вопросу о войне стоит на противоположной Мартову точке зрения. И, когда я, покинув Париж, был между прочим в Берне, я хотел повидаться с Зиновьевым, который в то время там жил, но не мог найти его адреса. Вскоре, однако, для меня выяснилось, что точка зрения Ленина в данном случае совпала с точкой зрения Мартова. После того я уже не искал встречи ни с Лениным, ни с его единомышленниками.

В дальнейшем мне известно, что Ленин, Зиновьев и другие издавали в Женеве газету «Социал-демократ», в которой проводили резко выраженные по отношению к России пораженческие идеи.

Христиана Раковского знал я в студенческие годы его, когда он считал себя моим учеником, но затем мы разошлись чисто идейно. Во время войны он сейчас же показал себя циммервальдистом и был одним из деятельных участников съезда в Циммервальде. О том, что Раковский состоял австрийским агентом, я даже не слышал. Уверен, что таковым он не мог быть¹⁴, так как считаю его человеком честным и настроенным слишком антиправительственно, кроме, конечно, правительства социалистического. Про его отношение к Троцкому я знаю только, что они были единомышленниками, и Троцкий в своем органе парижском отнесся с большой похвалой к брошюре Раковского, направленной против Геда.

Неизвестно мне отношение Зиновьева и Раковского к Парвусу, особенно во время войны. Знаю только, что они были знакомы.

О Ганецком-Фюрстенберге я решительно ничего не знаю. Его имя я узнал лишь из разоблачений, сделанных Переверзевым через Алексинского.

Радека я лично не знал. Слышал, что с ним были какие-то весьма неприятные истории по поводу денег, что он до войны был исключен из Польской социал-демократической партии и поднимался вопрос об исключении его из Немецкой социал-демократической партии¹⁵. Во время войны он сразу занял видную роль среди

мнимых «спасителей» Интернационала. Он принимал деятельное участие в органе Роберта Гримма «Die Berner Tagwacht»¹⁶, участвовал в Кинтальской–Циммервальдской конференции в 1915 году и осенью 1916 года¹⁷. Дело Радека доходило, насколько мне известно по слухам, до обвинения его в краже, но подробнее об этом я не знаю.

На вопрос, каким образом такой человек мог играть выдающуюся роль в Интернационале, я должен заметить, что так называемый Третий Интернационал, к которому принадлежат Радек и его единомышленники, не имеет ничего общего с действительным Интернационалом, деятельность которого была прервана нынешней войной.

Вследствие усталости дальнейшее показание о Третьем Интернационале я изложу собственноручно на особом листе.

Осенью 1909 года Ленин почему-то нашел нужным сблизиться с меньшевиками, Совместными усилиями выработаны были основы перемирия: издание общего органа, общий денежный фонд. Ленин внес довольно большую сумму денег, полагаю, не менее 100–150 тысяч рублей (это минимальный расчет). Не знаю почему — может быть, потому что ленинское добродушие не внушало безусловного доверия его недавним противникам, — решено было передать эту сумму на хранение небольшой коллегии иностранных социалистов. Если не ошибаюсь, в нее вошли исключительно немецкие товарищи. Помню двух из них — Каутского и Цеткин. Эта коллегия должна была выдавать деньги по требованию, предъявленному совместно большевиками и меньшевиками. Иностранные товарищи, принимая возложенное на них поручение, заявили, что они довольствуются своим нравственным правом контроля над расходованием суммы, не считая нужным [оформление] материального факта — передачи ее Лениным в их руки. Следствием этого было то, что когда Ленин несколько месяцев спустя разорвал с меньшевиками, он оставил деньги у себя, несмотря на протест иностранных товарищей. Помнится, Клара Цеткин по этому поводу вызывала его на третейский суд, обвиняя его в злоупотреблении доверием. Суда почему-то не состоялось. Вот все, что я знаю по этому поводу.

Об Иолтуховском–Скорописи¹⁸ мне известно только из разоблачений Бурцева. Другими сведениями о нем я не располагаю.

До меня доходили только слухи о том, что Парвус имел какое-то отношение к заграничному изданию сочинений Горького (берлинского издательства Ладыжникова), воспользовался в личных целях тем доходом, которое это издательство приносило¹⁹. Я не имел возможности проверить этот слух, основательность его лучше всего может быть выяснена самим Горьким.

Про арест в начале войны в Австрии Ленина и Зиновьева и последующее их освобождение я ничего не знаю. Они жили тогда в Австрии, а я — в Париже.

Причины расхождения моего с Лениным заключались, во-первых, в слишком узком понимании им организованного централизма. При таком его понимании не

оставалось бы места для самодеятельности рядовых членов партии, притом мне казалось, что «дирижерская палочка» имеет слишком много привлекательности для Ленина по мотивам личного честолюбия. Вторая причина все большего и большего расхождения моего с Лениным заключалась в тактических разногласиях: я отстаивал идею взаимного сближения всех политических партий, враждебных абсолютизму. Ленин понимал, как известно, классовую борьбу в том смысле, что с партией народной свободы нужно бороться едва ли не ожесточеннее, нежели с защитниками неограниченной царской власти. Впрочем, сильно расходясь между собой, мы до поры до времени продолжали действовать в рамках одной партии.

Показания мои изложены правильно

(подпись).

Исполняющий дело судебного следователя

(подпись).

Протокол

1917 года, сентября 14 дня. Судебный следователь по важнейшим делам округа Гродненского окружного суда в Царском Селе допрашивал, согласно 443 ст. уст. уг. суд., нижепоименного в качестве свидетеля, и он показал:

Георгий Валентинович Плеханов (продолжаю свое показание, излагая его собственноручно. — *Г. П.*).

Как мало общего между настоящим Интернационалом и Интернационалом циммервальдистов видно из того, что самые выдающиеся деятели первого были объявлены изменниками в органах циммервальдистов: Жюль Гед во Франции, Гайдман в Англии, Вандервельде в Бельгии и т. д. Замечу мимоходом, что Вандервельде был председателем Второго Интернационала, т. е. его Бюро, находившегося в Брюсселе. Как я выразился в одной из своих статей, маленькие люди показались кое-кому большими, когда большие сошли со сцены.

В идейном отношении разница между этими двумя Интернационалами сводится к тому, что настоящий Интернационал признал, что социалисты атакованной страны обязаны принимать деятельнейшее участие в ее самозащите, тогда как циммервальдисты говорят, что невозможно разобрать, какая страна нападает и какая защищается. Отсюда они делают тот вывод, что следует перенести войну с фронта внутрь страны, т. е. постараться обострить, пользуясь войной, происходящую в цивилизованных обществах борьбу классов; наоборот, члены Второго, настоящего, Интернационала допускают в интересах самозащиты страны сближение между классами, их «перемирие». Примеры: вступление Жюля Геда, Самба и А. Тома во французское министерство²⁰, а Вандервельде — в бельгийское. За это-то перемирие циммервальдисты и объявили их изменниками.

Основная идея Третьего Интернационала — отказ от различия между нападающей страной и страной обороняющейся — ведет свою родословную от голландского анархо-синдикалиста Д. Ньювенгейса²¹, который защищал ее еще на Брюссельском международном социалистическом съезде 1891-го и Цюрихском 1893-го года.

Оба эти съезда отвергли идею Ньювенгейса.

Печальным для русского социалистического движения явилось то обстоятельство, что большинство его участников, позабыв традиции и идею старого Интернационала, примкнуло к Циммервальду: Ленин, Мартов, Чернов, М. Натансон и бесчисленное множество других. В течение шести месяцев, протекших со времени нашей революции, Россия испытала, что означает на практике перенесение войны с фронта внутрь страны.

Что касается организации съездов в Циммервальде и Кинтале, то для нее больше всего сделал известный русской публике Роберт Гримм, усердно поддерживаемый работавшим в его газете Карлом Радеком.

Г. В. Плеханов (*подпись*).

И. д. судебного следователя (*подпись*).

[10 сентября 1917 г. Г. В. Плеханов болен, не смог дать показаний.]

Протокол

1917 года, июля 11 дня, судебный следователь по особо важным делам Петроградского окружного суда Александров допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля с соблюдением 443 ст. у. у. с., и он показал:

Алексинский Григорий Алексеевич, бывший член Второй Государственной думы, 38 лет, православный, проживает: Кирилловская улица, 16, под судом не состоял.

Проживая в Швейцарии, в Кларане, в марте 1915 года я переехал в Париж, где и занимался литературным делом.

В конце лета этого года или уже в начале осени проживающий также в Париже один из членов плехановской фракции социал-демократической партии Алексей Иванович Любимов²², ныне прибывший в Петроград (адрес его сообщу вам сегодня же), явился ко мне и сообщил мне, что проживающий в Цюрихе член той же фракции Киселев²³, сотрудник издающегося в Петрограде журнала «Современный мир» и служащий Цюрихского муниципалитета, прислал ему, Любимову, письма, в которых в кратких чертах излагал о приезде в Цюрих некоего доктора Гельфанда, известного под именем Парвуса, бывшего председателя Совета рабочих депутатов (заместителя Хрусталева), который завязал с рядом политических русских эмигрантов сношения и, в свою очередь, поставил их в связь с немецким консульством в Цюрихе. Консульство со специального разрешения высших немецких властей выдало эми-

грантам паспорта для проезда через Германию в Копенгаген, где Парвус организовывает предприятие для собирания сведений о влиянии войны на общественную и экономическую жизнь воюющих стран.

Киселев, указывая в своих письмах на такой образ действия Парвуса, внушающий серьезные подозрения, обратил внимание на это по следующим соображениям: во-первых, Парвус — личность отрицательная как с политической, так и с моральной стороны (Парвус совершил растрату денег — около 30 000 рублей, о чем сам Горький рассказывал, как потерпевшее лицо), во-вторых, входить в сношение с воюющими с Россией державами тоже внушало подозрения.

Желая огласить в печати и разоблачить деятельность Парвуса, Киселев, видимо, и хотел довести до моего сведения, предоставив сделать разоблачение мне от моего имени, как литератору и политическому деятелю, не постесняющемуся разоблачать и партийного человека, совершающего бесчестные или преступные деяния.

Тогда же было решено конференцией плехановских организаций передать в мое распоряжение данные, разоблачающие Парвуса, для опубликования.

Для меня имя Парвуса, как человека отрицательного, не было новым, во-первых, потому, что я в 1905 году имел возможность наблюдать его в Совете рабочих депутатов, и еще тогда он произвел на меня впечатление человека, так сказать, не соответствовавшего революционной среде. Мне казалось, что он не идейный человек, а человек, преследующий личные какие-нибудь цели, одним словом, [он] произвел на меня отталкивающее впечатление. Во-вторых, я слышал о нечистом отношении Парвуса к партийным деньгам, в частности, о растрате им денег, данных ему Горьким для издательства. Наконец, мне лично была известна деятельность Парвуса в 1915 году в Турции, где он стремился к тому, чтобы произвести в России смуту и помочь этим Германии победить Россию, — одним словом, парализовать армию русскую в интересах Германии. По этому предмету я в 1915 году, в марте месяце, печатал статью свою за своей подписью в журнале «Современный мир»²⁴, издаваемом Иорданским (Басков пер., № 35).

Ввиду всех этих данных я с готовностью согласился разоблачить деятельность Парвуса и вступил в сношение с Киселевым, который и прислал мне некоторые документальные данные и в письмах сообщал сведения о названном Парвусе. Все эти сведения Киселева и служили мне материалом фактическим, который и положен мной в основу напечатанных статей.

Таким образом, разоблачения мной Парвуса, а также Баска-Меленевского, выразились в напечатании мной статей:

1) В «Современном мире» за март 1915 года; эту статью я постараюсь вам представить.

2) В помещении в № 2 журнала «Россия и свобода» открытого письма доктора Фридмана от 26 сентября 1915 года (свидетелю предъявляется копия этого открытого

письма, начинающегося словами: «Выше выступление в последнее время...» и кончается: «...продиктованы другими соображениями»). По предъявлении мне копии этого открытого письма я Вам могу удостоверить, что это и есть точная копия с письма Фридмана. Должен сказать Вам, что письмо это Фридмана было уже напечатано самим Фридманом, встревоженным деятельностью Парвуса, в одной из газет немецкой Швейцарии.

3) В помещении в № 4 журнала «Россия и свобода» статьи, мной написанной, под заглавием, кажется, «Международная обер-провокация». Статья начиналась словами: «В номере втором "России и свободы" мы опубликовали открытое письмо к Парвусу, написанное доктором Фридманом, обвинявшим Парвуса...»; заканчивалось оно словами: «турецко-немецкий охранный коммерческий паук». По предъявлении мне копии этой статьи, могу удостоверить, что это есть именно копия моей статьи.

При этом долгом считаю заявить, что у меня сохранились вырезки из напечатанных в газетах моих статей, и я постараюсь их отыскать и Вам представить в ближайшие дни.

Говоря вкратце и подтверждая все изложенное в моих статьях, могу сказать, что Парвуса я изобличаю:

1) в том, что Парвус — член Германской социал-демократической партии;

2) в том, что, будучи выслан из Пруссии за несколько времени до войны, он во время войны получил право свободного проживания в Германии;

3) в том, что он до войны был финансовым советником турецкого правительства в Константинополе;

4) в том, что он до войны и во время войны, по собственному же признанию, занимался в Константинополе спекуляциями по скупке хлеба. Мне рассказывали, что Парвус и его турецкие друзья устроили крупную спекуляцию с русским хлебом, задержанным в Константинопольской гавани и попавшим в Германию;

5) в том, что во время войны Парвус стал агентом-провокатором на жаловании (собственно говоря, руководителем провокации) у турецкого и австрийского генеральных штабов, которые поручали ему, Парвусу, устроить революцию в России. Парвус свободно разъезжал из Турции в Вену, Берлин и обратно.

Деятельность Парвуса была направлена к поражению России и отделению Украины от нее.

Конкретной иллюстрацией провокационной работы Парвуса и Баска-Меленевского может служить факт попытки использования ими грузинского социал-демократа «Триа» (партийная кличка), настоящего имени коего не знаю, для создания грузинского легиона в Турции и поднятия восстания в Грузии в тылу русской армии. При мне лично [он] рассказал, как его возили Парвус и Басок с австрийским паспортом (подложным) на Балканы, в Софию, Бухарест и Константинополь, где предложили ему участвовать в создании грузинского легиона в составе турецкой армии и в организации восстания в Грузии.

За мои разоблачения Парвуса я подвергся сильному гонению вместе с Киселевым со стороны пораженцев — и в печатной травле, и травле путем резолюций.

Теперь перейду к личности и деятельности Ленина. Мне известны нижеследующие факты. Ленина я знаю около 10 лет, был о нем очень хорошего мнения в течение только 2–3-х лет, но, по приезде моем за границу, разочаровался в нем, наблюдая его организаторскую деятельность, а именно: я убедился в том, что он неразборчив по отношению к источникам денежных средств для своей политической работы. Это особенно обнаружилось в деле Виктора, члена Центрального Комитета Российской социал-демократической партии, и в деле Сашки Лбовца. Об этом в свое время писалось в партийной печати, а также о расколе Лениным Центрального Комитета и захвате им имущества Центрального Комитета. Об этих делах — всю фактическую сторону, характеризующую личность и нравственный облик Ленина, — я изложу дополнительно.

Здесь же считаю необходимым привести позднейший факт, относящийся к октябрю 1914 года: Ленин и Зиновьев, проживавшие в Австрии, близ Кракова, были арестованы австрийскими властями как русские подданные, но вскоре освобождены с правом свободного выезда в Швейцарию, где стали издавать свой орган «Социал-демократ», в котором распространяли идеи необходимости поражения России в войне. В № 33 этого журнала содержался призыв к русским гражданам практически содействовать поражению России. В 1915 году я встретил у моего знакомого польского социал-демократа Бинштейна-Малевского его товарища Ганецкого-Фюрстенберга: явление это меня удивило, ибо я никак не мог понять, каким образом Ганецкий мог жить и в Париже, и в Австрии одинаково свободно во время войны. Еще более меня удивил рассказ Ганецкого о том, что он, узнав об аресте Зиновьева и Ленина, отправился туда, где они и были арестованы, и, как он выразился, «прервал допрос» Ленина и Зиновьева, производившийся австрийскими властями. Я не преминул осведомиться у Ганецкого, каково же было его официальное положение в Австрии, если он, русский подданный, мог вмешиваться в действия австрийских следственных властей. Ганецкий был смущен моим вопросом и оставил его без ответа, а потом выяснилось, что Ленин и Зиновьев были освобождены из-под ареста по личному предписанию графа Штургга, австрийского премьера, который освободил их как лиц, желающих поражения России и деятельность коих полезна для центральных империй.

Показание это мной прочитано и записано правильно *(подпись)*.

[Из протокола осмотра от 19 августа 1917 г.]

<...> Далее Алексинский приводит выдержки из циркуляра... Базельского международного социалистического конгресса 1912 года, а именно: «Если у России вспыхнет война с кем бы то ни было, мы рекомендуем причинить вред России все-

возможными способами. Так, например, надо разрушать все виды военных приспособлений, инструменты, средства транспорта, боевые припасы, телефоны и т. д. Исполняйте ваш солдатский долг медленно и кое-как, а затем дезертируйте и отдавайтесь в плен, чтобы дать неприятельской армии всякие сведения об армии русской». По словам Алексинского, директивы эти давались польским патриотам австрийского типа. По словам Алексинского, в 1914 году, после начала войны, некоторые русские социалисты, проживавшие в австрийских местечках, были арестованы. После ареста они подверглись допросу. Алексинский приводит пример такого допроса. На вопрос комиссара, к какой российской социал-демократической партии принадлежит арестованный, товарищ ответил: «Принадлежу к крайней левой, я сторонник Ленина». Тогда комиссар стал любезней и устроил ему свободный проезд в Швейцарию...

Я, Иван Петрович Васильев, православный, 45 лет, полковник, живу по Жуковской ул. 8, кв. 5, под судом не был, участвующим в деле лицам посторонний, по делу показываю:

С июня месяца 1916 года по февраль месяц 1917 года я состоял на службе в Особом отделе Департамента полиции; первоначально был просто прикомандирован для выполнения отдельных поручений по составлению различных докладов и записок, а с 9 февраля 1917 года был назначен заведующим Особым отделом <...>

Сопоставляя события, имевшие место 3–5 сего июля в Петрограде, и последние события на фронте с теми данными, с которыми мне пришлось познакомиться за время службы в Департаменте полиции, — о деятельности левого крыла социал-демократической партии, именуемого большевистским, донесением заграничной агентуры, Александра Александровича Красильникова²⁵, — о Циммервальдской конференции и принятой после нее большевиками резолюции о необходимости использовать настоящий момент как наиболее благоприятный для скорейшего свержения царизма в России и превращения настоящей, называемой ими «империалистической» войны в войну гражданскую, я прихожу к твердому убеждению, что события эти, 3–5 июля, явились исполнением программы, принятой большевиками в целях достижения во что бы то ни стало поражения России в настоящей войне. Принятой большевиками во главе с Лениным–Ульяновым резолюцией после названной конференции и поступившей в Департамент полиции в начале 1915 года в числе средств к достижению поражения России предусмотрены усиленная агитация в войсках, братание с неприятелем и возбуждение всех слоев населения против буржуазных классов <...>

До службы в Департаменте полиции я находился на службе в контрразведывательном отделении Главного управления Генерального штаба и по этой последней службе помню, что приблизительно в 1915 году один из наших военных агентов —

не то в Стокгольме, не то в Константинополе — сообщил о шпионской в пользу Германии деятельности русских подданных Парвуса, он же Гельфанд, и Зурабова, его ближайшего помощника.

... Хочу добавить, что на тесную связь большевиков с Лениным во главе с германскими социал-демократами указывает уже одно то обстоятельство, что партийная касса большевиков во время войны была передана на хранение представителям германской социал-демократии, в числе коих я помню имя Розы Люксембург...

Протокол

1917 года, августа 4 дня, судебный следователь по особо важным делам Александров в присутствии товарища прокурора Палаты Репнинского допрашивал в качестве свидетеля по 442 ст. у. у. с. в Петропавловской крепости нижепоименованного, и он показал:

Белецкий Степан Петрович, бывший товарищ Министра внутренних дел, 48 лет, содержась в Петропавловской крепости по обвинению по 341 статье Улож[ения] [о] наказ[аниях].

В 1913 году, во второй половине моего нахождения в должности директора Департамента полиции, руководя введенным мной с ведома министра внутренних дел Макарова в Государственную думу — в качестве члена ее — сотрудником секретным Романом Малиновским, как представителем большевистского течения в рабочей социал-демократической среде, я дал в числе других поручение Малиновскому — при его поездке к Ленину ознакомиться с условиями его жизни и выяснить мне отношение к нему австрийских властей, так как являлось непонятным, почему австрийское правительство при общей подозрительности ко всем русским, приезжающим в Австрию или проживающим там, терпимо относится к эмигрантской колонии Ленина, не давая в то же время возможности мне поставить в Австрии отдел наблюдательной агентуры за эмигрантской революционной колонией и иметь там свой постоянный филерный отряд. По возвращении из-за границы Малиновский мне доложил (осенью 1913 года), что Ленин пользуется таким широким покровительством и доверием со стороны австрийского правительства, что в этом отношении его, Ленина, ручательства или даже простого удостоверения личности того или другого приезжающего из России эмигранта вполне достаточно, чтобы освободить это лицо от всяких подозрений или каких-либо наблюдений со стороны австрийского правительства. По словам Малиновского, Ленин считался как бы «русским вице-консулом», документ ксторого являлся гораздо более сильным доказательством лсяльности русского подданного, приехавшего на жительство в Австрию, чем рекомендательные письма русского генерального консула или нашего посла в Австрии.

Из доклада Малиновского вытекало, что покровительство Ленину со стороны австрийского посольства доходило до того, что весь транспорт революционной прокламационной литературы, идущей от Ленина в Россию, свободно пропускался не через «кордонную границу», а через «зеленую границу», т. е. через налаженные эмигрантами пути тайного прохода. Лица, проезжавшие от Ленина с теми или другими его поручениями в Россию, также свободно пропускались этими же путями через австрийскую границу. Этим же путем пользовался и сам Малиновский при посещениях им Ленина при проезде из России в Австрию. Кроме того, австрийское правительство покровительственно относилось к регулярным посещениям Ленина националистическими революционно-партийными деятелями польских партий. Для меня эти сведения об отношении Австрии к Ленину были важны потому, что они мне во многом открывали возможность выяснить точку зрения австрийского правительства в отношении окраинного революционного движения в Царстве Польском и в Юго-Западном крае, так как той же системы покровительственной австрийское правительство не только держалось, но и проводило создание так называемого Мазепинского движения, усиление связей Щепетицкого (Щеповицкого)²⁶ с русскими униатами и начавшимся в ту пору стремлением митрополита того же с русскими старообрядцами австрийского согласия (поповцев). Наконец, это мне помогло выяснить те причины, почему Австрия являлась единственной страной из всех западноевропейских важнейших государств, которая не желала содействовать Департаменту полиции в его мероприятиях по обследованию эмигрантских революционных колоний.

После этого я имел основание считать, что австрийское правительство не находится в дружественной связи с Россией; к сожалению, в этом направлении выяснение дальнейших замыслов Австрии в отношении русского государства было прервано мной ввиду состоявшегося вслед за этим в январе 1914 года ухода из должности директора Департамента полиции.

Между тем останавливало мое внимание на этом вопросе также и то обстоятельство, что петербургское австрийское посольство как бы продолжало преемственность политики своей страны в покровительстве революционным русским организациям, так как в распоряжении департамента имелись сведения, — к сожалению, моим предшественником по должности директора департамента Зуевым не обследованы, — о заседаниях этой социал-демократической группы петербургского комитета в здании австрийского посольства.

Со слов Малиновского, когда я его спрашивал, насколько трудно было провести раскол в форме полного отделения большевиков от меньшевиков, то Малиновский мне сказал, что Ленин русской действительности не знает, а живет жизнью Австрии и ее мировоззрениями, которыми вполне и проникся. В этом отношении, можно сказать, Австрия его взяла на свою сторону.

Когда я во второй период войны, в конце 1915 года, вступил на должность товарища министра, заведовавшего полицией, то первым своим долгом считал ознакомиться с пораженческим течением и видел доминирующее его значение в большевистских рабочих группах не под влиянием [идей] Циммервальдской конференции, проникших в эту среду, а начавшегося уже в пору влияния на Ленина со стороны Австрии в подготовительный период войны. Припомнив все те данные, о которых я выше уже показал вам, я в силу этого начал широкое обследование пораженческого движения работами по Департаменту полиции, для того чтобы иметь материалы к думскому выступлению министра внутренних дел с программной большой речью, и, доложив лично Государю об этом движении, я предложил Департаменту полиции заготовить подробную по сему предмету записку, а параллельно с этим я повел борьбу с пораженческим движением путем поддержки в периодической прессе статей, направленных на защиту войны (в духе Плехановского воззвания). Выпустил в большом количестве экземпляров специальную книгу о значении услуг, оказанных рабочими в своих предприятиях, работающих на оборону (по комиссии народных изданий), открыл в рабочих районах организации, борющиеся с продовольственным кризисом, и т. п.

Таким образом, для меня лично представлялось ясным, что возглавляемое Лениным пораженческое течение с момента первых военных действий инспирировалось австрийским правительством в целях достижения успехов в войне с Россией.

Подлинное за надлежащими подписями.

С подлинным верно.

[Из показаний С. П. Белецкого 8 августа 1917 года]:

...Малиновский еще до моего вступления на должность директора Департамента полиции, еще при бывшем директоре — сенаторе Ниле Петровиче Зуеве, состоял в 1910 году у полковника Заварзина, начальника Московского охранного отделения, секретным сотрудником по партии социал-демократов. Благодаря умелому руководству быстро продвинулся как партийный работник, был делегирован в начале 1912 года на Пражскую конференцию, занял там видное место своими выступлениями, близко сошелся с Лениным и с окружавшей его компанией и был намечен для прохождения в Центральный Комитет и в Государственную думу. В эту пору Малиновский получал от Охранного отделения 100 руб. и вел его полковник Иванов. Затем уже при мне Малиновский прошел в Государственную думу и здесь находился под непосредственным руководством в Департаменте полиции в моем лице. Свидания с ним происходили в присутствии познакомившего меня с ним политического вице-директора Сергея Евлампьевича Виссарионова в ресторанах (главным обра-

зом), а затем изредка, в случаях крайней необходимости, поздно вечером, в закрытых экипажах; один раз он принес архив ко мне на квартиру и один раз — в Департамент полиции, когда он явился по уполномочию партии. От меня Малиновский получал первоначально 500 руб. в месяц, а затем — 700 руб. Кроме того, я ему широко оплачивал дополнительные услуги. В получении денег он расписывался измененным почерком и расписывался иксом. Малиновский пытался неоднократно убедить меня в необходимости передать [его] в руки охранного офицера путем перевода вышеупомянутого Иванова в Петербург, так как ему не нравилась та форма руководства и постоянного сдерживания, которую я проводил в даваемых ему поручениях как агенту не Охранного отделения, а Департамента полиции, преследуя главную цель внесения коренной розни и обострений отношений большевизма к меньшевизму с целью противодействия поступательному социал-демократическому движению, удары которого... в особенности для меня уже в ту пору были чувствительны.

Состоя под моим руководством, Малиновский был доведен до председателя фракции, посаял рознь настолько сильную в социал-демократической фракции Государственной думы, что в обиходе фракции являлись непримиримыми друг к другу — как противоположность — пятерка (меньшевики) и шестерка (большевики). Я могу сказать, что Малиновский, как секретный сотрудник Департамента полиции, оказывал неоценимые услуги Департаменту полиции — поэтому, получая от него безусловно полезные и ценные сведения, я признавал необходимым широко оплачивать его расходы, так как получаемое им жалованье было сравнительно скромным (жалованье от Департамента полиции — от меня).

Подлинное за надлежащими подписями.

С подлинным верно.

Протокол

1917 года, 2–5 августа, судебный следователь по особо важным делам Александров допрашивал поименованного свидетеля с соблюдением 443 ст. у. у. с., и он показал:

Бурцев Владимир Львович, журналист, 54 лет, православный, проживаю: Литейный, 21, кв. 6, тел. 65–65.

Деятельность Ленина–Ульянова в России в настоящее время, со времени его приезда сюда, имеет непосредственную связь с его деятельностью за границей в период времени 1912–1914 годов, которую мне лично пришлось наблюдать.

В то время Ленин, Зиновьев, Каменев и другие, причем к ним часто приезжал и Малиновский из Петербурга, проживали в Австрии, в Кракове, в нескольких верстах от русской границы.

Проживание в Австрии для русских эмигрантов в эти годы было сопряжено с большими затруднениями, проживание же Ленина и К⁰ там же, при активной их работе, когда они издавали литературу, свой орган — «Социал-демократ», вели революционные связи с Россией, не только не встречало какого-либо стеснения или затруднения от австрийского правительства, а, наоборот, имело явно покровительственный характер. То, что австрийское правительство делало для Ленина и К⁰, оно делало [и] по отношению к украинцам и полякам.

Такое покровительственное отношение австрийского правительства к Ленину, украинцам и полякам объяснялось тем, что Австрия в то время подготавливала войну с Россией и покровительствовала лицам и партиям, которые могли бы в будущем, во время войны, расслабить мощь и боевую способность России, что, конечно, являлось главной целью для Австрии.

Как для поляков, так и для украинцев, австрийцы давали инструкторов для организации будущей их армии, обучали стрельбе из пулеметов, из пушек и большими денежными пособиями помогали развиваться таким организациям. Описанное мной особенное покровительственное отношение австрийского правительства к Ленину выражалось и в довоенное время, но ярко обнаружилось во время войны, когда Ленин, которого война застала в Австрии, был арестован. После объяснений с ним его быстро освободили и, по моим сведениям, потому, что, по указаниям австрийского министра, он, Ленин, будет полезен во время войны с Россией Австрии.

Ленин и его товарищи после того свободно уехали в Швейцарию, а я уехал из Парижа в Россию.

Таким образом, настоящую деятельность Ленина в России нужно связывать с началом его деятельности в Австрии в 1912–1914 годах, и начало его нынешней деятельности нужно искать именно в этом периоде времени, когда в Австрии происходила подготовка к войне с Россией.

Судя по тому, что происходило в Австрии, я могу сказать, что хотя война Австрии с Россией началась во второй половине 1914 года, но уже за два года до этого она, можно сказать, существовала в действительности. И в политике Австрии мы не могли не видеть, что она благоприятствовала тем именно революционным партиям, которые будут для нее полезны в будущей войне ее с Россией. Особенно большие надежды австрийское правительство выражало в этом отношении на поляков, украинцев и тех социал-демократов, которые группировались вокруг Ленина.

Самой крупной фигурой социал-демократического движения среди большевиков был Ленин, по моему мнению фанатик, не преследовавший своих личных узких целей и подчинявший все интересам того кружка, к которому он принадлежал, и интересам этого кружка подчинил интересы всего революционного движения, интересы нации.

К этим целям шел всеми средствами — и для Ленина, можно сказать, цель оправдывала эти средства. По его мнению и мнению его кружка, нужно было желать во что бы то ни стало победы Германии и немецкого правительства, а в лице Германии — немецкого пролетариата, организованного лучше, чем какой-либо другой пролетариат. Таким образом, ставилась целью победа Германии, которая будет победой всего человечества. Немецкий пролетариат тогда продиктует свою волю не только немецкому правительству, но и всему миру.

Такой взгляд Ленина и его ленинской партии диктовал Ленину стремиться к победе Германии над Россией. И к этой цели Ленин шел всеми средствами и придерживался принципа: «цель оправдывает средства».

Я, осведомленный о деятельности Ленина в Австрии, в его нынешней деятельности могу только видеть продолжение его деятельности в Австрии, — как в период, предшествовавший войне, так и в период войны.

Как фанатик, ставя цели своего кружка выше всего, он, Ленин, более всего заботился о торжестве этих целей, о победе Германии, ставя их выше интересов нации. Для переезда в Россию Ленина при таких условиях естественны и понятны те услуги, какими Ленин пользовался при переезде через Германию в Россию, — так же, как он пользовался услугами и покровительством австрийских властей. В то же самое время Ленин пользуется услугами различных немецких агентов, среди которых особенно выдаются Парвус и его помощники по части оказывания услуг Германии. Парвус, социал-демократической деятель, был вместе с Лениным и его товарищами в Совете рабочих депутатов²⁷, был сослан в Сибирь и оттуда бежал за границу, был активным деятелем немецкой социал-демократической партии. Парвус завязал прочные сношения с немецким правительством, когда Германия стала готовить войну с Россией. Задолго до войны он был немецким агентом в Константинополе и Болгарии. По указаниям немецкого правительства Парвус организовал враждебную Россию агитацию в Турции, Болгарии, Румынии и Австрии. С этой целью он завязал сношения с очень многими видными деятелями. Между прочим, для этого же он основал в Копенгагене научный институт. Многие из его агентов, вроде Ганецкого (Фюрстенберга), оказались в тесных отношениях с [Лениным] и его партией и оказывали им огромные услуги, и, как мне достоверно известно, не только идейные, но и денежные. Что оказывалась денежная помощь, это мне хорошо известно — как от лиц, приезжавших из Копенгагена и беседовавших со мной, так и из переписки, которая существовала между Ганецким, как агентом Парвуса, так и другими лицами.

Лично в отношении самого Ленина могу сказать следующее. Я не располагаю данными, указывающими на то, что Ленин непосредственно получал денежные суммы от Парвуса, Ганецкого и других немецких агентов, но в литературе я высказал открыто свое глубокое убеждение, это же убеждение, основанное на сообщениях

моих товарищей, говорю и сейчас, что Ленин не мог не знать, что его партия пользуется материальной поддержкой со стороны Германии и германских друзей.

Попытка немецкого правительства воспользоваться услугам эмиграции во время войны мне известна хорошо. Между прочим, накануне объявления войны меня посетил один из крупных австрийских сотрудников, который, зная мою крайне резкую борьбу с самодержавием, предложил мне ехать во время войны в Германию, с тем, чтобы я продолжал мою борьбу с царизмом, и предложил огромные средства — 100 000 марок и неограниченный кредит. Было выражено при этом желание, чтобы я вел борьбу и пропаганду против царизма и правительства. Но это я ответил: «Я еду, но не в Берлин, а в Петербург».

Из показаний, данных мне бывшим русским агентом, который с согласия Департамента полиции вел сношения с Бисмарком, немецким представителем в Берне, Долиным, я знаю, что немецкое правительство с полным отрицанием отзывалось о моей деятельности и деятельности Кропоткина и с большой похвалой о деятельности Ленина. Давая поручение Долину вести пропаганду о восстании в России и об общей дезорганизации русской жизни, давая поручения взрывать мосты, убить министра иностранных дел Сазонова, немецкий представитель в Берне, Бисмарк, советовал Долину вмешиваться в ряды ленинцев и работать в их духе. По мнению Долина, Бисмарк был убежден в том, что деятельность ленинцев вполне соответствует видам немецкого правительства.

Все это лично мне передавал Долин, и я готов даже представить в ближайшие дни его письменное показание. Долин из опасений разоблачений покончил жизнь самоубийством.

Малиновский был у меня в Париже по поручению Ленина в начале января 1914 года ввиду того, что большевики узнали о том, что я заявлял, что среди них есть крупный провокатор. Малиновский явился ко мне с рекомендацией Ленина, как член эсдековского Центрального комитета и председатель эсдековской фракции в Государственной думе. Я ему указал на одного провокатора эсдековского в Париже и заявил, что второй провокатор в Петербурге, и указал ему способы его открыть. В то время я не подозревал того, что тогда передо мной стоял именно второй провокатор, о котором шла речь.

В апреле я неожиданно получил запрос из «Русского слова» высказаться о Малиновском, причем сообщалось, что он обвинен в провокации по моим сведениям. Ввиду того, что в то время у меня не было тени подозрения на Малиновского как провокатора, я ответил, что я его не обвинял.

Через несколько дней я узнал, что Малиновский за границей заявил Ленину требование, что над [ним], Малиновским, суд неизбежен, ввиду обнаружившейся его политической и общественной непорядочности. Несмотря на все мои домогательства,

мне Ленин не представил возможности самому снести с Малиновским и лишил нас возможности устроить компетентный, беспристрастный суд над Малиновским. Устроенное же Лениным разбирательство над Малиновским никого не удовлетворило.

Несмотря на то, что Ленину я посылал несколько телеграмм и писем с требованием суда над Малиновским и свидания с ним, он всячески лишал меня возможности снести с самим Малиновским. Мое впечатление таково, что хотя у Ленина, быть может, в то время и не сложилось убеждения в том, что Малиновский — прямой агент полиции — провокатор, но я не сомневаюсь в том, что Ленин, допуская это, однако опасался, что полное раскрытие дела Малиновского будет очень неприятно для его, Ленина, деятельности, так как Малиновский был одним из лидеров его направления, а поэтому Ленин всячески препятствовал полному разоблачению Малиновского и раскрытию его деятельности как провокатора. Это минимум того, что я говорю про Ленина; могу сказать, что Ленин явился виновником того, что Малиновского мы не вскрыли, и если бы не Ленин, это было бы сделано нами.

Учиненный же Лениным суд над Малиновским был совершенно незаконным, конечно, [никого] не удовлетворил, и было это им предпринято с целью не дать товарищескому суду «вскрыть» провокационную деятельность Малиновского.

Дальнейший допрос отложен до 5 августа.

Показание мое предъявлено и удостоверяю,
что оно записано правильно с моих слов.

В. Л. Бурцев (*подпись*).

Товарищ прокурора (*подпись*).

[5 августа 1917 года. Продолжение.]

В дополнение своего показания представляю вам:

а) номер первый сборника «Будущее», в котором на страницах с 42 по 44 напечатана заметка под заглавием «По поводу дела бывшего члена Государственной думы Романа Малиновского». Эта заметка составлена мной и, представляя ее вам, я всецело подтверждаю, чтобы не повторяться, написанное мной же;

б) номер второй того же журнала, в котором на страницах с 25 по 31 напечатана моя статья под заглавием «Одна из многих жертв охранников. Самоубийство В. Долина». Статья эта написана мной, я автор ее и подтверждаю статью. Что же касается самого показания Долина, о котором я упомянул, то его текст напечатан в «Русском слове», и я его представляю вам в ближайшие дни.

В отношении Троцкого показываю: как революционера я знаю его около 15 лет. Всегда в моих глазах он рисовался человеком, горячо относящимся к революционному делу. В 1913–1914 годах он вместе с Парвусом был редактором газеты «Правда»

в Вене²⁸, выступал как человек, вполне солидарный с Парвусом. Как уже я показал, Парвус готовил вместе с Австрией войну с Россией, но разделял ли Троцкий эту роль с Парвусом — мне неизвестно. Во всяком случае, могу сказать, что Троцкий с начала войны занял ярко враждебную позицию по отношению к нашим союзникам. Это выразилось, между прочим, и в его газете, которая поддерживалась и его единомышленниками, и случайными пожертвованиями отдельных лиц; кроме того, по дошедшим до меня сведениям, у Троцкого был еще и третий источник денежных средств, а именно: он будто бы получал денежные суммы через Парвуса от немецких агентов, обслуживавших немецкие интересы, а также от Раковского²⁹. Впоследствии Троцкий высказывался против Парвуса, но не против его идей и продолжал всегда поддерживать самые близкие отношения с Зурабовым и Перазичем.

Луначарского я знаю много лет как литератора и человека, близкого к ленинскому направлению. С начала войны он занял резкое и отрицательное к ней отношение и как в жизни, так и в литературе поддерживал постоянные отношения, работал вместе с большевиками.

Вне литературы его деятельность мне неизвестна.

Рошаль. В отношении Рошалья имею показать нижеследующее. Когда я в революционное время посещал тюрьмы, то при опросе некоторые из содержащихся провокаторов мне заявляли, что, посещая конспиративную квартиру для свидания с жандармским офицером, они видели там также Рошалья³⁰.

Показания их, даваемые мне порознь, были согласные, при этом была названа и фамилия жандармского офицера. Кроме того, тот факт, что Рошаль был провокатором и состоял на службе в Охранном отделении, рассказал мне член Государственной думы Гегечкори³¹, проживающий в Петербурге.

Как-то в мае месяце — уже после того, как у меня имелись эти сведения о провокаторской деятельности Рошалья, — последний пришел ко мне и спросил, правда ли, что я его обвиняю в провокаторстве. На это я ответил, что правда заключается в том, что вот уже в течение двух месяцев я узнаю о том, что он, Рошаль, состоял в сношениях с Охранным отделением, но пока еще не составил для себя определенного заключения. Я предложил ему составить комиссию для разбора основательности этого обвинения. Рошаль мне сказал: «Узнав, что вы меня обвиняете в провокаторстве, я, идя к вам, отказался от всякого участия в революционном движении»; я выдал Рошалью бумагу, в которой сформулировал свое отношение к его деятельности. Рошаль сказал мне, что он переговорит со своими товарищами относительно комиссии для рассмотрения его обвинения; ушел с этими словами и так более ко мне не являлся.

Узнав в июле об участии Рошалья в вооруженном выступлении, я изумился этому, так как ни о какой реабилитации его я совершенно не слышал. У меня дома записаны фамилии лиц из содержащихся в тюрьме, которые мне рассказывали и

изобличали Рошалья в посещениях конспиративной квартиры для свидания с жандармским офицером, а также записана и фамилия последнего, и я в ближайшие дни скажу вам эти все сведения.

Болгарский публицист Раковский, принимая непосредственное участие в заграничной деятельности Парвуса и Троцкого, сам издавал газету «Борьба» на немецкие деньги в Румынии и в интересах немецкого правительства. В настоящее время Раковский выступает в Совете рабочих и солдатских депутатов.

Сведения о Троцком, Парвусе, социал-демократах-большевиках и о их деятельности в 1915–1916 годах должен хорошо знать секретарь русской миссии, бывший в Берне до самого переворота, Бибиков; остался ли он в Швейцарии или уехал в Россию, мне неизвестно. Его дела принял новый секретарь в Берне по фамилии Оне или подобной³².

Указанные сведения я доставлю вам в понедельник, 7 августа <...>

НЕМЦЫ В МОСКВЕ В 1918 г.

(Из дневника)

Предисловие Сергея Мельгунова

В № 1476 «Последних новостей» (18 февраля 1925 г.) мною напечатана была статья под заголовком «Приоткрывающаяся завеса»¹. Дело касалось пресловутого вопроса о взаимоотношениях большевиков и германского дореволюционного правительства — не только в период, когда большевики сделались уже временными властителями в Центральной России. Статья моя вызвала отклики во французской печати и сопровождалась, по-видимому, молчанием печати немецкой, которая, естественно, могла разъяснить многое из того, что является по сию пору неясным и таинственным.

Теперь я печатаю выдержки из дневника моей жены за это время — выдержки, которые дают конкретные иллюстрации к положениям, выдвинутым статьей. И мне кажется, что наиболее подходящим предисловием к дневнику будет воспроизведение упомянутой статьи <...>

Но надо сказать несколько слов о самих записях в дневнике. Они воспроизводятся как своего рода документ, т. е. так, как в свое время были сделаны. Это действительно документ, охватывающий вопрос шире, чем заголовок, под которым мы его печатаем, говорящий о настроениях в Москве в первую половину 1918 года, о той информации, о тех случаях, о той атмосфере, общественной и бытовой, в которой мы жили. Да, дневники передают иногда только слухи, только рассказы. По временам это также своего рода политический фольклор, подобный дневнику В. В. Каррика, который мы напечатали в «Голосе минувшего» (1918) и который был посвящен настроениям и слухам в Петербурге во время мировой войны и накануне революции.

«Легенду» от «факта» подчас еще трудно отличить. Иногда запись извращается, действительно, — так спутана и столь фантастична была наша действительность того времени.

Печатание этого дневника с неизбежным еще скрыванием имен имеет целью прежде всего вызвать опубликование других аналогичных материалов и разъяснить чрезвычайно важные для истории русской революции вопросы <...>

1917 г.

11 октября. Когда последний раз была на абонементе в Большом театре, со сцены какой-то господин обратился с призывом о займе свободы, говоря, что мы наковальня, над которой занесен немецкий молот, и что в нашей власти — разлетится наковальня или молот. В партере поднялась дама, которая все время бросала ему реплики, что свобода наша — ложь; она громко обратилась к публике: «Нам говорят о немецкой опасности, но скажите правду, господа, разве мы все не мечтаем о немцах?» Послышались голоса: «Да», и никто не запротестовал. Она продолжала: «Свободы нет, мы трусы и рабы, рабы солдат, рабочих, прислуги, и деньги займа пойдут на этих господ (указывая на ложу Советов), а мы будем ждать, что детей наших у нас на глазах будут разбивать о камни. Я получаю 125 рублей и должна содержать семью; я ничего не боюсь, вот где я сижу, придите, убейте меня, но я буду говорить правду». В партере ей очень сочувствовали и говорили, что, вот-де, мужчины наши никуда не годны, — хоть дама выступила.

28 ноября. Кропоткин² говорил сегодня пришедшим поздравить его с днем семидесятилетия представителям народных социалистов, что он слышал, что большевики собираются посадить на престол Алексея, а регентом — Генриха Прусского³. В условиях мира, между прочим, оккупация Петербурга, немецкие комиссары во всех областях, сдача немцам оружия и торговые привилегии на 15 лет.

1 декабря. Немцы все больше нагледят. Пишут в бюро военнопленных о том, что их присылают в Москву и чтобы к их приезду были хорошие экипажи и т. д. Фриче⁴ дает немцам удостоверения, чтобы не производить у них обыска без представителя шведского посла.

Из военных сфер тоже передают о Генрихе Прусском.

2 декабря. Лукин-большевик говорил, что Ленин и К^с разочаровались в возможности социальной революции в России и решили, что для ее ускорения надо ввести жесточайший монархизм, хуже прежнего, а самим тем временем отправиться работать в Германию, где по окончании войны должна вспыхнуть социальная революция; свергнув Вильгельма, она оттуда распространится сюда.

14 декабря. По слухам от N., прежняя военная контрразведка, сегодня захваченная большевиками, в свое время установила, что в Москве работают три немецких штаба, и что сюда ежедневно прибывают партии всеннопленных, одетых в русскую солдатскую форму. Зачем? Контрразведка успела спасти многие материа-

лы, например, документ о том, что большевики получили 75 000 руб. от немцев. Начальником контрразведки теперь назначен известный им немецкий шпион...

Покровский⁵ у нас на заседании «Голоса минувшего» еще до бойни сказал, что Ленин получил деньги с немецких социал-демократов⁶.

19 декабря. Немцы все распространяются, уже пять миссий военных в России.

21 декабря. В «Союзе защиты Учредительного собрания» приехавший из Петербурга делегат передал, что в Смольном очень прислушиваются к немцам (немецким миссиям) и, так как граф Кайзерлинг⁷ за открытие Учредительного собрания — очевидно, оно будет открыто. Вообще начинаются послания, связанные, вероятно, с ужасными условиями немецкого мира.

1918 г.

1 января. Были у С., она рассказывала, что видела Толстую, бабушку Анны Вырубовой⁸, и та ей говорила, что у нее была мать Вырубовой — Танеева, и была весела, как никогда, мечтала пожить в ее чудном имени (Московской губернии, на реке Уче). О Вырубовой же С. слышала следующую версию: когда Коллонтай и Ленин изверились в социалистической революции, Коллонтай⁹ решила отыскать Вырубову, явилась к ней, и они вдвоем составили план возведения на престол Алексея с регентами Леопольдом Баварским и Павлом Александровичем. По рассказу N., одна его знакомая была у Ленина, ходатайствуя за Т. Ленин послал ее со своей карточкой в свою канцелярию, и там к ней будто бы вышла Вырубова, которую она знала лично*.

9 января. Сегодня была большевистская демонстрация, часть которой мы видели выходящей из штаба (Александровское училище). Впереди на шести клячах ехали какие-то субъекты странного вида, потом матрос и еще двое несли знамена, за ними ехали офицер и еще какой-то чин верхом, далее восемь музыкантов трубили Марсельезу, а за ними шло 200 немецких пленнх, наряженных в юнкерские шинели (очевидец сказал мне, что слышал команду по-немецки и их разговоры, да и лица у них нерусские), и перереяженные солдатами штатские, потом тащились пушка, автомобиль с сеном, верно для пушечных кляч, автомобиль с барышней и пулеметом, и грузовик с военными и сестрой милосердия. Мимо нас в это время браво проследовал какой-то субъект из Вампуки¹⁰: красные штаны и каскетка, локонь, декольте и жабо, серая шинель, волочащаяся кавалерийская шашка, вообразил себя каким-то Сен-Жюстом¹¹. Когда мы возвращались с панихиды, по Волхонке тянулось большое шествие, вероятно, из Хамовников. На Арбатской площади начались отдельные выстрелы, потом пошла трескотня, и все ринулись бе-

* Это те две легенды, которые высмеивает в воспоминаниях Вырубова. Но как характерно, что они так же упорно держались в Москве, как и в Петербурге. (Примеч. С. П. Мельгунова.)

жать; говорят, что стреляли с Никитского бульвара, а им отвечали из Александровского училища. Самая главная свалка была на Красной площади, где собралось много зевак. — При первой встрече все бросились, топчя друг друга (все это видел К.), выбивали стекла магазинов и лезли внутрь, извозчики давили упавших, красногвардейцы бросились обыскивать дома, подозревая провокацию, и в «Славянском базаре» арестовали и избili пятнадцать офицеров стражи; их потащили в Совет, говоря: «Там споем им вечную память». Говорят, что сигнальный выстрел был дан из дома Советов, так как пальба началась везде одновременно. Щ.* объезжал лазареты, много раненых, есть убитые, главным образом большевики. Раны большей частью в пятки (ложились на землю). Мальчик 12 лет говорит, что был ранен на Цветном бульваре, где нес знамя. Есть раненые немцы. Знакомый С. спросил их по-немецки, почему они участвуют, — они прямо ответили: «Kaiser Wilhelm und Deutschland uber alles!»¹².

13 января. Некоторые утверждают, что первыми начали стрелять эсеры из пулемета с крыши Рядов¹³; другие, что во всех частях города были провокационные выстрелы, за которыми последовала пальба. Факт тот, что в воззвании «Ко всем» Совет рабочих и солдатских депутатов заявил, что это буржуазия, и зовет всех на борьбу с ней весьма энергично — олять начали утихнувшую было травлю. Масса обысков — ищут оружие и припасы.

31 января. В воскресенье был у нас N. Рассказывал, что в Жиздре комиссар — немец под ложной фамилией Медведев. И здесь, в Екатерининском институте, комиссар — немец, фамилия — Малиновский, он натравливает низших служащих на учителей и др.

Адмирал Колчак говорил, что на Балтийском флоте выбиты все офицеры, составляющие ценность флота, теперь же — в Черноморском; он видит в этом немецкую руку, ибо заменить их невозможно — флот обессилен. В «Русские ведомости» пришло известие, что Германия решила поддержать Финляндию против Красной армии... К. слышал на улице, как один красногвардеец, вооруженный, говорил другому: «Du wirst doch ihm gehorchen»¹⁴ — на чистейшем немецком языке.

8 февраля. Щ. сообщил, что из Смольного в «Вечернее время» получено известие, что Германия прибавляет еще два условия: 1) заключение мира с правительством, признаваемым всей страной; 2) гарантия личности немецким и русским гражданам. Очевидно, у большевиков все было заранее условлено с Германией и весь отказ от мира был одной комедией, теперь же Германия показала им нос. На улице, пожалуй, небывало радостное оживление — уродливая радость, что немцы принесут порядок. Извозчики рады, что «мостовая будет лучше». Кухарки, что «эту дрянь (большевиков) выгонят и будет порядок». Возвращают городовых; пе-

* Теперь коммунист. (Примеч. С. П. Мельгунова.)

ред домом, где живет Лешковская (Столовый пер.), стоит прежний, отдает честь: «Скоро мы все вернемся», — говорит ей. И, действительно, красногвардейцев заменяют милиционеры, а под их маской городовые. Идут «полубуржуй» и солдат, первый радостно: «То-то зададут немцы большевикам». — «А нам что? — отвечает солдат. — Все равно».

9 февраля. Вчера были самые невероятные слухи из-за того, что немцы идут. В. говорил у нас в клубе (народных социалистов), что сегодня Совет рабочих и солдатских депутатов бежит из Москвы, что немцы взяли Смоленск, что Бологое в руках пленных. И нос совсем повесил. Его жена добавила, что получила из Вологды письмо, там ждут со дня на день английской оккупации. Сегодня слышали, что союзники заключили мир с Германией и разделили сферы влияния... Слухи В. все ложь по последним газетам, только вчера во «Власти народа» отмечалось, что немцы объявили своей Александровскую железную дорогу до Москвы.

12 февраля. Из разговоров в вагоне матроса и солдата (Петербург—Москва; ехал С.): «А если немцы придут?» — «Пусть, порядок заведут»...

Германия согласна на мир на новых условиях, которые указаны в газетах, и на одном, там не указанном: «Оккупация Москвы и Петербурга немцами для организации правильной демобилизации и наблюдения за исполнением условий». Это передавали из Совета Народных Комиссаров. Наш ЦК решил сам организовать отряды для борьбы с наступающими немцами, но теперь дело меняется. Собирается Учредительное собрание и все должно сосредоточиться вокруг него.

Еще сообщал Н., что союзники заключили с немцами мир. Вчера был в гимназии Дервиз бал, говорят, он прошел особенно оживленно из-за радости по поводу прихода немцев. Какое-то безумие охватило всех, забывают все, думая только о своей сохранности.

13 февраля. Вчера вечером на собрании представителей различных общественных организаций ясно стало, что большинство подыскивало оправдание, чтобы радоваться приходу немцев; все сводится к обеспечению порядка и покоя в те немногие часы, которые будут между бегством Совета и вступлением немцев, если они, действительно, придут (у меня внутреннее чувство, что этого не будет). К. говорит, что немцы поставили еще два новых условия (кроме вчерашних): 1) оккупация Москвы и Петербурга для правильной мобилизации и сбора контрибуции и 2) разоружение Красной гвардии: оккупация до всеобщего мира, переговоры с признаваемым всеми правительством, а не с народными комиссарами. В Совдепе царит хаос: Московский Совет хочет отделиться от петербургского и, отказавшись от мира, защищать Москву. Там все время рабочие кричат своим вождям: «Предатели, продали» и т. д. Совет жаждет, чтобы его сместили — отряд в 300–400 человек и то мог бы. В штабе вчера Крыленко¹⁵ заявил на требование удаления пленных с железных дорог: «Еще рано!» Видно, все они или многие продались, между тем, по частным сведениям,

эти пленные давно организованы. Записалось в Москве по вчерашний день в Красную армию 13 000 человек, и часть их уже отправлена навстречу немцам... К. слышал, что Зиновьев поехал к немцам подписывать мир... Н. говорил, что Управа собирается и озабочена охраной жителей при возможной анархии, представители Губернской земской управы заявили, что они тоже, хоть и свергнуты, но берут на себя охрану губернии и переговоры с немцами. Солдаты, прибывшие из Минска, говорят, что немцы расстреляли там Совдеп. Из-за новых условий мира с сегодняшнего дня введена военная цензура для газет и ни одна, кроме большевистских, не вышла. Дума, губернская и городская управы постановили: оставаться в Москве при оккупации. Учредительное собрание на частном совещании постановило назначить правительство национальной обороны и сложить свои полномочия.

15 февраля. Вчера сообщали из биржевых кругов о получении известия, что в Петербурге на улицах бой большевиков с монархистами и военнопленными, которых большевики имели глупость или подлость вооружить. Д. сообщил, что двести офицеров сорганизовались в отряд и послали к Муралову¹⁶ делегатов с предложением своих услуг по борьбе с немцами. Их принял адъютант Аралов (Муралов якобы уехал) и заявил, что их предложение будет обсуждено, при этом они ставили условием: дать им вооружение, не вмешиваться в их стратегию и не включать их в Красную гвардию, а они, со своей стороны, обещали не принимать участие в гражданской войне. «Почему вы не хотите в Красную гвардию?» — спросил Аралов. «Это наши убеждения и об этом слишком долго говорить». На следующий день им сказали, что условия их принимаются, но нужен их список для изъятия нежелательных и еще надо к ним приставить комиссара. «Для сыска? — спросил один из офицеров. — Пожалуйста, но чтобы он не вмешивался в командование».

Вчера в нашем городском комитете... Л. говорил о том, что мы желаем немцев. Он их желает, потому что большевики его терроризировали. Но мы восстали против этого. Надо сознаться, что никто не знает выхода...

Кончилось заседание постановлением выразить консулам союзников наш протест против сепаратного мира и напечатать в газетах обращение...

Сегодня передано по телефону из Военно-промышленного комитета в «Земгор» следующее: мир не заключен, решено защищать Петербург... Многие радуются немцам.

16 февраля. Вчера пришло известие о заключении сепаратного мира на еще более тяжелых условиях. Отдаление от России части Закавказья с Карсом и Батумом.

К.-младший вчера говорил, что приехал из Пскова отпущенный немцами старший врач Земского союза. Он рассказывал, что его призвал генерал и предложил ехать, сдав все под расписку, так как они будут все оплачивать. Оставили только заведующего хозяйством. Большевиков немцы вешают.

Видела М., она на фронте переживала «мир» среди солдат. Говорит, что это было ужасно: солдаты толпами шли в немецкие окопы, хотя их убеждали посы-

лать делегации. Шли распушено, придя туда, вдруг встретили офицеров, вышедших к ним вместо солдат; выглядывавшие из окопов немецкие солдаты мигом спрятались, вперед вышел генерал: «Здорово, русские герои!» — сказал он на ломаном русском языке, и вдруг все они вытянулись в струнку, выстроились, вспомнив давно забытую дисциплину и гаркнули: «Здравия желаем, ваше превосходительство!».

Вчера наши представители совместно с эсерами, «Единством», Советом крестьянских депутатов, трудовой интеллигенцией и др. были у всех консулов с заявлениями против сепаратного мира...

Сегодня А. приехал из Петербурга... Он считает, что главари Смольного продали Россию определенно, и в доказательство приводит то, что все военное снаряжение, весь многомиллионный инвентарь войны заранее был свезен в Минск, Двинск, Ревель, и, когда он был свезен, немцы двинулись и все взяли. Из Пскова население до 42 лет определено в Германию... В Москве Кремль объявлен на осадном положении, и туда свозится все оружие, причем работают, главным образом, военнопленные.

20 февраля. Зиновьев в Москве на заседании Совдепа по поводу мира вчера заявил, что Москва дала в армию только 3000 человек, а Петербург 10 000. «Если хотите защищать, идите в Красную армию». Оказывается, завод с самой патриотической резолюцией дал всего трех человек (двоих мужчин и одну женщину)...

Днем Щ. сообщил, что условие немцев: «Нейтрализация (?) Петербурга с немецкой полицией из военнопленных», а вечером из «Утра России» сообщили, что условие: оккупация Петербурга соответствующим количеством войска с генералом, адъютантом Вильгельма, во главе, при нем остается Большой Совет и новый главоверх генерал Бонч-Бруевич, а Малый Совет (Ленин, Троцкий и К⁰) переезжает в Москву; К. добавил, что оккупация вплоть до Бологого. Это новое прибавление к тому, что было известно неделю тому назад. Я. говорил, что еще контроль всех финансов России. В связи со статьей С. П. Мельгунова в «Последних новостях» выступил с очень интересным добавлением С. О. Загорский. Эпизод, рассказанный С. О. Загорским:

«Вскоре после заключения Брест-Литовского мира в Петроград, как известно, прибыла германская миссия во главе с графом Кайзерлингом.

Редакция газеты "День" отрядила к моменту приезда Кайзерлинга одного из своих хроникеров, поручив последнему во что бы то ни стало получить у гр. Кайзерлинга интервью. В этот же день мне, как одному из членов редакции, пришлось быть дежурным ночным редактором. Хроникер действительно принес ожидавшееся интервью. Около двух часов ночи заведующий хроникой с торжеством принес мне это интервью, которое нашему хроникеру удалось получить с большими трудностями, с большой затратой энергии и ловкости.

В изложенной беседе гр. Кайзерлинг выражал удовлетворение по поводу заключения Брест–Литовского мира и весьма высокомерно говорил о будущих отношениях между Германией и Россией.

В конце беседы германскому председателю был задан вопрос о том, предполагают ли немцы оккупировать Петроград?

Ответ Кайзерлинга заключался в следующем:

“До поры до времени оккупация Петрограда не входит в планы немцев. Но она станет вполне возможной и даже неизбежной, если в столице возникнут беспорядки”.

По всему содержанию и по всему тону заявления Кайзерлинга было ясно, что под “беспорядками” в данном случае подразумеваются беспорядки, направленные против советского правительства, которое, по всей вероятности, не будет чинить препятствий такой оккупации. Столь откровенное заявление вначале заставило меня колебаться насчет того, явилось ли оно правдоподобным. Хроникер был новичком в нашей редакции, я лично его не знал и не мог быть в нем уверен. Но заведующий хроникой поручился мне за добросовестность нашего сотрудника. Час был слишком поздний, посоветоваться с кем–либо из товарищей было трудно. Я пустил беседу с Кайзерлингом полностью, сопроводив ее несколькими словами от редакции, в которых подчеркнул истинный смысл последнего пункта заявлений Кайзерлинга, и дал должную оценку советской власти.

На следующий день после появления в нашей газете беседы в “Известиях” появилось заявление Комиссариата по иностранным делам от имени Троцкого за подписью некоего Залкинда¹⁷.

В этом заявлении говорилось, что вся беседа с Кайзерлингом, помещенная в “Дне”, вымышлена, что ни один журналист вообще Кайзерлингом не был принят, что, в частности, заявление, сделанное в конце беседы, представляет собой гнусную ложь, ибо заявление подобного рода и не могло быть сделано, что, наконец, — и это самое интересное — Комиссариат иностранных дел запросил Кайзерлинга, который категорически отвергнул все напечатанное в нашей газете...

Ввиду этого к Кайзерлингу снова были отправлены наши хроникеры. Вместе с автором беседы был направлен один из старых и опытных сотрудников, знавший хорошо немецкий язык. Он перевел германскому представителю все, что было напечатано в газете, и просил его указать неточности. Кайзерлинг все подтвердил. Тогда наш сотрудник перевел ему заявление, напечатанное в “Известиях”.

Тут, однако, и Кайзерлинг не выдержал. Он рассказал, что накануне ему телефонировал тот же Залкинд, который от имени Троцкого просил его опубликовать опровержение всего, что было напечатано в “Дне”. Кайзерлинг категорически отказался это сделать. Тогда большевики сами состряпали свое заявление.

Не могу вспомнить, получили ли мы тогда письменное подтверждение Кайзерлинга. Во всяком случае, “День” снова напечатал полностью и вторую беседу с Кай-

зерлингом. Газета сопроводила эту беседу передовой статьей, в которой, разоблачая снова политику советской власти и, в частности, Троцкого, предлагала последнему привлечь ее к ответственности в том случае, если все изложенное неверно.

Ответа на это, конечно, не последовало».

22 февраля. Сегодня слышала от N.: по сведениям «Русских ведомостей», Япония, Франция, Англия, Америка договорились, что Япония и Америка вторгнутся в Сибирь для борьбы с Германией и с большевиками, что они занимают железнодорожную магистраль до Урала от Владивостока, чтобы обезопасить себя от 200 тысяч немецких пленных, которые могут захватить магистраль и сделать во Владивостоке базу подводной войны с Японией. Союзники хотят опираться на противобольшевистские партии и организации в России и стоят за конституционную монархию...

Во главе оккупационного корпуса в Петербурге будет стоять адъютант Вильгельма, там же останутся Бонч-Бруевич (генерал) и немецкая полиция из пленных. Занят он уже или нет — известно, говорят, что занят вчера. Он по договору нейтрален. В этом договоре даже не обозначена линия границы. Говорят, что подписали одни русские чуть ли не белый лист на милость немцам, которые сказали, что доложат немецким социал-демократам, на какие условия пошли их собратья*. Т. передавал, что при начале отступления Смольный послал 10 телеграмм в Берлин, что на все согласен, а когда В. пришел просить 1,5 миллиона на оборону, они засмеялись ему в лицо: «Если хотите, обороняйтесь, нам не до того, через три-четыре дня вступят немцы». Комиссары хотят обосноваться в Нижнем; там, по словам Б., для них уже готовы помещения (у него там дом)...

Говорят, что в Псков к немцам ездили монархисты для обсуждения восстановления монархии. Вообще в тех рассказах о Японии из «Русских ведомостей» говорилось, что Германия хочет ввести неограниченную монархию (а союзники — конституционную); говорят (Т.), что многие прежние сановники приглашены в Петербург немцами... В Минске солдат разоружали немцы, а красногвардейцев вешали по 9 человек из 10, и одного отправляли в Берлин...

К Ж. на днях явился немецкий офицер Ш., который прямо заговорил по-немецки. Он сказал, что у них есть контрразведка, как и у Ж., что, по сведениям своей контрразведки, Ж. знает, что у них 28 тысяч вооруженных пленных, но фактически больше и предложил войти в контакт и действовать сообща для свержения большевиков. Ж. заявил, что не желает разговаривать, но тот, не унывая, оставил ему адрес своего штаба (так и сказал) на углу Поварской и Скорятинского переулков и просил подумать. Очевидно, немцы в контакте со всеми и всех водят за нос. Бойтся М., что большевики всех перехитрят, но это не может быть, — немцы хитрее... К. (вруша)

* Эта запись характерна в качестве «точных» сведений, которыми располагало московское общество. (Примеч. С. П. Мельгунова)

вчера говорила, что часть 1-й артиллерийской бригады едет в Петербург для охраны его от немцев, причем на 30 солдат приходится 200 военнопленных немцев, взятых для всей черной работы, ими заведует немецкий офицер. К., доктор бригады этой, опровергает все, но и он — враль.

4 марта. Странности некоторые есть: В. встретил на Арбатской площади человека, державшего в руках солдатскую форму и по-немецки спрашивавшего у встречных, как пройти в Манеж, но никто не понимал. В. заговорил по-немецки и предложил пойти вместе, так как он в ту сторону идет; дорогой разговорились, и тот, верно из благодарности, сказал: «Да вы не беспокойтесь, нас много, и мы 17-го все устроим — будет порядок, мы тут стоим, в Манеже» и указал адрес своего штаба на Поварской. Другой случай: какая-то организация была предупреждена, что в Денежном переулке облава; никто из них, кроме одного офицера, не пошел туда, а он рискнул пойти и посмотреть; его арестовали солдаты и повели; вдруг он слышит, что группа солдат разговаривает по-немецки. Тогда он обратился к ним по-немецки, они вытянулись, отдавая честь, и со словами: «Entschuldigen Sie, Herr Leutenant»* отпустили его. Говорят, что немцы предлагали бывшему градоначальнику Москвы занять высокий пост, но он отказался.

5 марта. По данным контрразведки Н., в Москве 30 тысяч немецких пленнх и всего только 6800 большевиков, считая и Красную армию и Красную гвардию, — так что взять ее изнутри ничего не стоит, — тем более, что немцы вооружены.

Немцы, по сведениям Н., готовятся к следующему. В Петербурге они будут организовывать власть: бывший личный атташе при Николае II... будет военным губернатором округа, фон Коттен — охранником, каким был в Москве¹⁸, и русский градоначальник. На престол они метят Константина Греческого¹⁹, как православного внука Александра II и мужа сестры Вильгельма, ибо Романовы и Гессенские очень скомпрометированы.

6 марта. Н. хорошо разведывает. Кривошеин субсидирует «десятку»** из немецких денег, ибо Кривошеин связан с немецким банком... Второв продает банк (Юнкер) немцам. Ориентация части промышленных кругов — на немцев. И. К. играет двойную роль, он немецкой ориентации, получает немецкие деньги и в то же время поддерживает союзническую организацию — «девятку». Везде и всюду немцы. Сегодня К. пошел в Кремль за документами. Кремль охраняется военнопленными, а между тем, туда свозится масса вооружения — они переряжены русскими солдатами. С ним вместе подошел офицер в русской форме с немецким лицом и обратился к солдатам на чистейшем немецком языке. К. плюнул, повернулся уходить, офицер догнал его: «Entschuldigen Sie»***, но К. перебил его: «Nein, entschuldigen Sie mich,

* Извините, господин лейтенант (нем.).

** Правая общественная организация. (Примеч. С. П. Мельгунова.)

*** Извините (нем.).

Ich will mit ihnen nicht Deutsch sprechen»* и предложил говорить по-французски; тот заявил, что он француз и хотел осмотреть Кремль, — но ложь была ясна. Что же дальше? Тут 6800 штыков и 6 броневиков, и 30 000 штыков и 18 броневиков у немцев. Большая Никитская от Никитских ворот до Кудрина почти сплошь занята большевиками, все дома реквизированы, а Поварская — анархистами и военнопленными, последние охраняют Кремль.

8 марта. Немцы на две недели отложили занятие Москвы. Немцы опутали все. Через ИК они поддерживают Дон²⁰, поэтому там ничего не вышло. Через Кривошеина они связались с некоторыми кадетами, а через старую Охранку с монархистами. Они через монархистов входят с предложением к Адрианову быть во главе Москвы. Немецкий генерал уже в Москве с двумя батальонами ударников из Минска. Оружия у них очень много, больше, чем у большевиков. Большевицкие вожди идут в Новгород. Немцы хотят захватить власть через монархистов.

10 марта. По сведениям А., немцы отложили захват на две недели, т. е. до будущего воскресенья. По сведениям Т., они переменили план и решили отрезать юг, заставив голодом народ свергнуть большевиков. Алексеевские организации²¹ тоже провалились, а немцы, давая одной рукой, разрушали эти организации, чтобы, стаянув, погубить все способные к сопротивлению силы.

Это шло под видом банковских субсидий через Б. К. ...Ж. говорил, что монархисты предложили ему выступить вместе с ними и немцами против большевиков, а сегодня добавил, что был в их совете и там был Адрианов (его прочат в начальники Москвы монархисты и немцы). 18-й военный госпиталь, где я работаю, передан пленным. Пришла бумага от датского консула о передаче всего госпиталя пленному доктору Блашковичу (так как там только пленные), который и принял инвентарь и ведет хозяйство, а русские доктора просят у него продукты и пр.

19 марта. Адрианов умер от разрыва сердца вчера, а его только что прочили в начальники Москвы монархисты и немцы, и Ж. заседал с ним по вопросу о борьбе с большевиками.

21 марта. В Петропавловской школе были большевики, хотели реквизировать, совсем уже решили, а им говорят: «Мы должны известить нашего председателя». — «Кто это?» — сказали. Те прибавили: «Верховного покровителя тоже». — «А он кто?» — «Император Вильгельм». — «Нет, знаете, ваше помещение нам не подходит».

30 марта. По поводу ликвидации анархистов версии разные; по одной, у них ликвидации «безобразия» требовали немцы для приезда Мирбаха...

4 апреля. Сегодня в Москву приехал Мирбах — немецкий посол, по приказу которого в прошлую пятницу ликвидировали анархистов. Теперь он и поселился в их центре — в купеческом клубе. Сегодня В. С. видел готовящуюся ему встречу: перед

* Нет, извините меня, я не хочу с вами разговаривать по-немецки (нем.).

клубом стоял автомобиль, полный цветов, оркестр военной музыки и конный отряд милиции — народу мало. Сегодня неожиданный приказ праздновать Ленские расстрелы — отчего не за несколько дней? Ленские расстрелы для отвода глаз, празднуют же приезд Мирбаха.

13 апреля. Приехал Мирбах, перед ним многие снимают шапки. Говорят, что максималисты постановили убить его, говорили, что бомба уже брошена, но все это вздор.

17 апреля. Был обыск у поляков, искали документ определенный. Нашли; говорят, что он подложный, но в то же время говорят, что это тайное условие мира, в котором есть пункты: 1) через три месяца после ратификации все банки должны быть восстановлены; 2) четырнадцать лет французские и английские деньги и бумаги не будут пускаться на русский рынок; 3) агитаторов не будут посылать в Германию, а в Польшу только с немецкого разрешения.

23 апреля. Петлюра наивно утверждает, что они звали только австрийцев и только 30 000 человек, а пришли немцы и 230 000. В Киеве улицы называются по-украински и по-немецки. Вокзалы, телеграф и телефон в руках немцев. Фактически они хозяева, они и на выезд дают разрешение. На всех маленьких станциях надписи по-украински и по-немецки, вплоть до «Für Frauen»*. Киоски полны немецких книг и газет, и везде угрожающие надписи на ломаном русском языке, что за попытку покушения на немецкого солдата грозит расстрел.

29 апреля. Слухи без конца: третьего дня закрыты газеты «Народное слово», «Родина», «Вперед» и «Земля и Воля» — закрыты за помещение ультиматума Мирбаха о концентрации в Москве пленных, о разоружении латышских стрелков и об улучшении положения царской семьи, так как Александру Федоровну он берет под свое покровительство. Говорят из сенаторских кругов, что на днях в Петербурге и в Москве будет переворот монархический. Трепов (брат) назначается премьером. Реставрация династии, хотя неизвестно — в чьем лице. Мирбах рекомендовал немцам на сегодня уезжать из Москвы, но пока все спокойно. Вчера говорили, что немцы стлжили, потому что на Украине неспокойно, там якобы покушение на Скоропадского, и Рада заменяется сечевиками.

Вчера газетам не дали разрешения выходить, говорят, надо ждать три-четыре дня разрешения на возобновление под другим именем.

Вчера якобы к Мирбаху явилась депутация черносотенцев с просьбой «не томить и поскорее покончить».

30 апреля. Порядочные большевики говорят, что это был не «ультиматум», а «пожелание» Мирбаха. Графиня К. отправилась к Мирбаху с просьбой вернуть ей разграбленное имение и ей все вернули.

* Для женщин (нем.).

Немцы идут все вперед без преград. Елизавета Федоровна говорила Дерюжинскому, которого спрашивала про денежные дела, что она все же считает русский народ очень хорошим: «Вы никогда не были немкой», — прибавил он. Она отказалась принять Мирбаха и выслана чуть ли не по его требованию в Екатеринбург. Настроение в пользу немцев нарастает. Мирбах сказал после антинемецкой резолюции кадетов: «Ну, через месяц придут к нам все равно, — пусть еще помучаются». Меньшевики тоже в борьбе двух течений, германофильское начинает преобладать в связи с их идеей о поступательном росте капитализма. Среди офицерства и торгово-промышленных кругов тоже начинают склоняться к немцам.

16 мая. Совет Народных Комиссаров согласился на требование Мирбаха пропустить 4 дивизии на Мурманск.

7 июля. С мая не писала ничего.

Очевидно, сейчас подходит решительный момент — расстрелян Николай II в Екатеринбурге по постановлению местного Совета²². Центральному Исполкому осталось только одобрить это, хотя вряд ли они довольны, ибо их господа — немцы, наверно, посчитаются с ними за это. Итак, немцы наступают: Орша взята, идут к Смоленску, который якобы эвакуируется. Наступление их — ответ на убийство Мирбаха²³, по поводу которого Совету был предъявлен ультиматум: ввод отряда в Москву для охраны посольства. Официально Ленин, при всеобщем одобрении, отказал в этом, но вчера через Москву проходили (наговорил С.) переодетые немцы, якобы к Ярославлю для подавления тамошнего восстания. Г. — немецкой ориентации. Кривошеин стал во главе немецкой партии в Москве, возвести на престол Алексея с протекторатом Германии — было их целью.

Говорят, что оккупационный отряд скоро войдет в Москву. Неужели у нас будут так же радоваться, как Ф., рассказывавший с восторгом о порядке и чудесных пирожных в кондитерских при немцах в Киеве. Убийство Мирбаха — знаю от участников (Блюмкин²⁴ — убийца, бывший раньше членом нашей партии). В 3 часа дня к дому Мирбаха (дом Берга в Денежном переулке) подъехал автомобиль, вышли из него двое — Блюмкин и Кузнецов*. Красноармейцы не хотели пропускать, они заявили, что приехали от Дзержинского, т. е. председателя [Чрезвычайной] Комиссии по борьбе с контрреволюцией, по важному, мол, делу; их впустили. Мирбах сидел за столом, с боков два офицера прусских. Блюмкин подал пакет, где за подписью Дзержинского сообщалось что-то важное, офицеры впились в него глазами. Мирбах читал, и, по мере того как выяснялось, что бумага подлинная, настороженность офицеров падала. Блюмкин незаметно вынул из портфеля маленький револьвер и выстрелил

* Многие детали убийства Мирбаха и спасения Блюмкина переданы (по слухам) П. Степановой недостоверно. (Примеч. В. И. Кузнецова.) См.: Велидов В. Похождения террориста: Одиссея Якова Блюмкина. М.: Современник, 1998.

в Мирбаха — тот бросился к двери, Блюмкин за ним. Кузнецов выстрелил в обоих офицеров, которые упали, он бросил бомбу, но она не разорвалась. Блюмкин успел выстрелить в затылок Мирбахе, и тот упал. Оба бросились бежать, но один из офицеров приподнялся и выстрелил в ногу Блюмкину — попал. Снаружи доносился уже шум, выстрелы были услышаны стражей. Кузнецов выбежал и, перепрыгнув через решетку, вскочил в автомобиль. Шофер все время отвлекал стражу беседой и убеждал, что весь шум от мотора только. Блюмкин, раненый, в полном отчаянии схватил бомбу и вторично бросил ее, она разорвалась и опрокинула его. Еле поднявшись, хромя, добрался он до решетки; благодаря полной растерянности и суматохе, его перетащили товарищи, и автомобиль скрылся. Они поехали в штаб-квартиру отряда Попова, а туда, между тем, свозили арестованных Дзержинского и других. Но скоро большевики явились их освобождать, и все бежали, бросив раненого Блюмкина, который просил Саблина взять его, но тот только рукой махнул. Какая-то сестра милосердия повезла его на автомобиле в 1-ю городскую больницу. Четыре раза их останавливали, она показывала свои документы и говорила, что на улице подобрала его. Наконец, довезла. В тот же вечер он послал записку другу, чтобы тот взял его; тот явился. Докторша спросила его, не Блюмкин ли это, он ответил, что нет, и прибавил, что все равно не сказал бы, если бы и был Блюмкин. Она согласилась отпустить, несмотря на жар. Тот повез его на квартиру знакомых, где жил его отец. Ночью же Блюмкин послал его с письмом к Н., прося помощи н. с. (народных социалистов), и пошла писать губерния. Удалось устроить его в частную лечебницу благодаря И. П. Алексинскому, а потом и вывезти из Москвы. Но он совсем развинулся: всем болтал почти про все, страдал манией преследования*.

Милюков в Киеве — немецкой ориентации. Говорят, что он ведет переговоры с немцами о единой России — председателем Совета министров должен быть Трепов, его же прочат на гетманство. ЦК кадетов — девятнадцать человек при одном воздержавшемся и одном «за» — высказался против Милюкова. С Милюковым — Набоков.

14 июля. Страшно то, что один из полковников, с которым оставил связь, уезжая, генерал Б., военный представитель в Союзе Возрождения, оказался монархически-немецкой ориентации. «Пока-то мы яхшаемся с эсерами, — сказал он офицеру, посланному Союзом Возрождения, — а потом их победим. Как и чем немцы хуже союзников?»

С. уверен, а теперь это начинает подтверждаться, что есть немецкие военные организации. В Москву введен немецкий эшелон в «русской форме» (я сама слышала, как «русские» солдаты разговаривала на чистейшем немецком языке). Денежный, часть Трубниковского переулков заняты под них. В Денежном к Е. пришел немец и предложил им выехать из дома; они отказались, он удивился: «Нам все радуются, мы культур-

* Блюмкин сделался потом коммунистом и даже чекистом. (Примеч. С. П. Мельгунова.)

ные и сохраним все в целости». За эту целость им уступают квартиры. Пока Е. не тронули. Ярославское восстание отчасти было спровоцировано, чтобы показать немцам, что напали одновременно на них (убийство Мирбаха) и на советскую власть — эта власть и теперь докладывает немцам, что 200 социалистов-революционеров, активных участников восстания, расстреляно, а их Центральный Комитет сидит под арестом.

22 июля. Очевидно, немцев зовут против союзников и попросту с ними уговорились — ведь большевики и в Ярославле умирляли восстание с помощью немцев (якобы 200 вооруженных военнопленных, которые сдались восставшим, выдали их большевикам по категорическому требованию — так изложено все в «Известиях»).

Здесь немцами в посольстве получена телеграмма: французские газеты будут трубить об огромной победе, не считайтесь с этим — немцы отходят, но «по выработанному заранее штабом плану» — там огромная победа французов, которые вернули все, занятое немцами при последнем наступлении. Немецкая контрразведка (которой содействует NN.), сообщила большевикам, что 3-го готовится выступление, а фактически готовится выступление какой-то организации, явно устроенной немцами, что выясняется из некоторых сопоставлений. Правый центр утверждает, что из него ушли кадеты, державшиеся немецкой ориентации (?!), а фактически на их собственных заседаниях в доме Долгоруковой на Спиридоновке сидят теперь немцы, лейтенант и генерал, и вертят ими; они им предложили: «Мы беремся устранить латышей, а вы сами расправитесь с большевиками», хотят стравить; для этого же, устроив военную организацию из десятков, они донесли большевикам о готовящемся выступлении этой организации.

29 июля. За эти дни в Москве много событий — уехал заместитель Мирбаха — Гельферих²⁵ — прямо в Берлин, после неудачной попытки покушения на него (все офицеры были расстреляны, один только бежал от расстрела). Покушение было, очевидно, ночью, потому что в соседнем доме на Смоленском бульваре до утра шел обыск и были солдаты. Все же немецкое посольство выехало в Петербург. За ним турецкое и другие посольства согласия, кроме болгарского, заявившего, что это его не касается...

На обеде у N. подвыпивший брат Цюрупы²⁶ рассказывал, что один немецкий Oberleutenant, из мирбаховских, был в гостях в доме немецкой ориентации; там же был Кржижановский; немец сначала молчал, потом, увидав сочувствие, заговорил и сказал, что сейчас Германия не может дать ни одного солдата, но зато, когда она разделается с Францией, она оккупирует Россию и лет через 15–20 водворит у нас благополучие. Оказывается, С. знает, какой лейтенант и в каком доме — их контрразведка всегда очень хороша.

Один из вернувшихся из плена гвардейских офицеров говорил, что их провожали в Берлине чудным обедом. Вильгельм говорил речь о дружбе с Россией и о единой власти.

4 августа. В контрразведке работает К., который сообщил, что постановлено арестовать Центральный комитет кадетов и эсеров; он принес список лиц, о которых правительство доносит немцам, как о нежелательных среди них. Петербург сдается немцам, и они проходят через него, чтобы перерезать путь союзникам, идущим втрое скорее, чем думали, так как сопротивления совсем нет. Они уже под Вологдой. Большевики протрубили победу под Казанью. Туда они бросили все силы латышей, которых в Петербурге заменят, наверное, немцы.

Последнее известие из немецкого консульства, что американцы прорвали немецкий фронт, дошли до Ставки, забросали ее бомбами, — говорят, Гинденбург убит. В немецком консульстве смятение. По поводу конспиративной квартиры С. говорил, что у немцев есть таковая и что перед отъездом посольства там было у них совещание о мире с представителями англичан и французов. Вообще, говорят, что в Амстердаме идут переговоры о мире, так как Германия признала себя не побежденной, но ослабленной. Россию якобы хотят взять под протекторат. Большевики усиленно говорят о большевистском движении в Англии и Франции.

1 сентября. С. дал краткую запись своей беседы с одним немцем, участником комиссии Радека, Лурье и др., приехавшим из Берлина. Собеседник, между прочим, утверждал, что немцы получают полтора миллиарда мануфактуры не по рыночным ценам, а по каким-то твердым ценам. По его словам, немцы купили у морского ведомства весь запас морского каната. Сам собеседник торгует машинами, но не за деньги, а за товар, который опять-таки расценивается фактически низко. Сделки эти делаются через правительство. По его словам, 40 тысяч немецких солдат предоставлены уже в распоряжение большевиков. Они будут направлены на Волгу и Петроград. Часть войск уже привезена где-то близ Орши. Немец усиленно убеждал ладить с большевиками, которые «все-таки правительство». На Украине говорил он, «хуже».

— Это для вас, для немцев?

— Нет, когда мы оттуда уйдем, там будет резня, какой здесь и не снилось.

(«Голос минувшего на чужой стороне». Париж, 1926. № 1 (XIV)).

ОТКРОВЕНИЯ КАЙЗЕРОВСКИХ ГЕНЕРАЛОВ

(Беседа с сотрудниками «Руля». Отрывок)

Генерал Гофман, бывший начальник штаба германской восточной армии, заставивший большевиков подписать Брестский мир, в продолжительной беседе с нашим сотрудником высказал ряд интересных соображений по вопросу о борьбе с большевизмом.

Беседа происходила частью на немецком, частью на русском языке.

Не русский, а мировой вопрос

— Нельзя говорить о русском большевизме: ведь это не русский, а мировой вопрос. Трагедия Европы именно в том, что русский народ не принимал участия в Версальском договоре, и Россия вырвана из международной орбиты. Все попытки Антанты разрешить восточную проблему и включить Россию в европейский концерт направлены по ложному пути. Под большевистским режимом Россия при всех потугах союзных держав не может возродиться. Ленин и его товарищи определенно не желают восстановления хозяйственной жизни Советской России, и если они стремятся возобновить торговые сношения с европейскими державами, то не для блага России, а во славу интернационализма. Они домогаются восстановить товарооборот с Западом исключительно в целях пропаганды. Красин¹ в Лондоне, Копп² в Берлине, Мартенс³ в Вашингтоне и Гиллерсон⁴ в Праге под видом торговли занимаются большевистской агитацией. Я в Брест-Литовске целыми часами беседовал с Троцким, Иоффе⁵, Каменевым и другими большевиками и убедился, что эти люди следуют девизу Лойоля⁶, что их единственная цель, для достижения которой все средства хороши, — мировая революция. Они мне неоднократно говорили, что современное государство ни в коем случае не может существовать наряду с коммунистическими и что одна сторона должна неизбежно погибнуть. Зиновьев, будучи недавно в Галле и Берлине, подтвердил это общее мнение большевистских главарей. Настоящей зимой Россию одолеют свирепый террор, мертвящий голод, холод, страшные эпидемии, перед которыми все прежние бедствия коммунистического режима покажутся игрушкой. Тем не менее, Совнаркому удастся удержаться в Кремле. До тех пор, пока державы соперничают между собой, большевизм будет усиливаться.

«Пломбированный вагон» и его последствия

— Знаете ли вы, что многие русские патриоты обвиняют Вас в том, что германское верховное командование, не добившись сепаратного мира с Россией, посылкой Ленина и Троцкого деморализовало русскую армию и создало то несчастье нашей родине, которое мы переживаем, то мировое бедствие, о котором только что говорили?

Генерал ответил следующее:

— Я, как начальник штаба Восточного фронта, руководил отделом пропаганды среди русской армии и поэтому могу Вам сказать только одно. Во время войны Генеральный штаб, конечно, пользовался всевозможными средствами, чтобы прорвать русский фронт. Одной из этих мер — назовем это удушливыми газами или иначе — и был Ленин. Императорское германское правительство пропустило Ленина в plombированном вагоне с определенной целью. С нашего согласия Ленин и его друзья разложили русскую армию. Статс-секретарь Кюльман⁷, граф Чернин⁸ и я заключили с ними Брестский договор, главным образом для того, чтобы можно было перебросить наши армии на Западный фронт. Договариваясь в Бресте с этими господами, все мы были глубоко убеждены, что они не продержатся у власти более 2–3 недель. Верьте моему честному слову, слову генерала германской службы, что, невзирая на то, что Ленин и Троцкий в свое время оказали нам неоценимую услугу, буде мы знали или предвидели бы последствия, которые принесет человечеству наше содействие по отправке их в Россию, мы никогда, ни под каким видом не вошли бы с ними ни в какие соглашения, но мы тогда не учли последствий, как их теперь не учитывает Антанта. Разве союзники, особенно Ллойд Джордж⁹, договариваясь с большевиками и заключая с ними концессии, отдают себе отчет о той страшной опасности, которую представляет большевизм?

Я настаивал перед правительством, чтобы Иоффе не был впущен в Берлин, а находился в Бресте под моим непосредственным наблюдением. Благодаря Министерству иностранных дел этот «джентльмен» свободно разгуливал по Унтер-ден-Линден, и скажу, что, несмотря на наличность других условий для переворота, германская революция все же всецело обязана ему. Через три недели после приезда графа Мирбаха в Москву военный представитель при нашем посольстве майор Шуберт сообщил мне о необходимости свергнуть Советы. Я лично поставил об этом в известность главную военную квартиру и по этому поводу даже вошел в тесный контакт с некоторыми русскими политическими и общественными деятелями. Согласно Брестскому миру, наши войска находились недалеко от русских столиц, после убийства графа Мирбаха было решено занять Петроград и Москву. Некоторые германские влиятельные политики высказывались против этого, и, хотя дело тормозилось, я тем не менее не изменил своего решения и готовился... К несчастью, за три дня до предполагаемой оккупации германская армия потерпела окончательное поражение на Западном фронте и у нас не оказалось верных войск для похода.

ВОЙНА УПУЩЕННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

(Отрывки из книги)

Разложение, которое русская революция внесла в войска, мы, конечно, старались посредством пропаганды увеличить...

• • •

Некто, поддерживающий сношения с живущими в Швейцарии русскими изгнанниками, подал на родине мысль привлечь некоторых из них к работе, чтобы еще скорее развратить войска и отравить их нравственно. Он обратился к депутата Эрцбергеру, а последний, в свою очередь, в германское Министерство иностранных дел. Таким образом дошли до известной отправки Ленина через Германию в Петербург. Я не знаю, было ли германскому главному командованию известно об этой мере, во всяком случае, главнокомандующий на Востоке ничего об этом не знал. Мы узнали об этом лишь несколько месяцев спустя, когда иностранные газеты начали в этом упрекать Германию и утверждать, что она является отцом русской революции. Это утверждение вымышлено, как и многие другие, и его нужно упорно оспаривать.

• • •

Революцию в России <...> произвела Англия; мы, немцы, находясь в состоянии войны с Россией, имели бесспорное право, после того как революция ее привела, как это вначале предполагали, к миру, увеличить в стране и в войсках революционные беспорядки.

С таким же правом, с каким я стреляю гранатами по неприятельским окопам и пускаю против них ядовитые газы, я могу, как неприятель, применить к вражеским войскам и средство пропаганды. В России, кроме того, появилось в это время наряду с Лениным большое количество большевиков, проживавших ранее в Англии и Швеции.

■ ■ ■

...Лично я ничего не знал об отправке Ленина. Но если бы меня об этом спросили, то я вряд ли бы стал возражать, так как тогда никто не мог предвидеть, какие губительные последствия для России и для всей Европы повлечет за собой выступление этих людей.

■ ■ ■

Русская делегация [по заключению Брест-Литовского мира] состояла из впоследствии нам, к сожалению, слишком хорошо известных Иоффе, Каменева (зять Троцкого), госпожи Быценко, которая стяжала себе уже славу убийством министра, одного унтер-офицера, одного матроса, одного рабочего и одного крестьянина. Это были члены делегации, имеющие право голоса.

При делегации состояло несколько офицеров Главного штаба и адмирал Альтфатер. Они не имели права голоса, а служили лишь экспертами. Секретарем делегации был Карахан... Так как делегация обедала в собрании вместе с нами, то мы имели возможность несколько ближе познакомиться с ее отдельными членами. При распределении мест я, конечно, предоставил членам делегации, имеющим право голоса, лучшие места, чем экспертам; таким образом, рабочий, матрос и унтер-офицер сидели на верхнем конце стола, а адмирал и офицеры — на нижнем. Я никогда не забуду первого обеда с русскими. Я сидел между Иоффе и Сокольниковым, теперешним министром финансов. Против меня сидел рабочий, которому многие принадлежности столового прибора причиняли немало затруднений. Он пробовал то одну, то другую принадлежность над самыми разнообразными предметами, и только вилок он пользовался исключительно для того, чтобы ковырять у себя в зубах. Наискосок против меня сидел князь Гогенлоз, рядом с ним с одной стороны сидела госпожа Быценко, а с другой стороны поместился крестьянин — настоящий русский тип с длинными седыми кудрями и огромной, похожей на дикий лес, бородой. Он вызвал один раз улыбку прислуживавшего денщика, когда ему предложили выбрать красное или белое вино, и он предварительно осведомился, которое из них крепче, так как он желал бы получить более крепкое...

■ ■ ■

В продолжение этих разговоров я начал сомневаться в правильности принятого решения — вести переговоры с большевиками. Они обещали своему народу мир и блаженство. Если бы им теперь удалось добиться первого, то их положение должно было бы у народных масс, которые уже в продолжение нескольких лет жаждали мира, значительно упрочиться. Дальнейшие сомнения возникли у меня при моих разговорах с офицерами и в особенности с адмиралом Альтфатером. Я много гово-

рил с ним о прекрасном императорском русском войске и о том, как это случилось, что революция его так быстро разрушила. Альтфатер мне ответил: «Влияние большевистской пропаганды на массы огромно. Я вам уже неоднократно рассказывал, что при защите мной Эзеля войска буквально растаяли у меня в руках. То же самое произошло и во всех армиях, и я вам предсказываю, что с вашей армией случится то же самое». Я рассмеялся тогда несчастному адмиралу — его впоследствии убили — прямо в лицо...

■ ■ ■

Майор Шуберт, наш новый военный агент в Москве, который первым настаивал на нашем решительном выступлении против большевиков, считал, что двух батальонов было бы тогда вполне достаточно, чтобы восстановить в Москве порядок и учредить новое правительство. Хотя я и предполагаю, что этот его взгляд слишком оптимистичен, но все же тех немногих дивизий, которые оставались в нашем распоряжении, было бы, по всей вероятности, достаточно для осуществления этого намерения. Ленин и Троцкий тогда еще не располагали Красной Армией. Им было не до того, они были слишком заняты тем, чтобы возможно скорее обезоружить остатки старой армии и отправить их по домам. Их власть опиралась на несколько латышских батальонов и несколько шаяк китайских кули, которых вооружили и которые, главным образом, исполняли, да, вероятно, еще и до сих пор продолжают исполнять роль палачей.

■ ■ ■

Большевики сами ни одной минуты не скрывали, что их цель — всемирная революция и что их первый шаг в этом направлении будет сделан к тому, чтобы произвести революцию в Германии. Они пользовались для пропаганды каждым представляющимся им случаем: так, например, известный Радек, будучи членом мирной делегации, пробовал раздавать нашим солдатам пропагандистские листки из окна железнодорожного поезда. Ввиду всего этого я убедительно советовал не допускать большевистского посланника в Берлин.

Hoffmann Max: Der Krieg der versäumten Gelegenheiten.*

* *Гофман Макс*. Война упущенных возможностей. — Перепечатано в переводе с немецкого из книги: В борьбе с большевизмом: Воспоминания генерал-майора князя П. Авалова. Глюкштадт-Гамбург, 1925.

ЛЕНИН — НЕМЕЦКИЙ ПЛАТНЫЙ АГЕНТ

Признание немцев

(От нашего берлинского корреспондента)

...Обвинения, резко сформулированные В. Л. Бурцевым в самой немецкой печати по поводу роли, сыгранной Германией в насаждении русского большевизма, и в особенности статья его «Я обвиняю!», продолжают волновать немецкое общественное мнение. Особенно много толков, а также возражений вызвала статья «Я обвиняю!» у крайних, как правых, так и левых.

Как берлинский корреспондент «Общего дела», я счел сейчас более своевременным, чем когда-либо, имея отчасти в виду и появившиеся недавно заявления генералов Людендорфа и Гофмана по русскому вопросу, обратиться к некоторым из видных государственных деятелей Германии, сведениями которых о большевиках В. Л. Бурцев воспользовался отчасти в своей изданной по-немецки брошюре «Я обвиняю!».

Имена своих собеседников называть не буду.

Посетил я одного из известнейших немецких генералов, игравшего одну из самых видных ролей во время войны.

Едва я заявил ему, что, как корреспондент «Общего дела», я желал бы узнать его мнение по поводу поднятых Бурцевым вопросов, как он подошел ко мне вплотную и взволнованным голосом стал не говорить, а кричать:

— Г-н Бурцев все хочет доказать, что мы платили Ленину и всей его компании, что при нашей помощи они устроили свой переворот в России и т. д. Он ломится в открытую дверь. Все это известно, мы не отрицаем этого и никогда не отрицали.

Но когда Бурцев обвиняет нас, что мы этим совершили преступление, мы отвечаем, что не сделали никакого преступления, потому что во время войны все средства хороши, а нам необходимо было разрушить русский фронт. Своей вечной травлей против нас, беспрестанными напоминаниями, что мы виноваты в

большевизме, Бурцев восстанавливает нас, немцев, против себя и мешает некоторым немецким патриотам, искренним друзьям России, действовать против большевиков вместе с ним и заставляет его самого считать французским агентом.

Я поспешил возразить:

— Бурцев — русский патриот и действует всегда как русский. Он теперь защищает Францию так же, как это делал во время всей войны, выступая рядом с таким французским патриотом, как Гюстав Эрве.

— Знаем, знаем... Но вы должны также знать, какое в Германии царит возбуждение против Франции за Версальский мир, а еще более, если хотите, за то, как он проводится. В это время в Берлин приезжает Бурцев и здесь, у нас же, не только открыто обвиняет нас за насаждение большевизма в России, но возлагает на нас ответственность за войну и хочет, чтобы мы всецело несли расплату за нее. Вот почему мы возмущены им. Он, агитируя здесь, издает антибольшевистскую брошюру, главным образом направленную против нас же, немцев.

— Но, — заметил я, — Бурцев действует как демократ и социалист. Он никогда не был против немецкого народа. Он боролся против немецких империалистов, начавших войну, против того, как война велась, против того, что было сделано во время войны, например, в северной Франции, против помощи, которую большевики все время получают из Германии. Но он — настоящий защитник молодой немецкой республики и немецкой демократии.

— Нет! — возразил энергично генерал. — Его удары направлены не только против старого режима, но против всей Германии, против всего немецкого народа.

Я считал излишним возражать на эти слова.

— Но я согласен со всем тем, что Бурцев пишет и говорит против большевиков. Я удивляюсь, — заявил энергично генерал, — что Европа разговаривает с большевиками как с порядочными людьми и как с правительством. Меня обвиняют в том, что я стучал на них кулаком, когда разговаривал с большевиками как с последними мерзавцами. Но они таковы и есть. Только сумасшедшая Европа этого не понимает! Она не понимает, что они — мерзавцы, воры, шпионы и убийцы... А разве с такими говорят иначе? Ну, хорошо, они — у власти, у них — армия. Но разве это изменило то, что они — воры, мерзавцы и предатели?

Стоило ли напоминать генералу, что при всем своем столь «лестном» отношении к большевикам он, тем не менее, в свое время и когда это ему нужно было, все же считался с ними как с правительством?

Вот заключительные слова генерала:

— Я убежден, что армия, настоящая армия, составленная хотя бы из добровольцев-немцев, могла бы взять Петроград в три дня. Но уж поверьте, если бы мерзавец Зиновьев только по телефону услышал мой голос, он бы не только удрал, но повесился бы сам, не дожидаясь того, пока я его повешу.

Вместо того, чтобы перемывать грязное белье и в сотый раз спорить о том, что всем известно и чего мы никогда не отрицали, гораздо правильнее было бы, если бы мы, немцы, и вы, русские, выработали план, как совместно свергнуть большевизм.

Я посетил другого, тоже очень видного немецкого военного деятеля.

— Чего Бурцев добивается? — спросил он не без некоторого раздражения. — Чтобы я дал ему документы о большевиках, о том, что они с 1914 года получали деньги от нашего главного командования? Сделать это сейчас я счел бы преступлением по отношению к Германии. Но ведь самого факта никто не отрицает. Я сам не так давно сообщил вам об этом для передачи Бурцеву. Я сделал дальше больше. Я вам назвал сумму, которую наш Генеральный штаб передал Ленину и К⁶, а именно — свыше 70 000 000 марок — главная часть этой суммы выдана в 1917 году при поездке Ленина в Россию. Разве это не самое главное? А что до разоблачения всех относящихся к этому документов, то международная борьба с большевиками в настоящее время ведется так, что для нас, немцев, не наступило еще время все раскрыть.

Несколько подумавши, мой собеседник прибавил:

— Как вы думаете, если бы в статье г-на Бурцева «Я обвиняю!», где он пользуется мной же сообщенными ему сведениями о семидесяти миллионах, было хоть что-нибудь не соответствующее правде, хоть одна какая-нибудь деталь, — наше правительство не поторопилось бы опровергнуть все и поднять целый скандал? Уже одним тем, что наше правительство молчит, оно подтверждает все то, что сказал г-н Бурцев.

— Г-н Бурцев как будто хочет того, чтобы мы стали на колени и каялись: «Мы виноваты! Мы давали деньги! Мы создали большевиков!...». Пожалуй, мы сделали бы и это, но только при других условиях. Мы сделали бы это, тогда и к нам было бы другое отношение...

Мой собеседник стал далее пространно говорить о союзнической политике по отношению к Германии, которая, само собой разумеется, вызывает в нем отвращение.

Приведу лишь некоторые из его рассуждений:

— Наш народ бросают в объятия большевиков. Чем хуже нам, тем лучше большевикам. Конечно, есть много вздорного и вредного в том, что некоторая часть нашего народа чего-то ожидает себе от помощи большевикам. От большевиков нам может быть только вред. Но немецкий народ, весь немецкий народ поймет и почувствует это реально тогда, когда ему станет лучше. Тогда, я убежден, его первой мыслью будет избавиться от таких соседей, как большевики.

Я посетил еще одного ответственного деятеля, занимающего видный пост в Министерстве внутренних дел. Он с негодованием стал говорить о статье Бурцева «Я обвиняю!»:

— Я возмущен г. Бурцевым. Почему он нас обвиняет? Разве мы когда-нибудь скрывали, что в интересах войны мы вынуждены были это сделать? Это была война!

В свою очередь он подтвердил, что большевики во время войны получили от Генерального штаба громадные суммы, и он оправдывал это тем, что со стороны немцев такое поведение вполне оправдывалось интересами войны и «самозащиты», затем он прибавил:

— Вместо того, чтобы говорить только о том, что было, вместо того, чтобы требовать от нас покаяния какого-то, как это делает Бурцев, лучше говорить о том, что есть. Впрочем, мы и не ответственны за старую империалистическую Германию и за то, как она вела войну. Сейчас мы — друзья России, и если бы нам дали возможность, мы помогли бы ей. Но нам не дают этой возможности. Нас душат. Не хотят даже разговаривать с нами, как с людьми.

Мы готовы бороться с большевизмом, но с пользой для нас. Работать же, как «негры», только для других — этого мы не хотим.

Я с возможной точностью воспроизвел то, что мне пришлось услышать. Предоставляю читателям делать выводы... Замечу лишь, что вопрос о миллионах, которыми Германия помогла большевикам, вонзился, как заноза, которую так или иначе придется вытащить.

(«Общее дело». Париж, [192...]. № 189, 20 января).

Разоблачения Людендорфа о Ленине и Троцком

Генерал Людендорф поместил [26 февраля 1921 г.] в правительственном органе «*Militär-Wochenblatt*» статью, в которой совершенно открыто заявил, что германское правительство «наняло» Ленина и Троцкого с целью свержения правительства Керенского, доведения России до полного безвластия и принуждения к заключению мира.

Людендорф подтверждает далее известный факт, что Ленин и Троцкий были не более как тайными немецкими агентами, оплачивавшимися германским правительством и исполнявшими его приказы, и поэтому басни о какой-то идеологии с их стороны в насаждении особой правительственной системы должны быть раз и навсегда отброшены.

Признав совершенно открыто факт подкупа Ленина и Троцкого с целью вызова в России повторной революции и принуждения к заключению мира, Людендорф объясняет, что германское правительство было к этому вынуждено тяжелым политическим положением и необходимостью во что бы то ни стало добиться мира на Востоке, чтобы раздавить своих противников на Западе.

Вначале Людендорф рассчитывал, что немцам удастся одолеть союзников с помощью организованной польской армии, почему Генеральный штаб и согласился

на предложения канцлера и австрийского министра иностранных дел барона Буриана о восстановлении Польского королевства и создании в нем своей армии, но вскоре наступило разочарование в целесообразности этого плана и пришлось прибегнуть к Ленину и Троцкому.

Инициатором посылки в Россию Ленина с товарищами был, однако же, не Генеральный штаб и не канцлер Бетман-Гольвег.

Кто именно подсказал эту мысль Бетману, Людендорф доподлинно не знает, но подозревает в этом бывшего германского посла в Копенгагене графа Брокдорфа-Ранцау, который никогда не гнушался самыми невозможными знакомствами и связями, между прочим, находился в связи и с Парвусом.

По заявлению генерала Людендорфа, Генеральный штаб во всей этой истории сыграл роль исполнителя распоряжений канцлера, по приказу которого Ленину с компанией были выданы паспорта на проезд через Германию, и Людендорфу, как главе Генерального штаба, оставалось только подчиниться приказу в силу военной необходимости.

(«Свобода». Варшава, 1921. № 55(104), 11 марта).

БЕЛЫЕ РАЗВЕДЧИКИ В СМОЛЬНОМ

Предисловие Павла Милюкова

В конце декабря 1917 года в штабе Добровольческой армии в Новочеркасске был получен из Петрограда со специальным курьером ряд документов, являвшихся дополнением к тем, которые были напечатаны в дни июльского выступления большевиков, и окончательно разоблачивших как те источники, из которых субсидировалось «предприятие» Ленина, так и те пути и каналы, которыми субсидии германской «Schwerindustrie»¹ переходили в карманы Ленина, Троцкого и их соучастников. Ссылки под документами не оставляли никакого сомнения в происхождении этих документов. Это были данные, приобретенные агентами союзной разведки. Документы носили и все внутренние признаки достоверности. Тогда же эти документы были напечатаны в новочеркасских и ростовских газетах, а пишущий эти строки написал особую брошюру, составляющую комментарии к ним. Эта брошюра, однако, не увидела света, так как набор еще не был закончен, когда большевики захватили Ростов.

В начале 1919 года, выехав за границу, я узнал, что собрание документов о подкупе Ленина не ограничивалось этой первой пачкой, полученной нами в Новочеркасске. Эдгар Сиссон, специальный представитель американского «Информационного комитета» («The Committee of Public Information»), собирал их в России в течение всей зимы 1917–1918 гг. Документы известной мне серии содержали в себе данные за время большевистского переворота (они напечатаны американцами в приложении к «Документам Сиссона» за № 54–68², к сожалению, без большей части ссылок на происхождение, имевшихся в копии, присланной в Новочеркасску). Документы, собранные Сиссоном позднее, относились уже к эпохе открытого сотрудничества большевиков с германцами после Октябрьского переворота.

Когда первые документы этой последней серии начали появляться в американских и французских газетах, против них поднялась целая буря. Разговоры о «подкупе» были тогда так же дискредитированы авансом в общественном мнении, как и жалобы на большевистские «зверства». Кампания против подлинности документов, собранных Сиссоном, попала поэтому на благоприятную почву. Скоро установилось в известных кругах мнение, что сиссоновские документы подложные и что они поэтому не имеют никакой цены.

Американский комитет передал вопрос на рассмотрение специальной комиссии, в которой приняли участие такой выдающийся профессор истории и хранитель Вашингтонского архива, как Франклин Джемисон, и такой хороший знаток России, как Самюэль Харпер³. Комиссия после внимательного изучения документов реабилитировала их и признала их подлинность, сделав лишь оговорки относительно нашей новочеркасской серии, известной только по переводам, в которые могли вкрасться неточности и ошибки. Оговорки были сделаны также относительно двух документов на немецком языке (№ 56, 68). С этой апробацией комиссии документы были напечатаны в Америке под заглавием «Германо-большевистский заговор» («The German-Bolshevik Conspiracy». Issued by the Committee on Public Information. War Informations Series. № 20. October 1918. Washington).

Однако же обвинения в подделке не прошли даром. На сиссоновские документы боялись ссылаться, и доказательства «подкупа» большевиков, в них заключавшиеся, были мало-помалу забыты. Я, ознакомившись с ними за границей, получил впечатление их несомненной подлинности. Но некоторые из доказательств фальсификации и на меня произвели впечатление. Лично для себя я разрешил вопрос так, что лица, доставлявшие документы Сиссону, действительно имели доступ в большевистские учреждения и действительно дали ценные [материалы], но так как за эти документы платились деньги, и, вероятно, немалые, то, быть может, за оскудением [подлинников] посредники иной раз подкидывали и сочиненные ими при помощи приобретенных ими знаний и бланков. Таким образом и была испорчена вся серия. Это толкование я даже внес в напечатанный текст моей «Истории Второй революции».

Обвинение Эдуарда Бернштейна⁴ и требование, чтобы была назначена комиссия Рейхстага для расследования дела о подкупе Ленина германцами, освежили интерес к вопросу о подлинности наших документов. Как раз указанная Бернштейном цифра подкупа подтверждается одним из известных документов Сиссона. Ввиду этого получает исключительную важность показание не простого свидетеля, а участника передачи части этих документов Сиссону, — показание, которое посчастливилось получить редакции «Последних новостей». Посредником Сиссона при получении документов, как оказывается, был известный сотрудник «Вечернего времени» Е. П. Семенов⁵. Се-

* См. Примечания.

менов — человек не нашего лагеря, но его статьи, которые мы начинаем печатать в «Последних новостях» со вторника, 5 апреля, имеют всю цену и весь вес показания, которое должно будет фигурировать как одно из важнейших доказательств перед комиссией Рейхстага, если ей суждено состояться. Статья г. Семенова ставит весь вопрос на совершенно новую почву. Их вывод совпадает с утверждением, которого я все время держался. Документы подлинны: по крайней мере, подлинна большая часть их, а относительно другой должно быть произведено при участии г. Семенова дальнейшее расследование. Если бы показание г. Семенова было известно раньше, то не было бы никакой нужды искать каких-либо других доказательств, что Ленин получал германские деньги. Доказательства все содержатся в этих документах, давно известных, но до сих пор незаслуженно игнорировавшихся.

Конечно, для настоящего времени, когда в роли германцев при производстве большевистского переворота давно уже никто не сомневается, злободневность наших документов в значительной степени утрачена. Но Ленин еще не пал, и среди обманутых им народных масс знакомство с этими документами может произвести то же впечатление, которое произвели на петроградский гарнизон гораздо слабейшие по содержанию данные в июльские дни 1917 года. С этой точки зрения, разоблачения г. Семенова, несомненно, имеют выдающийся политический интерес. Их значение, во всяком случае, чрезвычайно важно для историка, которому отныне возвращается право пользоваться заподозренными документами, внутренняя достоверность которых была для меня лично и ранее вне сомнений.

Белые разведчики в Смольном

Будущий историк большевистского переворота или докладчик комиссии Рейхстага, если таковая будет назначена по требованию Эдуарда Бернштейна для расследования «передачи денег Ленину германским Генеральным штабом», должен будет ознакомиться с тремя сериями документов.

Первая серия: это документы, которые в оригиналах или копиях должны существовать в разных бюро, секциях и отделениях германского Генерального штаба (Central Abtheilung, Nachrichten Bureau, Section R или M.-R., или Генерального штаба морского флота).

Вторая серия: документы в архивах Имперского банка и некоторых его корреспондентов и агентов за границей (в Стокгольме, например).

Третья серия: все возможные разоблачения, появившиеся в таких серьезных органах, как копенгагенские, где печатались разоблачения о деятельности Парвуса («Vorwärts» и «Berliner Tageblatt») и др., особенно же американская брошюра, появившаяся в октябре 1918 года и изданная Комитетом общественного осведомления Соединенных Штатов в Америке под заглавием «Германо-большевистский заговор».

Эта брошюра вызвала в свое время большие толки. Она впервые систематизировала обвинения против Ленина и К⁰ и подкрепила их документальными доказательствами. Издавший брошюру Правительственный комитет Северо-Американских Соединенных Штатов, состоявший из министров государственного, военного и морского, под председательством Джорджа Крила⁶, прежде чем пустить в Америку брошюру с документами, передал их для расследования и установления степени их достоверности правительственному «Совету для обслуживания государства по историческим вопросам» (профессора Шефер, Форд, Фр. Джемисон, Сам. Н. Харпер). Совет назначил специальный комитет для расследования как документов, так и тех обвинений в подложности, которые стали раздаваться уже в 1918 г. как в Америке, так и в Европе.

Комитет в своем докладе Совету от 26 октября 1918 года подтвердил «подлинность и достоверность» 53 документов и с поправками, оговорками, толкованиями и объяснениями — достоверность остальных (около 20 документов).

Таким образом, документы, переданные комитету г. Эдгаром Сиссоном, специальным агентом Американского правительственного комитета в России (зимой 1917 и 1918 гг.), были признаны в громадном большинстве (53 из 68) достоверными и подлинными. Значительное меньшинство этих документов принято с оговорками и поправками.

Мое Affidavit (показание)

Ответственность за достоверность этих документов лежит на мне. Я передал более 50 документов г. Эдгару Сиссону в феврале 1918 г. в Петрограде, где он явился ко мне с рекомендацией посла Северо-Американских Соединенных Штатов г. Д. Френсиса.

Я до сих пор не мог выступить в печати с объяснениями, которые в свое время пролили бы свет на происхождение документов, изобличающих Ленина, Зиновьева, Троцкого и других.

Когда я передавал Эдг. Сиссону в феврале 1918 г. оригиналы и фотографии документов, я, разумеется, был связан исключительной конспиративностью тех двух организаций (в то время я один объединял их), которые с конца 1917 г. работали в Смольном и в штабах по добыванию как этих документов, так и других сведений о закулисной деятельности большевиков и советского правительства. На предложение американцев выехать за границу и заняться разоблачением Ленина и К⁰ я им ответил, что не могу оставить Россию в разгаре борьбы, что у американского правительства есть больше средств и возможностей использовать наши разоблачения.

Между Эдг. Сиссоном и мной было условлено, что получаемые им от нас документы будут изданы и распространены в Америке и Европе на трех языках — английском, французском и русском — в целях самой широкой пропаганды.

Мы расстались с Эдг. Сиссоном и его помощником 3 марта 1918 г., и я ждал известий об опубликовании документов в Петрограде, затем в Мурманске и, наконец, в Архангельске, где только в конце 1918 г. я узнал, что документы опубликованы и вызывают оживленные толки не только в союзных странах, но и в Германии, где такой серьезный орган, как «Berliner Tageblatt» за авторитетной подписью г. Форстера признал правдоподобность разоблачений сиссоновской брошюры⁷. Почти одновременно с этим дошедшим до Архангельска известием (самую брошюру в двух изданиях — русском и английском — я получил только в начале 1919 г.) я получил через посла Северо-Американских Соединенных Штатов в Архангельске г. Д. Френсиса приглашение поехать в Америку. Меня просили дать засвидетельствованное Affidavit (показание под присягой или торжественное заверение) об обличительных документах, изданных Северо-Американским правительством. Я в Америку тогда поехать и оставить Архангельск не мог и выдал представителю американской пропаганды заверенное у архангельского американского консула Affidavit. Затем союзники оставили Северную область, которая, таким образом, была почти отрезана от Европы и Америки. Нам в последние месяцы существования Северной области было не до документов, конечно. И только когда после падения Северной области и после концентрационного лагеря в Финляндии я очутился снова в Европе, я узнал, что, с одной стороны, такие серьезные писатели, как La Chonais во Франции, Дж. Поллок в Англии⁸ и др. вместе с американскими комитетами признают достоверность изобличающих Ленина документов и цитируют их в своих книгах, посвященных русской и финляндской революциям. Но, с другой стороны, существует и отрицательное отношение к документам, которые многими считаются недостоверными. Интерес к разоблачениям г. Сиссона поэтому ослабел, если не совсем исчез. Сказать то, что я обязан сказать об этих несомненно исторических документах, я поэтому до сих пор не мог: случая не представлялось, а создать случай искусственно нельзя.

Но вот Эдуард Бернштейн поднимает снова, и на сей раз не только в печати, но и в парламенте, вопрос о предательстве Ленина и о выплаченных ему германским Генеральным штабом 50 миллионах рублей золотом.

Я считаю поэтому своей обязанностью:

1) Написать Э. Бернштейну в Берлин, что я в его распоряжении для всяких возможных для меня указаний по делу о предательстве Ленина и К⁰. Небезынтересно тут отметить, что его обвинение, судя по газетам, совпадает дословно со следующим документом, опубликованным в брошюре «Германско-большевистский заговор» Эдг. Сиссона (документ № 8) <...>*

* Документ № 8 см. в публикуемой брошюре «Немецко-большевистская переписка». В секретном письме за подписью представителя Имперского банка фон Шанца (8 января 1918 г.) сообщается наркому по иностранным делам о переводе большевистскому правительству 50 миллионов рублей золотом на содержание Красной гвардии и агитаторов в Советской России. — *Ред*

Я ниже вернусь к этому документу, содержание которого так точно совпадает с достоверными сведениями, полученными Эд. Бернштейном из источника, о котором я могу только догадываться.

2) Рассказать в печати историю организации добывания документов из Смольного и других большевистских (и меньшевистских) учреждений в конце 1917 г. и в первой половине 1918 г.

История «кампании» документов

В течение лета 1917 г. я заведовал редакцией «Демократического издательства», созданного Межсоюзной комиссией пропаганды во время пребывания в Петрограде французского министра Альбера Тома (апрель—май 1917 г.). Благодаря моей работе в упомянутом издательстве, я мог взять на себя всю ответственность перед г. У., издателем «Живого слова»⁹, и убедить его в ночь на 5 июля опубликовать на следующий день документы Переверзева—Бессарабова о предательской деятельности Ленина¹⁰, Козловского, Фюрстенберга (Ганецкого), Зиновьева, Коллонтай и др. «Живое слово» одно опубликовало упомянутые документы, переданные печати гг. Алексинским и Панкратовым.

Вскоре после этого один известный молодой писатель и я по приглашению Всероссийского съезда членов военно-судебного ведомства прочитали им маленький курс о деятельности германской пропаганды в России и за границей.

При таких обстоятельствах вполне естественным является факт получения мной вскоре после большевистского переворота следующего письма (не по почте):

Редакция. 13 ноября 1917 г. Господину Е. П. Семенову. Петроград.

Многоуважаемый Е. П.!

Сохраните это письмо как документ. Мне из определенных нейтральных источников из-за границы предлагают подробные сведения о германской агентуре и тайной работе в России, в нейтральных и союзных странах при помощи фирм, а также список немецких шпииков в России... Я получу один экземпляр этих сведений и буду в состоянии помочь России в тот момент, когда немцы постараются наложить на нас экономические цепи...

Ваш N.*

Письмо мне было передано самим автором, известным экономистом, редактором распространенного органа печати, в котором он вел определенную кампанию

* Не знаю точно, где сейчас N находится; я сообщаю его имя, отчество и фамилию редактору «Последних новостей». — *Примеч. Е. С.*

против «германского шпионажа». Мы условились принять полученное от нейтральных «источников» предложение. Я представил г. Н некоторым союзным посольствам, которым он передал списки нескольких тысяч названий фирм и имен агентов, работавших на германский Главный штаб в России, Финляндии, Польше и за границей.

Я эти списки передал в феврале 1918 года Сиссону для правительства Северо-Американских Соединенных Штатов.

Одновременно с этим мы с вышеупомянутым молодым писателем и лектором организовали через наших друзей военно-судебного ведомства и с некоторыми «чиновниками» Смольного правильное получение сведений о деятельности большевиков. Они стали нам передавать все «интересные бумаги», поступающие в Смольный от разных комиссаров большевистских учреждений и германского штаба.

Вначале работа была очень трудная, опасная именно вследствие беспорядка, царившего и в комнатах под номерами в Смольном, и в штабах и комиссариатах (министерствах). Крайняя осторожность заставляла наших друзей и нас самих ограничиваться в первые недели копиями, которые наши друзья со страшным для себя риском снимали с поступающих в Смольный бумаг, циркуляров, писем и т. д.

Мой коллега, который заведовал в нашей организации специально делами Смольного, вскоре при помощи наших друзей наладил съемку фотографий с документов. При этом наиболее боевые и интересные документы передавались нам на одну ночь вместе с копиями или фотографиями и к утру же возвращались на свое место на случай, если бы их хватились в Смольном.

Как это ни покажется странным на первый взгляд, но, кто знаком с положением дел и деятельностью большевиков в Петрограде в первые месяцы после переворота, тот поймет меня, если я скажу, что по мере установления большего порядка в канцеляриях и комиссариатах мы с большей регулярностью получали документы, причем с начала 1918 года мы стали получать иногда и оригиналы документов.

Для большего ознакомления с обстановкой работы наших друзей моему коллеге удавалось проникать в самый Смольный.

В Смольном

Мой коллега под видом «товарища рабочего» проник раз в Смольный в комнату X. с фотографическим аппаратом. В разгар работы по фотографированию документа в комнату вошел Урицкий, который, обменявшись с одним из «товарищей» несколькими словами, сейчас же ушел, ничего не заметив...

Когда Совет Народных Комиссаров решил переехать в Москву, в Смольном началась лихорадочная работа по упаковке архивов, бумаг и т. п. Все было уложено и упаковано в особые ящики, которые предназначены были для перевозки в Москву. Наши друзья заметили, в каких ящиках находились интересные для нас документы,

и под строжайшим секретом сообщили оберегавшим ящики матросам, что именно в этих ящиках спрятано перевозимое в Москву золото! Конечно, в ту же ночь большинство ящиков оказались взломанными и затем наскоро и кое-как снова закрытыми и даже не заколоченными. Наши друзья не преминули этим воспользоваться и достали из ящиков несколько оригинальных документов. Случай этот всполюшил кое-кого в Смольном.

Этот случай в то же время бросает свет на общую обстановку работы у большевиков. Не менее любопытны еще и следующие два случая. Одно из союзных центральных учреждений затребовало от своего представителя, с которым я был в постоянном общении, оригинальные подписи Иоффе, Залкинды и других комиссаров для сличения с подписями на некоторых документах. Это было в самый разгар Брест-Литовских переговоров. Так как мы следили за всем, что делалось в центральных учреждениях у большевиков, мы знали, что как раз в это время у входной двери в Комиссариат иностранных дел (у Певческого моста) за проволочной дверцей в раме под замком было вывешено новое распоряжение за подписью четырех комиссаров с Иоффе во главе (именно тех, которые фигурируют на факсимиле документа № 3 в брошюре Эдг. Сиссона). Чтобы удовлетворить желание друзей-союзников, мы решили действовать в первый же удобный вечер. Мы обдумали все подробности экспедиции, которую необходимо было совершить до закрытия комиссариата, так как рама с цветным документом висела не снаружи, а в здании комиссариата. Три человека участвовали в этом деле: мы со своим коллегой и морской офицер. Я пока не могу останавливаться на подробностях. Скажу только, что экспедиция удалась вполне и документ с 4 подписями — ничего более аутентичного себе представить нельзя, конечно, — на следующий день был передан представителю одной из союзных держав. Подписи были как две капли воды похожи на те же подписи на переданных ранее документах.

Еще раньше у меня лично с Залкиндою был такой случай. Он заменял Л. Троцкого и стал издавать немецкий орган (если память не изменяет, «Die Fackel»), который набирался и печатался в типографии «Герольда»¹¹, где набиралась и печаталась французская газета «La Entente»*. Свои статьи я посылал в типографию накануне с вечера. По поводу переговоров в Бресте я написал, между прочим, передовую статью «Guillaume I et Enver Pacha — socialistes»**, в которой противопоставил отношение большевиков к кайзеру и Энверу, с одной стороны, и к западным демократам, с другой, и послал ее с вечера в типографию, куда ночью явился сам Залкинд и, увидя мою статью, сданную в набор, прочитал ее и с криком «Это провокация!» разорвал ее в клочки. Рабочий бросился к нему, протестуя против такого самоуправства и насилия.

* «Согласие» (фр.).

** «Вильгельм I и Энвер Паша — социалисты» (фр.).

— Я отвечаю за рукопись перед редакцией и автором. — кричал рабочий.

Тогда Залкинд ему заявил, что берет ответственность на себя, и тут же буквально на клочке бумажки написал, что он берет на себя ответственность за содеянное им, что статья моя носит провокационный характер и т. п. Тут же он вынул из жилетного кармана печать Комиссариата иностранных дел, приложил ее на том же клочке бумажки и расписался!..

Я на другой день посвятил передовицу «Entente» этому неслыханному случаю, привел текст бумажки Залкинда, а самую бумажку с почерком и подписью комиссара как оригинальный документ передал союзникам: г. Сиссон его не видел. Я рассказываю эти случаи, которых я мог бы привести много, чтобы показать, что мы не упускали ни одной возможности, чтобы проверять, сличать и вообще объективно подтверждать достоверность бумаг, документов, подписей, которые к нам попадали. Мы, кроме того, прибегали к другим мерам и способам для того, чтобы проверить достоверность фактов, данных и документов (а равно и подлинность последних), которые нам доставались. Но об этом в следующий раз.

Радио, прямой провод и телеграммы

Другая наша организация, чисто военная, не известная ни нашим друзьям в «стане красных», ни даже моему вышеупомянутому коллеге, работала в другой области — чисто военной. Во главе ее стоял мой друг и сотрудник по корниловской организации, которого я представил как нашего представителя некоторым союзным учреждениям. Мы задумали ствести провод из линии Брест–Литовск—Петроград и перехватывать таким образом все сообщения — тогда первостепенной важности! — между делегацией в Бресте с их соумышленниками в Петрограде. Наша военная организация упорно работала над выполнением этой сложной задачи, но ничего не выходило. Без Морского штаба ничего нельзя было сделать. Два высших (по положению) чина там были не наши. Наш техник вошел с ними в контакт, но ни он, ни они не решались откровенно объясниться, надеясь на возможность самостоятельно добиться результата, не рискуя откровенностью с «посторонними» людьми. Но когда, несмотря ни на какие ухищрения, ничего все же не выходило, обе стороны рискнули и, к взаимной радости, убедились, что работают, преследуя одну и ту же цель...

Дело сразу устроилось и пошло. Двум же чинам пришлось вскоре скрыться из Петрограда, и работа выполнялась уже исключительно нашей организацией, которая, таким образом, имела все сообщения между Брест–Литовском и Петроградом, а затем между Москвой и Петроградом раньше самих народных комиссаров. Для нас это было чрезвычайно важно, так как приносимые нам членами нашей военной организации ленты с текстами сообщений часто подтверждали содержание полу-

ченных уже нами документов либо предупреждали сообщения документов, которые мы получали из Смольного и других учреждений позднее.

Объективность этого способа проверки тем более доказательна, что мой коллега и сотрудники по первой организации даже и не подозревали о существовании второй организации и ее работе! Для иллюстрации приведу два примера.

В конце декабря 1917 г. военная организация* сообщает нам ленту с приказом Троцкого — после беседы его с генералом Гофманом — произвести обыск в румынском посольстве и арестовать всех членов последнего с посланником г. Дьяманди во главе. Как известно, обыск и арест были произведены большевиками в ночь на 1 января 1918 года.

Через несколько дней мы из Смольного получили документ, содержание которого совпадало с текстом ленты. Второй подобный же случай был с итальянским посольством, как об этом гласит следующий документ № 26**. <...>

Несколько дней спустя поезд итальянского посольства действительно был задержан более чем на сутки, и комиссар Петров (высеченный до революции жандармами в Клину) возмущенно объяснил г. Сиссону эту задержку тем, что «итальянцы дали дипломатический паспорт посольскому повару».

Достоверность документов

Если принять во внимание вышеописанную обстановку работы нашей первой организации (по добыванию документов), то и сказанного достаточно, чтобы понять, что для нас не могло быть никакого сомнения в достоверности источника, способов и подлинности документов. Разумеется, мы, члены организации, не получали ни копейки из сумм, которые шли на добывание документов и которые в общем должны были идти в фонд, каковой мы определили в размере таком, чтобы в среднем досталось каждому работнику на местах не менее 5000 рублей на случай необходимости бегства. Я должен, однако, сказать, что к этому делу, выражаясь вульгарно, примазались разные дельцы, которые не только торговали нашими же документами, но и сочиняли свои.

Дело было так. Уже в ноябре я дал кой-какие документы одному крупному деятелю для пересылки в Новочеркасск для толковой и разумной пропаганды. Этот деятель не только послал документы в Новочеркасск (генералу Алексееву), но и снял себе копии для продажи «знакомому» посольству, где об этом мне немедленно сообщили. Делец, которому я никаких тайн, конечно, не сообщал, не знал, что мы в

* Все члены которой вне досягаемости для большевиков.

** См. брошюру «Немецко-большевистская переписка». В документе № 26 от 23 февраля 1918 г. немецкая разведка предписывает Л. Троцкому (ссылаясь на договоренность с Лениным) задержать поезд итальянского посольства и обыскать дипломатический багаж. — *Ред.*

постоянном контакте с союзниками!.. Некоторые из работников передавали, на свой страх и риск, также фотографии и своим знакомым из других более мелких организаций, которые в первое время плодилось и росли как грибы. Таким образом, копии и фотографии стали попадать в руки большевиков* и господ из Юсуповского дворца (немцев). Немцы и большевики начали тогда пускать в обращение не только подложные документы, но и фальсифицированные настоящие!

Так, например, уже в июне и июле 1918 г. полковник Б., которого Урицкий после ареста и соответственного воздействия превратил в предателя, предлагал одной союзной комиссии продать ей: 1) документы (с распиской Ленина), изъятые в Министерстве юстиции, о предательстве большевиков и 2) золото, которое «везут в Петроград». То и другое должен был привезти из Финляндии миноносец, которого полковник Б. и его организация «ждали со дня на день». Ко мне обратились с просьбой проверить все, о чем говорил в миссии Б. Наша организация собрала о Б. все необходимые сведения. Я лично отправился на его квартиру и дважды убедился в том, что он не только лжет, но и служит Урицкому.

В конце июля 1918 г., после того как лейтенант Г. (одной из союзных миссий, умерший впоследствии геройской смертью на Северном фронте) вырвал во время своего кратковременного ареста и допроса у Урицкого признание, что Б. — предатель, — последний (уже после моего отъезда из Петрограда) был убит членом военной организации на Аптекарском острове. Для характеристики нравов этого времени я должен прибавить, что Г. в день убийства Б. на последнем допросе сказал Урицкому, заговорившему о Б., как о примере и образце для Г.:

— Ну, Б. вы больше не увидите!

Урицкий удивленно посмотрел на Г., ничего не сказал и отпустил его как иностранца. Тогда еще иностранцев убивали «невзначай», как славных юношей братьев Энглез, но еще не томили в тюрьмах, как потом — в Москве, например.

Наша организация, конечно, не могла отвечать за все документы, фотографии, которые распространялись разными спекулянтами — и большевистскими, и немецкими агентами. Я лично, передавая союзникам документы, всегда говорил о степени их достоверности и об их источнике. Но я никому, кроме работавших с военной организацией офицеров одной союзной группы, не говорил о лентах, объективно подтверждавших содержание наших документов. Ленты были нашим военным секретом. И я в первый раз о лентах заговорил с Сиссоном. Он же получил одновременно с документами и последние ленты из Бреста.

Неудивительно поэтому, что он в достоверность и подлинность документов поверил тогда же, еще до работ американской комиссии ученых.

* Меня в Вологде и Петрограде уверяли, что Щастного расстреляли потому, что на допросе у Троцкого у него нашли такие фотографии.

Отношение союзников к документам

Я в союзных кругах не говорил ни о нашей военной организации, ни о лентах, потому что отношение к нашей деятельности в этих кругах было различное.

С самого начала большевизма среди некоторых союзных представителей возникла дикая мысль о примирении с большевиками, а у некоторых даже о признании большевиков.

Так, в конце января или в начале февраля я представил начальнику одной союзной миссии полковника М. (начальника штаба генерала Алексева в Петрограде) и представителя московских организаций, приехавшего специально в Петроград для установления комбинированных действий между Петроградом и Москвой ввиду все больших затруднений в сношениях с югом (Алексеевым и Корниловым).

Начальник миссии принял нас очень любезно, но на предложение делегатов помочь петроградским и московским группам организовать объединение деятельности их в борьбе с большевизмом ответил речью, смысл которой он резюмировал так: «Нет, господа, у вас не должно быть больше партий, вы все должны объединиться с большевиками и снова пойти войной против немцев!».

Напрасно мы возражали ему, что большевики — предатели, что если они восстаноят армию, то сделают это с помощью немцев, чтобы вместе с ними пойти против Антанты. Начальник миссии стоял на своем и преподавал совершенно пораженным делегатам урок патриотизма...

Этот начальник миссии, между прочим, убеждал меня раза два-три в том, что документы недостоверны, хотя он ими пользовался. Я отвечал ему, ссылаясь на «работу моего коллеги в Смольном», но, разумеется, и не заикался о нашей военной организации и о лентах. Этот начальник вскоре прозрел, но, увы! — было уже поздно... Особенно же опорочивали наши документы полковник Робинс¹² и московский генеральный консул одной союзной державы, который уговаривал свое правительство признать большевиков и вместе с ними воевать против германцев. Когда ему цитировали документы, доказывавшие, что большевики работали на деньги и по указке немцев, он победоносно отвечал: «Документы — фальсификации. Семенов — честный человек, но его обманывают его сотрудники, которые ему приносят поддельные документы!».

Нечего говорить, что этот генеральный консул ни моих «сотрудников» не знал, ни понятия не имел о военной организации и о лентах, тексты которых, однако, передавались аккуратно военному департаменту министерства, к которому принадлежал упомянутый генеральный консул.

Я утверждаю, что когда эти тексты будут обнародованы, то все обвинения — мои, всех русских людей, Эд. Бернштейна — побледнеют перед той правдой, которая восстанет из мрака недавнего прошлого.

Тексты лент спрятаны военными. Последние — все живы! Содержание их известно не одному союзному правительству... Копии сохраняются в архивах (не частных). У меня их, к сожалению, нет.

Отношение американцев

Я должен выделить отношение представителей Северо-Американских Соединенных Штатов к документам.

Я выше упомянул о полковнике Робинсе, начальнике северо-американского Красного Креста. Если не ошибаюсь, я его видел один раз на Николаевском вокзале, когда он уезжал уже при большевиках, и обменялся с ним несколькими словами в присутствии посла г. Д. Френсиса. Никогда я с ним не имел никаких дел.

Вскоре я узнал, что полковник Робинс стоит за признание Советского правительства и в этом духе действует на президента Вильсона. Мне сообщили также из того же компетентного источника, что полковник Робинс надеется «спихнуть» г. Френсиса и занять его место посла при Совете Народных Комиссаров. Поздравительная телеграмма президента Вильсона съезду Советов в Москве, вызвавшая иронический смех «товарищей», была также результатом, говорили мне, работы полковника Робинса. Мои осведомители опасались, что все это может завершиться признанием президентом Вильсоном правительства Ленина и К⁰. Тогда я понял трудность положения в этот период нашей борьбы и посла Д. Френсиса, все спрашивавшего меня, не могу ли я достать собственноручной расписки Ленина в получении им денег от германского правительства.

В течение всех этих горестных и тяжелых для него дней американский посол держал себя чрезвычайно корректно и сдержанно. Только уже в Архангельске, когда он, снова влиятельный посол и старейшина дипломатического корпуса, передавал мне содержание полученной им телеграммы от Лансинга¹³, запрашивавшего его, не соглашусь ли я приехать по делу документов в Америку, он мне сказал: «Я всегда разделял вашу точку зрения, верил документам, доказывавшим предательство большевиков... Но против меня был полковник Робинс, а вначале и Сиссон. Потом Сиссон перешел на мою сторону».

Корректность посла видна, между прочим, и из того факта, что, исключительно в интересах дела, он послал ко мне приехавшего в Петроград со специальной миссией Эдгара Сиссона. В этот критический момент по причинам, о которых я считаю еще преждевременным говорить (на них имеется намек в документе № 24 сиссоновского издания), я не мог встречаться с послом...

Поэтому с Сиссоном я встречался не у посла. При всех наших беседах с Сиссоном присутствовал его помощник г. Буллард¹⁴.

Роль Эдгара Сиссона

Мне сообщили, что правительственный агент (в американском смысле этого слова: agent), стоящий во главе пропаганды Северо-Американских Соединенных Штатов, явился в Россию, чтобы собрать данные и подготовить почву для признания большевиков. Я поэтому вначале отказался иметь какое бы то ни было дело с американским правительством. Но Сиссон настойчиво убеждал меня дать ему документы, дать ему доказательства измены Ленина и К^о и работы их с германцами. Он мне показывал некоторые фотографии (из наших), которые ему передали в одной союзной миссии: «Дайте мне документы, о которых мне говорил посол. Вы не знаете, какое важное историческое дело вы сделаете!».

После продолжительной беседы я попросил отсрочить решение на сутки. На следующий день наша беседа возобновилась. И когда я убедился, что не все со стороны Вашингтона потеряно, я согласился дать г. Сиссону все, что у меня тогда было. Мы подробно переговорили с ним о положении дел в этот момент. Я ему рассказал об организации военных и о съемке лент... Его душа журналиста и агента встрепенулась. Он подпрыгнул от восторга, несмотря на свою американскую выдержку и серьезность. Следующее свидание я ему и Булларду назначил в час, когда ко мне должен был явиться член военной организации со свежей лентой.

Когда Эдгар Сиссон получил документы и ленты (первые из рук коллеги, а вторые из рук члена военной организации), он так был доволен, что заявил:

«Теперь мне здесь делать нечего. Я уезжаю обратно».

Третьего марта 1918 года мы с ним простились. Но еще из Петрограда он послал несколько зашифрованных телеграмм в Вашингтон и этим, как мне говорили, приостановил приготовления Вашингтоном признания большевиков! Вот, например, одна из его телеграмм, в которой он передает своему правительству в Вашингтон присланный из Бреста доклад Иоффе, подробно объясняющий предыдущий приказ Троцкого — арестовать румынского посланника в Петрограде*. <...>

Можно себе представить, какое впечатление такие депеши Сиссона произвели в Вашингтоне на Вильсона и других. Предательство Ленина, Троцкого, Иоффе и всей банды стало очевидным для всех, даже наиболее слепых.

В одном этом документе, как в микроскопе, сгруппировались неопровержимые доказательства службы «Советского правительства» интересам Германии на фронтах, помощи ей в приготовлениях к наступлению на Западном фронте, роль германских банков, из которых названный в документе платил агитаторам среди

* Далее Е. П. Семенов приводит с некоторыми уточнениями документ № 37-А (см. «Немецко-большевистская переписка»). В секретном письме А. Иоффе (по поручению Л. Троцкого) из Брест-Литовска передается требование генерала Гофмана арестовать румынскую миссию в Петрограде и т. д. — *Ред.*

думынских солдат. Тут же Сиссон, кстати, высказал предположение, что Вольф Венигель, вероятно, все тот же очень известный в Америке германский агент, пресловутый Вольф фон Игель!

Получилась полная гамма германо–большевистской конспирации.

Президент Вильсон отказался от признания большевистского правительства, погубившего Россию на службе у Германского штаба! Полковник Робинс провалился.

Достоверность документов

Я передал Эдг. Сиссону около 50 документов, последние сведения, ленты, объемистую рукопись с характеристикой всех главных большевистских деятелей и, если не ошибаюсь, объемистую же рукопись с указанием шпионских германских фирм и агентов во всех странах. В передаче последней рукописи я сейчас не уверен (надо вспомнить, в какой обстановке приходилось тогда работать, встречаться, хранить и переносить рукописи и бумаги). Возможно, что я передал ее другой миссии, от которой Сиссон должен ее получить. Ленты и эти рукописи не вызывали и не могут вызывать никаких сомнений: первые получены, так сказать, от первоисточника; вторые — плод долгой, кропотливой работы в нейтральных учреждениях за границей людей, работавших в течение долгих лет.

Остаются документы в собственном смысле слова, опубликованные Эдг. Сиссоном в американской брошюре. Критическое отношение к ним было вполне естественно со стороны посторонних лиц, учреждений, в печати. Мы видели выше, что некоторые источники опорочивания документов были небезупречны (представители союзных правительств, как полковник Робинс и ему подобные) и вызывали поэтому сугубую осторожность союзных правительств, удерживая их от пользования этими документами для пропаганды. К этому следует прибавить ведомственные трения, самолюбия, борьбу влияний и т. п. И правительства не использовали оружия, которое ему давали документы, против большевиков даже после прекрасной работы Американской правительственной комиссии, реабилитировавшей сиссоновские документы. Оставив в стороне ошибки в переводах с немецкого в правописание, корректурные и т. п., комиссия разбирает все критические замечания обвинителей, доказывавших подложность.

Более всего порицатели... останавливались на документах № 8 (о 50 млн рублей золотом) и № 5 (помеченном в брошюре: «октября 1917 г.» — со списками германских офицеров, командированных в распоряжение большевиков).

О документе № 8, приведенном нами выше и совпадающем с содержанием запоздалого обвинения Эдуарда Бернштейна, говорили, во-первых, что так просто уведомление банка о кредите в 50 000 000 золотом не пишется, во-вторых, дата «25 октября 1917 г.» опорочивает в корне документ (как, впрочем, и документ

21-й с датой «1 ноября 1917 г.»), ибо в эти дни, по-германскому календарю, еще не существовало Советского правительства — бумаги помечены: «Петроград. Бюро германского Генерального штаба».

На это американская правительственная комиссия отчасти уже ответила. Я повторю ответ ее и прибавлю кое-что.

Во-первых, документы исходят не из Берлина, хотя на бланках имеется название Berlin, в одном случае зачеркнутое, а в другом оставленное. Документ № 5, по нашим сведениям, был написан в Финляндии: на фотографическом снимке, полученном Сиссоном, можно было разобрать еще «25 октября», т. е. 7 ноября по новому стилю, а пометка большевиков внизу на документе о дне получения гласит: «27.X.1917». Об этой пометке агитировавшая против документов «Evening Post» просто умолчала!

Для нас было ясно, что германский Главный штаб, знавший о приготовлениях большевиков к перевороту, действовал без промедлений, находясь в полном контакте и сотрудничестве с большевиками. Так, например, германский полковник Рауш в письме из Финляндии, написанном в день, когда переворот ожидался и совершался — 25 октября, — называет в письме новых правителей не «Совет народных комиссаров», а «Правительство народных комиссаров»: факт любопытный и освещающий особенно ярко все это тесное сотрудничество. Что касается критики документа о 50 миллионах рублей золотом, то указание на примитивность его показывает незнакомство критиков с тем, что делалось с «правительством комиссаров» и как они работали в первые недели своего владычества; с тем, как им немцы писали письма, циркуляры, а то и просто приказы. К тому же фон Шанц, аккредитованный «представитель» (а не «председатель», как в некоторых переводах было неверно переписано) Имперского банка, только уведомляет о том, что им получено сообщение о кредите в 50 000 000 в «распоряжение агентов» для передачи «представителям народных комиссаров». Деловые распоряжения, переписка, проведение по книгам — все это предполагается своим порядком и в письме совершенно не нужно и излишне. Пометка на письме показывает, что оно направлено знаменитому Менжинскому, комиссару финансов, при котором состоял командированный Рейхсбанком в качестве советника немец фон Толь.

Гораздо эффективнее выступил против достоверности этого документа в американской «Post» г. Е. И. Омельченко (4 октября 1918 г.), [огласив] состояние золотых резервов Рейхсбанка и Шведского банка за ноябрь—январь 1917—1918 г., среди которых нет цифры 50 000 000 рублей золотом. Правительственная комиссия Соединенных Штатов обратила должное внимание на это указание и произвела анкету: из авторитетных финансовых источников комиссия была осведомлена, что Рейхсбанк мог произвести подобную операцию другими путями, которые гораздо труднее проследить. При этом чрезвычайно [верно] и другое соображение Американской

правительственной комиссии о том, что «необеспеченность и неустановившееся положение на границах “старой” Российской империи могли легко объяснить желание большевиков установить крупный золотой кредит за границей, не прибегая к действительному вывозу золота». Комиссия Рейхстага знает, где можно проверить указание на 50 000 000.

Я должен вернуться еще к пресловутому документу № 5* <...>

Для всех бывших в России и особенно в Петрограде в кошмарные месяцы 1917 года памятно, как во дворце Кшесинской, а затем во всех военных и морских учреждениях, работали немцы под русскими фамилиями и с русскими паспортами.

Для нас, специально работавших в боевой печати или в национальных организациях, было известно и многое другое. А некоторых из этих немецких агентов мы знали лично и сталкивались с ними... Так, мой коллега в конце ноября 1917 года ездил в Ростов и обратно по нашим делам, и мы лично наблюдали, как майор фон Бельке организовывал защиту Ростова¹⁶ (павшего все же, если не ошибаюсь, 2 декабря). Мой коллега возвращался затем в Петроград и в том же вагоне, что и фон Бельке, с одним из своих помощников. Оба компаньона ехали с финляндскими паспортами по всей Донской области, только после границы Совдепии начали показывать свои большевистские пропуска и бумаги!..

Большинство из административных и служебных бумаг, которые нам доставались из Смольного и других учреждений, приходило к нам при таких обстоятельствах и в такой обстановке, что у нас не могло возникнуть ни подозрения, ни малейшего сомнения в подлинности.

Тем не менее, повторяю, их проверяли с возможной для людей максимальной объективностью. И сейчас, если будет учреждена комиссия Рейхстага, я готов дать все дополнительные сведения и прибавить те данные, о которых я здесь умолчал.

Заключение

Мой рассказ об усилиях разоблачить при помощи неопровержимых данных германо-большевистскую работу 1917–1918 гг. поневоле неполон. Я ограничил его исключительно тем, что может бросить больше света на происхождение и достоверность опубликованных в октябре 1918 года правительством Северо-Американских Штатов документов. Эти документы доказывают, что Ленин и К^о в течение 1917 года получали деньги и пользовались готовыми кадрами штаб-офицеров, агентов, военных и финансовых чиновников в Германии, для которой они разлага-

* См. «Немецко-большевистская переписка». Речь в секретном письме (25 октября 1917 г.) идет об учреждении в Петрограде филиала германской разведки. В документе упоминается германский агент майор Бейрмейстер¹⁵. — *Ред.*

ли в тылу и на фронтах и по заказу Германского штаба дискредитировали русское молодое революционное правительство, чтобы его заменить послушным Германии большевистским правительством. Апрельские и июльские дни 1917 года были только первыми пробами. В июле 1917 года, говорит Зиновьев в своей биографии Ленина, последний на совещании с ним (Зиновьевым) и Троцким в «буфете Таврического дворца» объяснил, что захват власти надо отложить, так как «фронт еще не совсем готов!». Немцы тратили в это время и сами на пропаганду и агитацию и переводили через своих агентов Ленину и другим значительные суммы, как об этом свидетельствуют не только опубликованные в июле телеграммы Ганецкого, Суменсон и др., но и, например, письмо Парвуса от 14 июля 1917 г. (документ № 68 в сиссоновской брошюре, английский текст) о 140 000 марок, посланных через И. Раутвергена для Ленина¹⁷.

К октябрю все было готово, и захват власти удался. Тогда общая германо-большевистская работа становится все более явной. Все правительственные органы и учреждения переходят к большевикам. Немцы вместо конспиративного сотрудничества с большевиками начинают с ними работать явно не только во всех министерствах и департаментах «русских», но и в своих собственных, которые они создают в Петрограде и других центрах — в виде Nachrichten Bureau Генерального Штаба, Section A., Section R. и других различных миссий, из которых наиболее известными были миссии Кайзерлинга и Мирбаха. Одновременно начинается совместная правительственная работа, причем разведка и контрразведка в лице блестяще говоривших по-русски майоров Люберса (Агасфер), фон Бельке (Шотт), Бейермейстера (Бэр) и лейтенанта Гартвига (Генрих) вмешиваются во все области управления в сотрудничестве с приставленными немецкими чиновниками к Комиссариату иностранных дел — фон Шенеманом и к Комиссариату финансов — фон Шанцом и фон Толем. Тогда же начинаются и крупные ассигновки в распоряжение нового «правительства»: 50 миллионов золотом на содержание Красной Армии, пять миллионов золотом на разрушительную работу в Сибири, пока «национализация» банков и других государственных и частных богатств и имуществ уже к весне и лету 1918 года дали большевикам необходимые средства и возможность не нуждаться более в германских деньгах.

Вся эта картина ясно и отчетливо выступает из документов, опубликованных американским правительством в брошюре Эдгара Сиссона.

Когда я передавал эти документы Э. Сиссону, я был так же, как и ныне, убежден в их общей достоверности и мог указать, в какой мере копии и фотографии могут выдержать сравнение в степени достоверности с оригиналами. Когда, очутившись за границей уже в 1920 году, я увидел английский текст сиссоновой брошюры, я понял, почему и сам Сиссон, и правительственная комиссия ученых разбили документы на три категории по степени подлинности и достоверности их.

Не имея перед глазами оригиналов документов, я могу, кроме общей ответственности, взятой уже мной на себя официально за достоверность документов, которые я передал Сиссону, еще прибавить следующее:

1. Все документы, относящиеся к деятельности германцев и большевиков в течение 1917 и 1918 гг. и написанные на бланках Nachrichten Bureau, комиссариатов, контрразведки и т. п. с пометками Л. Т. (Троцкий), Скрыпника, Н. Г. (Горбунов) и др., не говоря уже о подписях Залкинда, Иоффе, Поливанова, Мехоношина и др., — подлинны и достоверны.

2. Я не могу точно сказать теперь, я ли передал г. Сиссону документы № 54 и след. до № 68, или он их получил из других рук, в которые наша организация их передала раньше. Это большей частью циркуляры, документы, письма, полученные из тех нейтральных источников, о которых говорит мой коллега в своем письме от ноября 1917 г. Циркуляры германского Генерального штаба относятся к 1914 г. (до и после начала войны), к 1915, 1916 и, наконец, 1917 годам. Циркуляры эти переводились и переписывались несколько раз, и, разумеется, трибунал, который будет их разбирать и проверять, должен будет прийти к тому же заключению, к которому пришла американская правительственная комиссия ученых, а именно: опечатки, ошибки и стиль (в переводе) «в этих германских циркулярах делают невозможным принять их как оригиналы, напечатанные от имени названных генеральных штабов».

Последнее слово может принадлежать в восстановлении исторической истины той следственной комиссии, которая сможет потребовать от штабов Германии предоставить ей возможность познакомиться с их архивами за годы 1914–1918. Это относится также и к третьей категории документов, как, например, № 56 и 58 (с. 26 и 27 английского текста), к которым и Сиссон, и ученая комиссия относятся осторожно, разделяя и наше мнение о них, а именно:

3. Нельзя ручаться за их достоверность только потому, что общее их содержание отвечает приемам германской политики или фактам текущих событий.

Мы не ручались за их подлинность и достоверность, но не удивимся, если в архивах германских штабов будут найдены более грамотно и полно составленные подлинники этих документов.

4. Но зато никакого сомнения быть не может в подлинности циркуляра (из той же 3-й категории) от 14 октября 1916 года, устанавливающего точно роль Рейн-Вестфальского промышленного синдиката, Стокгольмского Nia-Banken, Deutsche Bank в Швейцарии и некоторых других кредитных учреждений (с. 27 английского текста сиссоновской брошюры) в снабжении деньгами Ленина и К^е еще до революции. Не может быть также сомнения и в достоверности документов № 62, 63, 64 и 66 (письма от июля по октябрь 1917 г. Свенсена Крила) из Deutsche Bank из Женевы (Фюрстенберга-Ганецкого) о получении Лениным, кроме упомянутых выше сумм,

еще 315.000 марок, на брошюры — 32.000 франков, открытию кредита Троцкому, переводе паспортов и 207.000 марок Ленину в Кронштадт из Стокгольма и 400.000 крон «товарищу Соне» для Троцкого!..

Комиссия Рейхстага легко в этом убедится.

Более двух лет порочили документы Сиссона, которые удержали в феврале-марте 1918 г. президента Вильсона от признания большевиков. Теперь, когда режим, установленный в октябре 1917 г. германским Генеральным штабом и Лениным и К⁰, стал противен самой красе и гордости большевизма — кронштадским рабочим и матросам, пора, наконец, громко и ясно сказать: Ленин, Троцкий и Зиновьев захватили власть на немецкие деньги.

(«Последние новости». Париж, 1921. № 293–300, 3, 5–10, 12 апреля).

■

НЕМЕЦКО– БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ПЕРЕПИСКА

Предисловие

Правительственный комитет общественного осведомления выпускает при сем в печать серию документов о сношениях между германским императорским правительством и русским большевистским правительством, между самими большевиками, а также доклад, касающийся их, сделанный Джорджу Крилу Эдгаром Сиссоном¹, специальным представителем комитета в России зимой 1917–1918 годов.

Во 2-й части помещен также доклад комитета², назначенного Советом для обслуживания государства по историческим вопросам с целью проверки подлинности этих документов.

Документы эти показывают, что нынешние вожди большевистского правительства — Ленин и Троцкий и их соучастники — германские агенты.

Они показывают, что большевистская революция была подготовлена высшим германским Генеральным штабом и финансирована германским Императорским банком и другими германскими финансовыми учреждениями. Они показывают, что Брест–Литовский договор — предательство русского народа германскими агентами — Лениным и Троцким; что немцами поставленный комендант был выбран для «защиты» Петрограда против немцев³; что германские офицеры были секретно приняты большевистским правительством в качестве военных советников, соглядатаев за посольствами союзников России, в качестве офицеров русской армии и управляющих большевистскими военными, иностранными и внутренними делами. Короче говоря, они показывают, что настоящее большевистское правительство совершенно не русское, а правительство германское, действующее исключительно в интересах Германии и изменяющее русскому народу, как оно изменяет и естественным союзникам России, единственно в интересах императорского германского правительства.

Измена рабочему классу России

Документы еще доказывают, что большевистские лидеры в интересах той же германской империи изменили рабочему классу России, который они якобы представляют.

Всех документов около 70⁴. Некоторые из них — оригиналы, с пометками большевистских чиновников; остальные — фотографии с оригиналов с пометками. Они подтверждают третий сборник циркуляров, отпечатанных на пишущей машинке, из коих имеется только два оригинала, но которые все подходят под общий образец немецких интриг и немецкой преступности.

Первый документ — фотография доклада, сделанного большевистским лидером двумя их помощниками, об изъятии из архивов русского Министерства юстиции, согласно их инструкциям, распоряжения германского Императорского банка об «отпуске денег товарищам Ленину, Троцкому и другим» для пропаганды мира в России» и о том, что одновременно «все книги» одного банка в Стокгольме были «проверены» с целью скрыть уплату денег Ленину, Троцкому и их сообщникам по распоряжению германского Императорского банка.

Доклад заверен Лениным и подписан его инициалами «В. У.» (Владимир Ульянов — его настоящее имя) для внесения в «секретный отдел» большевистских архивов. Достоверность документа подтверждается документом № 2, являющимся оригиналом доклада, посланного представителем германского Генерального штаба большевистским лидерам с предупреждением, что он только что арестовал агента, в распоряжении которого был найден оригинал приказа германского Императорского банка, упомянутый в документе № 1, и с указанием, что, очевидно, «в надлежащее время не были своевременно приняты меры для уничтожения означенных документов».

Протокол, подписанный лидерами

Документ № 3 является оригиналом протокола, подписанного несколькими большевистскими лидерами и помеченного 2 ноября 1917 года (русский календарь), показывающего, что «согласно инструкциям представителя германского Генерального штаба» и «с согласия Совета Народных Комиссаров» во главе с Троцким и Лениным, два компрометирующих германских циркуляра тоже «были изъяты из контрразведочного отделения Петроградского округа» и переданы разведочному отделению германского Генерального штаба в Петрограде. Внизу протокола немецкий адъютант расписывается шифром в получении этих двух компрометирующих документов.

Оба циркуляра были, по-видимому, добыты в начале войны каким-нибудь русским агентом в Германии и доставлены в Россию. Германский Генеральный штаб старался, очевидно, достать их обратно, чтобы уничтожить доказательства. По [тактике]

германского Генерального штаба и «с согласия» Ленина и Троцкого, они были возвращены немцам. Почему? Потому, что они совпадают с другими сведениями, касающимися военных планов и приготовлений Германии до августа 1914 года, за несколько недель до убийства австрийского эрцгерцога, которое было выставлено как предлог к войне. И Ленин, и Троцкий передают их согласно установленному договору между германским Генеральным штабом и большевистскими лидерами.

Этот договор помечен 25 октября 1917 года. Он получен из отдела германского Генерального штаба. Адресован правительству народных комиссаров, главами которого являются Ленин и Троцкий. Начинается он так:

«Согласно происшедшим в Кронштадте в июле текущего года соглашениям⁵ между членами нашего Генерального штаба и вождями русской революционной армии и демократии гг. Лениным, Троцким, Раскольниковым, Дыбенко, действовавшее в Финляндии Русское Отделение нашего Генерального штаба командирует в Петроград офицеров для учреждения разведочного отделения штаба».

Между назначенными офицерами находятся майор Любертс и лейтенант Гартвиг, шифрованная подпись которого («Генрих») появляется в расписке, выданной в получении двух циркуляров, сопровождающих документ № 3. И заметка на полях этого письма (№ 5), сделанная германским Генеральным штабом, указывает на то, что немецкие офицеры, назначенные в Петроград, «были в Революционном Комитете и условились о совместных действиях».

Доказательства совместной деятельности

В чем должна была заключаться их «совместная деятельность», с достаточной точностью указывается в документе № 7, являющемся фотографией письма с шифрованными подписями вышеуказанного майора Любертса и его адъютанта лейтенанта Гартвига. Они извещают большевистских лидеров 12 января 1918 года, что «По поручению местного отдела германского Генерального штаба разведочное отделение сообщило имена и характеристики главнейших кандидатов в переизбираемый (большевистский) Центральный Исполнительный Комитет, и Генеральный штаб поручил настаивать на непременно избрании нижеследующих лиц...». Они прилагают список русских лидеров, удовлетворяющих немецкий Генеральный штаб. Во главе списка стоят имена Ленина и Троцкого. Они были избраны, и остальные члены настоящего большевистского Исполнительного Комитета были выбраны по этому же германскому списку.

Документ № 8 служит явным доказательством существующего *Qui pro Quo*⁶. Это — снимок письма от представителя германского Императорского банка к большевистскому комиссару иностранных дел. Документ этот помечен: «весьма секретно» и датирован 8 января 1918 года. Он гласит:

«Сегодня мною получено сообщение из Стокгольма, что в распоряжение наших агентов переведено 50 миллионов рублей золотом для вручения их представителям народных комиссаров» (титул, под которым известны большевистские лидеры). «Кредит этот», следует в письме, «представлен правительству России на уплату содержания Красной гвардии (большевистское революционное войско) и агитаторов в стране. Имперское правительство считает своевременным напомнить Совету Народных Комиссаров необходимость усиления пропаганды в России, так как враждебное к существующей в России власти отношение юга России и Сибири очень озабочивает Германское правительство».

Военные материалы во Владивостоке

Спустя четыре дня тот же представитель германского Императорского банка послал еще 5 000 000 рублей по тому же адресу на отправку русского революционного лидера во Владивосток, чтобы завладеть «японскими и американскими военными грузами», находящимися в этом порту, и, в случае необходимости, подвергнуть их уничтожению. Фотографический снимок письма представляет собою документ № 9.

Уплаты денег происходили и раньше, но, по всей вероятности, не было более поздних. В этом не было никакой необходимости, ибо к тому времени перед большевиками и немцами открылась возможность грабить целую империю.

Наиболее значительными из всех документов являются документы № 10 и 11, представляющие собой две фотографии позднейших сообщений, исходящих из германского Императорского банка. Одно из них — письмо, адресованное председателю Совета Народных Комиссаров, а второе представляет «резолюцию совещания представителей германских коммерческих банков», полученную председателем большевистского Центрального Исполнительного Комитета и одобренную его секретарем. Вместе взятые, они дают полную картину условий, при которых Германия рассчитывала добиться контроля над всей русской промышленностью.

В течение пяти лет со дня мирного договора «упраздняются» и «не допускаются» «английский, французский и американский капиталы в следующие предприятия: каменноугольные, металлургические, машиностроительные, нефтяные, химические и фармацевтические». Все эти виды промышленности должны будут развиваться под надзором «высшего совещательного органа, в составе 10 специалистов от России и 10 от германских промышленных организаций и германских и австрийских банков». Германия и Австрия «пользуются неограниченным правом ввоза в Россию своих техников и квалифицированных рабочих». «Другие иностранные техники и рабочие в течение пяти лет после заключения мира с Германией вовсе не должны быть допускаемы». «Частные банки в России возникают лишь с согласия... союза германских и австрийских банков».

Одобрение конспирации

И эта конспирация между германским императорским капитализмом и самозванными русскими «красными» одобрена одним из лидеров большевиков — с рекомендацией, чтобы... была «принята к сведению» и чтобы была «подготовлена почва в Совете рабочих и солдатских депутатов на случай, если Совет Народного Хозяйства не примет этих предложений».

Различные подробности конспирации между большевистскими лидерами и германским Генеральным штабом изложены в документах № 16 до 29. Это фотографии с писем, которыми обменивались большевистские лидеры с германским Генеральным штабом или же с немецкими офицерами в России. Документ № 21 показывает, что 1 ноября 1917 года, когда Россия еще считалась союзницей Великобритании, Франции и Америки, германский Генеральный штаб «имел честь просить» у большевистских лидеров «в срочном порядке сообщить» обо всем, касающемся «количества и места хранения доставленных из Америки, Англии и Франции боевых припасов, и те воинские части, которые несут охрану военных складов».

Документ № 18 говорит, что германский императорский штаб требует от большевистских лидеров отправки «агитаторов в лагерь для русских военнопленных в Германии с целью вербовать добровольцев — отправиться для наблюдения и мирной пропаганды в английских и французских войсках». И предложение это исходит от германского Генерального штаба и представлено согласно «переговорам, состоявшимся между членами русской и германской мирных делегаций в Брест-Литовске».

В документе № 22 большевистские лидеры и немцы договариваются об отправке агентов-агитаторов и агентов-истребителей из Владивостока в порты Северо-Американских Соединенных Штатов, Японии и Британских колоний на востоке Азии.

Паспорта для немцев

В документе № 16 показано, что Троцкий снабжает подложными паспортами германских офицеров, отправляющихся в Англию, Францию и Америку в качестве шпионов и враждебных агентов. А документ № 17 подтверждает, что Троцкий одобряет подобное же предложение: «Срочно исполнить. Л. Т.».

Согласно документу № 23, три немецкие подводные лодки должны были быть отправлены к Тихому океану по Сибирской железной дороге по приказу высшего германского командования. Списки немецких и русских шпионов, следящих за британским, французским и американским посольствами в Петрограде, даны в документе № 25, и, наконец, в документе № 15 большевистские лидеры предупреждаются, что сведения, касающиеся «связи Германского правительства с деятелями большевизма», как-то проскользнули и доходят до русского войска.

Чтобы показать, как большевистские лидеры и немецкие офицеры устраивали убийства русских лидеров—националистов, приводятся письма (документы № 35, 39 и 52). Об уничтожении польских легионеров в русской армии говорят документы № 40 до 42; о дезорганизации румынской армии и низложении румынского короля свидетельствует документ № 37; о замене патриотических русских генералов офицерами, командующими русскими войсками и удовлетворяющими Германию, сообщают документы № 31 и 32; об уничтожении патриотической агитации между русскими солдатами говорят документы № 13 и 14; о нападении на итальянского посла в Петрограде и краже его документов указывают документы № 26 и 27; об использовании немецких солдат, переодетых в русские мундиры, против русской национальной армии на юге говорит документ № 35.

На некоторых из этих писем Троцкий выражает свое одобрение. Даже взятые отдельно, они являются полнейшим доказательством того, что большевистские лидеры правили Россией в качестве немецких агентов и повиновались немецким приказаниям действовать против всех врагов Германии и даже против самой России.

Выступления в качестве немецких агентов

Больше того, — эти большевистские лидеры действовали в качестве немецких агентов, подавляя свою собственную социалистическую революцию в тех русских районах, где их доктрины шли вразрез с немецкими планами о присоединении. Документ № 46 является оригиналом письма из Петроградского разведочного отделения германского Генерального штаба к большевистскому комиссару иностранных дел. Оно гласит: «По поручению представителя нашего Генерального штаба имею честь еще раз настойчиво просить отозвать из Эстляндии, Литвы и Курляндии всех агитаторов Отдела ЦИК Совета рабочих и солдатских депутатов». И в документе № 47 Генеральный штаб приказывает большевикам прекратить в Эстляндии агитацию, «что и вызвало в конечном итоге объявление местных помещиков—немцев вне закона», и «принять срочные и решительные меры к восстановлению прав упомянутых немецких земельных владельцев...».

Другая группа писем от № 33 до 36 показывает, что немцы обманывали большевистских лидеров в их сношениях с Украиной и как они заключили немецкий сепаратный мир с антибольшевистскими лидерами в этой русской области. Еще одна группа писем показывает, как немцы помогли двум сторонам в гражданской войне в Финляндии (документы № 38, 43 и 53).

Большинство этих документов в том порядке, в каком они следуют, представлены в форме доклада и в такой же форме были переданы г—м Сиссоном г—ну Крилу, председателю комитета, с некоторыми позднейшими добавлениями, тщательно истолкованными. Например, г—н Сиссон узнал только спустя несколько недель

после того, как он оставил Россию, что немецкий приказ (который находится в его распоряжении) о назначении «Русского» для «защиты» Петрограда ⁷ был в точности приведен в исполнение.

Приготовляя этот материал для выпуска в виде брошюры, мы воспользовались случаем улучшить в некоторых спорных пунктах форму, в какой эти документы и переводы представлены.

ГЕРМАНО-БОЛЬШЕВИСТСКАЯ КОНСПИРАЦИЯ

Доклад Эдгара Сиссона,

специального представителя Комитета общественного осведомления в России в течение зимы 1917–1918 гг.

Глава I

Основание конспирации

В нижеследующих материалах три группы документов подлежат внутреннему анализу. Первая группа состоит из оригиналов, вторая — из фотографий документов, которые, вероятно, до сих пор находятся в архивах русских большевиков, и, наконец, третья группа включает циркуляры, напечатанные на пишущей машинке, которые, за исключением двух, невозможно было сличить с оригиналами. Главное значение третьей группы материалов заключается в том, что их появление привело к дальнейшим поискам, приведшим к открытию и остальных групп документов, причем по содержанию они совпадают с общим смыслом остальных, образуя с ними одно целое.

Первую серию этих циркуляров мне удалось получить в Петрограде 2 февраля, затем на следующий день в конторе, которую я часто посещал, появилась другая серия. Третья серия, день спустя, появилась в другом месте. Одна серия была написана по-русски, обе другие по-английски. 5 февраля в моем распоряжении находились все три серии.

Сами по себе эти документы были вполне правдоподобны, но подлинность их не была доказана. Исполнив сперва свой прямой долг, т. е. произведя их анализ с точки зрения внешней их ценности и препроводив их и их анализы в Вашингтон, я вслед за тем принялся за дальнейшее расследование.

В настоящее время нет возможности раскрыть методы и результаты германской конспирации не только против одной России, но и против всего мира. Каждый документ сопровождается замечанием, указывающим, является ли он оригиналом или фотографией. К каждому документу имеется примечание.

Документ № 1*

Народный Комиссар по Иностранным Дела
 (Весьма секретно)

Петроград, 16 ноября 1917 г.

Председателю Совета Народных Комиссаров.

Согласно постановлению, вынесенному совещанием Народных Комиссаров, тт. Лениным, Троцким, Подвойским, Дыбенко и Володарским, нами исполнено следующее:

1. В Архиве Комиссии Юстиции из «дела» об «измене» тт. Ленина, Зиновьева, Козловского, Коллонтай и др.⁸ изъят приказ Германского Императорского банка за № 7433 от 2-го марта 1917 года об отпуске денег тт. Ленину, Зиновьеву, Каменеву, Троцкому, Суменсон, Козловскому и др. за пропаганду мира в России.

2. Проверены все книги Nia-Banken в Стокгольме, заключающие счета тт. Ленина, Троцкого, Зиновьева и др.⁹, открытые по ордеру Германского Императорского банка за № 2754. Книги эти переданы тов. Мюллеру, командированному из Берлина¹⁰.

Уполномоченные Народного Комиссара по Иностранным Дела
*Е. Поливанов, И. Залкинд*¹¹.

П р и м е ч а н и е. Российский Совет Народных Комиссаров находился всецело под властью своего председателя Владимира Ульянова (Ленина), бывшего в ту пору Министром иностранных дел Льва Троцкого, в настоящее время состоящего Военным Министром, и посла в Германии А. Иоффе. Письменная пометка на полях гласит: «Секретному Отделу. В. У.». Так Ленин привык обозначать свои инициалы. По-английски было бы «V. U.» для обозначения Владимира Ульянова. Таким образом, если бы не нашлось нигде другого официального документа, удостоверяющего приказ Имперского банка за № 7433, одного этого было бы достаточно для доказательства его содержания: вот где находится звено, соединяющее Ленина непосредственно с его поступками и его виновностью. Но как бы то ни было, данные, составляющие содержание циркуляра, существуют, и они следующие:

П р е д п и с а н и е: 2 марта 1917 г., от Имперского банка, представителям всех Германских Банков в Швеции.

Сим уведомляется, что требования денег, предназначенных для пропаганды в России, будут получены через Финляндию. Требования эти будут поступать от следующих лиц: Ленина, Зиновьева, Каменева, Троцкого, Суменсон, Козловского, Коллонтай, Сиверса¹² и Меркалина¹³, лиц, котрым счет был открыт в согласии с нашим предписанием за № 2754 в агентствах, частных германских предприятиях Швеции, Норвегии и Швейцарии. Все эти требования должны сопровождаться одной из двух подписей следующих лиц: Диршау или Милькенберга. При условии приложения од-

* Стиль и орфография документов даны в соответствии с оригиналами.

ной из упомянутых подписей вышеуказанных лиц сии требования должны быть исполнены без всяких отлагательств. № 7433, Имперский банк».

В моем распоряжении нет ни копии этого циркуляра, ни фотографии, но документ № 2, ближайший по порядку, доказывает его достоверность одинаково любопытно и безусловно. Этот циркуляр представляет собой особый интерес благодаря тому, что большевики публично отрицали его существование. Циркуляр этот был один из числа нескольких немецких циркуляров, напечатанных в Париже в газете «Petit Parisien» прошлою зимою. Большевистские газеты в Петрограде объявили его подложным. Залкинд, подпись которого появляется не только здесь, но также на протоколе (документ № 3), занимал пост товарища Министра иностранных дел. Он был послан с поручением за пределы России в феврале и находился в Христиании¹⁴ в апреле в то время, когда там был и я.

У меня имеется фотография письма.

Документ № 2

Г. Г.-С., Нахрихтен бюро, секцион Р
№ 292

(Секретно)
12 февраля 1918 г.

Г. Председателю Совета Народных Комиссаров.

Разведочное Отделение имеет честь сообщить, что найденные у арестованного капитана Коншина два германских документа с пометками и штемпелями Петербургского Охранного Отделения представляют собой подлинные приказы Имперского банка за № 7433 от 2 марта 1917 года об открытии счетов гг. Ленину, Суменсон, Козловскому, Троцкому и другим деятелям на пропаганду мира, по ордеру Имперского банка за № 2754.

Это открытие доказывает, что не были своевременно приняты меры для уничтожения означенных документов.

За Начальника Отделения *Р. Бауер*
Адьютант *Букгольм*

П р и м е ч а н и е. Следует обратить внимание на заботливость, с которою Бауер, человек весьма осторожный, в точности устанавливает именно то, о чем было сказано в документе, и тем самым дает возможность восстановить содержание этого опасного документа из пепла, в который он, быть может, был обращен. Он признает, что найденные документы были истинными оригиналами. Мир его возблагодарит, но не возблагодарит его Германия.

У меня находится оригинал письма. На полях его надпись: «В Комиссию по борьбе с к[онтр]р[еволуцией]. Затребовать документы. М. Скрыпник»¹⁵ — и неразборчи-

вые комментарии, сделанные Горбуновым¹⁶, другим правительственным секретарем Ленина. Письмо адресовано Ленину. Достал ли Скрыпник документы, — я не знаю.

Письмо это замечательно еще и в другом отношении, так как арестованный капитан Коншин¹⁷, о котором в нем упоминается, — немецкий офицер, лейтенант Отто, который появляется несколько позже в качестве агента в двусторонней германской интриге на Украине. Что скрывалось за тайною его ареста? Какова была его судьба?

П р и м е ч а н и е. Приказ от 2 марта 1917 года, как то указано в примечании к документу № 1, получил огласку с прошлой зимы и, естественно, подвергся нападению со стороны защитников Ленина и Троцкого. Попытка внести [сомнение], однако, довольно слаба. Если бы это число было поставлено по календарю Западной Европы, то оно было бы до [Февральской] революции; защитники Ленина и Троцкого подобным образом оспаривали это письмо, которое, по их мнению, должно было быть написано каким-нибудь русским контрреволюционером, ЗАБЫВШИМ о разнице в 13 дней между русским и европейским календарем. Интересно, что люди, ведущие это препирательство, просмотрели обратную сторону такого аргумента, а именно: что приказ был написан немцем, который ЗНАЛ русский календарь и ПОЛЬЗОВАЛСЯ ИМ. Да и по здравому смыслу он должен бы пользоваться им, потому что письмо было написано для установления сроков оплаты денежных ордеров, исходящих от русских.

Действовавшие в России немцы прекрасно знали русские порядки (см. документ № 5: «...офицеры, в совершенстве владеющие русским языком и знакомые с русскими условиями»).

Но число 2 марта может быть поставлено по немецкому и по русскому календарю, поскольку это имеет значение для документов. Если это число немецкое, то оно было написано до [Февральской] революции, но с целью подготовить вмешательство в нее, как только она начнется. Многие лица как в России, так и в Германии знали о грядущих приготовлениях к революции. Что может быть более естественного со стороны Берлина, чем желание послать в Россию своих «агентов-агитаторов»? И если они в это время были рассеяны по всему миру, тем больше было оснований торопиться направить их в Россию.

Документ № 3 ПРОТОКОЛ

(Военный Комиссариат)

Д. № 323 — два приложения

Сей протокол составлен нами 2 ноября 1917 года в двух экземплярах в том, что нами, с согласия Совета Народных Комиссаров, из дел контрразведочного Отделения Петроградского Округа и бывшего Департамента полиции, по поручению Представителей Германского Генерального Штаба в Петрограде изъяты:

1. Циркуляр Германского Генерального Штаба за № 421 от 9 июня 1914 года о немедленной мобилизации всех промышленных предприятий в Германии.

2. Циркуляр Генерального Штаба Флота Открытого Моря за № 93 от 28 ноября 1914 года о посылке во враждебные страны специальных агентов для истребления боевых запасов и материалов.

Означенные циркуляры переданы под расписку в Разведочное Отделение Германского Штаба в Петрограде.

Уполномоченные Совета Народных Комиссаров *И. Залкинд*

Е. Поливанов

(неразборчиво, но, может быть, *Мехоношин*)¹⁸

А. Иоффе

Означенные в настоящем протоколе циркуляры № 421 и 93, а также один экземпляр этого протокола, получены 3 ноября 1917 года Разведочным Отделением Германского Генерального Штаба в Петрограде.

Адъютант *Генрих*

П р и м е ч а н и е. Прилагаемые циркуляры написаны по-немецки; (перевод следует ниже).

Германский Генеральный Штаб.

Централ-Абтайлунг, секцион М., № , Берлин.

Циркуляр от 9 июня 1914 года. Командующему военного Округа.

В течение 24 часов по получении сего циркуляра Вам предписывается известить все промышленные предприятия по телеграфу, что пакеты с промышленными мобилизационными планами и регистрационными листами, которые упомянуты в циркуляре Комиссии Графа фон Вальдерзе и Каприви от 27 июня 1887 года, должны быть вскрыты.

№ 421. Мобилизационный отдел. Генеральный Штаб Флота Открытого Моря;

Циркуляр от 28 ноября 1914 года. К морским Агентствам и флотским Союзам;

Сим приказывается немедленно мобилизовать всех агентов разрушения и наблюдателей во всех тех коммерческих и военных портах, где производится погрузка амуниции на суда, отправляющиеся в Англию, Францию, Канаду, Соединенные Штаты Северной Америки и Россию, где находятся склады военной амуниции и где расположены боевые части. Необходимо нанять через посредство третьих лиц, не находящихся в каких бы то ни было отношениях с официальными представителями Германии, агентов для устройства взрывов на судах, отправляющихся во враждебные страны, и для создания задержек, замешательств и запутывающих приказов во время погрузки, отправки и разгрузки кораблей. Для сей цели мы обращаем Ваше особое внимание на артели грузчиков, между которыми находится много анархис-

тов и бежавших преступников; тоже — на немецкие и нейтральные конторы по отправке грузов и на агентов враждебных стран, которые заведуют получением и отправкой военных грузов.

Средства, нужные для найма и подкупа лиц, необходимых для указанных целей, будут предоставлены в Ваше распоряжение по Вашему требованию.

Разведочное Отделение Генерального Штаба флота Открытого Моря *Кениг*

П р и м е ч а н и е. Оба указанных циркуляра имеют пометки карандашом о том, что «Один экз[емпляр] сдан в Nachrichten Bureau» в Петрограде. Намерение Германии заключалось в том, чтобы изъять из архивов старого русского правительства доказательство, — во-первых, того, что Германия начала в июне 1914 года свои активные приготовления к войне, которая застигла врасплох весь мир в августе 1914 года, а во-вторых, чтоб устранить подтверждение своей виновности в устройстве поджогов и взрывов в Соединенных Штатах, в стране, с которой Германия в то время находилась в мире. Но в результате все это явилось новым доказательством правдивости обвинений. Очевидное смещение плохого и хорошего немецкого языка в этих циркулярах, как мне кажется, свидетельствует о попытке создать «алиби» ввиду того почти неизбежного дня, когда циркуляры будут обнаружены <...> Имею оригинал протокола и печатные циркуляры.

Документ № 4

Г. Г.–С. Нахрихтен бюро, секцион Р.
№ 35

17 января 1918 г.

В Комиссариат по Иностранным Дела

Отделением получены точные сведения, что руководители господствующей теперь в России социалистической партии через гг. Фюрстенберга и К. Радека ведут переписку с гг. Шейдеманом и Парвусом относительно уничтожения следов деловых отношений партии с Имперским Правительством¹⁹. Нам известно также, что эта переписка вызвана требованием руководящих групп немецких социалистов, видящих в указанных отношениях опасность для дела социализма. По поручению Штаба, имею честь просить подвергнуть этот вопрос особому обсуждению в присутствии представителя нашего Штаба и г–на фон Шёнемана.

За Начальника Отделения *Р. Бауер*
Адъютант (неразборчиво)

П р и м е ч а н и е. И так, мировая кара являлась очевидною для некоторых немцев. Из личностей, названных в данном письме, самая значительная — Шейдеман — лидер немецкого социалистического крыла, поддерживающего Германское правительство. Уже раньше однажды его имя упоминалось в связи с «деловыми сношениями» русских большевиков с Имперским Правительством как лица, написав-

шего письмо из Копенгагена в 1917 году некоему «г-ну Ольбергу», в котором заявлялось, что в контору Фюрстенберга через Нуа-Ванкен в распоряжение Ольберга положены 150 000 крон. В данное время, в январе месяце, в Смольном, в Петрограде, Фюрстенберг старается помочь Шейдеману в сокрытии старых следов. Сам Радек — ловкий польско-австрийский еврей, приехавший вместе с Лениным из Швейцарии²⁰. Вместе с Троцким он подготовил постановку публичного представления Брест-Литовского мира. Фон Шёнеман являлся уполномоченным немецким представителем при большевистском Министерстве Иностранных Дел. Имя его упоминается позже в документе № 5. Парвус является распорядителем денег, предназначенных для немецкой пропаганды. Главная его квартира находится в Копенгагене и о нем установилось мнение, как о направляющей силе, действующей за спиной А. Иоффе.

(О Парвусе см. «New Europe», 31 января 1918 года, с. 94–95).

Имею фотографию письма.

Документ № 5

Германский Генерал-штаб.

Централ-абтайлунг, секцион М. Берлин, 25 октября 1917 г.

Правительству Народных Комиссаров

Согласно происшедшим в Кронштадте в июле текущего года соглашениям между чинами нашего Генерального Штаба и вождями русской революционной армии и демократии гг. Лениным, Троцким, Раскольниковым, Дыбенко, действовавшее в Финляндии Русское Отделение нашего Генерального Штаба командирует в Петроград офицеров для учреждения Разведочного Отделения Штаба. Во главе Петроградского Отделения будут находиться следующие офицеры, в совершенстве владеющие русским языком и знакомые с русскими условиями:

Майор Любертс — шифрованная подпись Агасфер.

Майор фон Бельке — шифрованная подпись Шотт.

Майор Бауермейстер — шифрованная подпись Бэр.

Лейтенант Гартвиг — шифрованная подпись Генрих.

Разведочное Отделение, согласно договору с гг. Лениным, Троцким и Зиновьевым, будет иметь наблюдение за иностранными миссиями и военными делегациями и за контрреволюционным движением, а также будет выполнять разведочную и контрразведочную работу на внутренних фронтах, для чего в различные города будут командированы агенты.

Одновременно сообщается, что в распоряжение Правительства Народных Комиссаров командировуются консультанты: по Министерству Иностранных Дел — г. фон Шёнеман, по Министерству финансов — г. фон Толь.

Начальник Русского Отдела Германского Генерального Штаба *О. Рауш*²¹

Адъютант *Ю Вольф*²²

(И ниже в том же письме):

В Комиссариат по Иностранным Дела

Указанные в настоящей бумаге офицеры были в Революционном Комитете и условились с Муравьевым, Бойе и Данишевским о совместных действиях²³. Все они поступили в распоряжение Комитета. Консультанты явятся по назначению.

Председатель Военно-Революционного Комитета
Совета рабочих и солдатских депутатов *А. Иоффе*

Секретарь *П. Крушевич*²⁴

27 октября 1917 года

П р и м е ч а н и е. Этот документ показывает выработку условий дальнейшей деятельности. Если Рауш в то время находился в Берлине, то он, вероятно, немедленно вслед за тем отправился в Петроград. Письмо это было, вероятнее всего, написано в Финляндии, а не в Берлине. В некоторых других заголовках писем, в которых обозначено «Берлин», слово это зачеркнуто пером. Писчие принадлежности доставались в Петрограде с большим трудом. Майор Любертс стал начальником Разведочного Отделения (Нахрихтен Бюро). Кронштадт был летом главной штаб-квартирой Ленина. Имя Раскольников будет упоминаться в связи с проектом продажи русского флота Германии. Дыбенко был Комиссаром флота, Морским Министром, человеком властным и очень остроумным. Зиновьев — Председатель Петроградского Совета, являющегося в течение зимы самым могущественным местным учреждением из всех Российских Советов. Он еврейского происхождения и хорошо воспитан. Иоффе в письме о согласии большевиков присоединиться к немцам еще раз выступает тем, кем он действительно является, следующим за Лениным по значению посредником во всех делах, имеющих чрезвычайное значение для Германии.

Имею фотографии обоих писем.

Документ № 6

Генерал.-Штаб. Централ-абтайлунг, секцион М. № 813.
19 ноября 1917 г.

Совету Народных Комиссаров

Настоящим доводится до сведения Правительства, что в его распоряжение командированы в качестве военных консультантов и опытных боевых офицеров следующие лица: майор Эрих, майор Бодэ, майор Засс, майор Циммерман, майор Андерс, лейтенант Гаазе, лейтенант Клайн, лейтенант Брайтц.

Указанные боевые офицеры, по предъявлении им списков наших пленных офицеров, выберут кадры наиболее полезных и способных сотрудников, которые

также будут находиться в полном распоряжении Русского Правительства, как это было условлено на совещании в Стокгольме при проезде гг. Ленина, Зиновьева и др. в Россию²⁵.

Начальник Русского Отдела Германского Генерального Штаба *О. Рауш*
Адъютант *Ю. Вольф*

П р и м е ч а н и е. Майор Андерс переименовал свою фамилию на русскую — Рубаков, а майор Эрих — на фамилию Егоров. Ленин и Зиновьев вместе проехали через Германию и Стокгольм.

Имею фотографию письма.

Документ № 7

Г. Г.—С. Нахрихтен бюро, секцион Р. № 27
(К о н ф и д е н ц и а л ь н о)
12 января 1918 г.

Господину Народному Комиссару по Иностранным Дела
По поручению местного Отдела Германского Генерального Штаба Разведочное Отделение сообщило имена и характеристики главнейших кандидатов в переизбираемый Центральный Исполнительный Комитет, и Генеральный Штаб поручил настаивать на непременно избрании нижеследующих лиц: гг. Троцкого, Ленина, Зиновьева, Каменева, Иоффе, Свердлова, Луначарского, Коллонтай, Фабрициуса, Мартова, Стеклова, Гольмана, Фрунзе, Ландера, Милька, Преображенского, Соллерса, Студера, Гольберга, Аванесова, Володарского, Раскольников, Стучку, Петерса и Нейбута²⁶.

О таком желании Генерального Штаба благоволите сообщить Председателю Совета Народных Комиссаров.

Начальник Отделения *Агасфер*
Адъютант *Генрих*

П р и м е ч а н и е. Пометки гласят: «Копия передана Председателю Совета рабочих и солдатских депутатов. № 956», «Доставить товарищу Зиновьеву и секретному Отделу, М. Ов.... (?)». Число — 12 января (русский календарь) — совпало с неделей Всероссийского съезда Советов в Петрограде, неделю спустя после насильственного разгона Учредительного собрания. Выборы пришлось к концу недели и в действительности явились чисто механическими перевыборами почти всего прежнего Исполнительного Комитета Комиссаров. Несмотря на отсутствие точного списка, я все-таки могу сказать, что настоящий Исполнительный Комитет был избран из этой группы. Что меня больше всего удивляет — так это имя Мартова, главы предполагаемой отдельной фракции.

Мартов — очень способный писатель, вместе с Троцким он подвизался в Париже на газетном поприще, но, говорят, в России между ним и Троцким произошел раскол. Доказательство того, что Германия продолжает относиться к нему благосклонно, имеет особое значение для дела. Г-жа Коллонтай, единственная женщина в этом списке, была Комиссаром Общественного Благосостояния²⁷. Она была послана в феврале за границу для иностранной пропаганды, но дальше Скандинавии не поехала и, спустя некоторое время, вернулась обратно в Россию. Каменев же, отправившийся вместе с г-жой Коллонтай из России, также старался вернуться обратно, но был арестован финской Белой Гвардией (а не немцами) на Аландских островах, и его освобождение послужило предметом целых переговоров. Он — шурин Троцкого. Свердлов был временным председателем Всероссийского Совета. Луначарский — Комиссаром Народного Просвещения. Стеклов являлся редактором официальной газеты «Известия».

Володарский, который жил в Соединенных Штатах, был доверенным лицом Ленина. Он был убит в Москве на последней неделе июня.

Агасфер, который доставил предписание от имени Рауша, есть майор Любертс. Имею фотографию письма.

Глава II

Роль Рейхсбанка

Нижеследующие документы подробно показывают, каким образом германское правительство финансировало русскую большевистскую революцию через посредство Германского Имперского банка. Они показывают, каких вознаграждений германские финансовые и коммерческие интересы требовали от большевиков взамен поддержки со стороны Германии. Они также указывают, каким образом лидеры большевиков изменили собственным сторонникам и как они прекращали пропаганду своей социальной революции везде, где немцы приказывали им ее прекратить.

Документ № 8

Рейхсбанк

№ 2

(Весьма секретно)

Берлин, 8 января 1918 г.

Народному Комиссару по Иностранным Дела

Сегодня мною получено сообщение из Стокгольма, что в распоряжение наших агентов переведено 50 миллионов рублей золотом для вручения их представителям Народных Комиссаров. Кредит этот предоставлен Правительству России на уплату содержания Красной Гвардии и агитаторов в стране. Имперское Правительство счи-

тает своевременным напомнить Совету Народных Комиссаров необходимость усиления пропаганды в России, так как враждебное к существующей в России власти отношение Юга России и Сибири очень озабочивает Германское Правительство. Необходимо послать повсюду опытных людей для установления однообразной власти.

Представитель Имперского банка *фон Шанц*

Примечание. Члены Красной Гвардии получали от 12 до 16 руб. в день, в то время как жалование солдата едва достигало соответствующего числа в копейках. Это письмо указывает место, откуда получались деньги. Большевистское Правительство также требовало от владельцев заводов, чтобы они регулярно платили жалование своим рабочим в то время, когда последние состояли на службе в Красной Гвардии. Пометка на письме указывает на то, что оно было направлено к Менжинскому²⁸, Министру финансов, при котором состоял в качестве эксперта-советника немец фон Толь. Менжинский лично взялся за разрушение русских банков — маневр, посредством которого противники большевизма лишались средств к ведению военных действий. Это было классическим разрушением, выполненным во имя «созидания».

Документ № 9

Рейхсбанк

№ 8

(Весьма секретно)

Берлин, 12 января 1918 г.

В Комиссариат по Иностранным Дела

Мне поручено выразить согласие Имперского банка на отпуск из кредита Генерального Штаба 5 миллионов рублей на командировку помощника Главного морского Комиссара г. Кудряшова на Дальний Восток²⁹.

По прибытии во Владивосток командированное лицо благоволил явиться к ответственному офицеру Русского Флота г. Панову³⁰ и потребовать к себе известных г. Панову Буттенгофа и Штауфахера. Оба названных агента пригласят на свидание Эдуарда Шиндлера, Вильгельма Кеберлейна и Пауля Дезе. Этим лицам необходимо обдумать план вывоза японских и американских военных грузов из Владивостока на Запад. В противном случае, поручить Дезе и его агентам уничтожить склады. Шиндлер познакомит г. Кудряшова с китайскими агентами в Никольске. Эти лица должны получить условленную сумму и отправиться на агитацию в Китае против Японии.

Представитель Имперского банка *фон Шанц*

Примечание. Если этот план был развит до последней возможности, то это было сделано не Кудряшовым. Он был убит во время проезда в Сибирь двумя или тремя неделями позже, и было донесено, что убийцы, как говорят, двое казаков, при

этом взяли крупную сумму денег. Большинство немецких агентов, названных в этом письме, весной все еще продолжали свою деятельность в Сибири, как показывает документ № 29.

Имею фотографию этого письма.

Документ № 10

Рейхсбанк, № 5. Берлин.

(Доверительно)

11 января 1918 г.

Г. Председателю Совета Народных Комиссаров

Милостивый Государь, Господин Председатель. Заинтересованные в торговых сношениях с Россией промышленные и торговые организации в Германии обратились ко мне с письмом, включающим в себя некоторые руководящие указания. Позвольте мне довести их до Вашего сведения.

1. Борьба русской революции с русскими капиталистами совершенно не интересует промышленные сферы постольку, поскольку этот вопрос не касается промышленности как таковой. Можно уничтожить русских капиталистов, но отнюдь нельзя допустить уничтожения промышленных предприятий. Такое положение вызвало бы постоянное брожение в стране, поддерживаемое товарным, а вследствие этого и продовольственным голодом. Этим брожением воспользуются английские, американские и французские капиталисты и сумеют создать здесь кадры своих приверженцев. Необходимо помнить, что германская промышленность в первые годы после всеобщего мира не в состоянии удовлетворить покупательную емкость русского рынка, имея обширные параллельные задачи на Ближнем Востоке, в Персии, Китае и Африке.

2. Необходимо поэтому срочно провести анкету и собрать статистические данные о положении промышленности и, ввиду отсутствия денег в России, обратиться для деловых переговоров к любой из групп германских коммерческих банков.

3. Торговля с Германией может быть в первое время почти исключительно меновой — за хлеб и остальное продовольствие получать товары гражданского обихода. Все, что будет выходить за пределы такой торговли, должно быть оплачиваемо вперед 75% рыночной стоимости с уплатой остальной четверти в 6-месячный срок. Вместо такого порядка, вероятно, окажется частично допустимыми котировка германских дивидендных бумаг на русском денежном рынке или солидно гарантированные промышленные и железнодорожные займы.

Ввиду указанного интереса германских промышленников и купцов к торговым делам с Россией я усердно прошу Вас, Господин Председатель, сообщить мне взгляд Правительства на затронутые вопросы и принять уверение в моем искреннем уважении.

Представитель Имперского банка и Фондовой Биржи в Берлине *Г. фон Шанц*

П р и м е ч а н и е. Предупредительное обращение со стороны немецких промышленников по отношению к русским капиталистам является характерной чертой этого письма, помимо сердечных и взаимно понятных для них выражений представителя Германского Имперского банка, с которыми он обращается к предполагаемому врагу капиталистов всех наций — Ленину. Письмо это было послано Секретному Отделу секретарем Скрыпником. Быть может, когда-нибудь фон Шанц раскроет ответ Ленина.

Имею фотографию письма.

Документ № 11

Рейхсбанк.

№ 12378. Берлин.

[Циркуляр, напечатанный по-русски]
(Копия)

Резолюция

Совещание представителей германских коммерческих банков, созванное по предложению германской делегации в Петербурге Дирекцией Имперского банка для обсуждения резолюций Рейнско-Вестфальского промышленного Синдиката и Гандельстага*.

28 декабря 1917 г. Берлин.

1. Аннулируются все займы, облигации коих, находящиеся в руках германских, австрийских, болгарских и турецких держателей, подлежат, однако, реализации российским казначейством после заключения сепаратного мира, в течение 12-месячного срока.

2. Допускается покупка всех русских государственных фондов и дивидендных бумаг представителями германских банков по курсу дня в вольной продаже.

3. После заключения сепаратного мира, по истечении 90-дневного срока, восстанавливаются все акции частных железнодорожных обществ, металлургических предприятий, нефтяно-промышленных компаний и химико-фармацевтических заводов.

П р и м е ч а н и е. Котировку таких акций принимают на себя биржи Германии и Австро-Венгрии.

4. Упраздняются и в течение пяти лет со дня мирного договора между Россией и Германией не допускаются английские, французские и американские капиталы в следующие предприятия: каменноугольные, металлургические, машиностроительные, нефтяные, химические и фармацевтические.

5. По вопросу о развитии в России каменноугольной, нефтяной и металлургической отраслей промышленности учреждается высший совещательный орган в со-

* Торгового Совета (нем).

ставе 10 специалистов от России и 10 от германских промышленных организаций и германских и австрийских банков.

6. Российское Правительство не должно вмешиваться в область вопросов, связанных с отчуждением в пользу Германии двух горнопромышленных округов в Польше — Домбровского и Олькушского [Олькишекского] и в пользу Австро-Венгрии — нефтяного района в Галиции. Отчуждение последнего [производится] лишь в форме ограничения права заявок, отводов и приложения капитала к добыче и обработке нефти.

7. Германия и Австро-Венгрия пользуются неограниченным правом ввоза в Россию своих техников и квалифицированных рабочих.

8. Другие иностранные техники и рабочие в течение пяти лет после заключения мира с Германией вовсе не должны быть допускаемы.

8. Статистический Отдел добывающей и обрабатывающей промышленности при соответствующем правительственном органе должен контролироваться германскими специалистами.

10. Частные банки в России возникают лишь с согласия и по плану Союза германских и австрийских банков, причем котировку банковских акций на всех биржах Старого и Нового Света принимает на себя группа Дойче-Банка.

11. В портах Петербурга, Архангельска, Одессы, Владивостока и Батума учреждаются под руководством специалистов из Германии особые статистические и экономические комитеты.

Что касается таможенной, железнодорожной, тарифной политики для урегулирования русско-германо-австрийских торговых отношений, то эта сторона экономического договора обсуждается особым Тарифным Советом при Гандельстаге.

Подписали: Председатель *фон Гвиннер*³¹
Секретарь *Беренблит*

Примечание. Сопроводительная резолюция, сделанная пером на документе, такова: «Председатель Центрального Исполнительного Комитета Комиссар Менжинский просит принять к сведению эту резолюцию и подготовить почву в Сов[ете] раб[очих] и солдат[ских] деп[утатов] на случай, если Совет Народного Хозяйства не примет этих желаний. Секретарь Я. Раскин³² [Хаскин]». Менжинский состоит Министром финансов. Все эти условия были направлены против американского, английского и французского капиталов и могли быть скрыты в секретной части этого германо-русского договора. Мне неизвестно, какая участь постигла эту резолюцию в том именно виде, в каком она появилась в начале зимы.

Имею, кроме помеченной фотографии, еще копию с циркуляра.

Документ № 12

Г. Г.-С., Нахрихтен бюро, секцион Р.
№ 780

(Секретно)

25 февраля 1918 г.

Господину Председателю Совета Народных Комиссаров.

После совещания с Народным Комиссаром г. Троцким имею честь просить срочно известить руководителей контрразведки при Ставке — Комиссаров Фейерабенда и Кальмановича³³, чтобы они работали по-прежнему в полной независимости и тайне от официального Штаба Ставки и Генерального Штаба в Петербурге и особенно ген[ерала] Бонч-Бруевича и контрразведки Северного Фронта, сносясь лишь с Народным Комиссаром прап[орщиком] Крыленко.

За начальника Отделения *Р. Бауер*
Адъютант *Букгольм*

Примечание. Поперек этого письма написано: «Сообщить т. Мосолову³⁴. Н. Г.» (инициалы Горбунова). На полях написано: «Передано в Комис. по воен. делам. М. Скрыпник». Значение сего письма заключается в том, что оно посылается Ленину; что два главных секретаря его самого и Совета передали письмо для исполнения и что Ленин и Троцкий 27 февраля продолжали создавать затруднения для [генерала Бонч-Бруевича] в тот самый момент, когда немецкие войска угрожали Петрограду. Мосолов был одним из Комиссаров Штаба Крыленко, представляющий Совет Комиссаров, командующих русскими военными силами. Его проделки как дезорганизатора были знаменательны. Письмо это доказывает, что он пользовался доверием Германии.

Имею оригинал письма.

Документ № 13

Г. Г.-С., Нахрихтен бюро, секцион Р.
№ 733

(Весьма секретно)

25 февраля 1918 г.

Г. Председателю Совета Народных Комиссаров.

По донесениям нашей тайной агентуры, в отрядах, действующих против Германских войск и против Австро-Украинского корпуса, наблюдается пропаганда национального восстания и борьбы с немцами и их союзниками — украинцами. *Прошу сообщить, что предпринято Правительством для прекращения этой вредной агитации.*

За Начальника Отделения *Р. Бауер*
Адъютант *Генрих*

П р и м е ч а н и е. Вдоль верхней части письма написано: «Срочно. В Комис. по воен. дел. и в Особ. Штаб. — М. Скрыпник» Последняя фраза письма подчеркнута и на полях стоит вопрос с инициалами «Л. Т.». Первая пометка есть ленинский приказ через секретаря, а вторая, по всей вероятности, может быть принята за оппозицию Троцкого каким бы то ни было действиям. Потеря Украины, вследствие противонемецкой интриги, была его большим местом; эта потеря сильно подрывала его престиж. Но это все же по существу несколько не уменьшило его подчинения Германии.

Имею оригинал письма^{34а}.

Документ № 14

Г. Г.-С., Нахрихтен бюро, секцион Р.

№ 278/611

7 февраля 1918 г.

Господину Народному Комиссару по Иностранным Дела.

До сведения Разведочного Отделения дошло, что данное Вами лично, Господин Комиссар, в Брест-Литовске обещание не распространять в германских войсках социалистической агитационной литературы не исполняется. Прошу сообщить, какие будут по этому поводу приняты меры.

За начальника Отделения *Р. Бауер*
Адъютант *Генрих*

П р и м е ч а н и е. Резкие слова в обращении к Министру иностранных дел правительства Советов рабочих, солдат и матросов Российской республики употреблены лицом, не равным Министру по рангу, а представителем немецкого майора, стоявшего во главе одного из Разведочных Бюро Германского Генерального Штаба. Возмущился ли Троцкий или же отрицал он это обвинение? Нет, он собственноручно написал на полях: «Д. Д. Прошу переговорить. Л. Т.» и тем признал, что дал обещание в Брест-Литовске. Поднятый вопрос касается лишь степени требуемого подчинения.

Имею оригинал письма^{34б}.

Документ № 15

Контрразведка при Ставке. № 311 — спец. секция.

2 января 1918 г.

Председателю Совета Народных Комиссаров

Контрразведка при Ставке сообщает, что на фронте распространяется неизвестными агитаторами следующая контрреволюционная литература:

1. Текст циркуляров различных германских правительственных учреждений с доказательствами связи германского правительства с деятелями большевизма до перехода власти в их руки. Эти летучие листки дошли и до германских командиров.

Главковерху доставлено требование ген[ерала] Гофмана всеми мерами прекратить эту вредную агитацию.

2. Стенографическая запись беседы ген[ерала] Гофмана с товарищем Троцким, причем последнему будто бы было предложено заключить мир при условии значительных уступок со стороны Центральных Империй, но с обязательством русской делегации прекратить социализацию государственной жизни. Тов. Троцкий будто бы предложил прекращение войны с Россией без мира и демобилизации нашей армии. Когда ген[ерал] Гофман заявил, что германцы продолжают наступление, тов. Троцкий будто бы ответил: «Тогда под давлением силы мы принуждены будем и заключить мир, и исполнить все требования».

Этот документ вызывает негодование в войсках. Против Совета Народных Комиссаров раздаются жесткие обвинения.

Комиссар С. Кальманович

Примечание. Это письмо есть предостережение против медленно, но уже надвигающейся бури, которая сметет этих дерзостнейших в истории пиратов с лица страны, которую они временно присвоили. Чтобы составить себе действительно понятие о значении второй и важной части письма, следует отметить, что вплоть до 1 февраля русский календарь отставал на 13 дней от западноевропейского и поэтому настоящее число этого письма — 10-е февраля. Это и есть число, когда Троцкий провозгласил в Брест-Литовске: «Ни мира, ни войны». Известие об этом достигло Петрограда не ранее следующего дня. Несмотря на это, в тот же день на фронте были розданы отпечатанные циркуляры с заявлением, что Троцкий согласился исполнять именно то, что он сделал, и с предсказанием событий, которые произошли через неделю, когда Германия действительно начала свое наступление и когда большевики исполнили все требования. Фактически все оказалось правдой. И средства, которыми это было достигнуто, совершенно не являются непонятными. Несколько смелых и ловких русских нашли способ достать сведения из Брест-Литовска. Циркуляры, о которых идет речь в первом параграфе, конечно, те, которые уже известны Вашингтону из февральских депеш.

Следующий наивный комментарий делает это письмо еще более привлекательным: «Комиссар по борьбе с контрреволюцией заявил, что эти циркуляры были посланы с Дона и стенографический доклад был перехвачен во время передачи из Киева. Оригинал его, вне сомнения, австрийского происхождения или же исходит от Рады. — М. Скрыпник».

Имею фотографию письма.

Глава III

Немецко-большевистский заговор против союзников

Нижеследующие документы с объяснительными примечаниями г-на Сиссона разоблачают немецко-большевистский заговор против союзников.

Документ № 16

Контрразведка при Ставке
№ 215

21 января 1918 г.

В Комиссариат по Иностранным Дела

Настоящим сообщаем, что в Могилев прибыли из Германии командированные в Англию, Францию и Америку офицеры: Занвальд, фон Вейне³⁵, Пабст, Майер, Грюнвальдт и барон Шиллинг. Им были вручены присланные сюда по требованию Народного Комиссара Троцкого паспорта.

Фон Вейне отправляется в Англию с датским паспортом на имя Гансена, торговца из Копенгагена.

Барон Шиллинг командирован в С[еверо]-А[мериканские] С[оединенные] Штаты с норвежским паспортом на имя доктора Иосифа Бруна.

Грюнвальдт командирован во Францию с русским паспортом на имя латыша Ивана Калнина.

Остальные лица совершат поездку по Финляндии и Швеции с удостоверениями Германского Штаба с целью проследить контрреволюционную работу агентов союзных нам стран.

Заведующий контрразведкой *Фейерабенд*
Комиссар *Фуцнеторф*

Примечание. Молодой немец, который выдавал себя за дезертира-офицера и назвал себя Майером, добивался помощи посольства, военной миссии и моей, чтобы пробраться в Америку. Он выглядел очень приличным на вид пруссаком; жил в Нью-Йорке, говорил по-английски с очень слабым акцентом и заявил, что взгляды Президента на условия мира изменили его убеждения. Он говорил, что прошел сквозь неприятельскую линию как дезертир, так как не мог больше вынести немецкую войну, и что он хочет попасть в Америку, чтобы там говорить и писать против Германии. Меня ему не удалось уговорить. По его словам, он был лейтенантом.

В нашем военном Бюро в Христиании нет записи о паспорте, выданном на имя доктора Иосифа Бруна.

Имею фотографию письма.

Документ № 17

Комиссар по борьбе с контрреволюцией и погромами
№ 32

Петроград, 5 января 1918 г.

Народному Комиссару по Иностранным Дела

Чрезвычайный Комиссар по борьбе с контрреволюцией т. Антонов просит Комиссариат по Иностранным Дела

выдать паспорта для въезда в Данию следующих товарищей, отправляющихся в союзные государства для пропаганды мира.

В Англию уезжают: тт. Адольф Павлович Рибба, Илья Юльевич Урицкий, Владислав Антонович Дашкевич.

Во Францию: тт. Римма Львовна Орлова, Владимир Константинович Шнеур³⁶.

В Америку: тт. Исай Борисович Кан, Марк Власьвич Грицкер, Софья Артуровна Мак.

Все означенные товарищи посетят в Копенгагене помещение агента Штаба, где получают нейтральные паспорта для поездки в указанные страны. В распоряжение командруемых будут предоставлены крупные средства для борьбы в печати с империалистами Англии, Франции и Соединенных Штатов. Их условные адреса будут сообщены Вам дополнительно по прибытии перечисленных товарищей к месту назначения.

Уполномоченные Комиссары *А. Шилинский*
Ф. Зуберт

П р и м е ч а н и е. Троцкий отметил на полях: «Срочно исполнить. Л. Т.». План кампании пропаганды мира в союзных странах ясно выработан. Эти большевистско-немецкие агенты будут распространять пропаганду интернационального большевизма и будут обвинять государства, состоящие в войне с Германией, в тех самых империалистических приемах, в которых виновна Германия. Такой же точно способ применяется в России большевистско-германской прессой в ее нападениях на Соединенные Штаты, Англию и Францию. В формулировке этой пропаганды империализм упоминается не только по отношению к территории, но даже к деловым предприятиям. Агенты, названные в вышеупомянутом списке, видимо, старались проникнуть под различными именами. Их самих, равно как и центры, направляющие их работу, можно все-таки узнать по их словам и по работе. Подписавшиеся Комиссары являются членами Комиссии по борьбе с контрреволюцией.

Имею фотографию письма.

Документ № 18

Герм. Генерал. Штаб, Централ–Абтайлунг,
Секцион М.
№ 951

20 декабря 1917 г.

В Комиссариат по Иностранным Дела

Согласно переговорам, состоявшимся между членами Русской и Германской мирных делегаций в Брест–Литовске, Русское Отделение Германского Генерального Штаба имеет честь просить ускорить отправку агитаторов в лагеря для русских военнопленных в Германии с целью вербовать добровольцев — отправиться для наблюдения и мирной пропаганды в английских и французских войсках, куда они будут доставлены.

Одновременно Штаб просит послать в Германию следующих лиц, известных Штабу: матросов Шишко, Киршу, Матвеева и Драчука, которые получают особые поручения при проезде через Брест–Литовск.

Начальник Русского Отдела Германского Генерального Штаба *О. Рауш*
Адъютант *Ю. Вольф*

П р и м е ч а н и е. Это ходатайство передано комиссариатам по военным и морским делам. На полях стоял вопрос, заданный Е. П. (вероятно, Поливановым): «На Черном ли море Драчук?» Последний находился в Севастополе и, может быть, не был послан. Остальные поехали, посетили лагеря для военнопленных в Германии и затем вернулись в Россию. В феврале Шишко был Комиссаром морского корпуса в Петрограде.

Имею фотографию письма.

Документ № 19

Контрразведка при Ставке
16 января 1918 г.

В Совет Народных Комиссаров

Настоящим довожу до сведения Народных Комиссаров, что через наши передовые линии с именного разрешения Главковерха проследовало 100 германских офицеров и 250 унтер–офицеров на наши внутренние фронты; часть германских офицеров отправилась на фронт Донской области, часть — на фронт против атамана Дутова и часть отбыла в Восточную Сибирь и Забайкалье для наблюдения и, если окажется возможным, для противодействия японскому оккупационному отряду и контрреволюционным забайкальским казачьим офицерам.

Контрразведчик *П. Архипов*

Примечание. Следующий странный комментарий придает этому письму интерес, а именно: «Обвинение или глупое обвинение ради личной выгоды? Сообщите товарищу Крыленко»; подпись «Н. Г.».

Имею фотографию письма.

Документ № 20

Контрразведка при Ставке

№ 52

8 января 1918 г.

В Совет Народных Комиссаров

Главковерх Крыленко получил предложение от Верховного Командования Красной Армии командировать в распоряжение Германского Штаба десять надежных офицеров революционной армии. Означенные лица должны прибыть в Варшаву, где получают дальнейшие маршруты. Цель командировки — посещение лагерей наших военнопленных и пропаганда мирных идей. Штаб указывает на желательность командировки тт. Дзевалтовского, Семашко, Сахарова и Володарского.³⁷

За заведующего Контрразведкой *С. Кальманович*

За Комиссара *Алексеев*

Примечание. Дзевалтовский был офицером лейб-гренадерского полка и агитатором, поднявшим солдат во время злополучного июльского выступления. На Володарского была ссылка выше. Он был убит в конце июня в Москве. Кальманович был Комиссаром в Штабе Крыленко; он был «оратором», предназначенным для дезорганизации армии. По рангу в армии Крыленко был прапорщиком.

Имею фотографию письма.

Документ № 21

Генерал. Штаб, Централ-Абтайлунг, секцион М.

№ 750.

Берлин. 1 ноября 1917 г.

Совету Народных Комиссаров

Вследствие запроса Германского Верховного Командования, имею честь просить в срочном порядке сообщить мне тщательно проверенные сведения о количестве запасов боевого снаряжения в следующих пунктах: Петрограде, Архангельске, Владивостоке, Казани и Тифлисе. Необходимо указать количество и место хранения доставленных из Америки, Англии и Франции боевых припасов и те воинские части, которые несут охрану военных складов.

Начальник Отдела *О. Рауш*

Адъютант *Ю. Вольф*

Примечание. Это был запрос стране, которую Америка, Англия и Франция в то время считали еще союзницей. Имею фотографию письма.

Документ № 22

Генеральный Штаб Флота Открытого Моря
(О с о б о с е к р е т н о)
В Совет Народных Комиссаров
10 января 1918 г.

По радиотелеграфу из Киля петербургским представителем Верховного Морского Командования получено распоряжение обратиться к Совету Народных Комиссаров с предложением предоставить в распоряжение наших агентов во Владивостоке — Буттенгофа, Штауфахера и Франца Валдейна — несколько паровых судов. На эти суда должны быть погружены указанные упомянутыми агентами грузы, и лица отправлены по назначению в порты Северо-Американских Соединенных Штатов, Японии и Британских колоний на востоке Азии.

В случае отсутствия свободного тоннажа в портах Тихого океана надлежит зафрахтовать суда, плавающие под иностранным флагом. Цель посылки судов — доставить во враждебные страны агентов-агитаторов и агентов-истребителей. Все издержки и весь риск петроградская агентура Верховного Морского Командования принимает на счет морских операционных кредитов.

Капитан-лейтенант *Р. Мюллер*³⁸

Примечание. Секретарем Ленина, г. Скрыпником, помечено: «Доложено». На активных агентов Владивостока ссылались выше. Опасность прибытия германских агентов через тихоокеанские порты очевидна.

Имею фотографию письма.

Документ № 23

Генеральный Штаб Флота Открытого Моря
№ 85
(В е с ь м а с е к р е т н о)
14 января 1918 г.

В Совет Народных Комиссаров

По поручению Германского Верховного Морского Командования, переданному мне сегодня по радио «А», обращаюсь к Российскому правительству с предложением принять меры к доставке в Тихий океан трех подводных лодок в разобранном виде по железным дорогам. По окончании мирных договоров и заключении мира между Россией и Германией перевозка эта должна начаться немедленно, причем по окончании войны перевозимые суда останутся в распоряжении Российского правительства.

Капитан-лейтенант *Рудольф Мюллер*

Примечание. На полях письма помечено: «Доложено. Секретарь Скрыпник». Перевозка, согласно категорическому требованию, должна была начаться тотчас же после подписания мирного договора. Вышеприведенные два письма являются единственными двумя сообщениями от капитана Мюллера.

Имею фотографию письма.

Документ № 24

Комиссар по борьбе с контрреволюцией и погромами, № 445–63.

Петроград, 21 января 1918 г.

Комиссару по военным делам Склянскому³⁹

Наша агентура с Фурштадтской улицы сообщает, что там отмечены посетившие три раза американское посольство два лица, до того бывавшие в посольстве. Майор Любертс просит указать Комиссару Подвойскому на необходимость установления слежки⁴⁰. Прошу распоряжений.

Комиссар *А. Козьмин*⁴¹

Примечание. Майор Любертс считал нужным установить личность посетителей американского посольства. Подвойский был Военным Министром.

Имею фотографию письма.

Документ № 25

Г. Г.-С., Нахрихтен бюро, секцион Р.

№ 168

(Весьма секретно)

17 декабря 1917 г.

В Комиссию по борьбе с контрреволюцией

Разведочное Отделение на запрос Комиссии по борьбе с контрреволюцией от 17 декабря имеет честь сообщить список наблюдателей за миссиями союзных России государств.

За [английским] посольством — германские разведчики: Люце, Тельман, Посель, Франц и Гезель; русские агенты: Овсянников, Глущенко, Балясин.

За французским посольством — германские разведчики: Сильвестр, Бутц, Фольгаген; русские агенты: Балашев, Турин, Гаврилов, Садовников и Шило.

За посольством С[еверо]-А[мериканских] С[оединенных] Штатов — германские разведчики: Штром, Бухгольц, Фаснахт, Турнер; русские агенты: Шпитцберг, Сокольницкий, Тарасов и Вавилов.

За румынской миссией — германские разведчики: Суттнер, Байдер и Вольф; русские агенты: Куль, Никитин, Золотов и Архипов.

За итальянским посольством — австрийские разведчики: Кульдер, фон Гезе, Гойн и Бурмейстер; русские агенты: Салов, Алексеевский, Кузьмин.

Указанные агенты должны исполнить все поручения Комиссии по борьбе с контр-революцией, саботажем, погромами и пр.

Начальник Отделения *Агасфер*
Адъютант *Е. Рантц*

П р и м е ч а н и е. Немец, майор Любертс⁴² (Агасфер; см. документ № 5), являлся лицом, которое держало в течение всей зимы в качестве заложников всех послов союзных государств в России. Приведенные выше имена нельзя было проверить, по крайней мере в британском и американском посольствах. Все они могли быть наружными наблюдателями. Метод наружного наблюдения показан в документе № 27.

Имею фотографию письма.

Документ № 26

Г. Г.-С., Нахрихтен бюро, секцион Р.
№ 715
(Л и ч н о)

23 февраля 1918 г.

Господину Народному Комиссару по Иностранным Дела

Согласно моим личным переговорам с г. Председателем Совета Народных Комиссаров, было решено задержать отъезд итальянского посольства из Петербурга и, по возможности, произвести обыск посольского багажа. Об этом решении считаю долгом известить Вас.

За начальника Отделения *Р. Бауер*
Адъютант *Генрих*⁴³

П р и м е ч а н и е. Поперек верхней части письма помечено Троцким: «Дать инструкции», подписано его инициалами «Л. Т.». Здесь, по сути, говорится, что германский офицер Генерального Штаба и Ленин на заседании приказали обыскать багаж посла дружественной России и воюющей с Германией страны и что Троцкий дал инструкции выполнить этот приказ. Примечание чиновника внизу письма дополняет картину: «Передать Благонравову»⁴⁴. Последний был Комиссаром по военному положению в Петрограде. Поезд итальянского посольства был задержан в течение более 24 часов несколько дней спустя, когда посольство старалось выехать. Товарищ министра иностранных дел Петров с явным возмущением сказал мне 2 марта: «Итальянцы дали дипломатический паспорт посольскому повару». Таким образом, сказал он, обыск поезда был законным. Имел ли этот обыск больший успех, чем в тот раз, когда был остановлен и обыскан итальянский посол в своем автомобиле напротив Европейской гостиницы, я не слышал. В документе № 27 говорится об этом грабеже.

Имею оригинал письма № 26.

Документ № 27

Комиссар по борьбе с контрреволюцией и погромами
№ 71

(В е с ь м а с е к р е т н о)

Петроград, 24 февраля 1918 г.

Народному Комиссару по Иностранным Дела

Наши агенты, следящие за итальянским посольством, тт. Маеров, Именицкий и Юров⁴⁵ выследили посла и произвели у него на улице обыск и выемку документов. [Материалов] о сношениях с германскими дипломатами и предполагаемых Вами особых записок союзным послам не найдено. Для маскирования у посла похищены некоторые предметы, перечисленные в протоколе, составленном тов. Именицким. Слежка за [английским] и американским послами и сербским посланником усилена.

Дополнительный наблюдательный пункт за английским посольством установлен в Мраморном дворце (лейтенант Беккер и член ЦИК Совета рабочих и крестьянских депутатов Фрунзе)⁴⁶.

За французским посольством на Французской набережной, д. № 8. — тов. Петерс⁴⁷, член ЦИК Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (дополнительно).

За Северо-Американским посольством наблюдение установлено по Фурштадской ул., д. № 23, в кв. № 1 и 4. В последней очень успешно ведут наблюдения тов. Гольдберг и Шпицберг. Телефоны установлены в указанных местах. Общее руководство поручено Альфреду фон Гейгендорфу.

Комиссар *Митонович*
За секретаря *Р. Баетский*⁴⁸

П р и м е ч а н и е. Большинство имен в этом письме, равно как и подпись в конце его, — неизвестны. Петерс, которому был поручен надзор за французами, — матрос-латыш, деятельный и способный, раньше жил в Англии. Ограбление итальянского посла произошло поздно вечером на освещенной людной улице в центре города и было сенсацией дня. Обсервационный пункт для слежки за американским посольством был установлен в желтом доме, занятом квартирами, — почти против подъезда. После того как я получил эти сведения, я проверял слежку и каждый раз видел голову или руку, прячущиеся за окном. Но я сомневаюсь, чтобы наблюдатели извлекли много пользы, следя за посетителями посольства. Имею фотографию письма.

Документ № 28

Герм. Генерал. Штаб, Централ-Абтайлунг, секцион М.
№ 389

(Доверительно)
24 февраля 1918 г.

Господину Народному Комиссару по Иностранным Дела

По поручению Имперского Правительства имею честь просить в срочном порядке произвести анкету, какие торговые суда, вспомогательные крейсера и транспорты могут быть отправлены в воды Тихого океана, где Германское Правительство намерено создать для борьбы с американо-японской торговлей сильный коммерческий флот, плавающий под русским флагом.

Вместе с тем довожу до Вашего сведения, что на Балтийском Флоте ваши матросы распродают с военных кораблей катера, мелкие механизмы, медные и бронзовые части машин и прочее. Не было ли бы посему своевременным поднять вопрос о продаже Германии этих расхищаемых и разоряемых военных кораблей?

Решение Правительства благоволите мне сообщить.

Начальник Русского Отдела Германского Генерального Штаба *О. Рауш*
Адъютант *Ю. Вольф*

Примечание. Против первого абзаца есть пометка: «Запросить Ломова. Маркин». Последний был одним из секретарей Троцкого. Против второго абзаца Маркин сделал пометку: «Раскольникову». Последний — Комиссар Морского Генерального Штаба, который вел переговоры с германскими офицерами в Кронштадте в марте, апреле и июле 1917 года и был тогда деятельным помощником Дыбенко в подстрекании русского флота к восстанию. Не знаю, кто такой Ломов. Значение первого абзаца, как указание на то, как Германия собирается использовать Россию против Америки, — очевидно. Смехотворная картина, описанная во втором абзаце, сразу подчеркивает позорный конец славного нового русского флота и обнаруживает надежды немцев заполучить и переделать эти суда.

Имею оригинал письма^{48a}.

Документ № 29

Г. Г.-С., Нахрихтен бюро, секцион Р.
№ 883

(Весьма секретно)
9 марта 1918 г.

В Комиссию по борьбе с контрреволюцией

Настоящим сообщается, что наблюдением и в случае необходимости нападением на японских, американских и русских офицеров, командующих оккупационным

корпусом в Восточной Сибири, заведуют наши агенты Штауфахер, Кригер, Гизе, Вальдейн, Буттенгоф, Даттан⁴⁹ и Скрибанович, к коим и надлежит обращаться как Комиссару Кобозеву, так и командированным Комиссией лицам. Адреса агентов указаны в списке № 3.

Начальник *Р. Бауер*

Адъютант *М. К. (?)*

Примечание. На письме появляются пометки с неразборчивой подписью: «Телег[рафировать] Кобозеву» и «Телеграфировать Стрибергу», а внизу — приказание: «Дать список» — с подписью буквами: «Д З.», соответствующими обычной подписи Дзержинского, председателя Комиссии по борьбе с контрреволюцией. Под этим приказанием помещен список нижеследующих адресов:

Доклад по списку № 3:

1. Штауфахер, Владивосток, дом Панова.
2. Р. Кригер, Никольск-Уссурийский.
3. А. Гизе, Иркутск, аптека Жинжеровой.
4. Ф. Вальдейн, Владивосток, соб. дом.
5. Буттенгоф, Хабаровск, [торговый дом] «Кунст и Альберс».
6. Даттан, в Томске, Нечаевская ул.
7. Бар. Будберг, Харбин [...] Управление Кит[айской] Вост[очной] жел[езной] дороги.
8. Скрибанович, Благовещенск, дом «Кунст и Альберс».
9. Панов, Владивосток, соб. дом.

Это письмо было послано мне после того, как я покинул Петроград, и дошло оно до меня 5 апреля.

Оно важно не только по содержанию, раскрывающему имена и адреса агентов разрушения, которые призываются усилить действия против Соединенных Штатов и Японии и сделать Тихий океан новой ареной ужаса, но и показывает, что Германский Генеральный Штаб продолжал и после Брест-Литовского «мира» активно работать с русским большевистским правительством.

Имею оригинал письма.

Глава IV

Заговор о заключении позорного мира

Германия заключила русский мир с собственным подставным правительством, ложно называющимся Советом Народных Комиссаров, председателем которого является Владимир Ульянов (Ленин), Министром иностранных дел — Лев Троцкий и послом в Германии — А. Иоффе. Германия наложила на русский народ особо тяже-

лые условия мира как наказание за слишком честолюбивые стремления своих же наемников к власти и за то, что они надеялись хоть на короткое время не только завладеть Россией, но и перехитрить своих хозяев и обратить симулированную германскую революцию в настоящую.

Но хитрость их оказалась игрушкой в руках грубой германской силы. В действительности Германия перехитрила их переговорами с украинской Радой в тот момент, когда они воображали, что обманывают Германию.

Однако Германия не отказалась от большевистских главарей, признавая их дальнейшую пользу для германской мировой кампании, направленной к внутренней дезорганизации народов, с которыми она воюет. Но она ограничила их деятельность пределами замкнутой провинции, в какую теперь превратилась Великая Россия.

Согласно заявлениям, опубликованным тотчас после провала бутафорского де-виза Троцкого «Ни мира, ни войны», Ленин всегда стоял за мир на любых объявленных Германией условиях. Он руководил положением после того и уступил все, что Германия потребовала. Равным образом Троцкий не перестал исполнять приказания Германии, данные ему как генералом Гофманом в Брест-Литовске, так и в Петрограде, непосредственно от Русского Отдела Германского Генерального Штаба, который заседал в самом Петрограде с ноября 1917 года и деятельность которого была еще в полном ходу, когда я уехал 4 марта из Петрограда, — в тот день город получил сообщение, что мир подписан в Брест-Литовске русской и германской делегациями. Троцкий поэтому справедливо обвиняется в подготовке и постановке последнего театрального акта, который должен был стать кульминационным пунктом в дезорганизации России, к которой стремилась Германия. Фактически он дал приказ немедленно демобилизовать русскую армию, оставив германскую армию без противника.

Больше того, действительный результат работы большевистских главарей дал возможность Германии присоединить свою армию с русского фронта к своей западной армии для выполнения мартовского наступления во Франции. Таковы были планы русского большевизма, управляемого Германией.

Следующие документы передают историю предательства России при заключении позорного и пагубного мира.

Документ № 30

Герм. Генерал. Штаб, Централ-Абтайлунг, секцион М-Р.
№ 408

(Секретно)

26 февраля 1918 г.

Господину Председателю Совета Народных Комиссаров

Отделение Штаба имеет честь просить сведений о настроении направляемых к Пскову отрядов и предостерегает от возможных печальных последствий, если в

этих отрядах будет вестись патриотическая пропаганда и агитация против Германской Армии.

Начальник Русского Отдела Германского Генерального Штаба *О. Рауш*
Адъютант *Ю. Вольф*

П р и м е ч а н и е. Председатель Совета Народных Комиссаров — Ленин. В верхней части письма есть пометка: «Срочно. Председатель С(овета) Н(ародных) К(омиссаров) просит т. Володарского сообщить это агитационному отделу. Секретарь М. Скрыпник». Скрыпник — первый секретарь правительства и докладывает Ленину лично. Вторая пометка на полях гласит: «Ц[ентральный] И[сполнительный] К[омитет], № 832, к докладу», подписано неразборчивыми инициалами. Посылаемые в это время в Псков отряды состояли из красногвардейцев и рекрутов новой Красной Армии. Псков был взят немцами без боя.

Имею оригинал письма.

Документ № 31

Г. Г.-С., Нахрихтен бюро, секцион Р.
№ 750

(В е с ь м а с е к р е т н о)
27 февраля 1918 г.

Г. Председателю Совета Народных Комиссаров

Настоящим, не получив точного ответа на мой запрос от 25 февраля, имею честь вторично просить в срочном порядке сообщить мне количество и качество сил, направляемых к Пскову и Нарве.

Одновременно, по поручению Представителя нашего Генерального Штаба, еще раз напоминаю о желательности назначения ген[ерала] Парского на пост Верховного Главнокомандующего русскими вооруженными силами⁵⁰ — вместо ген[ерала] Бонч-Бруевича, деятельность которого не встречает сочувствия Германского Верховного Командования. Теперь же, после покушения на жизнь и имущество немецких землевладельцев в Эстляндии и Лифляндии, что, по нашим сведениям, произошло с вedomа ген[ерала] Бонч-Бруевича и националистической деятельности его в Орле, пребывание генерала на его посту нежелательно.

Начальник Отделения *Агасфер*
Адъютант *Букгольм*

П р и м е ч а н и е. Поперек письма написано: «Вызвать тт. Троцкого и Подвойского. Н. Г.» (инициалы Горбунова, главного секретаря Совета Народных Комиссаров). Обратите внимание на повелительный тон всего письма и особенно на первый параграф. Как уже было показано, Агасфер есть шифрованная подпись майора Лю-

бертса, начальника Петроградского Разведочного Отделения Германского Генерального Штаба, главного Отделения Русского Отдела Германского Генерального Штаба, начальником которого состоит майор Рауш, упомянутый в этом письме как Представитель «нашего Генерального Штаба». Очевидно, оба — Любертс и Рауш — написали предупреждение, направленное против посылки каких бы то ни было патриотов на помощь обороняющимся силам, и, по-видимому, несмотря на стремление большевиков к повиновению, как указано в докладе № 30, оно не проводилось с достаточной быстротой, чтобы удовлетворить немецкие строгости. Подвойский был военным министром, генерал Парский был назначен командующим Петроградским округом и вплоть до июня еще оставался на этом посту. Он раньше был комендантом города Риги, которая была сдана Германии без сопротивления ранней осенью 1917 года.

Имею оригинал письма.

Документ № 32

Г. Г.-С., Нахрихтен бюро, секцион Р.

№ 272/600

(В е с ь м а с е к р е т н о)

6 февраля 1918 г.

Господину Народному Комиссару по Иностранным Дела

Прошу срочно выдать турецкому подданному Карпу Х. Миссирову русский паспорт вместо отобранного у него, выданного ему в 1912 году на основании прилагаемого к сему национального паспорта.

Агент К. Миссиров направится в Штаб Русского Верховного Командования, где, согласно происшедшим переговорам между ген[ералом] Гофманом и Комиссарами Троцким и Иоффе, он будет вести наблюдение за деятельностью Начальника Штаба ген[ерала] Бонч-Бруевича⁵¹ в качестве помощника Комиссаров Кальмановича и Фейерабенда.

За Начальника Отделения *Р. Бауер*

Адъютант *Букгольм*

П р и м е ч а н и е. Здесь мы имеем закулисное открытие настоящих отношений между Троцким и генералом Гофманом в Брест-Литовске, снимающих маски с лиц, выставленных ими для обмана публики. В данном случае Троцкому были даны приказания, и он их исполнил. Поперек верхней части письма он еще раз уличил себя пометкой: «Запросить т. Иоффе. Л. Т.», между тем как Иоффе, роль которого, очевидно, состояла в том, чтобы быть ходатаем Германии, написал на полях: «Согласно условию подлежит исполнению. А. Иоффе». Тем самым он становится свидетелем самого соглашения — того обещания, которое он и Троцкий дали военачальнику Германского правительства на Брест-Литовской конференции, — предать Главно-

командующего русской армии — в то время, когда он сделает попытку защищать Россию против Германии. Вторая пометка на полях гласит, что паспорт был выдан 7 февраля на имя П. Л. Ильина⁵².

Имею оригинал письма и переданный паспорт. Кальманович и Файерабенд были комиссарами контрразведки.

Двойная игра на Украине

Следующие документы и прилагаемые примечания г-на Сиссона показывают, как сами большевики были обмануты [на] Украине и как немцы играли своими наемниками с целью дезорганизовать Россию; при этом раскрываются планы убийств лидеров, оставшихся верными России.

Документ № 33

Контрразведка при Ставке
№ 63
10 января 1918 г.

В Комиссию по борьбе с контрреволюцией

Комиссар по борьбе с контрреволюцией шифрованной телеграммой за № 235 потребовал посылки специальных агентов в Киев и Новочеркасск.

Посланы гг. Власенко, Гаврильчук и Кораблев, неоднократно и очень успешно исполнявшие разведочную работу. Комиссар в своей шифрованной телеграмме указывает, что германские и австрийские агенты, командированные из Петербурга, — лейтенанты Отто, Кремер, Блюм и Василько — ведут двойную роль. Донося о происходящем Петербургу, они ведут усиленную агитацию в пользу сепаратного мира Украины с центральными империями и за водворение порядка. Их работа имеет успех.

В Сибирь командированы гг. Трефилов и Шепшелевич в связи с донесением Вашим о скупке и вывозе золота австрийскими военнопленными в Сибири.

Заведующий контрразведкой *Фейерабенд*
Секретарь *Н. Драчев*

П р и м е ч а н и е. Таким образом, раскрывается способ, которым Германия пыталась перехитрить своих прислужников — большевиков, которые при удаче становились дерзкими, торгуясь со своими хозяевами. Создавать в России силу, которую они не могли бы контролировать во всякое время или же, в случае надобности, уничтожить, вовсе не входило в планы немцев. План их в данном случае имел еще то преимущество, что он не только способствовал дисциплинированию петроградских большевиков, но также способствовал дальнейшей дезорганизации России. Он преду-

сматривал отдельный мир с Украиной и отдельный мир с Великороссией. Лейтенант Отто и есть тот Коншин, который впоследствии был арестован за какое-то неизвестное предательство. См. документ № 2.

Имею фотографию письма.

Документ № 34

Контрразведка при Ставке
№ 511

30 января 1918 г.

В Комиссию по борьбе с контрреволюцией

Сообщается Вам, что германские и австрийские офицеры, находившиеся в Киеве, имеют теперь частные свидания с членами низложенной Рады. Упорно сообщают нам о неизбежном подписании и подтверждении мирных переговоров как между Украиной и центральными империями, так и между Румынией и Австрией и Германией.

Заведующий контрразведкой *Фейерабенд*
Комиссар *Кальманович*

Примечание. Подтверждает предыдущий документ. Сепаратный мир с Украиной уже был подписан.

Имею фотографию письма.

Документ № 35

Г. Г.-С., Нахрихтен бюро, секцион Р.
№ 181

(Весьма срочно)

9 декабря 1917 г.

Г. Народному Комиссару по Иностранным Дела

Согласно Вашему поручению, Разведочным Отделением 29 ноября был командирован в Ростов майор фон Бельке⁵³, установивший там разведку за силами Донского Войскового правительства. Майором был организован также отряд из военнопленных, которые и принимали участие в боях. В этом случае военнопленные, согласно указаниям, сделанным июльским совещанием в Кронштадте с участием гг. Ленина, Зиновьева, Каменева, Раскольниковца, Дыбенко, Шишко, Антонова, Крыленко, Володарского и Подвойского, были переодеты в русскую солдатскую и матросскую форму. Майор фон Бельке принял участие в командовании, но сбивчивые распоряжения официально командующего Арнаутова и бездарная деятельность разведчика Туллака парализовали план нашего офицера. Посланные по приказу из Петербурга агенты убить ген[ералов] Каледина, Алексеева и Богаевского оказались трусливыми и непредпринимчивыми людьми. К Караулову проехали агенты. Сношения ген[ерала] Каледина с

англичанами и американцами несомненны, но они ограничиваются денежной помощью. Майор фон Бельке с паспортом финна Уно Мурри возвратился в Петербург и выступает сегодня с докладом в кабинете Председателя Совета в 10 час. вечера.

За Начальника Отделения *Р. Бауер*
Адъютант *М. К. (?)*

Примечание. Это является хладнокровным раскрытием германо-большевистского плана убийства Каледина и Алексеева, а также доказательством того обстоятельства, от которого так часто отрекался Смольный зимой, а именно, что германские военнопленные были вооружены в качестве русских солдат для борьбы против русских националистов на Дону. Письмо также содержит полный список участников июльского конспиративного совещания в Кронштадте. Замечание на полях против параграфа, говорящего об убийстве: «Кто их послал?» — написано неизвестным почерком. Майор фон Бельке — немецкий офицер, о котором говорится в документе № 5. Его шифрованная подпись — Шотт.

Имею фотографию письма.

Документ № 36

Г. Г.-С., Нахрихтен бюро, секцион Р. № 136
(Весьма секретно)
Копия № 896 послана в Ставку
28 ноября 1917 г.

В Совет Народных Комиссаров

Согласно Вашему запросу, Разведочное Отделение Германского Генерального Штаба извещает Совет Народных Комиссаров, что украинская Комиссия при австрийском Верховном командовании, в коей участвуют полномочные представители Германского Штаба, выработала план деятельности известных Совету Народных Комиссаров и Центральному Исполнительному Комитету Совета рабочих и солдатских депутатов революционеров: Чудновского, Боярского, Губарского и Пятакова⁵⁴, которые находятся в полном распоряжении австро-венгерского Верховного Командования.

Верховный главнокомандующий русской армии поставлен Шоттом в известность о планах соединенного австро-германского Верховного Командования и будет ему содействовать.

Начальник Отделения *Агасфер*

Примечание. Уже в то время во всем, что касается украинской программы, не было разногласий. Между германцами, австрийцами и комиссарами были вполне братские отношения. Шотт — это майор фон Бельке, а Агасфер — майор Любертс.

Имею фотографию письма.

Глава V

Троцкий и Румыния

Следующие документы раскрывают махинации Троцкого, идеи которых были ему внушены ген[ералом] Гофманом в целях дезорганизации Румынии.

Документ № 37

Контрразведка при Ставке
№ 201⁵⁵

2 января 1918 г.

В Комиссию по борьбе с контрреволюцией

Главковерх Крыленко поручил контрразведке при Ставке сообщить Вам, что надлежит немедленно командировать в румынскую армию следующих лиц: из Петрограда — комиссара Куля, социалиста Раковского, матроса Гнешина, а с фронта — начальника штаба Красной Гвардии Дурасова⁵⁶. Эти лица должны быть снабжены литературой и денежными средствами для агитации. Им же поручается принять все меры к низложению румынского короля и удалению контрреволюционных офицеров.

Заведующий контрразведкой *Фейерабенд*
Секретарь *Н. Драчев*

П р и м е ч а н и е. Это указывает на то, что работа в широком масштабе в целях дезорганизации Румынии продолжалась. Но что медленность этой работы не удовлетворяла немцев, явствует из тех мстительных шагов, которые были предприняты генералом Гофманом и Троцким в Брест–Литовске, когда в середине января (нового стиля) Троцкий, по просьбе генерала Гофмана, приказал арестовать румынского посланника Диаманди в Петрограде (см. документ № 37–А).

Приблизительно в то же время русское правительство захватило золотой запас Румынии, который хранился в Кремле, в Москве. Диаманди был освобожден из-под ареста по требованию соединенных дипломатических делегаций в Петрограде, но унижения его продолжались, и 28 января ему было приказано выехать из Петрограда, причем ему дали менее 10 часов для приготовления к отъезду группы, в числе членов которой было много женщин и детей.

Посол Франции тщетно добивался от Залкинда, исполнявшего обязанности министра иностранных дел в отсутствие Троцкого, находившегося опять в Бресте, о продлении срока. Румынскую группу бросили кое-как в поезд в полночь. В Финляндии ее задерживали то по одной, то по другой причине без всяких видимых оснований. Однако через три недели посланнику был разрешен выезд в Торнео, причем ему пришлось оставить большую часть своей группы на месте. К счастью, он прибыл в Торнео на следующий день после того, как Красная Гвардия сдала Торнео

Белой Гвардии. Этот день спас его жизнь, так как при Светлицком, русском комиссаре, который присоединился к нему на полпути в Финляндии и сопровождал его до Торнео, был найден приказ Тимофееву⁵⁷, комиссару в Торнео, расстрелять посланника. Вместо него был расстрелян Светлицкий. Когда я проезжал через Торнео, то таможенный чиновник открыто рассказал подробности, выражая мнение, что расстрел Светлицкого был ошибкой, так как не было доказано, что содержание письма было известно Светлицкому. Однако Светлицкий был значительной личностью в Петрограде и стоял близко к Троцкому. Наша американская группа вывезла с собою из Финляндии через линии Гуранеско, первого секретаря румынской Миссии. Он пробыл в Красной Финляндии семь недель. В [Бьернеборге] мы оставили за собой несколько румынских семей, которые выехали из Петрограда вместе с посланником. Мы охотно бы взяли их с собою сквозь линии двух армий, но собственная попытка была слишком отчаянной, чтобы позволить себе присоединить группу, не имея на то авторизации. На полях написано: «Исполнить» и прописная буква «Ч», подпись Чичерина, возвратившегося из Англии изгнанника, бывшего в это время товарищем министра иностранных дел, а ныне — министром иностранных дел.

Имею фотографию письма.

Документ № 37–А*

№ 771

ДЕЛО МИРНОЙ ДЕЛЕГАЦИИ

(Секретно)

Брест–Литовск, 31 декабря 1917 г.

В Совет Народных Комиссаров

Товарищ Л. Троцкий поручил мне довести до сведения Совета Народных Комиссаров мотивы его телеграфного предложения арестовать румынского дипломатического представителя в Петербурге.

Генерал Гофман, ссылаясь на совещание, которое имело место в Брест–Литовске между членами германской и австро–венгерской делегаций 29 декабря, представил русской делегации от имени германского и австрийского Верховного Командования (в связи с этим была представлена расшифрованная радиотелеграмма) **конфиденциальное требование** относительно немедленного побуждения румынской армии признать необходимость перемирия и принять условия демократического мира, выработанные русскими делегатами.

Непреклонность Штаба и всего командного состава румынской армии, о которой Верховное Командование германской армии получило самые точные агентур–

* Этот документ представлен здесь в переводе с присланного по кабелю английского текста. Оригинал документа, очевидно, затерялся во время пересылки из Петрограда в Вашингтон.

ные сведения, портит прекрасное впечатление, произведенное в Германии и на всех фронтах русским предложением мира, которое дало возможность снова стимулировать общественное мнение против Англии, Франции и Америки, и эта непреклонность может привести к таким нежелательным и опасным осложнениям в вопросе о мире, что германская армия перейдет на нашем фронте в атаку и что территории, занятые в России, будут аннексированы.

Генерал выразил мнение, что против мира могут быть казаки, некоторые украинские полки и кавказская армия и что в таком случае эти последние соединятся с румынскими армиями, что, согласно сведениям, имеющимся в Германском Штабе, входит в расчеты Каледина и Алексеева.

В интересах германской и австрийской делегаций в высшей степени важно, чтобы в том, что касается заключения перемирия и принятия условий сепаратного мира между Россией и Германией, существовало полное согласие, ибо в данном случае германское и австрийское Верховные командования предложат Румынии свои условия мира и будут иметь возможность возобновить свои операции на Западном фронте в очень большом размере; в то же самое время генерал Гофман в разговоре с товарищем Троцким дважды намекнул на необходимость немедленного начала этих военных операций.

Когда тов. Троцкий заявил, что Совет не имеет никакой возможности повлиять на румынский штаб, то генерал Гофман указал на необходимость посылки надежных агентов в румынскую армию и на возможность ареста румынской миссии в Петрограде и на возможность принятия репрессивных мер против румынского короля и румынского командного состава.

После этого интервью тов. Троцкий по кабелю предложил арестовать румынскую миссию в Петербурге со всеми ее членами. Этот доклад посылается со специальным курьером тов. И. Г. Бросовым, который имеет лично передать комиссару Подвойскому некоторые сведения секретного характера относительно посылки в румынскую армию тех лиц, имена которых тов. Бросов сообщает. Содержание этим лицам будет уплачено из наличности «Германского Нафте-Индустриал Банка»⁵⁸, который купил в окрестностях Бореславля предприятия соединенной акционерной компании «Fanto и К^о». Главное управление этими агентами было доверено, согласно указанию генерала Гофмана, некоему Вольфу Вонигелю, который наблюдает за военными агентами стран, находящихся в союзе с нами. Что касается английских и американских дипломатических представителей, то генерал Гофман выразил согласие Германского Генерального Штаба на меры, принятые тов. Троцким и тов. Лазимировым⁵⁹ к наблюдению за их деятельностью.

Пометки на полях

«Тов. Шиткевич⁶⁰: Снимите копию и пошлите Комиссару Иностранных дел, лично тов. Залкинду». Строки, напечатанные выше черным шрифтом, были помечены: «Сандерсу⁶¹. Доложено 4 января относительно ареста Диаманди и других. М. Шиткевич».

«5 января 1918 года. В канцелярию:

Пошлите спешную телеграмму Троцкому относительно ареста румынского посланника. — Савельев»⁶².

П р и м е ч а н и е. (По телеграмме от 9 февраля).

12 января (нового стиля) — канун русского Нового года. В эту ночь румынский посланник был арестован в Петрограде и освобожден только по совместной просьбе всех посольств и миссий в Петрограде; затем он был выслан из России. Это письмо указывает, что Троцкий принял личную просьбу генерала Гофмана за приказание с его стороны. Важнее всего то, что таким образом срывается маска с публичных протестов Ленина и Троцкого — будто бы они пытались препятствовать тому, чтобы мирные переговоры с Германией были сведены к военной выгоде Германии и во вред военным интересам Соединенных Штатов, Англии и Франции. Наоборот, обнаруженная здесь цель заключается в том, чтобы помочь Германии путем возбуждения чувств против Англии, Франции и Соединенных Штатов предоставить Германии возможность приготовиться к наступлению на Западном фронте. Приводится название германского банка, платившего большевистским агитаторам среди румынских солдат. Не является ли Вольф Вонигель, руководивший действиями агентов, известным в Америке Вольфом фон Игелем? Сходство имен поразительное. Наконец, генерал Гофман и Германский Штаб удовлетворены наблюдением Троцкого за американскими и английскими дипломатами. Иоффе, который подписал письмо, — член русской Комиссии мира. С тех пор как это письмо было написано, Залкинд уехал в Швейцарию со специальной миссией.

П р и м е ч а н и е. (6 июля 1918 года). Он не доехал, так как ему не удалось проехать через Англию, и в апреле он находился в Христиании.

Документ № 38

Комиссар по борьбе с контрреволюцией и погромами

14 декабря 1917 г.

Майору фон Бельке

Многоуважаемый товарищ! Довожу до Вашего сведения, что наши финские товарищи Рахья, Пукка и Энрот⁶³ сообщили Комиссару по борьбе с контрреволюцией о следующих фактах:

1. Между английскими офицерами и финскими буржуазными организациями завязаны тревожащие нас связи.

2. В Финляндии установлены две радиостанции, которыми пользуются неизвестные лица, общающиеся с помощью шифра.

3. Между генералом Калединым и американской миссией существует несомненная связь, о чем нами получены точные сведения от Вашего источника, а потому необходим особо тщательный надзор за американским посольством.

Эти показания следует точно установить. Наши агенты бессильны.

Простите, что пишу на официальной бумаге, но спешу сделать это, сидя здесь, в Комиссии, на экстренном заседании.

Готовый к услугам *И. Залкинд*

П р и м е ч а н и е. В верхней части письма есть пометка: «Комиссар по Иностранным Дела́м. Прошу точных инструкций. Шотт». Вопрос исходит от фон Бельке и подписан его шифрованным именем (см. документ № 5). Письмо, может быть, означает, что Бельке, по мнению его хорошего друга Залкинда, знал способ внутреннего наблюдения за американским посольством.

Имею фотографию письма.

Документ № 39

Контрразведка при Ставке
№ 268

(В е с ь м а с е к р е т н о)

25 января 1918 г.

В Комиссию по борьбе с контрреволюцией

23 января в Ставке состоялось совещание, на котором присутствовал майор Бельке, командированный из Петербурга. Решено, по настоянию германских консультантов, послать на внутренние фронты следующих лиц, предоставив им все полномочия по ликвидации отдельных контрреволюционеров:

В Донскую область: Жихорева, Руднева, Крогульца и Эрнеста Делгау.

На Кавказский фронт: Василия Думбадзе, князя Мачабели⁶⁴, Севастьянова и Тер-Бабурина.

В 1-й Польский корпус генерала Довбор-Мусницкого: Дембицкого, Стеткуса, Жемайтиса и Гизмана⁶⁵.

Благоволите принять все меры к срочному командированию и достаточному обеспечению командироваемых лиц деньгами, запасными паспортами и другими документами.

Старший офицер *Петр Миронов*⁶⁶

П р и м е ч а н и е. Это — приказ убивать частных лиц; он был неудачен по отношению к польскому генералу. Думбадзе и князь Мачабели были немецкими шпионами, замешанными в деле Сухомлинова, приговоренными к тюремному заключению, а затем выпущенными большевиками. Подполковник Дембицкий был

большевиком и польским офицером. Бабурин был одним из помощников начальника Штаба при Крыленко. На письме пометка: «Товарищ Луначарский, идите и доложите товарищу Зиновьеву». (Подпись неразборчива).

Имею фотографию письма.

Документ № 40

Контрразведка при Ставке
№ 51/572

(Секретно)

10 января⁶⁷ 1918 г.

В Комиссию по борьбе с контрреволюцией

На имя Верховного главнокомандующего поступили две записки от штабов австро-венгерского и германского Верховного командования. В указанных записках до сведения Ставки доводится, что формирующий Добровольческую армию в Донской области генерал Алексеев вступил в письменные сношения с офицерским персоналом польских легионов на фронте с целью склонить польское офицерство оказать контрреволюционному отряду поддержку. Сведения эти получены австрийскими агентами от польского большевика тов. Жука⁶⁸, игравшего в Ростове крупную роль во время ноябрьских и декабрьских боев. С другой стороны, представитель Германского правительства в Варшаве граф Лерхенфельд донес о сильно разросшемся в Польше движении в пользу буржуазно-помещичьего империалистического плана с оружием в руках отстаивать возможно полную независимость Польши и расширение ее границ за счет Литвы, Белоруссии и Галиции.

Движение это усиленно поддерживается народно-демократической партией как в Варшаве, так и в Петрограде военными организациями, руководимыми контрреволюционными помещиками и буржуазным польским духовенством.

Создавшееся положение обсуждалось 18 января в Ставке в присутствии командированного из Петроградского Отдела германской разведки майора фон Бельке, причем было постановлено:

1. Принять самые решительные — вплоть до применения массовых расстрелов — меры против поддавшихся контрреволюционной и империалистической пропаганде польских войск.
2. Арестовать генерала Довбор-Мусницкого.
3. Установить наблюдение за командным составом.
4. Послать агитаторов в польские легионы, снести по этому предмету с известными Комиссии польскими революционными организациями.
5. При указании на контрреволюционную деятельность польских офицеров немедленно подвергать их аресту и отправке в Ставку, в распоряжение контрразведки.

6. Арестовать эмиссаров генерала Алексеева — штабс-ротмистра Журавского и капитана Ружицкого.

7. Предложить Комиссии по борьбе с контрреволюцией, — по соглашению с германским Разведочным Бюро в Петрограде, установить наблюдение и слежку за следующими учреждениями и лицами:

а. Верховным военным комитетом.

б. Товариществом друзей польского солдата.

в. Междупартийным союзом.

г. Союзом инвалидов-поляков.

д. Членами Польского Коло — бывших Государственной думы и Государственного совета.

е. Председателем Ледницким и членами бывшей ликвидационной Комиссии по делам Царства Польского.

ж. Болеславом Яловецким.

з. Владиславом Грабским.

и. Станиславом Суржицким [Шуржицким].

к. Римско-католическим польским духовенством.

л. Польской Кассой, через которую, по агентурным донесениям, правительства союзных с Россией стран намерены при посредстве Нью-Йоркского Национального Сити-Банка снабжать денежными средствами контрреволюционный лагерь.

Необходимо проверить частные донесения некоторых литовских революционеров о том, что среди церковных благотворительных сумм, находящихся в распоряжении польского духовенства, имеются капиталы частных лиц, скрывших свои деньги от реквизиции их в пользу государства.

При установлении какой-либо связи с контрреволюционерами польские учреждения ликвидировать, руководителей их, а также лиц, причастных к контрреволюционной деятельности, арестовать и препроводить в распоряжение Ставки.

Заведующий контрразведкой *Фейерабенд*
Комиссар *Кальманович*

П р и м е ч а н и е. Германия снова через графа Лерхенфельда вела интригу на две стороны. Значение письма, главным образом, заключается в том, что оно вырисовывает совершенно выработанный немцами план с целью ликвидировать опасность вооруженного сопротивления со стороны польских легионов русской армии. Как указано, по отрядам был открыт огонь. Действительно, предыдущий документ согласуется с этим по существу. Следующие два документа выясняют преимущество поляков перед остальным миром.

Имею фотографию письма.

Документ № 41

Контрразведка при Ставке
№ 461

28 января 1918 г.

В чрезвычайную Комиссию по борьбе с контрреволюцией Учрежденная Особая Комиссия по борьбе с польскими контрреволюционерами и их войсками начала свою деятельность, все делопроизводство ее сосредоточено в контрразведке при Ставке, где [имеются] все сведения о контрреволюции на внешнем и внутреннем фронтах. В комиссию прибыли члены Комиссии по борьбе с контрреволюцией: Мехонишин⁶⁹, Зензинов, Жилинский⁷⁰ и из Севастополя тов. Тюрин. На совещание были вызваны агенты, изъявившие желание отправиться для борьбы с польским буржуазным офицерством, подполковник Дембицкий, Болеслав Якимович, Роман Стриевский, Иосиф Ясеновский и Михаил Адамович⁷¹. Все эти агенты обязаны довести дело до открытого неподчинения солдат офицерам и до ареста последних.

В крайнем случае Главковерх распорядился командировать [Нахима] Шера и Илью Разумова для истребления контрреволюционных защитников среди польских войск, и Комиссия признала возможность объявить все польские войска вне закона, когда эта мера представится необходимой.

Из Петербурга наблюдатели сообщили, что польские организации проявляют большую сдержанность и осторожность во взаимных отношениях.

Установлен, однако, несомненный контакт между находящимися в Петербурге Верховным Военным Советом и польскими офицерами и солдатами из буржуазно-помещичьего класса с контрреволюционными польскими войсками. По этому поводу в Комиссариате по военным делам состоялось 22 января совещание тт. Подвойского, Кедрова, Борецкова, Дыбенко и Ковальского⁷². Комиссары по морским делам доложили, что моряки Трушин, Маркин, Пейнкайтис и Шульц требуют роспуска польских войск и угрожают в противном случае избиением польских легионеров в Петербурге. Главковерх полагает, что возможно направить гнев названных моряков и их группы на фронт против контрреволюционных польских войск.

В настоящее время наша агитация среди польских войск ведется очень оживленно и на разложение польских легионов имеется большая надежда.

Заведующий контрразведкой *Фейерабенд*
Секретарь *Ив. Алексеев*⁷³

Примечание. Имею фотографию письма.

Документ № 42

Контрразведка при Ставке
28 января 1918 г.

В Комиссию по борьбе с контрреволюцией

По поручению Главковерха, в ответ на Ваш запрос дополнительно к депеше сообщая, что присланные с майором Бауермейстером деньги здесь получены. В действующих против контрреволюционеров фронтовых войсках выделено для борьбы с поляками и румынами несколько батальонов. Платим 12 рублей в день при усиленном пайке. Из нанятых частей, посланных против легионов, выделены два отряда: один из лучших стрелков для расстрела офицеров-поляков, другой из литовцев и латышей для порчи запасов продовольствия в Витебской, Минской и Могилевской губерниях, в местах сосредоточения польских войск. Некоторые местные крестьяне согласны нападать на поляков и истреблять их.

Комиссар *Г. Мосолов*
Секретарь *Ив. Алексеев*

Примечание. Эти два документа показывают, что политика, которую вели против этих патриотов-солдат, была одной из самых беспощадных и истребительных политик, финансируемых немецкими деньгами, врученными немецким офицером. Бауермейстер упоминается в документе № 5. Имею фотографию письма.

Глава VI

Полное подчинение

Нижеследующие документы показывают полное подчинение большевистских вождей их немецким господам.

Документ № 43

Герм. Генерал. Штаб, Централ-Абтайлунг, секцион М-Р.
№ 411

(Весьма секретно)
26 февраля 1918 г.

В Совет Народных Комиссаров

По поручению Верховного Командования Германской Армии имею честь напомнить, что надлежит немедленно приступить к отозванию и разрушению русской Красной гвардии в Финляндии. Штабу известно, что главным противником этой меры является начальник финской Красной гвардии Ярво Хаапалайнен, имеющий большое влияние на русских товарищей. Прошу командировать для борьбы с Хаапалайне-

ном предъявителя финского паспорта за № 3681, нашего агента Вальтера Невалайнена (Невалайселле), и снабдить его паспортом и пропусками.

Начальник *О. Рауш*
Адъютант *Ю. Вольф*

П р и м е ч а н и е. В верхней части письма за подписью «Н. Г.» (инициалы ленинского секретаря Н. Горбунова) приказ: «Послать Комиссару по Иностранным Дела́м и исполнить». На полях написано: «Паспорт 211 — № 392», но, к сожалению, имя, под которым был выдан новый паспорт, не упоминается. Этот приказ объясняет отозвание русской Красной гвардии из Финляндии в начале марта и предоставление финляндской Красной гвардии своей собственной судьбе. Последняя, однако, позаботилась о том, чтобы разоружить русских матросов и солдат, когда они покидали Финляндию, ибо финны сами нуждались в ружьях и амуниции. При этом русские оказали в некоторых случаях сопротивление, но были окружены и обезоружены. Когда я был в Гельсингфорсе в марте, Красная гвардия и матросы каждую ночь перестреливались из ружей и пулеметов. Один из двух финляндских красногвардейских лидеров, кажется, Невалайнен, но при данных обстоятельствах не могу этого сказать твердо.

Приказ задержать все иностранные посольства в Красной Финляндии был дан одновременно с появлением [здесь] одного из них. Причиной появления этого приказа было выставлено то обстоятельство, что иностранцы передают сведения Белой гвардии. В то же время Белая гвардия приложила все усилия, чтобы увеличить затруднения для прохода между линиями. Есть основание приписать стараниям немцев те затруднения, которые чинились при проходе между финскими линиями с обеих сторон, так как немцы открыто оказывали помощь Белой гвардии и в то же время вели интриги во внутренних Советах Красной Гвардии. Американская посольская группа, припертая в Финляндии, пробиралась только благодаря своей настойчивости и счастливым стечениям обстоятельств. Британское посольство прошло за день до издания приказа о закрытии границы. Французское и итальянское посольства принуждены были вернуться в Россию после месяца напрасных попыток вырваться.

Имею оригинал письма и возвращенный паспорт.

Документ № 44

Г. Г.-С., Нахрихтен бюро, секцион Р.
№ 283

7 февраля 1918 г.

Господину Народному Комиссару по Иностранным Дела́м

Нам сообщено, что агенты контрразведки при Ставке следят за командированным в Киев майором Эрихом. Прошу принять срочные меры к устранению этого стесняющего деятельность названного офицера наблюдения.

Начальник Отделения *Агасфер*
Адъютант *Букгольм*

Примечание. Инициалы Чичерина, товарища министра иностранных дел, имеются на полях под заметкой: «Переговорить». Это письмо отмечает собою период острого раздражения из-за Украины между большевиками и немцами. Агасфер — майор Любертс.

Имею оригинал письма.

Документ № 45

Г. Г.-С., Нахрихтен бюро, секцион Р.
№ 223
4 февраля 1918 г.

Господину Народному Комиссару по Иностранным Дела

По поручению представителя нашего Штаба, имею честь просить Вас немедленно отозвать с Украинского фронта агитаторов Брянского, Вольфа, Драбкина и Питцкера. Их деятельность признана Генеральным Штабом крайне вредной.

Начальник Отделения *Агасфер*
Адъютант *Генрих*

Примечание. Обмен любезностями того же рода, как и в случае с документом № 44. Чичерин сделал пометку: «Переговорить». Имею оригинал письма и фотографию, которую я получил раньше.

Документ № 46

Г. Г.-С., Нахрихтен бюро, секцион Р.
№ 238
3 февраля 1918 г.

Господину Народному Комиссару по Иностранным Дела

По поручению представителя нашего Генерального Штаба, имею честь еще раз настойчиво просить отозвать из Эстляндии, Литвы и Курляндии всех агитаторов Отдела ЦИК Совета рабочих и солдатских депутатов.

Начальник Отделения *Агасфер*
Адъютант *Букгольм*

Примечание. Еще один пример, характеризующий то время, когда Германия вводила дисциплину железной рукой, очищая от агитаторов те губернии, о которых она уже выразила свое намерение взять их себе. Письмо было переслано Маркиным, одним из секретарей Троцкого, Володарскому, которому, кажется, была поручена агитация среди пролетариата в этих губерниях. Имею оригинал письма, а также и фотографию, полученную мною раньше.

Документ № 47

Г. Г.-С., Нахрихтен бюро, секцион Р.
№ 317
17 февраля 1918 г.

В Совет Народных Комиссаров

Разведочное Отделение получило точные сведения, что агитаторы Петроградского Совета раб[очих] и солд[атских] депутатов — Володарский, Бросов и Гушин совершенно изменили характер деятельности эстляндских социалистов, что и вызвало в конечном итоге объявление местных помещиков-немцев вне закона. По поручению Генерального Штаба прошу принять срочные и решительные меры к восстановлению прав упомянутых немецких земельных владельцев и к отозванию агитаторов.

За начальника Отделения *Р. Бауер*
Адъютант *Э. Ратиц*

П р и м е ч а н и е. Приказ об освобождении немецких помещиков был немедленно исполнен, и этот акт подчинения, по-видимому, по прямому приказанию Ленина, которому письмо адресовано, ознаменовал собою конец зародившегося восстания большевистских вождей против их германских хозяев.

Имею фотографию письма.

Глава VII

Разнообразная деятельность

Нижеследующие документы показывают смесь разнообразных действий, включающих меры для убийств контрреволюционеров.

Документ № 48

Контрразведка при Ставке
22 января 1918 г.

В Совет Народных Комиссаров

Нашими агентами установлено, что сношения между поляками, Доном и французскими офицерами, а также, вероятно, и дипломатическими представителями союзных держав происходят при посредстве русских офицеров, путешествующих под видом мешочников. Ввиду этого просим принять меры к строгому надзору за последними.

Комиссар *Кальманович*

П р и м е ч а н и е. Резолюция на этом письме сделана Горбуновым: «Копию сообщ. Подвойскому и Дзержинскому». Первый из них был Военным министром, второй — Председателем Комиссии по борьбе с контрреволюцией. Мешочные спе-

кулянты были разносчиками съестных продуктов; они отправлялись в провинцию и оттуда доставляли съестные припасы с целью сбыть их по выгодной цене в городах. Фактически солдаты монополизировали эту торговлю.

Имею фотографию письма.

Документ № 49

Г. Г.-С., Нахрихтен бюро, секцион Р.
№ 151

4 декабря 1917 г.

В Комиссариат по военным делам

Настоящим Разведочное Отделение имеет честь сообщить список лиц русского происхождения на службе германской Разведочной части:

Сахаров, офицер 1-го пех[отного] зап[асного] полка; прап[орщик] Тер-Арутюнянц; прап[орщики] Занько, Ярчук, Головин, Жук, Ильинский, Чернявский; капитаны Постников, Шнейерман; матросы Трушин и Гаврилов. Все означенные лица находятся на постоянном содержании от Разведочного Отделения Германского Генерального Штаба.

Начальник Отделения *Агасфер*
Адъютант *Генрих*

Примечание. Имею фотографию письма.

Документ № 50

Герм. Генерал. Штаб, Централ-Абтайлунг, секцион М.
№ 22

Берлин

14 января 1918 г.

Г. Председателю Совета Народных Комиссаров

Русским Отделом Германского Генерального Штаба получено срочное донесение наших агентов из Новочеркасска и Ростова, что трения, происходившие между ген[ералом] Алексеевым⁷⁴ и ген[ералом] Калединым⁷⁵, после чего Добровольческий корпус генерала Алексева начал движение на Север, являются тактическим шагом, чтобы иметь базу в тылу. Таким образом, у армии генерала Алексева будет надежный, защищаемый казачьими войсками тыл для снабжения армии и сборный пункт при преобладающем натиске противника. Сношение генерала Алексева с польскими войсками доказано новыми донесениями польских большевиков Жука и Дембицкого.

Начальник Отдела Генерального Штаба *О. Рауш*
Старший адъютант *Р. Кригер*

Примечание. Важно как показатель того, что немцы действительно боялись возможности военных успехов со стороны Алексеевско-Калединского движения. Самоубийство ген[ерала] Каледина в момент отчаяния после предательства, которое, несомненно, было тщательно подготовлено, является частью великой национальной трагедии.

Имею фотографию письма.

Документ № 51

Контрразведка при Ставке

№ 263/79-Л

23 января 1918 г.

В Комиссариат по военным делам

На Ваш запрос о тех агентах, которые могли бы вести точный учет настроения войск и населения в провинции, сообщаю Вам краткий список русско-германских агентов-осведомителей. В Воронеже — С. Сырцов, в Ростове — Глобов и Меликов, в Тифлисе — Енакидзе и Гаврилов, в Казани — Пфальц, в Самаре — Осипов и Вениг, в Омске — Благовещенский и Сипко, в Томске — Даттан, Тарасов и Родионов, в Иркутске — Жинжерова и Гизе, во Владивостоке — Буттенгоф, Панов, Эрлангер.

Заведующий контрразведкой *Фейерабенд*

Комиссар *Кальманович*

Примечание. Помимо списка агентов, это письмо интересно пометкой-резолюцией: «К военному отряду тов. Бонч-Бруевича и Секретному Отделу». Подпись неразборчива.

Имею фотографию письма.

Документ № 52

Контрразведка при Ставке

№ 395

21 января 1918 г.

В Комиссию по борьбе с контрреволюцией

Агенты контрразведки при Ставке установили, что анархисты Степан Крылов, Федор Куций и Альберт Бремзен — в Гельсингфорсе, а также Нахим Аршавский, Руфим Левин и Михаил Шатилов имели на днях совещание с начальником Петроградского Военного Округа Шпилько⁷⁶. После того как Шпилько передал названным анархистам предложение тов. Антонова⁷⁷ и тов. Берзина⁷⁸ завербовать агентов для уничтожения некоторых контрреволюционеров, анархисты выразили свое согласие и немедленно приступили к вербовке. В Киев отправляются нанятые в Гельсингфорсе С. Смирнов и Ригсман⁷⁹, а в Одессу — Брак и Шульгович.

За заведующего контрразведкой Комиссар *Г. Мосолов*

Примечание. Это заговор на убийство между большевиками и анархистами. Антонову, если он один из главных большевистских военных лидеров, приписывается взятие Петрограда и заведование военными действиями против Алексева и Каледина. Список анархистов включает в себя несколько известных личностей.

Документ № 53

Контрразведка при Ставке
№ 471

27 января 1918 г.

В Комиссию по борьбе с контрреволюцией

Нами здесь получено донесение из Финляндии от Гришина и Рахья о контрреволюционной деятельности адвоката Ионаса Кастрена. Этот Кастрен в 1914–1915 годах вербовал на германские деньги финские добровольческие дружины и отправлял их в Германию. Для облегчения дела вербовки он выставял себя социалистом–максималистом и обещал поддержку рабочей Красной гвардии. В его конторе в Стокгольме многие из наших товарищей встречали радушный прием и материальную поддержку. Кастрен доставлял в Россию германские деньги для пропаганды большевизма. Он же устроил еще в 1916 г. Отделение Германского Генерального Штаба в Гельсингфорсе. Теперь же он вместе с Свинхуводом, Энротом и Нандельштедтом стоит на стороне белогвардейцев и помогает им деньгами, припасами и оружием. Нам сообщают, что Кастрен действует как на германские, так и на английские деньги. Необходимо немедленно пресечь деятельность Ионаса Кастрена и его группы. Главковерх советует вызвать в Петербург финских товарищей Рахья и Пукка или же командировать в Гельсингфорс Гришина.

Комиссар *А. Сивко*
Секретарь *Ив. Алексеев*

Примечание. Кастрен был жив еще, когда я проводил неделю в Гельсингфорсе в марте месяце, но он продлил свою жизнь бегством в начале февраля в Главную квартиру Белой гвардии в Вазе. Приказ о его смещении опоздал. Мы снова видим, как Германия одновременно заигрывала с обеими сторонами в Финляндии.

Имею фотографию письма.

ТАЙНЫЕ ДЕПЕШИ ИЗ АРХИВОВ МИД ГЕРМАНИИ

I

Помощник статс-секретаря — Статс-секретарю

Телеграмма № 76

А 934

Берлин, 9 января 1915 г.

Имперский посол в Константинополе отправил телеграмму № 70 следующего содержания:

«Известный русский социалист и публицист д-р Гельфанд, один из главных лидеров русской революции 1905 года, который был выслан из России и несколько раз высылался также из Германии, в течение определенного времени активно работает здесь как публицист, занимающийся главным образом вопросами экономики Турции. С самого начала войны Парвус настроен совершенно явно пронемецки. Он помогает д-ру Циммеру в поддержке украинского движения, а также оказывает полезные услуги в организации газеты Батсариаса в Бухаресте. В беседе со мной, о которой он просил через Циммера, Парвус сказал, что русские демократы смогут достичь своей цели только при полном уничтожении царизма и разделе России на малые государства. С другой стороны, политика Германии не может быть совершенно успешной, если она не будет способствовать проведению главной революции в России. Россия будет опасна для Германии даже после войны, если русская империя не будет разделена на ряд отдельных частей. Поэтому интересы правительства Германии и русских революционеров, которые уже действуют, совпадают. Однако пока еще отсутствует необходимая координация между различными фракциями. Большевики еще не объединили свои силы с большевиками. Он считает своей задачей создать организацию по подготовке восстания и действовать в широком масштабе. Для достижения этой цели, прежде всего, необходимо созвать конгресс лидеров движения, возможно в Женеве. Он готов предпри-

нять в этом направлении первые шаги, но ему потребуются значительные суммы денег. Поэтому он просит о возможности представить свои планы в Берлине. Он полагает, что "Государственный циркуляр", предлагающий проект скорейшего усовершенствования начальных школ и сокращения продолжительности рабочего дня, как награды за патриотические настроения, окажет значительное влияние не только на немецких социалистов, служащих в армии, но также и на русских, разделяющих эту точку зрения. Сегодня Парвус проехал через Софию и Бухарест в Вену, где у него будут встречи с русскими революционерами. Д-р Циммер прибудет в Берлин одновременно с Парвусом и с ним можно будет организовать встречу. По мнению Парвуса, нужно действовать быстро, так, чтобы русские новобранцы прибывали на фронт уже соответственно настроенными.

Вангейхайм».

Желательно, чтобы МИД принял Парвуса¹.

Циммерман

2

Статс-секретарь — в МИД

Телеграмма № 40

A 1451

Главная штаб-квартира

Отправлена 13 января 1915 г., 12.20 ночи.

Принята 13 января, 1.43 ночи.

Мы намерены послать Ризлера² для встречи с русским революционером Парвусом в Берлине. У Ризлера будут более детальные инструкции. Телеграфируйте мне сюда время прибытия Парвуса. Парвус не должен знать, что Ризлер приезжает из Главной штаб-квартиры.

Ягов

3

Господин Фрелих — Советнику Бергену в МИД

A 10739

Берлин, 26 марта 1915 г.

Тема: д-р Александр Гельфанд-Парвус.

Немецкий банк переслал мне чек еще на 500 000 марок, который я здесь прилагаю. Хотел бы обратить Ваше внимание на мое письмо от 20 марта, в котором я отметил, что д-р Гельфанд требует 1 миллион марск³. Все траты, связанные с переводом и обменом денег в Копенгагене, Бухаресте и Цюрихе, будут на наш счет. Прошу сделать необходимый перевод в Немецкий банк, чтобы я мог выплатить д-ру Гельфанду эту разницу.

Ваш Фрелих

4

Статс-секретарь МИДа — Министру финансов
Берлин, 6 июля 1915 г.

AS 3530

Для обеспечения революционной пропаганды в России требуется 5 000 000 марок. Поскольку эту сумму нельзя покрыть из имеющихся у нас фондов, я обращаюсь с просьбой к Вашему превосходительству предоставить эту сумму в мое распоряжение, отнеся ее к статье 6, отдела II чрезвычайного бюджета. Я был бы чрезвычайно признателен Вашему превосходительству, если бы Вы проинформировали меня о принятых мерах⁴.

Ягов

7

Посланник в Копенгагене — Рейхсканцлеру

Сообщение № 489

AS 6213

21 декабря 1915 г.

Д-р Гельфанд, который вернулся вчера из Берлина, навестил меня сегодня и вручил доклад о результатах своей поездки. Он подчеркнул, что во всех наиболее важных правительственных учреждениях его принимали крайне учтиво и у него сложилось определенное мнение о том, что его предложения находят понимание авторитетных кругов как в МИДе, так и в Министерстве финансов. Что же касается его финансового плана⁵, то ему дали понять, что Министр финансов должен решить, насколько это не противоречит интересам экономики Германии. В ходе подробной беседы с министром Гельферихом он убедился, что тот благосклонно относится к проекту и что он не только согласен с ним из политических соображений, но также видит пользу его плана с других точек зрения для экономики Германии.

Министр финансов выразил сомнения лишь относительно целесообразности ускорения проекта, считая, что нужно отложить сроки на восемь-десять месяцев. В то же время Гельферих указал на определенные трудности в соблюдении абсолютной секретности, которая очень важна для технической подготовки.

Д-р Гельфанд подчеркнул, что в этих условиях тем более важно сразу же взять эту подготовку в свои руки, так как в любом случае нам придется считаться с третьей зимней кампанией и поэтому предлагаемый им вариант может оказаться безальтернативным.

Д-р Гельфанд считает, что для полной организации революции в России нужно 20 миллионов рублей. Можно не распределить весь этот фонд сразу, но тогда появляется опасность раскрытия источников финансирования. Так как начать действовать надо незамедлительно, он предложил МИДу уже теперь выделить сумму в один

миллион рублей для использования доверенным агентом. Этот доверенный агент полностью разделяет его уверенность в том, что революционные действия начнутся 9–22 января и даже если не охватят сразу всю страну, то, конечно же, не будут способствовать сохранению стабильности государства.

В 1905 г. буржуазные партии поддержали революцию и добровольно выплачивали бастующим рабочим зарплату. Однако сейчас буржуазия не приветствует движение, и революционному комитету придется самому нести все расходы. По возвращении домой его агент сразу начнет налаживать связи между различными революционными центрами, но это невозможно сделать без существенной финансовой помощи.

В этих условиях д-р Гельфанд попросил меня повторить просьбу, которую он лично высказал в Берлине, о сумме, которую нужно немедленно предоставить в распоряжение этого доверенного агента. Он подчеркнул, что очень важно сделать это быстро, так как агент не может далее откладывать свое возвращение в Петроград. Он поедет в Россию самое позднее через неделю, даже если не получит вовремя требуемую сумму.

Прошу Ваше превосходительство послать мне инструкции телеграммой, чтобы я мог проинформировать д-ра Гельфанда. Если мне будет позволено высказать свое скромное мнение, я бы сказал, что у меня не сложилось впечатления, будто он преследует какие-то свои личные цели, но исходит из чисто практических соображений.

Брокдорф-Ранцау

9

Статс-секретарь — Посланнику в Копенгагене

Телеграмма № 952

AS 6213

Берлин, 26 декабря 1915 г.

Ответ на сообщение № 489.

Ваше превосходительство может выплатить один миллион рублей Гельфанду. Соответствующая сумма должна быть взята из кассы миссии.

Ягов

Примечание для графа Пурталеса.

Граф Ранцау должен быть осведомлен о том, что д-р Гельферих не в восторге от фантастического проекта Гельфанда, как полагает сам Гельфанд.

Ягов

10

Господин Штейнвакс — Советнику Бергену

AS 185

Берлин, 18 января 1916 г.

Имею честь препроводить Вашему превосходительству следующее⁶:

1. Письмо от Кескюлы [Штейна] от 9 января 1916 г.
2. Перевод брошюры ЦК РСДРП.
3. Перевод публикации о казни русских добровольцев во Франции.

Штейнвакс

Приложение

Стокгольм, 9 января 1916 г.

Дорогой Директор⁷

Вчера мне сообщили, что на мое имя пришла почта. Я иду в миссию завтра и отправлю почту оттуда. Уже 10.30 вечера, я буду краток, так как сегодня вел переговоры с 10 утра до 10.15 вечера.

Выяснение ситуации в России в том, что касается местной революционной организации, завершено здесь сегодня. В то же время начала проясняться сложная ситуация и в самой России. У меня большие надежды на начавшееся движение. В своем последнем письме я уже отмечал, на что можно рассчитывать. Я писал: «Ситуация требует расширения диапазонов моей деятельности. Это необходимо».

Сейчас у меня прекрасный новый сотрудник, и через него появилась возможность работать на территории всей Скандинавии, а также всей России. Необходимо основать небольшое частное издательское предприятие для публикации памфлетов о России. Необходимо также начать выпускать в Швеции информационный листок, способствующий революционному подъему. Кроме того, Дания и Норвегия, а возможно, и другие страны должны быть в курсе развития революционного движения в России. Для распространения нашей литературы мы располагаем высокоразвитым аппаратом молодежных социалистических организаций (только в Швеции более 600 уличных продавцов печатных изданий). В то же время необходимо открыть общественный центр поддержки революционного движения с помощью агитации и сбора средств. Этот центр будет поддерживать русское движение морально и материально, совершенно открыто и не консультируясь с революционными центрами вне России. Такие центры будут просто предоставлять средства для публикации литературы, отправляемой в Россию, и, возможно, для ее транспортировки.

В конце этой недели мое доверенное лицо поедет в Россию (недели на четыре) для обсуждения вопросов о финансовой поддержке со стороны Западной Европы тамошних революционных организаций. Он решит, куда и как ему следует направлять необходимую информацию. У этого агента первоклассные связи, поэтому я надеюсь,

что обсуждение пройдет гладко. Здесь стали проявляться признаки коррупции (присвоение средств, направляемых на поддержку революционного движения, подтасовка фактов с целью получения денег и т. д.). Чтобы вернуть все на здоровую почву, я избавился от жуликов, увеличил масштаб и интенсивность всего дела в целом. Для этого потребовалось так много сил, что у меня больше ни на что не остается времени.

Завтра, если ничего серьезного не произойдет, я займусь обзором ситуации в России, а также делом «Frankfurter Zeitung».

Завтра я pošлю Вам телеграмму о том, что почта из Стокгольма в Швейцарию просматривается в поисках русских документов. Сегодня или в ближайшие несколько дней чрезвычайно важные революционные документы из России перешлются Ленину.

Я читал их вчера, но не смог снять копии. Будьте добры вернуть их мне, так как необходимо некоторые из них скопировать и разослать по России. Они призывают к вооруженному восстанию и к организации военного мятежа. Один из них очень забавен — он исходит от московского «Союза благоденствия» и предполагает учредить в России полновластную Директорию, в которую, что удивительно, среди прочих должны войти господа Гучков, Львов и Керенский (sic!). Судя по комическо-сентиментальному потоку слов, листовка должна исходить от правого крыла так называемых «националистов-народников» («Volkstuemler»). Некоторые из этих документов чрезвычайно интересны, поскольку позволяют точнее определить стадию развития революционного движения, достигнутую им к концу 1915 г. Налицо уже все симптомы, которые были летом 1905 г. В идеологическом аспекте современное русское революционное движение можно считать, по сути, абсолютно зрелым. В дальнейшем придется, возможно, доработать некоторые детали. Переход революционного движения в активное есть лишь вопрос агитационной работы и, прежде всего, организации. Я бы особенно рекомендовал эти документы вниманию барона⁸.

Из-за очень слабой подготовки и плохого качества печатания листовки имеют лишь культурную и историческую ценность, но они, может быть, напомнят Вам об обещании послать какой-нибудь типографский материал. Я просил бы Вас очень бережно отнестись к документам, так как не хочу испортить Ленину радость по случаю получения своего русского рождественского подарка.

Другими словами, их необходимо отправить сначала сюда. Отсюда их переправят нужному адресату.

В конце этой недели появится вторая брошюра ЦК РСДРП (т. е. Ленина). Она задержалась на два месяца (пока я был в Берлине), так как деньги, которые я выплатил до отъезда, были украдены с типично русским хладнокровием. Вчера я выплатил сумму еще раз. Я уже писал, что предпринято по этому поводу. Если такое происходит на уровне ЦК, страшно подумать, что должно делаться на периферии.

Даже революцию надо вбивать в этих русских полицейской дубинкой. Я упоминаю об этом, чтобы показать все сложности, с которыми здесь приходится иметь дело. Позже я напишу еще⁹.

*Ваш А. Штейн*¹⁰

13

Посланник в Берне — Канцлеру

Доклад № 1885

AS 3061

24 августа 1916 г.

Тема: связи с русскими социал-демократами

Барон Хеннет, приписанный к военному ведомству Австро-Венгерской миссии, с одобрения австро-венгерского атташе, вчера представил меня русскому социал-революционеру по имени Цивин. Непосредственным поводом для встречи было желание Цивина направиться отсюда в Швецию через Германию.

Барон Хеннет рассказал о Цивине следующее: год назад, случайно, Цивин познакомился с австро-венгерским консулом в Давосе, который представил его Австро-Венгерской миссии. Цивин принадлежит к социал-революционной партии и имеет прекрасные связи с ее лидерами, например, Черновым и Бобровым; он принимал участие в революционном движении 1905 г. и 1906 г., провел некоторое время в тюрьме, со времени освобождения живет в Швейцарии. Он обещал наладить революционную и пацифистскую пропаганду среди русских пленных в Австрии и в самой России.

После этого Цивина дважды посылали в Австрию: осенью прошлого года и в начале этого. Барон Хеннет подчеркнул, что соответствующие военные власти хорошо рекомендуют Цивина и готовы предоставить в его распоряжение значительные суммы.

Во время своих поездок Цивин посетил ряд лагерей для военнопленных. Он должен был найти несколько подходящих людей для отправки их в Россию через Швейцарию.

Цивин определенное время снабжал русских военнопленных в Австрии соответствующей литературой. Однако пересылка книг и публикаций наткнулась на препятствия, ибо некоторые коменданты лагерей в Австрии отказывались распределять социалистическую литературу среди пленных. В результате Цивину пришлось отказаться от своего плана отправить освобожденных пленных в Россию, так как при коротких посещениях этих лагерей у него не было достаточно времени для проверки надежности представленных ему пленных. В этих обстоятельствах он не хотел рисковать, так как пленные после прибытия в Швейцарию могли предать его и провалить его план.

Но он все же отправил в Россию несколько человек, которые работали на его программу. Среди прочего были изданы манифесты, которые широко распространялись, особенно через военные организации социал-революционеров

Цивин показал барону Хеннету некоторые из этих манифестов, отдельные — в оригинале. Он регулярно докладывал барону Хеннету о деятельности социал-революционной партии, о ее многочисленных комитетах и об условиях работы в самой России. У него нет детальных доказательств успехов своих агентов, что неудивительно, учитывая чрезвычайные трудности в поддержке связи с Россией. Однако Цивин заявляет, что некоторые террористические акты, которые он предсказывал и которые затем действительно были совершены, являлись результатом деятельности его людей. Двусмысленность ситуации состояла в том, что он не мог раскрыть перед товарищами по партии, какого рода источник финансирования находился в его распоряжении. Во всяком случае, он был очень скромнен в своих запросах; за 11 месяцев связи с Австро-Венгерской миссией он получил лишь 140 000 франков.

Барон Хеннет доложил мне, что и он, и полковник фон Айнем (военный атташе) в будущем ожидают от него дальнейшей полезной службы.

Однако около трех недель назад высшее австро-венгерское командование вдруг заявило, что Цивин «не проявил достаточной энергии» и поэтому выплаты ему не будут производиться.

Цивин оказался в сложном положении. В расчете на финансовую поддержку он дал ряд обязательств, которые теперь не может выполнить. Поэтому он вынужден сообщить своим агентам о прекращении их деятельности или резко ее ограничить. Сейчас он хочет поехать в Швецию через Германию в поисках финансовой поддержки для продолжения своей деятельности.

Но он хотел бы остаться в Швейцарии, так как может здесь работать и лучше, и безопаснее. Один из главных членов его команды, Бобров, находящийся в постоянном контакте с Россией, живет здесь и связи с ним очень важны для Цивина. Лидер партии Чернов также был здесь до мая, но уехал в Россию, и с тех пор Цивин ничего о нем не слышал.

Барон Хеннет признался мне, что чрезвычайно сожалеет о невозможности поддерживать Цивина финансами, считая его честным человеком. Даже высшее командование подчеркивает, что речь идет не о недоверии Цивину, а лишь об отсутствии у него должной активности. Неясно, что конкретно заставило австрийское высшее командование отказаться от услуг Цивина. Может быть, у него были иллюзии о быстром нарастании революционных настроений в России, способных вскоре оказать непосредственное влияние на фронтовую обстановку. Когда наступление Брусилова разрушило эти ожидания, военные потеряли терпение и решили, что дальнейшие траты в этом направлении излишни.

Цивин, который произвел на меня благоприятное впечатление, справедливо считает, что до войны не существовало ни одной достойной революционной организации и что все пришлось создавать во время войны с огромным трудом. Наиболее важным моментом является тот факт, что богатые либеральные круги, которые во время ре-

волюционного движения 1905 г. поддерживали попытки социал-революционеров, во время Первой мировой войны стали патриотами. В такой ситуации революционное движение могло развиваться только медленно и зависело лишь от внешней помощи. Тем не менее, организация становилась все устойчивее как в тылу, так и на самом фронте. Ее сторонники насчитывали сотни тысяч, среди ее членов были даже армейские офицеры. Все больше и больше людей уставало от войны, и ближайшей целью социал-революционеров была работа, направленная на скорейшее достижение мира. Их основная программа не могла быть выполнена, пока шла война. Поэтому интересы партии и властей в том, что касалось окончания войны, совпадали.

Продолжение революционной пропаганды, с одной стороны, усложнило бы Российскому правительству продолжение войны, а с другой, усилило бы желание реакционного правительства к миру.

Сведения, сообщенные Цивиним о ходе революционной пропаганды, во многом совпадают с информацией, которую я получил от Кескюлы.

Цивину сейчас крайне нежелательно лишиться помощи своих друзей. Вся организация хорошо отлажена, и было бы очень жаль ее разрушить. Сейчас вряд ли можно найти другие источники финансирования, тем не менее, он готов искать их в Стокгольме и был бы признателен, если бы ему разрешили проезд через Германию. Он не может проехать в Швецию через Англию, так как англичане сейчас разрешают русским проезд только в исключительных случаях. Конечно, есть опасность, что такое путешествие может скомпрометировать его перед друзьями по партии, которые, конечно, не должны знать о его контактах с нами и с Австрией.

Когда я спросил, сколько денег ему нужно для продолжения работы, он ответил: 25 000 франков хватит на первые три-четыре недели. Причем сумма эта ему нужна немедленно, так как друзья уже ждут (не по его вине) три недели. Им нужно дать определенный ответ, смогут ли они рассчитывать на его поддержку или нет.

Естественно, я выслушал все, что г-н Цивин хотел мне сказать, но ничего не обещал ему. Я не знаю, есть ли у нас связи с русскими социалистами, и не могу судить, насколько нужна нам связь с Цивиним. Но, исходя из того, что говорил о нем барон Хеннет, есть основания верить, что через него можно установить чрезвычайно ценные контакты с социал-революционерами. По-моему, мы можем извлечь много преимуществ из таких контактов. Трудно предсказать, насколько мы можем рассчитывать и полагаться на практические действия его агентов, кроме информации из России, которую получаем через Цивина. По мнению барона Хеннета, нет оснований сомневаться в истинности заявления Цивина о полном доверии социал-революционной партии в том, что касается скорейшего прекращения войны. Сам Цивин говорит (и это свидетельствует в его пользу), что не может определить, насколько успешной окажется деятельность его друзей, или предсказать, когда они начнут действовать решительно. Это будет зависеть от общей ситуации. Но в перспективе действия непременно будут успешными.

Поскольку я недостаточно информирован о ситуации в России, оставляю на усмотрение Вашего превосходительства решение вопроса о том, следует ли мне открывать свои отношения с г-ном Цивиним. Я бы рекомендовал, тем не менее, поддерживать пробный контакт и понаблюдать за деятельностью Цивина в течение некоторого времени. Преимущество связи с Цивином в том, что он является активным членом Российской социалистической партии и не подозревается в сношениях с нами — в то время как агенты, контакты которых с нами известны, не пользуются доверием своей партии и потому не могут ни узнать много, ни оказать ощутимого влияния на развитие событий в какой-либо области. Было бы жаль разрушать весь аппарат, созданный на австрийские фонды, не говоря уже о том, что агитация, проводимая в наших интересах, значительно ослабнет, если прекратить субсидии.

Поэтому я бы предложил выделить г-ну Цивину те 25 000 франков, которые он просит, но сказать ему, что мы оставляем за собой окончательное решение относительно наших с ним дальнейших связей¹¹.

Так как Цивин должен немедленно сообщить своим агентам о том, прекращать или нет им свою деятельность, я бы попросил ответить Вас как можно скорее. Я бы также попросил Ваше превосходительство изучить этот вопрос чрезвычайно секретно, так как барон Хеннет сообщил мне эту информацию под строжайшей тайной. Вопрос обсуждался только между Австро-Венгерской миссией и австро-венгерским высшим командованием. Австро-Венгерские дипломатические круги об этом ничего не знают. Желательно было бы также не делать никаких запросов в высшем командовании Австро-Венгрии, хотя барон Хеннет и не возражает против такого запроса. Мне кажется, что такой запрос был бы неприятен для барона Хеннета и полковника фон Айнема.

Ромберг

14

Посланник в Копенгагене — в МИД

Телеграмма № 476

A 938

Отправлена 21 марта 1971 г., 12.55 дня.

Получена 21 марта, в 4 часа.

Д-р Гельфанд, с которым я обсуждал события в России, сказал, что, по его мнению, конфликт сейчас главным образом существует между умеренными либералами и социалистами. Он уверен, что последние возьмут верх. Победа социал-демократов в России будет означать мир. Те, кто сейчас стоит у власти, очевидно, хотят продолжать войну, а лидерами фракции, отстаивающей эту политику, являются Милюков и Гучков. Оба они будут пытаться оттянуть созыв Учредительного собрания, так как знают, что как только оно приобретет какое-либо влияние, продолжение войны станет невозможным.

Когда я спросил, что он думает об отношении к этому вопросу армии, д-р Гельфанд ответил, что среди офицерского корпуса, особенно среди высших чинов, есть желание продолжать войну, но рядовой состав требует мира, и очень важно, что простые солдаты, все без исключения, заодно с рабочими.

Д-р Гельфанд считает, что как только амнистия для политзаключенных вступит в силу, появится возможность эффективной работы против Милюкова и Гучкова через прямые связи с социалистами.

Брокдорф-Ранцау

15

Статс-секретарь — Офицеру связи МИД при Главной штаб-квартире

Телеграмма № 461

AS 1125

Берлин, 23 марта 1917 г.

Имперский посланник в Берне прислал следующую телеграмму:

«Федеральному советнику Бундесрата Гофману доложили, что находящиеся здесь видные русские революционеры желают вернуться в Россию через Германию, так как они боятся ехать через Францию из-за угрозы подводных лодок. Пожалуйста, пришлите инструкции на случай, если запрос такого рода будет сделан мне.

Ромберг».

Поскольку в наших интересах, чтобы влияние радикального крыла русских революционеров возобладало, мне кажется желательным разрешить революционерам этот транзит. Поэтому я бы поддержал получение разрешения. Прошу Ваше превосходительство информировать Главное командование армии и попросить его высказаться на этот счет.

Циммерман

16

Офицер связи при Главной штаб-квартире — в МИД

Телеграмма № 371

AS 1148

25 марта 1917 г., 12.15 ночи.

Принята 25 марта, 1.15 ночи.

В ответ на телеграмму № 461

«Высшее командование уполномочило меня ответить следующее: против транзита русских революционеров в специальном поезде с надежным эскортом оно не возражает. Организацию дела можно поручить III б¹² в Берлине и МИДу».

Лернер

17

Помощник статс-секретаря — Посланнику в Берне

Телеграмма № 348

AS 1148

Берлин, 26 марта 1917 г.

Спецпоезд будет иметь военное сопровождение. Передача произойдет на пограничной станции Готмадингген или Линдау ответственным сотрудником консульства. Немедленно вышлите информацию о дате поездки и список имен. Информация должна быть здесь за четыре дня до пересечения границы. Генеральный штаб, скорее всего, не будет возражать против отдельных личностей. В любом случае обратный поезд в Швейцарию гарантирован.

Буше

20

Посланник в Берне — в МИД

Телеграмма № 568

AS 1242

Отправлена 31 марта 1917 г., 1.15 ночи.

Принята 31 марта, 5.20 утра.

Государственный советник Гримм сообщил федеральному канцлеру Гофману от имени комитета в Цюрихе, что русские эмигранты, большинство из которых за заключение мира, просят о разрешении немедленно вернуться в Россию. Переговоры со шведским правительством — потеря драгоценного времени. Проезд через страны Антанты невозможен, не говоря уже о встрече с подлодками, так как Антанта позволит проезд только тех эмигрантов, кто за продолжение войны. После возвращения в Россию эмигранты будут способствовать освобождению немецких пленных.

После беседы со мной господин Гофман посоветовал Гримму, чтобы представители Комитета установили прямой контакт со мной и послали телеграмму Керенскому. Гримм считает последнее нежелательным, так как он не доверяет Керенскому.

Может быть, этот представитель появится завтра. Я собираюсь информировать его об условиях телеграммы № 348 и попросу немедленно представить список проезжающих.

Ромберг

21

Меморандум Ов-Вахендорфа¹³

AS 1206

Берлин, 31 марта 1917 г.

Дискуссия в Генштабе по вопросу транзитного проезда русских революционеров состоялась сегодня днем. Присутствовали: ротмистр Цюрн, глава Цент-

рального паспортного ведомства; капитан Бурман (имперский разведотдел «Восток») и я.

Бурман подчеркнул, что Разведывательный отдел «Восток» не придает этому мероприятию большого значения, но они в любом случае хотели бы иметь список проезжающих как можно раньше.

Цюрн объяснил, что возражения основаны, главным образом, неуверенностью в том, что финские прифронтовые власти, которые имеют контакт с английскими официальными лицами, разрешат противникам продолжения войны пересечь границу. В связи с этим очень сомнительно, достигнем ли мы своей цели. Кроме того, мы не должны скомпрометировать этих транзитных пассажиров чрезмерно активным сотрудничеством с ними. Были только политические возражения против проезда большого числа лиц. Отбор невозможен. Больше, что можно сделать, это ограничить разрешение тем, кто не подлежит службе в армии, и добавить к ним нужных нам людей.

Полагают, что желательна заявка от швейцарского правительства (см. письмо Политического отдела)¹⁴. Цюрн выразил опасение, что позднее можно использовать против нас то обстоятельство, что все эти беспокойные элементы вдруг оказываются в Швеции без запроса с ее стороны. Швеция уже делала официальное заявление летом 1915 г. о возвращении в Россию русских, не имеющих средств к существованию.

*Об*¹⁵

22

Посланник в Копенгагене — в МИД

Телеграмма № 528

AS 1273

Отправлена 2 апреля 1917 г., 3.13 ночи.

Принята 2 апреля, 5.45 утра.

Имел обстоятельную беседу со Скавениусом о ситуации в России. Министр оценивает политическое значение зажигательных речей социалиста Скобелева ниже, чем это делает пресса стран Антанты. Тем не менее, Скавениус делает отсюда вывод, что англичане также имеют контакт с экстремистскими социалистическими кругами.

По отношению к русской революции мы можем принять, по моему мнению, одно из следующих исходных положений: если мы экономическими и военными средствами продолжаем войну до осени, то очень важно сейчас способствовать усилению хаоса в России, и любое явное вмешательство в ход русской революции не должно иметь места. Но скрытно, по моему мнению, нам надо способствовать углублению раскола между умеренными и партией экстремистов. В наших интересах, чтобы последние взяли верх, так как в этом случае драматические изменения станут не-

избежными и могут принять формы, которые потрясут само существование Российской Империи. Разумеется, даже если умеренное крыло останется у власти, трудно представить себе переход к нормальным условиям без больших беспорядков. Тем не менее я считаю, что, с нашей точки зрения, предпочтительнее поддерживать экстремистов, так как именно это быстрее всего приведет к определенным результатам. Со всей вероятностью, месяца через три можно рассчитывать на то, что дезинтеграция достигнет стадии, когда мы сможем сломить Россию военной силой. Если же мы сейчас начнем преждевременное наступление, то это может лишь объединить различные противодействующие пока друг другу политические силы, сплотить их решимостью к борьбе против Германии и даже, возможно, повысить боеспособность армии.

Если же мы не сможем успешно продолжать войну до конца этого года, то нам надо прийти к сближению с партиями умеренных, находящихся у власти, и убедить их, что, настаивая на продолжении войны, они действуют заодно с англичанами, открывая дорогу реакции и тем самым рискуя свободой, которую уже завоевали. В качестве дополнительного аргумента следует указать Милюковым и Гучковым, что, в свете неясности ситуации в России, англичане могут попытаться достичь соглашения с нами за счет русских.

Брокдорф-Ранцау

23

Посланник в Копенгагене — Статс-секретарю
2 апреля 1917 г.

AS 1311

Ваше превосходительство, я пишу Вам это письмо сегодня, так как считаю возникшую теперь острую ситуацию, и особенно развитие событий в России, настолько важными для окончательного решения всей нашей будущей политики, что считаю радикальные решения неизбежными, если мы хотим обеспечить себе успех.

Ваше превосходительство знает, что я не склонен раболепствовать перед пресловутым «*verbi magistri*» [чужим авторитетом]. У меня есть собственное независимое мнение, и я считаю, что в свете той уважительной дружбы, которую я испытываю к Вам, и того безусловного доверия, которое Вы всегда оказывали мне, я имею право сейчас быть услышанным.

Просьба моя состоит в том, чтобы Вы лично приняли д-ра Гельфанда, который прибывает в Берлин завтра вечером (вторник). Я знаю, что его личность и репутация расцениваются неоднозначно и что Ваш предшественник (Ягов) особенно любил поупражняться в остроумии на его счет. В ответ на это я могу утверждать, что Гельфанд реализовал несколько чрезвычайно важных политических мероприятий и что в России он был одним из первых, кто работал на то, что составляет сейчас нашу цель. Многие, если не все, сегодня было бы совсем другим, если бы Ягов не игнорировал полностью его предложения два года назад!

Связи, которые Гельфанд имеет в России, могли бы сейчас, по моему мнению, оказаться решающими для развития всей ситуации. Более того, у него настолько тесные контакты с социал-демократами в Германии, Австрии и Скандинавии, что он мог бы оказывать на них влияние в любое время.

Он искренне признателен Вашему превосходительству, так как знает, что обязан Вам своим разрешением на пребывание в Германии в то время, когда его положение было более шатким, а сейчас он чувствует себя немцем, а не русским, несмотря на русскую революцию, которая должна его реабилитировать. Поэтому я прошу Вас дать ему возможность высказаться, так как убежден, что, если его использовать должным образом, он был бы чрезвычайно полезен не только в решении вопросов международной политики, но и внутренней политики империи.

Нет необходимости подчеркивать, что я согласен не со всеми его высказываниями, но уверен, что мы должны использовать его положительную энергию там, где нам это нужно.

Ваше превосходительство поймет мотивы, которые заставили меня написать это письмо.

Мне нечего добавить к этому за тем исключением, что Гельфанд ни разу не просил меня рекомендовать его Вашему превосходительству и что я решил написать это письмо несколько часов назад, т. е. в 10 часов вечера, так как узнал, что завтра утром в Берлин едет еще один курьер. Поэтому прошу простить, что письмо написано в спешке.

Ваш Брокдорф-Ранцау

27

Посланник в Берне — в МИД

Телеграмма № 603

AS 1301

Отправлена 4 апреля 1917 г., 5.35 вечера.

Получена 4 апреля, 7.20 вечера.

В продолжение телеграммы № 601.

Платтен, секретарь социал-демократической партии, навестил меня от имени группы русских социалистов и, в частности, их руководителей Ленина и Зиновьева с выражением просьбы о том, чтобы небольшому числу самых видных эмигрантов, максимум от 20 до 60 человек, был разрешен проезд через Германию немедленно. Платтен утверждает, что события в России принимают опасный для вопроса о мире поворот, и необходимо сделать все возможное для скорейшей отправки вождей-социалистов в Россию, так как они пользуются там значительным влиянием. К сожалению, многие из эмигрантов не имеют документов и, за исключением Ленина и Зиновьева, они обеспокоены тем, что их имена могут не попасть в список отъезжаю-

щих. Кроме того, они согласны на любые условия — такие, как проезд без остановок в опечатанном или вообще закрытом вагоне. Но они настаивают на том, что ни один из них не должен быть оставлен, что их вагон должен получить право экстерриториальности и что все они должны быть включены независимо от их отношения к вопросу о войне и мире. Со своей стороны, они обещали приложить усилия к освобождению части немецких пленных в России. Платтен, который хочет ехать в Стокгольм для организации там информационной службы, присоединится к эмигрантам и готов лично поручиться за каждого из этой группы и получить для них разрешение от [далее одно слово зачеркнуто. — *Ред.*]. Такое разрешение, по возможности, не должно содержать имен. Платтен мог бы сопровождать эмигрантов до границы вместе с немецкими представителями и мог бы провести их через пограничный пост по одному.

Поскольку их немедленный отъезд в наших интересах, я настоятельно рекомендую выдать разрешение сразу же, приняв изложенные условия. Учитывая подозрительность русских, которые сомневаются в возможности безопасного проезда, а также жесткое противодействие Антанты и разницу мнений среди самих эмигрантов, есть опасность того, что они могут опять изменить свое решение.

Проявив полное доверие к ним, мы расположим их к себе. Я бы считал особенно полезным продемонстрировать свое доверие и швейцарским социалистам, приняв их гарантии как вполне достаточные. Это поможет, я надеюсь, установить с ними постоянные дружеские отношения, так необходимые для поддержания связи с Россией. Платтен сам признает, что есть две стороны вопроса относительно оправдания и логики предъявленных эмигрантами условий их проезда. Они считают, сказал он, что таким образом гарантируют себя от опасности компрометации в России и что после достигнутого с большим трудом соглашения не следует вновь открывать дискуссии. Их отъезд должен состояться не позже пятницы. И, наконец, Платтен считает непрактичным включать в транзитную группу так называемых социал-патриотов, то есть противников мира. Пожалуйста, телеграфируйте хотя бы предварительные инструкции относительно того, должны ли русские быть готовы к пятнице.

Ромберг

30

Помощник статс-секретаря — Посланнику в Берне

Телеграмма № 394

AS 1301

Берлин, 5 апреля 1917 г.

В ответ на телеграмму № 603¹⁶.

Генштаб согласен. Переезд границы в Готмадингене. Нужный офицер будет сопровождать поезд от Готмадингена до Засниц. Передача в Готмадингене осуществляется представителем МИД, назначенным там же. Никаких паспортных формальностей

на границе. Багаж будет опечатан. Безопасный транзит гарантируется. Немецкий профсоюзный лидер Янсон, социалист, вероятно, присоединится к поезду в Готмадингене.

По техническим причинам максимальное число пассажиров — шестьдесят.

Дальнейшие детали о времени поездки последуют позже. Предварительно в субботу вечером в Готмадингене будут готовы два экспресс-вагона второго класса.

Буше

35

Посланник в Берне — в МИД

Телеграмма № 631

AS 1349

8 апреля 1917 г.

Отправлена 9 апреля, 1 час ночи.

Принята 9 апреля, 4 часа 10 мин. ночи.

Ответ на телеграмму № 401¹⁷.

Эмигранты считают, что придется встретиться с большими трудностями, даже судебным преследованием со стороны Российского правительства из-за проезда через вражескую территорию. Поэтому им очень важно иметь право утверждать, что они не общались в Германии ни с одним немцем. Платтен объяснит это Янсону. Важно также, чтобы немецкая пресса не касалась этого дела до тех пор, пока о нем не заговорят за границей. Если участия в обсуждении его избежать не удастся — не добавлять никаких комментариев и прежде всего воздерживаться от намеков на заинтересованность Германии, что могло бы скомпрометировать эмигрантов. Ни в коем случае не должна упоминаться посредническая роль Швейцарии.

Отъезд состоится завтра, согласно плану. Это будут по крайней мере 29, возможно, до 37 русских членов различных групп ленинской фракции. Пока еще неясно, будут ли среди них и социал-революционеры.

Ромберг

36

Посланник в Копенгагене — в МИД

Телеграмма № 560

AS 1364

Отправлена 9 апреля 1917 г., 9.50 утра.

Принята 9 апреля, 11 ч. 50 м. утра.

Доктор Гельфанд просит немедленно информировать его о прибытии русских беженцев в Мальме или Засниц на пути из Швейцарии в Германию. Он хочет встретить их в Мальме. Телеграфируйте прибытие немедленно¹⁸.

Брокдорф-Ранцау

38

Посланник в Мюнхене — в МИД

Телеграмма № 63

AS 1363

Отправлена 9 апреля 1917 г., 4.30 дня.

Принята 9 апреля, 7.45 дня.

Могу ли я просить Ваше превосходительство о разрешении позондировать Адольфа Мюллера¹⁹, дабы выяснить, не согласится ли он установить контакты с русскими социалистами прямо в Скандинавии. Будучи не уверен в его реакции, я представлю это как свою собственную идею.

Тройтлер

40

Статс-секретарь — Посланнику в Мюнхене

Телеграмма № 22

AS 1363

Берлин, 10 апреля 1917 г.

Ответ на телеграмму № 63²⁰.

Шейдеман и Эберт поехали в Скандинавию с моего одобрения. Их встреча с Мюллером представляется нежелательной. Кроме того, я хочу подождать, пока эти двое изложат свои впечатления. Поэтому пока прошу Вас не предпринимать никаких шагов.

Циммерман

44

Меморандум Ов-Вахендорфа

AS 1406

Берлин, 12 апреля 1917 г.

Лерснер сообщает по телефону следующее:

1. Его Величество Кайзер сегодня за завтраком выразил пожелание, чтобы русским социалистам, проезжающим через Германию, были выданы «Белые книги» и другая подобная литература, например, копии Пасхального послания и речи канцлера, с тем чтобы они могли ими воспользоваться для разъяснительной работы в своей стране.

2. В случае, если русским запретят въезд в Швецию, Верховное командование будет готово переправить их в Россию через линию фронта.

3. Верховное командование также сможет тем же путем доставить туда тех русских, которые все еще в Швейцарии. Телеграмма по этому вопросу следует.

Ов

50

Посланник в Копенгагене — в МИД

Телеграмма № 595

А 12381

Отправлена 17 апреля 1917 г., 1.35 ночи.

Принята 17 апреля, 8 утра.

Ответ на телеграмму № 250²¹.

Для статс-секретаря. Доктор Гельфанд вернулся сегодня из Стокгольма, где вел переговоры с русскими эмигрантами из Швейцарии. Его телеграммой вызвал в Берлин Исполком социал-демократической партии. Он прибудет завтра на несколько дней и остановится на Кейтштрассе, 14, где будет ждать приглашения Вашего превосходительства²².

Брокдорф-Ранцау

51

Офицер связи МИД при Имперском дворе — в МИД

Телеграмма № 551

А 1276

Главная штаб-квартира, 21 апреля 1917 г., 5.35 вечера.

Получена 21 апреля, 6.35 вечера.

Верховное командование армии имеет следующее сообщение для политического отдела Генштаба в Берлине:

«Штейнвакс послал следующую телеграмму из Стокгольма 17 апреля 1917 года: "Въезд Ленина в Россию прошел успешно. Он действует точно так, как нам бы хотелось. Отсюда — неистовство социал-демократов, сторонников Антанты в Стокгольме. Платтен был задержан англичанами на границе и отправлен назад, факт, который привлек здесь большое внимание. Платтен — известный лидер швейцарских социалистов, который сопровождал русских революционеров из Швейцарии через Германию в Стокгольм и хотел проехать в Петроград"».

Грюнау

53

Посланник в Берне — Канцлеру

Доклад № 1273

А 14332

30 апреля 1917 г.

Г-н Платтен, который в свое время сопровождал русского революционера Ленина и его сторонников в поездке через Германию, посетил меня сегодня и поблаго-

дарил от их имени за оказанные услуги. К сожалению, самому Платтену было запрещено сопровождать их в Россию. Его задержали на границе, и английский офицер аннулировал разрешение на въезд.

Ленину была устроена его сторонниками великолепная встреча. Можно сказать, что за него три четверти петербургских рабочих. Труднее вести пропаганду среди солдат, среди которых распространено мнение, что мы собираемся напасть на них. Еще не ясно, по какому направлению пойдет революция. Может быть, будет достаточно заменить нескольких членов Временного правительства, например, Милюкова и Гучкова, социалистами. Но в любом случае необходимо путем пополнения из-за границы умножить число сторонников мира. Считаю необходимым, чтобы те эмигранты, которые готовы выехать, имели те же условия проезда, что и Ленин с товарищами.

По словам Платтена, к наибольшей поспешности вынуждает и опасение, что Антанта окажет давление на швейцарское правительство с целью воспрепятствовать выезду.

Платтен сказал, что в Германии есть определенное число русских революционеров, чью отправку в Россию он бы настоятельно рекомендовал. Из его замечаний выяснилось, что эмигрантам не хватает средств для пропаганды, в то время как их противники имеют в распоряжении неограниченные средства. Фонды, собранные для их поддержки, попали в основном в руки социал-патриотов. Один из моих агентов сейчас изучает деликатный вопрос о возможности оказания им материальной помощи, не оскорбляя их достоинства. Я был бы благодарен за телеграфное сообщение, не оказывается ли революционерам финансовая поддержка каким-нибудь другим путем²³.

Ромберг

54

Статс-секретарь — Посланнику в Стокгольме

Телеграмма № 622

A 14209

Берлин, 1 мая 1917 г.

Согласно сообщению Телеграфного Агентства из Петрограда, там произошла демонстрация раненых и инвалидов, в которой приняли участие около 50 000 человек. Демонстрация направлена против Ленина и его сторонников, с требованием продолжать войну. Запросите дальнейшие детали события как можно скорее.

Циммерман

56

Советник миссии в Берне — Советнику Бергену

AS 1850

9 мая 1917 г.

Дорогой г-н фон Берген, г-н фон Ромберг был бы очень признателен, если бы Вы сообщили, ограничиваются ли Ваши русские контакты только Лениным и его группой или включают также ведущих социал-революционеров (Чернова и его товарищей). Если Вы сами не располагаете такой информацией, г-н фон Ромберг просит немедленно навести справки.

Он крайне заинтересован в скорейшем получении этой информации и просит Вас отправить ее телеграммой.

Ваш Шуберт

62

Статс-секретарь — Посланнику в Берне

Телеграмма № 658

AS 2198

Берлин, 3 июня 1917 г.

Ответ на телеграмму № 967²⁴.

Секретные донесения показывают, что правительства стран Антанты продолжают проявлять озабоченность положением в России. Рост настроений в пользу мира не остановила даже последняя недолгая консолидация Временного правительства. Отчаянные попытки русской армии продвинуться не могут скрыть растущей дезорганизации и нежелания сражаться в войсках. Ленинская пропаганда мира набирает силу, а его газета «Правда» уже выходит тиражом 300 000 экземпляров. Работа на оборонных предприятиях либо остановлена, либо опустилась до минимального выпуска продукции. Транспортный кризис становится все более острым, в результате чего страдает обеспечение городов и армии продовольствием. Таким образом, у Антанты нет абсолютно никаких шансов на получение помщи с этой стороны.

Циммерман

65

Советник миссии в Стокгольме — Канцлеру

Сообщение № 823

A 23125

11 июля 1917 г.

7-й номер газеты «Русские корреспонденции "Правды"» сообщает, что на переговорах между русскими большевиками Ганецким, Воровским и Радеком и немецкими социал-демократами Гаазе, Ледебургом и Герцфельдом не было достигнуто договорен-

ности. Большевики, отвергающие любое предложение о работе с социал-патриотами, шокированы тем, что немецкие левые социалисты хотят вести переговоры с проантантовскими социал-патриотами. По этому поводу газета дает следующий комментарий:

«Участие немецких социал-патриотов в этой "борьбе за мир" им, конечно, не по вкусу, но они готовы примириться с этим, конечно, не без определенного протеста, ради удовольствия встретиться с "отцами" русской идеи "войны до победного конца". Русские рабочие хотели бы знать, каково отношение "спартаковцев" к решению, принятому "независимыми"».

По сообщениям из Петрограда, из газет и других источников, влияние группы Ленина, к сожалению, упало. В решении по вопросу о доверии Временному правительству — решению, которое более или менее должно было уменьшить осторожность Советов рабочих и солдатских депутатов — большевики, поддерживаемые интернационалистами, социал-демократами и украинцами, собрали лишь 126 голосов против большинства в 543 голоса.

Падение влияния большевиков можно объяснить отчасти результатами наступления и чрезмерными требованиями ленинской группы. Эти требования, из которых самое крайнее — экспроприация больших капиталистических концернов (особенно всех банков и больших промышленных и коммерческих предприятий), обширных землевладений, имеют целью выделение отдельных народов России и образование ими самостоятельных республик. Нужно добавить, однако, что по вопросу об Украине большевики несколько изменили свое мнение, не требуя полного ее отделения, а лишь большей степени автономности.

«Правда» от 28 июня пишет:

«Провал политики Временного правительства и его коалиционного кабинета становится день ото дня все более очевидным. Документальным свидетельством этого провала является "Универсал", изданный Украинской Центральной Радой и принятый Всеукраинским съездом 11 июня.

Этот акт гласит: "Украинский народ должен иметь право распоряжаться своей жизнью на своей собственной земле, но не выделяя себя из России и не порывая с Российским государством.

Только наша Украинская ассамблея имеет право издавать законы, гарантирующие здесь порядок; законы по поддержанию порядка во всем Российском государстве должны приниматься всероссийским парламентом"».

Эти слова со всей ясностью дают понять, что украинский народ в настоящее время не хочет отделения от России. Он требует автономии, но ни в коем случае не ставит под сомнение необходимость и суверенность «всероссийского парламента».

Примечательно, что Петроградский Совет казачьих депутатов высказался против отделения Украины. Хотя большинство казаков — выходцы из Украины и хотя они всегда тяготели к известной степени автономии, тем не менее, они чувствуют,

что исторически они — неотъемлемая часть российской армии. Более того, они играли такую решительную и главную роль в разгроме либеральных и демократических элементов во всех первых попытках революции, что едва ли можно ожидать от них искренней симпатии партиям, целью которых является раздел Великой Руси.

Я прилагаю здесь текст яростной атаки хельсинкской газеты «Волна» против наступления, которая последовала за публикацией в газете «Русские корреспонденции "Правды"»²⁵.

Штоббе

68

Посланник в Копенгагене — в МИД

Телеграмма № 1044

А 26509

10 августа 1917 г.

Отправлена 11 августа, 12.40 ночи.

Принята 11 августа, 5.45 утра.

Русская газета «Речь» от 20 июля пишет, что два офицера Германского Генштаба, Люберс и Шидицкий, сообщили русскому прапорщику по фамилии Ермоленко, что Ленин — немецкий агент; что Яков Фюрстенберг и д-р Гельфанд (Парвус) являются также немецкими агентами, действующими в качестве посредников между большевиками и Имперским правительством.

Необходимо, прежде всего, выяснить, существуют ли действительно эти два офицера в Генштабе, и затем, если возможно, категорически опровергнуть сообщение газеты. «Речь» также утверждает, что, согласно телеграмме из Копенгагена, Гаазе, немецкий социал-демократ, член Рейхстага, заявил в беседе с русским журналистом, что Гельфанд был посредником между Имперским правительством и русскими большевиками и что он переводил им деньги.

Телеграфируйте необходимую информацию.

Брокдорф-Ранцау

69

Помощник статс-секретаря — Посланнику в Копенгагене

Телеграмма № 608

А 26509

Берлин, 18 августа 1917 г.

Ответ на телеграмму № 1044.

Подозрение в том, что Ленин — немецкий агент, по нашей инициативе активно опровергается в Швейцарии и Швеции. Таким образом, эффект заявлений по

этому поводу, предположительно сделанных двумя немецкими офицерами, сведен на нет.

Заявление, якобы сделанное Гаазе, опровергнуто.

Буше

70

Миссия в Копенгагене — в МИД

Телеграмма № 1074

A 27897

Отправлена 22 августа 1917 г., 9.59 вечера.

Принята 23 августа, 4 утра.

Депутату Эрцбергеру и советнику Надольному

Вухерпфенниг²⁶ сообщает:

Лейтис отправляется в Петроград через несколько дней как курьер здешней Российской миссии. Он везет также материал судебного расследования для суда над Лениным. Большевистский лидер Радек еще здесь. Сообщение о его деятельности будет отправлено завтра. Срочно требуется присутствие Гольдберга. Если его отъезд откладывается из-за паспортных формальностей, пожалуйста, пришлите статьи Парвуса, так как есть возможность их отправить.

А пока Мейер Гроссман («Русские ведомости») вернулся из Петрограда. Он беседовал с Савинковым (военным комиссаром при Керенском) и с посланником. Доклад будет выслан после возвращения Гольдберга. Проинформируйте Гольдберга о вышеизложенном.

Миссия

71

Статс-секретарь — Офицеру связи МИДа при Главной штаб-квартире

Телеграмма № 1610

AS 3640

Берлин, 29 сентября 1917 г.

Для сведения Верховного командования армии

Военные операции на Восточном фронте, подготовленные в крупном масштабе и выполненные с большим успехом, были поддержаны большой подрывной деятельностью внутри России, которую проводил МИД. Нашей главной целью в этой деятельности было дальнейшее усиление националистических и сепаратистских настроений и обеспечение поддержки революционным элементам. Мы и сейчас продолжаем эту деятельность и завершаем соглашение с Политическим отделом Генштаба в Берлине (капитан фон Хюльзен). Наша совместная работа дала ощути-

мые результаты. Большевицкое движение никогда не получило бы такого развития и влияния без нашей постоянной поддержки. Есть все свидетельства того, что движение будет расти. Это же можно сказать о движениях независимости в Финляндии и на Украине.

Согласно последним полученным сообщениям, ситуация в России такова, что страна, чья экономическая жизнь подорвана и которую пытается удержать Англия, эта страна может развалиться в результате любого достаточно сильного удара. Эксперт по русским делам в шведском МИДе заявил, что английское влияние зависит от железнодорожной сети между Петроградом и Хапарандой, которая позволяет осуществлять перевозки лишь людей и почты.

Как известно Верховному командованию, широко идет подготовка к финскому восстанию. Однако маловероятно, что существенную помощь финнам мы сможем оказывать на протяжении всей зимы. Если их надежды не осуществляются осенью, Финляндия окажется в зависимости от России из-за продовольственных проблем, которые ожидаются к весне. С другой стороны, на фоне слабости России сейчас можно ожидать начала финского восстания. Оно может оказаться успешным, если мы подкрепим доверие финнов к нам, оккупировав Аландские острова. С этой же целью следует одновременно заставить русское командование вывести часть своих войск из Финляндии, активизировав военные действия на фронте.

Оккупация Аландских островов, которые господствуют в Ботническом заливе, будет иметь большое значение и в отношении Швеции. Противники надеются нанести нам решительный удар, прервав экспорт шведской железной руды, и поэтому пытаются отдалить от нас Швецию. Общая ситуация в Швеции способствует этим попыткам. Страна страдает от острой нехватки целого ряда товаров, поставке которых шведам Антанта препятствует в отместку за строгое — в отличие от норвежцев и датчан — соблюдение нейтралитета. Шведам говорят, что правительство Брантинга будет иметь все эти товары, особенно американскую нефть, которая так нужна шведским крестьянам в долгие зимние ночи. Предполагается, что такое правительство может с помощью Англии путем плебисцита добиться практического отделения Аландских островов от России. Швеция уже давно стремится обладать этими островами, которые контролируют подходы к Стокгольму. Даже если мы не сможем помешать планам Антанта в Швеции, оккупация Аландских островов настолько укрепит нашу позицию, что не оставит никаких надежд нашим врагам на Севере.

В этих условиях я хочу порекомендовать, чтобы вопрос об оккупации Аландских островов немецкими вооруженными силами (не позднее середины ноября) был тщательно исследован Верховным командованием армии. Этот вопрос жизненно важен для нашего положения на Востоке и Севере, а также для исхода войны в целом²⁷.

Кюльман

72

Посланник в Стокгольме — в МИД

Телеграмма № 1796

AS 4178

8 ноября 1917 г., 5.50 вечера.
Принята 8 ноября, 8.10 вечера.
Бергену

Прошу направить 2 миллиона военного займа для известных целей. Ризлер.

Люциус (фон Штедтен)

73

Имперский посланник в Стокгольме — в МИД

Телеграмма № 1794

A 37241

9 ноября 1917 г., 5.45 вечера
Принята 8 ноября 9.45 вечера.

Настоятельно рекомендую избегать всех публичных заявлений о дружественных соглашениях с Россией в немецкой и австрийской прессе. Большевики не должны воспринимать дружественные соглашения с имперским государством как некий пароль. Они могут оправдать мир с Германией лишь ссылкой на желание народа и отчаянное положение в России. Более того, меня со всех сторон убеждают, что, с учетом сегодняшней ситуации, русские могли бы объяснить дружеское отношение Германии (два слова неразбочиво. — *Ред.*) слабостью нашей позиции перед англичанами. Желательно, чтобы пресса была сдержанной, тем более, что контроль большевиков над телеграфом еще не говорит об их окончательной победе.

Люциус

74

Статс-секретарь — Офицеру связи МИДа при Главной штаб-квартире

Телеграмма № 1748

A 37241

Берлин, 9 ноября 1917 г.

Здесь разделяют мнение о проявлении абсолютной сдержанности²⁸. Пресса проинструктирована соответствующим образом. С точки зрения полученных сообщений, нежелательно выступать с какими-либо предложениями о мире на фронте. Если такие предложения общего характера будут делаться неприятелем, их следует просто принимать во внимание и не более того.

Согласно сообщениям из Стокгольма, большевики там считают, что новое правительство может остаться у власти только в том случае, если добьется прекращения огня в ближайшем будущем. Если такое предложение на фронте поступит, я бы просил поставить меня в известность; Верховное командование будет немедленно проинформировано о любом предложении, если такое поступит по другим каналам. Я предлагаю, чтобы все переговоры по прекращению огня проводились при участии представителя МИДа, и, аналогично, во всех предварительных дискуссиях или переговорах о мире, проводимых МИДом, обязательно участвовали бы военные представители. Сообщите, принимаете ли это предложение.

Кюльман

75

AS 4181

Статс-секретарь МИДа — Министру финансов
Берлин, 9 ноября 1917 г.

Исходя из соглашения между советником фон Бергеном и министерским директором Шредером, имею честь просить Ваше превосходительство предоставить 15 миллионов марок в распоряжение МИДа для использования на ведение политической пропаганды в России, отнеся эту сумму к параграфу 6, секция II чрезвычайного бюджета²⁹. В зависимости от того, как будут развиваться события, хотел бы заранее оговорить возможность снова обратиться к Вашему превосходительству в скором будущем на предмет предоставления дополнительных сумм.

Был бы признателен за возможно скорейший ответ.

Кюльман

76

Офицер связи при Главной штаб-квартире — в МИД

Телеграмма № 1628

A 3768

Отправлена 9 ноября 1917 г., 8.00 вечера.
Принята 9 ноября, 8.30 вечера.

Генерал Людендорф послал следующую телеграмму Восточному командованию, генералам фон Макензену, фон Зеку и фон Крамону (для генерала фон Арца):

«Согласно перехваченным радиопередачам, в Петрограде произошла революция, в ходе которой Совет рабочих и солдат предположительно одержал победу. Похоже, Совет пытается препятствовать отводу войск с фронта в Петроград. Несмотря на это, победа Совета рабочих и солдат желательна с нашей точки зрения. Поэтому прошу Вас использовать перехваченную информацию для нужной пропаганды».

Лерснер

Австро-Венгерский министр иностранных дел — Рейхсканцлеру
AS 4240 Вена, 10 ноября 1917 г.

Ваше превосходительство.

Революция в Петрограде, которая, пусть временно, отдала власть в руки Лени-на и его последователей, произошла быстрее, чем мы ожидали. В ближайшие дни станет ясно, смогут ли максималисты удержаться и выполнять правительственные функции в течение длительного времени, даже в том масштабе, как это было при Керенском. Однако многочисленные признаки, кажется, свидетельствуют о том, что ответ на этот вопрос будет положительным.

Если Ленину и большевикам удастся удержать власть, они будут вынуждены выполнить ту правительственную программу, которую сами сформулировали. В этом контексте их обещание обеспечить России «демократический мир» должно занять первое место, и мы, таким образом, подошли к поворотному моменту в решении вопроса о мире.

Будучи значительно моложе Вас, я не могу взять на себя смелость проявить инициативу или что-либо советовать Вашему превосходительству. Однако после наших многочисленных обсуждений проблем, связанных с вопросом о мире, я полагаю, что Ваше превосходительство также не может не думать о том, как наилучшим образом использовать в наших интересах изменившуюся в России ситуацию. Поэтому я считаю своим долгом изложить в этом письме точку зрения, которую я сформулировал, исходя из ситуации в данный момент, и представить выводы, которые, как мне кажется, из этого вытекают.

Смогут ли Ленин и его коллеги удержать власть в течение какого-либо значительного времени — вопрос, на который едва ли кто может сейчас ответить. По этой причине было бы важным использовать этот момент и предложить помощь, которая им необходима для утверждения «*faits accomplis*» [свершившегося факта (*фр.*)]. — *Ред.*] в вопросе о мире. Если ленинцам удастся заключить обещанное перемирие, то мы, по-моему, одержим почти полную победу в русском секторе, так как после перемирия русская армия в своем теперешнем состоянии неизбежно хлынет в свои тылы, чтобы быть дома, когда станут распределять земли и поместья. В сегодняшних обстоятельствах перемирие приведет к исчезновению армии, и она не сможет вернуться на фронт в обозримом будущем.

Насколько я в курсе ленинских идей и намерений, они направлены, прежде всего, на возобновление попыток достичь всеобщего мира, а если западные державы не допустят первого — заключить с нами сепаратный мир. По сообщениям из Петрограда, Ленин уже обратился к западным державам, чтобы получить их согласие на заключение всеобщего мира, и, согласно моей информации, дал им мало времени на обдумывание ответа на это предложение. Если, как можно предположить, другие

страны Антанты откажутся, Ленин встанет перед необходимостью осуществить идею сепаратного мира с центральными державами. Но он сделает это или сможет сделать, только если мы примем формулу «мир без аннексий и контрибуций».

Мы, конечно, будем способствовать такому ходу развития, если еще раз дадим понять российским властям в достаточно дружественной форме, что мы все еще придерживаемся мирных принципов, которые сформулировали в резолюции о мире, принятой в Рейхстаге, в речи господина фон Кюльмана, в моих многочисленных заявлениях и в ответах на мирную ноту Папы. На основе таких деклараций центральных держав, после отказа западных держав заключить общий мир без контрибуций и аннексий Ленин, естественно, вернется к идее сепаратного мира с нами в рамках программы и далее — к прекращению военных действий. Поскольку программа максималистов включает признание права на самоопределение нерусских народов России, вопрос о том, что же делать с Польшей, Курляндией, Ливонией и Финляндией, можно будет решить в ходе мирных переговоров. Нам придется позаботиться о том, чтобы идея отделения от России и перехода в экономическую и политическую зависимость от центральных держав была высказана самими этими народами. В свете всего вышесказанного, я считаю, что мы могли бы повлиять на развитие событий в России в нужном для нас направлении, если как можно скорее будут сделаны соответствующие заявления, которые позволили бы максималистам вступить с нами в переговоры без каких-либо опасений. Что касается меня, я бы смог дать интервью, так как сообщения, поступающие из Петрограда, дают достаточно материала для исчерпывающего ответа.

Учитывая наши крупные военные успехи на итальянском фронте, можно не бояться, что заявления подобного рода могут быть восприняты как признак слабости; я также не вижу никакого вреда от такого шага. Более того, дополнительная от него польза состояла бы в том, что мы таким образом перехватываем возможную инициативу наших социалистических партий, с которыми Ленин уже пытается установить отношения. Желание Ленина вести переговоры с социалистическими партиями центральных держав о мире является лишь попыткой разжечь там социальные революции и тем обеспечить защиту России извне, так как на это уже не способна ее разложившаяся армия. Однако, если мы, как правительство, примем основные положения мира без аннексий и контрибуций, этим будет выбита почва из-под ног новой конференции социалистов еще до ее начала, а мне кажется, что мы должны сделать эту конференцию ненужной.

Я был бы очень признателен, если бы Ваше превосходительство сочли возможным обдумать идеи, которые я здесь изложил, и сообщили мне свое мнение как можно скорее. Мне кажется, мы не должны упустить возникшую в данный момент возможность закончить войну на Востоке. Уже второй раз нам предоставляется шанс быстро достичь этой цели. Я не думаю, что такая возможность сможет вновь представиться при столь благоприятных обстоятельствах. Мне не нужно перечислять выгоды, как военные, так и политические, которые получим мы, и особенно Герма-

ния, если сумеем развязаться с русскими сейчас. Я хотел бы особо подчеркнуть экономический фактор, так как после разрыва с западными державами Россия будет вынуждена экономически положиться на центральные державы, которые получат выгодную возможность проникновения в русскую экономику и ее реорганизацию. Значение этого для будущего не требует комментариев.

Ваш Чернин

Р. С. Когда я закончил это письмо, пришла телеграмма из Петрограда с основными принципами заключения мира, которые были приняты съездом Советов. Они подтверждают мысль, изложенную выше, что группа Ленина решительно настроена на претворение в жизнь программы мира как можно скорее и что в данный момент они все еще предлагают идею всеобщего мира. Однако максималистам должно быть ясно, чтобы всеобщий мир не может быть достигнут из одних их пожеланий и предложений, так как их идеи направлены более против западных держав, чем против нас. Поэтому я считаю, что предпосылки моих предложений подкреплены предложением о мире, сделанным съездом Советов³⁰.

78

Помощник статс-секретаря — Посланнику в Стокгольме

Телеграмма № 1526

AS 4178

Берлин, 10 ноября 1917 г.

Ответ на телеграмму № 1796³¹.

Для Ризлера

Половина необходимой суммы будет выслана в воскресенье с фельдъегерем. Остальное во вторник. Если необходимо, возможно дополнительное выделение сумм. Если нужно выслать еще часть военного займа, проинформируйте, крупного или мелкого достоинства. Пошлите подтверждение чека Бергену.

Буше

79

Советник миссии в Копенгагене — в МИД

Телеграмма № 1329

AS 4122

10 ноября 1917 г.

Отправлена 11 ноября, 12.30 ночи.

Получена 11 ноября, 5.10 утра.

В продолжение телеграммы № 812 от 3 ноября³².

Л[евенштейн]³³, который до настоящего времени получил 2000 крон, то есть 5000 марок, срочно просит еще 20 000 марок. Большая часть суммы необходима для по-

ездки двух доверенных агентов в Петроград. Поездка необходима, так как письменная связь с Цивиным сейчас ненадежна³⁴. Необходимо ускорить дело, так как длительное бездействие может вызвать подозрение. Телеграфируйте инструкции.

Л[евенштейн] далее попросил меня в информации в Берн доложить еще оценку ситуации: «Ленин нуждается в поддержке Германии для выполнения своей программы. Это означает, что германское правительство должно открыто признать военные цели партий большинства. Если эти цели более или менее совпадают с целями большевиков, Ленин может попросить союзников начать переговоры на этой основе; если же они откажутся, Россия будет считать себя свободной от всех обязательств перед Антантой. Если условия центральных держав окажутся более тяжелыми, чем те, что содержатся в декларации партий большинства, они воспрепятствуют намерению Ленина заключить мир. За этим может последовать либо его переориентация вправо, либо новый переворот. Сообщения о возможности отделения Польши и Литвы от России сейчас ослабили доверие к политике Германии; успокаивающее заявление по этому поводу было бы сейчас очень кстати».

Л[евенштейн] был бы признателен за информацию о том, как подходить к решению вышеизложенных проблем и как инструктировать агентов, отправляющихся в Россию.

Витгенштейн

80

Помощник статс-секретаря — Посланнику в Копенгагене

Телеграмма № 840

11 ноября 1917 г.

Ответ на телеграмму № 1329.

Одобрено выделение 20 000 марок для Блау³⁵. Он может заверить русских в том, что имперское правительство все еще основывается на резолюции Рейхстага. Если необходимо, это можно подчеркнуть публично, когда представится случай.

Буше

81

Советник миссии в Стокгольме — Канцлеру.

Доклад № 1413

А 38075

12 ноября 1917 г.

Новость о том, что их друзья одержали победу, привела здешних большевиков в состояние крайнего возбуждения и лишила их сна. Они считают, что вскоре станут провозвестниками новой России и претендуют на знание всех деталей. Но фактически они не получили еще никаких инструкций из Петрограда.

В данный момент я не думаю, что новое правительство в Петрограде, даже если предположить, что ему удастся укрепить свою власть и удержать ее в течение нескольких недель, будет использовать Радека, Фюрстенберга и Воровского³⁶ в качестве посредников. Ясной картины отношений между представителями большевиков здесь и лидерами в Петрограде пока нет. Фактическим вождям петроградского движения — Ленину, Зиновьеву и Троцкому — необходимо быть на месте событий, где чрезвычайная запутанность ситуации может в любую минуту потребовать от них применения всей полноты власти; в этих условиях не исключено, что большевики — если им вообще удастся создать правительство — будут давать важные поручения своим здешним представителям.

Наиболее энергичный и талантливый из них — поляк Собельзон, известный немецким социал-демократам по своему немецкому прошлому и действующий под псевдонимом Карл Радек. Студентом он подворовывал книги и кое-что другое и был прозван своими друзьями «Крадек» («воришка»). Русские газеты используют это его имя, и он с гордостью сделал из него псевдоним. О нем отзываются как о совершенно бессовестном, но очень умном человеке и чрезвычайно талантливым публицисте; говорят, что несмотря на свои идеологические принципы, он не глух к соображениям собственной выгоды. В настоящий момент его способности и знание политики Германии — а он информирован даже о секретных делах — должны обеспечить его идеям и предложениям благоприятный прием в Петрограде.

Из лидеров в Петрограде самыми значительными являются Ленин и Троцкий. Оба сформировались на Западе; оба значительно превосходят своих социал-оппонентов в том, что касается силы личности; оба — революционеры-практики по большому счету. Ленин — татарин, по фамилии Ульянов, очевидно, организатор и вождь этого успешно и осмотрительно руководимого им движения, исходит из теорий, когда речь идет о выборе самих радикальных целей, но практичен и тверд в применении средств. Троцкий, чье настоящее имя Бронштейн, до начала войны был во Франции, но его выслали оттуда предположительно за то, что он знал о роли Извольского в убийстве Жореса. Из Швейцарии он бежал в Испанию, а оттуда, с помощью испанских социалистов — в Америку. При попытке возвращения, уже после революции, его силой сняли с корабля англичане и поместили в тюрьму. Говорят, что после этого путешествия он ненавидит англичан всем сердцем. Если, несмотря на сопротивление всего административного аппарата, пришедшие к власти смогут сформировать правительство, Троцкий — наиболее вероятная кандидатура на пост министра иностранных дел.

Предполагают, что Ленин и Троцкий пользуются огромным личным авторитетом среди своих сторонников. Вероятно, они способны поддержать порядок в своей партии, а также обеспечить диктаторскую власть. В противоположность меньшевикам, большевистские теоретики отбросили принцип парламентаризма еще в 1906 году, провозгласив единственно верным курсом революционную диктатуру небольшой группы решитель-

ных лидеров. Поэтому, если новое правительство станет реальностью и сумеет сломить оппозицию всего буржуазного мира, ему не придется защищать свою позицию и свою свободу действий речами на собраниях, как это делали их предшественники.

Даже если власть большевиков в России продержится лишь несколько недель, в стране непременно начнется террор, которого едва ли испытала даже Франция при Марате. Большевики осудили партию эсеров за то, что она пытается удержать крестьян от поджога имений и захвата земель силой. Придя к власти с опорой на безземельную бедноту, они не смогут остановить поджигателей, которых незадолго перед тем оправдывали. Крестьяне станут силой захватывать обещанную землю, а солдаты заторопятся из окопов домой, чтобы не опоздать к дележу. Если будут арестованы Керенский, Милюков и Терещенко, всячески затягивавшие решение вопроса о земле и мире, этим людям несомненно грозит скорая и суровая расправа. Большевики, вероятно, попытаются передать все исполнительные функции в руки местных Советов рабочих и солдатских депутатов и полностью устранить существующую административную систему. Если им это удастся даже на несколько недель, и даже если не будет достигнуто прекращение огня, Россию можно будет исключить из каких бы то ни было военных и экономических расчетов, касающихся мировой войны; старому режиму, реставрация которого в таких условиях вполне возможна, понадобятся годы на восстановление порядка в этом хаосе.

Если сегодня гражданская война, на которую стороны еще не решились, закончится поражением большевиков, тогда их лозунг «Земля и мир», брошенный однажды в массы, будет продолжать играть огромную роль и вынудит любое новое правительство, которое не захочет рано или поздно иметь дела с еще одним большевистским восстанием, по крайней мере, делать вид, что оно следует по стопам большевиком по этим двум вопросам.

Ризлер

82

Статс-секретарь — Посланнику в Мюнхене

Телеграмма № 102

AS 4240

Берлин, 13 ноября 1917 г.

Для Рейхсканцлера

Я покорнейше благодарю Ваше превосходительство за вчерашнее письмо и вложения в него³⁷.

Как Вашему превосходительству уже известно, 9 ноября Петроградское Агентство опубликовало условия предложения мира, принятые съездом Советов рабочих и солдат. Это заявление было опубликовано в нашей прессе в понедельник, когда Верховное командование сняло свои первоначальные возражения против его пуб-

ликации. Еще в субботу граф Чернин настойчиво рекомендовал, чтобы заявление России стало темой благожелательного обсуждения в нашей полуофициальной прессе. Оно выдержано в том же духе и выражениях, что были использованы в комментарии, опубликованном в иностранном бюллетене. В ответ на это я возразил, что, судя по всем полученным сообщениям, борьба за власть между Лениным и Керенским еще не окончилась, что большевистский режим еще никоим образом нельзя считать устойчивым и что преждевременно принимая неофициальное заявление большевиков, условия которого объявлены здесь Телеграфным Агентством, мы лишь рискуем показаться слабыми.

Я все еще придерживаюсь этой точки зрения. Мною только что получено частное донесение (еще не подтвержденное) из Стокгольма: «Согласно только что полученным достоверным сообщениям, Керенский вместе с Корниловым и Калединым заняли Петроград. Ленин со сторонниками удерживают район Смольного. Информированные русские круги здесь считают, что на данный момент восстание большевиков подавлено и что любое будущее правительство России не имеет иного пути, кроме как следования четкой политике мира. Согласно сообщениям нашей миссии в Стокгольме, страны Антанты рассчитывают на падение большевистского правительства в течение двух-трех недель. Отказ русской миссии в Копенгагене признать теперешнее правительство симптоматичен. В этих условиях я считаю, что было бы разумнее выждать дальнейшего развития событий в Петрограде. Если большевикам удастся удержать власть, мы все еще сможем принять русское предложение о мире или прекращении огня в любой момент и использовать возможности, названные графом Черниным, лучше, чем если бы мы это сделали сейчас. Нервозность и поспешность в этом деле испортят все и, кроме всего прочего, будут осуждены немецким общественным мнением.

Кюльман

83

Посланник в Берне — в МИД

Телеграмма № 1833

AS 4279

15 ноября 1917 г.

Отправлена 16 ноября, 1 ч. ночи.

Принята 16 ноября, 4.55 утра.

Для Бергена

Байер просит, чтобы Нассе³⁸ сообщили о следующей телеграмме из Стокгольма: «Пожалуйста, немедленно выполните свое обещание. Мы связаны им, так как нам предъявляют серьезные требования. Воровский»³⁹. Байер дал мне знать, что эта телеграмма может ускорить необходимость его поездки на Север.

Ромберг

84

Помощник статс-секретаря —
Офицеру связи МИДа при Главной штаб-квартире

Телеграмма № 1804

А 38241

Берлин, 16 ноября 1917 г.

Кристо Раковский, румынский социалист, уроженец Болгарии, издает русскую социалистическую газету в Стокгольме. В прошлом он работал на нас в Румынии и был связан с нами⁴⁰. Раковский спрашивает разрешения для своей жены, которая сейчас в Бухаресте, приехать к нему в Стокгольм.

Эта просьба, поддержанная болгарским посланником, встречена здесь благожелательно.

Буше

85

Посланник в Стокгольме — в МИД

Телеграмма № 1854

AS 4337

19 ноября 1917 г., 3.50 дня.

Принята 19 ноября, 7.20 вечера.

Парвус получил срочный телефонный вызов от Адольфа Мюллера. Ему нужно немедленно прибыть в Швейцарию, вероятно, для переговоров с итальянскими социалистами. Парвус отказался. Он предлагает проинформировать Мюллера, что установлены контакты с Петроградом и есть вероятность начала переговоров в ближайшем будущем. Он обещает продвижение (одно слово неразборчиво. — *Ред.*) относительно России. Ризлер.

Люциус

90

Посланник в Стокгольме — Рейхсканцлеру

Доклад № 1482

А 39975

Стокгольм, 26 ноября 1917 г.

Тема: дискуссия депутата Эрцбергера с большевиками

В свете моих последних наблюдений и особенно после вчерашней беседы с болгарским коллегой, который имеет отличные связи с русскими социалистами всех оттенков, я могу лишь подписаться под докладом⁴¹, который Вы получили от советника Ризлера, в котором говорится о том, что дискуссия между депутатом Эрцбергером и большевиками, которая длится уже значительное время, создала здесь определен-

ную неуверенность в ущерб общим переговорам. С присущим ему тщеславием Эрцбергер упорно добивается личного успеха. Некоторое время тому назад он дал понять большевикам, что немецкий народ хочет мира и что соглашение с ним, Эрцбергером, как представителем партии большинства, будет обязательным для имперского правительства⁴². Это, естественно, создавало у большевиков, которые очень наивны в политических вопросах, двоякое заблуждение, а именно, что Германия жаждет мира и что существует раскол между представителями народа и правительством, которое можно игнорировать. Это не только усложняет задачу советника Ризлера, но и неизбежно ослабит действенность любого правительственного заявления. Судя по тому, что мне стало известно о переговорах Эрцбергера, например, с Колышко⁴³, о которых хорошо проинформирован Гуго Стиннес, я считаю, что он абсолютно не подходит для переговоров, в ходе которых позволяет себе очень опасную откровенность касательно наших внутренних и внешних дел. Например, в заключение многочасовой беседы между доверенным лицом Эрцбергера и Воровским последний иронично заявил, что теперь в Петрограде знают все о выступлениях всех германских партий.

Люциус

91

Посланник в Берне — в МИД

Телеграмма № 1895

AS 4446

26 ноября 1917 г.

Отправлена 27 ноября, 2.30 дня.

Принята 27 ноября, 4.10 дня.

Для Бергена

Байер должен отложить свой отъезд на неделю по совету докторов. Нассе также пока остается здесь. Запрошенная финансовая помощь отправлена по надежным каналам.

Ромберг

92

Помощник статс-секретаря — Посланнику в Берне

Телеграмма № 1367

AS 4446

Берлин, 28 ноября 1917 г.

Ответ на телеграмму № 1895.

Согласно полученной здесь информации, правительство в Петрограде встретилось с огромными финансовыми трудностями. Поэтому посылка денег очень желательна. *Берген.*

Буше

93

Офицер связи МИДа при Главной штаб-квартире — в МИД

Телеграмма № 1771

AS 4486

29 ноября 1917 г., 7.25 вечера.

Принята 29 ноября, 7.35 вечера.

Вниманию статс-секретаря

Если в обозримом будущем начнутся мирные переговоры с Россией, Его Величеству желательно, чтобы были предприняты попытки, несмотря ни на что, прийти к какому бы то ни было союзу или дружескому сотрудничеству с русскими. Он сказал, что, как и после русско-японской войны, эта задача может оказаться более легкой, чем мы думали. Он уже склонил Верховное командование к идее помочь русской железнодорожной сети заработать скорее и, если возможно, направить для этой цели в помощь русским офицеров из транспортного управления Генерального штаба. В более отдаленном будущем Император также надеется установить близкие коммерческие отношения с Россией⁴⁴.

Лерснер

94

Статс-секретарь — Офицеру связи МИДа при Главной штаб-квартире

Телеграмма № 1925

AS 4486

Берлин, 3 декабря 1917 г.

Распад Антанты и последующее создание благоприятных для нас политических комбинаций составляют сейчас наиболее важную военную цель нашей дипломатии. Россия оказалась слабейшим звеном во вражеской цепи — поэтому задача состоит в ее постепенном ослаблении и, если возможно, удалении. В этом был смысл нашей подрывной деятельности, которую мы проводили в русском тылу, и, прежде всего, содействуя в первую очередь сепаратистским тенденциям и поддерживая большевиков.

Только когда большевики получили от нас по различным каналам и под разными вывесками устойчивую и постоянную денежную помощь, они смогли создать свой основной орган «Правду», проводить активную пропаганду и заметно расширить первоначально узкую базу своей партии. Теперь большевики пришли к власти; как долго они ее удержат — предвидеть трудно. Чтобы упрочить свои позиции, им нужен мир; со своей стороны, мы должны максимально использовать в наших интересах время (возможно, очень непродолжительное), пока они у власти, и добиться сначала прекращения огня, а затем, по возможности, и заключения мирного договора⁴⁵.

Соглашение о сепаратном мире означало бы достижение желаемой военной цели, а именно — разрыва между Россией и ее союзниками. Степень напряженности их

отношений, неизбежно вызванной таким разрывом, определит и степень зависимости России от Германии и будущие отношения с нами. Отвергнутая бывшими союзниками, остро нуждающаяся в деньгах, Россия будет вынуждена искать нашей поддержки. Мы сможем ей помочь различными способами. Во-первых, восстановление железных дорог (я имею в виду немецко-русскую комиссию под нашим контролем, которая наладит рациональное использование железнодорожных линий, чтобы обеспечить скорейшее возобновление грузовых перевозок). Затем — предоставление существенного займа, который требуется России для нормального функционирования государственного аппарата. Это может быть сделано в форме аванса под зерно, сырье и т. д. и т. д., которые затем должны быть поставлены Россией под контролем вышеназванной комиссии. Помощь на такой основе, масштаб которой может быть по необходимости увеличен, по моему мнению, приведет к растущему гарроchement⁴⁶ между двумя сторонами.

Австро-Венгрия будет смотреть на гарроchement с недоверием и опаской. Стремление графа Чернина поскорее прийти к соглашению с русскими я бы объяснил желанием опередить нас и помешать Германии и России прийти к прямым контактам, неудобным для придунайской монархии. Нам нет необходимости соперничать ради доброго отношения России. Мы достаточно сильны, чтобы спокойно и достойно ждать. По сравнению с Австро-Венгрией у нас гораздо более выгодное положение, так как мы можем предложить России то, что ей нужно для реконструкции своего государства. Меня не тревожит перспектива развития событий на Востоке, но я считаю целесообразным впредь соблюдать известную сдержанность по отношению к правительству Австро-Венгрии во всех делах (включая польский вопрос, который касается обеих монархий), чтобы иметь свободу действий в случае всяких неожиданностей.

Осмелюсь верить, что вышеизложенные соображения находятся в рамках директив, данных мне Его Величеством. Прошу соответственно доложить Его Величеству и телеграфировать мне высочайшие инструкции.

Кюльман

98

Посланник в Берне — в МИД

Телеграмма № 1949

AS 4636

Берн, 5 декабря 1917 г.

Отправлена 6 декабря, 12.40 ночи.

Принята 5.20 утра.

Вниманию г-на фон Бергена

Байер достаточно здоров, чтобы выехать в субботу, самое позднее в воскресенье. Прошу срочно сообщить, желательна ли эта поездка⁴⁷. Учитывая неожиданно сильный эффект, произведенный здесь широко опубликованным интервью

в «Freie Presse»⁴⁸, я считаю, что Байер, при том сильном влиянии, которое он оказывает на большевиков, сможет активно противодействовать враждебному использованию этого материала, который, конечно, сразу же был распространен всеми имеющимися средствами.

Ромберг

99

A 40975

Депутат Эрцбергер — Статс-секретарю
Берлин, 7 декабря 1917 г.

Ваше превосходительство.

Имею честь приложить копию доклада, который только что поступил от д-ра Цизе в Стокгольме.

Ваш, и пр. Эрцбергер

Текст доклада:

Стокгольм, 5 декабря 1917 г.

По последним сообщениям из Петрограда, Ленин и Троцкий собираются наказать тех русских посланников за границей, кто не признает большевистского правительства, прежде всего прекращением субсидий. Такая мера скажется на аккредитованных посольствах не только в странах Антанты, но и в нейтральных государствах.

Гулькевич, здешний русский посланник, также перестал получать деньги. Эти люди, таким образом, оказались в сложной ситуации. Они не могут оплачивать штат прислуги, и никто не предоставляет им кредита. Скоро возникнет чрезвычайная ситуация, так как Ленин и Троцкий начнут посылать новых своих представителей в нейтральные страны. Если их не будут признавать, Троцкий намерен ответить непризнанием представительств соответствующих стран в Петрограде. Для нас это было бы несчастьем, так как нам очень выгодно, чтобы нейтральные посланники в Петрограде продолжали свою деятельность. Шведская миссия, в частности, активно представляет немецкие интересы. Нам есть смысл поддержать правительство большевиков, поскольку оно, стремясь к миру, действует в том же направлении, что и мы. Поэтому было бы хорошо, если бы мы могли убедить нейтральные правительства признать правительство большевиков и их посланников в своих странах как можно быстрее. Я просил бы рассмотреть этот вопрос со всей серьезностью и, по возможности, без промедления; он представляется мне крайне важным еще и потому, что эта мера значительно упрочит положение большевиков в России⁴⁹.

Обстановка в самой России неопишима. Образовалось множество независимых республик, и последняя новость — возникают уже немецкие республики военнопленных. В некоторых местах, где были расположены лагеря военноплен-

ных, хаос и беспорядок позволили пленникам взять управление и организацию питания в свои руки, и сейчас они кормят не только себя, но окрестные деревни. Русские крестьяне чрезвычайно довольны таким оборотом дела и вместе с пленными образовали что-то вроде республиканского правления, которое возглавляют немецкие пленные. Это можно назвать новым явлением в мировой истории. Поистине, Россия еще в большей степени, чем Америка, страна неограниченных возможностей.

100

Посланник в Стокгольме — в МИД

Телеграмма № 1987

А 41289

Отправлена 8 декабря 1917 г., 11.55 ночи.

Принята 9 декабря, 2 утра.

Только что имел беседу с Воровским, который производит впечатление честного и разумного человека. Он считает, что его правительство вынуждено считаться с внутренней политической оппозицией и именно поэтому приглашает союзников участвовать в переговорах; лишь в случае их отказа сепаратный мир будет оправдан. Но приглашения этого рода, сказал он, носят такой же платонический характер, как и призывы к народам устраивать у себя революции. Если они останутся без ответа, Россия, вероятно, пойдет на прямые переговоры о сепаратном мире. Вопрос о мире станет, возможно, темой обсуждения на первой сессии Учредительного собрания 11 ноября и, скорее всего, приведет к ожесточенному столкновению с кадетами. Если методика переговоров не будет согласована на фронте, он готов предложить правительству свой практический вариант. Я объяснил ему, что в связи с возможными попытками саботажа или откладывания переговоров, лишь деловая и конкретная договоренность на правительственном уровне может оказаться результативной. Он все еще носитися с идеей межпарламентской конференции, поскольку считает, что такая конференция произведет необходимый эффект среди западных стран. В то же время он признает, что это может затянуть дело и повредить общему результату. Он считает, что его правительство предпочтет вести переговоры в какой-либо нейтральной стране, а не во фронтовой атмосфере. *Ризлер.*

*Люциус**Примечание.*

Телеграфируйте Люциусу немедленно⁵⁰, что он должен настаивать перед Воровским на Бресте, как единственно возможном месте для предварительных переговоров о мире, так как там все готово. Выбор нейтрального места удлинит переговоры и поставит бесконечные вопросы международного этикета.

Предварительный мир можно заключить очень быстро, заодно договорившись о методе и месте дальнейших детальных переговоров, для которых я согласен на нейтральную страну. Если возможно личное участие Троцкого и Ленина, я сам приеду на переговоры, и это будет гарантией быстрого соглашения. Попросите Люциуса продолжать энергично работать по направлениям, указанным в сегодняшней телеграмме. Межпарламентская конференция невозможна в настоящий момент и приведет к провалу усилий по достижению мира.

Кюльман

103

Посланник в Стокгольме — в МИД

Телеграмма № 2011

A 41669

Отправлена 12 декабря 1917 г., 1.45 дня.

Принята 12 декабря, 7.52 вечера.

Ответ на телеграмму № 1684⁵¹.

Задание выполнено. Воровский срочно отправил послание в Петроград, но еще не получил шифровку; время доставки его сообщения неясно. Если ответ придет (одно слово неразборчиво. — *Ред.*), я советую предложить те же меры на переговорах по прекращению огня. *Ризлер.*

Люциус

108

Помощник статс-секретаря — Посланнику в Копенгагене

Телеграмма № 966

AS 4929

Берлин, 17 декабря 1917 г.

Парвус должен прибыть сюда немедленно и по приезде позвонить Вашему превосходительству⁵². Пожалуйста, убедите его в необходимости, используя влияние на своих друзей, помочь в мирных переговорах, которые начнутся через несколько дней.

По сообщению надежных источников, большевики борются против нарастающих внутренних проблем и поэтому заинтересованы в укреплении своих позиций путем скорейшего заключения мира.

Буше

109

Посланник в Стокгольме — в МИД

Телеграмма № 2065

AS 5008

Отправлена 18 декабря 1917 г., 7.15 вечера.

Принята 18 декабря, 9.55 вечера.

Парвус хотел бы, если обстоятельства позволят, остаться здесь на Рождество. Он хочет встретиться с Радеком и Фюрстенбергом, которые вернутся из Петрограда. Телеграфируйте инструкции. *Ризлер.*

Люциус

110

Помощник статс-секретаря — Посланнику в Стокгольме.

AS 5008

Берлин, 19 декабря 1917 г.

Ответ на телеграмму № 2065.

Ризлеру. Мне кажется целесообразным убрать Парвуса из Стокгольма из-за мирных переговоров, которые начнутся через несколько дней. Еще раз попросите его приехать сюда через Копенгаген.

Буше

111

Советник миссии в Стокгольме — Советнику Бергену

AS 5133

24 декабря 1917 г.

Дорогой г-н фон Берген.

После нескольких неудачных попыток купить билет Парвус сегодня выезжает. Я посылаю сообщение о той роли, которую он играет в последнее время.

Сейчас, когда наши интересы опять совпадают, его значение велико, и я бы рекомендовал Вам, конфиденциально и по-дружески, просить его содействовать нам в Берлине, особенно по румынскому вопросу (будущая роль Раковского и т. д.). Он действительно выдающийся человек, и у него масса прекрасных идей. Может оказаться, что скоро нам будет смысл строить свою русскую политику, опираясь на более широкие круги, чем те, которые представляет Ленин. И в этом случае он для нас очень нужен.

Он не должен подозревать, что мы просто хотим убрать его отсюда.

Я не имею ничего против его возвращения, особенно, если дела в Бресте пойдут хорошо. Но считаю, что мы могли бы пользоваться его услугами целесообразнее, так как Стокгольм скоро перестанет играть такую важную роль в делах с Россией из-за плохой связи с Петроградом и при условии, если все будет нормально в Бре-

сте. Будем на это надеяться. Отсюда судить трудно, но кажется, что Радек и другие плетут какие-то свои революционные интриги.

С наилучшими пожеланиями и счастливого Рождества.

Ваш Ризлер

Приложение: секретное сообщение.

Приехав сюда в середине ноября, Парвус поначалу, конечно, поверил в возможность и необходимость конференции социалистов. Предложение Дании по созыву такой конференции, которое было безрезультатным и уже забыто, должно быть, является следствием его активности. То же можно сказать и об идее содействия немецких социал-демократов созыву конференции. Различные аспекты деятельности Парвуса здесь не очень ясны. Кроме желанья созвать конференцию социалистов, он также надеялся, что переговоры можно было бы провести здесь или в Копенгагене, с тем чтобы, используя свое влияние, мог контролировать их с обеих сторон. Насколько велико его влияние на русских социалистов, также неясно. Он сам вначале с нетерпением ожидал новостей на эту тему. Сейчас он полагает, что Троцкий открыто и активно против него, Ленин — нейтрален, а настроения меньшинства — на его стороне.

Его мысли о Троцком верны, но Ленин, может быть, и против него. Парвус может преувеличивать свое влияние на других, как он переоценил доверие к нему Воровского и Радека. Он считает, что ни один из них не делает ни шага без него. Я понял, что он полностью ошибается в таком предположении. Воровский очень подозрителен по отношению к нему и говорит, что фактически никто не доверяет ему. Д-р Гельфанд сейчас работает над упрочением своего положения в России с помощью «младшего офицерского состава», в обход Ленина и Троцкого, и даже вопреки им, если это необходимо.

При таких обстоятельствах, сохраняя взаимодоверие, я изолировал его от всех дел, связанных с ведением переговоров.

По всем другим вопросам, где наши интересы совпадают, он чрезвычайно полезен своими огромными политическими возможностями, исключительными знаниями революционной России и силой своей личности. Его советы и помощь могут оказать неоценимые услуги.

120

Посланник в Москве — Канцлеру

Доклад № 9

А 19757

30 апреля 1918 г.

В руках большевиков Москва, святой город, воплощение царской власти, главная обитель православной церкви, представляет сегодня ярчайший образец развала вкусов и стилей — как следствие революции⁵³.

Каждый, кто видел столицу в дни славы, едва ли ее узнает. Во всех частях города, особенно в центральной, торговой, — бесчисленные следы пуль на стенах и окнах, как свидетельство боев за власть.

Знаменитый отель «Метрополь» пострадал от артиллерийских снарядов, и даже Кремль ужасно поврежден. Его многочисленные ворота разбиты; Иверские ворота разрушены частично и заколочены досками.

На улицах многолюдно, но они кажутся заполненными исключительно пролетариатом. Редко можно встретить хорошо одетых людей, как будто весь правящий до этого класс и буржуазия исчезли с лица земли. Может быть, это следует объяснить их желанием внешне вписаться в сегодняшнюю обстановку, чтобы не возбуждать и не провоцировать непредсказуемую публику, ныне правящую городом. Исчезли с улиц и православные священники, которые обычно встречались в большом числе.

В магазинах ничего нельзя купить, кроме остатков бывшего великолепия, но по фантастическим ценам. Отличительная черта всей картины — общее нежелание работать и бесцельное шатание по улицам⁵⁴. Так как фабрики бездействуют, а земля, несмотря на все намерения и желания, не обрабатывается — такое впечатление сложилось у меня за время поездки — Россия, кажется, движется к еще большей катастрофе, чем та, которая явилась результатом революции.

Общественная безопасность оставляет желать много лучшего. Сейчас можно передвигаться безопасно и одному только днем, но и тогда слышны выстрелы, непрерывно происходят всяческие столкновения, вечерами выходить опасно.

Класс собственников переживает ужасное время; появится указ правительства — и они будут лишены всего состояния. Зловещий указ о реквизиции, который гонит собственников на улицы, можно видеть почти на всех дворцах и частных домах.

Отчаяние бывшего правящего класса безгранично, но у него уже нет сил⁵⁵ остановить организованную травлю.

Призыв к консолидации обращен к нижним слоям населения; чувство собственного бессилия заставляет надеяться на спасение со стороны Германии⁵⁶.

Те, кто были раньше нашими ярыми противниками, теперь видят в нас если не ангела-спасителя, то, по крайней мере, «полицейского констебля-заступника».

Повышение цен на продукты очень существенно, но карманы пролетариата набиты миллиардами рублей, напечатанных Керенским. Плохо живется лишь бывшим собственникам. Повсеместно введен восьмичасовой рабочий день. Минимальная зарплата прислуге установлена в 200 рублей в месяц плюс питание и проживание.

Верховенство большевиков в Москве поддерживается в основном Ливонским батальоном; многочисленные автомобили, реквизируемые правительством, непрерывно кружат по городу и при необходимости могут доставить войска на место опасности.

Трудно предугадать, куда приведет такая ситуация. Можно лишь сказать, что она не сулит ничего хорошего.

123

Посланник в Москве — в МИД

Телеграмма № 78

А 19966

Отправлена 10 мая 1918 г., 11.59 вечера.

Получена 11 мая, 2.10 ночи.

Я слышал из надежного, но еще не проверенного источника, что вчера здесь представители стран Антанты во главе с французскими дипломатами одобрили ультиматум Советскому правительству, который они вручили сегодня. В этом ультиматуме Антанта официально предлагает даже сейчас снабжать Россию продуктами, вооружением и сырьем с целью продолжения войны против Германии. Кроме того, в документе выражена готовность признания Советского правительства странами Антанты в случае всеобщей мобилизации в России.

Карахан и Радек не сообщили мне об этом вероятно потому, что официальная точка зрения станет известна лишь сегодня вечером. Производство всех дел миссий стран Антанты переведено сюда из Вологды; здешние дипломатические представители получают инструкции прямо от своих правительств.

Наиболее благоразумные из большевистских лидеров все еще пытаются успокоить тех, кто обеспокоен продвижением белогвардейцев на Юге и событиями на Украине. Однако, несмотря на огромные проблемы большевистского правительства и сложности ситуации на Юге, маловероятно, чтобы возникли какие-либо неожиданности.

Я слышал, что представители стран Антанты сегодня вечером настойчиво пытались встретиться с Свердловым с важными предложениями об организации поставок продовольствия из Сибири. Кроме того, сегодня же вечером в полном соответствии с мерами, предлагаемыми Антантой, небольшевистские социалистические партии предложили забыть прошлое и сотрудничать с большевиками ради спасения России. Я продолжаю скрытые попытки противодействовать обоим предложениям.

Мирбах

124

Посланник в Москве — в МИД

Телеграмма № 96

А 20377

Отправлена 13 мая 1918 г., 6.50 вечера.

Принята 13 мая, 9.00 вечера.

Продолжение телеграммы № 78.

Судя по мнениям, взаимоотношениям и расстановке сил и влияниям различных политических группировок, а также исходя из общей ситуации, дальнейшее

пробывание большевиков у власти все еще в наших интересах. В действиях большинства партий просматривается намерение избавиться от большевиков. Если это произойдет, то все их преемники с помощью Антанты будут стремиться к воссоединению с отделившимися территориями, особенно с Украиной, а также к пересмотру Брестского договора. Неосмотрительное действие с нашей стороны повернет большевиков к соглашению с Антантой, а в случае их падения — к преемникам, к ней благосклонным.

В случае разрыва отношений с нами (что едва ли тогда можно будет избежать), ведущую роль в политическом и экономическом развитии России станет играть Антанта. Насколько можно судить отсюда, в наших интересах было бы продолжать обеспечивать большевиков необходимым минимумом продуктов и помочь им удержаться у власти.

Несмотря на все декреты большевиков, с ними возможно прийти к какому-нибудь соглашению, так как они сейчас, как ни странно, более открыты к сотрудничеству в экономике. По крайней мере, можно сейчас что-то предпринять с перспективой на будущее.

Мирбах

127

Посланник в Москве — Канцлеру

Доклад № 61

А 21421

16 мая 1918 г.

Сегодня у меня была довольно продолжительная беседа с Лениным об общественной ситуации.

Вообще Ленин искренне верит в свою счастливую звезду и неоднократно выражает свой безграничный оптимизм достаточно убедительно. Однако он признает, что, хотя большевики держатся прочно, число их противников растет, а обстановка требует большего напряжения и бдительности, чем еще месяц назад.

Его убежденность состоит в том, что правящая партия — единственная, имеющая за собой организационную силу, в то время как другие лишь смыкаются в оппозиции к этой партии, а вне ее расходятся по многим направлениям, и за ними не стоит сила, равная большевикам⁵⁷. В какой-то степени это верно, но тон, которым Ленин говорит о слабости своих противников, показывает, что он их недооценивает.

В остальном Ленин признает, что противники в настоящее время необязательно появляются среди правых партий. Их можно найти и в его собственном лагере, где образуется некое левое крыло. Основной аргумент оппозиции внутри его партии тот, что Брест-Литовский мир, который он намерен упорно защищать, был ошибкой. Все

больше и больше русских территорий оккупируется; мир с Финляндией и Украиной еще не ратифицирован, голод в стране разрастается. Короче, очевидно, что до настоящего мира еще далеко.

Он признал, что, к сожалению, недавно произошедшие события справедливо вызвали нападки оппозиции. Поэтому все свои усилия он направляет на скорейшее прояснение обстановки на севере и юге⁵⁸, особенно на мирное разрешение проблем, связанных с Хельсинки и Киевом, причем рассчитывая на наши влияние и помощь⁵⁹.

У меня не сложилось впечатления, что Ленин хотел дать понять, что если сегодняшняя ситуация сохранится, то ему придется обратиться к другим странам. Но сложность своего положения он охарактеризовал весьма убедительно⁶⁰.

Мирбах

128

Посланник в Москве — в МИД

Телеграмма № 122

A 20991

16 мая 1918 г.

Отправлена 17 мая, 10.30 вечера.

Принята 18 мая, 1.25 ночи.

Согласно надежному источнику, обстановка в Петрограде опять неопределенна. Полагают, что Антанта тратит огромные суммы, чтобы провести к власти правое крыло социал-революционеров (эсеров) и возобновить военные действия. Матросы на военных кораблях «Республика» и «Заря России», а также на крейсере «Олег», подкуплены; то же говорят о бывшем Преображенском полке. Запасы оружия на оружейных заводах Сестрорецка находятся в руках социал-революционеров.

Большевики не могут найти штаба этой хорошо организованной партии. Передают, что она вступила в переговоры с Дутовым и Сибирским движением. Здесь также возросла агитация. Я все еще стараюсь противодействовать усилиям Антанты и поддерживать большевиков. Был бы признателен за инструкции по поводу того, оправдано ли в такой обстановке увеличение сумм на проведение политики в наших интересах и какое направление поддерживать, когда большевики потеряют власть. Если большевики падут, их преемники (одно слово неразборчиво. — *Ред.*) Антанте наиболее вероятно.

Мирбах

129

Статс-секретарь — Посланнику в Москве

Телеграмма № 121

А 20991

Берлин, 18 мая 1918 г.
Ответ на телеграмму № 122.

Пожалуйста, располагайте большими суммами, так как мы крайне заинтересованы в том, чтобы большевики устояли. В Вашем распоряжении фонды Ризлера. Если нужно — телеграфируйте, сколько требуется. Отсюда трудно посоветовать, какое направление поддержать в случае падения большевиков. При сильном нажиме левые социал-революционеры падут вместе с большевиками. Это две партии, которые основывают свое положение на Брест-Литовском мирном договоре. Партия кадетов — антигерманская. Монархисты также стоят за пересмотр Брестского мира. Нам нет смысла поддерживать их идеи, направленные на воссоединение России. Напротив, мы должны всячески мешать консолидации России и, следовательно, укреплять партии наиболее левых.

Кюльман

131

Посланник в Москве — в МИД

Телеграмма № 233

А 23614

Отправлена 3 июня 1918 г., 5.41 вечера.
Принята 4 июня, 3.20 ночи.

Ввиду сильного противодействия Антанты, требуется 3 000 000 марок в месяц. Если наша политическая линия изменится, могут понадобиться еще большие суммы.

Мирбах

132

Советник миссии в Москве — Посланнику Бергену
4 июня 1918 г.

AS 2655

Дорогой г-н фон Берген.

За последние две недели обстановка быстро ухудшается. Наблюдается голод, сопровождающийся террором. Давление, оказываемое бронированным кулаком большевиков, огромно. Людей тихо убивают сотнями. Все это само по себе неплохо, но сейчас уже нет сомнения, что насильственные методы, которыми большевики удерживали свою власть, себя исчерпывают.

Заканчивается бензин для автомашин; даже латышские стрелки—шоферы не надежны, не говоря уже о крестьянах и рабочих. Большевики сильно нервничают, чувствуя приближение конца, и, как крысы, начинают покидать тонущий корабль. При этом никто не скажет, как они поведут себя, если их агония продлится еще несколько недель. Возможно, они попытаются бежать в Нижний Новгород или Екатеринбург или попросят нас убраться, чтобы нарушить Брестский договор, тем самым отказавшись от компромиссов с империализмом и успокоив свою революционную сознательность. Эти люди совершенно непредсказуемы, особенно в отчаянии.

Кроме того, они уверены: все более «откровенный военный диктат» Германии порождает усиливающуюся оппозицию — как результат дальнейшего продвижения на восток — что неизбежно приведет к контрреволюции. Сокольников недавно писал на эту тему — очевидно, на основе докладов Иоффе.

Террор дает лишь временные результаты; говорят, на столе у Карахана имеется оригинал Брестского договора за подписью германского императора, который он собирается при бегстве взять с собой, в Америку и продать как можно выгоднее.

Вопли буржуазии о поддержке Германией большевиков не должны нас трогать, но, тем не менее, мы не можем не считаться с явной возможностью восстановления порядка в России с помощью Антанты.

Здесь стоят чехословацкие войска. Англичане и французы — в Архангельске и Массау; у них есть ассоциации офицеров, партийные организации.

Окончание большевистского террора позволило бы стране решить ряд экономических проблем, а открытие банков и свободной торговли значительно бы облегчило обстановку. Если такое произойдет, то киевские кадеты и Скоропадский отбросят последние украинские «завесы» и объединятся с Великой Русью.

Тогда мы окажемся в сложном положении и будем вынуждены либо выступить своими несколькими дивизиями против образовавшейся силы, либо отступить перед ней. Разумеется, все это мы должны предвидеть.

Конкретно: мы должны «свить нити» до Оренбурга и Сибири через голову генерала Краснова, скрытно держать наготове кавалерию, нацеленную на Москву, и быть готовыми к любой случайности; формировать здесь новое правительство, с которым можно было бы сотрудничать, глубже проникать в ряды кадетов (чтобы при необходимости их скомпрометировать), наконец, пересмотреть условия Брестского мира в сторону первостепенного в целом развития экономики России, ее воссоединения с Украиной; при этом из Эстонии и Литвы необходимо сделать нечто, что можно было бы потом опять—таки продать России.

Способствовать восстановлению будущей империалистической России — задача не из приятных, но такой ход, видимо, неизбежен, ибо из—за нестабильности в

Раде (так это всем здесь представляется) идея устойчивой независимой Украины — фантазия, так как, несмотря ни на что, жизнеспособность русской души — неисчерпаема. Украина падет при большевиках.

Fait accompli [свершившийся факт (*фр.*)] династии в Киеве может несколько продлить жизнь этого искусственного государства, но не более. Что касается моей работы здесь, то замечу, что аппарат наших единомышленников, действующих в различных сферах, огромен и требует больших затрат; наши девальвированные рубли тают очень быстро.

Пожалуйста, простите за столь личностное излияние о хаосе, который отсюда кажется непреодолимым.

С наилучшими пожеланиями.

Ваш Ризлер

P. S. 4 июня.

Сегодня все представляется не таким уж мрачным. Террор оказывает свое воздействие и, вероятно, серьезно повредил готовящемуся заговору. Голод становится все более угрожающим, а так как, полагают, на юге много зерна, то нас обвиняют — и не без доли основания — в недостатке хлеба, бензина, угля. У нас еще есть шесть–восемь недель, чтобы решить, оставлять ли рискованное для нас и благоприятное для Антанты состояние хаоса, в результате чего мы терпим экономические убытки, или, ради использования природных ресурсов и т. п., пойти на образование буржуазного режима, с которым мы можем договориться.

Ризлер

133

Статс–секретарь МИДа — Министру финансов
Берлин, 8 июня 1918 г.

AS 2526

Дорогой Редерн.

Для Вашей личной и конфиденциальной информации я прилагаю меморандум, из которого Вы узнаете обо всех последних изменениях. Я отправлю официальное заявление без объяснения причин — как только получу в принципе Ваше согласие. Поскольку вопрос очень важен, был бы признателен за скорейший положительный ответ.

Ваш Кюльман

Приложение: меморандум для статс–секретаря. Обсудить с графом Редерном.

Берлин, 5 июня 1918 г.

Последние усилия Антанты убедить рабочие Советы принять ее требования об изменении ориентации России привели к тому, что граф Мирбах вынужден был потратить значительные суммы, для того чтобы воспрепятствовать принятию соответствующей резолюции.

Большевики пока воздерживаются от принятия условий Антанты, но каждый день возможны сюрпризы. Социал-революционеры полностью продались Антанте, которая с помощью чехословацкого корпуса пытается подорвать власть большевиков. Пока большевикам удалось приостановить атаку этого корпуса. Последующие несколько месяцев будут заняты внутренней политической борьбой. Это может привести даже к падению большевиков, что возможно, если учесть, что один-два большевистских лидера уже собираются бежать.

Пока большевики у власти, мы будем стараться использовать все имеющиеся средства удержать их в нужном направлении, несмотря на суровые испытания и трудности, которые налагают на них наши требования (Эстония, Ливония, Кавказ, Крым и т. д.). Это потребует денег, вероятно, много денег. С другой стороны, поскольку мы считаемся с возможностью лишения большевиков власти, нам нельзя разрывать отношения с другими партиями. Наоборот, нам нужно обеспечить себе как можно более безболезненный переход на случай падения большевиков.

Граф Мирбах сообщил, что ему теперь понадобится 3 миллиона марок в месяц для затрат на эту деятельность. В случае изменения политики может понадобиться сумма в два раза больше. Фонды, которыми мы располагали до сих пор в России, исчерпаны. Поэтому необходимо, чтобы секретарь Имперского министерства финансов выделил в наше распоряжение новые фонды. Исходя из описанных выше условий, эти фонды должны составить по меньшей мере 40 миллионов марок.

*Траутман*⁶¹

134

Первый генерал-квартирмейстер — Статс-секретарю
Генштаб, 9 июня 1918 г.

A 252028

Позвольте мне, Ваше превосходительство, выразить свой взгляд на наше военное и политическое положение на Востоке. Из-за нехватки людей нам пришлось еще больше сократить свои дивизии. Они достаточно сильны, чтобы выполнять свои оккупационные функции, но если ситуация на Востоке ухудшится, этой силы будет недостаточно. В любом случае из-за неясной политики слабого Советского правительства нам нужно искать других союзников на Востоке. На севере у нас Финляндия, которая укрепила свое военное положение в результате нашего вторжения, завершеного с одобрения Вашего превосходительства. Там мы можем рассчитывать на значительную военную поддержку, что бы ни случилось.

Украина еще не создала своей армии. Украина очень важна для нас как источник сырья. С военной точки зрения есть оправдания тому, что мы используем там свои войска; другая позиция была бы ошибочной.

В Грузии, как и в Финляндии, есть возможность подкрепить наши военные силы; нам нужно организовать грузинскую армию, поэтому необходимо признать и защищать грузинское государство. В этом случае нужно учитывать этический момент. Грузия — христианское государство, чьи надежды мы питали в течение довольно длительного времени.

Признание Грузии Германией и ее защита обеспечат в то же время безопасность Грузии от Турции. Иначе ее проблемы никогда не кончатся. Прошу Вас проверить истинные полномочия М. Ченкели, пока он у Вас, и проводить в отношениях с ним предложенную мною тактику, для того чтобы Грузия, как и Финляндия, поддержала наши военные усилия. Нельзя откладывать принятие решений до появления первых сообщений генерала Кресса⁶². Если Грузия станет нашим аванпостом, можно надеяться на постепенное установление спокойствия на всей территории Кавказа, и мы сможем брать оттуда так необходимое нам сырье.

Я бы хотел подчеркнуть, что Турцию нельзя не принимать во внимание, что мы должны учитывать ее интересы. Для них очень важна железнодорожная ветка от Батуми через Тифлис в Джульфу. Турции необходима безопасность этой ветки для транспортировки войск. Мы не должны отказываться от контроля Германии над линией Тифлис—Баку.

Турция обязана уступить нам. Кроме того, Баку нельзя отдавать Турции. Генералу Крессу следует вначале узнать, какова обстановка в армянской и татарской частях Кавказа. Основным принципом должно стать то, что Турция не имеет права препятствовать нашей деятельности по созданию грузинской армии и снабжения Германии кавказским сырьем.

Если бы турки заняли линию Тифлис—Баку или сам Баку, это привело бы к расстройству местной нефтяной промышленности и могло бы расцениваться как враждебный по отношению к нам акт. Из всего этого следует, что мы можем надеяться на военную поддержку на Востоке со стороны Финляндии и Грузии. Но этого недостаточно. Нам нужно также войти в контакт с кавказскими казаками, которые пытаются вырваться из объятий большевиков. Шагом в этом направлении было бы возвращение казакам оружия, но с гарантией того, что оно не будет использовано против нас.

Считаю, все, что необходимо для нас в военной области на Востоке, сделано. Чего нельзя сказать о политике. В этом плане я смотрю на бесчестные усилия Советского правительства с большим недоверием. Я уже несколько раз высказывал свое мнение Вашему превосходительству. Прилагаемая телеграмма показывает действия этого правительства в чрезвычайно невыгодном свете.

Я также хотел бы напомнить о вопросах, связанных с военнопленными, с поддержкой Советским правительством Красной Армии в Финляндии, предпочтительном отношении к Антанте на Мурманской железной дороге, нахождением кораблей в Но-

вороссийске и восстановлением экономических связей с нами. Особенно раздражает позиция Советского правительства по отношению к чехословацким, сербским и румынским войскам, хотя Иоффе отрицает такую точку зрения. Вместо согласованного разоружения Советское правительство либо разоружает их, либо разрешает им продолжать свои действия и даже бороться с нами на Украине, чтобы они могли пробиться к Мурманской железной дороге и уйти на Дальний Восток. Оттуда, полагает Советское правительство, они могут перебраться во Францию и бороться с нами. Это отвечает планам Антанты — занять Мурманскую и Западно-Сибирскую железные дороги с помощью этих войск и диктовать России свои условия.

Неожиданно Советское правительство прямо заявило, что чехословацкие войска намерены разоружиться, и, таким образом, ложь стала очевидной.

Хочу заметить, что притязания Советского правительства, всегда протестовавшего против нашего продвижения, возросли, как только оно узнало, что мы не будем пересекать демаркационную линию. Это правительство сейчас относится к нам так же, как и в начале переговоров в Бресте. Оно медлит со всеми важными для нас решениями и делает все возможное против нас.

Нам нечего ожидать от такого правительства, хотя оно живет только за наш счет. Оно является для нас постоянной угрозой, которая может быть устранена, если оно безусловно признает наше превосходство, станет управляемым из-за страха перед Германией и будет постоянно беспокоиться за само свое существование. Поэтому, на мой взгляд, необходима очень жесткая и бескомпромиссная политика в обращении с этим правительством.

Нам нужно предвидеть, чтобы наши требования, вытекающие из нашего сегодняшнего положения, очень быстро менялись во избежание каких-либо неприятных неожиданностей на Востоке.

Советское правительство еще ничем не доказало, что оно может управлять своей территорией. Пока оно только разрушает и резко продвигается в своей политике вправо. Нам следует иметь в виду, что сейчас нет достаточно сильных общественных движений, выступающих против Советского правительства. И хотя теперь мы ведем официальные переговоры лишь с Советским правительством, мы не должны игнорировать другие движения в России, чтобы не оказаться вдруг выброшенными на берег. Мы не можем полагаться на эмиссаров Керенского, так как они направляются Антантой. Нам нужно устанавливать контакты с правыми монархистами и направлять их деятельность, чтобы использовать это в случае их прихода к власти.

По сообщению из надежного источника, Антанта уже пообещала свою поддержку монархистам через посланника Ноуленса на встрече консерваторов и предложила создать конституционную монархию. Предложение было вежливо принято, но ответа еще не последовало.

В экономике нам следует четко прийти к соглашению с народами России, иначе Советское правительство будет и дальше требовать изменений условий Брестского мира. Экономические соглашения на Востоке должны ослабить влияние Антанты, направленное на бойкотирование Германии.

Это значительно упрочит позицию на будущих мирных переговорах, а также во всем мире.

Людендорф

135

AS 2667

Министр финансов — Статс-секретарю в МИДе
Берлин, 11 июня 1918 г.

Дорогой Кюльман.

В ответ на Ваше письмо от 8 июня, в котором Вы прислали меморандум, относящийся к AS 2562⁶³, сообщаю о согласии поддержать Ваше заявление и выделить в Ваше распоряжение на известные цели 40 миллионов марок⁶⁴.

Редерн

136

AS 2936

Посланник в Москве — Статс-секретарю
25 июня 1918 г.

Дорогой шеф.

Сегодня я хотел бы воспользоваться Вашим предложением изредка писать Вам лично. Хочу кратко суммировать некоторые моменты здешней обстановки. Постараюсь свести их все в одно письмо, хотя определенная информация уже звучала в других сообщениях.

За два месяца очень внимательных наблюдений я не могу более положительно оценивать большевиков. Вне сомнений, мы стоим у постели опасно больного человека, который изредка еще может вводить в заблуждение своим состоянием, но по большому счету это — мертвец.

Безотносительно к тому, что большевизм совершенно определенно и добровольно падет жертвой процесса внутренней дезорганизации, которая буквально уничтожает его, очень многое сейчас безостановочно работает на приближение его конца и на подготовку послушных преемников. Поэтому однажды нам придется столкнуться с одним из наиболее нежелательных явлений, а именно: социал-революционеры, финансируемые Антантой и оснащенные оружием Чехословацкого корпуса, совершенно открыто повернут Россию в ряды наших врагов. (Конечно, с военной точки зрения, это не так страшно, но совершенно нежелательно с политической и экономической.)

Теперь предположим, что большевизм пал. В этом случае, я считаю, нам нужно обеспечить заполнение образовавшегося в результате вакуума режимом, который бы соответствовал нашим планам и желаниям, а это необязательно означает немедленную реставрацию монархии. Предпосылки для этого есть. До некоторой степени они пока скрыты, но их можно вызвать к более активному проявлению в любой момент.

В нашем распоряжении представители различных заинтересованных партий. Прежде всего, это в узком смысле слова монархисты, с которыми следует считаться, потому что они — единственный доступный и устойчивый рычаг при всех возможных комбинациях, на которые нельзя ссылаться. Они слишком беспорядочны и слишком ленивы, в основном заинтересованы лишь в том, чтобы с нашей помощью вернуть себе свою прежнюю безопасность и комфорт.

Необходимое для нас ядро должно состоять из умеренных правого крыла, октябристов и кадетов (из последних — наиболее левых). Такая комбинация позволит нам иметь большой процент влиятельных людей из мира промышленников и банкиров, которые будут служить нашим интересам.

Такой блок, уже достаточно сильный, можно в дальнейшем укрепить, если вовлечь в него сибиряков, хотя это действительно наша самая сложная проблема. Далее, уже на основе минеральных ресурсов Сибири, появятся иные перспективы. И в этой связи я пошел бы еще дальше, имея в виду почти неограниченные возможности развития Дальнего Востока.

Если здесь изменится ориентация, нам не придется даже применять большую силу, и мы могли бы до некоторой степени даже соблюдать приличия в отношениях с большевиками до последнего момента.

Непрерывные неудачи здесь, а также постоянные удары по нашим интересам, можно было бы использовать как предлог для военного выступления в любой удобный для нас момент. А всякое военное выступление любого масштаба — и необязательно против двух столиц — автоматически приведет к падению большевизма, после чего, также автоматически, в образовавшемся пространстве возникнут кадры управления, которые мы будем держать наготове и которые будут полностью нам подвластны.

Конечно, ничто не делается просто так, нам придется платить, если не сразу, то потом. Наши новые друзья здесь, разумеется, не примут безоговорочно карту России образца Брест-Литовска. Может быть, духовно они уже отторгли себя от Польши, Литвы, Курляндии, и даже отказ от Ливонии для них не будет слишком тяжелым. С другой стороны, отделение Эстонии вызовет очень сильное недовольство (из-за Ревеля), хотя отделение Украины от России должно стать невозможным.

Тем в Германии, кто придает Украине огромное значение для наших интересов, трудно будет примириться с мыслью, что она должна вернуться в лоно России. Те же, кто видел в ее отделении от России лишь временную военную меру, воспримут это легче.

Я, конечно, отдаю себе отчет в том, что мне видится лишь одна сторона общей картины мира. Решения могут и должны принимать только те, кто располагает целой картиной и кто знает обо всем многообразии взаимосвязей. Тем не менее, считаю своим долгом дать анализ той части общего спектра, за которую я несу ответственность.

Мирбах

ПРИМЕЧАНИЯ

ВИКТОР КУЗНЕЦОВ Они предали Россию

В июле 1917 года разоблачительные материалы напечатали «День», «Вечернее время», «Новое время», «Утро России», «Русская воля», «Биржевые ведомости» и другие газеты.

² См.: Родина. 1990. № 11. С. 42.

³ См.: *Штурман Д.* Блуд на крови // Литературная Россия. 1991. № 14, 5 апреля. С. 9.

⁴ *Katkov G.* German Foreign Office Documents on financial Support to the Bolsheviki in 1917 // International Affairs. London. 1956. Vol. 32. № 2.

⁵ The Bolshevik Revolution 1917–1918: Documents and Materials. By J. Bunyan and H. H. Eischer. Stanford, California: Stanford University Press. 1934.

⁶ *Hahlweg W.* Lenins Rückkehr nach Rußland 1917. Die dt. Akten. Leiden, 1957.

⁷ *Moorhead A.* The Russian Revolution. N.–Y., 1958. См. также: *Possony T.* Jahrhundert des Aufbruchs. München, 1956.

⁸ *Zeman Z. A. B.* (ed.). Germany and the Revolution in Russia. 1915–1918. Documents from the Archives of the German Foreign Ministry. London, 1958.

⁹ *Керенский А. Ф.* Россия на историческом повороте // Вопросы истории. 1991. № 2–3. С. 175.

¹⁰ *Головин Н. Н.* Военные усилия России в мировой войне. Париж, 1939. Т. 1. С. 172.

¹¹ Там же. С. 142. — Французский дипломат Л. Мартэн исчисляет потери армий только убитыми следующими цифрами (в миллионах): Россия — 2,5; Германия — 2; Австрия — 1,5; Франция — 1,4; Англия — 0,8. *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. М., 1991. С. 27.

¹² *Керенский А. Ф.* Россия на историческом повороте // Вопросы истории. 1991. № 2–3. С. 180.

¹³ *Фельштинский Ю.* Деньги для диктатуры пролетариата // Родина. 1990. № 1. С. 43.

¹⁴ *Меленевский М., Скоропись-Иолтуховский Н.* Что же такое «Союз освобождения Украины?» (Ответы российскому Генеральному штабу на его «извещение» о названном Союзе). Стокгольм, 1917. С. 1.

¹⁵ Там же. С. 10.

¹⁶ Призыв. Париж, 1916. № 10.

¹⁷ *Милуков П. Н.* История Второй русской революции. София, 1921. С. 150–154.

¹⁸ См. корреспонденцию «Откровенное признание немецкого генерала» // Великая Россия. Екатеринодар, 1919. 14(27) июня. № 231.

¹⁹ International Affairs. London, 1956. Vol. 32. № 2. P. 189; Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. С. 171. (В переводе с английского языка с некоторыми стилистическими разночтениями см.: Земан, документ № 94).

²⁰ Радек К. Гинденбург. М.—Л., 1925. С. 3.

²¹ См.: Разложение армии в 1917 году. Предисловие Я. А. Яковлева. М.—Л., 1925.

²² Николаи В. Тайные силы: Интернациональный шпионаж и борьба с ним во время мировой войны и в настоящее время. М., 1925. С. 76.

²³ Общее дело. 1917. 5 октября, № 9.

²⁴ Война. Сборник статей. Париж, 1915. С. 32.

²⁵ Булгаков Сергей. Христианство и еврейский вопрос. Париж, 1991. С. 86.

²⁶ Элькин Б. Немецкий план интервенции // Голос минувшего на чужой стороне. Париж, 1926. № 4 (XVII). С. 302. — Мемуары М. Гофмана (*Hoffmann Max. An Allen Moskau!*) создавались в 1922 г., изданы в 1925 г.

²⁷ Троцкий Л. Портреты революционеров. Бенсон, Вермонт. 1988. С. 45.

²⁸ Элькин Б. История пломбированного вагона // Последние новости. Париж, 1930. 2 марта.

²⁹ Ferster R. 1) Die Politik Keiser Karls und der Wienderpunkt des Weltkrieges. Berlin, 1925.

2) Die politischen Kampfe un den Friden 1916—1918 und das Deuschtum. Berlin, 1938.

³⁰ Мельгунов С. П. Золотой немецкий ключ большевиков (Предисловие «От редактора» А. Серебrenникова). 2-е изд. Нью-Йорк: Телекс, 1989 (см. гл. «Пломбированный вагон»).

³¹ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг. / Пер. с немецкого. М., 1923. Т. 1. С. 306.

³² Валентинов Н. В. Беседы с Плехановым в августе 1917 г. // Слово. 1991. № 8. С. 23.

³³ Арзаев Ю. Г. В. Плеханов: Биографический очерк; Г. В. Плеханов. Год на Родине. Полное собрание статей и речей 1917—1918 гг. В 2-х тт. Т. 1. Париж, б/д [921]. С. XL.

³⁴ Убедительна на криминальную ленинскую тему брошюра: Мартов Л. Спасители или упразднители? (Кто и как разрушал РСДРП). Париж: Голос социал-демократа, 1911. Библиография книг и статей Бурцева (на русском, немецком, французском и других языках) по той же проблеме огромна и нуждается в специальном исследовании: Бурцев В. Л. О войне. Пг.—М. (1916); Проклятие вам, большевики. Н.—Николаевск, 1919; В борьбе с большевиками и немцами... Париж, 1919; Борьба за свободную Россию. Мои воспоминания. 1882—1922. Т. 1. Берлин, 1923; Преступление и наказание большевиков... Париж, 1938. (Архив публициста ждет своего изучения.)

³⁵ Казнь за спасение флота // Общее дело. Париж, 1919. 20 мая, № 46; Звягинцев В. Первый смертный приговор // Известия. 1990. 26 октября.

³⁶ РЦХИДНИ, ф. 299, оп. 1, д. 50. РЦХИДНИ — Российский центр хранения и изучения новейшей истории, ныне Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).

³⁷ РЦХИДНИ, ф. 299, оп. 1, д. 52, л. 1.

³⁸ См.: Живое слово. 1917. 19 июля, № 63. Катков G. German Foreign Office Documents on financial Support to the Bolscheviks in 1917 // International Affairs. London. 1956. Vol. 32. № 2. (Катков Г. Документы Министерства иностранных дел Германии относительно финансовой поддержки большевиков в 1917 году...)

³⁹ Личность «товарища Сони» помогает установить письмо Н. К. Крупской к А. Г. Шляпникову от 5 декабря 1916 года. — См.: РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 1, ч. IV, л. 123. — Секретную германо-большевистскую аферу, в которой были замешаны «товарищ Сося», Троцкий и Ганецкий-Фюрстенберг, подтверждают хранящиеся в Российской национальной библиотеке (Санкт-Петербург) и требующие специальной экспертизы машинописные «Документы, находящиеся в Российской контрразведке» (1914–1917).

⁴⁰ См.: Вопросы истории. 1991. № 2–3. С. 180.

⁴¹ *Sisson E.* One Hundred Red Days. A Personal Chronicle of the Bolshevik Revolution. New Haven, 1931.

⁴² *Спиридович А. И.* История большевизма в России от возникновения до захвата власти. 1883–1903–1917. Париж, 1922. С. 266.

⁴³ *Иванов В. Ф.* От Петра Первого до наших дней: Русская интеллигенция и масонство. Харбин, 1934. С. 490. — С незначительными разночтениями копия той же телеграммы Свенсена имеется в вышеуказанных «Документах, находящихся в Российской контрразведке» (Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург).

⁴⁴ Огонек. 1990. № 48. С. 24. То же: «Немецко-большевистская переписка», документ № 62.

⁴⁵ Пролетарская революция. 1923. № 9(21). С. 227.

⁴⁶ РЦХИДНИ, ф. 4, оп. 3, д. 41, л. 111.

⁴⁷ Личное дело С. Я. Ганецкого-Фюрстенберга. См.: РЦХИДНИ, ф. 124, оп. 1, д. № 440.

⁴⁸ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 1, д. 29, 41, 122 и др.

⁴⁹ *Фельштинский Ю.* Деньги для диктатуры пролетариата // Родина. 1990. № 11. С. 42.

⁵⁰ РЦХИДНИ, ф. 4, оф. 3, д. 41, л. 10.

⁵¹ РЦХИДНИ, ф. 4, оп. 1, д. 41, л. 165.

⁵² *Половцов П. А.* Дни затмения. Париж, б/д. С. 150.

⁵³ *Ган (Гутман) А.* Россия и большевизм. 1914–1920. Часть 1. Материалы по истории революции и борьбе с большевизмом. Шанхай, 1921. С. 168.

⁵⁴ *Радек К.* Парвус // А. Луначарский, К. Радек, Л. Троцкий. Силуэты: политические портреты. М., 1991. С. 248.

⁵⁵ *Орлов А.* Тайная история сталинских преступлений. Нью-Йорк–Иерусалим–Париж, 1983. С. 189.

⁵⁶ *Фельштинский Ю.* Деньги для диктатуры пролетариата // Родина. 1990. № 11. С. 43.

⁵⁷ РЦХИДНИ, ф. 4, оп. 3, д. 41. Корректурa, № 244.

⁵⁸ Откровенное признание немецкого генерала // Великая Россия. (Екатеринодар), 1919. 14 (27) июня, № 231.

⁵⁹ *Половцов П. А.* Дни затмения. Париж, б/д. С. 143–144.

⁶⁰ Керенский и Нахамкис // Общее дело. 1921. 6 июля. № 355.

⁶¹ Статский советник К. Шпан был выслан в мае 1915 г. в Енисейскую губернию, где его видел сосланный туда же В. Л. Бурцев. По возвращении в Петроград К. Шпан открыто жил в одной из гостиниц. См.: Живое слово. 1917. 20 августа, № 89.

⁶² См.: Документы по делу В. М. Чернова // Речь. 1917. 23 июля, № 17.

⁶³ *Лонгинов М. Н.* Новиков и московские мартинисты. М., 1867; *Пыпин А. Н.* Русское масонство. Пг., 1916; *Вернадский Г. В.* Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг., 1917; *Бостунич Г.* Масонство в своей сущности и проявлениях. Белград, 1928; *Мельгунов С. П.*

На путях к дворцовому перевороту (заговоры перед революцией 1917 года). Париж, 1931; *Свитков Н.* Массонство в русской эмиграции. Париж, 1932; *Иванов В. Ф.* От Петра Первого до наших дней: Русская интеллигенция и масонство. Харбин, 1934; *Аронсон Г.* Россия накануне революции: Исторические этюды (глава «Масоны в русской политике»). Нью-Йорк, 1962; *Катков Г. М.* Февральская революция. Париж, 1984; *Николаевский Б. И.* Русские масоны и революция. М., 1990; *Ланин П.* Тайные пружины истории (Масонство в его прошлом и настоящем) // Молодая гвардия, 1991. №№ 7–8; *Платонов О. А.* Терновый венец России: Тайная история масонства. 1731–1996. М., 1996.

⁶⁵ *Берберова Н.* Люди и ложи. Русские масоны XX столетия // Вопросы литературы. 1990. № 6. С. 175.

⁶⁶ *Николаевский Б. И.* Русские масоны и революция. М., 1990. С. 9.

⁶⁷ *Аронсон Г.* Россия накануне революции. Нью-Йорк, 1962. С. 139.

⁶⁸ *Ган (Гутман) А.* Россия и большевизм. Часть 1. С. 169.

⁶⁹ *Малянтович Н. П.* О «деле» большевиков // День. 1917. 21 октября.

⁷⁰ *Мартов Ю.* Записки социал-демократа. М., 1924. С. 270.

⁷¹ *Лазарев Е.* Ленин-Ульянов. Прага, 1924. С. 35.

⁷² Сегодня (Рига). 1921. 21 июня.

⁷³ Мертвые хватают живых. Читая Ленина, Бухарина, Троцкого. Лондон, 1982; *Штурман Д. В. И. Ленин.* Париж, 1989; *Солоухин В.* Последняя ступень. М., 1992.

⁷⁴ *Штейн М.* Род вождя // Слово. 1991. № 2.

⁷⁵ *Троцкий Л.* Ленин как национальный тип. Л., 1924. С. 4.

⁷⁶ *Струве П.* Национализм // Великая Россия. Ростов н/Д., 1919. 1(14) ноября. № 335.

⁷⁷ См.: Голос минувшего на чужой стороне. Париж, 1926. № 4(XVII). С. 303.

⁷⁸ Моральное убийство // Живое слово. 1917. 15 июля, № 60.

⁷⁹ См.: *Дмитриев С. Н.* Тайственный альянс // Наш современник. 1990. № 11. С. 131.

⁸⁰ Цит. по кн.: *Авалов П.* В борьбе с большевизмом. Глюкштадт–Гамбург, 1925. С. 349.

⁸¹ *Гиппиус З. Н.* Синяя книга: Петербургский дневник. 1914–1918. Белград, 1929. С. 227.

⁸² *Чебышев Н.* Немцы и большевики // Великая Россия. Ростов н/Д., 1919. 30 октября (12 ноября).

⁸³ *Дмитриев С. Н.* Тайственный альянс // Наш современник. 1990. № 11. С. 129. Историк Ю. В. Измestьев приводит следующие данные: «По Брест–Литовскому миру Россия теряла 26% населения, 33% фабрик, 27% территории, 26% железных дорог, 75% каменного угля, 32% урожая и должна была заплатить 3-миллиардную контрибуцию хлебом, рудой и другим сырьем». — *Измestьев Ю. В.* Россия в XX веке. С. 195.

⁸⁴ «Нота Гинце» была известна за рубежом: Знамя борьбы. 1924. № 6–7; *Мельгунов С. П.* Приоткрывающаяся завеса // Последние новости. Париж, 1925. 5 февраля; *Europa-sch Gesprache.* 1926. Marz.

⁸⁵ *Тайгин А.* В Берлине с русским золотом // Голос минувшего на чужой стороне. Париж, 1926. № 2(XV). С. 160.

⁸⁶ *Соломон Г. А.* Среди красных вождей. Париж, 1930. С. 98.

⁸⁷ Цит. по кн.: *Ган А. (Гутман А.)* Большевизм и Германия. Шанхай, 1921. С. 5.

⁸⁸ Там же. С. 11.

⁸⁹ Там же. С. 85.

⁹⁰ *Эрцбергер М.* Германия и Антанта. Мемуары. М.—Пг., 1923. С. 216.

⁹¹ Там же. С. 218.

⁹² *Семенов Е. П.* В стране изгнания: Из записной книжки корреспондента. 2-е изд. СПб., 1912.

⁹³ *Сетелов Е.* Le Conplot germano-bolcheviste. Paris, 1920; *Семенов Е.* Русские банки за границей и большевики. Париж, 1926; *Сетелов Е.* Un cri d' Alarme. Paris, 1926; готовилась к изданию книга Е. П. Семенова «Роль русской буржуазии в русской революции».

⁹⁴ *Панов В. А.* Исторический подлог: Американские подложные документы. Владивосток, 1921.

⁹⁵ См., например, комментарии к «Документам Сиссона»: *Алексинский Г. А.* Большевики и правительство Вильгельма II // Приазовский край. Ростов н/Д., 1919. № 235–238.

⁹⁶ *Дьяков Ю. Л., Бушуева Т. С.* Фашистский меч ковался в СССР: Красная Армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество. 1922–1933: Неизвестные документы. М.: Советская Россия, 1992.

⁹⁷ *Александров М.* Тайное соглашение между Германией и Советской Россией // Последние известия. Ревель, 1922. 9 мая, № 103 (540).

⁹⁸ Свобода (Варшава). 1921. 13 апреля, № 81 (220).

⁹⁹ *Каутский К.* Большевизм в тупике. Берлин. 1930. С. 110.

¹⁰⁰ *Бурцев В. Л.* Преступление и наказание большевиков (По поводу 20-летнего юбилея предателей и убийц). Париж, 1939. С. 4.

¹⁰¹ *Алексинский Г. А.* Что же теперь делать? (По поводу сдачи Риги). Петроград, б/д [1918]. С. 9.

По следам измены

¹ Ермоленко Дмитрий Спиридонович (родился в 1874 г.) — прапорщик 16-го Сибирского полка. 7 ноября 1914 г. взят немцами в плен под Варшавой. Находился в лагере для военнопленных в местечке Ханн-Мюнден. В январе 1916 г. завербован в качестве агента-диверсанта обер-лейтенантом Шенингом и офицерами германского Генерального штаба Шадциким и Люберсом, «существование коих было подтверждено» (*Керенский А. Ф.* Россия на историческом повороте // Вопросы истории. 1991. № 2–3. С. 175). 25 апреля 1917 г. был пойман и дал показания русской контрразведке, в которых, между прочим, ссылаясь на информацию одного из немецких офицеров, рассказал о работе в пользу Германии В. И. Ленина. 10–11 июля 1917 г. был подвергнут допросу на заседании комиссии Временного правительства. Дело о государственной измене Д. С. Ермоленко в суд не передавалось. Известен факт, что ранее, в 1905 г., «за упущения по службе» он состоял под судом в Иркутской судебной палате. После откровенного признания был отпущен по месту жительства, в г. Хабаровск (см. бывший Центральный партийный архив (ЦПА) — ныне Центр хранения и изучения документов новейшей истории (ЦХИДНИ), оп. 3, д. 41, л. 1–5).

² «Союз освобождения Украины» («Спілка визволення України») — националистическо-сепаратистская организация, созданная в августе 1914 г. во Львове. Добивалась отделения Украины от России при финансовой и военной поддержке Германии и Австро-Венгрии. К концу 1914 г. союз разработал план практических военных операций против России. План не удался из-за утечки секретной информации, слабой подготовленности и др. Орга-

низация была распущена летом 1918 года (ссылки на документы см. в книге: *Земан З., Шарлау В.* Парвус — купец революции. Нью-Йорк, 1991. С. 161). См. также: «Спілка визволення України»: Стенографічний звіт судового процесу. Пролетар., 1931. Т. 1.

³ Скоропись-Иолтуховский А. Ф. (родился в 1880 г.) — в годы Первой мировой войны один из организаторов и руководителей «Союза освобождения Украины». Нелегально представлял эту организацию в Берлине. По специальным заданиям вел пораженческую и тому подобную пропаганду среди российских военнопленных в германских и австро-венгерских концентрационных лагерях. Вместе с М. Меленевским цинично признал денежную помощь от военных врагов России (Что же такое «Союз освобождения Украины?..». Стокгольм, 1917). Автор сомнительных воспоминаний «Мои злочинии» (сборник «Хлибор Украина». Вена, 1920–1921).

⁴ Свендсон Н. — резидент политической немецкой разведки в Стокгольме в годы Первой мировой войны. Осуществлял связь «под крышей» посольства с германской агентурой в России. Прапорщик Д. С. Ермоленко показал: «...связь мою по шпионажу я должен иметь с находящимся в Стокгольме при германском посольстве неким Свендсоном, с которым имеют дело все организации, работающие в России в пользу Германии» (Материалы предварительного следствия о вооруженном выступлении в Петрограде 3(16)–5(18) июля 1917 года. Корректурa № 244. — Бывший Центральный партийный архив, ф. 4, оп. 3, д. 41, л. 2).

⁵ Фюрстенберг (партийная кличка — Ганецкий) Яков Станиславович (1879–1937) — деятель польского, литовского и российского революционного движения. Родился в Варшаве в богатой семье. Учился несистематически общественным и естественным наукам в Берлине, Гейдельберге, Цюрихе. Директор конторы немецкого агента Парвуса (Гельфанда) в Скандинавии. Председатель следственной комиссии (вместе с Лениным и Зиновьевым) по делу оправданного провокатора Романа Малиновского. В 1914 году способствовал освобождению Ленина из австрийской тюрьмы. Во время Первой мировой войны примыкал к «Циммервальдской левой». В 1917 году вместе с В. Воровским и К. Радеком оставлен Лениным в Стокгольме под видом представителя Заграничного бюро ЦК РСДРП(б) для осуществления финансирования и связей партии. Связь Ганецкого с кайзеровским правительством устанавливается из архивов МИД Германии; пользовался для своей секретной переписки немецким дипломатическим шифром. После Октябрьского переворота — главный комиссар банков, дипломат. Участник секретного «дополнительного соглашения» с Германией в августе 1918 года, согласно которому увеличивались продовольственные и денежные обязательства Советской России. В биографии Ганецкого-Фюрстенберга много невыясненного. Ряд протоколов ЦК РСДРП(б) по его «делу» не опубликован. Расстрелян в 1937 году.

⁶ Парвус Александр Львович (настоящие фамилия и имя — Гельфанд (Гельфонд) Израиль Лазаревич (1867–1924)). Родился в Минской губернии (местечко Березино), детство провел в Одессе. В 1891 г. окончил Базельский университет. В социал-демократическом движении с 90-х годов. Один из руководителей Петербургского Совета рабочих депутатов в 1905 г. Публицист, автор ряда книг и брошюр псевдосоциалистического содержания. В годы Первой мировой войны — крупнейший «агент влияния» германского правительства, организатор провокационных политических забастовок в России. Миллионер, под прикрытием торговых сделок направлял немецкие деньги и средства, полученные коммерческим путем, большевикам для пораженческо-пропагандистской и революционной работы в России; осу-

ществлял тайную и легальную связь германских агентов с русскими предателями и шпионами. Активно содействовал отправке первого «запломбированного вагона» (Ленин, Зиновьев и другие) из Швейцарии через Германию в Петроград. Организационно-финансовая помощь Парвуса германо-большевистскому сговору неопровержимо доказана опубликованными материалами из архивов МИД Германии. После Октябрьского переворота Ленин не разрешил ему переехать в Советскую Россию. Политический авантюризм Парвуса проявился и в период «спартаковского» движения (ноябрь 1918 г.) в Германии. В Советском Союзе имя беспринципного и аморального проходимца, сыгравшего выдающуюся пагубную роль в истории России первых двух десятилетий XX века, тщательно замалчивалось. Биография «политического Фальстафа» изложена в книге: *Земан Э., Шарплав В.* Парвус — купец революции / Ред. А. Серебренников. Нью-Йорк: Телекс, 1991.

⁷ Козловский Мечислав Юльевич (1876–1927) — социал-демократ, петербургский адвокат, находился в конспиративных связях с Парвусом-Гельфандом. По информации газеты «Единство», состоял формально в г. Вильно членом «Союза русского народа», выступал с провокационными погромными речами. Согласно данным русской контрразведки, перед Октябрьским переворотом получал через Ганецкого-Фюрстенберга в Стокгольме и Е. М. Суменсон в Петрограде крупные суммы денег на большевистские цели. В июле 1917 г. был арестован, обвинялся в государственной измене. По некоторым данным, дал показания следственной комиссии Временного правительства. Освобожден из тюрьмы одним из последних осенью 1917 г. Был председателем ЧК в Петрограде, возглавлял Малый Совнарком РСФСР.

⁸ Суменсон Евгения Маврикиевна — двоюродная сестра Ганецкого-Фюрстенберга, одно время служила в Варшаве в коммерческой конторе Генриха Фюрстенберга, брата вышеназванного большевика. Под прикрытием фальшивых торговых операций выступала в Петрограде посредницей в получении огромных денежных сумм от Ганецкого-Фюрстенберга (Стокгольм) и передаче их крупным большевистским деятелям. Была арестована в июле 1917 г., на следствии призналась в преступных действиях; ее показания содержатся в 18-м томе Дела о государственной измене В. И. Ленина (всего известен 21 том). Освобождена из тюрьмы под залог в 15 тысяч рублей в октябре 1917 г.

⁹ Алексинский Григорий Алексеевич (1879–1967). Родился в Дагестанском крае, сын уездного врача, потомственный дворянин. Окончил историко-филологический факультет Московского университета. С 1899 г. участвовал в социал-демократическом движении, в 1905–1907 годах примыкал к большевикам, многократно подвергался тюремному заключению. Делегат Лондонского съезда РСДРП. Депутат II Государственной думы от рабочей курии Петербурга. С 1907 г. десять лет находился за границей. «Отзовист», член группы «Вперед». В годы Первой мировой войны вместе с Плехановым активно отстаивал идею защиты России от военной агрессии Германии, член патриотической организации «Единство», за что подвергался резким нападкам со стороны Ленина и других «интернационалистов». Один из первых в октябре 1915 г. разоблачил во французской газете «N'Humanite» немецкого агента и провокатора Гельфанда-Парвуса. Энергичный публицист, автор многих книг, брошюр и статей на русском и иностранных языках, в том числе ряда печатных работ о прогерманской писательской деятельности М. Горького, сборника стихотворений «Предатели» (Пг., 1917). Сотрудник периодических изданий «Современный мир», «Россия и Свобода», «Призыв», «Русская воля», «Единство» и других. После Февральской революции

вернулся в Россию. В июле 1917 г. вместе с В. С. Панкратовым опубликовал письмо о государственной измене Ленина и др., за что в 1918 г. был арестован; бежал и скрылся за границу; в 1920 г. заочно судим Верховным трибуналом по делу так называемого «Тактического центра» и объявлен «врагом народа». В эмиграции, во Франции, являлся членом «Союза возрождения России», выступал против советской власти в «Общем деле», «Грядущей России», «Русской газете» и др. Эмигрантский период жизни и деятельности Г. А. Алексинского мало известен.

¹⁰ Панкратов Василий Семенович (1864–1925) — участник революционного рабочего движения с 1879 г., член «Народной воли» (с 1881 г.), пропагандист в Петербурге, Москве, Киеве и др. Осужден на 20 лет каторги по «процессу двенадцати» в ноябре 1884 г. 14 лет находился в заключении в Шлиссельбургской крепости, в 1898 г. был сослан в Якутию; в 1905 г. бежал из ссылки, стал членом партии эсеров, участвовал в декабрьском вооруженном восстании в Москве. С 1907 г. вновь подвергся ссылке, в 1912 г. вернулся в Петербург. В июле 1917 г. вместе с Г. А. Алексинским подписал разоблачительное письмо о финансовых и прочих связях Ленина и других большевиков с германским правительством, активно содействовал ликвидации большевистского вооруженного восстания. При Временном правительстве был комиссаром «по охране бывшего царя». Автор ряда воспоминаний.

¹¹ Шперберг (иногда — Шпербергер) — владелец экспортной конторы в Петрограде в 1917 г. Содействовал в передаче секретной большевистской корреспонденции из России в Швецию. Причастен к судебному делу масона и германского агента журналиста Иосифа Колышко (освобожден из тюрьмы после Октябрьского переворота). См.: Речь. 1917. 7 июля, № 157.

¹² Гаазе Гуго (1853–1919) — один из председателей Германской социал-демократической партии в 1911–1917 годах.

¹³ Переверзев Павел Николаевич (1871–1944) — петербургский адвокат, масон, член партии народных социалистов («трудовиков»), министр юстиции Временного правительства в мае—июле 1917 г. Был изгнан из правительства за передачу и содействие в публикации материалов, разоблачавших Ленина и др. в германо-большевистских тайных связях. Эмигрант.

¹⁴ Некрасов Николай Виссарионович (1879–1940) — кадет, масон, министр путей сообщения Временного правительства в марте—июле 1917 г., заместитель министра-председателя и министр финансов в июле—сентябре 1917 г. В начале 20-х годов под фамилией Голгофский арестован ГПУ; по личному указанию Ленина был доставлен в Кремль и освобожден; в 30-х годах подвергся репрессиям, по некоторым данным, был строителем-заключенным на Беломорканале. Автор неопубликованных воспоминаний.

¹⁵ Коллонтай (урожденная Домонтович) Александра Михайловна (1872–1952) — деятель международной и российского революционного движения, дипломат. В годы Первой мировой войны и эмиграции (страны Европы, США) занималась пропагандистской работой, направленной на поражение России. В июле 1917 г. была арестована за участие в организации вооруженного восстания в Петрограде и по подозрению в государственной измене; давала показания следственной комиссии Временного правительства (т. 18-й и др. из неопубликованного архивного дела, см. примеч. 8). В прессе той поры обсуждался факт передачи Колонтай и Фюрстенбергом через Стокгольмский «Nya-Banken» крупной суммы денег на счет Е. М. Суменсон в Сибирский банк в Петрограде (см.: *Browder R. P. and*

Kerensky A. F. The Professional Government 1917. Stanford, 1962. Vol. 3. P. 1464–1465. Вместе с другими большевиками осенью 1917 г. была выпущена из тюрьмы под денежный залог. Входила в состав Совнаркома как народный комиссар общественного (государственного) призрения.

¹⁶ «...кровавые дни в Петрограде». — По далеко не полным данным исполняющего должность начальника Петроградской милиции Иванова, в результате вооруженного выступления большевиков 3–5 июля 1917 г. убито и ранено более 700 человек. — См.: Жертвы восстания 3–4 июля // Речь. 1917. 7 июля, № 157; Отклики событий 3–5 июля // Речь. 1917. 15 июля, № 164. З. Н. Гиппиус называет «Около тысячи жертв...»: Синяя книга: Петербургский дневник. 1914–1918. Белград, 1929. С. 144. В советской историографии вооруженный путч подавался как мирная демонстрация.

¹⁷ Зиновьев Григорий Евсеевич (Радомысльский — Апфельбаум — Овсей — Гершов — Аронов) (1883–1936) — известный социал-демократ, большевик. Вместе с Лениным был пассажиром «запломбированного вагона», в июле 1917 г. с ним же после разоблачений в печати скрылся от следствия и суда (Разлив). Был в курсе связей большевиков с Гельфандом-Парвусом и германским правительством. Диктатор Петрограда, один из организаторов «красного террора».

¹⁸ Каменев (Розенфельд) Лев Борисович (1883–1936) — известный советский партийный и государственный деятель.

¹⁹ Стеклов (Нахамкис-Нахамкес) Юрий Михайлович (Овсей Моисеев) (1873–1941) — партийный и государственный деятель, публицист. В июле 1917 г. избежал ареста за государственную измену из-за покровительства главы Петросовета Н. С. Чхеидзе.

²⁰ Дашкевич Петр Васильевич (1888–1942) — большевик, прапорщик 3-го пехотного запасного полка, один из руководителей Военной организации при ЦК РСДРП(б), член ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов, член исполкома Петросовета.

²¹ Вевер Э. Я. (1882–1937) — латышский рабочий-красногвардеец, большевик с 1917 г., с 1918 по 1924 год — заведующий санаторием «Горки».

²² Чхеидзе Николай (Карло) Семенович (1864–1926) — один из лидеров меньшевиков, масон. В 1917 г. — председатель исполкома Петроградского Совета, член ВЦИК. С 1921 г. — эмигрант.

²³ Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич (1873–1955) — известный советский и партийный деятель.

²⁴ Брешко-Брешковская Екатерина Константиновна (1844–1934) — одна из организаторов и лидер партии эсеров. К Октябрьскому перевороту относилась враждебно, в 1919 г. эмигрировала.

²⁵ Дейч Лев Григорьевич (1855–1941) — участник народнического, а затем социал-демократического движения в России с 1874 г. После Февральской революции примыкал к плехановской группе «Единство».

²⁶ Лопатин Герман Александрович (1845–1918) — известный революционный и политический деятель. В период Первой мировой войны стоял на патриотической позиции.

²⁷ Рошаль Семен (Соломон) Григорьевич (1896–1917). Родился в Петербурге в зажиточной семье. Некоторое время учился в Психоневрологическом институте. В декабре 1915 г. был арестован и заключен в тюрьму за большевистскую пропаганду. После Февральской

революции освобожден. Член Исполкома Кронштадтского Совета рабочих и солдатских депутатов в 1917 г., один из активных руководителей июльского вооруженного мятежа большевиков. Подозревался В. Л. Бурцевым в сношениях с царской Охранкой. Арестован Временным правительством в июле 1917 г. Дал показания следственной комиссии (не опубликовано). В отличие от других участников путча не был отпущен под денежный залог. Освобожден из заключения 25 октября (7 ноября) 1917 г. В декабре 1917 г. расстрелян белогвардейцами в Яссах (Румынский фронт).

²³ «Новая жизнь» — ежедневная газета, издавалась в Петрограде с 18 апреля (1 мая) 1917 г. по июль 1918 г. Ведущую роль в газете играл М. Горький.

²⁹ Соколов Николай Дмитриевич (1870–1928) — петербургский адвокат, масон, член Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, один из авторов «Приказа № 1», направленного на разложение дисциплины в русской армии. «Приказ № 1» обрел официальную силу после включения его министром Временного правительства А. И. Гучковым в сборник военных постановлений. Поддерживал тесные контакты с Гельфандом–Парвусом, Ганецким–Фюрстенбергом, М. Козловским. После Октябрьского переворота работал юристом в различных советских учреждениях.

³⁰ Приказ № 1. См. примеч. 29.

³¹ Гинденбург Пауль, фон (1847–1934) — немецкий генерал–фельдмаршал (1914), с ноября 1914 г. командовал войсками Восточного фронта, с августа 1916 г. — начальник Генерального штаба, фактически — главнокомандующий.

³² Макензен Август (1849–1945) — немецкий генерал–фельдмаршал.

³³ «...мы приходили в ужас от предательства Александры Федоровны». — Речь идет о провокационных слухах, что российская императрица, жена Николая II, Алиса Гессен–Дармштадская (1872–1918) содействовала поражению России в войне с Германией. Ложь активно распространялась большевиками (К. Радек и др.), масонами прогерманской ориентации (Д. Бебутов, И. Колышко) и некоторыми либеральными деятелями (П. И. Милуков и др.).

³⁴ Штюрмер Борис Владимирович (1848–1917) — председатель Совета министров, министр внутренних и иностранных дел в России в 1916 г.

³⁵ Протопопов Александр Дмитриевич (1866–1917/18) — министр внутренних дел России (сентябрь 1916 — февраль 1917 г.). Осужден органами ВЧК.

³⁶ «...через посредство Копенгагенского «Ссудного и Дисконтного банка» и Стокгольмского «Ниа-Банка». — Через «Diskonto-Gesellschaft Bank» и «Nya-Banken» в 1916–1917 годах МИД Германии проводил конспиративные финансовые операции по переводу крупных сумм денег в Петроград на имя подставных лиц для организации пропагандистско–подрывной работы «ленинцев».

Прокурор обвиняет

¹ Официальный документ, положивший начало следствию по делу о вооруженном восстании большевиков и их государственной измене в июле 1917 г. Перепечатывается из газеты «Единство». 1917. 22 июля, № 96.

² Семашко Николай Александрович (1874–1949) — государственный и партийный деятель, один из организаторов советского здравоохранения.

³ Сахаров Василий Васильевич (родился в 1881 г.) — большевик, прапорщик 1-го пехотного запасного полка (Петроградский гарнизон), участник вооруженного восстания большевиков в Петрограде в июле 1917 г.

⁴ Раскольников (настоящая фамилия — Ильин) Федор Федорович (1892–1939) — советский государственный и военный деятель, дипломат, литератор. С марта 1917 г. — товарищ председателя Кронштадтского Совета рабочих, солдатских и матросских депутатов, председатель Кронштадтского комитета РСДРП. По недостаточно уточненным сведениям, участник секретного совещания в Кронштадте представителей германского военного командования и большевиков по совместной фронтовой и пропагандистской тактике. Один из руководителей июльского (1917) путча большевиков. Был арестован и дал показания следственной комиссии Временного правительства (не опубликовано). Освобожден из тюрьмы в период «корниловского мятежа».

⁵ Текст телеграммы Ганецкого-Фюрстенберга (Стокгольм) от 20 апреля 1917 г. на имя Ленина в Петроград, перехвачен контрразведкой. Телеграмма печатается в числе других в нашей публикации из книги Бориса Никитина «Роковые годы» (1987).

Речь, очевидно, идет о финансировании деятельности большевиков немцами через посредство И. З. Штейнберга.

Штейнберг Исаак Захарович — один из лидеров партии левых эсеров, адвокат. В декабре 1917 — марте 1918 г. — нарком юстиции РСФСР. Эмигрант.

⁶ «Паук» — антисемитский еженедельный «юмористическо-сатирический журнал в красках». Выходил в Петербурге в 1911–1913 годах. Редактор-издатель Л. Т. Злотников («Л. Зло»).

⁷ «...с изображением ритуального убийства в Венгрии в 1882 году». — Речь идет о вызвавшем широкий резонанс в Европе уголовном деле на религиозной почве. Следствием этого события стал известный Тиссаэссларский процесс (1882–1883).

⁸ «Ленин и Зиновьев были освобождены из-под австрийского ареста по личному предписанию графа Штюргка — австрийского премьера». — Ленин и Зиновьев, как российские подданные, были арестованы в октябре 1914 г. близ Кракова. Ганецкий-Фюрстенберг с помощью лидера австрийской социал-демократии Виктора Адлера добился их освобождения.

⁹ «...появились разоблачающиеся деятельность Парвуса сведения, сообщенные доктором Яковым Фридманом из Базеля и бывшим членом Государственной думы Алексинским». — Речь идет об «Открытом письме Парвуса в Константинополь», опубликованном доктором Я. Фридманом в швейцарской социал-демократической газете «Volksstimme» (2 апреля 1915 г.). Разоблачения Парвуса продолжил в разных изданиях Г. А. Алексинский.

ГРИГОРИЙ АЛЕКСИНСКИЙ.

Проходимцы и шпионы

¹ «Единство» — ежедневная газета, выходила в Петрограде с марта по ноябрь 1917 г. (в декабре 1917 — январе 1918 г. — под названием «Наше единство»). Редактор — Г. В. Плеханов.

² Львов Георгий Евгеньевич (1861–1925) — князь, помещик, земский деятель, мавсон. В марте—июле 1917 г. — глава Временного правительства. Эмигрант.

³ Терещенко Михаил Иванович (1886–1956) — капиталист, сахарозаводчик, крупный масон. В 1917 г. — министр финансов, затем министр иностранных дел Временного правительства. Эмигрант.

⁴ Некрасов Н. В. См. примеч. 14 к главе «По следам измены».

⁵ Лебедев В. Сведений не имеется.

⁶ Керенский Александр Федорович (1881–1970) — известный политический деятель. Крупный масон (с 1912 г.). Личность и деятельность нуждаются в переоценке.

⁷ Бессарабов И. П. — прокурор Петроградской судебной палаты в июле 1917 г. Предъявил официальное обвинение Ленину и др. в государственной измене.

⁸ Панкратов В. С. См. примеч. 10 к главе «По следам измены».

⁹ Половцев (Половцов) Петр Александрович (родился в 1874 г.) — генерал-майор, главнокомандующий войсками Петроградского военного округа летом 1917 г. Белоземigrant. Автор мемуарной книги «Дни затмения» (Париж: Возрождение, б/д).

¹⁰ Церетели Ираклий Георгиевич (1881–1959) — один из лидеров меньшевиков. В мае—июле 1917 г. — министр почт и телеграфа, в июле—августе — министр внутренних дел Временного правительства. С 1921 г. — эмигрант.

¹¹ Скобелев Матвей Иванович (1885–1938) — меньшевик, масон, с мая 1917 г. — министр труда Временного правительства. После Октябрьского переворота работал в системе кооперации и внешней торговли.

¹² Дан (Гуревич) Федор Ильич (1871–1947) — социал-демократ с 1894 г., один из лидеров меньшевизма. После Февральской революции — член исполкома Петросовета и Президиума ЦИК 1-го созыва. Эмигрант.

¹³ Гоц Абрам Рафаилович (1882–1940) — эсер, в 1907–1917 гг. находился на каторге, в ссылке; в 1917 г. — член Петроградского Совета, с июня — заместитель председателя ВЦИК.

ВИКТОР ПАНКРАТОВ Большевистский путч

¹ Черномазов Мирон Ефимович (настоящее имя — Мейер Хаимов) — родился в 1882 г. в мещанской семье Херсонской губернии. Социал-демократ, арестовывался в 1903 г. Был членом ЦК РСДРП, секретарем редакции большевистской газеты «Правда». Провокатор, тайный сотрудник петербургского охранного отделения (клички «Москвич», «Москвин») в 1913–1914 гг. Доносил об общем положении в большевистской партии и текущих делах в местных организациях Разоблачен в 1917 г. Подробнее о М. Е. Черномазове см.: Правда. 1917. 14 марта, № 8.

² Семашко Н. А. См. примеч. 2 к главе «Прокурор обвиняет».

³ «...почему Терещенко и Некрасов так напали на Переверзева...» — Имеется в виду отставка в июле 1917 г. министра юстиции Временного правительства П. Н. Переверзева под нажимом министров-масонов М. И. Терещенко, Н. В. Некрасова и др.

⁴ Мазуренко Георгий (Юрий) Петрович — поручик, эсер, член ЦИК Всероссийского Совета рабочих и солдатских депутатов (1-й созыв), особо уполномоченный военный министр при Временном правительстве в июле 1917 г., командующий сводным отрядом по

ликвидации большевистского вооруженного восстания и «водворения революционного порядка» в Петрограде. В дни Октябрьского переворота возглавлял Комитет общественной безопасности.

⁵ Ларин Юрий (наст. фамилия и имя — Лурье Михаил Зальманович) (1882–1932) — после II съезда РСДРП — меньшевик, с августа 1917 г. — большевик, затем — член президиума ВСНХ, член ВЦИК и ЦИК СССР. Тесть Н. И. Бухарина. В июле 1917 г. избежал ареста из-за покровительства председателя Петросовета масона Н. С. Чхеидзе.

⁶ «...Кацы...» — Речь идет о Б. Д. Камкове (партийная кличка «Кац») (1885–1938), члене партии эсеров. Камков–Кац поддерживал конспиративные связи с австрийским вице-консулом в Женеве Артуром Пелько фон Норденштралем, занимавшимся агентурно-шпионской деятельностью против России в период Первой мировой войны. По этому поводу известны донесения руководителя заграничной агентуры (Париж) Департамента полиции Красильникова и его помощника Мельникова. См.: Документы по делу В. М. Чернова и др. // Речь. 1917. 23 июля, № 171. Камков–Кац — один из организаторов левозероферского мятежа в Москве.

⁷ «...Маянтови́ч, сыгравший загадочную роль перед Октябрьским переворотом, перед которым он освободил большевистских главарей...» — Имеется в виду распоряжение министра юстиции Временного правительства Павла Николаевича Маянтови́ча (1869/70–1939), сменившего П. Н. Перверзева, об освобождении из тюрьмы осенью 1917 г. более 140 видных большевиков, арестованных за участие в июльском вооруженном восстании в Петрограде и по подозрению в государственной измене.

БОРИС НИКИТИН

Русская контрразведка в действии

Глава из книги бывшего (1917 г.) начальника контрразведки штаба Петроградского военного округа, позже участника белого движения на Северном Кавказе, эмигранта, Бориса Владимировича Никитина: *Никитин Б.* Роковые годы (Новые показания участника). Vermon, Vermont, 1987.

¹ «...в первую очередь удалить министров Милюкова и Гучкова». — Независимая по некоторым вопросам политика министра иностранных дел (март—май 1917 г.) Временного правительства П. Н. Милюкова и военного и морского министра А. И. Гучкова не могла удовлетворить кайзера Вильгельма II. В результате совместных интриг официальной Германии, большевиков, а также других заинтересованных сил, министры были удалены из правительства.

² «...из дела публициста К.» — Речь идет об Иосифе Колышко, журналисте (псевдонимы «Серенький», «Баян»), германском агенте, бывшем секретаре графа С. Ю. Витте. И. Колышко поддерживал тайные связи с немецким Генеральным штабом через «директора Бокельмана» в Стокгольме (здесь жила жена шпиона). Имя И. Колышко неоднократно упоминается в секретной переписке германского МИД. Был арестован и заключен в Трубецкой бастион Петропавловской крепости. По воспоминаниям Бориса Никитина, на допросах

И. Колышко признался в государственной измене. В сентябре 1917 г. был освобожден по распоряжению министра юстиции Временного правительства П. Н. Малянтовича под залог в 30 тысяч рублей.

³ «...телеграммы информационного характера, адресованные немецкому агенту — госпоже Брейденбейд». — Личность шпионки не установлена.

⁴ Предположительно: Степин (Степинь) Александр (Артур) Карлович (1886–1920), участник Первой мировой войны, рабочий, в 1917 г. — командир полка Красной Армии.

⁵ «...станция Торнео...» — По данным русской контрразведки, район Торнео–Хапаранда был в 1917 г. испытанным местом нелегального перехода большевиков в Швецию.

⁶ «...Ленин сноситися с Парвусом письмами...» — В апреле 1917 г. русской контрразведкой в г. Торнео — при переезде в Стокгольм — была арестована связная Ленина г-жа М. И. Стецкевич, которая везла с собой его секретные письма, адресованные Ганецкому–Фюрстенбергу и К. Радеку (бывший Центральный партийный архив (ныне — РЦХИДНИ), ф. 4, оп. 3, д. 41, л. 111). Ленин сообщал: «...ни писем, ни пакетов, ни денег от Вас не получили...» (впервые опубликовано: Пролетарская революция. 1923. № 9 (21)). Характер писем дает основания полагать, что они могли для сведения предназначаться Парвусу.

⁷ «Заявление русских корреспондентов» подписали: Весов, Вейтес, Гроссман, Каро и другие. Опубликовано: Русское слово. 1917. 19 июля (1 августа). Оригинал письма см.: бывший Центральный партийный архив (ныне — РЦХИДНИ), ф. 299, оп. 1, д. 45.

⁸ «...то был Лурье...» — Ларин Ю. (Лурье М. З.).

⁹ Demi-mond (фр.) — полусвет; в контексте — развращенная, продажная женщина.

¹⁰ «...она [Е. М. Суменсон] во всем и сразу чистосердечно призналась...» — Показания Суменсон содержатся в неопубликованном 18-м томе архивного следственного дела о государственной измене Ленина.

¹¹ «...досье компании Сименс». — «Сименс–Шуккерт», завод динамо–машин «Русского акционерного общества Сименс–Шуккерт» в Петрограде. Основан в 1898 г., построен в 1912 г., в 1917 г. — около двух тысяч рабочих. Сименс Эрнст Вернер (1816–1892) — один из основателей и владельцев крупных германских электротехнических концернов.

Завод «Сименс–Шуккерт» был организационно–пропагандистской опорой большевиков, на нем часто выступал Ленин. Именно на этом предприятии сосредоточивался немецкий агентурно–шпионский центр; здесь был, к примеру, в июле 1917 г. арестован крупный агент Виккер Альфонс.

¹² О некоторых шведско–германских тайных связях, направленных в период мировой войны против России, пишут многие исследователи. Накануне Октябрьского переворота Стокгольм являлся своеобразной штаб–квартирой немецкой разведки, которой руководил «гражданский инженер» капитан Хельдт. Вместе с ним работали полковник Лассен и капитан Экман. Германскими шпионскими «гнездами», где разрабатывались агентурно–диверсионные акции против России, были пригородные виллы Стокгольма, пансион мадам М. Олиер, немецкая пивная «Кайзерхоф» и др.

¹³ «...дача Дурново...» — Дача на Выборгской стороне под Петроградом. Названа по фамилии генерала, члена Государственного Совета Петра Павловича Дурново. Дача являлась местом сборищ анархистов. Здесь по распоряжению Временного правительства в ночь

на 19 июня (2 июля) 1917 г. было арестовано около 60 человек. Акция предпринята в ответ на налет анархистов на тюрьму «Кресты».

¹⁴ «...мы все равно 7 июля приступим к ликвидации большевиков в самом Петрограде». События 3–5 июля 1917 г. в столице и загадочное поведение А. Ф. Керенского нарушили планы контрразведки. Б. Никитин в книге «Роковые годы» (глава «Июльское восстание»), писал, что «...сделал большой промах, передав эти сведения для доклада Временному правительству».

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВ Немецкий агент Парвус

¹ Несколько лет назад у автора настоящей статьи в одном из московских архивов была «арестована» тетрадь с выписками из документальных материалов следственного дела (июль—сентябрь 1917 г.) о государственной измене Ленина и его сообщников.

² Документально — архивные материалы, связанные с Гельфандом—Парвусом и его немецко-большевистским окружением см.: Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ) (Москва), ф. 299, оп. 1, ед. хр. №№ 21, 31, 44, 45, 50, 52 и др.

³ *Парвус*. По тюрьмам во время революции: Побег из Сибири. СПб., 1908. С. 145.

⁴ Власть народа (Москва). 1917, 7(20) июля. — См. также: *Шуб Д.* Парвус, Ленин и Вильгельм II. Германско-большевистский заговор 1917 г. // Свет. Нью-Йорк—Москва, 1991. № 4. С. 15.

⁵ *Парвус*. В чем мы расходимся? Ответ Ленину на его статьи в «Пролетарии». Женева (1905).

⁶ Список русских масонов в Париже, в том числе Гельфанда—Парвуса, был дан французской службой безопасности в досье 1933 г. — См. публикацию Олега Платонова: Литературная Россия. 1993. 25 июня, № 24–25.

⁷ *Zeman Z. F. D.* (ed.). Germany and Revolution in Russia (1915–1918). Documents from the Archives of the German Foreign Ministry. London, 1958. (Германия и революция в России. 1915–1918: Документы из архивов Министерства иностранных дел Германии // Под ред. З. Земана). Документ № 3. Далее для сокращения: Земан, порядковый номер документа.

⁸ *Троцкий Л.* Портреты революционеров. Бенсон, Вермонт, 1988.

⁹ Список пассажиров «запломбированных вагонов» см.: Общее дело. Париж, 1921. 14 октября, № 18.

¹⁰ *Платтен Ф.* Ленин из эмиграции в Россию. М., 1990.

¹¹ *Элькин Б.* Историяпломбированного вагона // Последние новости. Париж, 1930. 2 марта.

¹² *Fester R.* 1) Die Politik Keiser Karls und der Wienderpunkt des Weltkrieges. Berlin, 1925. 2) Die politische Kampfe un den Friden 1916–1918 and das Deuschtum. Berlin, 1938.

¹³ *Мельгунов С. П.* Золотой немецкий ключ большевиков (Предисловие «От редактора» А. Серебренникова). 2-е изд. Нью-Йорк: Телекс, 1989 (см. гл. «Пломбированный вагон»).

¹⁴ В названии института имеются разночтения. Встречается наименование «Общество социальных исследований последствий войны».

¹⁵ *Фельштинский Ю.* Деньги для диктатуры пролетариата // *Родина*. 1900. № 11. С. 44.

¹⁶ См.: *Рабочая газета*. 1917. 11 июля.

¹⁷ *Scharlau, Winfried, Zeman Zbynek A.* Friebeuter der Revolution. Parvus—Helphand. Eine polit. Biographie. Köln, 1964. — См. также: *Земан З., Шарплау В.* Парвус — купец революции. Нью-Йорк: Телекс, 1991.

¹⁸ *Шуб Д.* Купец революции: Парвус и германо-большевистский заговор // Ленин. Воспоминания и документы. 1. Лондон, 1969. — Более подробный обзор Д. Шубом книги «Купец революции» см.: Свет. Нью-Йорк—Москва, 1991. № 4.

¹⁹ *Катков Г. М.* Февральская революция / Предисловие А. И. Солженицына. Париж, 1984. С. 262.

²⁰ *Шуб Д.* Парвус, Ленин и Вильгельм II. С. 12.

²¹ РЦХИДНИ, ф. 299, оп. 1, ед. хр. 45.

²² *Войтинский В.* Годы побед и поражений. Т. 2. — См.: Голос минувшего на чужой стороне. Париж, 1926. № 2 (XV). С. 102–103.

²³ *Троцкий Л.* Ленин как национальный тип. Л., 1924. С. 4.

ГЕОРГИЙ КАТКОВ

Революция и германское вмешательство

Источник: *Катков Г. М.* Февральская революция (Предисловие А. И. Солженицына). Париж, 1984. 1-е издание — 1967 г.

В настоящем сборнике печатается 5-я глава книги. Георгий Михайлович Катков родился в 1903 году в Москве, в 1921-м эмигрировал; окончил в 1929 г. Пражский университет. С 1939 г. — в Англии, профессор Оксфордского университета. Один из наиболее авторитетных исследователей темы германо-большевистского заговора.

Публикуемые ниже примечания принадлежат Г. М. Каткову.

¹ Документы с факсимиле были опубликованы в книге: *Sisson Edgar.* 100 Red Days. London, 1931. См. также: *Мельгунов С. П.* Золотой немецкий ключ к большевистской революции. Париж, 1940. Кроме того: *Kenann George.* Статья в «The Journal of Modern History», 1956, где все данные обстоятельно проанализированы.

² Подробная библиография содержится в английском издании книги: *Katkov George.* Russia 1917. The February Revolution. London, 1917. P. 447–452. В нижеследующих примечаниях упомянуты важнейшие публикации по теме.

³ *Scherer A., Grunewald J.* L'Allemagne et les problemes de la paix. Documents extraits des archives de l'Office allemand des Affaires Etrangeres, publies et annotes par Andre Scherer et Jacques Grunewald. Aout 1914—1931 janvier 1917. Preface de Maurice Baumont et Pierre Renouvin. Paris, 1962. P. 343. *Fischer Fritz.* Griff nach der Weltmacht. Die Kriegszielpolitik des keiserlichen Deutschland (1914—1918). Dusseldorf, 1962. S. 281.

Барон Люциус фон Штеттен был в это время немецким посланником в Стокгольме.

⁴ *Scherer A., Grunewald J.* Указ. соч. С. 64. Каковы бы ни были мотивы Витте, поступок этот был неосмотрителен и вреден. Происхождение его состояния не лишено интереса. В 1912 году Витте, ссылаясь на стесненные обстоятельства, просил царя подарить ему

200 000 рублей. Коковцов поддержал эту просьбу, и Николай II, хотя и неохотно, согласился. (См.: *Kokovtsov V. N. Out of my Past.* Oxford University Press, 1935. P. 329. — Русское издание: *Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания.* Париж, 1933.) С началом войны вклады Витте в Германии оказались под секвестром, что его явно беспокоило. 25 января (7 февраля) 1915 года Витте написал Мендельсону, что, так как ему якобы сделано предложение быть представителем России на мирной конференции после войны, он хотел бы внести ясность в свои отношения с немецким банком. Поэтому он просит Мендельсона, в случае если тот считает его назначение для немецкой стороны желательным, перевести все его вклады в Копенгаген или Стокгольм на имя его жены. Даже Мендельсон считал, что такая операция совершенно скомпрометирует Витте, и потому советовал перевести вклады на имя достойного доверия нейтрального лица. Из этого ничего не вышло, так как через несколько недель Витте умер.

⁵ Иосиф Колышко писал в газетах «Гражданин» и «Русское Слово» под псевдонимом «Серенький» и «Баян».

⁶ В тайных переговорах с немцами, кроме Колышко, в 1916 году участвовал князь Бебутов, бывший член Первой думы, которого хорошо знали в кадетских и масонских кругах. В последние предвоенные годы и после начала войны до 1916 года он жил в Германии и несомненно имел дело с германской разведкой. В 1916 году Бебутов появился в Стокгольме и был приглашен на ужин в русское посольство. Одновременно, используя связи с немецкой агентурой, он пробовал сблизиться с немецкими дипломатами в Скандинавии. Но Германское министерство иностранных дел не доверяло Бебутову, и он имел дело с посредником, «директором Бокельманом», который вел дела также и с Колышко. После революции Бебутов вернулся в Россию, где Временное правительство посадило его на некоторое время под домашний арест. О многосторонней и сомнительной деятельности Бебутова см. гл. 8, § 2.

⁷ *Scherer A., Grunewald J.* Указ. соч. С. 371 и далее.

⁸ Манасевич–Мануйлов, бывший агент тайной полиции и личность темная, интриган из распутинского окружения, был накануне ареста. Называть его главой канцелярии или секретарем Штюрмера — явное преувеличение со стороны Колышко. Манасевич–Мануйлов помогал Штюрмеру в разных деликатных делах по ведомству контрразведки. Он был арестован за попытку вымогательства, связанную с этой деятельностью. Это событие вызвало небывалую бурю возмущения в русском обществе. Суд начался в декабре 1916 года и был отложен по распоряжению государя, который уступил давлению начальников Манасевича–Мануйлова по контрразведке, генералов Батюшина и М. Д. Бонч-Бруевича. Вмешалась и императрица. Все же процесс вскрыл неблагоприятность методов работы контрразведки при Батюшине. Процесс был возобновлен в феврале и закончился за несколько дней до революции осуждением Манасевича–Мануйлова и возбуждением дела против самого Батюшина.

⁹ *Scherer A., Grunewald J.* Указ. соч. С. 371 и далее.

¹⁰ *Scherer A., Grunewald J.* Указ. соч. С. 464.

¹¹ *Scherer A., Grunewald J.* Указ. соч. С. 435.

¹² Гл. 8, § 6.

¹³ *Спиридович А. И. Последние годы Царскосельского двора.* (Цитируется в обратном переводе по французскому изданию: *Les dernieres annees de la cour Tzarsoike Selo.* Paris, 1928–1929. Vol. II. P. 419): «Дмитрий Львович Рубинштейн получил юридическое образова-

ние в лицее Демидова в Ярославле, был директором банка в Харькове и стал управляющим великого князя Андрея Владимировича. Это помогло ему стать главным директором частного коммерческого банка в Петрограде. В Петрограде Рубинштейн жертвовал большие суммы на различные благотворительные цели, был награжден орденом Св. Владимира и произведен в действительные статские советники (что давало ему право называться "Ваше Превосходительство")».

Спиридович предполагает, что Рубинштейн знал Вырубову с 1908 года, и считает, что он начал финансовые операции с ее капиталом еще до 1913 года. Рубинштейн оказывал финансовую помощь лицам, которых Вырубова ему рекомендовала. В апреле 1914 года он попросил ее принять на благотворительные цели сумму в 100 000 рублей. Вырубова, по глупости, приняла эти деньги и послала Рубинштейну подробный отчет о том, как они были использованы. Вскоре после этого Распутин познакомился с Рубинштейном и пригласил его к себе. С этого времени Рубинштейн регулярно снабжал Распутина деньгами. Между прочим, Рубинштейн оплачивал квартиру Распутина. Будучи начальником дворцовой охраны и имея тесные связи с директором Департамента полиции Белецким, Спиридович достоверно знал об этих делах. Спиридович пишет: «Вся финансовая сторона деятельности Распутина тщательно скрывалась от Их Величества. Августейшие жители Царского Села продолжали видеть в Распутине молитвенника, занятого исключительно религиозными вопросами». Распутин добился того, что Рубинштейна выпустили из тюрьмы в декабре 1916 года.

¹⁴ Scherer A., Grunewald J. Указ. соч. С. 392 и далее.

¹⁵ См. о стачечном движении на Путиловском заводе в гл. 5, § 6, а о московском анти-немецком погроме в мае 1915 года — гл. 8, § 7.

¹⁶ Генерал М. Д. Бонч-Бруевич — это брат ученого-большевика В. Д. Бонч-Бруевича, который много занимался русским сектантством, а в феврале 1917 года агитировал в Петрограде казаков. См. гл. 10, § 3. Это никак не отражалось на генеральской карьере, М. Д. принимали при дворе, главнокомандующий Северного фронта Рузский был о нем очень высокого мнения. Братья Бонч-Бруевичи оставались в близких отношениях во все время войны и революции.

¹⁷ См. гл. 6.

¹⁸ См.: Бонч-Бруевич М. Д. Вся власть Советам. М., 1957. С. 79; Экономическое положение России накануне Октябрьской революции. В 2-х тт. М., 1947. Т. 1. С. 460–476.

¹⁹ И все-таки самая злостная антицарская пропаганда публиковалась в Германии непосредственно перед войной. Например, анонимная, богато иллюстрированная, крупного формата книга «Последний русский самодержец» (Берлин, 1913). По свидетельству генерала Спиридовича (Указ. соч. Т. 2. С. 328), автором был небезызвестный князь Бебутов, уже упоминавшийся выше. См. гл. 5, § 2 и гл. 8, § 2.

²⁰ Ленин с Фюрстенбергом-Ганецким и Зиновьевым устроили нечто суда чести, который обелил имя Малиновского. О дальнейшей деятельности Малиновского см. гл. 5, § 9, а также: Wolfe B. Three who made a Revolution. New-York, 1938. P. 550 // «Былое» (издание Бурцева). № 1. Новая серия. Париж, 1933. С. 120 и далее.

²¹ Olga H. Ganlin and H. H. Fischer. The Bolschevics and the World War. Stanford University Press, 1940. P. 139.

²² С атмосферой эмигрантского революционного подполья в Швейцарии знакомит роман Joseph'a Conrad'a «Under Western Eyes».

²³ Существуют два письма Ленина, в которых он напоминает Шкловскому о необходимости попросить «этого мерзавца Моора» вернуть какие-то бумаги. «Мерзавец» в этом контексте выглядит скорее фамильярностью, чем ругательством. См. «Ленинский сборник» XI (1931). С. 226.

²⁴ Роль Крупской стала известна благодаря публикации ее записных книжек в «Историческом архиве» (№ 3, 1959).

²⁵ Н. А. Рубакин, известный в немецких документах под кличкой «доктор Мартель», написал антимонархический памфлет, который он хотел опубликовать в Германии для распространения среди военнопленных, ставя условием, что одновременно памфлет выйдет по-немецки для немецких солдат. Немецкие военные власти, разумеется, этот проект отклонили. Трудно сказать, кто кого хотел обмануть в этом своеобразном предприятии. См. архивы немецкого посольства в Берне.

²⁶ В обширной и подробной литературе о деятельности Ленина во время войны не упоминается о человеке по имени Зифельдт. Это само по себе говорит о том, сколь осторожно надо относиться к источникам, как бы обширны и авторитетны они ни были на первый взгляд. Существование Зифельдта впервые обнаружилось в интервью М. Футрелла с престарелым Кескюлой. Это натолкнуло на дальнейшие поиски, благодаря чему была обнаружена статья Зифельдта, опубликованная в 1924 году в газете «Бакинский Рабочий». Статья эта — очевидно, подлинная — рассказывает о знакомстве Зифельдта с Лениным и о жизни русской эмиграции в Швейцарии. В ней приводится также свидетельство очевидца о посещении А. Гельфандом (Парвусом) Швейцарии весной 1915 года (гл. 5, § 4). Пребывание в то время Зифельдта в Швейцарии подтверждается и архивами Охранки, находящимися в библиотеке Гувера. См. также: *Futrell M. Northern Underground*. London, 1963. Особенно с. 173.

²⁷ *Futrell M. Northern Underground*. (London, 1963. P. 119–1918). Documents from the Archives of the German Foreign Ministry. London, 1958. P. 6, 7.

²⁸ И все же Инесса Арманд отправилась во Францию и работала там в Циммервальдском объединении. См.: *Kriegel A. Sur les rapports de Lenine avec le mouvement Zimmerwaldien francais*. — *Cahiers du Monde Russe et Sovietique*, Paris, 1962. Vol. III: 2, april—juin. P. 299.

²⁹ *Futrell M.* Указ. соч. С. 146.

³⁰ *Земан*. Указ. соч. С. 140–152: Preparations for a Political Mass Strike in Russia.

³¹ *Lehmann C. und Parvus*. Das Hungernde Rußland. Stuttgart, 1900.

³² Записные книжки Гельфанда содержат несколько поэтических опытов в духе военной пропаганды, призывающих объявить «газават» России, историческому врагу ислама.

³³ См.: *Земан*. Указ. соч. С. 140–152; *Scharlau W. B.* Parvus–Helfand in the First World War (Oxford doctoral thesis, 1963, unpublished)

Во время пребывания в Берлине Гельфанд познакомился с дипломатом, доктором Куртом Ризлером, откомандированным с Вильгельмштрассе в Генеральный штаб, где он работал в тесном сотрудничестве с полковником фон Хюльсенем из политического отдела.

³⁴ *Земан*. Указ. соч. С. 1.

³⁵ Там же. С. 140–152. Особенно интересны указания Гельфанда относительно агитации в черноморских портах. Он настаивает, что она должна начаться немедленно, одновре-

менно с подготовкой к массовой забастовке: «Связь с Одессой, Николаевом, Севастополем, Ростовом–на–Дону, Батумом и Баку можно установить через Болгарию и Румынию. Во время революции [1905 года] тамошние рабочие выдвигали требования локально–профессионального характера. Сначала им обещали эти требования удовлетворить, потом отклонили, но на этом дело не кончилось. Всего два года назад там бастовали грузчики и портовые рабочие, и старые требования опять выплыли на свет. Агитация на них и должна базироваться, мало–помалу приобретая политический характер. Хотя всеобщая забастовка в черноморском бассейне вряд ли возможна, вполне реально наладить, не упуская из виду тамошнюю безработицу, локальные забастовки в Николаеве, Ростове и среди некоторых профессий в Одессе. Такие забастовки могут стать важным симптомом нарушения того перемещения, которое снизошло на внутрироссийскую распря с началом войны».

³⁷ *Земан*. Указ. соч. С. 3.

³⁸ «Правда глаза колет». Стокгольм, 1918.

³⁹ См. примеч. 26 к наст. главе.

⁴⁰ См. статью о Фюрстенберге–Ганецком в: «Вопросы истории КПСС», 1964, № 3, где подтверждается, что в 1916 году Фюрстенберг работал в Стокгольме для Ленина, однако нет никаких упоминаний о его более ранней деятельности в Копенгагене.

⁴¹ *Futrell M.* Указ. соч. С. 152–196; гл. 5, § 5.

⁴² *Futrell M.* Указ. соч. Гл. 7.

⁴³ *Ленин*. Сочинения. 3–е изд. Т. XX. С. 55.

⁴⁴ Там же. Т. XIX. С. 276. «Летопись» была журналом левых, и там печатались едва закамфлированные пораженческие статьи Суханова. Горький был главным сотрудником. Белинин — псевдоним Шляпникова. Под «Бончем» подразумевается Владимир Бонч–Бруевич, см. гл. 5, § 2.

⁴⁵ Это было мастерски сделано в вышеупомянутой книге Футрелла.

⁴⁶ Он вскоре передал редакторство одному из оставшихся ему верными немецких социал–демократов, а именно — Генишу. Гениш сотрудничал с другими немецкими социалистами или, употребляя термин Ленина, «социал–патриотами». Под их руководством газета приняла более провоенное направление, чем при Гельфанде, и на страницах этого своеобразного органа встречались утверждения, что в данный момент Гинденбург является истинным борцом за социализм. После революции в Германии Гельфанд высказывал сожаление о низком политическом уровне своей газеты и оправдывался тем, что у него не было времени контролировать ее редакторский состав. В действительности же патриотические статьи в «Die Glocke» были нужны для того, чтобы доказать германским властям, что они ничем не рискуют, поддерживая деятельность интернационального революционера русско–еврейского происхождения. См.: *Scharlau W. B. and Zeman Z. A. B. Freibeuter der Revolution.* Köln, 1964. S. 347. — Кроме того, см. диссертацию Шарлау (примеч. 34 к наст. главе).

⁴⁷ *Земан*. Указ. соч. С. 10.

⁴⁸ Там же. С. 3, 10.

⁴⁹ См. примеч. 34 к наст. главе.

⁵⁰ *Земан*. Указ. соч. С. 8.

⁵¹ Там же. С. 9.

⁵² Там же.

⁵³ Там же. С. 10.

⁵⁴ *Земан*. Указ. соч. С. 14. Брокдорф–Ранцау доложил 23 января 1916 года, что «сумма в 1 миллион рублей, представленная ему (Гельфанду), была немедленно переправлена в Петроград, где и употреблена на цели, для которых она была предназначена».

⁵⁵ «Красная летопись», VII, 1923. С. 208 и далее. Опубликовавший письмо советский архивист, некто Быстрянский, удивляется, что А. Шляпников в своей «в остальных отношениях столь ценной» книге (Канун семнадцатого года: Воспоминания и документы о рабочем движении и революционном подполье за 1914–1916 гг. 3-е изд. М.–Пг., 1923) дает так мало деталей событий. По мнению Быстрянского, полицейские архивы, которые еще не были опубликованы в Советском Союзе, содержат большое количество важной информации о революционной деятельности в первые месяцы 1916 года. О большевике Шляпникове см. выше, гл. 2, § 2.

⁵⁶ Обычно полиция арестовывала потенциальных главарей, если осведомители сообщали о назревающих беспорядках.

⁵⁷ См.: *Балабанов М.* От 1905 к 1917 году. М.–Л., 1927. С. 411. Балабанов считает, что цифра 100 000, сообщенная Шляпниковым, вполне правдоподобна. 100 000 демонстрантов — соответствует количеству, которое Гельфанд в разговоре с Брокдорф–Ранцау брался вывести на улицу 9 января.

⁵⁸ *Земан*. Указ. соч. С. 140.

⁵⁹ Полицейское донесение описывает положение следующим образом: «После объявления Германией войны России многие иностранные подданные были удалены с завода, но, несмотря на это, отношения между рабочими и германской администрацией завода еще более обострились. Рабочие стали особенно чутко относиться ко всем распоряжкам на заводе, усматривая в них признаки злого намерения иностранцев причинить вред России. О всех злоупотреблениях заводской администрации рабочие были хорошо осведомлены и под влиянием патриотического чувства настолько сильно озлоблены, что при малейшем поводе легко могли вылить свое настроение в форме беспорядков. Узнав, например, что происходившая на Путиловской верфи при возникновении войны забастовка была умышленно вызвана бывшим директором немцем Орбановским, рабочие заявили администрации, что если кто-либо из германских подданных из состава администрации, в том числе и Орбановский, явится на завод, то будет убит. В первое время, по увольнении с завода наиболее влиятельных германских подданных, работы на заводе стали исполняться значительно скорее прежнего, но через некоторое время выполнение военных заказов вновь почему-то стало запаздывать. Ввиду сего администрации завода было разрешено задерживать на заводе необходимых для производства рабочих, хотя и подлежащих по мобилизации призыву в войска, но администрация, воспользовавшись этим разрешением, стала освобождать от призыва не тех рабочих, которые действительно были необходимы для пользы дела, а лишь удобных ей, хотя и малополезных лиц, в результате чего создавался недостаток в опытных рабочих и снова началась задержка в изготовлении даже срочных заказов». *Флеер*. Указ. соч. (см. примеч. 21 к гл. 1). С. 256, 257.

Агитация против немцев и администрации завода продолжалась, и в августе 1915 года рабочие потребовали удаления натурализованных лиц немецкого и австрийского происхождения.

⁶⁰ Полицейский доклад, цитируемый Флеером (Указ. соч. С. 259), объясняет перемену настроений агитацией «революционных партий»: «Под влиянием означенной агитации, принявшей самые широкие размеры в столице, на местных фабриках и заводах стали образовываться тайные кружки, устраиваться митинги и нелегальные собрания и возникать частичные забастовки... На Путиловском заводе, рабочие коего в конце августа предъявили заводу управлению, наряду с условиями экономического характера, также ряд политических требований, сводящихся к нижеследующему: 1) освобождение из ссылки пяти членов социал-демократической фракции Государственной думы, сосланных в Сибирь в феврале 1915 года; 2) введение всеобщего избирательного права; 3) установление свободы печати; 4) продление сессии Государственной думы. Для подкрепления своих требований рабочие этого завода прибегли к т. н. итальянской забастовке... работа, производившаяся ранее в одну смену, стала растягиваться ими на две и более смены».

⁶¹ *Флеер*. Указ. соч. С. 262. «...Из всего вышеприведенного явствует, что в основе этой забастовки лежали причины чисто экономического характера, и на этой почве она, вероятно, и протекала бы, если бы в данном случае не было вмешательства со стороны революционного элемента. Руководящая "ленинская группа", присвоившая себе наименование "Петербургского Комитета Российской социал-демократической рабочей партии", считая вообще экономические выступления рабочих масс в данный момент несвоевременными и всячески противодействуя порывам рабочих создавать неорганизованные выражения недовольства отдельными промышленными предприятиями по поводу тяжелых экономических условий жизни, однако верная планам и задачам руководителей своего подполья, всегда стремится использовать всякие крупные общественные движения в своих целях. И данную забастовку путиловцев означенная организация решила использовать как возможность, приближающую к осуществлению конечных идеалов социал-демократии...».

Полицейский доклад подчеркивал, что большевики и находящиеся под их влиянием социал-демократы против закона о милитаризации промышленных предприятий, который должен был быть принят в Думе, и призывают начать гражданскую войну 10 февраля, в годовщину приговора большевистским депутатам Думы.

⁶² *Флеер*. Указ. соч. С. 226.

⁶³ Это были суда «Императрица Мария» и «Александр Третий». Первое поступило в распоряжение флота осенью 1916 года, но было выведено из строя актом саботажа в Севастопольском порту. Характерно, что Гельфанд в своем меморандуме делает ставку на саботаж, который, с его точки зрения, всегда должен идти рука об руку с революционной пропагандой.

⁶⁴ *Флеер*. Указ. соч. С. 247 и далее.

⁶⁵ Муравьев, конечно, ссылается на такие забастовки, как описанная выше забастовка на Путиловском заводе.

⁶⁶ *Земан*. Указ. соч. С. 149.

⁶⁷ Письмо Григоровича Горемыкину частично цитируется у Флеера (Указ. соч. С. 11). Записки Яхонтова, касающиеся секретного заседания Совета министров 26 августа 1915 года, опубликованы в АРР, XVIII, с. 105. В неопубликованной части записок Яхонтова есть и другие сведения о немецкой подрывной деятельности, данные Григоровичем... О Яхонтове см. примеч. 2 к гл. 7.

⁶⁸ *Земан*. Указ. соч. С. 14–15. Объяснения Гельфанда не были вполне понятны Брокдорф–Ранцау, который дает несколько искаженную их версию. Например, он говорит, что русское правительство «представило многим лицам, которые до войны были связаны с революционерами, руководящие посты и таким образом сильно ослабило революционное движение». Это явная ссылка на образование рабочих групп военно-промышленного комитета.

⁶⁹ Красная летопись. VII. 1923. С. 208 и далее.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ В тщательно дозированных воспоминаниях Ф. Казна, который в Копенгагене был при Брокдорфе–Ранцау чем-то вроде пресс-атташе, говорится, что автор не может рассказать всего, что ему известно о существовавшем в 1916 году у Гельфанда плане подтолкнуть революцию в России. Он подчеркивает, что «кое-что» из того, что было скрыто, так и останется тайной, потому что в бумагах министерства ничего найти не удастся. В качестве участников операции Казн называет немецких дипломатов в Берне, Стокгольме и Копенгагене, причем читатель может понять, что в успех дела внесли свою лепту и другие немецкие представительства. — *Cahen Fritz M. Der Weg nach Versailles*. Boldt, Boppard // Rhein, 1963. S. 197.

⁷² *Шарлау* и *Земан*. Указ. соч. (см. примеч. 46 к наст. гл.). С. 232 и далее.

⁷³ См. доклад ревизора М. Кнаца от 7 декабря 1917 года, процитированный Шарлау в его оксфордской диссертации, с. 211. См. также: *Шарлау* и *Земан*. Указ. соч. С. 232.

⁷⁴ Красная летопись. VII. Петроград, 1923. Кондратьев пишет: «Примерно в конце или в начале кампании [по подготовке забастовки 9 января 1916 года], Краузе [Кондратьев неправильно пишет необычное имя Краузе] прибыл и остановился в гостинице «Дагмара». Получивши от кого-то [отметим осторожность Кондратьева] явку ко мне, он имел несколько свиданий со мной и с тов. Шмидтом. Ему были переданы некоторые материалы для ЦК нашей партии о ходе кампании по работе Петербургского комитета. Точно так же были переданы сведения относительно последних экономических стачек в Питере». Дальше в воспоминаниях есть интересное место — которое вполне может быть позднейшей вставкой, — показывающее, что никаких денег от Краузе не было. И это могло быть правдой, так как Кескюля не располагал большими деньгами для распространения в России, а Гельфанд не использовал бы Краузе посредником в финансовых делах. В статье говорится: «Помню, на одном из свиданий с Краузе, где мне пришлось присутствовать вместе с тов. Шмидтом, был затронут вопрос об отчислении денежных сумм ЦК, которые необходимы были для обратного проезда Краузе. Мы тогда не имели абсолютно никакой возможности хоть скольконибудь уделить средств Центральному Комитету и предложили Краузе 25 рублей, от которых, конечно, последний отказался».

⁷⁵ Подробно о жизни и судьбе Краузе см.: *Futrell*. Указ. соч., глава VI.

⁷⁶ *Земан*. Указ. соч. С. 12–14. Одним из документов, вывезенных из России организацией Кескюля, была Диспозиция № 1 Комитета народного спасения. См. гл. 8, § 2.

⁷⁷ См. гл. 5, § 2.

⁷⁸ *Scherer A., Grunewald J.* Указ. соч. С. 488, 570, 689.

⁷⁹ Там же. С. 467.

⁸⁰ См. письмо Штейнваку в архивах немецкого посольства в Берне.

⁸¹ То есть меньшевики–пораженцы.

⁸² *Ленин*. Сочинения. 3-е изд. Т. XX. С. 5, 6 и далее.

⁸³ Германский канцлер утверждает, что инструктировал своего посланника в Берне — организовать эту операцию сразу после получения известий о Февральской революции в Петрограде. Гельфанд поддерживал этот план. Генеральный штаб, в лице главы политического отдела, полковника фон Хюльсена, готов был всемерно способствовать делу, с полного одобрения Людендорфа; если бы шведы отказались пропустить политических эмигрантов, то германская армия позаботилась бы о том, чтобы переправить их через линию фронта.

⁸⁴ Документированное описание можно найти в книге: *Hahlweg Werner. Lenins Rückkehr nach Rußland. Leiden, 1957.*

Все прочие данные сверять с приведенными в этой книге.

⁸⁵ Кайзера благоразумно ни о чем не осведомляли. Когда он позже узнал из газет, что группа русских революционеров хочет вернуться на родину через Германию, то немедленно принялся советовать, как это устроить, чего от них потребовать и какие дать указания. На счастье немецкой администрации, советы, которые могли разрушить всю операцию, запоздали, так что кайзера успокоили заверением, что все его желания были предвидены. — См.: *Хальвег*. Указ. соч. С. 93 и далее.

⁸⁶ *Земан*. Указ. соч. С. 42, цитируется Радек.

⁸⁷ Там же. С. 52.

⁸⁸ См.: *Хальвег*. Указ. соч. С. 93 и далее; *Земан*. Указ. соч. С. 53.

⁸⁹ *Земан*. Указ. соч. С. 53.

⁹⁰ Там же. С. 54–56.

⁹¹ *Mayer Gustav. Erinnerungen. Zurich und Wien, 1949.*

⁹² Там же. С. 260. «Больше всего Нассе привлекал мой абсолютно надежный адрес. Время от времени, по почте или через связных, главным образом женщин, я получал письма, рукописи, иногда денежные переводы, которые должен был хранить, не распечатывая, пока Нассе или его доверенные лица их не заберут. Иногда, однако, мне приходилось самому все относить таким адресатам, с которыми, как предупреждал Нассе, мне, в своих собственных интересах, не следовало иметь никаких сношений».

⁹³ Относительно установления личности Байера см. статью Otto–Ernst Schueddekopf in «Archiv für Sozialgeschichte». В. III, 1963.

⁹⁴ Это подтверждается тем обстоятельством, что в начале следующего финансового года, когда Федерн представлял Рейхстагу свои сметы по возобновлению кредита, он запросил Министерство иностранных дел, может ли он «сопроводить свои последние сметы... некоторыми комментариями, относящимися к внешней политике, чтобы несколько оживить атмосферу». Ему не позволили этого сделать. См.: *Земан*. Указ. соч. С. 119.

⁹⁵ Ср. «письма, рукописи» и т. д. Майера — примеч. 92.

⁹⁶ *Ленин*. Сочинения. Т. XXIX. С. 355 и далее.

⁹⁷ Этот документ был впервые опубликован в «International Affairs» в апреле 1956 года. С тех пор о нем много говорилось, даже и в советском историческом журнале «Вопросы истории» (там же трактуется как «последняя фальшивка»). См. также: *Земан*. Указ. соч. С. 94–95.

⁹³ *Kerensky A. F. Crucifixion of Liberty. London, 1934. P. 285.*

⁹⁹ Госпожа Суменсон, из петроградского полусвета. Через нее поддерживалась связь с Фюрстенбергом.

¹⁰⁰ *Futrell. Указ. соч. С. 167.* Это обеспечивало большевикам вторую линию защиты, так как они могли утверждать, что деньги, посланные Козловскому из Скандинавии, были предназначены не для них, а для Польско-литовской социал-демократической партии, борющейся против немецкой оккупации в Польше.

¹⁰¹ В статье говорится, что Фюрстенберг, приехав в Копенгаген в 1915 году через Францию и Англию, стал работать в коммерческом предприятии, которое финансировал Гельфанд, потому что: а) он считал Гельфанда порядочным человеком (и все еще считает); б) потому что эта работа давала ему возможность не только содержать семью, но и оказывать значительную финансовую помощь Польской партии, организованной в русской Польше, что он и делал. «Политически Фюрстенберг ни в какой мере не был связан с Гельфандом. Наоборот, поддерживая печать и организацию Польской партии, которая была в резкой оппозиции к германским оккупационным властям и стояла на платформе левых циммервальдцев, открыто заявляя о своей солидарности с Либкнехтом, Фюрстенберг работал против политики Гельфанда. Только история покажет, чье суждение о Гельфанде как о человеке правильно — Ленина или Фюрстенберга».

¹⁰² Из письма Казна к Брокдорфу-Ранцау, факсимиле которого приложено к книге Казна, мы узнаем, что Майер вновь был в Стокгольме в сентябре и неоднократно видел Радека, с которым обсуждал, как можно будет организовать защиту Ленина, если в Петрограде дойдет до суда. (См. примеч. 71 к настоящей главе.)

¹⁰³ *Ленин. Сочинения. Т. XXIX. С. 358.*

¹⁰⁴ Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б), август—февраль, 1918. Москва, 1958. С. 69, 70.

¹⁰⁵ Карл Моор приехал в Советский Союз после Октябрьской революции и работал с Куртом Ризлерсом, советником германского посольства при графе Мирбахе. О нем (разумеется, под именем Байер) часто упоминается в германских документах того времени. В 1919 году он вернулся в Берлин и помог извлечь Радека из тюрьмы, куда тот попал за авантюристическую попытку устроить коммунистическую революцию в Германии. Карл Моор был посредником между ним и германскими социал-демократическими кругами. Позже он вернулся в Россию, где имел какие-то затруднения с ГПУ. В 1925 году жившие в Москве и встречавшиеся с ним иностранцы подозревали его в связи с ГПУ. В примечаниях «Ленинского сборника», XI (1931), сказано, что он жил в доме для престарелых пенсионеров имени В. И. Ленина. Умер Моор не в России. После нескольких лет тяжелой болезни ему разрешили уехать, и он умер в больнице Шарите, в Берлине, 14 июня 1932 года. Швейцарские социалистические газеты поместили о нем теплый некролог. То же сделал германский социалист, писатель-сталинист Курелла. Подробнее о Мооре см.: *Otto-Ernst Schueddekopf in «Archiv für Socialgeschichte». В. III, 1963.*

¹⁰⁶ *Казн. Указ. соч. С. 220.*

¹⁰⁷ *Futrell. Указ. соч. С. 157, 165–167.*

Следствие о государственном преступлении Ленина и К⁰ (Показания свидетелей Г. Плеханова, В. Бурцева и других)

Показания Г. В. Плеханова, Г. А. Алексинского, И. П. Васильева, С. П. Белецкого, В. Л. Бурцева на предварительном следствии по делу о вооруженном выступлении в Петрограде 3(16)–5(18) июля 1917 года.

Источник: бывший Центральный партийный архив, ныне — Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ), ф. 4, оп 3, д. 41. Корректурa № 244.

¹ «... в брошюре Л. Мартова, изданной за границей в 1908 году под заглавием “Спасители или разрушители”». — Правильно: *Мартов Л.* Спасители или упразднители? (Кто и как разрушал РСДРП). Издание «Голоса социал-демократа». Париж, 1911. В брошюре говорится о неблагоприятных финансовых махинациях большевиков под руководством, по словам автора, «главы секты» В. И. Ленина.

² Антид Отто — псевдоним Л. Д. Троцкого. Антидот — в переводе с греческого — противоядие.

³ Гед (наст. фамилия и имя Базиль Жюль) (1945–1922), один из организаторов и руководителей французского социалистического движения и II Интернационала.

⁴ «Из Франции Троцкий выехал в Америку». — Точнее, — в Испанию, а затем в Америку.

⁵ *Лавровский*. Сведений не имеется.

⁶ Либкнехт Карл (1871–1919) — деятель германского и международного рабочего движения.

⁷ Гаазе Гуго (1863–1919) — один из руководителей Германской с.-д. партии в 1911–1917 годах.

⁸ Шейдеман Филипп (1865–1939) — один из лидеров социал-демократической партии Германии; поддерживал приятельские, хотя и противоречивые отношения с Парвусом. Автор воспоминаний: *Scheidemann P.* Memoiren eines Sozial-demokraten. Dresden. 1928.

⁹ *Младотурки*. — Европейское название членов турецкой буржуазно-националистической организации «Единение и прогресс», основанной в 1889 г. После поражения Турции в Первой мировой войне организация младотурков самоликвидировалась (1918).

¹⁰ «Die Glocke» («Колокол») — журнал («социалистический двухнедельник»), основанный Парвусом. Выходил в 1915–1925 гг. в Мюнхене. Программное кредо главного редактора: «Моя миссия заключается в создании духовной связи между вооруженным германским пролетариатом и революционным российским пролетариатом». С октября 1915 г. издание осуществляла «независимая редакция» во главе с другом и апологетом Парвуса Конрадом Хенишем. Журнал под социалистическим флером защищал политические и военные интересы правительства Вильгельма II, резко нападал на политику царской России. Карл Каутский называл сотрудников «Die Glocke» «звонарями», Франц Меринг говорил о «колокольчике бедных грешников»; грубо-прямолинейно бранил журнал Ленин, правда, не затрагивая личности Парвуса и из-за тактических соображений обходя вопрос о его тайном сотрудничестве с кайзеровской Германией.

¹¹ «... в Германии Парвус написал против меня брошюру...» — Требуется уточнения.

¹² Перазич Владимир Давидович — социал-демократ, в годы Первой мировой войны сотрудник копенгагенского «Института исследований последствий войны» Гельфанда-Парвуса, — организации, служившей ширмой для конспиративной деятельности МИД и Генерального штаба Германии. Данные об осознанной работе В. Д. Перазича в пользу Германии в известной литературе отсутствуют. В. Д. Перазич — автор книги «Текстилы Ленинграда в 1917 году» (Л., 1927).

¹³ Зурабов Аршак Герасимович (1873–1920) — армянский социал-демократ, депутат II Государственной думы; в годы Первой мировой войны меньшевик-интернационалист, корреспондент пораженческой троцкистской газеты «Наше слово» (Париж). Сотрудник копенгагенского «Института исследований последствий войны» Гельфанда-Парвуса. После февральских событий 1917 г. вернулся в Россию, являлся членом исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов.

¹⁴ «О том, что Раковский состоял австрийским агентом, я даже не слышал. Уверен, что таковым он не мог быть...» — Документы архивного сборника «Германия и революция в России...» и другие материалы убеждают, что Г. В. Плеханов ошибался.

¹⁵ «...он [Карл Радек] до войны был исключен из Польской социал-демократической партии и поднимался вопрос об исключении его из немецкой социал-демократической партии». — В молодости за воровство Собельсон К. Б. получил прозвище «Крадек», ставшее в сокращенном виде его партийным псевдонимом (см. документ № 81 в сборнике «Германия и революция в России. 1915–1918. Документы из архивов Министерства иностранных дел Германии» / Под ред. З. Земана. Лондон, 1958). Сомнительность пребывания Карла Радека в социал-демократических партиях Польши и Германии исследователи объясняют его беспринципными аморальными поступками.

¹⁶ «Die Berner Tagwacht» («Бернский часовой») — швейцарская газета, издавалась австрийским и германским агентом — «социалистом» Карлом Моором (кличка «Байер») (1852/53–1932), передавшим в 1912 г. право главного редактора швейцарскому социал-демократу Роберту Гримму (1881–1958), избличенному в сотрудничестве с германским правительством. Газета в годы Первой мировой войны распускала провокационные слухи о якобы готовящемся сепаратном мире между Россией и Германией. Дезинформацию печатно распространял в той же газете Карл Радек.

¹⁷ «...в Кинтальской-Циммервальдской конференции в 1915 г. и осенью 1916 г.» — Точнее: международная социалистическая конференция в Циммервальде (Швейцария) состоялась 5–8 сентября 1915 г., ее продолжением стала Кинтальская конференция, проходившая 24 апреля в Берне, а затем (25–30 апреля) в швейцарской деревне Кинталь в 1916 г.

¹⁸ «...об Иолтуховском-Скорописи мне известно только из разоблачений Бурцева». — О сепаратистско-предательской деятельности А. Скорописи-Иолтуховского публицист В. Л. Бурцев писал в различных изданиях периода Первой мировой войны. Саморазоблачения этого «социал-демократа» и др. см. в брошюре: Меленевский М., Скоропись-Иолтуховский А. Что же такое «Союз освобождения Украины?» (Ответ российскому Генеральному штабу на его «извещение» о названном Союзе). Стокгольм, 1917.

¹⁹ «До меня доходили только слухи о том, что Парвус ... воспользовался в личных целях тем доходом, который это издательство приносило». — М. Горький в 1902 году заключил с Гельфандом-Парвусом договор, позволявший последнему контролировать поступления

гонораров за постановки и издания пьесы «На дне» в Германии и перечислять деньги в кассу РСДРП. По примерным подсчетам большевиков, Парвус растратил на личные увеселения и проч. около 130 тысяч марок. Этим скандальным делом в 1908–1909 годах в Германии занималась партийная следственная комиссия (К. Каутский, А. Бебель, К. Цеткин), приговор которой остался в полной секретности. Растратчик—гуляка вскоре после этого скандала вынужден был переехать в Вену. М. Горький в ряде материалов и в своих показаниях следственной комиссии Временного правительства по следам июльских событий 1917 г. в Петрограде рассказал об этом эпизоде (бывший Центральный партийный архив (ныне — РЦХИДНИ), ф. 4, оп. 3, д. 41, л. 430 и др.). См. также: *Земан З., Шарлау В.* Парвус — купец революции. Нью-Йорк, 1991. С. 147–150.

²⁰ «...вступление Жюля Гедда, Самба и А. Тома во французское министерство...» — Речь идет о сотрудничестве с правительством, участии в работе Кабинета министров известных социалистов в годы Первой мировой войны.

²¹ Ньювенгейс Фердинанд Домела (1846–1919) — один из основателей Голландской социал-демократической партии, с 1888 г. — депутат парламента; в 90-х годах перешел на позиции анархизма.

²² Любимов Алексей Иванович (1879–1919) — участник социал-демократического движения с 1898 года, входил в московскую группу «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», исполнял обязанности секретаря Заграничного бюро ЦК РСДРП (1911), позже — член плехановской организации «Единство».

²³ Киселев И. А. См. примеч. 10 к главе: *Г. Алексинский*. «Проходимцы и шпионы».

²⁴ *Алексинский Г.* О провокации // Современный мир. 1915. № 3.

²⁵ Красильников Александр Александрович — руководитель царской Охранки за рубежом в период Первой мировой войны. Известен рапорт А. А. Красильникову некоего Bin't'a (30 декабря 1916 г.); в донесении идет речь о тайных контактах Ленина в Берне (Швейцария) с германскими официальными представителями. Докладная записка опубликована Г. А. Алексинским (см.: *Tzarisme au communisme*. Paris, 1919).

²⁶ Правильно: Шептицкий Андрей (1865–1944) — граф, митрополит, помещик, глава униатской церкви (с 1900 года); был центральной фигурой украинского сепаратизма, искавшего поддержки в Германии и Австрии. В 1914 г., незадолго до Первой мировой войны, участвовал в тайном совещании в Вене, где разрабатывались планы отторжения Украины от Российской империи. В 1914 г. был выслан из Львова. Обнаруженный у него архив полностью подтверждал связи возглавляемой им широкой сети сторонников Ватикана с германским и австро-венгерским правительствами. (Подробнее об этом см.: *Романовский Ю. Д.* Украинский сепаратизм и Германия. Токио, 1920). В годы Великой Отечественной войны А. Шептицкий сотрудничал с фашистами.

²⁷ «Парвус, старый социал-демократический деятель, был вместе с Лениным и его товарищами в Совете рабочих и солдатских депутатов...» — В. Л. Бурцев или ошибается, или в протоколе показаний допущена неточность. В. И. Ленин в 1905 г. не играл никакой роли в Петербургском Совете. Вместе с Парвусом заметной фигурой в Совете был Л. Д. Троцкий.

²⁸ «В 1913–1914 годах он [Л. Д. Троцкий] вместе с Парвусом был редактором газеты «Правда» в Вене...» — Ошибочное утверждение. «Правда» (венская), фракционная газета, выходила в 1908–1912 годах (Львов—Вена).

²⁹ «...у Троцкого был еще и третий источник денежных средств ... а также от Раковского...» — Предположение имеет основания. Л. Д. Троцкий сам признавался о получаемых им средствах от Х. Г. Раковского, имевшего тайные связи с Гельфандом–Парвусом и другими германскими приспешниками. См. по этому поводу: *Земан З., Шарпай В.* Парвус — купец революции. Нью-Йорк, 1991. С. 187.

³⁰ Утверждение В. Л. Бурцева, опытного «охотника» за провокаторами, разоблачителя Е. Азефа, о сотрудничестве Рошаля Семена (Соломона) Григорьевича (1896–1917) — см. о нем примеч. 27 к главе «По следам измены» — с царской Охранкой требует специального исследования.

³¹ Гегечкори Евгений Петрович (1881–1954) — один из лидеров грузинских меньшевиков, депутат 3-й Государственной думы, масон с 1909 года. С 1917 г. член Особого Закавказского комитета Временного правительства и член ВЦИК. Эмигрант.

³² «...секретарь русской миссии в Берне по фамилии Оне или подобной». — Правильно: Ону, поверенный в делах Министерства иностранных дел России в Швейцарии в 1917 г.

ПРАСКОВЬЯ СТЕПАНОВА Немцы в Москве в 1918 г. (Из дневника)

Прасковья Степанова (Мельгунова) подвергалась большевистским репрессиям. См.: *Степанова П.* В женской тюрьме Особого отдела // На чужой стороне. Прага, 1925. № 12. С. 88–113.

Предисловие известного историка С. П. Мельгунова к дневнику жены печатается с незначительными сокращениями.

¹ «В № 1476 "Последних новостей" (18 февраля 1925 г.) мною напечатана была статья под заголовком "Приоткрывающаяся завеса"». — Речь идет о разоблачении дополнительного к Брестскому договору и нового русско-германского пакта от 27 августа 1918 г., известного как «Нота Гинце». Впервые о кабальных немецких условиях для Советской России рассказал журнал «Знамя борьбы» (1924. № 6–7). См. по этому поводу: *Дмитриев С. Н.* Тайнственный альянс // Наш современник. 1990. № 11.

² Кропоткин Петр Алексеевич (1842–1921) — князь, русский революционер, теоретик анархизма, географ и геолог.

³ «...большевики собираются посадить на престол Алексея, а регентом — Генриха Прусского». — Беспочвенные слухи.

⁴ Фриче Владимир Максимович (1870–1929) — большевик с 1917 года, советский литературовед и искусствовед вульгарно-социологического направления.

⁵ Покровский Михаил Николаевич (1868–1932) — советский историк, партийный и государственный деятель.

⁶ «...Ленин получил деньги с немецких социал-демократов». — Финансирование большевиков Германской социал-демократической партией не находит подтверждения.

⁷ Кайзерлинг (Кайзерлингк) — граф, немецкий адмирал. В декабре 1917 г. возглавлял германскую делегацию в Петрограде по вопросу о Белом море. В беседе с корреспон-

дентом «Дня» (1917, 15 и 17 декабря) Кайзерлинг восторгался Л. Троцким, осуждал, по его словам, «самое гнусное» государство — Северо-Американские Соединенные Штаты, выражал воинственное настроение и надежду на «благоразумие» большевиков.

⁸ Вырубова (урожденная Танеева) Анна Александровна (1884 — после 1929) — фрейлина императрицы Александры Федоровны, посредница между царской семьей и Г. Е. Распутиным.

⁹ «...Коллонтай решила отыскать Вырубову, явилась к ней, и они вдвоем составили план возведения на престол Алексея с регентами Леопольдом Баварским и Павлом Александровичем». — Обывательские сплетни.

¹⁰ «...какой-нибудь субъект из Вампуки...» — то есть искусственное, надуманное. По названию оперы-пародии «Вампука» Э. Эренберга (Петроград, 1909), высмеивающей условность той или иной ходячей ситуации.

¹¹ Сен-Жюст Луи (1767–1794) — член Комитета общественного спасения Франции в период якобинской диктатуры.

¹² «Keiser Wilhelm und Deutschland uber alles» (нем.). — «Кайзер Вильгельм и Германия превыше всего».

¹³ «...с крыши Рядов...» — Здесь — торговые ряды.

¹⁴ «Du wirst doch ihm gehorchen» (нем.). — «Ты еще о нем услышишь».

¹⁵ Крыленко Николай Васильевич (1885–1938) — в дни Октябрьского переворота — член Петроградского Военно-революционного комитета; в 1917–1918 годах нарком — член Комитета по военно-морским делам, Верховный главнокомандующий (ноябрь 1917 — март 1918).

¹⁶ Муралов Николай Иванович (1877–1937) — в 1917 году — член Московского Военно-революционного комитета и Революционного штаба, затем — командующий войсками Московского военного округа.

¹⁷ «На следующий день после появления в нашей газете беседы в "Известиях" появилось заявление Комиссариата по иностранным делам от имени Троцкого за подписью некоего Залкинда». — См. примеч. 7 наст. главы. Наркомат возражал против отдельных категорических высказываний адмирала Кайзерлинга в газете «День».

Залкинд Иван Абрамович (1885–1928), с конца ноября 1917 г. по июль 1918 г. служил в Наркомате иностранных дел РСФСР.

¹⁸ «...фон Коттен — [будет] охранником, каким был в Москве...» — Фон Коттен Михаил Фридрихович, в 1913 г. и позже руководил секретной политической агентурой в Московском охранном отделении, занимался вербовкой осведомителей в большевистской организации (М. И. Брядинский и др.).

¹⁹ «На престол они [немцы] метят Константина Греческого...» — Необоснованные слухи.

²⁰ «Немцы опутали все. Через ИК они поддерживают Дон...» — Версия имеет основания. Через Исполнительный Комитет Московского Совета рабочих и солдатских депутатов германские военные деятели оказывали помощь большевикам в подавлении Белого движения на Дону.

²¹ «Алексеевские организации...» — Речь идет о военных силах, группировавшихся вокруг Алексева Михаила Васильевича (1857–1918), русского генерала, командующего белогвардейской Добровольческой армией.

²² «...расстрелян Николай II в Екатеринбурге по постановлению местного Совета». — Расстрел царя в 1918 г. был санкционирован Лениным и др. членами Совнаркома.

²³ Убийство германского посла в Москве графа Вильгельма Мирбаха (1871–1918) было вызвано рядом причин, в частности, его все усиливающимся резко отрицательным отношением к Советскому правительству и осознанием необходимости изменения официальной немецкой тактики к большевистской власти (см. в нашей книге перевод с английского сборника «Германия и революция в России...», док. № 120, 124, 129 и др.). Существует версия о причастности В. И. Ленина к убийству Мирбаха.

²⁴ Блюмкин Яков Григорьевич, род. в 1900 г., окончил в Одессе начальное духовное училище (Талмуд–Тору); левый эсер, убийца германского посла Мирбаха; с 1918 г. — большевик, зав. отделением ВЧК. В 1919–1920 гг. выполнял секретные задания на различных фронтах. После окончания в 1921 г. Военной академии РККА служил в секретариате Л. Троцкого. Позже выполнял тайные поручения ОГПУ в Закавказье, Монголии, Турции. По постановлению коллегии ОГПУ (3 ноября 1929 г.) расстрелян за связь с Троцким, «за повторную измену революционной чекистской армии». — Подробнее см.: *Велидов А.* Похождения террориста: Одиссея Якова Блюмкина. М.: Современник, 1998.

²⁵ Гельферих Карл-Теодор (1872–1924) — немецкий экономист и государственный деятель; с февраля 1915 г. — статс-секретарь императорского казначейства (министр финансов); в 1916–1917 годах — министр внутренних дел и вице-канцлер при канцлере Бетман-Гольеве; посол в Москве с июля 1918 г. Гельферих предупреждал германское правительство об опасности сотрудничества с Советами. Отрывки из его антибольшевистской книги «Мировая война» (Берлин, 1919) частично опубликованы в кн.: *Ган А.* (Гутман А.) Большевикизм и Германия. Шанхай, 1921.

²⁶ Цюрюпа Г. Д. (1885–1940) — инженер-электрик, брат известного государственного и партийного деятеля Цюрупы А. Д.

Откровения кайзеровских генералов

¹ Красин Леонид Борисович (1870–1926) — советский партийный и государственный деятель. с 1920 г. — нарком внешней торговли, одновременно полпред и торгпред в Англии.

² Копп В. Л., в 1919–1921 г. — уполномоченный Наркоминдела и Наркомвнешторга в Германии (Берлин).

³ Мартенс (Мертенс) Людвиг Карлович (1874/75–1948) — советский партийный и государственный деятель; с января 1917 г. по январь 1920 г. официальный представитель Советского правительства в США.

⁴ Гиллерсон С. И. (родился в 1869 г.) состоял в большевистской партии с 1917 по 1924 г. В 1920–1921 г. был руководителем миссии советского Красного Креста в Праге, занимавшейся репатриацией бывших русских военнопленных из Чехословакии в Советскую Россию.

⁵ Иоффе Адольф Абрамович (1883–1927) — участник Октябрьского переворота в Петрограде, член Военно-революционного комитета. В 1918 г. — председатель, член советской делегации, консультант на переговорах о Брестском мире, полпред в Берлине.

⁶ Лойола Игнатий (1491?–1556) — основатель ордена иезуитов.

⁷ Кюльман Рихард, фон (1873–1948) — в августе 1917–июле 1918 г. — статс-секретарь министерства иностранных дел Германии. Возглавлял германскую делегацию на мирных переговорах по Брестскому миру.

⁸ Чернин Оттокар (1872–1932) — граф, в декабре 1916–апреле 1918 г. — австрийский министр иностранных дел.

⁹ Ллойд Джордж Дэвид (1863–1945) — премьер-министр Великобритании в 1916–1922 гг.

ЕВГЕНИЙ СЕМЕНОВ Белые разведчики в Смольном

Семенов Евгений Петрович (наст. фамилия и имя — Коган Соломон Моисеевич) — журналист. Организовал в Петрограде зимой 1917–1918 годов с помощью патриотически настроенных русских офицеров и дипломатов стран Антанты изъятие в Смольном документов о германо–большевистских связях. Избежал ареста и с риском для жизни эмигрировал во Францию. Жил в Париже. Выступал как публицист в газетах «Возрождение», «Последние новости» и др. Активный участник «Национально-трудового союза». Автор ряда книг, в том числе: «В стране изгнания» (1912), «Le complot germano-bolcheviste» (1920), «Русские банки за границей и большевики» (1926), «Un cri d'Alarme» (1926).

Заголовок статьи дан составителем настоящего сборника.

¹ «...субсидии германской *Schwerindustrie*» — т. е. тяжелой индустрии (нем.).

² «...они [материалы] напечатаны американцами в приложении к "документам Сиссона" за № 54–68...» — В публикуемую брошюру «Немецко–большевистская переписка» эти документы не вошли, так как, во–первых, некоторые материалы в определенной степени повторяют предыдущие, во–вторых, нуждаются в современной историко–технической экспертизе и профессиональном комментарии.

³ Франклин Джемисон, Самюэль Харпер — ученые–эксперты Американского правительственного комитета по исследованию подлинности документов, подтверждающих германо–большевистские связи. В своем особом докладе от 26 октября 1918 г. этот комитет отклонил, как необоснованные, претензии ряда периодических изданий к подлинности документов. Остальные материалы, предоставленные Эдгаром Сиссоном (из серии № 54–68), по мнению правительственных экспертов, нуждаются в дополнительном изучении.

В настоящий сборник доклад американского комитета не вошел, так как с современной точки зрения его доводы несколько устарели, и документы требуют нового комплексного анализа с учетом последних исторических исследований. Кроме того, перевод доклада с английского языка на русский крайне несовершенен в стилистическом и других отношениях.

⁴ «Обвинение Эдуарда Бернштейна...» — Речь идет о статье «Темная история» известного германского социал–демократа в берлинской газете «Форвертс» («Vorwärts») (1921, 14 января). Э. Бернштейн безуспешно обращался в Рейхстаг с требованием расследовать вопрос о финансировании германским правительством деятельности большевиков в пе–

риод подготовки Октябрьского переворота. По свидетельству А. Ф. Керенского, Э. Бернштейн оставил попытки установить истину под строгим запретом президента Германии Эберта и некоторых министров. См.: Вопросы истории. 1991. № 11. С. 143.

⁵ «Вечернее время» — газета консервативного направления, выходила в Петербурге–Петрограде в 1911–1917 годах.

⁶ Д. Крил — председатель Комитета общественной информации Северо–Американских Соединенных Штатов в 1917–1918 годах. Организация выполняла в различных городах России разведывательно–информационные и пропагандистские функции, издавала газеты, журналы, бюллетени, готовила кинофильмы и т. п., направленные на поддержание союза со странами Антанты и рекламу «американского образа жизни».

⁷ «Berliner Tageblatt» (*нем.*) — «Ежедневная Берлинская газета».

Форстер Эдуард Морган (1879–1970) — английский писатель.

⁸ «...такие серьезные писатели, как La Chonais во Франции, Дж. Поллок в Англии...» — В написании фамилии La Chonais очевидна механическая ошибка. Требуются дополнительные уточнения.

Поллок Фредерик (родился в 1845 г.) — видный английский юрист, публицист, автор книг и других работ исторического характера.

⁹ У. — редактор–издатель петроградской газеты «Живое слово» (1916–1917) А. М. Уманский.

¹⁰ «...документы Переверзева—Бессарабова о предательской деятельности Ленина...» — Речь идет о передаче в печать (июль 1917 г.) части материалов русской контрразведки о германо–большевистских связях — министром юстиции Временного правительства П. Н. Переверзевым и предъявлении Ленину и другим официального обвинения прокурором Петроградской судебной палаты И. П. Бессарабовым.

¹¹ «...в типографии "Герольда"». — Herold (*нем.*) — звезда. Название типографии в Петрограде, связанной с изданием газеты «Peterburger Herold», ведущей свое начало с 70–х годов XIX века.

¹² Робинс Раймонд (1873–1954) — американский бизнесмен и политический деятель, майор, заместитель (август—ноябрь 1917 г.) руководителя (У. Томпсон) миссии Красного Креста Северо–Американских Соединенных Штатов в России, глава миссии (ноябрь 1917—май 1918 г.), подполковник. Выполнял секретные дипломатические поручения американского правительства. Неоднократно встречался с Лениным. Деятельность Р. Робинса была направлена к установлению официальных американско–советских отношений, что вызывало негативную реакцию Вашингтона и привело к его отставке. Давал показания «Оверменской комиссии» США в марте 1919 г. (См.: Октябрьская революция перед судом американских сенаторов. М., 1990). Автор субъективно–поверхностных мемуарных записок. См.: Документы Раймонда Робинса // Вопросы истории. 1970. № 8).

¹³ Лансинг Роберт (1864–1928) — государственный секретарь США в 1915–1920 годах.

¹⁴ А. Буллард — секретарь американского «Общества друзей русской свободы», возглавлял пропагандистско–разведывательную работу в «Американском бюро печати» в России. Посещал Смольный, бывал на заседаниях Петроградского Совета. Автор мемуарной книги: *Bullard A. The Russian Pendulum: Autocracy—Democracy—Bolshevism* (N. Y., 1919), в которой есть глава о встречах с Лениным в Швейцарии и Петрограде.

¹⁵ Точнее: Бауермейстер Александр — лейтенант германской разведки в Первую мировую войну, затем майор. В 1909–1915 годах вместе с матерью (Ада) и двумя братьями (один из них — Густав) жил в России, фактически вся семья занималась разведывательной деятельностью. Руководитель немецкого агентурно-шпионского центра в Петрограде. Поддерживал тайные контакты с советником германского посольства Люциусом фон Штедте-ном и советником австрийского посольства графом Черниным. Бауермейстер во многом проводил свои секретные операции с помощью сотрудника российского военного министерства и немецкого шпиона подполковника Мясоедова (казнен в марте 1915 г.). О тайной работе Бауермейстера давал показания на допросах арестованный в 1915 г. в Тарнополе профессиональный австрийский офицер-разведчик Мюллер («Николай Ярош»). Очевидно, Бауермейстеру удалось избежать ареста и в дальнейшем он продолжал свою агентурную деятельность при соучастии большевистской разведывательной службы под кличкой «Бэр» (См.: «Немецко-большевистская переписка», документы № 5, 42 и др.).

¹⁶ «...как майор фон Бельке организовал защиту Ростова...» — Непосредственно содействовавший большевикам немецкий профессиональный агент-разведчик (конспиративная кличка «Шотт») безуспешно пытался по заданию германского командования и при согласии «наркомвоеннов» организовать в начале декабря 1917 г. захват красногвардейцами г. Ростова-на-Дону. Об этом пишет лично знавший фон Бельке бывший начальник штаба контрразведки Петроградского военного округа Борис Никитин в своей книге «Роковые годы» (Venson, Vermont, 1987). (См. также: «Немецко-большевистская переписка», документ № 5 и др.).

¹⁷ «...о 140 тысячах марок, посланных через И. Раутвергена для Ленина». — Этот факт изложен в документе № 68 английского варианта брошюры «Немецко-большевистский заговор» (Вашингтон, 1918).

Немецко-большевистская переписка («Документы Сиссона»)

Брошюра под названием «Немецко-большевистская конспирация» издана в Вашингтоне в феврале 1919 года Американским комитетом общественной информации. Известна среди историков как «Документы Сиссона» — по имени Эдгара Сиссона, бывшего редактора «Чикаго трибун», сотрудника журнала «Космополитен», затем профессионального политика и разведчика, зимой 1917–1918 годов — первого заместителя Дж. Крила, председателя Комитета общественной информации («Си-пи-ай») в России. Э. Сиссон получил документальные материалы о германо-большевистских тайных контактах от журналиста и патриота разведчика-добровольца Е. П. Семенова (Когана), статья которого печатается в настоящем сборнике.

Брошюра «Немецко-большевистская конспирация» соответствует американскому оригиналу, выпущенному на английском языке в октябре 1918 года в Вашингтоне: *The German-Bolshevik Conspiracy, by the Committee on Public Information. War Information Series. № 20. October 1918.*

Русский вашингтонский перевод брошюры крайне небрежен и несовершенен в стилистическом, транскрипционном и других отношениях, что во многом объясняется необ-

ходимость ее оперативного выхода в 1919 году и другими причинами. В связи с этим в русском варианте брошюры сделаны некоторые редакционные поправки, не затрагивающие ее содержательной стороны. Публикуемый текст тщательно сверен с английским вариантом.

«Немецко-большевистская конспирация» более 70 лет находилась в советских спецхранах и была недоступной не только массовому читателю, но и специалистам-историкам. Профессиональный и обстоятельный анализ американского издания не входит в задачу сборника, это — дело будущего.

¹ «...доклад..., сделанный Джорджу Крилу Эдгаром Сиссоном...» — Речь идет об отчете американского журналиста и разведчика о содержании и степени достоверности секретной переписки между разведывательной службой германского Генерального штаба и первыми лицами Советской власти (Лениным, Троцким и др.). Доклад предназначался председателю Комитета общественной информации Северо-Американских Соединенных Штатов Джорджу Крилу. В связи с ограниченностью объема настоящего сборника доклад не печатается.

² «Во 2-й части помещен также доклад Комитета...» — В связи с несовершенством перевода указанного раздела русского варианта брошюры и по другим причинам отмеченные страницы не вошли в настоящий сборник.

³ «...немецкими поставленный комендант был выбран для "защиты" Петрограда против немцев...». — См. примеч. 7 наст. главы.

⁴ «Всех документов — около 70». — В русском варианте брошюры печатается 53 письма.

⁵ «Согласно происшедшим в Кронштадте в июле текущего года соглашениям...» — Речь идет о сверхсекретном совещании представителей разведывательной службы Генерального штаба и других компетентных лиц Германии и членов Военной организации РСДРП в июле 1917 года. Факт этого и тому подобных совещаний в Кронштадте доказывается свидетельствами немецких сотрудников МИД (см. сборник «Германия и революция в России...» / Под ред. А. Земана) и рядом других архивных данных. Убедительным аргументом к сказанному может служить «Сводка российской контрразведки, составленная из циркуляров Генерального штаба и Министерства иностранных дел России», где упоминается о перечислении в Кронштадт на имя Ленина денег из банка «Diskonto-Gesellschaft» (составлена 2 октября 1917 года, 6 листов, хранится в бывшем Центральном партийном архиве. См. публикацию на эту тему в немецком журнале «Stern». 1993. № 11).

⁶ «*Qui pro Quo*» — одно вместо другого; путаница (лат.).

⁷ «...о назначении "Русского" для "защиты" Петрограда...» — Затруднительное понимание фразы объясняется неправильным прочтением фамилии. Следует: — «Рузского». Н. В. Рузский (1854–1918) — генерал, масон, командовал рядом армий, сыграл одну из главных ролей в отречении от власти Николая II. Проясняет дело документ № 12, в котором руководители Петроградского разведочного отделения политического отдела германского Генерального штаба 25 февраля 1918 года предписывают комиссарам большевистской контрразведки, «...чтобы они работали по-прежнему в полной независимости и тайне от официального штаба Ставки и Генерального штаба в Петербурге и особенно ген(ерала) Бонч-Бруевича..., сносясь лишь с Народным Комиссаром прап[орщиком] Крыленко». Германские

военные власти стремились устранить начальника штаба Верховного главнокомандующего Михаила Дмитриевича Бонч-Бруевича (1870–1956) (брата В. Д. Бонч-Бруевича), контролировавшего защиту Петрограда. Дополнительную информацию об отношении германского Генерального штаба к М. Д. Бонч-Бруевичу и желательности замены его послушным «Русским» дает документ № 31, о сущности которого будет сказано ниже. Объяснительным комментарием по данному вопросу могут также служить соответствующие страницы книги Георгия Каткова «Февральская революция» (Париж, 1984).

⁸ «1. В Архиве Комиссии юстиции из “дела” об “измене” тт. Ленина, Зиновьева, Козловского, Коллонтай и др.» — Речь идет об официально предъявленном в июле 1917 года названным лицам обвинении прокурора Петроградской судебной Палаты в участии большевиков в вооруженном выступлении с целью захвата власти и государственной измене. Известен 21 том следственного дела (июль—октябрь 1917 г.), оставшегося неопубликованным. Как видно из документа № 1, ленинцы сразу же после Октябрьского переворота с помощью разведывательной службы германского Генерального штаба заматали следы своего преступления.

⁹ «2. Проверены все книги *Nia-Banken* в Стокгольме, заключающие счета тт. Ленина, Троцкого, Зиновьева и др.» — На наличие таких счетов в 1917 году указывают многие исследователи. Наиболее убедительна в этом отношении не изданная пока на русском языке документальная книга: *Greggen Begnt. Nordisk post. Stokholm, 1989.*

¹⁰ Мюллер Адольф (1865–1943) — по профессии врач, член социал-демократической партии Германии; выполнял функции разведчика-сотрудника Генерального штаба. Близкий приятель и доверенное лицо Гельфанда-Парвуса. Выступал связным-посредником между Германским правительством и видными большевиками, неоднократно выполнял агентурные миссии, приезжая в Петроград. Фамилия Мюллера упоминается в сборнике «Германия и революция в России...» (документы № 38, 85 и др.). Не исключено, что Борис Никитин в книге «Роковые годы» имел в виду капитан-лейтенанта Рудольфа Мюллера, подпись которого стоит на документе № 22 («Немецко-большевистская переписка»).

¹¹ «Уполномоченные Народного Комиссара по Иностранным Делах Е. Поливанов, И. Залкинд». — Полномочия И. А. Залкинда, служившего в ноябре 1917–июле 1918 г. в Наркомате иностранных дел РСФСР, сомнений не вызывают. Деятельность Е. Поливанова малоизвестна. Историк В. Логинов, пытавшийся скомпрометировать эту личность, тем не менее не отрицает, что он несколько недель работал в Наркомате иностранных дел. См.: *Логинов В. О «пломбированном вагоне», «немецком золоте» и пользе переиздания старых книг // Коммунист. 1991. № 5. С. 126.*

¹² Сиверс Рудольф Фердинандович (1892–1918) — прапорщик 436-го пехотного Новолодожского полка, работал в Военной организации при Рижском комитете СДП(б) Латышского края. Участник Первой мировой войны; в 1917 году — один из создателей и редакторов большевистской газеты «Окопная правда», член Военной организации при ЦК РСДРП(б). В июле 1917 года арестован, заключен в «Кресты». В дни Октябрьского переворота был комиссаром артиллерии. Во время гражданской войны занимал командные должности.

¹³ Меркалин. Сведений не имеется.

¹⁴ Христиания (Кристиания) — название г. Осло в 1624–1924 годах.

¹⁵ Скрыпник (Скрипник) Николай Алексеевич (1872–1933). Родился в семье железнодорожного служащего Екатеринославской губернии, учился в Петербургском технологическом институте. Активный участник социал-демократического движения с 1897 года; вел организационно-пропагандистскую работу в Харькове, Курске, Одессе, Риге. Неоднократно подвергался арестам, тюремному заключению и ссылкам (Якутия и др.). В октябрьские дни — член Военно-революционного комитета в Петрограде, затем член ЦК РКП(б). Был личным секретарем Ленина. В июле 1918–январе 1919 г. — член коллегии ВЧК, начальник отдела ВЧК по борьбе с контрреволюцией и начальник Секретно-оперативного отдела ВЧК. С января 1919 г. занимал высокие государственные посты на Украине (нарком Госконтроля и др.). Покончил жизнь самоубийством (?). В некрологе «Правда» сообщала: «...т. Скрыпник пал жертвой тех буржуазно-националистических элементов, которые, прикрываясь своей формальной принадлежностью к партии, вошли к нему в доверие и использовали его имя для своих антисоветских, националистических целей».

Документ № 2 в английском варианте брошюры (1918) сопровождается фотокопией с оригинала письма.

¹⁶ Горбунов Николай Петрович (1892–1938) — с ноября 1917 г. — секретарь Совнаркома и личный секретарь Ленина. С марта 1918 г. возглавлял научно-технический отдел ВСНХ; в 1919 г. находился на политической работе в Красной Армии, с 1920 г. — управляющий делами СНК РСФСР. С 1935 г. — академик.

¹⁷ «...арестованный капитан Коншин <...> — немецкий офицер, лейтенант Отто...» — Факт обнаружения у германского офицера весьма важного документа с пометками Петербургского охранного отделения выглядит вполне правдоподобным. Известно, что в дни февральского переворота 1917 г. разгром архива русской контрразведки возглавлял немецкий агент Карл Гибсон — тогда было уничтожено до 300 тысяч регистрационных карточек (*Никитин Б. Роковые годы. Benson, Vermont, 1987. С. 9*).

¹⁸ Мехоношин Константин Александрович (1889–1938/42) — партийный и государственный деятель. В 1914 г. окончил естественный факультет Петербургского университета. В июле 1917 г. — ефрейтор гвардейского гренадерского полка, давал показания следственной комиссии по делу о вооруженном восстании большевиков в Петрограде (бывший Центральный партийный архив (ныне — ЦХИДНИ), ф. 4, оп. 3, д. 41, л. 160 и др.). В дни Октябрьского переворота — член Петроградского Военно-революционного комитета; в декабре 1917 г. — заместитель наркома по военным делам, с января 1918 г. — член Всероссийской коллегии по формированию Красной Армии, затем член Реввоенсоветов Восточного, Южного и Каспийско-Кавказского фронтов.

Документ № 3 в английском варианте брошюры иллюстрируется фотокопией с оригинала письма.

¹⁹ «...руководители господствующей теперь в России социалистической партии ... с имперским Правительством». — В свете содержащихся в настоящем сборнике фактов о секретных связях названных лиц вышеизложенная информация вполне реальна.

²⁰ «...Радек — ловкий польско-австрийский еврей, приехавший вместе с Лениным из Швейцарии». — Карл Радек, австрийский подданный, ехал в «пломбированном вагоне» нелегально до г. Засниц, затем — пароходом только до Стокгольма.

²¹ О. Рауш — в английской транскрипции: O. Rausch.

²² Ю. Вольф — в английской транскрипции: U. Wolf.

²³ Муравьев Михаил Артамонович (Артемьевич) (1880–1918) — левый эсер, участник Первой мировой войны, подполковник (1917). Начальник обороны Петрограда во время Октябрьского переворота. С декабря 1917 г. начальник штаба наркома по борьбе с контрреволюцией на юге России. 10 июля 1918 г. поднял мятеж в г. Симбирске, был убит.

Бойе Константин Федорович (родился в 1871 г.) — рабочий, участник социал-демократического движения с 1893 г.; подвергался ссылкам, арестам, был в эмиграции в Англии; по возвращении из эмиграции занимался пропагандистской работой в Архангельске и др.

Данишевский К. Х. (1884–1941) — член социал-демократической партии с 1900 г., участвовал в революционном движении в Латвии. После Октябрьского переворота — член Реввоенсовета РСФСР и Реввоенсовета Восточного фронта, председатель Реввоентрибунала при РВС РСФСР.

²⁴ Крушевич П. Сведения отсутствуют.

²⁵ «...как это было условлено на совещании в Стокгольме при проезде гг. Ленина, Зиновьева и др. в Россию». — Совещание большевиков с представителями германского правительства во время остановки «пломбированного вагона» подтверждается архивными документами и косвенными данными. Точно установлена конспиративная встреча (по поручению Ленина) Гельфанда-Парвуса с Карлом Радеком 13 апреля. Посланник в Копенгагене Брокдорф-Ранцау 17 апреля 1917 г. сообщал в МИД Германии: «Доктор Гельфанд вернулся сегодня из Стокгольма, где вел переговоры с русскими эмигрантами из Швейцарии» («Германия и революция в России...» [редактор З. Зе-ман], документ № 50).

²⁶ В списке из 25 немецких кандидатур в члены ВЦИК СНК отметим малоизвестных большевистских деятелей.

Гольдман (Либер) Михаил Исаакович (1880–1937) — один из лидеров Бунда, после февральских событий 1917 г. — член исполкома Петросовета и Президиума ЦИК 1-го созыва. Октябрь 1917 г. встретил враждебно, многократно подвергался репрессиям.

Линдер Карл Иванович (1883–1937) — член социал-демократической партии с 1905 г., участник установления советской власти в Белоруссии. С 26 ноября (9 декабря) 1917 г. — председатель СНК Западной области и фронта. Кооптирован во ВЦИК, с конца декабря — член Президиума ВЦИК. В 1918–1919 годах — нарком Государственного контроля. Один из первых латышских историков-марксистов.

Аванесов Варлаам Александрович (наст. фамилия и имя — Мартиросян Сурен Карлович) (1884–1930) — участник Октябрьского переворота в Петрограде, советский партийный и государственный деятель.

Нейбут Арнольд Яковлевич (Екабович) (1889–1919) — с октября 1917 г. — председатель Дальневосточного краевого бюро РСДРП(б), позже член Президиума ВЦИК; один из авторов воззвания (февраль 1918 г.), одобренного Лениным, с призывом вступать в интернациональные отряды Красной Армии. С мая 1918 г. — комиссар по иностранным делам на Дальнем Востоке. Расстрелян белогвардейцами в феврале 1919 г. в Омске.

²⁷ «Г-жа Коллонтай ... была Комиссаром Общественного Благосостояния». — Точнее — наркомом государственного призрения.

²⁸ Менжинский Вячеслав Рудольфович (1874–1934) — партийный и государственный деятель. С октября 1917 г. — комиссар Петроградского Военно-революционного комитета; с января 1918 г. — в составе ВЧК, в январе—марте 1918 г. — нарком финансов, в апреле—ноябре — генеральный консул РСФСР в Берлине. С сентября 1919 г. — особо уполномоченный Особого отдела и член Президиума ВЧК.

²⁹ Кудряшов. Личность не установлена.

³⁰ Панов В. А. — германский шпион и диверсант, редактор прояпонской газеты «Дальний Восток». Его имя упоминается 22 ноября 1917 г. в телеграмме немецкого посланника в Берне Ромберга в МИД: «Панов еще не появился» («Германия и революция в России...», документ № 87). Автор книги-фальсификации «Исторический подлог. Американские подложные документы». Владивосток, 1921.

³¹ Фон Гвиннер — официальный представитель «Немецкого банка» в Германии, защищал интересы крупных немецких кредиторов в России. — См.: Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапальского договора. М., 1968. С. 734.

³² Известен Раскин, главный секретарь «Работной комиссии» при Совнаркоме.

³³ Фейерабенд В. А. — солдат, член Военно-революционного комитета (ВРК) 3-й армии, дислоцировавшейся в районе Полоцка (См.: Известия Военно-революционного комитета 3-й армии. 1917. 22 ноября (5 декабря)). Товарищ председателя Бюро ВРК при Ставке Верховного главнокомандующего Н. В. Крыленко, член Революционного полевого штаба (начальник М. Тер-Арутюнянц) при Ставке. 20 ноября 1917 г. участвовал в ликвидации Ставки (г. Могилев) генерала Н. Н. Духонина, в разгроме ударного полка генерала Л. Г. Корнилова. 29 ноября назначен начальником Западного сводного отряда, действовавшего против войск генерала А. М. Каледина; командовал всеми частями, расположенными в тылу Юго-Западного и Румынского фронтов. С 13 декабря 1917 г. возглавлял Отдел разведки и агитации при Ставке.

В. А. Фейерабенд — автор статьи «Откровенность — прежде всего», в которой выступает фанатичным «интернационалистом», пропагандистом «всемирной революции», освобождающей пролетариат, по его словам, от «национального угара». Имел прямое отношение к изданию газеты Петроградского Совета (на немецком языке) «Die Fackel» и различных агитационно-пропагандистских листов, которые, по его утверждению, «все более и более завоевывают себе среди немецкой армии друзей и влияние социалистической революционной пропаганды...» (См.: Революционная Ставка. 1918. 9 января, № 33. С. 3).

В должности начальника контрразведки при Ставке разрабатывал и направлял действия германо-большевистской агентуры в России и в странах Антанты. Подпись В. А. Фейерабенда стоит под секретными документами № 16, 33, 34, 37, 40, 41, 51. Одна из ключевых загадочных фигур немецко-советских тайных связей на первом этапе Октябрьского переворота и гражданской войны. В соответствующей литературе фамилия Фейерабенда (ее часто коверкают: С е й е р а б е н т, Ф е р а б е н т и т. п.) упоминается исключительно редко и лишь в констатирующем плане. В послереволюционных большевистских «святцах» его имя отсутствует. Есть некоторые основания видеть в Фейерабенде деятеля германской разведки. В конце 1917—начале 1918 гг. его политическая и командно-разведывательная работа была в той или иной степени связана с такими фигурами Ок-

тября 1917 г. и гражданской войны, как Н. К. Крыленко, В. А. Антонов-Овсеенко, Р. И. Берзин, А. Ф. Боярский, М. Н. Тер-Арутюнянц, Е. И. Лысяков, С. И. Зобков, М. И. Калманович и др. — См.: *Поликарпов В. Д.* Пролог гражданской войны в России: Октябрь 1917—февраль 1918. М., 1976.

Кальманович (Калманович) Моисей Иосифович (иногда — Михаил Иосифович) (1888—1937) — в социал-демократическом движении с 1904 г., эсер, большевик с 1917 г., член комитета Западного фронта. В 1918 г. — комиссар продовольствия исполкома Советов Западной области; с декабря 1918 г. — член Центрального бюро КП(б) Белоруссии.

Подпись в документе «С. Калманович» не должна смущать. Свободное владение именем — обычная практика в большевистской среде. Не исключена ошибка переводчика или механическая небрежность.

³⁴ «Сообщить т. Мосолову». — В русском варианте брошюры: «Известить т. Мосолова». Известен Мосолов Г., вероятно, член бюро Военно-революционного комитета (ВРК) 3-й армии, дислоцировавшейся в районе Полоцка. В декабре 1917 г. на одном из заседаний ВРК заслушивалось «Письмо тов. Мосолова» (№ 39). — См.: Известия Военно-революционного комитета 3-й армии. 1917. 19 декабря, № 26. С. 4. Требуются уточнения.

^{34a} Фотокопия документа № 13 (оригинал письма) публикуется в английском варианте брошюры.

^{34b} Фотокопия документа № 14 (оригинал письма) печатается в английском издании.

³⁵ «...в Могилев прибыли из Германии <...> офицеры: Занвальд, фон Вейне...» — Фон Фейне — профессиональный немецкий агент-разведчик, под видом служащего дальневосточной торговой фирмы «Кунст и Альберс» занимался (вместе с Занвальдом, Мледетком, Рюге и др.) сбором секретных сведений о русских сухопутных войсках.

³⁶ Шнеур Владимир Константинович — поручик 9-го гусарского Киевского полка, инструктор авиационной роты, член Революционного комитета 5-й армии. В июле 1917 г. выполнял какое-то тайное поручение в Лондоне от имени невыясненной организации. Газета «Революционная Ставка» (1917. 8 декабря. № 10) называла В. К. Шнеура «дипломатическим агентом Керенского». Накануне Октябрьского переворота оказался в Петрограде и с одобрения Л. Д. Троцкого был назначен исполняющим обязанности начальника походного штаба Верховного главнокомандующего Н. В. Крыленко. Состоял кандидатом в члены Военного Комиссариата при Совнарком. Участвовал при ликвидации Ставки (г. Могилев) зверски убитого генерала Н. Н. Духонина. 13 ноября 1917 г. в районе г. Двинска (деревня Кухалишки) находился в числе «красных парламентаров» (уполномоченные М. Сегалович, Г. Мерин) для установления перемирия с германскими войсками (вслед за тем, 15 ноября, Ленин и Троцкий выступили с «Обращением» о мире к народам и правительствам воюющих стран). В. К. Шнеур, «пройдоха, каких мало», по мягкому отзыву Н. В. Крыленко, был арестован по подозрению в сотрудничестве с царской Охранкой и препровожден в Петроград для предания революционному трибуналу (большевистская версия). По одной из сомнительных гипотез, был связан с левым эсером, корнетом Преображенского полка Покровским (знакомцем Л. Д. Троцкого), комендантом Зимнего дворца, замешанным в деятельности подпольной организации «Военная лига». Скорее всего, причиной изоляции В. К. Шнеура явилась его случайно раскрытая немецко-большевистская агентурная работа. Странное стечение обстоятельств, отсутствие документальных следов судебно-следственного дела, по-

дозрительная мягкость наказания — высылка (?) за пределы Советской России — и др. говорят в пользу достоверности документа № 17, согласно которому В. К. Шнеур был отправлен в январе 1918 г. для выполнения секретного задания во Францию.

О Шнеуре — агенте царской Охранки и др. см.: День. 1917. № 21, 24 ноября.

³⁷ Дзевалтовский (Дзевялтовский)–Гринтовт И. И. — поручик, большевик, председатель батальонного комитета запасного батальона гвардии Гренадерского полка Петроградского гарнизона (июль 1917 г.), член Всероссийского бюро военных организаций РСДРП(б). Сахаров В. В. См. примеч. 3 к главе «Прокурор обвиняет».

Володарский В. (наст. фамилия и имя — Гольдштейн Моисей Маркович) (1891–1918) — известный партийный деятель.

³⁸ «Капитан-лейтенант Р. Мюллер». — В английском варианте брошюры: «...Rudolph Miller».

³⁹ Склянский Эфраим Маркович (1892–1925) — после февральских событий 1917 г. — председатель армейского комитета 5-й армии в Двинске; после Октябрьского переворота — член коллегии Наркомата по военным делам. С сентября 1918 г. по 1924 г. — заместитель наркомвоенна и заместитель председателя Реввоенсовета Республики. Утонул при загадочных обстоятельствах (Нью-Йорк).

⁴⁰ Подвойский Николай Ильич (1880–1948) — известный партийный и военный деятель.

⁴¹ «Комиссар А. Козьмин». — Известен Козьмин А. И., поручик, в июле 1917 г. — командующий войсками Петроградского военного округа (назначен вместо генерала П. А. Пловцева).

⁴² «Майор Любертс». — Имеются разночтения: Люберс, Любертц и др.

⁴³ Фотокопия с оригинала письма (документ № 26) публикуется в английском варианте брошюры.

⁴⁴ Благонравов Георгий Иванович (1895–1938) — комиссар-комендант Петропавловской крепости с 23 октября (5 ноября) 1917 г., член военной организации при ЦК РСДРП(б); с 3(16) декабря — чрезвычайный военный комиссар по охране Петрограда, входил в состав ЦК РКП(б). Участник гражданской войны. Ответственный работник ВЧК–ОГПУ.

⁴⁵ «Наши агенты, следящие за итальянским посольством, тт. Маеров, Именицкий и Юров...» — В английском варианте брошюры — в следующей транскрипции: «J. E. Maerov, Imenitski and Urov...».

⁴⁶ Фрунзе М. В. (1885–1925) — известный партийный и военный деятель.

⁴⁷ Петерс Я. Х. (1886–1938) — известный партийный деятель, крупный чекист.

⁴⁸ «Комиссар Митонович. За секретаря Р. Баetskий». — В английской транскрипции: «Comissar Mitonovich. For Secretary R. Baetski».

^{48a} Фотокопия с оригинала письма (документ № 28) публикуется в английском варианте брошюры. То же относится и к документам № 29–32.

⁴⁹ Гизе, точнее: Гезе Александр — житель города Иркутска, содействовал в период первой мировой войны работе профессиональных немецких шпионов, группировавшихся вокруг дальневосточной германо-российской торговой фирмы «Кунст и Альберс» (пайщиком компании был кайзер Вильгельм II).

Вальдейн, точнее: Вальден Франц — житель Владивостока, швейцарский подданный, сотрудник фирмы «Кунст и Альберс», германский шпион в период Первой мировой войны.

Буттенгоф (Бутенгоф) Адольф — житель Владивостока, швейцарский подданный, сотрудник фирмы «Кунст и Альберс», германский шпион в период Первой мировой войны.

В агентурной деятельности Ф. Вальдену и А. Буттенгофу содействовали проживавшие в Иркутске аптекарь Жинжерова, присяжный поверенный Стравинский и др. (см. список № 3 в примечании к документу № 29).

Даттан — житель Томска, совладелец торговой фирмы «Кунст и Альберс». Крупнейший агент немецкой разведки. Занимался сбором секретной информации военно-экономического характера.

Вышеупомянутые и другие лица фигурируют также в документе № 51 (от 23 января 1918 г.) как «русско-германские агенты-осведомители», что подтверждает достоверность информации.

⁵⁰ Парский Дмитрий Павлович (1866–1921) — генерал-лейтенант (1915), в июле–сентябре 1917 г. — командующий 12-й армией (Северный фронт), в октябре–ноябре — 3-й армией Западного фронта. После Октябрьского переворота перешел на сторону Советской власти. Командовал отрядами Красной гвардии, действовавшими против германских войск в районах Нарвы и Пскова. Очевидец происходивших здесь в феврале 1918 г. военных событий генерал-майор князь П. Авалов свидетельствовал: «...виденные нами банды я не могу признать за русские или вообще за какие-нибудь войска, это просто разбойники, способные на грабеж и убийство, а не на борьбу с регулярными войсками...» (Авалов П. В борьбе с большевизмом. Глюкштадт—Гамбург, 1925. С. 34). В. И. Ленин в «Заметке о необходимости подписать мир» полагал (24 февраля 1918 г.): «На деле мы сию минуту воевать не можем, ибо армия против войны, армия воевать не может. Неделя войны с немцами, пред которыми просто бежали наши войска с 18 по 24 февраля 1918 г., вполне доказала это».

Деятельность Д. П. Парского и события, связанные с 23 февраля — Днем Советской Армии, — требуют коренной переоценки.

⁵¹ «...согласно происшедшим переговорам между ген[ералом] Гофманом и Комиссарами Троцким и Иоффе, он [агент К. Миссиров] будет вести наблюдение за деятельностью Начальника Штаба ген[ерала] Бонч-Бруевича...» — См. примеч. Э. Сиссона к документу № 32 и обоснованность его комментариев в следующей сноске.

⁵² «...паспорт был выдан 7 февраля на имя П. Л. Ильина». — Фотокопии различных страниц с оригинала фальшивого паспорта немецкого агента К. Миссирова воспроизводятся в английском варианте брошюры.

⁵³ «...Разведочным Отделением 29 ноября был командирован в Ростов майор фон Бельке...» — Этот факт лично подтверждает русский контрразведчик Борис Никитин в своей книге «Роковые годы» (Venson, Vermont, 1987).

⁵⁴ Чудновский Григорий Исаакович (1890–1918). См. примеч. 9 к главе: Г. Алексинский. «Проходимцы и шпионы».

Боярский А. Ф. (А. Б.) — прапорщик, большевик; в Октябрьские дни 1917 г. информировал Ленина о политической и другой обстановке в 35-м корпусе 3-й армии. В ноябре 1917 г. — член Военно-революционного комитета (ВРК) 3-й армии; участвовал в ликвидации Ставки Верховного главнокомандующего Н. Н. Духонина, председатель ВРК при Ставке главноверха Н. В. Крыленко. В августе 1918 г. служил в оперативном отделе Наркомвоена по форми-

рованию «поезда Троцкого». Мандат на право реквизиции Боярским частных автомобилей в Москве подписал Ленин.

Губарский. Возможно, ошибка перевода. Известен Гусарский, комиссар, член Ревкома Юго-Западного фронта, сподвижник Г. И. Чудновского и В. А. Антонова-Овсеенко.

Пятаков Леонид Леонидович (1888–1917/18) — большевик с 1915 г., член ВУЦИК, участник гражданской войны на Украине.

⁵⁵ «Контрразведка при Ставке, № 201». — В английской редакции брошюры — № 20.

⁵⁶ Куль (Полярный) Ф. И. — комиссар по румынским военным и другим делам в январе 1918 г. Удостоверение комиссара подписал Ленин.

Раковский Х. Г. (1873–1941). См. примеч. 17 к главе: Г. Алексинский. «Проходимцы и шпионы».

Гнешин. Сведений не имеется.

Дурасов. Сведений не обнаружено. При написании фамилии возможна ошибка перевода с английского языка.

⁵⁷ Светлицкий. Сведений не имеется.

Тимофеев Г. — в дни Октябрьского переворота — комиссар Петроградского Военно-революционного комитета; по поручению Ленина организовал в ноябре 1917 г. непрерывную связь Торнео — Петроград (оперативная информация, «снабжение левой печатью» и др.).

⁵⁸ «...будет уплачено из наличности «Германского Нафте-Индустриал Банка...» — В английском написании: «German Naphtha-Industrial Bank».

⁵⁹ «...меры, принятые тов. Троцким и тов. Лазимировым по отношению к наблюдению за их, [дипломатов], деятельностью». — Правильно: Лазимир Павел Евгеньевич (1892–1920) — левый эсер, в дни Октябрьского переворота — член Петроградского Военно-революционного комитета. С ноября 1918 г. — член коллегии Министерства иностранных дел, член коллегии Наркомата по военным делам (Совет военной коммуны).

⁶⁰ Шиткевич М. Сведений не имеется.

⁶¹ Сандерс. Сведений не имеется.

⁶² Савельев. Сведений не имеется.

⁶³ «...наши финские товарищи Рахья, Пукка и Энрот сообщили Комиссару...»

Рахья Эйно Абрамович (1885–1936) — деятель российского и финского революционного движения; помогал Ленину скрыться от ареста в июле 1917 г., организовал его возвращение в Петроград в октябре. В январе—мае 1918 г. входил в тройку Главного командования Финской Красной гвардии. В 1919 г. участвовал в боях против Юденича.

Пукка Вайне — председатель ЦК компартии Финляндии, инициатор перевода на финский язык книги Ленина «Государство и революция».

Энрот. Биографическими сведениями не располагаем.

⁶⁴ «...князя Мачабели». — Встречаются разночтения: Мочабелли, Макабелли, Матчабелли и т. п. Уроженец Грузии, торговый темный делец, немецкий агент; в марте 1915 г. вместе со своим приятелем В. Д. Думбадзе (см. примеч. 65 наст. главы) совершил поездку в Стокгольм. Посредник в передаче секретной информации официальным германским представителям в Берлине, в частности, заместителю министра иностранных дел Германии Циммерману. По некоторым данным, встречался с советником германского посольства в Петрограде, организатором немецкой шпионской сети в России Люциусом фон Штетденом.

Имя Мачабели фигурирует в секретной переписке МИД Германии (см. документ № 12 в сборнике «Германия и революция в России...»).

⁶⁵ Выяснение лиц, сотрудничавших с немецко-большевистской разведкой, требует специального исследования. В данном случае среди других известны:

Довбор-Мусницкий Юзеф (Иосиф Романович) (1867–1937) — русско-польский военный деятель, генерал-лейтенант (1917); командовал сформированным в Белоруссии 1-м польским корпусом легионеров. В конце января 1918 г. поднял мятеж против Советской власти (см. документ № 40). Главнокомандующий Великопольской армией до начала 1919 г.

Думбадзе Василий Давидович — уроженец Грузии, дворянин, племянник градоначальника г. Ялты; в 1914–1915 гг. занимался поставками по военному ведомству; находился в приятельских отношениях с военным министром и крупнейшим немецким агентом В. А. Сухомлиновым (в апреле 1916 г. арестован, в сентябре 1917 г. приговорен к пожизненной каторге, в мае 1918 г. освобожден по амнистии, бежал в Германию). Летом 1915 г. В. Д. Думбадзе с помощью родственника жены В. А. Сухомлинова и при посредничестве Мачабели передал в Берлин секретный «Перечень важнейших мероприятий военного ведомства с 1909 г. по 20 февраля 1914 г.». Вместе с инженером Н. М. Гошкевичем, полковником В. Г. Ивановым и кандидатом прав М. И. Веллером и др. арестован по известному делу сотрудника военного ведомства и немецкого шпиона полковника С. Н. Мясоедова (повешен 19 марта 1915 г.). Осужден, с июля 1917 г. находился в заключении, привлекался по делу В. А. Сухомлинова (см.: Речь. 1917. 16 июля, № 65). Очевидно, был освобожден после Октябрьского переворота и действовал в качестве немецко-большевистского агента. Сведениями о дальнейшей судьбе В. Д. Думбадзе не располагаем.

⁶⁶ «*Старший офицер Петр Миронов*». — В русском варианте брошюры «Немецко-большевистская конспирация» значится «Петр Миронович».

⁶⁷ В русском варианте брошюры документ № 40 датирован 10 января 1918 г. В английском — 19 января 1918 г. Разночтения, очевидно, происходят из внешне близкого графического написания цифр.

⁶⁸ Жук Петр — поручик (?), большевик, член группы социал-демократической партии Польши и Литвы в Ростове-на-Дону (секретарь местной польской организации Филиппович, прапорщик Орешко, рабочий Гаспарский и др.). Хорошо его знавший М. Эков писал о нем: «...парень бандитской складки, невыдержанный, со множеством нацеленных бомб у пояса...» (Октябрь 1917 г.: Сборник статей и воспоминаний. «Донское отделение». 1921. С. 25). Начальник штаба ростовской Красной гвардии и один из руководителей «красного террора» в гсроде в ноябре 1917 г. Арестован 3 декабря 1917 г. после занятия Ростова отрядами А. М. Каледина, заключен в тюрьму. 10 февраля 1918 г., после поражения калединцев, освобожден, возглавил местный Военно-революционный комитет. Автор тенденциозно-сомнительных воспоминаний. См.: Калединщина на Дону // Пролетарская революция на Дону. Сб. 4-й. М.—Л., 1924.

⁶⁹ Мехоношин К. А. См. примеч. 18 к наст. главе.

⁷⁰ Предположительно: Жилинский С. Н. — кандидат от социал-демократов-интернационалистов в члены Президиума ВЦИК, избранного на II съезде Советов (ноябрь 1917 г.).

⁷¹ «...были вызваны агенты <...> Роман Стриевский... Михаил Адамович». — Известен Стриевский Константин Константинович (1885–1938), рядовой в годы мировой войны, председатель большевистского батальонного комитета. В дни Октябрьского переворота член военной секции Петросовета, петроградский комиссар продовольствия в ноябре 1918 г. Ленин в октябре 1919 г. подписал ему удостоверение заместителя председателя Особой продовольственной комиссии Юго-Восточного фронта. Входил в состав ЦК РКП(б).

Адамович Михаил. Предположительно: Адамович Михаил Прохорович (Порфирьевич) — родился в 1881 г. в Екатеринодарской губернии, сын титулярного советника; социал-демократ (кличка «Карл»), участник конференции членов РСДРП в Вене в августе 1912 г. (под председательством Л. Троцкого).

⁷² Подвойский Н. И. (1880–1948) — известный партийный и военный деятель.

Кедров М. С. (1878–1941) — известный партийный, военный деятель, чекист.

Борецкий–Урицкий М. С. (1873–1918) — известный партийный деятель, чекист.

Дыбенко П. Е. (1889–1938) — известный партийный и военный деятель.

Ковальский В. В., партийный и военный деятель. По рекомендации П. Е. Дыбенко, ему на заседании Совнаркома (20–21 января 1918 г.) было разрешено получить золотые монеты из сейфа. Этот непонятный из текста письма многозначительный факт, дата сощещания наркомвоеннов (22 января) и другие данные говорят в пользу достоверности документа № 41.

⁷³ «Секретарь Ив. Алексеев». — В русском варианте брошюры это лицо отсутствует. Приводится по изданию на английском языке.

⁷⁴ Алексеев М. В. — генерал, возглавлял белогвардейскую Добровольческую армию.

⁷⁵ Каледин А. М. — генерал, руководитель (октябрь 1917–январь 1918 годов) казачье-го сопротивления на Дону.

⁷⁶ Шпилько. Биографическими данными не располагаем.

⁷⁷ Антонов–Овсеенко В. А. (Дальницкий). См. ранее.

⁷⁸ Берзин Рейнгольд Иосифович — прапорщик, в ноябре 1917 г. — председатель Военно–революционного комитета 2–й армии, участник ликвидации Ставки (Могилев) Верховного главнокомандующего генерала Н. Н. Духонина, комиссар ВРК (с 22 ноября 1917 г.) при Ставке главноверха Н. В. Крыленко.

⁷⁹ «В Киев отправляются нанятые в Гельсингфорсе С. Смирнов и Ригсман...» — Личности не установлены.

Тайные депеши из архивов МИД Германии Германия и революция в России 1915–1918

Документы из архивов Министерства иностранных дел Германии.

Издательство Оксфордского университета. Нью-Йорк–Торснто. Лондон, 1958. Под редакцией З. А. Б. Земана.

Источник: Z. A. B. Zeman (ed.). Germany and the Revolution in Russia. 1915–1918. Documents from the Archives of the German Foreign Ministry. London, 1958.

Перевод с английского; редакция В. И. Кузнецова.

В связи с ограниченным объемом нашей книги и ее тематической направленностью сборник под редакцией З. А. Б. Земана печатается в сокращении.

В своей вступительной статье господин Земан благодарит за помощь в работе историка Георгия Каткова и переводчика с немецкого Диттера Певзнера, а также всех, кто облегчил ему большой и изнурительный труд.

Ниже приводим фрагмент «Введения» к сборнику, в котором даются необходимые для исследователей технические и методические пояснения.

«Редактор попытался дать адекватный перевод немецкого оригинала. За одним исключением (см. документ № 125 и сноску к нему) здесь дан полный текст документов. То, что не относится к оригинальному тексту, заключено в квадратных скобках.

Все комментарии по содержанию текстов документов представлены в примечаниях вслед за ними.

Редактор позволил себе обычные рабочие сноски и скобки опустить. Сюда относятся ссылки на другие документы, которые не дают ничего нового. Редактор стремился проследить ссылки на другие документы и менее известные имена, появляющиеся на страницах; он также попытался сделать примечания и дать сноски, которые только поясняют, но не содержат комментариев или предположений.

Читатели, которых заинтересуют немецкие оригиналы или темы, затронутые в данной публикации, могут обратиться к соответствующим микрофильмам в архивном ведомстве в Лондоне.

Кроме большей части коллекции документов дипломатических миссий, некоторые части документов Главной штаб-квартиры и относящихся к этой же теме Nachlasse, надеемся, все напечатанные здесь документы перенесены на пленку. У редактора была редкая возможность работать с оригиналами, скопированными в разных университетах и в других учреждениях для частных лиц.

Документы, перенесенные на пленку официально, имеют штамп, серию и номер единицы хранения. Так как этот материал был изготовлен различными способами, редактор решил не делать на них ссылок.

Архивных ссылок на используемые здесь первоисточники достаточно, чтобы определить местонахождение каждого документа не только в оригиналах, но и в копиях. Так называемый «номер дела» — Aktenzeichen (например, WK 2 sekr., или «Russland», NR 51) и номер тома являются самыми важными указателями местонахождения документа. Кроме того, даются номера журнала (с предшествующими буквами A или AS), указывающие местоположение документа в соответствующей подборке материалов. Так как немецкие архивариусы используют пометку «Zu» («К делу»), не каждый документ обозначен отдельным журнальным номером. Иногда два и более документа содержат один и тот же номер или сверх того: это указывает, что текст этого документа связан с другими — это либо продолжение информации, либо ответ на запрос. Здесь приводится только первый номер журнала (в случае если документ имеет более одного цифрового обозначения). Кроме номеров журнала, приводятся данные о поступающих и отправляемых телеграммах и сообщениях — как еще одно вспомогательное средство в поисках документа в определенном собрании».

¹ Статс-секретарь ответил на эту телеграмму 10 января: «Пожалуйста, примите д-ра Гельфанда в Берлине. Ягов». В тот же день телеграмму из МИДа переслали в Вену (№ 142), Константинополь (№ 68) и Бухарест (№ 37) с просьбой к этим миссиям и д-ру Циммерману держать связь Гельфанда с делом Батсариаса в секрете (А 1110 в WK 2 С сек., т. 3).

² Курт Ризлер [Рицлер] родился в 1882 г. В мае 1913 г. Ризлер становится постоянным помощником в МИДе. В августе 1914 он был прикомандирован к Главной штаб-квартире в помощь кайзеру. В январе 1915 г. — переведен в имперский суд. В сентябре 1917 г. он едет в миссию в Стокгольм в качестве советника для работы вновь созданного там Русского отдела. В апреле 1918 г. его отзывают в Берлин, и в тот же месяц он уезжает работать с графом Мирбахом, посланником в Москве. После убийства Мирбаха в июле Ризлер выполняет его миссию в посольстве до отъезда в Берлин в конце августа 1918 г.

³ Гельфанд направил свой меморандум о революции в России в МИД примерно в начале марта (см. приложение к главе: *С. Александров*. Немецкий агент Парвус). 6 марта 1915 г. Циммерман обратился к Друзу, помощнику статс-секретаря Министерства внутренних дел, с просьбой снять все ограничения с права передвижения Гельфанда по территории Германии, которые обычно налагаются на русских подданных, и обеспечить его специальным паспортом для поездок в нейтральные страны (А 8268 в WK 2 С сек., т. 5). День спустя Циммерман обратился к министру финансов с просьбой выделить два миллиона марок для ведения революционной пропаганды в России (AS 919, WK 2 с сек., т. 5). Эта просьба была удовлетворена 11 марта 1915 г. (WK 2 С сек., т. 6).

⁴ Просьба была удовлетворена 9 июля 1915 г. См.: AS 3632 в WK 2 С сек., т. 7.

⁵ Гельфанд считал, что курс рубля можно подорвать в России и за границей определенными мерами Министерства финансов Германии. См. сообщение № 463 (см. в WK 2 С сек., т. 10).

⁶ Здесь приводится лишь одно письмо от Кескюлы Штейнваксу. Немецкий перевод обеих рукописей можно найти в той же папке: WK 2 С сек., т. 11.

⁷ Т. е. Штейнвакс, который был агентом Главной штаб-квартиры. Кроме политической деятельности в области сепаратизма и революционного движения в России, он имел еще и деловые (промышленные) интересы в Швеции. Он работал независимо от Гельфанда, но контактировал с ним, начиная с лета 1915 г. В своем запросе Адмиралтейству об издании революционной пропагандистской литературы для России Циммерман в июне 1915 г. писал: «Ответственным за сочинение пропагандистской литературы является Штейнвакс. (А 17293 в WK II С сек., т. 7). Летом 1916 г. Штейнвакс был отправлен со специальной миссией в Румынию. Затем его зимой 1916 г. послали в Стокгольм в распоряжение Немецкой миссии. Весной 1918 г. шведская и датская полиции заинтересовались деятельностью немецких агентов на их территории. Рондорф, один из помощников Штейнвакса, был депортирован, квартиры Гельфанда в Стокгольме и Копенгагене обысканы, и в мае 1918 г. Хюльзен, глава Политического отдела Генерального штаба, отозвал Штейнвакса и его помощников (графа Адельмана, Бухгольца, Аппенрота и Штроса) из Стокгольма. В конце войны Штейнвакс вел антишведскую пропаганду из Финляндии.

⁸ Вероятно, это был барон Лангверт фон Зиммерн в МИДе.

⁹ 1 февраля Кескюла отправил еще одно длинное письмо Штейнваксу (посольство в Берне, папка «Кескюла»). Он жаловался на осложнения, которые последовали за попыткой

Гельфанда встретиться с Бухариным в конце января 1915 г. Бухарин, очевидно, отказался от встречи. В то же время настороженные русские эмигранты начали подозревать Кескюлу. Но ко времени отправки письма все последствия уже были устранены. Он писал: «Насколько беспомощны эти русские в том, что касается целенаправленной организации, доказывает тот факт, что Бухарин обличал меня, собирая обо мне информацию; целый день бегал по городу в поисках моего адреса, а ночью не мог спать. В то же время прилагаемая статья была напечатана за мой счет; Бухарин об этом не знал, но был доволен».

Статья Бухарина была озаглавлена «Война и рабочий класс». Кескюла считал необходимым распространять ее среди широких масс и рекомендовал Штейнваку напечатать ее большим тиражом на рисовой бумаге. Издание на обычной бумаге предназначалось для распространения среди революционеров за границей; большая часть первой партии издания на рисовой бумаге, согласно заявлению Кескюлы, была безопасно переправлена через финскую границу. Кескюла также сообщил, что его агент с надежными связями и рекомендациями прибыл в Петроград. Он с удивлением сообщает, что этот агент имел рекомендательное письмо от Бухарина для г-жи Бухариной. В своем письме Кескюла делит свою работу на три периода: 1) работа среди эмигрантов в Швейцарии; 2) работа в Стокгольме, русском «аванпосте»; 3) прямая связь с Россией. Отправляя агента в Петроград, он приступил к выполнению третьей фазы своей деятельности.

¹⁰ Псевдоним «Кескюля» («Кескула»).

¹¹ 30 августа статс-секретарь одобрил выплату 25 000 франков, но оставил за собой право решения вопроса о дальнейшей связи с Цивиным (телеграмма № 599 в WK 2 С секр., т. 15). До января 1917 г., когда Цивин поехал в Норвегию через Германию, он получил еще три суммы, каждая по 25 000 франков. 19 февраля он вернулся в Берн.

Его просьба о получении еще 30 000 франков была отклонена статс-секретарем 6 марта (телеграмма № 271). 17 марта Циммерман изменил решение и одобрил выплату, пообещав еще три взноса по 5 тыс. франков. Документы о связи Цивина с посланником в Берне — в последующих томах WK 2 С секр., cf. документ № 56, сноски 1.

Примечание редактора. Между сентябрем 1916 г. и мартом 1917 г. МИД продолжал регулярно получать сообщения о ситуации в России и поддерживал различные сепаратистские движения, особенно финское и украинское. Но основным свидетельством постоянного интереса МИДа к революции в России остаются сообщения Ромберга о его контактах с социал-революционером Цивиним.

Какими бы ни были надежды имперского правительства на заключение сепаратного мира с существующим режимом в России летом—осенью 1916 г., Германия сама подписала себе смертный приговор, издав Манифест от 6 ноября о будущем оккупированных территорий в Польше. Никакое русское правительство, кроме революционного, не могло подписать мирный договор с врагом, который объявил о намерении захватить огромную часть территории на западных границах России.

В то же время в ноябре 1916 г. Циммерман отстранил Ягова от руководства германской внешней политикой. Он занимал должность статс-секретаря (с двумя помощниками, Буше [Буше] и Штуммом) до тех пор, пока не был заменен Кюльманом в августе 1917 г.

Первое сообщение о Февральской революции достигло Вильгельмштрассе 23 февраля. Люциус сообщил из Стокгольма: «От видного политического деятеля, только что при-

бывшего из Петрограда, я узнал, что там готовятся крупные внутривнутриполитические изменения. События, чреватые самыми серьезными последствиями, ожидаются в этом месяце». (AS 791 в WK 2 C secg., т. 19).

1 апреля 1917 года МИД испрашивает у казначейства очередные 5 миллионов марок для политических целей в России. Согласие дано 3 апреля (AS 1091 и AS 1295 в WK 2 C secg., т. 19). Поскольку сумма велика, граф Редерн, новый министр финансов, запросил у МИДа объяснения относительно целей, на которые эти средства должны использоваться. Ввиду чрезвычайной секретности, вопрос обсуждался устно между двумя министерствами.

С весны 1915 г. по осень 1916 г. политика поддержки революции в России была в значительной степени вопросом административной процедуры для МИДа. В то же время возможности для заключения сепаратного мира между Россией и Германией изучались консервативными политиками, промышленниками и членами аристократических семей обеих сторон.

Вторая русская революция резко изменила обстановку в России. После февральских событий Германии приходилось иметь дело с революционным правительством; немцам приходилось проводить различие между революционерами, которые стремились к сепаратному миру, и теми, кто хотел продолжать бороться против центральных держав на стороне Антанты. Варбурги и колышко, стиннесы и бебутовы исчезли из виду. Их место заняли социал-демократы и несколько членов других партий большинства в Рейхстаге. Социал-демократы, помня о наследии I Интернационала и видя, что царский режим (для них — оплот европейской реакции) исчез, снова и снова предпринимали нескоординированные попытки договориться с русскими революционерами, часто через голову собственного правительства. Они хотели приписать себе славу заключения если не всеобщего, хотя бы сепаратного мира. Немецкое правительство, само нуждаясь в сепаратном мире, для того чтобы свести войну к кампании на одном фронте, вынуждено было часто вмешиваться, чтобы сдерживать столь похвальную, но неофициальную деятельность.

¹² Военное паспортное ведомство.

¹³ Секретарь миссии Ганс-Гартман фон Ов-Вахендорф.

¹⁴ См. документ № 19.

¹⁵ Ов-Вахендорф.

¹⁶ См. документ № 27.

¹⁷ См. документ № 33.

¹⁸ Ответ: «Телеграмма № 260, Берлин, 10 апреля. Русские эмигранты придут из Швейцарии в Засниц в среду, в полдень. Циммерман». (WK 2 secg., т. 32). В предисловии к книге Платтена «Проезд Ленина через Германию», Берлин, 1924. С. 66, Радек пишет: «В Стокгольме Парвус хотел встретиться с Лениным от имени ЦК Германской социал-демократической партии. Ильич не только отказался видеть его, но попросил меня, Воровского и Ганецкого вместе со шведскими товарищами засвидетельствовать это». Радек и Ганецкий были двумя самыми близкими доверенными лицами Гельфанда среди большевиков.

¹⁹ Мюллер был депутатом от Мюнхена в социал-демократической партии; он был также другом Гельфанда. Вскоре после войны Мюллер стал посланником Германии в Берне.

²⁰ Документ № 38.

²¹ Статс-секретарь — Посланнику в Копенгагене, телеграмма № 250. Берлин, 6 апреля 1917 г.: «Благодарю за письмо (документ № 23). К сожалению, Гельфанд уехал до того, как я смог с ним встретиться. Циммерман» (WK 2 секр., т. 32).

²² Заметка на полях: «Д-р Гельфанд получил письмо с приглашением».

²³ Ответ Бергена: телеграмма № 569, Берлин, 12 мая. В ответ на личное письмо Шуберта: «У меня нет с ними контактов. Берген. Буше» (WK 2 секр., т. 36)

²⁴ Телеграмма № 967 от 1 июня 1917 г.: «Итальянский агент в миссии в Берне желал бы знать, оправдана ли надежда стран Антанты на Россию» (WS 2198 в WK 2 секр., т. 39).

²⁵ Газета «Русские корреспонденции "Правды"» издавалась в Стокгольме по-немецки Я. Ганецким.

²⁶ Один из агентов Эрцбергера в Скандинавии. В мемуарах Эрцбергера «Erlebnisse im Weltkrieg» (Штуттгарт; Берлин, 1920) упоминание о нем отсутствует.

²⁷ Есть два ответа на эту телеграмму («Russland», № 61, № 1 секр., т. 6). Первая телеграмма за № 1455 от 1 октября (AS 3715) от Грюнау касается только Аландских островов и сообщает точку зрения Людендорфа, что пока об оккупации островов не может быть речи. Людендорф считает, что разминирование заняло бы слишком много времени и отвлекло бы большую часть флота. Во второй телеграмме за № 1493 от 6 октября (AS 3761) Людендорф отдает должное подрывной деятельности МИДа и Политического отдела Генштаба в России и выражает признательность за финансирование этой акции, особенно в Финляндии. Он признает большое политическое значение оккупации Аландских островов для Германии, но это можно было бы осуществить только в том случае, если бы немецкие линии коммуникаций проходили через Швецию.

²⁸ То есть речь идет о заявлениях, касающихся дружественного взаимопонимания с Россией.

²⁹ Сумма в 15 миллионов марок была выделена Министерством финансов 10 ноября 1917 г. (AS 4209 в WK 2 С секр., т. 23).

³⁰ Это письмо было одним из двух приложений, пересланных рейхсканцлером Хертлингом Кюльману 12 ноября. Хертлинг был в это время в Мюнхене, и письмо Чернина ему вручил Тун, австро-венгерский посланник в Мюнхене. Хертлинг выразил свое согласие с аргументами Чернина в принципе, но оставил за собой право высказать дальнейшее свое отношение более определенно. Он запросил Кюльмана о его предложениях.

³¹ См. документ № 72.

³² AS 4092 в WK 2 секр., т. 51. Телеграмма, рекомендующая планы Цивина.

³³ Левенштейн, друг Цивина, социал-революционер, которого Цивин познакомил с немецким посланником в Берлине.

³⁴ Ромберг 23 октября 1919 г. (AS 4023 в WK 2 секр., т. 51) сообщил о слухах в русских кругах в Швейцарии, что Цивин сидел в тюрьме по обвинению в государственной измене. У Временного правительства оказались доказательства связей Цивина с центральными державами.

³⁵ Псевдоним Левенштейна.

³⁶ В немецком оригинале фамилия «Воровский» пишется — «Орловский».

³⁷ См. документ № 77.

³⁸ Нассе в то время был в Берлине.

³⁹ Воровский, вероятно, ссылается на заключение мира между Россией и Германией.

⁴⁰ В 1915 г. Буше был немецким посланником в Бухаресте. Он провел там много времени, возглавляя Румынскую социалистическую партию и редактируя ее ежедневную газету. 13 января 1915 г. Буше телеграфировал в МИД (телеграмма № 49, AS 161, в «Deutschland», № 128, № 2 секр., т. 20): «Румынские социалисты, чей лидер Раковский имеет тесные связи с итальянскими социалистами, хотят возобновить в прессе и на общественных митингах активную агитацию против вступления Румынии в войну с центральными державами.

Я собираюсь деликатно снабдить их деньгами, что не удалось Зюдекуму. Я считаю этот вопрос важным и прошу Вас одобрить сумму в 100 000 лей для этих целей. Мне нужен ответ до пятницы утром. Буше». Через день статс-секретарь телеграфировал в Бухарест свое согласие.

Гельфанд в то время был там, на пути из Константинополя в Вену. По всей вероятности, он действовал как посредник между Буше и Раковским.

14 января Буше писал Циммерману, вложив несколько сообщений, среди них одно от Гельфанда, который писал: «Кроме Батсариаса, я разговаривал с Кристо Раковским, чья активная позиция за мир хорошо известна. Он также считает, что вскоре можно ожидать объявления Румынией войны центральным державам» (AS 209 в «Deutschland», № 128, № 2 секр., т. 20).

Позже, в течение года, Буше сообщал из Бухареста, что 4 июля состоялась демонстрация социалистов за мир, на которой главным оратором был Раковский.

Буше поясняет в своем сообщении, что «демонстрация была поддержана мной и австро-венгерским посланником» (A 20932 в «Deutschland», № 128, № 2 секр., т. 35). В конце 1916 г., после вступления Румынии в войну на стороне союзников, Раковский был арестован румынскими властями за ведение антивоенной пропаганды.

В этой связи интересно отметить, что на московском суде было сделано заявление о деятельности Раковского в 1915 г. (Материалы судебных протоколов в деле «антисоветского блока правых и троцкистов», Москва, 1938, с. 300–301).

В 1924 году Амстронг использовал письмо, датированное 1915 годом, в котором обвинял Раковского в службе на британскую разведку. Вот дословно беседа на суде Вышинского и Раковского:

В: Для кого предназначено это письмо?

Р: Оно написано в Германию, но не было адреса.

В: Письмо было в Германию?

Р: Из содержания письма ясно, что оно предназначено правительству Германии.

В: Для немецкой разведки?

Р: Возможно.

В: Что было в письме?

Р: В письме говорилось примерно следующее: «Я прилагаю список румынских коммерческих фирм и редакций, которые нужно перетянуть на сторону Германии, чтобы втянуть саму Румынию в войну на стороне Германии».

В: В чем смысл содержания такого письма?

Р: Он состоит в том, что существовала связь между мною и немецкой разведкой, немецким правительством или некоторыми немецкими организациями.

В: И вы помогли вовлечению румынских граждан на румынской территории в помощь Германии?

Р: Да.

В румынских папках, посвященных немецкому МИДу, есть списки фирм и газет, которые нужно было подчинить немецкому влиянию. Эти папки достались от Розелиуса, бременского купца, активного в то время на Балканах. Ни один документ не имеет подписи Раковского. Как Раковский и Вышинский узнали о них — загадка.

⁴¹ Документ № 89.

⁴² Заметка на полях Кюльмана: «Этому пора положить конец».

⁴³ Согласно немецким источникам, Колышко в течение 15 лет был личным секретарем Витте. В июне 1915 года он приехал в Стокгольм с американцем по имени Пассуэл, который представил Колышко немецкому посланнику в Швеции. Колышко выразил готовность вести в «Русском слове» кампанию за заключение сепаратного мира с Германией. Ранцау, из Копенгагена, рекомендовал отнестись к Колышко и его планам сдержанно и с осторожностью.

В июле 1916 года Колышко снова появился в Стокгольме, на этот раз в сопровождении князя Бебутова. Контакты с ними имел представитель МИД Бокельман, и в ходе переговоров выяснилось, что оба русских считают крайне желательным создание издательства, которое могло бы стать центром пронемецкой пропаганды. Варбург, представитель семейства гамбургских банкиров, нашел этот проект не только осуществимым, но и способным принести финансовую выгоду.

Промышленник Гуго Стиннес также интересовался переговорами Бокельмана с русскими, но к задуманному предприятию в его начальной стадии отнесся враждебно. Ему хотелось бы играть ведущую роль, но Люциус(фон Штеттен), немецкий посланник в Стокгольме, настаивал, что Бокельман, с его уже налаженными связями в русских политических кругах, является более подходящим лицом для ведения переговоров, нежели Тренк и Ферман, представители Стиннеса в Скандинавии.

12 августа 1917 года договоренность была наконец достигнута: Стиннес предоставил Бокельману заем в 2 миллиона рублей для финансирования издательства в России. Двумя днями позже статс-секретарь Ягов и Стиннес подписали в Берлине соглашение, согласно которому за МИДом оставалось право контролировать предприятие в том, что касается отношений между Германией и Россией.

Похоже, что часть средств, предназначавшихся для поощрения пронемецкой пацифистской кампании в русской печати, Колышко передал газете Максима Горького «Новая жизнь».

Ферман писал в одном из своих докладов для Стиннеса (AS 1800 в WK 2 секр., т. 36): Она («Новая жизнь») начала выходить только теперь (т. е. в мае 1917 г.), и следует предполагать, что наш друг с ней связан. Вероятно, он даст Горькому возможность проводить в газете чисто социал-демократическую линию, а за собой сохранит контроль над «Лучом».

До того как Колышко был арестован Временным правительством летом 1917 года, он успел еще раз побывать в Стокгольме и виделся с Эрцбергером. Документы по переговорам о сепаратном мире, в которых принимали участие Колышко, Бебутов, Протопопов,

Эрцбергер, Бокельман, Варбург и другие, можно найти в сериях WK 2 secr., т. 2. Представляют интерес материалы из «Фонда Ягова», содержащего личные бумаги бывшего статс-секретаря.

⁴⁴ Заметки на полях Кюльмана: «Бергену. Пожалуйста, набросайте ответ, который ничем бы нас не связывал».

⁴⁵ Слова «не может быть и речи о дальнейшей поддержке большевиков» в составленном Бергеном черновике телеграммы не были переданы. Копия этой телеграммы, как она была принята и расшифрована в Главной штаб-квартире, находится в WK Gr. Hauptquartier, № 31, т. 1. Редактор признателен г-ну Георгию Каткову, который дал разрешение на воспроизведение здесь его перевода этого и последующего документов. См. статью Каткова в «International Affairs», 1956. Т. 32. № 2.

⁴⁶ Сближение (*фр.*).

⁴⁷ Отклик помощника статс-секретаря: Берлин, 6 декабря 1917 г., телеграмма № 1416. «Ответ на телеграмму № 1949: Поездка желательна. Берген. Буше» (WK 2 С secr., т. 23).

⁴⁸ Это интервью Гольдмана с Гинденбургом и Людендорфом, опубликованное в воскресном номере «Neue freie Press» от 1 декабря 1917 г. Людендорф сказал Гольдману: «Я не считаю заявление большевиков предложением мира... Мы можем заключить договор о прекращении огня только в том случае, если будем уверены в его соблюдении... Если мне кто-нибудь скажет, что русская революция для нас — счастливый случай, я буду возражать: революция в России — это не случай, а естественный и неизбежный результат нашего ведения войны... Это и есть результат нашей победы».

⁴⁹ Кюльман замечает на полях: «Копию для Его Величества, без ссылки на источник, следует серьезно продумать». Копия доклада Цизе была отправлена Грюнау под № 85 («Russland» № 61, т. 137). См. также документ № 101.

⁵⁰ Эта телеграмма была отправлена 10 декабря 1917 г. под № 1684 (WK 2 secr., т. 53).

⁵¹ См. сноску 50.

⁵² В тот же день Буше отправил телеграмму № 1736 (AS 4929 в WK 2 secr., т. 54) посланнику в Стокгольм с просьбой обратиться к Гельфанду о его поездке в Копенгаген, а затем в Берлин.

⁵³ Пометка кайзера на полях: «Это не наше дело. Мировая война не выбирает стилей».

⁵⁴ Пометка кайзера: «Примечательная черта социалистического государства будущего».

⁵⁵ Пометка кайзера: «Она должна прийти извне».

⁵⁶ Пометка кайзера: «Либо Англия, либо Америка, либо мы. (Косвенно, через русских генералов)».

⁵⁷ Пометка кайзера на полях: «Японцы, китайцы, англичане!? Против него [Ленина] будет вся армия казаков!»

⁵⁸ Пометка кайзера: «Армия казаков это решит быстро».

⁵⁹ Пометка кайзера: «Он не сможет решить эти проблемы, так же, как и брестские. У него нет ни правительства, ни исполнителей».

⁶⁰ Пометка кайзера: «С ним покончено».

⁶¹ Советник МИДа.

⁶² Генерал Кресс возглавлял в то время Кавказскую экспедицию.

⁶³ Документ № 133.

⁶⁴ Неизвестно, дошли ли вообще эти деньги до Москвы. Точно лишь то, что до убийства Мирбаха 6 июля их там не было. 29 июня Буше телеграфировал в Москву (телеграмма № 205, AS 2761 в «Deutschland», № 131 secr., т. 18), чтобы узнать, каким образом, по мнению посланника, следует перевести в Москву эти деньги. Первый ответ пришел от Ризлера 10 июля. Он попросил к июлю положить 3 миллиона марок на счет Центральной комиссии Немецкого банка (A 29400 в «Deutschland», № 131 secr., т. 19). Второй ответ (телеграмма № 599, AS 3462, в том же томе) был отправлен Гельферихом 30 июля с просьбой предоставить эквивалентную сумму в рублях в распоряжение главных консульств в Москве и Петрограде. У Гельфериха, преемника Мирбаха, было мало времени на то, чтобы использовать эти деньги. Потрясенный убийством Мирбаха, Гельферих оставался в Москве всего 10 дней. За эти дни он лишь один раз рискнул выйти из здания посольства. И, наконец, уехал из Москвы.

СОДЕРЖАНИЕ

Виктор Кузнецов. Они предали Россию	5
■ По следам измены	59
Ленин, Ганецкий и К ^о — шпионы!	59
Кто разоблачил Ленина?	60
Государственная измена «Правды» доказана!	60
Предательница Суменсон арестована	61
Доклад Алексинского	61
Арест Шперберга	61
Разоблачение большевиков депутатом Гаазе	61
Дуэль министров из-за Ленина!!!	62
Арест Козловского	62
Побег Коллонтай	62
Нет худа без добра	62
Постановление об аресте Ленина и других	64
Показания прапорщика Ермоленко	64
Ликвидация гнезда большевиков	65
Нахамкес I и его сподвижники	66
Ленинцы и германские деньги	68
■ Прокурор обвиняет	69
Григорий Алексинский. Проходимцы и шпионы (Из воспоминаний)	74
Василий Панкратов. Большевистский путч	79
■ Керенский спасает Троцкого	91
Борис Никитин. Русская контрразведка в действии	93
Сергей Александров. Немецкий агент Парвус	109
Приложение	123
Секретный план. Меморандум д-ра Гельфанда (Парвуса)	125

Георгий Катков. Революция и германское вмешательство _____	137
Вступление _____	137
Планы сепаратного мира и реакция России _____	138
Ставка на революцию _____	143
Ленин, Гельфанд и Кескюла _____	145
Гельфанд в Копенгагене _____	151
Гельфанд и рабочие беспорядки в России _____	153
Кескюла _____	158
Политика Германии после февраля 1917 года _____	159
Возвращение Ленина _____	162
Каналы и источники _____	164
«Невероятная клевета» и еще более невероятные опровержения _____	167
Заключение _____	170
■ Следствие о государственном преступлении Ленина и К ⁹ _____	171
Прасковья Степанова. Немцы в Москве в 1918 г. (Из дневника) _____	193
Предисловие Сергея Мельгунова _____	193
1917 г. _____	194
1918 г. _____	195
■ Откровения кайзеровских генералов (Беседа с сотрудниками «Руля». Отрывок) _____	209
Не русский, а мировой вопрос _____	209
«Пломбированный вагон» и его последствия _____	210
Макс Гофман. Война упущенных возможностей (Отрывки из книги) _____	211
■ Ленин — немецкий платный агент _____	214
Признание немцев (От нашего берлинского корреспондента) _____	214
Разоблачения Людендорфа о Ленине и Троцком _____	217
Евгений Семенов. Белые разведчики в Смольном _____	219
Предисловие Павла Милюкова _____	219
Белые разведчики в Смольном _____	221
Мое Affidavit (показание) _____	222
История «кампании» документов _____	224
В Смольном _____	225
Радио, прямой провод и телеграммы _____	227
Достоверность документов _____	228
Отношение союзников к документам _____	230

Отношение американцев _____	231
Роль Эдгара Сиссона _____	232
Достоверность документов _____	233
Заключение _____	235
Немецко–большевистская переписка _____	239
Предисловие _____	239
Измена рабочему классу России _____	240
Протокол, подписанный лидерами _____	240
Доказательства совместной деятельности _____	241
Военные материалы во Владивостоке _____	242
Одобрение конспирации _____	243
Паспорта для немцев _____	243
Выступления в качестве немецких агентов _____	244
Германо–большевистская конспирация _____	245
Глава I. Основание конспирации _____	245
Глава II. Роль Рейхсбанка _____	254
Глава III. Немецко–большевистский заговор против союзников _____	262
Глава IV. Заговор о заключении позорного мира _____	271
Двойная игра на Украине _____	275
Глава V. Троцкий и Румыния _____	278
Глава VI. Полное подчинение _____	286
Глава VII. Разнообразная деятельность _____	289
Тайные депеши из архивов МИД Германии _____	293
Примечания _____	349

Директор издательства:

О. Л. Абышко

Главный редактор:

И. А. Савкин

Дизайн обложки:

А. В. Самойлова

Редактор:

Л. А. Абышко

Корректор:

С. Е. Парфенова

Оригинал-макет:

А. Б. Левкина

ИД № 04372 от 26. 03. 2001 г.

Издательство «Алетейя»:

193019, Санкт-Петербург, пр. Обуховской обороны, 13

Телефон издательства: (812) 567-2239

Факс: (812) 567-2253

E-mail: aletheia@spb.cityline.ru

Сдано в набор 17.01.2001. Подписано в печать 12.04.2001.

Формат 60, 88/16. 26 п. л. Тираж 2000 экз. Заказ № 3973

Отпечатано с готовых диапозитивов в Академической типографии

• Наука • РАН: 199034, Санкт-Петербург, 9 линия, д. 12

OCR - Давид Титиевский, март 2017 г., Хайфа

Printed in Russia

Отъ Военно-Революціоннаго Комитета при Петроградскомъ Советѣ
Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

Къ Гражданамъ Россіи

Временное Представительство имело право. Государ-
ственная власть перешла въ руки рабочихъ Петро-
градскаго Совета Рабочихъ и Солдатскихъ Депу-
татовъ, Военно-Революціоннаго Комитета, стоящихъ
во главѣ Петроградскаго гарнизона и гарионовъ.

Дѣло, за которое боролся и борется имманентно весь
ложный демократическій миръ, — дѣло государственной
собственности на землю, деревни, крестьянскія иму-
щества, — созданы: Учредительныя Представительства — дѣло
дѣло обезпечено.

ДА ЗДРАВСТВУЕТЪ РЕВОЛЮЦІОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО
И КРЕСТЬЯНЫ!

22 октября 1917 г. Ленин

Доклады о делахъ Россіи

ИЗВѢСТІЯ
Петроградскаго Военно-Революціоннаго Комитета
и Центральной Военно-Революціонной Комиссіи
Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ
22 октября 1917 г.
ДѢЛЕТЬ О ЗЕМЛѢ

ИЗВѢСТІЯ
Петроградскаго Военно-Революціоннаго Комитета
и Центральной Военно-Революціонной Комиссіи
Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ
22 октября 1917 г.
Докладъ о мирѣ,
состоявшемся въ послѣдніе дни
революціи (Ленин, Троцкий, Рабочіе,
Солдаты и Крестьяне) Доклады
22 октября 1917 г.

43071

Тайна Октябрьскаго переворота. Ленин

69

04.10.01

В.И. Ленин